



РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

Том II

Книга I

**СИНОДАЛЬНЫЙ ХОР
И УЧИЛИЩЕ
ЦЕРКОВНОГО ПЕНИЯ**

ИССЛЕДОВАНИЯ

ДОКУМЕНТЫ

ПЕРИОДИКА



А. Х. Кольб (1829—1887). Интерьер Большого Успенского собора. *Акварель*



ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЗНАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ М. И. ГЛИНКИ

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

Том II

Книга 1

СИНОДАЛЬНЫЙ ХОР
И УЧИЛИЩЕ ЦЕРКОВНОГО ПЕНИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ДОКУМЕНТЫ
ПЕРИОДИКА

Составление, вступительные статьи и комментарии:

С. Г. Зверева

А. А. Наумов

М. П. Рахманова



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2002

- Р 89 Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. II. Синодальный хор и училище церковного пения: Исследования, Документы. Периодика. Кн. 1 / Гос. ин-т искусствознания; Гос. центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки; Сост., вступит. ст. и коммент. С. Г. Зверевой, А. А. Наумова, М. П. Рахмановой. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 680 с. — (Язык. Семиотика. Культура.)

ISBN 5-94457-076-8

Освещение историк Синодального хора и Синодального училища церковного пения в рамках серии «Русская духовная музыка в документах и материалах» с самого начала задумывалось составителями в двух томах.

В первый том, вышедший в 1998 году, были включены литературные источники — дневники, воспоминания, письма, Статьи мемуарного характера, принадлежащие тем, кто имел непосредственное отношение к Синодальному училищу и хору в его реформенный и пореформенный период (1880—1910-е). Во второй том входят материалы иного типа — классические исследования по истории училища и хора, весьма богатая тематически подборка архивных документов, отклики в печати на некоторые важные события в жизни обоих учреждений, источники, освещающие богослужебную деятельность Синодального хора, а также впервые составленный список его концертных программ за более чем три четверти века и свод рецензий на выступления хора. Завершает том публикация учебных программ Синодального училища и последнего по времени его устава.

Ввиду очень большого объема материалов том был поделен на две книги: в первую книгу вошли исторические и архивные материалы; во вторую книгу — своды концертных программ и рецензий, подборка статей о деятельности Синодального училища и хора на протяжении примерно столетия, а также учебные программы училища и уставы хора. В конце второй книги помещаются справочные материалы ко всему тому: списки регентов Синодального хора, преподавателей и выпускников училища и аннотированный именной указатель.

ББК 85.318

Содержание

Вступительная статья.....	7
---------------------------	---

I. Исследования

Вступительная статья.....	17
<i>Д. В. Разумовский.</i> Патриаршие певчие дьяки и поддьяки	24
<i>Приложение: [Феодор Константинов].</i>	
Выходы патриаршие. Фрагменты (1667—1668, 1674).....	44
<i>В. М. Металлов.</i> Синодальные, бывшие патриаршие певчие	51
<i>В. М. Металлов.</i> Синодальное училище церковного пения в его прошлом и настоящем.....	99
<i>С. В. Смоленский.</i> Обзор Исторических концертов Синодального училища церковного пения в 1895 году.....	197
<i>С. В. Смоленский.</i> О собрании русских древнепевческих рукописей в Московском Синодальном училище церковного пения.....	218

II. Архивные документы

Вступительная статья.....	261
<i>Список публикуемых документов</i>	293
Архивные документы (1886—1918).....	304

III. Богослужбная деятельность

Вступительная статья: Успенский собор и Синодальный хор	569
[<i>В. С. Марков.</i>] Извлечение из устава московского верхового Большого Успенского собора с предисловием и с показанием, в какие дни положено быть в нем патриаршим и архиерейским служениям по древнему патриаршему чину	579
<i>А. Н. Муравьев.</i> Пасха в Кремле.....	610

<i>А. Н. Муравьев. Большой Кремлевский ход в память освобождения Москвы от галлов</i>	<i>627</i>
<i>Приложение I: В какие часы которого дня чрез весь год к вечерням, утреням, всенощным, литургиям и часам благовест производится</i>	<i>632</i>
<i>Приложение II: Чин мироварения</i>	<i>634</i>
<i>Календарь служб Синодального хора (1856—1857)</i>	<i>641</i>
<i>Приложение I: Указание дней, в которые богослужения в Успенском соборе совершаются с полиелеем или со всенощным бдением и в которые должны петь вместо братии синодальные певчие</i>	<i>674</i>
<i>Приложение II: Из репертуара Синодального хора 1850-х годов</i>	<i>678</i>

Вступительная статья

Как уже упоминалось во вступлении к первому тому серии «Русская духовная музыка в документах и материалах», освещение истории Синодального хора и Синодального училища церковного пения с самого начала задумывалось составителями в двух томах.

В первый том, вышедший в 1998 году, были включены литературные источники — дневники, воспоминания, письма, статьи мемуарного характера, принадлежащие тем, кто имел непосредственное отношение к Синодальному хору и училищу в их пореформенный период (1886—1910-е)*. Эти материалы были сгруппированы в основном по персоналии, с тем, чтобы многогранно представить главных лиц — директоров и регентов, педагогов и воспитателей, учеников училища, певчих Синодального хора, а также клир Успенского собора Московского Кремля.

Во второй том входят материалы иного типа — классические исследования по истории хора и училища, весьма богатая тематически подборка архивных документов, отклики в печати на некоторые важные события в жизни обоих учреждений, источники, освещающие богослужebную деятельность Синодального хора, а также впервые составленный список его концертных программ за более чем три четверти века и свод рецензий на выступления хора. Завершает том публикация учебных программ Синодального училища и последнего по времени проекта его устава.

Таким образом, если в первом томе Синодальное училище и Синодальный хор представлены как бы «изнутри», голосами самих «синодалов», то во втором томе история предстает в документах и материалах не только причастных к училищу и хору лиц, но и многих других людей — ученых, журналистов, чиновников, духовенства, меценатов и т. д.

Как и в первом томе, внимание составителей в большой мере сосредоточено на документах 1886—1918 годов, когда Синодальный хор вступил в

* Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. 1. Воспоминания. Дневники. Письма / Сост., вступит. ст., коммент. С. Г. Зверевой, А. А. Наумова, М. П. Рахмановой. М., 1998. В этой же серии опубликована монография: Зверева С. Г. Александр Кастальский: Идеи, творчество, судьба. М., 1999.

пору расцвета, а Синодальное училище было реформировано из низшего в среднее, а затем и в высшее учебное заведение. Однако, в отличие от первого тома, в ряде разделов достаточно широко освещаются и более ранние периоды их истории.

Напомним, что Синодальный хор, ведущий свое родословие от митрополичьих и патриарших певчих дьяков, располагает наиболее старым генеалогическим деревом. С патриаршими певчими дьяками связана деятельность знаменитых роспевщиков; с Синодальным хором сотрудничали композиторы, положившие начало Новому направлению в русской духовной музыке. Что же касается возникшего в XIX столетии при хоре училища для малолетних певчих, то в начале XX века оно фактически стало первым и единственным в России высшим церковно-певческим учебным заведением.

Исключительно богатая и длительная история Патриаршего (Синодального) хора нашла отражение в тысячах архивных документов различных учреждений, относящихся к 1620—1910-м годам. Достаточно полно сохранился и архив Синодального училища, а также коллекция русских древнепевческих рукописей, которая составлялась в училище в 1890—1910-е годы и в настоящее время является самым большим в мире собранием подобного рода. Многие первоисточники, связанные с Патриаршим (Синодальным) хором, легли в основу таких фундаментальных трудов, как очерки Д. В. Разумовского «Патриаршие певчие дьяки и поддьяки» (1867) и В. М. Металлова «Синодальные, бывшие патриаршие певчие» (1898—1901), где излагается история хора начиная с древности и кончая серединой XIX столетия. К ним примыкает очерк В. М. Металлова «Синодальное училище церковного пения в его прошлом и настоящем» (1911), основанный главным образом на документах Синодального училища. Переизданием этого триптиха классических текстов, сыгравших большую роль в приобщении нескольких поколений наших соотечественников к историческому прошлому русской духовной музыки и не утративших своего значения до сих пор, открывается настоящий том (см. раздел «Исследования»). В качестве приложения к статье Д. В. Разумовского даются фрагменты из средневековых «выходов патриарших», то есть описаний торжественных богослужений с участием певчих дьяков и поддьяков.

С. В. Смоленским было начато, а затем А. В. Преображенским, В. М. Металловым и Д. В. Аллемановым продолжено изучение древлехранилища Синодального училища. До сего дня составленные ими описания и картотеки являются единственными путеводителями для исследователей, работающих с музыкальными манускриптами Синодального певческого собрания, — они хранятся ныне в Отделе рукописей Государственного Исторического музея. Рукописи ГИМа легли в основу многих новых научных работ, однако до настоящего времени не опубликовано ни одного развернутого исследова-

ния этой уникальной коллекции. Сознавая, что рукописная библиотека Синодального училища — тема отдельной работы, мы тем не менее сочли необходимым включить в первый, исторический, раздел тома написанную в 1898 году статью С. В. Смоленского «О собрании русских древнепевческих рукописей в Московском Синодальном училище церковного пения»: она не только повествует об истории собирания рукописей и дает общее представление о составе коллекции, но и указывает пути ее осмысления и творческого претворения — так, как они виделись ее основателю. Было сочтено уместным включить в этот же раздел и другую классическую работу Смоленского — «Обзор Исторических концертов Синодального училища». Хотя она и посвящена конкретным выступлениям хора в 1895 году (в отделе рецензий публикуются отзывы на эти выступления), задача работы гораздо шире: по сути она представляет собой первый, «по горячим следам», опыт осмысления Смоленским формирующегося рукописного собрания с постановкой, пусть эскизной, некоторых важных проблем отечественной церковной музыки и музыкальной медиевистики.

Второй раздел настоящего тома, «Архивные документы» — это своего рода документальная летопись училища и хора, охватывающая материалы 1886—1918 годов. С одной стороны, документы (практически все они публикуются впервые) дополняют, поясняют и уточняют факты, изложенные в работе В. М. Металлова «Синодальное училище церковного пения в его прошлом и настоящем», в первом томе серии «Русская духовная музыка в документах и материалах» и в прочих печатных источниках. С другой стороны, в раздел включено множество совершенно неизвестных, но важных сведений по истории церковного пения вообще. Быть может, наибольшей новизной отличается часть, посвященная документам 1911—1918 годов, которые проливают свет на не написанную пока историю церковного пения в России последних перед октябрьским переворотом лет. Эти годы отличались необычайно острым накалом дискуссий, связанных с усовершенствованием церковно-певческого дела, с проблематикой композиторского творчества и исполнительства. Трагическим финалом огромного периода в истории Русской Православной церкви становится Поместный Собор 1917—1918 годов, на котором, с активным участием деятелей из круга Синодального училища, вырабатывались важные постановления по вопросам церковного пения (полную публикацию этих материалов см. в третьем томе серии^{*}).

Архивные документы, связанные с Синодальным хором и училищем, являются ценным источником не только по истории богослужебного пения, но и по истории Православной церкви и русской культуры. В них представле-

^{*} Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. III. Церковное пение пореформенной России в осмыслении современников / Сост., подгот. текстов, вступит. ст. и коммент. М. П. Рахмановой, С. Г. Зверевой, А. А. Наумова. М., 2002.

ны П. И. Чайковский, С. И. Танеев, А. Д. Кастальский, А. В. Никольский, С. Н. Кругликов, Д. В. Разумовский, С. В. Смоленский, В. М. Металлов, Д. В. Аллеманов, В. С. Орлов, Н. М. Данилин, Н. С. Голованов и многие другие композиторы, регенты, педагоги. В архиве Синодального хора и училища сохранилось немало документов, вышедших из-под их пера (в подлинниках и копиях) или связанных с ними. Не меньший интерес, на наш взгляд, представляют материалы, связанные с именами влиятельных синодальных чиновников (достаточно упомянуть хотя бы К. П. Победоносцева, А. Н. Шишкова, А. А. Ширина-Шихматова, Ф. П. Степанова) и ряда видных духовных лиц. Благодаря документальному архиву Синодального училища «обретают голос» многие прежде «бессловесные» персонажи, личные архивы которых утрачены.

Большинство публикуемых в архивном разделе материалов носит официальный характер — это протоколы, рапорты, донесения, письма, проекты, вышедшие из таких учреждений и административных подразделений, как Св. Синод, Московская Синодальная контора, Синодальные училище и хор, правление и педагогический совет Синодального училища. Круг обсуждаемых в документах проблем необычайно широк: от вполне конкретных предложений, например, устройства училищного древлехранилища или выдачи пособия талантливому композитору, до самых сложных вопросов — о соотношении канонического и индивидуального, церковного и светского, оригинального и заимствованного в духовно-музыкальном творчестве.

Многие документы архивного раздела связаны с деятельностью Наблюдательного совета, который был создан в Синодальном училище во время его реформирования и постепенно вырос в орган, объединявший вокруг идеи совершенствования церковно-певческого дела, церковно-музыкальной науки, композиторского творчества и педагогики многих знатоков и энтузиастов. Полномочия Наблюдательного совета выходили далеко за рамки Синодального училища: в начале XX века он осуществлял экспертизу духовно-музыкальных сочинений и научных трудов, контролировал частные церковно-певческие хоры Москвы; в его ведении находилось формирование и описание древлехранилища училища, он брал на себя роль координатора и исполнителя проектов по музыкальной медиевистике, составлял план издания первого в России церковно-певческого научного журнала. Многие начинания Наблюдательного совета, деятельность которого оборвалась в 1918 году, направлены в будущее и актуальны для наших дней в той же мере, что и сто лет назад.

Третий раздел книги — «Богослужебная деятельность» — проливает свет на такую трудную для осмысления область, как роль Синодального хора в литургической практике Успенского собора Кремля в эпоху после петровских реформ и особенно в XIX веке. Прямых материалов на данную тему

немного, и потому она раскрывается главным образом с помощью источников, описывающих богослужебную традицию Успенского собора. В основной корпус этой части вынесена статья 1909 года (протопресвитера В. С. Маркова), посвященная особенностям устава Собора, в том числе певческим, как в Средневековье, так и в XIX и начале XX века, а также почти художественные по стилю очерки известного духовного писателя А. Н. Муравьева, описывающие службы Страстной седмицы и крестный ход в Московском Кремле в середине XIX столетия. В приложение к этим работам даются некоторые чины Успенского собора — его Устав о звоне, Чин мироварения, а также Календарь, составленный сакелларием П. И. Виноградовым с Указанием дней, в которые богослужения в Успенском соборе совершаются с полиелеем или со всенощным бдением и в которые должны петь вместо братии синодальные певчие. Завершается раздел Календарем служб за 1856—1857 годы, спетых Синодальным хором в полном составе и разными группами (отделениями) в Успенском соборе, в приписанной к нему кремлевской церкви Двенадцати Апостолов и в других монастырских, приходских и домовых храмах города.

Четвертый раздел — «Концертная деятельность» — содержит свод программ духовных концертов Синодального хора, составленный по материалам архивов, старой периодики, афиш, книжных и периодических изданий. Помимо прочего, свод программ запечатлевает историческую эволюцию русского духовно-музыкального искусства на примере репертуара Синодального хора. Достаточно привести один факт. Последняя известная программа концерта хора — в марте 1916 года под управлением Н. М. Данилина — символически состоит из произведений только московского Нового направления: М. М. Ипполитова-Иванова, А. Т. Гречанинова, А. Д. Кастальского, П. Г. Чеснокова, Викт. С. Калининкова и К. Н. Шведова. Если вспомнить первые концертные программы хора — сначала совместно с чудовскими певчими при митрополичьем регенте Ф. А. Багрецове (Д. С. Бортиянский, П. И. Турчанинов, С. А. Дегтярев, Д. Сартти), потом при новоназначенном регенте Синодального хора В. С. Орлове в 1886-м (пестрый набор из Бортиянского, А. Ф. Львова, П. И. Чайковского, М. А. Виноградова, Г. Г. Урусова, А. Г. Полуэктова) или в 1888 году (А. Г. Полуэктов, А. Ф. Львов, М. А. Виноградов, Ф. А. Багрецов, С. И. Давыдов), — то станет ясно, какой огромный путь прошли Синодальный хор и его руководители (а также и их слушатели) за то время, которое было отпущено им историей. Публикуемые источники представляют, как нам кажется, очень высокий интерес для современных регентов, хормейстеров, исполнителей, вообще всех, занимающихся церковно-певческим делом, показывая возможные модели программ и принципы их составления (в этом плане, конечно, особенно выделяются «исторические концерты», впервые введенные по инициативе С. В. Смоленского).

Из двух частей состоит пятый раздел тома — «Периодика». Первая часть раздела, «Статьи и заметки», основана на материалах газет и журналов; в ней охвачен период с 1868-го по 1918 год. В тематическом и жанровом отношении эта подборка весьма разнообразна: от описаний быта синодальных певчих и условий приема в училище до, например, плана преобразования Синодального училища в Академию церковной музыки.

Во второй части раздела, «Рецензии и отклики», публикуются избранные рецензии на концерты Синодального хора, начиная с его первого концерта в Москве в 1840 году под управлением Д. А. Птицына и кончая вершиной всей деятельности хора — концертами 1915 и 1916 годов из произведений Рахманинова и Кастальского под управлением Н. М. Данилина. Интенсивность и традиционность московской духовно-музыкальной жизни, со всеми ее, иногда причудливыми, особенностями послужила питательной почвой для развития духовных концертов тогда, когда это стало возможным, и начинателем такого развития стал именно Синодальный хор (в ранний период — вместе с Чудовским митрополичьим хором). В этой большой подборке мы стремились представить, во-первых, материалы, освещающие важные, интересные концерты, а во-вторых, материалы сами по себе яркие и ставящие существенные проблемы истории Синодального хора и церковно-певческой жизни вообще. В подборку включаются статьи, принадлежащие перу известных критиков, среди которых можно назвать хотя бы Г. А. Лароша, Н. Д. Кашкина, С. Н. Кругликова, В. В. Держановского — элиту русской музыкально-критической мысли (и это само по себе — новая, до последней поры остававшаяся закрытой, страница отечественного музыкознания). С другой стороны, публикуются и выступления неведомых или малоизвестных авторов — любителей церковного пения, провинциальных регентов и обозревателей московских газет: они содержат оригинальные сведения об обстановке, в которой происходили концерты, об их восприятии аудиторией, имевшей особый, отличный от посетителей филармонических концертов облик. Последнее отвечает «всесословности», которая являлась характерным свойством именно духовного пения как вида искусства. Безусловно любопытны и рецензии зарубежных критиков, появившиеся в иностранных газетах во время гастролей Синодального хора: они часто содержат описания певческой манеры русского хора и одновременно демонстрируют глубокое удивление, испытанное западными слушателями от знакомства с неведомым им ранее феноменом русской церковной музыки. Рецензии и свод концертного репертуара Синодального хора позволяют уточнить хронологический аспект нового русского духовно-музыкального творчества, остававшийся до сих пор непроясненным, за исключением сочинений двух-трех самых крупных авторов.

И, наконец, завершает том шестой раздел, в который включены учебные программы училища 1897 и 1910 годов, а также проект училищного устава

1914 года. Эти документы дают понятие об уникальном опыте создания высшего церковно-певческого учебного заведения. В первую очередь данный раздел предназначен современным педагогам-практикам, ибо в нем показано, как постепенно формировалась концепция Академии церковной музыки и какие составляющие этой концепции были признаны необходимыми такими авторитетами, как регенты Синодального хора и руководители Синодального училища.

В конце тома помещен ряд справочных материалов и аннотированный именной указатель. В связи с наличием такового целый ряд имен и фактов, встречающихся в текстах тома, не комментируется отдельно. Очень большой общий объем текстов препятствует в ряде случаев подробному комментированию вообще, и потому авторами принята система «перекрестных ссылок» на другие тома серии.

Во втором томе выдерживается принцип подачи материалов, принятый в первом томе, а именно: каждому разделу предпосылается развернутая вступительная статья; внутри разделов обычно (но не всегда) сначала даются документ или комплекс документов, а потом — аннотация («легенда») и комментарий. В разделе концертных программ некоторые поясняющие тексты (короткие цитаты из периодики и других источников) иногда вводятся непосредственно под той или иной программой — для облегчения восприятия читателями данного материала.

В основных публикуемых текстах книги факты, а также по возможности цитаты и библиографические ссылки проверялись по первоисточникам; замеченные ошибки безоговорочно исправлялись. В издаваемых работах допускалось незначительное редактирование, направленное на прояснение смысла текста. Как уже было сказано, в двух случаях составители настоящего тома сочли возможным ввести внутри разделов приложения к публикуемым текстам, служащие своего рода иллюстрацией. В силу «прикладного» характера приложений задача их текстологического исследования и научного комментирования не ставилась. Небольшими приложениями справочного характера сопровождаются также Календарь служб Синодального хора и Программы духовных концертов Синодального хора.

Вступительная статья к тому написана С. Г. Зверевой и М. П. Рахмановой, к 1, 2 и 6-му разделам — С. Г. Зверевой, к 3-му, 4-му и 5-му разделам — М. П. Рахмановой.

Подготовка текстов и комментариев:

I. «Исследования» — С. Г. Зверева, А. А. Наумов, М. П. Рахманова.

II. «Архивные документы» — С. Г. Зверева.

III. «Богослужбная деятельность» — А. А. Наумов, М. П. Рахманова.

IV. «Концертная деятельность» — А. А. Наумов, М. П. Рахманова.

V. «Периодика» — А. А. Наумов, М. П. Рахманова.

VI. «Учебные программы и Устав» — С. Г. Зверева.
Приложения к тому — А. А. Наумов.

Ввиду большого объема материала второй том делится на две книги — по три раздела в каждой; все справочные материалы помещены в конце второй книги.

Нам представляется, что первые два тома серии «Русская духовная музыка в документах и материалах» должны дать читателю, если не исчерпывающее, то все же весьма полное представление о том уникальном в истории мировой культуры явлении, какое представляли собой Синодальный хор и училище церковного пения, а также о духовно-музыкальном творчестве и исполнительстве в Москве второй половины XIX — начала XX века. Заметим сразу, что тема Москвы продолжается — в иных ракурсах — в третьем томе серии «Церковное пение пореформенной России в осмыслении современников», а также в четвертом томе, посвященном публикации Воспоминаний С. В. Смоленского*.

* Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. IV. С. В. Смоленский. Воспоминания / Подгот. текста, вступит. ст., коммент. Н. И. Кабановой. Науч. ред. М. П. Рахмановой. М., 2002.

I
Исследования



Вступительная статья

Процесс национального самоутверждения, характерный для России XIX столетия, сопровождался археологическими и историческими изысканиями в области средневекового наследия, в том числе и наследия церковно-певческого. Сначала исследования в этой области носили эмпирический характер и основывались на литературных и документальных первоисточниках. Освоение прошлого шло «антропологическим» методом — через изучение биографий именитых роспевщиков, учителей пения, монастырских клирошан, певчих дьяков. Подобный метод открывал наиболее простую возможность приобщения к давно ушедшим временам. Он как нельзя более соответствовал эпохе романтизма, давая простор фантазии, эмоциональному постижению Средневековья, певческие памятники которого по большей части не могли быть прочтены.

Толчком к развитию «антропологического» направления стал изданный в 1846 году редактором журнала «Москвитянин» М. П. Погодиным отрывок музыкально-исторического трактата «Предисловие, откуда и от коего времени начало быти в нашей Русской земли осмогласное пение...» — предания о родословном древе славных русских роспевщиков второй половины XVI — начала XVII века¹. Ознакомившись с этой публикацией, В. М. Ундольский в том же году осуществил издание памятника по другому, более точному и полному списку, присовокупив ряд иных документальных материалов². Публикация «Предисловия» доказала, что русская древность не была безликой — в ней жили и творили мастера, имена которых, подобно именам великих иконописцев, передавались из поколения в поколение.

Через девять лет, в 1855 году, В. В. Стасовым была написана статья «О церковных певцах и церковных хорах древней России до Петра Великого». Ученый первым рассказал о государевых и патриарших певчих дьяках, при-

¹ Вновь найденные данные для истории церковного пения в России // Москвитянин. 1846, № 6. С. 173—174. Историю публикации и анализ различных списков «Предисловия» см. в статье: Смоляков Б. Г. Две редакции «Предисловия, откуда и от коего времени начася быти в нашей Русстей земли осмогласное пение...» // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1980, № 1. С. 52—57.

² Ундольский В. М. Замечания для истории церковного пения в России. М., 1846.

вел некоторые сведения об устройстве их хоров. Работа основывалась на многочисленных источниках: летописях, летописцах, актах, документах царского и патриаршего казенных приказов, описаниях рукописных собраний, мемуарах иностранцев, документах византийского придворного церемониала. При жизни автора статья опубликована не была³; осталась неосуществленной и его идея издания документов по истории церковного пения⁴. Собранные же материалы Стасов передал Д. В. Разумовскому⁵, который и продолжил изучение прошлого русских хоров.

С именем Разумовского связан следующий этап музыкальной медиевистики, ознаменованный выдвиганием на первый план исследований непосредственно певческих рукописей и разработкой связанной с ними проблематики. Создаются в этот период и музыкально-исторические работы, основанные на документальных и литературных первоисточниках, но их удельный вес по сравнению с трудами, посвященными освоению знаменного роспева, очень невелик. К числу таких работ принадлежат две статьи Разумовского о государевых и патриарших певчих дьяках. Первая из них, озаглавленная «Патриаршие певчие дьяки и поддьяки», вышла в свет в 1867 году, вторая, «Государевы певчие дьяки», была опубликована через пять лет, в 1873-м⁶. Таким образом история двух ведущих хоров Средневековья обособилась в отдельную тему.

В относительно кратких, но емких работах Разумовского освещались наиболее важные вопросы, связанные с устройством и численностью хоров царя и патриарха, денежными доходами, правами и преимуществами певцов и т. д. Статья о государевых певчих дьяках была написана главным образом на основе столбцов царского Казенного приказа второй половины XVII века; работа о Патриаршем хоре — по расходным книгам патриаршего Казенного приказа 1626—1700 годов и другим источникам.

Архив Д. В. Разумовского показывает, что ученый располагал значительно большим объемом сведений по данным темам, нежели тот, который вошел в его статьи. Это относится преимущественно к истории Патриаршего хора. В фонде Разумовского хранятся многочисленные выписки из приходо-

³ Стасов В. В. О церковных певцах и церковных хорах древней России до Петра Великого // Стасов В. В. Статьи о музыке в 5-ти выпусках. Вып. 5б. М., 1980. С. 175—240.

⁴ См.: Стасов В. В. Предложение об издании материалов по древнерусскому церковному пению // Там же. Вып. 2. М., 1976. С. 11.

⁵ Переданные Стасовым Разумовскому материалы хранятся в фонде Разумовского в ОР РГБ (ф. 380, № 8/6). Об обстоятельствах этой передачи, связанной с деятельностью московского Общества древнерусского искусства, см. в третьем томе серии.

⁶ Разумовский Д. В. Патриаршие певчие дьяки и поддьяки // Древности. Археологический вестник, издаваемый Московским Археологическим обществом. Т. 1. Вып. 6. М., 1867/68. С. 241—253; Разумовский Д. В. Государевы певчие дьяки XVII века // Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при московском Публичном музее. М., 1873. С. 151—181.

расходных книг патриаршего казенного и Дворцового приказов, Монастырского приказа, архива Московской Синодальной конторы XVIII—XIX веков. Подбор материалов, осуществлявшийся в течение 1860—1880-х годов, был целенаправленным и свидетельствует о намерении ученого создать крупную работу, посвященную разным темам. Одна из них — быт патриархов в XVII веке. Материал набирался по следующим рубрикам: дворцовый штат патриархов, богомольные выходы и походы, облачение и домашний обиход, чины Пещного действа, Шествия на осляти, патриарший столовый обиход, патриаршие приказы и т. д. Имелся и раздел о хоре патриархов. В замыслы Разумовского входило также освещение истории Патриаршего хора в синодальный период, создание труда о Придворной певческой капелле, исследований о клирошанах монастырей, о московском Чудовском хоре. Ученый уделял большое внимание выявлению имен певцов и сведений о них. В его архиве сохранилась незавершенная картотека певчих дьяков и краткие списки клирошан некоторых монастырей⁷. Издание статьи о государевых певчих дьяках снабжено также списками певчих XVII века, начинающимися с 1625 года. Первую в истории музыкальной медиевистики публикацию словарных статей о средневековых мастерах пения ученый предпринял в «Материалах для археологического словаря», издававшихся Московским Археологическим обществом⁸.

В конце XIX — начале XX века, в период расцвета хорового исполнительства, изучение истории двух старейших русских хоров обретает новое дыхание: ученые привлекают теперь не только средневековый, но и послепетровский периоды⁹. В конце 1890-х годов труд Разумовского по разработке исторического прошлого Синодального хора продолжил преподаватель Синодального училища священник В. М. Металлов. Намерение написать работу на эту тему появилось у Металлова в апреле 1898 года; 22 мая того же года первая часть очерка «Синодальные, бывшие патриаршие певчие» была завершена. «В начале статьи поставлено “один”, — писал Металлов Н. Ф. Финдейзену, — это значит, что статья будет иметь продолжение, а эта тетрадь есть первая глава. Но эта глава может иметь и свое отдельное значение как

⁷ ОР РГБ, ф. 380, № 6/3.

⁸ Материалы для археологического словаря // Древности. Труды Московского Археологического общества. Т. I. Вып. 2. М., 1867; Т. II. Вып. 1. М., 1869; Т. IV. Вып. 1. М., 1874.

⁹ Исследование истории хора государевых певчих дьяков было продолжено *Н. Д. Извековым* в работах: Придворные певчие и крестовые священники и дьяки в XVII веке // Богословский вестник. Т. III (октябрь). М., 1903. С. 255—294; Московские кремлевские дворцовые церкви и служившие при них лица в XVII веке // Московская церковная старина. Труды комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии. Т. 2. М., 1906. С. 188—208. Новые сведения о царском хоре содержит и капитальный труд *И. Е. Забелина* «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях». Т. 1—2. М., 1862—1915. История царского хора в XVIII веке посвящена статья *А. В. Преображенского* «Придворная капелла 150 лет назад (по Штелину)» // РМГ, 1902, № 11.

самостоятельный период в истории Синодального хора. Причина, почему эта глава написана отдельно, та, что она составлялась на основании печатных источников и печатных сведений о рукописных источниках. Дальнейшую историю Синодального хора придется разрабатывать по рукописным материалам Синодальной библиотеки, что займет довольно времени, хотя материал этот и есть в конспекте»¹⁰.

Итак, главные источники, на основе которых написана первая часть работы Металлова, охватывающая 1700—1728 годы, — это многотомное «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода» и «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи». Хранившиеся в Петербурге первоисточники, судя по всему, были Металлову недоступны. В январе 1901 года была завершена и вторая часть работы, посвященная 1732—1845 годам¹¹. «Теперь собрал и написал все, что только можно было извлечь из архива Московской Синодальной конторы, — писал Металлов Финдейзену. — Больше, что можно ожидать, только из архива Синода, но когда и как туда попасть, вот задача со многими неизвестными. Быть может, впрочем, и здесь удастся что-нибудь найти, и тогда не премину воспользоваться и довести очерк Синодального хора до наших дней, если это вообще возможно будет по обстоятельствам дела»¹².

Довести повествование до 1900-х годов Металлову удалось в другой работе — подготовленном к 25-летнему юбилею реформированного Синодального училища очерке «Синодальное училище церковного пения в его прошлом и настоящем»¹³. В характерной для него «летописной» манере, в хронологическом порядке излагая факт за фактом, Металлов в первом разделе очерка («Синодальное училище в его прошлом до 1886 года») рассказывает об истории хора и о формировавшемся при нем училище для мальчиков-певчих. До архива Синода автор не сумел добраться и на сей раз, и его книга опять-таки основана на документах Московской Синодальной конторы и печатных источниках. Изложению основных событий истории пореформенного училища посвящена вторая часть очерка («Синодальное училище с 1886 по 1911 год за XXV лет»). Сведения о Синодальном хоре в этом

¹⁰ Из письма В. М. Металлова к Н. Ф. Финдейзену от 22 мая 1898 года — РНБ, ф. 816, оп. 2, № 1600, л. 7—7 об.

¹¹ Металлов В. М. Синодальные, бывшие патриаршие певчие // РМГ, 1898, № 10—12; Отдельный оттиск: СПб., 1898; РМГ, 1901, № 17, 19—20, 21—22, 23—24, 25—26; Отдельный оттиск: СПб., 1901.

¹² Из письма В. М. Металлова к Н. Ф. Финдейзену от 22 января 1901 года — РНБ, ф. 816, оп. 2, № 1600, л. 18—18 об.

¹³ См.: Металлов В. М. Синодальное училище церковного пения в его прошлом и настоящем. М., 1911.

разделе уходят на второй план и ограничиваются информацией о его регентах и отдельными отзывами современников.

Разработка истории старейших русских хоров в 1920-е годы была связана с именем Н. Ф. Финдейзена, с первым томом его «Очерков по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века» (М.; Л., 1928), в котором помещен «Краткий словарь певчих дьяков, композиторов и теоретиков XVI—XVII веков». Составитель обобщил данные, накопленные дореволюционной медиевистикой, и представил свод имен мастеров пения и сведений о них. При этом Финдейзенем были введены в научный оборот не только неизвестные ранее имена средневековых распевщиков, но и новые первоисточники, в частности, представляющая огромную ценность для исследователей Описание нотной библиотеки царя Феодора Алексеевича. (Описание содержит богатый материал о репертуаре царского хора, а также сведения о государевых и патриарших певчих дьяках — писцах музыкальных рукописей.)

После смерти Н. Ф. Финдейзена (1928) и А. В. Преображенского (1929) изучение истории церковного пения пришло в полнейший упадок. Соответственно, на долгие годы была забыта и тема истории двух старейших хоров¹⁴. Ее разработка возобновилась лишь в 1980-е годы, однако в силу условий советского времени основное внимание исследователей было сосредоточено только на допетровском периоде¹⁵. Специальные работы, посвященные истории Синодального хора и Придворной певческой капеллы, стали появляться главным образом в последнее десятилетие¹⁶.

¹⁴ Вышедшие в советское время работы В. И. Музалевского, Д. А. Локшина, И. А. Гусина, Д. В. Ткачева и других посвящены главным образом судьбе Придворной капеллы после революции; изложение в них истории средневекового периода основано на работах Разумовского и Финдейзена.

¹⁵ Разработка истории государева и патриаршего хоров на основе документальных и литературных первоисточников, начатая Разумовским, была продолжена в работах: *Протопопов В. В.* Нотная библиотека царя Феодора Алексеевича // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1976 год. Л., 1977. С. 119—133; *Зверева С. Г.* Русские хоры и мастера пения конца XV —середины XVII веков // Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 1988; О хоре государевых певчих дьяков в XVI веке // ПКНО. Ежегодник за 1987 год. М. 1988. С. 125—130; Государевы певчие дьяки после Смуты // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. С. 355—383; Музыкальные черновики хора государевых певчих дьяков начала XVII века // ПКНО. Ежегодник за 1991 год. М., 1997. С. 102—106; *Парфентьев Н. П.* Профессиональные музыканты Российского государства XVI—XVII веков. Государевы певчие дьяки и патриаршие певчие дьяки и подьяки. Челябинск, 1993; Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства XVI—XVII веков. Свердловск, 1991; *Буцкая С. Б.* Стефан Иванович Беляев — государев певчий дьяк // ПКНО. Ежегодник за 1992 год. М., 1993. С. 151—156.

¹⁶ Новые материалы по истории старейших русских хоров в Новое время можно найти в работах К. Ф. Никольской-Береговской, И. А. Чудиновой, Л. В. Глухова, В. П. Ильина,

Вслед за именами классиков русской музыкальной медиевистики Д. В. Разумовского и В. М. Металлова в данном разделе, естественно, появляется имя директора Синодального училища С. В. Смоленского, который во второй половине 1890-х годов написал две статьи, непосредственно связанные как с жизнью Синодального училища и хора, так и с прошлым русского церковно-певческого искусства: «Обзор Исторических концертов Синодального училища церковного пения в 1895 году» и «О собрании русских древнепевческих рукописей в Московском Синодальном училище церковного пения».

«Обзор Исторических концертов...» был издан в 1895 году в виде буклета к упомянутым в заголовке статьи концертам. (Подробнее о самих Исторических концертах, а также об откликах на них в прессе см. во введении к разделу «Концертная деятельность», а также в опубликованных в разделе «Периодика» рецензиях.) В библиографическом отделе «Русской музыкальной газеты» отмечались изящество издания буклета и содержательность «краткого очерка развития русского церковно-музыкального творчества, очень толково написанного и снабженного необходимыми сведениями об авторах произведений, которые составили программу Исторических концертов»¹⁷. Безусловно, Смоленский во многих отношениях выступает здесь наследником Д. В. Разумовского — создателя первой в России «истории церковного пения»¹⁸, но иная эпоха, иное, более «музыкальное» видение исторического процесса создают все же новую картину, по-иному расставляют акценты. Главная цель этого блестящего аналитического очерка стилевых периодов русской церковной музыки, как и цель самих Исторических концертов — показать развитие церковно-певческих идей и неизбежность рождения нового, национального направления в духовной музыке, которое не заставило себя долго ждать: в 1896 году Синодальным хором были исполнены первые духовные хоры Кастаньского.

Новое видение исторической эволюции русской духовной музыки, которое Смоленский продемонстрировал в этой небольшой работе, во многом явилось следствием изучения первоисточников, собиранием которых в стенах Синодального училища он занимался с начала 1890-х годов. Древлехранилищу посвящена другая публикуемая работа ученого, «О собрании русских древнепевческих рукописей...», сопровождаемая подзаголовком «краткое предварительное сообщение».

В. П. Морозана, Е. С. Тугаринова и др. (см.: Русское церковное пение XI—XX веков. Исследования, публикации. 1917—1999. Библиографический указатель. М., 2001). В 2000 году была издана первая монография о Придворной певческой капелле, основанная на широком круге архивных источников.: *Dunlop C. The Russian Court Chapel Choir, 1796—1917.* Harwood Academic Publishers, 2000.

¹⁷ РМГ, 1895, № 12. Стлб. 826.

¹⁸ *Разумовский Д. В.* Церковное пение в России (Опыт историко-технического изложения). Из уроков, читанных в консерватории при Московском музыкальном обществе профессором Дим. Разумовском. Вып. 1—3. М., 1867—1869.

«Краткое сообщение» о результатах собирательской работы было начато Смоленским в июне 1898 года по просьбе издателя «Русской музыкальной газеты» Н. Ф. Финдейзена. «Мне хочется совсем выкинуть из этой статьи всякую сухость и малодоступность», — писал Финдейзену Смоленский¹⁹. По мнению Степана Васильевича и его близкого друга С. А. Рачинского, высказывание которого поставлено эпиграфом к статье, церковно-певческое наследие Средневековья не только способно обновить современную музыкальную мысль, но и стать тем материалом, «из коего будет воздвигнуто величавое здание русского искусства двадцатого века».

Из того же письма к Финдейзену следует, что чрезвычайно занятый своими служебными обязанностями Смоленский писал статью «О собрании...» в несколько этапов: начатая в июне 1898 года, она была завершена к августу в первой своей части, где намечаются направления исследований певческих рукописей и говорится об их значении для современного искусства. Вынужденный прервать работу в связи с посещением Москвы императором, приемными экзаменами в училище и другими событиями, Смоленский вернулся к завершению статьи лишь поздней осенью, написав основной, второй раздел, посвященный обзору музыкальных памятников древлехранилища Синодального училища. Здесь была отражена большая работа, проведенная Смоленским по палеографическому анализу певческих книг, а также их классификации (см. послесловие к публикации статьи «О собрании...»). В 1899 году «краткое сообщение» было напечатано в «Русской музыкальной газете»²⁰.

Что касается истории собирания музыкальных рукописей в Синодальном училище, то сам Смоленский подробно рассказывает ее в Воспоминаниях. Дополнением к соответствующему фрагменту московской главы Воспоминаний (опубликована в первом томе «Русской духовной музыки в документах и материалах»; Воспоминания полностью — в четвертом томе) служит ряд документов, которые приводятся в настоящем томе. Один из них — рапорт С. В. Смоленского от 4 мая 1896 года прокурору Московской Синодальной конторы А. А. Ширинскому-Шихматову (см. в работе В. М. Металлова «Синодальное училище церковного пения в его прошлом и настоящем» в настоящей книге, с. 181—187). Некоторые материалы, связанные с формированием древлехранилища вплоть до 1913 года, публикуются в разделе «Архивные документы»; во введении к разделу дается краткая история собирания этой уникальной коллекции.

¹⁹ Письма С. В. Смоленского к Н. Ф. Финдейзену — РНБ, ф. 816, оп. 2, № 1851, л. 46.

²⁰ Смоленский С. В. О собрании русских древнепевческих рукописей в Московском Синодальном училище церковного пения // РМГ, 1899, № 3—5, 11—18. См. также отдельный оттиск.

Д. В. Разумовский

Патриаршие певчие дьяки и поддьяки

Хор патриарших певцов, его численность, внутреннее устройство, одежда, жилище, пища, денежные доходы. Права и преимущества патриарших певчих дьяков и поддьяков.

Всероссийские патриархи во все время служения своего Русской церкви постоянно имели при себе особый хор певчих, известных по летописям под именем патриарших певчих дьяков и поддьяков¹.

Хор патриарших певчих дьяков и поддьяков по своей численности был очень значителен. Но численность патриаршего хора никогда не была определена строго и точно. При первых патриархах число певцов было гораздо менее, чем при патриархах последующих, живших во второй половине XVII века. При патриархе Филарете Никитиче (1626 и 1627 годы) находилось только двадцать девять дьяков и поддьяков, а при последних патриархах (1692 и 1698 годы) их считалось уже пятьдесят человек; следовательно, почти вдвое более².

Патриаршие певчие дьяки и поддьяки составляли два отдельных класса. К первому из них принадлежали певчие дьяки, а ко второму — певчие поддьяки³.

Собственно певчие дьяки, всегда почти в числе десяти человек, разделялись на две статьи, или станицы, по пяти человек в каждой станице. Такое разделение певчих дьяков определялось их служением в храме, где издревле находились, как и доселе находятся, два места для певцов: правая, десная, страна, или правый клирос, и левая страна, или левый клирос. На правом клиросе всегда помещалась первая станица патриарших певчих дьяков, а левый клирос занимала всегда вторая станица патриарших певчих дьяков⁴. Поэтому в летописях первая станица певчих дьяков называется большою станицею и певчими правого клироса; вторая же станица тех же дьяков именуется другою станицею, или, иначе, певчими левого клироса. При патриархе Филарете Никитиче первую станицу певчих дьяков составляли, то есть на правом клиросе становились, Андрей Кузьмин, Иван Никитин, Димитрий Фалалеев и Богдан Иванов, а ко второй станице принадлежали, или становились на левом клиросе, Даниил Иванов, Савин Михайлов, Леонтий Михайлов и Тит Иосифов⁵.

Патриаршие певчие поддьяки разделялись на шесть станиц, также большою частию по пяти человек в каждой станице. Нередко к ним присоединялась еще седьмая станица, состоявшая из новоприбылых малых поддьяков. Из этих станиц первая и вторая станицы поддьяков назывались большими станицами, а третья и четвертая — меньшими станицами. В исходе же XVII века только одна первая станица патриарших певчих поддьяков называлась большою; прочие же шесть станиц известны были под именем рядовых.

Все певчие дьяки и поддьяки по возрасту своему разделялись на больших, или возрастных и малых, или недоростков. Возрастным певчим дьякам и поддьякам невозбранно дозволялось вступать в брак и проводить семейную жизнь. Новоприбылые малые поддьяки всегда помещались в шестую и седьмую станицы, отчего седьмая станица патриарших певчих дьяков была иногда менее, а иногда более пяти человек и считалась как бы добавочною.

В патриаршие певцы, без сомнения, поступали преимущественно такие лица, которые обладали естественным, сильным и чистым голосом, к какой бы области он ни принадлежал. Но естественное дарование и в то время, как и ныне, имело в певце второстепенное значение. Достоинство певца главным образом определялось знанием того, что, когда и как надлежало петь или исполнять. Патриаршие певчие дьяки и поддьяки в совершенстве знали самый употребительный и старый в русской церкви знаменный, или столповой распев, а также большое и малое демественное пение, или просто демество. Кроме того, патриаршим певчим дьякам и поддьякам известно было пение трехстрочное, а со второй половины XVII века — греческий, большой и малый, распев⁶. В 1668 году, 7 марта⁷, в субботу пятую святых постов, при торжестве в Похвалу Пресвятыя Богородицы «певчие дьяки патриарши пели на обеих крылосех “Возбранной воеводе” трестрочную, а по второй кафизме и по третьей песни и по шестой пели греческую меньшую, а последнюю самую пели на сходе обе станицы болшую греческую»^{*}.

Прямая обязанность патриарших певчих дьяков и поддьяков состояла в исполнении церковного пения при служении патриаршем, за исключением однако же Московского Большого Успенского собора. Здесь пение издавна исполнялось местными священниками и диаконами. Поэтому при служении патриарха в сем соборе пение исполнялось то исключительно патриаршими певчими дьяками и поддьяками, то совокупно и попеременно с соборными священниками, то единственно одними соборными священниками⁸. В 1685 году, в неделю мясопустную, патриарх указал петь всенощную службу священникам, а на певцов гнев был за то, что не успели к началу службы. Иногда патриаршие певчие исполняли церковное пение совокупно со священниками и в других храмах. В 1667 году, февраля 11-го, «патриарх слу-

^{*} Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. V. СПб., 1853 (№ 26. Выходы патриаршие. 1666—1674). С. 122.

шал литургию у себя на дворе, у Трех Святителей, и все власти; а пели знаменное на одном крылосе священник тое церкви со иными, а на левом подъяки»^{*}.

Кроме того, патриаршие певчие принимали постоянное участие в пении во время крестных ходов, при торжестве Новолетия⁹, при погребении лиц царского дома, при совершении торжественных панихид и прочем¹⁰. Они также нередко ходили за патриархом на богомолье. Патриарший певчий дяк Федор Константинов под 1668 годом записал, что апреля в 20-й день «Вселенские патриарси, Паисий Александрийский, Макарий Антиохийский, ходили к Живоначалныя Троице в Сергиев монастырь молитися, в сей день в неделю пошли; властей с ними было Газский митрополит Паисий да Грузинской митрополит, и инии их архимандриты и игумены, да Чюдовской архимандрит Иоаким, да Всемилоствиваго Спаса Нового монастыря архимандрит Иосиф, да певчих дяков патриарховых станица левой крылос, да поддиакон с подъяки с девятью человек, всех было четырнадцать человек»^{**}. В 1668 году, когда оба вселенские патриарха ходили в Звенигород, в Савин монастырь, с ними «отпущены в поход певчих дяков левой крылос, да поддиакон, да подъяков две станицы, болшая да меншая»^{***}.

Нередко патриаршие певчие дяки пели при столе, во дворе царя и при доме самого патриарха. В 1667 году у царя «в стол пели стих певчие дяки государевы первая станица “Ты Царю сый и пребывай во веки”; а потом пели патриарховы дяки певчие и подъяки вместе, преже седален Рожеству Пречистыя Богородицы “Возопий Давиде”, да потом канон Пасце весь пропели»^{****}.

При отправлении своей прямой обязанности в храме, при служении патриаршем, певчие дяки и подъяки патриарха постоянно облачались в стихари то золотые, то серебряные белые, то черные, смотря по степени и значению духовного торжества. При поставлении царя Федора Алексеевича на царство (1676) патриаршие певчие дяки и подъяки были в золотых стихарях. Стихари надевали даже и малые певчие подъяки, как это обыкновенно бывало в Неделю цветоносия, когда малые певчие стояли в снях при украшенной вербе и пели стихирь¹¹. Церковное облачение патриарших певчих дяков и подъяков было столь обыкновенным явлением, что сохранившиеся современные записи упоминают о пении без облачения как о явлении необычном. Так, например, было в 1686 и 1695 годах.

В обыкновенное же, неслужбное, время одежда патриарших певчих дяков и подъяков несколько не отличалась от одежды современных диаконов. Она состояла из рясы и подрясника, перетянутого поясом. Все это

^{*} Там же. С. 103.

^{**} Там же. С. 125.

^{***} Там же. С. 120 (запись 19 января 7176 года).

^{****} Там же. С. 113 (запись 1 сентября 7176 года).

было суконное¹². Патриаршие певчие дьяки получали сукна или от царя, или от русских епископов. Царские сукна назывались у певчих дьяков причастными, когда выдавались по случаю причащения царя и царицы, милостынными, когда выдавались в награду или поощрение и при особенных церковных торжествах, на которых присутствовал царь¹³. Сукна царские разных цветов выдавались по определенной мере, смотря по лицу, для которого назначались. Большею мерою сукна служило портище, то есть четыре аршина без четверти. В расходной книге 1613 года по случаю Пещного действия¹⁴ под 21 декабря записано: «Дано трем отроком за пещное действие, Анании, Азарии и Мисаилу, по три аршина сукна настрафилю вишневого цена по семнадцать алтын по две денги аршин купли нынешнего 122 году, да певчому дьяку Григорею Ондрееву за пещное учение полчетверта аршина сукна светлозеленово настрафилю цена два рубли портище купли нынешнего 122 году, да певчем же дьяком четверем человеком за пещное действие четыре портища сукна настрафилю по четыре аршина без чети человеку, и в том числе портище сукна аглийсково вишневого цена два рубли шесть алтын четыре денги портище, да портище сукна светлозеленого настрафилю цена два рубли портище, да два портища настрафиля лазоревого цена по два рубли портище все купли нынешнего 122 году, да двум человеком халдеем за пещное действие Степаше да Саве по четыре аршина без чети человеку сукна настрафиля лазоревого цена по два рубли по четыре алтына по две денги портище купли сто двадцат втораго году»*.

Патриаршие певчие дьяки и поддьяки получали сукна от русских епископов во время поставления их в сан епископский. Поставление во епископа при патриархах всероссийских всегда совершалось в храме Успения, или, как ныне принято называть, в Московском Большом Успенском соборе. При этом новопоставляемый по существовавшему тогда обычаю для большего благолепия и торжества в священнослужении обкладывал сукном некоторые места в соборе. Это-то сукно и оставалось в пользу патриарших певчих дьяков и поддьяков. Все эти сукна, кажется, вполне обеспечивали годовое содержание певчих дьяков одеждою: поэтому нередко можно встретить просьбу патриарховых певчих дьяков к царю о том, чтобы он вместо сукон — обычного дара в известных случаях — приказал выдать наличные деньги. Эта просьба всегда удовлетворялась.

Патриаршие певчие дьяки и поддьяки имели постоянное пребывание в слободах патриарших, на земле, принадлежавшей в Москве Патриаршему дому. В половине XVII века велено было у патриарха слободы взять совсем (Уложение, глава девятнадцатая, статья 1)¹⁵. Но патриаршие певчие дьяки и поддьяки не остались без приюта. Около 1670 года патриарх купил землю для певческих дворов у князя Голицына. Эта земля находилась в Москве, в

* Книга расходная жалованью — РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 199, л. 196 об.—197 об.

Китае-городе, в смежности с землями Богоявленского монастыря, Новгородского митрополита и Троицкого Сергиева монастыря. На этой земле певчие дьяки и поддьяки патриарха построили свои, вероятно, деревянные дворы. В 1682/83 году помещение певчих оказалось тесным, и потому патриарх указал к певческой земле прирезать от соседней огородной земли Троицкого монастыря в длину полторы сажени, а в ширину 18 сажень с полусаженью¹⁶. Через шесть лет потом патриарх Иоаким решил заменить деревянное жилище певчих каменным строением и указал под жилье певчих вновь прирезать от огородной земли Троицкого монастыря в длину 3 сажени один аршин, а в ширину 18 сажень с полусаженью. Отчуждение огородной земли Троицкого монастыря совершилось по меновому акту. В грамоте патриарха, писанной к властям Троицкого монастыря в 1688 году, говорилось: «В прошлом 191 году по нашему указу взято в дом Пресвятыя Богородицы и Московских Чудотворцев и нам Патриархам на Москве в Китае городе, под дворы наших домовых певчих диаков и поддиаков, Троицкаго Сергиева монастыря подворья огородной земли, от Митрополичья Новгородскаго подворья, подле нашей домовой певческой земли до улицы, что позади Богоявленскаго монастыря, из длинника полторы сажени, а из поперечника восемнадцать сажень с полусаженью. А в нынешнем 197 году Октября в 20 день, по нашему же Святейшаго Патриарха указу, а с вами властями по договору, пристроилось принять под дворовое каменное строение их, домовых наших певчих диаков и поддиаков, того же Троицкаго подворья огородной же земли к прежней смежной из длинника три сажени один аршин, а из поперечника против прежняго 18 сажень с полусаженью; обоего и с прежним из длинника пять сажень без четверти аршина, а из поперечника 18 сажень с полусаженью. А вместо той огородной Троицкаго подворья земли, прежней и нынешней, дать в дом Живоначальныя Троицы наши Святейшаго Патриарха церковные пустовые земли, которыя пустеют из давних лет в Дмитровском уезде в Вынебожском стану, в вотчинных землях Троицкаго же Сергиева монастыря церковную землю Николая Чудотворца, что было село Желтиково, да церковную же землю Николая Чудотворца, что было село Лазарево с пашнею и с лесы и с санными покосы и со всеми угоды. А по писцовым книгам 135 и 136 годов¹⁷ в тех церковных землях пашни и перелесу и лесом поросли тридцать пять четей в поле, а в дву потому ж — сена двадцать пять копен; и на те наши вышеписанные церковные земли впредь для вотчиннаго владения дать в дом Живоначальныя Троицы меновную за нашуею домовою казенною печатию и за руками казначеев наших, а Троицкаго подворья на огородную вышеписанную, прежнюю и нынешнюю, землю взять в домовую нашу казну против того ж меновную за вашими руками. И как к вам сия наша Святейшаго Патриарха грамота придет, и вы бы, против нашего указу и своего договору, Московскаго Китайскаго Троицкаго Подворья на прежнюю взятую и нынешнюю огородную землю, которая

пристроилась под дворовое каменное строение к домово́й нашей певческой земле, прислали к Москве меновную за своими руками не могчав, а на наши домовые вышлеписанные церковные земли меновную велели у наших казначеев принять»^{*}.

Стол патриарших певчих дьяков и поддьяков по записям XVII века можно почитать если не совершенно роскошным, то по крайней мере достаточно полным. Все съестные припасы для стола певчих отпускались ежегодно с житного патриаршего двора. Зерновой хлеб, соль^{**}, рыбные припасы выдавались в таком количестве, которое с избытком могло удовлетворять дневной потребности.

Выдача зернового хлеба певчим дьякам и поддьякам (или, иначе, годовое хлебное жалованье) производилась отдельно каждому певчему дьяку и поддьяку. Она соразмерялась со значением станицы, к которой принадлежал певчий дьяк или поддьяк. Каждый певчий дьяк первой станицы получал вдвое более зернового хлеба, чем певчий поддьяк первой станицы; точно так же певчему дьяку второй станицы отпускалось вдвое более хлеба, чем певчему поддьяку второй же станицы. Количество зернового хлеба, выдаваемого певчим поддьякам первой и второй станиц, в свою очередь, было вдвое более количества того же хлеба, выдаваемого певчим поддьякам пятой и шестой станиц. Вот более подробный счет (одному):

		Ржи		Овса	
		четвертей	четвериков	четвертей	четвериков
Певчим дьякам:	1-й станицы	17	2	17	2
	2-й станицы	14	—	14	—
Певчим поддьякам:	1-й станицы	8	2	8	2
	2-й станицы	7	—	7	—
	3-й станицы	5	4	5	4
	4-й станицы	5	—	5	—
	5-й станицы	4	1	4	1
	6-й станицы	3	4	3	4
	7-й станицы	3	—	3	—

Если принять во внимание полное число патриарших певчих дьяков и поддьяков, то окажется, что с патриаршего житного двора выдавалось им ежегодно до 400 четвертей ржи и столько же четвертей овса.

В мясоястие патриаршие певчие дьяки и поддьяки получали деньги на свиное мясо. В поденной обиходной книге 1700 года значится, что за годо-

^{*} Источник автором не указан, составителями не разыскан. — *Сост.*

^{**} Соль выдавалась патриаршим певчим дьякам и поддьякам дважды в год, в посты — Великий и Успенский. Каждый семейный певчий дьяк и поддьяк получал в это время по два с половиною пуда соли, а каждый холостой — по два пуда. В 1700 году всем певчим дьякам и поддьякам выдано было от патриарха 120 пудов соли. — *Примеч. автора.*

вое свиное мясо выдано из патриаршей казны всем певчим дьякам и поддьякам 90 рублей 26 копеек. В посты, строго соблюдавшиеся предками нашими, певчим патриаршим выдавалось немалое количество рыбных припасов. Эти припасы состояли из осетрины, семги, белуги и икры. Выдача сих припасов по количеству своему сообразовалась не только со значением станицы, к которой принадлежал певчий дьяк, но и с различием семейных обстоятельств. Женатые певчие дьяки получали более припасов, чем холостые. В 1700 году было выдано тридцати семи женатым певчим дьякам и поддьякам каждому на Филиппов и Петров посты два осетра и две семги, икры армянской 10 фунтов; к сырной неделе по белуге и семге и 6 фунтов икры. Холостые же певчие дьяки [и поддьяки] в числе десяти человек получили в то же время на Филиппов пост по полуосетру и по семге и по 4 фунта икры; на Петров пост — по целому осетру и по семге; наконец, к Сырной неделе — по полубелуге, по семге и по 4 фунта икры.

Вся эта пища находилась на обыкновенном, будничном столе патриарших певчих дьяков и поддьяков. В праздники являлись на столе их более разнообразные яства, отпускаясь также с патриаршего двора. В воскресные и праздничные дни, а также в «государские ангелы» стол патриарших певцов состоял из нескольких блюд, по десяти нарядов в блюдо. В эти дни с патриаршего двора отпускалось певцам «по два хлеба с половиною, по десяти пирогов, по колачу хомутинному в блюдо, икры армянской пять фунтов, визиги пять пучков в наряд, щук десять колодок, ухи и варенчугу и штей с сметками по десяти нарядов, звен белужьих один пуд восемь фунтов, семги двенадцать фунтов с половиною и рыба паровая». Кроме того, в Господние праздники поставлялись прибавочные блюда «из полтора пуда осетрины, десяти кружков тельнаго и десяти блюд пряженных пирогов». При яствах во все воскресные и праздничные дни и в «государские ангелы» выдавалось еще с расхожего погребца по кружке пива и по кружке меду на каждого певчего дьяка и поддьяка.

Патриаршие певчие дьяки и поддьяки нередко также имели особый стол у царя и патриарха наравне с прочими духовными властями. Эти обеды почитались торжественными. К патриаршему столу для певчих дьяков и поддьяков до 1690 года отпускалось с такого погребца «по ведру меду красного, да по ведру меду белого». При патриархе Иоакиме стали выдавать еще вино церковное «по ведерному оловенику». Впоследствии дача питей усилена прибавкою пива простого по ведерному же оловенику. По случаю молебнов и панихид патриаршим певчим раздавали питья на расхожем патриаршем погребце.

Почти вполне обеспеченное положение патриарших певцов в одежде, доме и пище значительно улучшалось денежными средствами. Эти средства получались из разных источников, постоянных и изменяющихся.

Единственным постоянным источником денежных певческих средств служила патриаршая казна, производившая патриаршим певчим дьякам и

поддьякам годовое жалованье. Оно, если судить по современной стоимости монеты, было немало. В 1626 и 1627 годах патриаршая казна выдала 168 рублей 5 копеек на 29 человек, а в 1698 году — 306 рублей 50 копеек на 50 человек¹⁸. Певчие дьяки и поддьяки получали неодинаковое жалованье: дьяки — большее, поддьяки — меньшее. При этом певчие дьяки первой станицы получали большее жалованье, чем певчие же дьяки второй станицы. Точно такая же постепенность в распределении годового жалованья соблюдалась и между патриаршими певчими поддьяками: большее годовое жалованье выдавалось певчим поддьякам первой станицы, и самое малое — певчим поддьякам последней, седьмой станицы. Все различие в денежном жалованье каждой станицы яснее можно видеть из таблицы 1710 года, утвержденной Св. Синодом [в 1722 году]. В этой таблице годовое жалованье между певчими дьяками и поддьяками распределено почти так же, как оно выдавалось им при самих патриархах.

Неодинаковое распределение годового жалованья между станицами патриарших певчих дьяков и поддьяков побуждало певцов низших станиц поступать в станицы высшие на оклад больший. Оно же в управлении Патриаршего дома служило довольно удобным средством награждать певчих исправных и наказывать нерадивых и непокорных.

		Число лиц	Годовое жалованье	
			одному	всем
Певчим дьякам:	1-й станицы	5	12 руб. 50коп.	62 руб. 50 коп.
	2-й станицы	5	10,50	52,50
Певчим поддьякам:	1-й станицы	1	10	10
	1-й станицы	2	7	14
	1-й станицы	2	6,50	13
	2-й станицы	1	7,50	7,50
	2-й станицы	4	5,50	22
	3-й станицы	5	5	25
	4-й станицы	5	4	20
	5-й станицы	5	3	15
	6-й станицы	5	3	15
	Итого:	40		256 руб. 50 коп.

Второстепенные, изменяющиеся источники певческих доходов оказывались источниками более существенными. Они замечательны по своему разнообразию. Патриаршие певчие дьяки и поддьяки получали деньги славенные, служебные, пошлинные, милостынные, или наградные.

В праздник Рождества Христова «в благовест Святейший со властью ходили к Царем славить, певчие в стихарях идучи поют стихеры празднику. <...> Цари встречают Патриарха в сенях, и пришед в хоромы певчие поют: “Рождество Твое Христе Боже наш”, “Слава и ныне: Дева днесь”, потом “Господи помилуй” трижды, “Владыко благослови”, и Патриарх возьмет крест

глаголет отпуст и потом певчие поют многолетие благоверным Царем»*. Царь всегда приказывал выдавать славленое. Певчие славили Христа в доме патриарха, и патриарх также имел обычай выдавать славленое из своей домово́й казны. В 1627 году патриарх жаловал на всех певчих дьяков и поддьяков пять рублей десять копеек, а в 1698 году патриарх Адриан давал славленого десять рублей без пятака. Без сомнения, славленое певчих дьяков и поддьяков не ограничивалось хоромами царя и домом патриарха, а совершалось и по другим местам в Москве. Отовсюду собиралось славленое в неопределенном, более или менее значительном количестве, смотря по значению и щедрости принимавшего певчих со славленным¹⁹.

К тому же празднику Рождества Христова «по указу великих Государей и по благословию святейших Патриархов» русские архипастыри ежегодно присылали в Москву «со иконы и со святыми водами», а из монастырей «архимандриты, игумены, строители, и келари, и казначеи со иконы и со святою водою в приезде сами бывали». Все эти лица «славленья деньги дьяком певчим и поддиаком платили по вся годы». Больше число славленого присылали митрополиты Новгородский и Казанский.

		Новгородский митрополит	Казанский митрополит
Певчим дьякам:	1-й станицы	1 руб. 80 коп.	1 руб. 70 коп.
	2-й станицы	1,50	1,40
Певчим поддьякам:	1-й станицы	1,20	1,10
	2-й станицы	1,10	1
	3-й станицы	1	0,90
	4-й станицы	0,90	0,80
	5-й станицы	0,80	0,70
	6-й станицы	0,70	0,60
Итого:		9 руб.	8 руб. 20 коп.

Но в 1690 году «по указу великих Государей и святейшаго Патриарха» присылка от архиереев и приезд начальников монастырей в Москву к празднику Рождества Христова прекратились: «того ради патриарховым дьякам певчим и поддиакам учинилась скудость». По этому случаю патриарх Иоаким установил роспись славленным рождественским деньгам и повелел «из патриаршаго казеннаго приказы: 1) послать к архиереом грамоты, велеть им деньги по росписи из их архиерейские домовые казны и с монастырей своя епархии собрать и присылать к Москве ежегодно непременно на 198 год²⁰ и впредь по вся годы, не мотчав, декабря к двадесять пятому числу, 2) а святейшаго Патриарха Епархии в города послать грамоты к закащикам

* Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Ч. X. М., 1789 (Устав Московских святейших патриархов Российских... хранимый и поныне в точности соблюдаемый в первопрестольном московском Большом Успенском соборе). С. 134—135 (запись 1684 года).

и велеть им с монастырей собрать и присылать к Москве с старостами поповскими потомуж». По этой росписи все архиерейские кафедры и монастыри разделены были на 11 категорий. Самый большой взнос славенных денег, 15 рублей, назначен был с Троицкого Сергиева монастыря. Затем ежегодно должны доставлять славленного:

Семь рублей — митрополиты: Новгородский, Казанский, Сибирский, Ростовский, Рязанский; монастыри: Ипатьевский Костромской, Кириллов Белозерский и Спасский Ярославский.

Пять рублей — митрополиты: Крутицкий, Нижегородский, Белгородский, Суздальский; Вологодский архиепископ и монастыри: московские Чудов, Новоспасский, Симонов; Богородицкий Свяжский, Спасский Евфимиев Суздальский и Псковский Печерский.

Четыре рубля — митрополиты: Псковский и Смоленский; архиепископы: Тверской, Коломенский, Вятский; монастыри: Саввин Сторожевский, Воскресенский, Иверский Новгородский, Печерский Новгородский, Богоявленский Костромской, Пафнутиев Боровский, Соловецкий, Покровский девичий Суздальский.

Три рубля с половиною — новгородские монастыри: Юрьев и Хутынский.

Три рубля — Астраханский митрополит; архиепископы: Холмогорский и Устюжский; монастыри: Владимирский Рождественский, Преображенский Казанский, Иосифов Волоколамский, Макарьев Желтоводский, Тихвин Новгородский, Калязин Кашинский и московские девичьи Вознесенский и Новодевичий.

Два рубля с половиною — епископы: Тамбовский и Воронежский; монастыри: Горицкий Переяславский, Каменный Вологодский, Николаевский Песношский.

Два рубля — монастыри: Макарьев Унженский, Прилуцкий Вологодский, Троицкий Астраханский, Антониев Николаевский Бежецкого Верху, Крестный, Антониев Сийский и рязанские Спасский, Солотченский и Богословский.

Полтора рубля — монастыри: московские Андрониев, Петровский, Николаевский Угрешский; новгородские Антониев, Вяжицкий и Александровский; вологодские Павлов и Корнильев; Переяславский Данилов.

Один рубль — монастыри: московские Донской, Данилов, Златоустовский, Богоявленский, Знаменский, Новинский; Высоцкий Серпуховской, Лужецкий Можайский, Возмицкий Волоколамский, Борисоглебский Дмитровский, ростовские Богоявленский и Борисоглебский; Отрочь Тверской, Духов Новгородский, Переяславский Никитский, Глушицкий Вологодский и Феропонтов Белозерский.

Полтину — Воздвиженский Московский на Арбате и Колоцкий Можайский.

Росписи славенных денег за собственноручною подписью патриарха Иоакима доселе хранятся в Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеке.

Современники остались довольны расписанием славленных денег. Патриаршие певчие дьяки и поддьяки оставались довольны потому, что иссякший источник денежных доходов открывался для них снова. Плательщики славленных денег не могли не утешаться уменьшением их в росписи патриарха. Так, например, Новгородский митрополит ежегодно платил славленого добровольно вместе с иподиаконами одиннадцать рублей, а по расписанию патриарха обязывался представлять впредь всего только семь рублей. О Киевском же митрополите патриарх заметил по сему случаю, что «когда будет на Москве, тогда и дачю учинит за честь свою» и потому не разрешал посылать к нему грамоты о славленных деньгах. Таким образом, в 1690 году с двадцати одного архиерейского дома и шестидесяти девяти патриаршей области степенных монастырей собрано было славленого для певчих дьяков и поддьяков 278 рублей²¹.

Собранные славленные деньги поступали в раздел певчим дьякам и поддьякам. Патриарх Иоаким предписывал «дьяком певчим двум станицам брать по рублю на станицу, подьяком первой и второй станице — по рублю же на станицу, подьяком же третьей и четвертой станице — по тридцати алтын на станицу, подьяком же пятой и шестой станице — по двадцати пяти алтын, по четыре денги на станицу»*.

С прекращением патриаршества этот источник певческих доходов прекратился не вдруг. Расписание славленных денег «имянным блаженныя и вечной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго» 1703 года 14 марта указом было утверждено и повелено им те славленные деньги от архиереев и монастырей давать по-прежнему.

Другим источником денежных доходов для патриарших певчих дьяков и поддьяков служило пение в храмах, куда по особенному случаю приглашали самого патриарха на служение. Певчие дьяки и поддьяки получали при этом за свое пение особые деньги. Это — деньги так называемые служебные. За отправление каждой панихиды по преставившихся государях-царях, царицах и всей высочайшей их фамилии из дворцовой канцелярии постоянно выдавалось патриаршим певчим по 1 рублю 80 копеек**.

Плата от других мест и лиц за пение патриарших дьяков и поддьяков была условна и зависела более всего от щедрости производившего ее. Впрочем, при совершении погребения производилась певцам определенная плата. Эта плата имела три статьи, или различия. Она была или большая, когда деньги за пение выдавались по большой статье, или средняя, когда деньги за пение платились по средней статье, или малая, когда деньги за пение выдавались по меньшей статье. При плате по большой статье следовало давать каждому певчому дьяку большой станицы 2 рубля, а другой станицы — пол-

* Источник автором не указан, составителями не разыскан. — *Сост.*

** Выдача этих денег прекратилась в 1750 году. — *Примеч. автора.*

тора рубля; поддьякам большой станицы — 1 рубль, второй станицы — 90 копеек, третьей — 80 копеек, четвертой — 70 копеек, пятой — 60 копеек, шестой — 50 копеек и двум станицам новопробылых малых поддьяков десяти человекам по сорока копеек человеку*. Таким образом, за пение патриарших певцов плата по большой статье в общей сложности простиралась до 44 рублей. Не приводим далее платы за пение по средней и малой статьям. Эти платы — несколько менее платы по большой статье. Следует, однако же, заметить, что вся совокупность служебных денег, получавшихся патриаршими певчими, должна представлять довольно значительную годовую цифру.

Пошлинные деньги собирались патриаршими певчими дьяками и поддьяками из двух источников: с московских приходских церквей и со ставленников. Сбор денег с приходских московских церквей был сравнительно очень незначителен. На содержание патриарших певчих дьяков и поддьяков отделено было только два сорока московских церквей. Каждая церковь платила ежегодно по 50 копеек, и, следовательно, певчими и поддьяками «в роздел з дву сороков збиралось» всего в год 30 рублей 50 копеек.

Гораздо значительнее был сбор ставленнических пошлин. Патриарх имел в своем иерархическом ведении особую область, точно так же, как и всякий русский епископ имел свою отдельную епархию. Область исключительно патриаршего управления не составляла какую-либо определенную местность; эта область была рассеяна по всей тогдашней России. Храмы и приходы, принадлежавшие к патриаршей области, почитались лучшими местами. Кто желал занять одно из таких мест, обыкновенно обращался с просьбою к самому патриарху. Так начинались дела, производством которых преимущественно занимались патриаршие иподиаконы, а также певчие дьяки и поддьяки. Эти лица, вероятно, не получали от патриарха никакой платы за свой письменный труд. Поэтому до 1675 года каждый искатель места в патриаршей области, или, иначе, ставленник, должен был давать делопроизводителям условные, более или менее значительные, суммы. Но условия не всегда выходили обоюдно выгодны; нередко даже представлялось затруднение достигнуть удовлетворительного взаимного соглашения между просителем и делопроизводителем, отчего происходило немало волокит и убытков. Патриарх Иоаким, в предотвращение многих затруднений, установил определенную плату со всех ставленников. По сему установлению каждый ставленник обязан был выдавать певчим дьякам правого клироса 10 копеек и столько же певчим дьякам левого клироса; певчому дьяку Федору Константинову за подьяческое учение 3 копейки; поддьякам первой, второй и третьей станиц по 9 копеек на станицу, а четвертой, пятой и шестой станиц по 5 копеек на станицу**. По сему расчислению каждый ставлен-

* См.: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. 5. 1676—1700. СПб., 1842. Акт № 296, без года.

** См.: Акты исторические... Т. 4. 1645—1676. СПб., 1842. Акт № 259, 1675 года.

ник платил патриаршим певчим дьякам и поддьякам до 60 копеек пошлины. Впоследствии эти пошлины несколько возвысились. Поставляемый в диакона платил певчим дьякам 54 копейки, а поставляемый во священника — 91 копейку. Акты, относящиеся к началу синодального управления, справедливо находили сбор ставленнических пошлин немалым. В 1742 году певчими дьяками и поддьяками собрано ставленнических пошлин 788 рублей 16½ копеек, в 1743 году — 632 рубля 38½ копейки, в 1744 году — 653 рубля 72 копейки. Весь этот доход [бывших] патриарших певчих дьяков и поддьяков совершенно прекратился в 1751 году, потому что в это время все храмы бывшей патриаршей области были причислены к тем епархиям, среди которых находились. Патриаршая область, оставшаяся в ведении Московской епархии, также не доставляла никаких денег бывшему патриаршему хору. Причина такого обстоятельства заключалась в том единственно, что в Московской епархии в то время были учреждены свои певчие²².

Милостынные, или наградные, деньги составляли также нередкое явление в жизни патриарших певчих дьяков и поддьяков. Разные радостные и печальные события в семействе царском всегда почти сопровождались усердною милостынею. В 1648 году по случаю крещения великого князя Димитрия Алексеевича и в 1650 году по случаю крещения великой княжны Евдокии Алексеевны выдано было из дворцовой казны патриаршим певчим дьякам первой станицы 40 рублей. В первой станице патриарховых дьяков числилось тогда пять человек: Богдан Иванов, Феодор Константинов, Иван Никитин, Иван Матвеев, Иван Трифонов. Следовательно, каждый из них в указанные два года получил от царя 10 рублей. Нередко также патриаршие певчие дьяки и поддьяки получали наградные деньги из сумм домовою казны патриарха. По кончине патриарха Иосифа царь Алексей Михайлович из суммы, оставшейся после патриарха, собственноручно раздал каждому из патриарших певчих дьяков по 10 рублей милостыни.

Таким образом, хор патриарших певчих дьяков и поддьяков, несмотря на свою значительную численность, во все время патриаршества пользовался вполне удовлетворительными средствами к жизни.

Великое значение патриарха в церкви русской отражалось в немалой степени и на самом хоре патриарших певчих дьяков и поддьяков. Патриаршие певцы всегда при исполнении богослужебного пения первенствовали пред хорами певчих великокняжеских, а тем более пред певчими митрополитов, архиепископов и епископов. При совместном пении этих хоров во храме с патриаршими певцами всегда патриаршие певчие занимали правый клирос, а митрополичьи — левый. Так было на память Алексея митрополита 20 мая 1687 года в Московском Успенском соборе. Но, независимо от иерархических преимуществ, самые гражданские права патриарших певцов были значительнее, чем прочих епархиальных певчих. Тогда как митрополичьи и прочие епархиальные певцы сравнивались вообще с причетниками приход-

ских церквей, патриаршие певчие дьяки имели права монастырских казначеев, а поддьяки — права старцев всех монастырей. Уложением царя Алексея Михайловича (глава десятая, статья 95) предписывалось: «А будет кто ни будь обесчестит Патриарших, и Митрополичих, и Архиепископлих, и Епископлих дьяков, или детей боярских, или иного чину домовых людей, и на тех править бесчестье. <...> Патриаршим же певчим дьяком: 1-й станице по семи рублей человеку, 2-й станице по пяти рублей человеку. Подьяком больших станиц по пяти же рублей человеку, а меньших станиц по три рубли человеку»^{*}.

Но и патриаршие певцы всегда уступали первенство государевым певчим дьякам. В крестных ходах и вообще в торжественных случаях, когда соблюдается особый черед или постепенность, патриаршие певцы постоянно шли прежде певчих государевых. При погребении царевны Ирины Михайловны и царя Феодора Алексеевича патриаршие певчие дьяки и поддьяки шли пред иконою, а государевы певчие дьяки шли и пели за патриархом перед гробом. Когда богослужбное пение в храме должны были исполнять и певцы государевы, и певцы патриаршие, то государевы певцы помещались на правом клиросе и предначинали пение, а патриаршие певчие дьяки занимали левый клирос. Эти видимые преимущества государева хора певчих в совокупности со многими другими обстоятельствами подавали нередко повод к тому, что патриаршие певчие почитали особенным счастьем перейти в хор государевых певцов. Некоторым это удавалось. Патриаршие певчие дьяки Феодор Константинов и Богдан Иванов в 1652 году поступили в государевы певчие дьяки²³.

Комментарии

Текст печатается по изданию: *Разумовский Д. В.* Патриаршие певчие дьяки и поддьяки // *Древности. Археологический вестник*, издаваемый Московским Археологическим обществом. Т. I. Вып. 6 (ноябрь—декабрь). М., 1867/68. С. 241—253. При повторном издании статьи Н. Ф. Финдейзенем в 1895 году отдельной брошюрой в тексте были допущены опечатки, в связи с чем данная публикация предпринята по первому изданию.

При подготовке текста были сверены цитаты по первоисточникам, выверены названия монастырей, уточнены авторские библиографические ссылки, выправлены годы при переводе дат с летоисчисления XVII века на современное.

1. Следует иметь в виду, что Разумовский рассматривает только один период в истории хора, когда он назывался Патриаршим, и не упоминает вовсе, что до образования хора патриарших певчих дьяков и поддьяков существовал хор певчих дьяков

^{*} Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится. 2-е изд. СПб., 1737. С. 43.

митрополита Московского, который в 1589 году — дата учреждения на Руси патриаршества — был переименован в Патриарший. Самое раннее обнаруженное известие о хоре Московского митрополита относится к 1456 году (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. Т. 1. СПб., 1836. С. 470, 473).

И. А. Гарднер дает следующее объяснение наименованию «певчий дьяк»: «...Дьяк (или диак) есть укороченное слово диакон, и потому делалось различие между простым дьяком и «дьяком урарным», то есть дьяконом, имеющим орарь, — диаконем. Просто дьяком назывался клирик низших степеней (чтец и певец). Так как такие клирики имели различные должности в епископской канцелярии и вообще были обязательно грамотными людьми, то название дьяк совместилось с понятием о канцеляристе, чиновнике — как на Западе, у французов слово *clerc* () стало служить для обозначения писца, канцеляриста. Так, слово дьяк в Московском государстве стало со временем означать не только низшего клирика, церковного певца, но и чиновника известного ранга (например, думный дьяк). А чин, степень ниже дьяка была рангом поддьяка (никак не смешивать с иподиаконом — степенью клира между певцом и диаконем)» (Гарднер И. А. Богослужбное пение Русской Православной Церкви. Сущность. Система. История. Т. 1. Сергиев Посад, 1998. С. 418).

2. В своей работе Разумовский приводит выборочные сведения о числе певцов в хоре. По нашим данным, основанным на исследовании корпуса документов государственного и патриаршего казенных приказов (РГАДА, ф. 396 и ф. 250), численность хора в период после Смутного времени и до середины XVII века колебалась от 25-ти до 37-ми человек. Во второй половине XVII века — от 34-х до 53-х. (См. более подробную роспись состава Патриаршего хора в книге Н. П. Парфентьева «Профессиональные музыканты Российского государства XVI—XVII веков», с. 13—15.) В упомянутых во введении к разделу современных работах, посвященных истории церковных хоров русского Средневековья, содержатся уточнения и по поводу других затрагиваемых Разумовским вопросов — о числе и названиях станиц, о выдаче жалованья, о занятиях певчих и др.

3. К 1629/30 году в Патриаршем хоре появилась так называемая «поддьяконова» станица, в которую входили самые старшие поддьяки, возглавляемые поддиаконом; с 1653/54 года каждого певчего этой станицы стали именовать поддиаконом. Как известно, патриаршие поддьяки, будучи посвящены в низшую степень церковнослужителя, не только пели, но и прислуживали за богослужением. Вероятно, к 1630-м годам восходит практика посвящения старших из них в более высокую, иподиаконскую степень. Возможно, этим объясняется тот факт, что поддиаконова станица стала писаться в документах выше певчих дьяков. О функциях состоявших при Синодальном хоре иподиаконов в синодальный период см. в публикуемой в третьем разделе данного тома работе «Извлечение из устава московского верхового Большого Успенского собора с предисловием и с показанием, в какие дни положено быть в нем патриаршим и архиерейским служениям по древнему патриаршему чину».

4. В средневековой Руси структура архиерейских певческих хоров определялась принципами иерархии и подобия — универсальными законами церковной организа-

ции, проявлявшимися во всех сферах жизни. Наверху иерархической пирамиды русских архиерейских хоров находился хор первоиерарха Русской церкви, за которым следовали устроенные по его образцу хоры других архиереев. Тем же принципом определялось и устройство каждого отдельного хора, во главе которого находилась первая (или большая) станица, по образу и подобию которой были устроены другие станицы. Каждая станица средневекового хора представляла собой маленький, способный самостоятельно функционировать ансамбль, состоявший по большей части из пяти человек (станцию можно уподобить маленькому клиросу во главе с головщиком). В XVII столетии, в период расцвета строчного многоголосия, в каждой из старших станиц хора были представлены певцы всех специализаций — «нижники», «вершники», «путники» и «демественники», что позволяло станице исполнять как одноголосные роспевы, так и строчные партитуры. Деление хора на станицы сохранялось и в синодальное время, вплоть до начала XX столетия (см. документы второго раздела настоящего тома). Однако это деление касалось лишь получавших жалованье взрослых певчих и являлось свидетельством их квалификации.

5. В данном составе первая и вторая станицы Патриаршего хора пели только в 1635/36 году (во второй станице в это время, кроме упомянутых Разумовским певчих, значились еще Неустрой Шарапов и Савостьян Дмитриев; Тит Иосифов в документах называется Титом Осиповым). Интересно, что выписка из расходной книги патриаршего Казенного приказа (ныне РГАДА, ф. 235, оп. 2, № 9), где содержатся точные сведения о составе станиц, находится и в архиве Разумовского (ОР РГБ, ф. 380, № 7/1, л. 307).

6. Помимо названных роспевов в чиновниках и записных книгах Успенского собора встречается упоминание и киевского роспева.

7. При цитировании документов автор допускает неточности при переводе годов из летоисчисления XVII века (сентябрьский календарный стиль) в современную систему. В данном случае речь идет о событии 7 марта 7176 года, то есть 1668 года; у автора — 1667. Поправки подобного рода сделаны еще в шести случаях при цитировании документов.

8. О пении патриарших певчих дьяков и поддьяков в Успенском соборе можно сказать следующее, опираясь на данные опубликованных чиновников и записных книг: патриаршие певчие пели не только стоя на клиросе, но и в алтаре, и на амвоне, и в составе процессий, входивших в Успенский собор, причем пели больше попеременно (правый — левый клирос, дьяки — поддьяки, певчие — священники и дьякона Успенского собора), иногда и всем хором, когда оба клироса пели на сходе. Упоминание о пении всем собором («совокупно») встречается крайне редко. Следует также иметь в виду, что когда на богослужении в Успенском соборе присутствовал царь, или же патриарху сослужили иные святители, то помимо патриарших певчих в пении принимали участие и другие хоры (см. публикуемые ниже фрагменты чиновников).

9. Чин Новолетия, в различных источниках называемый по-разному (чин Провождения лету, чин Летопрощения, чин Новому лету) представлял собой торжественный молебен в день Нового года 1 сентября. Впоследствии это событие стали отмечать 1 января — литургией и молебном в Успенском соборе.

10. В частности, небольшая группа подьяков Патриаршего хора постоянно ходила на службы в церковь Двенадцати Апостолов.

11. Речь идет об известном в XVII столетии чине Шествия на осяти, которое символически воспроизводило вход Господа Иисуса Христа в Иерусалим и совершалось в Вербное воскресенье. Во время шествия, сопровождаемого сонмом духовенства и певчими дьяками, патриарх восседал на лошади, которую вел царь, что воплощало идею смирения земной власти перед небесной. Шествие на осяти совершалось не только в неделю Ваий, но и при архиерейской интронизации, когда архиерей объезжал Китай-город и у его ворот читал особые молитвы.

12. В уже упоминавшейся работе «Профессиональные музыканты Российского государства» Н. П. Парфентьев приводит другие данные о повседневной одежде патриарших певчих дьяков и подьяков, а именно: «Патриаршие певчие также носили одnorядки с серебряными золочеными пуговицами, полукафтаны, «проезжие теплые кафтаны», доломаны, шубы («мерлошчатые под сукном»), шапки суконные или бархатные с околами из соболя или куницы и др.; периодически им жаловали и деньги на сапоги» (С. 109).

13. Например, во время коронации Феодора Алексеевича 18 июня 1676 года произошло следующее: «А с Царскаго високаго чертожнаго места червленые сукна, которыми было обито и постлано до церковных дверей, пожаловал Великий Государь, и Святейший Патриарх благословил церковников певчих Диаков и Подьяков, на честь Царскаго Величества» (Из церемониала коронации государя царя Феодора Алексеевича // Древняя российская вивлиофика. Ч. VI (месяц октябрь). СПб., 1774. С. 158.)

14. Чин Пещного действия был, вероятно, наиболее живописным из всех средневековых чинов и представлял собой литургическую драму с развитой фабулой, «действующими лицами» и богатой бутафорией. Восходящий к библейской книге пророка Даниила сюжет повествовал о чудесном спасении из «огненной печи» трех вавилонских отроков, которые не захотели поклониться золотому тельцу. Пещное действие совершалось в крупнейших кафедральных соборах во время утрени в неделю Святых Праотец перед Рождеством Христовым. Судя по расходным документам патриаршего Казенного приказа второй четверти XVII века, к подготовке Пещного действия относились очень серьезно и отпускали немалые средства для покупки и «подновления» аксессуаров, для выплаты денег «отрокам», «халдеям» (их изображали обычно находившиеся на патриаршей службе сторожа) и «отроческому мастеру» — опытному патриаршему либо государеву певчему дьяку, который выучивал с «отроками» их роли.

15. Статья 1-я гласила: «Которые слободы на Москве патриарши и митрополичьи и владычныи и монастырские и бояр и сокольничих и думных и ближних и всяких чинов людей, а в тех слободах живут торговые и ремесленные люди, и всякими торговыми промыслами промышленяют, и лавками владеют, а государевых податей не платят и служеб не служат, и те все слободы со всеми людьми, которые в тех слободах живут, всех взяти за государя в тягло и в службы безлетно и бесповоротно, опричь кабальных людей. <...> А у патриарха слободы взяти совсем, опричь тех дворовых людей, которые изъстари за прежними патриархи живали в их патриарших чинех дети боярские, певчие, дьяки, подьячие, истопники, сторожи, повары и хлебники, конюхи и

иных чинов дворовых его людей, которым дается годовое жалованье и хлеб» (Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий. Л., 1987. С. 99).

16. Новое место обитания патриарших певчих в Китай-городе напротив Кремля обустроивалось постепенно. В 1688 году было куплено у кравчего Б. А. Голицына «дворовое проезжее место» в Китай-городе, находившееся рядом с дворами патриарших певчих. К 1690 году певчая слободка, как стали называть москвичи эту часть города, была застроена небольшими двухэтажными каменными домами с сенями, кладовыми, погребями и дворами. Новые строения вытянулись от Ветошного ряда (на месте современного Ветошного переулка) до нынешнего Богоявленского переулка, гранича слева с Богоявленским монастырем, справа — с землями Новгородского митрополита и Троицкого монастыря. Посередине слободки проходила улочка с коротеньким переулком влево, вдоль которых и расположились 33 дома патриарших певчих; улочка называлась Большой Певческой.

17. В современном летоисчислении год 135-й (в полной записи 7135) равен 1626/1627, а 136-й (7136) — 1627/1628.

18. В журнале «Гусельки яровчатые» (1914, № 3) за подписью священника П. Тихова появилась «Справка», касающаяся финансового положения патриарших певчих дьяков и поддьяков в начале XVIII века и синодальных певчих в конце XIX века. Получилась такая картина: «По расчету историка Ключевского, в начале XVIII столетия ценность денег была выше современных приблизительно в 9—10 раз. Следовательно, певец XVIII столетия получал жалованья в переводе на современные деньги не менее 60 рублей в год при готовой квартире с отоплением, обмундировке и полном готовом столе. Как велики были побочные доходы: славленные, пошлинные и милостынные? По кончине патриарха Иосифа царь Алексей Михайлович собственноручно раздал каждому из патриарших певчих по 10 рублей милостыни. 10 рублей на современные деньги — 100 рублей.

Предположим, что современный синодальный певец тратит в год на стол 250 рублей, на одежду 150 рублей, — остается на все прочее около 60 рублей. У певца XVIII столетия оставалось целиком жалованье (60 рублей) плюс немалые побочные доходы».

19. Любопытно, что традиция славления в Патриаршем хоре была настолько живуча, что и по прошествии двухсот лет поддерживалась синодальными певчими с прежним рвением. Так, Н. Г. Крюков, певчий Синодального хора в первой половине 1880-х годов, в одном из документов архива Синодального училища свидетельствует, что «на Рождество Христово славляли на два отделения по три линейки по всей Москве и в Пасху тоже ездили с концертом славить» (РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 2, № 8 за 1909 год).

20. На 198 (7198) год — значит на 1689/90 год.

21. В этом месте нет указания на номер документа в Синодальной библиотеке (новая роспись славленным деньгам), однако в книге Парфентьева в примечаниях ко второй главе (С. 27) имеется ссылка на интересующий нас архивный источник: «В 1689 году была разработана новая Роспись славленным деньгам, предусматривающая сбор денег с 20 епархий (94 рубля) и 69 монастырей (291 рубль)» — ГИМ, Синод. собр., № 585, л. 2—7 об.

22. Речь идет о создании хора певчих из 24-х человек с басами, тенорами, альтами и дискантами при Московском архиепископе Платоне (Малиновском) осенью 1750 года, получившего название Чудовского, или митрополичьего, хора. «Преосвященный Платон, приняв управление Московской епархией [1748] и поместившись на жительство согласно указу Св. Синода в кафедральном Чудовом монастыре, начал устроить вместо патриаршего клира в Синодальном доме свой клир при епархиальной кафедре в Чудовом монастыре. <...> 22 октября 1751 года преосвященный Платон дал предписание консистории обратить существовавший в то время особый сбор со всех приходских церквей в пользу Синодального хора на содержание чудовских певчих, объясняя в указе своем по сему предмету, что синодальные певчие, как не принадлежащие собственно до его ведения, чинят сверх того при священном служении многие неправильности и остановки, между тем как для архиерейского священнослужения в Московской епархии должно непременно против других епархий иметь своих по выбору особенных и достойных к тому певчих. В силу этого указа упомянутый сбор и был обращен на содержание Чудовского хора.<...> Упомянутый сбор с московских церквей в пользу Чудовского хора высочайшим указом 1765 года был отменен и содержание певчих было отнесено к штату Московского архиерейского дома» (N. Благотворительное общество при хоре чудовских певчих // Московские ведомости, 1883, № 298, 27 октября).

23. Подтверждения перехода двух лучших певчих Патриаршего хора — Феодора Константинова и Богдана Иванова Златоустовского из царского в Патриарший хор в начале 1650-х годов нами не обнаружено. Из архивных материалов выясняется другое: прибывший в молодом возрасте в Москву из Старицы Богдан Иванов первоначально был зачислен в царский хор, где пел в 1625/26 и 1626/27 годах, и лишь в 1627/28 году перешел в Патриарший хор. Поднимаясь по служебной лестнице, он к 1635/36 году дослужился до большой станицы, в 1646/47 году став ее главой. Умер в 1654 году в моровое поветрие. Товарищ Богдана Иванова Феодор Константинов, также начав карьеру в младших станицах Патриаршего хора и к 1643/44 году дослужившись до большой станицы, прожил более длинную жизнь и умер в 1675 году. Оба певчих дьяка были известны как переписчики певчих и четьих книг. Феодор Константинов, кроме того, в 1669 году работал на Печатном дворе над исправлением певческих книг. (Биографии певчих см.: *Зверева С. Г.* Справочник певчих дьяков и монастырских клирошан // Русские хоры и мастера пения конца XV—середины XVII веков. Диссертация... канд. иск. С. 234—235, 248—249; *Парфентьев Н. П.* Материалы к биографиям дьяков и подьяков главных хоров России XVI—XVII веков // Профессиональные музыканты Российского государства XVI—XVII веков. С. 213—214, 247—250.) Однако, быть может, наибольшую известность принес Константинову составлявшийся им в 1666—1669 и 1671—1674 годах Чиновник, содержащий подробную роспись патриарших служений в соответствии с церковным календарем. Этот замечательный документ русской церковной истории, составленный большим знатоком церковного пения, сохранил уникальные сведения о пении патриарших певчих дьяков, в силу чего без ссылки на Чиновник Феодора Константинова обходится редкая работа по музыкальной медиевистике. Ссылается на этот документ и Разумов-

ский, в дополнение к статье которого ниже приводится несколько фрагментов Чиновника. В первом из них, относящемся к 10 февраля 1667 года, описывается поставление патриарха Иоасафа II (1667—1672), на котором присутствовали царь Алексей Михайлович, а также прибывшие на Церковный Собор 1666—1667 годов по приглашению московского правительства патриархи — Антиохийский Макарий и Александрийский Паисий. В описании упоминаются патриаршие певчие дьяки и поддьяки, которым по обычаю было пожаловано сукно с патриаршего места. Второй фрагмент датирован 26 июля 1668 года, когда в Успенском соборе в сослужении двух патриархов — Иоасафа и Паисия — были совершены литургия и молебен по случаю победы русского войска над татарами под Севском. В пении помимо патриарших певчих дьяков, которые стояли на левом клиросе и пели «русскими речьями», участвовали греческие певчие во главе с иеродиаконом Мелетием, певшие по-гречески. (Константинопольский иеродиакон Мелетий прибыл к русскому двору еще в 1656 году и обучал царских и патриарших певчих греческому пению.) В следующем фрагменте, помеченном 26 июля 1674 года, описывается чин поставления патриарха Иоакима (1674—1690); упоминаются государевы и патриаршие певчие дьяки, а также гости — певчие дьяки митрополита Новгородского, прибывшего на торжество. И, наконец, последний фрагмент, от 1 сентября 1674 года, содержит описание чина Провождения лету (Летопрощения), которым открывался каждый год. На торжественных богослужениях и молебне при служении патриарха Иоакима, в присутствии царя Алексея Михайловича и царевича Феодора Алексеевича пели патриаршие певчие.

Приложение

[Феодор Константинов]

Выходы патриаршие

Фрагменты

1667

Тогож месяца [февраля] в 10 день, в неделю мясопустную, на память святого мученика Харлампия, поставлен на патриаршество Иоасаф, бывший архимандрит Живоначалныя Троицы Сергиева монастыря. Благовест был валовой, государь царь в собор пришел и выходили на площадь за алтарь и по чину было действо Страшнаго суда Христова; и патриарх Антиохийский Макарий был, а Паисий не был. И после действия пошли паки в соборную церковь и было поставление по чину, и Паисий папа и патриарх был же на поставлении, толко не служил; после поставления пошел на патриархов двор и архиереи вси с ним, певчие и подьяки провожали и пели. Ко государю ехал в санях и был в Грановитой, и отголе со государем царем были в полате у государыни царицы, и паки в Грановитую и за столом сидели. И воставше поехал патриарх около города Кремля со крестом, а ездил в санях, а не на осяти: у Спаских врат на внешней стране молитву пред образом Спасовым творил и паки во град возвратишася и шли мимо Свирловой башни и мимо Тайницких врат Житным двором в Боровицкие ворота, а вошли в Неглиненские ворота да паки в Спаские, и паки в Грановитую; с ним ездил архиерей и черные власти, а боярин был князь Иван Алексеевич Воротынский, да князь Иван Семенович Прозоровский, да околничей Никита Михайлович Боборыкин, да думный Розрядной дьяк Дементей Минин сын Башмаков. Около города и в поставление пели дьяки певчие и подьяки патриарховы; сукно с места пожаловал государь дьяком певчим и подьяком патриарховым. За столом были все патриарси, сидели все вместе, Паисий, Макарий, Иоасаф (сидел от угла); в стол стихов не пели, певчие дьяки и подьяки ели в Грановитой. После стола были чаши, государева и патриарховы, и после того провожали власти патриарха в Крестовую; правой крылос певчие дьяки с подьяками провожали и пели, а другая станица певчие провожали Вселенских патриархов. <...>

1668

Тогож месяца [июля] в 26 день, в неделю, был у обедни в соборе государь царь, приходил из походу, из Преображенского: служили божественную литургию оба святейшие патриарси, Паисий Александрийский, Иоасаф Московский и всеа Руси, с собором; благовест от утра воловой был. После обедни молебен был о победе на сопостаты, на окоянные Татары: подал Всемилостивый Спас и пречистая Богородица мати Божия, христианская заступница, молитвами Сергия чудотворца и прочих угодников Божиих, побили их окоянных Татар государевы люди, у Севска, многое множество, и в полон много поимано, и двух мурз взяли. И отпуста литургию начали молебен: патриарси стояли среди церкви не облачаяся от служебных риз, государь царь стоял у правого столпа, на правом крылосе пели Богородице канон по-гречески Мелетий с товарищи, архидиакон Анастасий и инии с ними дьякони; а на левом протопопы да дьяки певчие патриарховы с подьяками пели Рускими речьми. По 6 песни ектенья малая да кондак «предстательство христиан», а икос говорил сам патриарх Паисий, да потом пели «от юности моя» на обеих крылосех; евангелие читали оба патриарси, по малым строкам; 8 песнь покрывали на левом крылосе «хвалим благословим» да ирмос «царя небеснаго», по 9 песни «достойно есть» да потом стихи «высшую небес», таже «святый Боже», тропари «помилуй нас Господи помилуй нас», ектеня, 40 Господи помилуй; молитву говорил пресвятей Богородице Иоасаф патриарх «о пресвятая госпоже владычице Богородице», и отпуск говорил Иоасаф патриарх, Господи помилуй трижды. И потом государь царь сам говорил речь сказательную, как Господь Бог, молитвами пресвятыя Богородицы своя Богоматере, подал победу на безбожные Агаряня таковую дивную и велию, какова от многих времен на них окоянных не была, и молитвами чудотворца Сергия и всех святых. И потом пели кондак Богородице «возбранной воеводе», сам Паисий патриарх со своими дьяконы по-гречески, и потом пели тойже кондак певчие дьяки патриарши Рускими речми; таже пел Паисий патриарх со своими ирмос второго гласа «глубине открыл есть дно», потом дьяки певчие тойже ирмос «глубине открыл есть дно» Рускими речми. Потом здравствовали патриарси со властью государю царю, и государь царь патриархом здравствовал; и потом пели певчие дьяки «святейшим Вселенским патриархом православным, Мефодию Константинопольскому, Паисию Александрийскому, Макарию Антиохийскому, Нектарию Иерусалимскому, дай Бог многа лета» трижды; потом же пели государю царю многолетие большое со аненаками. Таж здравствовали государю царю бояря, потом патриархом. Потом пели дьяки певчие «преосвященным митрополитом, и архиепископом, и епископом, и всему освященному собору, дай Бог многа лета» триж. Потом патриарси кресты отпускали, пред образом Сергия чудотворца пели певчие дьяки патриарховы стих «инок множества

образ», чудотворца Алексея тут же несли, государь царь сам провожал, да Павел митрополит Сарский, да Спаса Нового монастыря архимандрит; да шедши до пути к Чюдову монастырю отпустили икону чудотворца Алексея, таж проводиша образ чудотворца Сергия на Троицкое подворье в Богоявленской монастырь, на место его. И потом пошел государь царь в поход, в Преображенское, после себя указал пети молебен, в церкви Богоявления Господня, чудотворцу Сергию; пел молебен Спаса Нового монастыря архимандрит, у молебна стоял боярин князь Яков Никитич Одоевской. <...>

1674

В неделю, в 26 день июля, благовест валовой был и со иконами и кресты сходилися по обычаю от прежних мест, и егда архиереи сошлись в соборную церковь Успения пресвятыя Богородицы и все власти, и во время, пред царским пришествием, пошли из соборныя церкви по него два архиерея, Павел митрополит Сарский да Симон архиепископ Вологодский, с двоюнадесять человеки, оболченными в красныя одежды суконныя с шеломами; архиереи ехали в коретах, а тии людие пред ними пеши, но избранный и нареченный Иоаким патриарх быти им в чину не велел, и не были. И потом прииде в соборную церковь нареченный Иоаким патриарх со властью, в двери, что от Архангела: кадили на пороге два диакона, под руки приняли власти, и целовал иконы, и в олтаре облачился в Новгородское одеяние, и как пришел государь царь в церковь во одеянии царском, дьяки певчие патриарховы пели государю царю многолетие, вход в церковь; а преже того в олтаре, как он облачался нареченный патриарх, благословлялися освященнии чины, и певчие дьяки патриарховы и подьяки. И государь царь целовал иконы, а архиереи вси с прочими властью вышли из олтаря, кроме нареченного патриарха, в начале Корнилий митрополит Казанский и Свияжский, и крестом животворящим государя царя благословлял и рукою такожде, и вси архиереи благословляли рукою, и потом пошли в олтарь, таже пошел государь царь на уготованное к поставлению место; и потом протопоп соборной и протодиякон из олтаря выводили архиереев, по два, и прочих властей, и покланялися государю царю по обычаю и ставилися на своих местех по чину. И потом изведоша из олтаря нареченного патриарха, и поклонялся государю царю, и поставлен был на своем месте, со властью в ряд, на правой стороне в начале, как стоял будучи в митрополитех; и потом было начало и «Царю небесный», и потом приходил пред царя Павел митрополит Сарский и Подонский, держа чиновное писание столпцы, и сошед с места поставленного, от государя царя, и приходил к нареченному патриарху, поклон сотворив, говорил пред ним повеленную государем царем, призывая его на патриаршество царствующаго града Москвы и всея Руси, быти ему во главу всем и учителем; и потом возвели его на уготованно поставленное

место, идеже ему уготовано стул с подушкою и орлец, и учили облачати во священное одеяние патриарши ризницы, и митру наложили, а облачали сами архиереи. И преосвященнейший Павел, митрополит Сарский и Подонский, сходил до места патриаршеского, где ставится патриарх, без облачения священного, и взял с места Петра чудотворца посох, и взнес на поставленное место, и поднес его государю царю, а государь царь поднес нареченному патриарху; а как архиереи преоблачили патриарха, дьяки певчие в то время пели тропарь Успению Богородицы «в рождестве девство сохранила еси», слава и ныне, кондак «в молитвах неусыпающую Богородицу». И потом здравствовали архиереи со властью государю царю, кроме патриарха; а прежде того облачали патриарха, архиереи пели аксиос на месте стоя, а по них пели певчие дьяки на правом крылосе, а потом на левом; а как архиереи совершили государю царю поздравление и поклонилися государю царю, дьяки певчие пели многолетие большой роспев. И потом здравствовал патриарх государю царю по писму, а государь царь ему здравствовал, и потом власти патриарху здравствовали, а потом бояря государю царю здравствовали, а потом патриарху; а дьяки певчие, пропев государю царю многолетие, пели многолетие Вселенским патриархом по имяном, а потом святейшему Иоакиму патриарху Московскому и всеа Русии, демественное «исполаэти деспота», а потом преосвященным митрополитом и архиепископом и епископом и всему освященному собору «дай Боже много лета». И потом часы начали, царь государь с места того пошел на свое царское место, а патриарх руки умывал и действовать начал; и потом литургия божественная, царь государь всю литургию слушал в соборе. После обедни в олтаре розблачился святейший патриарх от священных риз и облачили его в рясу и мантию патриаршу, и клобук большой положили на главу его, и вышед из олтаря здравствовал государю царю по писму и свое волею Божиею избрание воспоминал; а отпустя литургию чел поучение на амбоне, Христовы словеса, еже есть «блажени нищии духом» и прочее. И потом государь царь пошел к себе в царския полаты, а патриарх пошел к себе в Крестовую полату; пред ним пели певчие дьяки в стихарях и подьяки все стих «о дивное чудо». И потом пришли бояря царевы, князь Юрье Алексеевич Долгорукой, да сын его боярин князь Михайло Юрьевич Долгорукой, да околничей Артемон Сергеевич Матвеев, да думной дьяк Иларион Иванов, да головы и полуголовы. И потом, по вести, пошел святейший патриарх, со архиереи и с бояры и со всеми властью, ко государю царю, а перед ним пели певчие дьяки и подьяки в стихарях вси стих «пособивый Господи кроткому Давыду», и пришед в Грановитую полату на малое время сядилися за стол; а как пришел святейший патриарх в сенех пред Грановитою, встретил государь царь святейшаго патриарха и вошли в Грановитую полату вместе. И потом пошел святейший патриарх из Грановитыя полаты, пели пред ним дьяки певчие и подьяки в стихарях вси стих «Царю небесный», и как от Благове-

щения Богородицы из паперти вышли сел в корету, имый в руку крест животворящий, благословляя народ на обе страны, а корета государьская, шесть в ней санников впряжено. И как вышли за Спасские ворота, и тамо говорил молитву пред Спасовым образом, на уготованных степенех (покрыты ковром, возят их стражие церковнии соборные), и оттуду паки в корету сел святейший патриарх и пошел по Красной площади; а боярин князь Юрье Алексеевич Долгорукой с товарищи сели во едину корету все четверо и ехали наперед святейшаго патриарха, а архиереи вси за святейшим патриархом, а по них архимандриты и игумены, и протопопы; а певчие дьяки патриарховы и подьяки все станицы пели стихи, переменяючися постанично и до меньших, а по них пели постанично Новгородские певчие дьяки и подьяки, сколько им досталось. Вышед за Неглиненские ворота молитву говорил святейший патриарх по тому же обычаю, как у Спасских ворот, и оттуду поиде мимо Житного ряду и Богоделен, мимо Моисеевского монастыря и мимо Каменного мосту; на Боровицком мосту пред враты молитву говорил по прежнему обычаю и святою водою град кропил. И поидоша в Кремль, на Житной двор, и у Водяных ворот молитву же говорил и кропил, и поидоша подле города, и мимо Свирловы башни, и мимо Андроникова монастыря подворья, к Спасским воротам и ко Красному крыльцу, ко государю к Верху, в Грановитую полату. Государь царь в сенех пред Грановитою встретил и пошел. Стол святейший патриарх кушал у государя, и прочие архиереи, и бояре, которые провожали; и архимандриты и игумены, и прочие священники, и дьяконы, и патриарховы певчие дьяки и подьяки ели по государскому жалованью в Грановитой же полате. После стола была чаша государьская, потом была и патриархова чаша, и пошел патриарх к себе, государские дары святейшему патриарху были; провожали святейшаго патриарха в Крестовую певчие дьяки и подьяки в стихарях, с пением, и потом был святейший патриарх у вечерни и у заутрени в соборе. <...>

Лета 7183, сентября в 1 день, во вторник, было Божию милостию доброе благодатное дело, государь царевич и великий князь Феодор Алексеевич были со отцем своим, с государем нашим благоверным царем и великим князем Алексеем Михайловичем, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцем, на Летопрощении, миру всему впервые объявлен. В понедельник вечер у малыя вечерни был святейший Иоаким, патриарх Московский и всеа Руси, в соборе, со всеми властями, после вечерни сам патриарх облачался к молебну со властями; а пели певчие дьяки с подьяками на молебне, тропарь Похвале Богородицы глас 8 «повеленное таинство» трижды греческим пением, а канон пели Богородице 7 гласа, что во Октаи напечатан в субботу в навечери недели 7 гласа. У всеошного был святейший патриарх со властями в соборе же, а стихиры пели на «Господи воззвах» Всемилоствому Спасу, что писаны августа в 1 день, «град твой пресветло чтем Всемилоствому Спасе» четыре, да индикту четыре, слава Всемилоствому Спасу «живо-

начальный источник», и ныне индикту «иже со Духом Святым соединеный»; на величании облачался святейший патриарх, величание пели Всемиловитовому Спасу, что учинено во 176 году, как объявлен был государь царевич блаженныя памяти Алексей Алексеевич, «величаем тя живодавче Христе, духом Отчим помазаннаго и венец лету положшаго, и нам лето приятно проповедавашаго». И образ на налое клали и среди церкви на целовании и на величании ставили, что написано по евангелию: «Прииде Иисус во град Назарет и вниде по обычаю в сонмище Иудейское, и даша ему книгу Исаии пророка, и воста чести». Благовест собранию был валовой, и как время пришло прииде святейший Иоаким, патриарх Московский и всеа Руси, со властью (а архиереи были: Новгородский митрополит, Ростовский митрополит Иона, Сарский митрополит Павел, Резанский митрополит Иосиф, Суздальский архиепископ Стефан, Коломенский архиепископ Иосиф, Сербословенский и Архангельский епископ Иоаким), в соборную церковь Успения пресвятыя Богородицы, и по чину святыя иконы целовали, и облачились; и потом прииде государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, и с ним сын его благородный царевич Феодор Алексеевич, в соборную церковь; пред ними же нес образ Всемиловитоваго Спаса архимандрит Живоначалныя Троицы Сергиева монастыря Викентий, что был в Володимере в Рожественном монастыре, того дня и того часа благословен и преведен во обитель Живоначалныя Троицы и Сергия чудотворца. Как архимандрит с образом Всемиловитоваго Спаса вступил на порог соборныя церкви, дьяки певчие патриарховы пели тропарь Всемиловитовому Спасу «пречистому образу твоему поклоняемся Благогий», пели бодро, и потом пели вход много лета царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, и благородному царевичю и великому князю Феодору Алексеевичю, «дай Боже много лета»; и вшед в церковь они государи иконы целовали и у святейшаго патриарха у креста животворящаго были, и рукою благословлял их святейший патриарх, и потом государь стал у столпа, что среди церкви, а сын его государев царевич Феодор Алексеевич стал подле его отца своего государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, по левую руку; а святейший патриарх со властью пошел в олтарь и начали начало действу Летупрошения по Чиновнику. И потом пошли из церкви и моливались, пред западными дверми, по обычаю ектении, и святейший патриарх молитву говорил, и поидоша ко уготованному месту: и пришед государь царь стал на своем царском месте, а сын его государев царевич стал на том же месте, по левую руку отца своего государя царя, и по чину дьяки певчие патриарховы почали пети антифоны по Чиновнику, а в тое время кланялися власти государю царю подважды, государю царевичю такоже подважды, святейшему патриарху поединожды; и кадил святейший патриарх святыя иконы, и государя царя, и государя ца-

ревича, и властей, и бояр, и весь народ, и потом архиереи прочие кадили по два, кийждо свою страну; и по последней ектении осенение творил крестом животворящим святейший патриарх по чину, и потом здравствовал святейший патриарх со властями государю царю и государю царевичю по обычаю, також государь царь сам здравствовал святейшему патриарху, а потом государь царевич здравствовал государю царю, отцу своему, став прямо лицу его. И потом государь царь глагола сьну своему, государю царевичю, благонаказательное глаголанье и благословеное, и объеи главу сына своего, государя царевича, и поцеловал трижды; и потом здравствовали государю царю и государю царевичю бояре, а святейшему патриарху здравствовали власти, и потом бояре святейшему патриарху здравствовали ж. Дьяки певчие патриарховы пели многолетие государю царю и государыне царице, и царевичем, и царевнам, обще, на середине стоя, многолетие болшой роспев демественное; а потом святейшим патриархом православным по имении, Иоакиму патриарху Московскому и всеа Руси вместе с ними, «дай Боже многа лета», трижды; таже преосвященным митрополитом, и архиепископом, и епископом, и всему освященному собору, «дай Боже многа лета», трижды; и потом и всем православным христианом, «дай Боже многа лета», трижды. И потом государь царь и государь царевич святыя иконы целовали, у патриарха у креста животворящаго были и водою святою их государей святейший патриарх кропил; и пошел государь царь к себе, а государь царевич пошел за ним, пред ними государи нес архимандрит Троицкой образ Спасов, а пошли Благовещенскою папертью, а пред ними государи кропили путь два священника верховые. А святейший патриарх пошел со кресты и со всем освященным собором в церковь соборную, и конец сотвориша молебному пению, таже начали часы и потом литоргию; государь царь литоргию в соборе слушал, пришел к началу литургии; а государь царевич в соборе у обедни не был. Стол был у государя царя по Грановитой полате.

*Публикуется по изданию: Дополнения к Актам историческим...
Т. 5. СПб., 1853. С. 103, 131—132, 146—148, 152—153.*

Синодальные, бывшие патриаршие певчие

I

С учреждением патриаршества на Руси в 1589 году, на пятом году царствования благочестивейшего государя Феодора Иоанновича, образовался и хор патриарших певчих дьяков и поддьяков. Образовался ли хор патриарших певчих из бывших раньше митрополичьих — да и были ли отдельные митрополичьи певчие — или он образовался из части государевых певчих, а может быть, и из вольных певцов и клириков, положительно и определенно доселе неизвестно ничего¹.

При поставлении первого патриарха Иова в Успенском соборе по окончании литургии и самого чина поставления певчие дьяки, как передают современные известия, многолетствовали государю и патриархам, Константинопольскому Иеремии и новопоставленному русскому Иову. В тот же день после трапезы у государя, когда патриарх Иов совершал Шествие на осляти вокруг старого города, перед патриархом шли певчие дьяки и пели избранные стихиры*. Но были ли эти певчие вновь организованные патриаршие или, вернее всего, государевы, на это прямых указаний нет.

Едва ли могли быть ранее патриарших и певчие митрополичьи. Архиепископ Новгородский жаловался Московскому митрополиту Симону (около 1496—1504 годов) на недостаток грамотных ставленников даже в священнослужительские степени и просил его ходатайства перед государем об училищах, где бы научили, по крайней мере, читать и канонархатъ. Царь Иван Васильевич Грозный на Стоглавом соборе также жаловался на недостаток чтецов и певцов и желал, чтобы у священников и диаконов на домах дети способные учились читать, писать и петь. О большем пока и не мечтали. Да и обучение имело целью, очевидно, приготовить необходимое количество кандидатов священных степеней. Об отдельном классе певцов в то время нельзя было и помышлять. Его, очевидно, заменяли собою наличные певцы-

* См.: Чин и устав поставления патриарха Иова в рукописном сб. Синодальной библиотеки (№ 703, л. 109—119), а также: *Муравьев А. Н.* Сношение России с Востоком по делам церковным. Ч. 1. СПб., 1858. С. 210—212; *Митрополит Макарий.* История Русской Церкви. Т. X, кн. 1. СПб., 1881. С. 36—37.

клирики в каждой церкви и соборе, не исключая и митрополичьих служений². Отдельный хор певчих дьяков существовал только у государей, который и участвовал обыкновенно при митрополичьих служениях в присутствии государя, в других же случаях его заменяли клирики. Даже во времена патриаршества, когда существовал отдельный Патриарший хор, в Успенском соборе держался еще старинный обычай исполнения богослужебного пения одними священнослужителями и при патриаршем служении.

Что патриаршие певчие первоначально были набраны из клириков, на это указывает издавна установившийся обычай ношения патриаршими певчими домашней одежды той же самой формы, какую обыкновенно носили диаконы и которая состояла из рясы и подрясника (для иподиаконов) и одного подрясника (для дьяков и поддьяков). При богослужении же, что свойственно лишь клирикам, патриаршие певчие почти всегда облачались в стихари желтые (золотые), или белые (серебряные), или же черные (парчовые). Пение патриарших певчих без стихарей, как то было в 1686 и в 1695 годах, современники отметили как нечто небывалое*. Что патриаршие певчие первоначально вербовались из клириков, на это указывает также и то неизменно повторявшееся потом обстоятельство, что в составе патриарших певчих были всегда иподиаконы, обыкновенно четверо³.

Количество патриарших певчих было первоначально незначительно, и только при патриархе Филарете (около 1626/27 года) число их доходит до 30-ти, а при последних патриархах (около 1692—1698 годов) оно уже возросло до 50-ти**. Патриаршие певчие в служебном отношении по примеру государевых певчих разделялись на станицы, которых обыкновенно было шесть, по пяти человек в каждой. Первая станица в отношении жалованья и певческих достоинств певцов считалась высшею и наиболее почетною, куда зачислялись более опытные и заслуженные певчие; другие станицы, до шестой, в том же отношении располагались в порядке постепенности. Иногда для вновь поступающих еще не подготовленных певчих открывалась седьмая станица, где было порой и более пяти человек, да были еще, помимо станиц, иподиаконы на самом высшем окладе жалованья⁴.

Патриаршие певчие получали за все время достаточное содержание, частью съестными припасами, частью деньгами из патриаршей казны. <...>⁵

Состав Патриаршего хора за все время его существования был одного типа: это был хор мужских голосов — теноров и басов. До второй половины XVII века пение певчих было всегда унисонным, знаменным роспевом, и только со второй половины XVII века, когда царь Алексей Михайлович стал выписывать из Киева для своего хора местных голосистых певчих с их нота-

* См.: *Разумовский Д. В.* Патриаршие певчие дьяки и поддьяки и государевы певчие дьяки. СПб., 1895. С. 24—25.

** Там же. С. 19—20.

ми*, содержащими вместе с древними напевами и новые — греческий, киевский, болгарский — нередко в хоровом изложении на два и на три, а иногда и на четыре голоса, тогда и патриаршие певчие, особенно в патриаршество Никона и его преемников, стали нередко петь новыми напевами, также демеством, и притом уже не унисонно, а двухголосно, трехголосно и четырехголосно. Знаменный распев преимущественно писался крюками, а новые распевы — нотами. Большая часть партитур была трехголосной, для двух теноров и баса или тенора, баритона и баса. В 1668 году 7 марта, на Похвалу Богородицы, патриаршие певчие пели «Взбранной воеводе» троестрочную**.

Детские голоса, альты и дисканты, введены были в состав певческих хоров только в последней четверти XVII столетия. Первоначально введен был только один альт, который не был так чужд в отношении к прежнему обычному составу хора из теноров и басов, как дискант, и во многих случаях отлично заменял собою прежний теноровый высокий фальцет, каковой с хорошими качествами весьма трудно было найти. Таким образом, вступление альты в состав тогдашних певческих хоров при новом направлении партесного пения и при более широком способе гармонизации, явившихся под влиянием юго-западных киевских певчих, было вполне естественно и своевременно. К этому времени принадлежит довольно значительное число партитур для теноров, басов и альтов. Да и в позднейшее время, в начале XVIII столетия, русские композиторы охотно писали хоровые переложения для этих трех родов голосов. В Московской Оружейной палате находится партитура, писанная придворным уставщиком Иваном Михайловым Протопоповым в 1724 году для двух басов, семи теноров и одного альты; другая партитура писана им же в 1727 году для восьми теноров, четырех басов и одного альты.

Вскоре вслед за альтом в состав хора был введен и дискант, но он не пользовался таким же сочувствием любителей хорового пения, как альт, что зависело от особенного, резко выделяющегося из обычной массы голосов, своеобразного его тембра, поэтому состав хора из альтов, теноров и басов и соответствующие ему партитуры, насколько можно судить об этом по самим партитурам, употреблялся предпочтительно пред другим, с участием дискантов. Это могло объясняться и практическими соображениями, и удобствами, так как альт вообще легче найти и дольше можно удержать в хоре, чем дискант. В сочинении иностранца Иоганнеса Гербиния 1675 года, посетившего Киев и его достопримечательности, упоминается о слышанном автором книги пении киевских певчих на четыре голоса, так что слышались в раздельности и отчетливо дискант, альт, тенор и бас***. Дилецкий в 1679 году

* См.: *Ундольский В. М.* Замечания для истории церковного пения в России. М., 1846. С. 23—33.

** *Разумовский Д. В.* Цит. изд. С. 22.

*** См.: *Herbinus J.* Religiosae Kijovienses cryptae... Jena, 1675.

пишет свою «Идею грамматики мусикийской»⁶, также имея в виду четырехголосное сложение из дисканта, альты, тенора и баса*. В библиотеке Синодального училища церковного пения есть четырехголосная партитура для дисканта, альты, тенора и баса, писанная в 1700 году**. В 1713 году придворный уставщик Степан Иванов Беляев по указу царского величества требовал у Новгородского митрополита Иова «тенористов четырех, басистов двух, алтистов двух, дишкантистов двух человек»***. В архиве Московской Оружейной палаты находится партитура «на примирение Полтавской баталии» для восьми теноров, двух басов, двух альтов и одного дисканта.

Хотя эти сведения касаются состава хоров и партитур собственно юго-западных певчих и певчих государевых, а о патриарших певчих мы таких сведений не имеем, но, принимая во внимание то, что патриаршие певчие были организованы по образцу государевых и едва ли отставали от них в разных нововведениях, подобных указанным, что требовалось уже в силу новых веяний самим духом времени, мы имеем право заключить, что и состав патриарших певчих в рассматриваемое время изменялся в том же направлении, как то было и с государевыми певчими. Однако же, насколько свидетельствуют те документальные данные, которыми мы теперь располагаем, ясно видно, что патриаршие певчие до времени учреждения Св. Синода, до 1721 года, оставались в прежнем своем составе из теноров и басов. В 1700 году из 47 патриарших певчих только 10 значились неженатыми****. Принимая же во внимание составленное в 1710 году расписание жалованья сорока певчих, где певчим 5-й и 6-й станиц, числом в пять человек, назначено 3 рубля в год, а 4-й станицы пяти человекам — по 4 рубля в год, мы не видим особенной разницы в количестве жалованья, которая, несомненно, должна была существовать при выдаче такового взрослым и детям. Не видим также разницы между 5-й и 6-й станицами, между тем как дети-певчие должны, несомненно, принадлежать к низшей станице, 6-й. Не видим также здесь и особой подготовительной станицы, 7-й, которая могла бы предназначаться для певчих детей. Между тем это расписание было составлено на основании предшествовавшего раньше порядка вещей, и оно же легло в основу при последующих заботах о материальном устройстве патриарших певчих при переименовании их в синодальные и при передаче их в ведомство Св. Синода. Вообще же о новом составе певчих, с альтами и дискантами, должно сказать, что то, что могло увлекать в пении новомодный

* См.: Металлов В. М. Старинный трактат по теории музыки 1679 года, составленный киевлянином Николаем Дилецким // РМГ, 1897, № 12.

** См.: Металлов В. М. Очерк истории православного церковного пения в России. 2-е изд. М., 1896. Приложение, таблица XVI, л. 11.

*** Чистович И. А. Новгородский митрополит Иов, его жизнь и переписка с разными лицами // Странник, 1861, т. 1, отд. 1. С. 109.

**** Разумовский Д. В. Цит. изд. С. 32.

Петербург, то в старобытной Москве, центре старых взглядов и убеждений и привязанности к старине, едва ли могло иметь место, и тем более в Успенском соборе, куда приурочены были патриаршие певчие, переименованные в синодальные за упразднением патриаршества и по открытии Св. Синода. Распоряжения, касающиеся малолетних певчих, мы встречаем только в первые годы XIX века. В подкрепление же старинного обычая — петь патриаршим (синодальным) певчим в Успенском соборе Св. Синод 1727 года 9 октября постановил: «Синодального дома певчим подтвердить накрепко, чтоб, как прежде сего изстари бывало, так и ныне в соборную Успенскую церковь по воскресным дням и по господским и полиелеосным праздникам к вечерни, к утрени и к литургии приходили неотложно»^{*}.

В 1700 году умер патриарх Адриан. Преемника ему не было назначено, а управляющим патриаршею областью, местоблюстителем, назначен был митрополит Рязанский Стефан (Яворский), имевший жительство в Москве. В 1712 году царь Петр Алексеевич сделал своею столицею Петербург и переселился туда на постоянное жительство со всем своим придворным штатом и, конечно, с певчими. Вскоре после того последовали именные государевы указы о вызове в Петербург значительной, вероятно, лучшей части бывших патриарших певчих для восполнения состава государевых певчих. Эти певчие, состоя в государевом хоре в Петербурге, получали, однако же, содержание из Москвы, из Патриаршего дворцового приказа по табели, утвержденной в 1710 году. Нам известно, что в 1718 году по именному государеву указу был вызван из бывших патриарших певчих поддьяк Лука Родионов, причем ему были выданы кормовые и прогонные деньги по силе того же указа^{**7}.

В 1720 году в составе бывших патриарших певчих было 44 человека, из которых было 4 иподиакона, а остальные дьяки и поддьяки. Из этого числа в том же 1720 году были вызваны в Петербург 32 человека, в том числе 3 иподиакона; а в Москве оставлено 12 человек, в том числе 1 иподиакон^{***}. Причиною этого было, с одной стороны, желание пополнить хор государевых певчих⁸, а с другой, вероятно, еще и то обстоятельство, что местоблюститель патриаршего престола митрополит Рязанский Стефан в 1718 году был вызван государем в Петербург, причем, как свидетельствовал сам митрополит, он второпях не взял с собою ни ризницы, ни певчих^{****}. Служение же бывших патриарших певчих при митрополите Стефане в Москве было

^{*} Описание документов и дел, хранящихся в архиве Св. Правительствующего Синода. Т. VII (1727). СПб., 1885. Стлб. 305—306.

^{**} Там же. Т. IV (1724). СПб., 1880. Стлб. 519—521; Там же. Т. I (1542—1721). СПб., 1868. Стлб. 727—728.

^{***} Там же. Т. I. Стлб. 160.

^{****} См.: *Розанов Н. П.* История московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода. Ч. I. М., 1869. С. 8, 147.

вполне обычно. В 1721 году из Патриаршего Дворцового приказа писали в Св. Синод: «Патриарша дому певчим и подьяком, когда в Москве в соборных церквах Кремля города в служениях бывает преосвященный Стефан, митрополит Резанский и Муромский, дачи бывало кормовых денег по 2 рубли по 29 алтын за стол»*. Таким образом, по государеву указу в 1720 году из бывших патриарших певчих перемещено было в Петербург почти три четверти хора, а одна его четверть осталась в Москве.

В 1721 году 25 января была объявлена Духовная коллегия взамен патриаршего управления, а 14 февраля того же года эта коллегия была официально открыта и наименована Святейшим Правительствующим Синодом. Ввиду такого передвижения певчих из Москвы в Петербург и ввиду происшедшей перемены в управлении Русской церковью Св. Синод 1721 года 10 марта вошел с докладом к государю следующего содержания: «Певчие, которые были патриарши, впредь оным именоваться ли патриаршими, и коликому числу из оных определить жить в Санкт-Петербурхе и дабы именовались Государевы, или как Его Величество изволит, а дело бы их при Синоде вместо подьячих для письма и для служения архиереев петь?»** Настоящим докладом Св. Синод хотел выяснить неопределенное положение бывших патриарших певчих в Петербурге, почему и спрашивал, быть ли им на прежних основаниях и именоваться по-прежнему патриаршими, так как было очевидно, что они числились в Патриаршем дворцовом приказе и оттуда получали содержание, или именоваться государевыми, конечно, с тем, чтобы быть зачисленными в штат государевых певчих и содержаться на установленные для них средства, — или же назначение их петь при архиереях, и тогда соответственно с этим должно было установиться и их служебное и материальное положение.

Государь на докладе написал резолюцию: «Именоваться, кажется, пристойно: певчие соборной церкви⁹, а употребить куды хотят, понеже, кроме великих праздников, мне нужды в них нет»***. На основании этой резолюции Св. Синод 15 марта того же 1721 года постановил: «...а бывшим патриаршим певчим имяноваться певчими соборной церкви¹⁰ и, учиня им реэстр и розобрав обыкновенно, определить из них к неотлучному при Санкт-Петербурхе житью потребных к церковному пению <...> человек, а которые из оных искусны в письме, тех причислить к синодским подьячим»****. Количество потребных к церковному пению человек, представленное здесь Синодом на усмотрение государя, оставалось, очевидно, то, которое опреде-

* Описание документов и дел... Т. I. Приложение XXVI. Стлб. CCCIV.

** Там же. Т. I. Стлб. 160. Сравни: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 1 (1721). Изд. 2-е. СПб, 1879. С. 47.

*** Описание документов и дел... Т. I. Стлб. 160.

**** Там же. Стлб. 159—160.

лилось еще в предыдущем 1720 году, то есть 32 человека, так как вплоть до 1725 года никаких особенных изменений в этом отношении не видно.

Назначение певчих, как открывалось из резолюции государя, участвовать в пении при богослужении великих праздников в присутствии государя, очевидно, совместно с государевыми певчими. Вопрос о содержании бывших патриарших певчих в резолюции не затрагивался, и, вероятно, он должен был остаться на прежних основаниях. Ввиду этого указом Св. Синода 16 марта 1721 года велено было: «Синодального дома подьяконом и певчим и подьяком денежное жалованье для санктпетербурхских повсягодных поездок с 721 года и впредь давать полные оклады по записным окладным книгам, как давано до 705 года»^{*11}. Помимо утверждения за певчими прежнего их оклада Св. Синод способных из них устраивал в должностях синодальных подьячих, что увеличивало содержание некоторых из них. В 1721 году 25 сентября Св. Синод, не без побуждения свыше, приговорил: «Бывшим патриаршим певчим, которые ныне в Приказе Церковных Дел у отпуска церковником новоявленных памятей и у сбору с них пошлин и у прочих определенных им дел обретаются, впредь не быть; а сбор кресцовских служб и годовых с попов и диаконов и со оных церковничьих новоявленных памятей оным певчим иметь во оном Приказе Церковных Дел, и определенную их певческую дачу, которая изстари содержится, отдавать им, певчим, повсягодно, с росписками»^{**}. Распоряжение это имело своею целью только изменить порядок выдачи певчим содержания. Причиной этого было, с одной стороны, общее стремление государя подчинить себе все до толе бывшие самостоятельными органы и учреждения патриаршего управления, главным образом хозяйственного, вследствие чего то же содержание, которое певчие прежде получали непосредственно сами от просителей ставленников в силу последнего распоряжения, это получение доходов было предоставлено особым чиновникам, а певчие получали уже готовое от них комплектное содержание по роспискам. С другой стороны, причиной этого, вероятно, было и то, что доходы собирали московские певчие, которых было немного (12 человек), большая же их часть (32 человека), как известно, находилась в Петербурге, получая, однако, содержание отсюда же, почему петербургские певчие оказывались более заинтересованными в доходах, в правильности их поступления, в целостности и своевременной доставке, и, следовательно, в их интересах было поставить дело в более нормальные условия, что и достигалось при данном новом порядке вещей.

Не ограничиваясь привлечением в свой хор синодальных певчих, государь захотел вызвать в Петербург лучших певчих и из архиерейских хоров.

* Там же. Т. II. Ч. I (1722). СПб., 1879. Стлб. 697—698.

** Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. I. С. 294.

Так, им были вызваны певчие из Тверского, Воронежского, Нижегородского, Казанского, Крутицкого (в Москве) архиерейских домов. В 1721 году из Тверского архиерейского дома взят был певчий Логин Алексеев, который получал денежное и хлебное содержание из того же дома*. 1723 года 1 октября государев певчий дьяк Иван Протопопов объявил Синоду: «Нижегородского де и казанского архиереев певчие — Галактион Иванов, Иван Еремеев, Емельян Федоров, Никита Максимов, Алексей Иванов взяты к Его Императорскому Величеству в прешедшем 722 году, как Его Величество изволил быть в низовом походе, а годовым денежным и хлебным жалованьем еще не поверстаны и домов своих в Санкт-Питербурхе не имеют, а получают по месячно кормовые деньги, а которые певчие взяты преж сего из синодального дому и от архиереев, также получают кормовые деньги, а жены их живут в Москве и кормятся тамошними доходы**». В 1722 году были взяты в Петербург из Крутицкого архиерейского дома в Москве певчие Федор Абрамов, Иван Ефимов, Петр Андреев, Петр Максимов и получали содержание из того же Крутицкого архиерейского дома по тому же примеру, «как и в синодалном и в других архиерейских домех»***. Все эти данные дают нам представление о довольно многочисленном и разнообразном составе государевых певчих в рассматриваемое время.

Для архиерейских домов было, без сомнения, довольно затруднительно высылать содержание для своих певчих, служащих в государевом хоре в Петербурге, и в то же время неприятно ощущать недостаток в них при местных архиерейских служениях, так как для каждого архиерейского дома был установлен определенный штат певчих с определенным их числом и количеством их содержания, превышать каковой для своих надобностей архиерейские дома не имели ни законного права, ни материальной возможности. Во избежание таких осложнений в Синоде была придумана комбинация, при которой стали освобождать бывших в государевом хоре архиерейских певчих от необходимости получать содержание из архиерейских домов и определили зачислять этих певчих на свободные места московских синодальных певчих, полагая, вероятно, что в наличности состава московских синодальных певчих не представлялось тогда особенной надобности. Таким образом были зачислены на свободные места в [хоре] московских синодальных певчих упомянутые выше пятеро певчих Нижегородского и Казанского архиерейских домов с правом получения содержания из синодального дома в Москве, но оставаясь в действительности в составе государевых певчих в Петербурге. И на будущее время Св. Синод указом 1723 года определил: «Также и впредь к Его Императорскому Величеству из домов архиерейских

* Там же. Т. III (1723). СПб., 1875. С. 227.

** Там же. С. 228.

*** Там же. Т. IV (1724—1725). СПб., 1876. С. 317.

во оный певческий чин кто взят будет, и тем определение чинить до настоящего им от дому Его Императорского Величества годовых окладов учинения, из вышеозначенных же синодального дому певчих и подъяков праздных окладов; а на те праздные места отныне никого не принимать и тем оклады не определять, а выше упомянутым просителем прежних их окладов не давать, того ради, что при архиерейских домех певчим и подъяком, по окончании штатного определения, повелено быть указному числу; а ежели оные взятые из архиерейских домов певчие прежние свои оклады будут получать, и оттого в домех архиерейских в том певческом чину будет умаление, того ради, что без определенного годового жалованья в том чину никто быть не пожелает, да и препитаться им без дачи того жалованья будет невозможно. И о том в Духовную Дикастерию и во все епархии ко архиереем для ведома послать указы немедленно»^{*}.

Этим указом Св. Синод обеспечивал архиерейских певчих, певших в государевом хоре, и освобождал архиерейские дома от доставки им содержания в Петербург, переводя этих певчих на содержание синодального дома. Но предупреждая этим способом умаление хоров архиерейских, Синод одновременно с сим невольно содействовал, однако же, умалению московского хора синодальных певчих, и без того немногочисленного (12 человек) после перемещения значительной его части (32 человека) в Петербург. Причиной этого могло быть только то, что по отъезде из Москвы в Петербург патриаршего местоблюстителя, призванного по открытии Св. Синода постоянно присутствовать там, синодальные московские певчие находились как бы не у дел своих, конечно, певческих, так как в Успенском соборе их успешно заменял клир, а преосвященный Крутицкий, остававшийся в Москве, имел своих певчих.

Указ 1723 года действовал, однако же, недолго. Вероятно, скоро же были поняты все неудобства, сопряженные с его применением на деле. Перемещенный в государевы певчие из синодальных подъяков в 1718 году Лука Родионов по смерти синодального певчего дьяка Тихона Протопопова в 1724 году просился быть на его окладе, руководствуясь, конечно, указом 1723 года. По этому поводу Св. Синод 1724 года 14 декабря рассуждал: «А понеже таких определений из синодального дома певчим Его Императорского Величества жалованья произведено уже не малое число, чего для в числе синодальных певчих чинится умаление и остаются в меньших окладах: того ради впредь таких просителей из синодального дома жалованьем определять ли, или паки на убыльях места в синодальные певчие охотников производить, чтобы во оных не было вящшаго умаления, доложить Его Императорскому Величеству, и о том написать докладной пункт»^{**}. Последст-

^{*} Там же. Т. III. С. 228.

^{**} Описание документов и дел... Т. IV. Стлб. 520. См. также: Полное собрание постановлений и распоряжений... Т. IV. С. 298—299.

вия этого доклада не замедлили сказаться. 1725 года 8 января вице-президент Св. Синода преосвященный Феодосий словесно заявил Синоду, что 24 декабря 1724 года государь император в Сенате, при отправлении царских часов, по докладу его преосвященства указал: «Синодального дому певчих и поддьяков содержать в полном комплекте без умаления, а которые певчие и поддьяки взяты из домов архиерейских к Его Императорскому Величеству, те трактamentом удоволствованы будут от дому Его Величества»*.

После этого Синод потребовал сведений от дикастерии о том, сколько было певчих при патриархах и по каким окладам. Принимать же вновь просителей велено только по испытании придворным уставщиком Иваном Протопоповым. Этою резолюциею государя распавшийся было с течением обстоятельств за время с 1712 по 1724 год хор бывших патриарших певчих снова восстанавливался в Москве в полном своем составе. Св. Синод, удовлетворив просьбу вышеупомянутого певчего Луки Родионова о перечислении его из поддьяков в дьяки на будущее время 1725 года 25 января постановил: «А впредь ежели кому из прежних синодальных певчих и поддьяков воздложенствуется учинить повышение или какую премену, о том им, певчим и поддьяком, бить челом в Духовной Дикастерии, в которой то достоинство усмотря и по содержанию имянного Его Императорского Величества мая 2 дня 722 года состоявагося указа¹², о надлежащем пеня знании чрез Его Императорского Величества уставщика освидетельствовать, к совершенному определению в Святейший Синод присылать о том свои доношения со мнениями и с ясными резонами, чтоб от того излишняго Святейшему Синоду утруждения не было»**¹³.

Как намеревался государь восстановить Синодальный хор в полном комплекте — возвращением ли из своего хора синодальных певчих в Москву или же восполнением всех прежде бывших вакантных мест новыми певцами с оставлением взятых уже синодальных певчих в Петербурге, — неизвестно; но ему не пришлось осуществить своей мысли. В следующем же январе месяце 28 дня 1725 года государя Петра I не стало; правительницею государства сделалась императрица Екатерина I. Следующего затем месяца 19 февраля 1725 года придворный уставщик Иван Протопопов объявил Синоду, что по указу ее величества государыни императрицы «велено синодальных певчих, оставя из них в Санкт-Питербурхе токмо осмь человек, протчих отпустить ныне в Москву, и дабы ежели их святейшеству для священнослужения в Санкт-Питербурхе кого из оных певчих еще оставить, рассмотрение учинить». Св. Синод на основании этого постановил: «Которых здесь Ея Величества указом оставить повелено удержать, а протчих отпустить всех без задержания в Москву, где им, по должности своего звания, служение ис-

* Полное собрание постановлений и распоряжений... Т. IV. С. 306—307.

** Там же. Т. IV. С. 323.

правлять со тщанием, и того над ними Духовной Дикастерии смотреть накрепко, дабы никаких противных поступок между ими не было»*.

1726 года 16 марта из кабинета ее императорского величества последовало в Синод новое сообщение, чтобы певчих, оставшихся сверх определенных указом 15-ти человек, распределить по местам. Согласно с этим Св. Синод определил послать: Михаила Осипова в Московский Синодальный Казенный приказ подканцеляристом, Конона Карпова в синодальный дом по-прежнему певчим, Ивана Борисова тоже; Ивана Еремеева в Нижегородский архиерейский дом управителем, Никиту Рязанца в Казань в архиерейский дом иподиаконом, Алексея Казанца диаконом церкви Николы в Берсеневке или по-прежнему в певчие в Казань, Александра Иванова в Воронеж в архиерейский дом в казенный приказ подьячим**. Некоторые из этих певчих, как нам известно, в 1722 году были вызваны в Петербург из архиерейских домов, как Иван Еремеев из Нижегородского, Никита Максимов и Алексей Иванов из Казанского. Михаил Осипов, Конон Карпов и Иван Борисов были, очевидно, из бывшего Патриаршего хора, почему и возвращены в Москву частью в синодальные певчие, как последние двое, частью в Синодальный Казенный приказ, как первый.

Таким образом, из оставшихся в Петербурге после указа 1725 года 19 февраля восьми человек синодальных певчих в силу этого последнего распоряжения отосланы были еще трое, так что Синодальный хор вследствие этих двух указов почти весь был возвращен из Петербурга в Москву и мог снова продолжать свою полезную деятельность в Москве, искони привыкшей слушать благолепное богослужebное пение в своих старинных лучших храмах и терпевшей в этом отношении немалый недостаток вследствие происшедших за это время многих перемен и нововведений. Так закончился тяжелый кризис в истории и жизни бывших патриарших певчих, продолжавшийся в течение времени около 25-ти лет — с кончины последнего патриарха в 1700 году вплоть до 1726 года, когда последовало восстановление бывшего Патриаршего хора и возвращение из Петербурга опять в Москву.

В 1728 году 4 февраля был торжественный въезд государя Петра II в Москву на коронавание. У Воскресенских ворот встречало государя духовенство в облачениях, ученики славяно-латинских школ пели сочиненное к этому случаю «приветствие»; в то же время поддиаконы и синодальные певчие¹⁴ пели «из воинскаго канона второй стих третьей песни: “Воспойте людие боголепно в Сионе и молитву воздадите Христу во Иерусалиме, сам грядет со славе со областью; в нем же утвердися церковь зовущи: осанна, благословен еси грядый...”» После встречи в Успенском соборе и кропления святой водой синодальные певчие пропели государю многолетие***.

* Там же. Т. V (1725—1727). СПб., 1881. С. 13.

** См.: Описание документов и дел... Т. VI (1726). СПб., 1883. Стлб. 158—159.

*** Там же. Т. VII (1727). СПб., 1885. Стлб. 326.

Этот период в истории бывшего Патриаршего хора певчих завершается постановлением Св. Синода 9 октября 1727 года, принятым немного ранее описанного въезда государя в Москву и имевшим, вероятно, некоторое отношение к нему в смысле поднятия в хоре дисциплины и порядка по этому случаю и подготовленности к ожидаемому событию. Постановление это, частично приведенное нами выше, следующее: «Синодального дома певчим подтвердить накрепко, чтоб, как прежде сего изстари бывало, так и ныне, в соборную Успенскую церковь по воскресным дням и по господским и полиелеосным праздникам к вечерни, к утрени и к литургии приходили неотложно, а ежели когда кто из них не будет, тех наказывать без послабления и о том в Духовную Дикастерию послать указ»^{*15}.

За этот период времени подлежало обсуждению и служебное положение синодальных певчих, именно — вопрос о штате их. В 1722 году 24 февраля государь дал генерал-майору Чернышеву инструкцию о переписи в подушный оклад для выяснения количества людей, годных к военной службе. Постановлениями, сюда относящимися, были изъяты из подушного оклада: 1) протопопы, попы и диаконы, как состоящие на действительной службе, так и не состоящие, 2) состоящие на службе причетники, дьячки и пономари, равно как и прочие церковники синодального и архиерейского домов, как иподиаконы, певчие, поддьяки, 3) дети священно- и церковнослужителей, состоящих на действительной службе; признаны подлежащими подушному окладу: 1) причетники, не состоящие на действительной службе при церквах и 2) дети священно- и церковнослужителей, не состоящих на действительной церковной службе. Тогда возник вопрос о том, кто и сколько состоит на действительной службе, возник вопрос о штатах духовенства и церковников**.

20 июня 1722 года на совместной конференции Синода и Сената определено: «Обретающихся при архиерейских домех иподиаконов и певчих и протчих служителей, также и соборных церковников в подушной оклад не класть, токмо учинить о них в Синоде рассмотрение, чтобы излишества оных не было»^{***}. А по скольку где быть духовенства и церковников, составлена была табель. В Синодальном доме по табели значилось иподиаконов 4, певчих 10, поддьяков 30^{****}; в Новгородском: иподиаконов 3, певчих 10, поддьяков 18; в Крутицком: иподиаконов 2, певчих 11, поддьяков 23. Определение Св. Синода по этому вопросу было следующее: «Всем церковным

* Там же. Т. VII. Стлб. 305—306.

** Там же. Т. II. Ч. I. Стлб. 1159.

*** Полное собрание постановлений и распоряжений... Т. II (1722). СПб., 1872. С. 435. (Подушный оклад был по 8 гривен с души.)

**** Там же. Т. II. Статьи № 945 (указ от 10 августа 1722 года) и 901 (указ от 12 ноября 1722 года). С. 438, 604. А также: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. VI. 1720—1722. СПб., 1830. Статья № 4072 (указ от 10 августа 1722 года). С. 757.

всякого звания служителем в Московских соборах быть по-прежнему, как издревле по усмотрению потребы определены и донныне содержатся»*. Касательно певчих, собственно, определение Синода такое: «В синодальном доме быть, колико ныне числится, иподиаконов четыре, певчих десять, подъяков тридцать, в архиерейских домах иподиаконов по три, певчих по десяти, конархистов, подъяков, лампадчиков, посошников, кафедрщиков, орлещиков по двадцати, сторожей по осми человек»**. Излишних певчих и подъяков и их детей повелено, если пожелают, поставлять в дьячки и пономари, а не пожелают, избирать им себе службу по произволу, и тогда они подлежат подушному окладу, а к архиерейским домам их не приписывать.

Жалованье синодальных, бывших патриарших певчих за этот период времени было неодинаково. Можно заметить, что оно постепенно возрастало в рублях, вероятно, по мере того, как дорожала самая жизнь, хозяйственные продукты. Еще при жизни последнего патриарха Адриана в 1698 году певчие получили за год содержания на 50 человек 306 рублей 50 копеек. Средним числом каждый певчий получил по 6 рублей 13 копеек. Этот размер жалованья был неизменным до 1710 года, когда уже по смерти последнего патриарха была установлена особая табель для выдачи бывшим патриаршим певчим жалованья. По этой табели на 40 человек певчих выдавалось 256 рублей 50 копеек, то есть уже 6 рублей 40 копеек на человека, считая средним числом. Так, вероятно, продолжалось до 1725 года, когда выдано было жалованья также по этой табели на 40 человек 256 рублей 50 копеек. <...> Но в 1726 году мы видим общее увеличение певческого жалованья, хотя и при том же хлебном содержании¹⁶.

	Число лиц	Годовое жалованье в рублях			
		1725		1726	
		одному	всем	одному	всем
Певчим:					
1-й станицы	5	12,50	62,50	17,08	85,40
2-й станицы	5	10,50	52,50	11,08	55,40
Подъякам:					
1-й станицы	1	10	10	14,58	14,58
1-й станицы	2	7	14	12,08	24,16
1-й станицы	2	6,50	13	11,58	23,16
2-й станицы	1	7,50	7,50	11,08	11,08
2-й станицы	4	5,50	22	10	40
3-й станицы	5	5	25	9,08	45,40
4-й станицы	5	4	20	8,08	40,40
5-й станицы	5	3	15	7,08	35,40
6-й станицы	5	3	15	7,08	35,40
Всего:	40		256 руб. 50 коп.		410 руб. 38 коп.

* Там же. Т. II. С. 438.

** Там же.

На сорок человек певчих 410 рублей 38 копеек, то есть средним числом по 10 рублей 23 копейки на каждого.

При жизни патриархов патриаршие певчие находились в ведении Патриаршего дворцового приказа. Так продолжалось до 1721 года, до учреждения Св. Синода¹⁷. С этого времени патриаршие приказы переименованы были в Духовную дикастерию с подчинением ее ведению Св. Синода; с того же времени и синодальные певчие из ведения Патриаршего дворцового приказа переходят в ведение Духовной дикастерии, как мы видели раньше из указов Св. Синода к Духовной дикастерии о синодальных певчих. Наблюдение за движением по службе синодальных певчих, за перемещением их из низшей станицы в высшую, за исполнением певческих обязанностей в Успенском соборе и за правильностью выдачи им жалованья со времени учреждения Св. Синода принадлежало вполне Духовной дикастерии. Духовная дикастерия обыкновенно состояла из первоприсутствующего архиепископа Крутицкого (он же архиепископ Сарский и Подонский), четырех архимандритов и нескольких чиновников. Правильностью делопроизводства заведовал прокурор Синодальной канцелярии, или конторы, открытой параллельно с Духовной дикастерией, также со времени открытия Св. Синода*. Собственно Синодальная канцелярия за рассматриваемый период времени, по 1726 год включительно, никакого отношения к синодальным певчим не имела.<...> В 1727 году Синодальная канцелярия присоединяется к Духовной дикастерии, а в 1734 году восстанавливается на прежнем основании и именовывается опять Синодальной канцелярией, или Синодальной конторой с первоприсутствующим архиепископом и двумя архимандритами**, в ведении каковой и находились потом все время синодальные певчие.

Что касается парадных одежд бывших патриарших певчих, то мы знаем, что они состояли из стихарей желтых, белых и черных. Более подробных сведений о парадных одеждах синодальных, бывших патриарших певчих за рассматриваемый период времени мы не имеем; но, предполагая, что певчие архиерейских домов в этом отношении следовали примеру певчих бывших патриарших, мы можем, на основании сведений об одеждах певчих архиерейских, судить о таковых же и у певчих синодальных. В 1716 году после смерти Иова, митрополита Новгородского и Великолуцкого, между многими другими вещами из оставшейся после него соборной ризницы значатся: «Девять стихарей певческих белых, камчатых; оплечья и зарукавья и кресты изорбав золотной, по красной земли; подолник отлас красной; подложены стихари крашениною лазоревою. Шесть стихарей подьяков болших и средних станиц, желтой камки <...> Два стихаря камчатых рудожелтых;

* См.: *Розанов Н. П.* История московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода. Ч. 1. Цит изд. С. 17 и далее.

** Там же. С. 31.

оплечья и зарукавья изорбав золотой с серебром, по таусинной земли; подолники отлас полосатой, на нем травки мелкие; подложены крашениною зеленою. Осмь стихарей отласу цветного травчатого; оплечья и зарукавья разных изорбавов; подолники полосатые отласные; подложены крашениною лазоревою, из того числа два стихаря без подолников, ветхи. Пять стихарей объярь золотная алая, оплечья и зарукавья и подолники изорбав, травы шелковые; подложены крашениною; и те стихари ветхи. Два стихаря бархат червчатой, рытой, травчатой, по белой земли. Два стихаря бархат же рытой, по зеленой земли; оплечья и зарукавья и по подолу обложены круживом серебряным; подложены крашениною. Стихарь бархат рытой лазорев, по желтой земли; оплечье и зарукавье и по подолу круживо серебряное; подложен крашениною»*. По смерти Варлаама, митрополита Смоленского, в 1721 году в описи оставшейся после него соборной ризницы значатся певческие стихари: «25 стихарей коломенковых травчетых разных цветов, оплечье трипу красного, травчетого, нарукавки и подолники коломенки полосатой, подложены крашениною. Два стихаря тафтяных струйчетых разноцветных, оплечья объери лазоревой; у рукавов, у подолников припушка красной тафты; подбиты крашениною. Стихарь тоеж материи, оплечье и нарукавья отласу зеленого, подолник тафты зеленой, подшит крашениною. Два стихаря тафтяных малых; одного алого цвету, оплечье объери лазоревой, нарукавники и подолники объери зеленой, подбит крашениною. 18 стихарей китайчетых белых, оплечье лудану красного. 9 стихарей полотняных белых, в том числе у трех стихарей оплечье лудану красного, а осми стихарей оплечье выбойчетые»**.

Иподиаконские стихари были такого же устройства, как и певческие; диаконские же отличались от тех и других нашитыми на них крестами, которых на певческих стихарях не было. Вот, например, описание стихарей поддиаконских: «3 стихаря камки белой травчетой, оплечье и нарукавники и подолники отласу красного, подложены полотном», или «2 стихаря отласу белого, оплечье камки цветной, нарукавники и подолники отласу красного, подложены полотном»***.

Стихари диаконские имели такой вид: «Стихарь бархоту турецкого рытого травчетого золото с серебром, около оплечья галун широкой полосатой, около иордани и рукавов и подолника галун золотной, круг рукавов и подолника меж голунами круживо широкое золото с серебром з городами по красному бархоту, крест галунцу золотного, подложен тафтою красною»****.

* Описание документов и дел... Т. I. Приложение VI. Стлб. LXIII.

** Там же. Приложение XXI. Стлб. CLXXXII.

*** Там же. Приложение XXI. Стлб. CLXXVII.

**** Там же. Приложение XXI. Стлб. CLXXIV.

Таким образом, парадная одежда певчих рассматриваемого времени была вполне прилична и вполне соответствовала цели и назначению певчих, заменявших собою клириков-певцов при богослужении. Православная церковь издавна держалась и держится обычая, по которому певцы-клирики и чтецы-клирики обыкновенно участвуют при богослужении в особо установленных одеждах — стихарях. Певчие, заступающие при богослужении место клириков, в некоторых же случаях, как, например, в вопросе о штатах священно-церковнослужителей и о переписи их в подушный оклад, даже приравненные к клиру, естественно, и в одеждах должны были сообразоваться с установившимися для клириков обычаями. В среде Синодального хора этот прекрасный обычай — участие певчих при богослужении в особенно парадных одеждах клириков стихарях — держался долго, до тех пор, когда в начале XIX века был возбужден вопрос о замене этой формы певческих одежд другою, более современной, светскою, по образцу парадных костюмов певчих Санкт-Петербургского митрополита, частью иностранного, частью польского типа.

Стремление людей этого времени по почину и инициативе государя Петра I к коренным реформам во всех отраслях жизни государственной, общественной и даже церковной, к нововведениям по образцу многоученого, просвещенного Запада, лихорадочная, поспешная, нередко необдуманная и небезвредная по своим последствиям ломка почти всего старого, нажитого долгим, мудрым историческим опытом, сросшегося с самим государственным и общественным организмом русских людей, с их старыми религиозными убеждениями и нравственными основами и обычаями жизни, — это критическое время, затронувшее своим решительным острым движением все нервы народной русской жизни, не могло, в частности, не отразиться и на рассматриваемой нами судьбе Синодального, бывшего Патриаршего хора певчих, ближайшим образом связанного с судьбою патриаршества в России. По устранении патриаршества бывшие патриаршие певчие оказались как бы вышибленными из своей колен. Для них терялась цель и назначение их служения, состоявшего прежде в обязанности участвовать в патриарших службах. Они не были приурочены к какой-либо одной церкви, к собору, например, Успенскому, и если они всегда пели в этом соборе, то только потому, что патриарх обыкновенно служил здесь. После последнего патриарха некоторое время служил в Успенском соборе патриарший местоблюститель митрополит Рязанский, и певчие патриаршие, как мы видели, пели там при его служениях. Но это участие певчих, можно думать, не составляло их прямой обязанности, а было, скорее, службою частною, как бы по найму, что видно из доношения в Св. Синод в 1721 году Патриаршего дворцового приказа, где сказано, что когда при служениях в соборах Кремля бывал митрополит Рязанский Стефан, певчим давалось за службу кормовых денег по 2 рубля 29 алтын за стол. Когда же митрополит Стефан в 1718 году был вы-

зван в Петербург, то бывшие патриаршие певчие освобождались даже и от этой обязанности участвовать в его служениях, и мы не знаем, участвовали ли где-нибудь они, кроме разве Успенского собора, в чьих-либо архиерейских служениях, так как известно, что другой живший в Москве архиерей, митрополит Крутицкий или Сарский и Подонский, имел для служения свой хор певчих.

Когда в 1721 году официально был объявлен взамен патриаршего управления русской церковью Святейший Синод и центр этого управления был перенесен из Москвы в Петербург, то естественным казалось приурочить бывших патриарших певчих к Синоду и перевести их из Москвы в Петербург.

Но затем было далее очевидно затруднение, к кому же собственно из лиц Св. Синода, членов его, архиереев, приурочить бывший Патриарший хор, — нельзя же было его отдать в распоряжение всех архиереев Синода, ибо, во-первых, тогда должен был существовать какой-либо порядок в пользовании архиереями этим хором и, кроме того, у каждого архиерея, кроме московского, был свой хор, а во-вторых, если бы он предназначался для тех соборных служений членов Синода, когда они участвуют в нем все или же своим большинством, то ведь на таких торжественных службах обыкновенно присутствовал сам государь и, следовательно, должны были петь певчие государевы, — отсюда и выходило таким образом, что синодальные певчие не находили себе прямого назначения и оказывались не у дел.

Если бы их приурочить к архиерею московскому как члену Св. Синода, то надобно было принять во внимание, что московский архиерей не всегда мог быть первоприсутствующим в составе архиереев Св. Синода, как это было в отношении к Стефану, митрополиту Рязанскому как представителю Московской епархии. По смерти митрополита Стефана в 1722 году первоприсутствующим в Синоде был сделан архиепископ Новгородский Феодосий, а после него, в 1726 году, Новгородский же архиепископ Феофан Прокопович и другие, затем архиереи московские занимали вообще в Синоде не первенствующее место.

Куда же было приурочить Синодальный хор не по его, конечно, номинальной, а по его действительной службе? Если члены Св. Синода в своем полном или, по крайней мере, наибольшем составе служили обыкновенно только в присутствии государя, когда, однако же, должны были петь певчие государевы, то оказывалось вполне естественным перемещенную из Москвы в Петербург наибольшую часть синодальных певчих присоединить к певчим государевым, подчинив их общему наблюдению государева уставщика. Но, присоединив синодальных певчих к своему хору, государь, однако же, не согласился присвоить им наименование государевых, тем как бы не желая отнимать у них самостоятельности существования, а именоваться им «певчими соборной церкви». Певчими какой именно соборной церкви именоваться

синодальным певчим, петербургской или московской, например, Успенского собора, не было ясно из резолюции государя; но, принимая во внимание дальнейшие заботы государя о восстановлении бывших патриарших певчих в их прежнем полном составе в Москве и о возвращении их туда обратно, следует заключить, что государь думал оставить за ними наименование певчих Московского Успенского собора, которое, однако же, впоследствии само собой заменилось на практике наименованием синодальных певчих, приуроченных по службе к Успенскому собору в Москве, находившемуся со времени отмены патриаршества всегда в ведении Св. Синода. Равным образом оставление государем в Москве двенадцати человек певчих для пения в Успенском соборе также не могло говорить в пользу предположения о намерении его лишить бывший Патриарший хор самостоятельного значения. Что же могло служить побуждением для привлечения синодальных певчих в Петербург?

Как выше замечено, при этом могла иметься в виду надобность в них при служениях митрополита Стефана, вызванного в Петербург в 1718 году. Но в этом, однако же, особенной надобности могло и не быть, во-первых, потому что митрополит Стефан со времени приезда и до 1720 года, когда синодальные певчие были вызваны в Петербург, обходился и без них, и, во-вторых, потому, что каждый архиерей обыкновенно имел своих певчих, и таковые, очевидно, были в Москве на Рязанском подворье и у митрополита Стефана, как были свои певчие и у другого московского архиерея, митрополита Крутицкого. Из всего этого естественно заключить, что бывший Патриарший хор певчих был вызван не для надобностей в служении кого-либо из членов Св. Синода, архиереев, и не для надобностей всего Св. Синода, какие могли быть только в исключительных случаях при особо торжественных службах членов Синода в присутствии государя, и не для надобностей московского архиерея как представителя Москвы, имевшего свой хор, — но исключительно по личному усмотрению государя.

Государь Петр I очень любил церковное пение и иногда сам участвовал в его исполнении. В 1701 году, когда государь был в Соловецком монастыре со своими певчими, накануне и в самый день Успения он пел с ними на клиросе. Соловецкий летописец об этом заметил: «Великий государь с певчими стоял на правом клиросе и изволил сам петь всенощное бдение. На другой день, 15 августа, он же великий государь стоял и пел на клиросе»*.

В Московской Оружейной палате хранятся певческие голосовые партии, четко переписанные, в пергаментном переплете с золотым обрезом, с надписью: «По сим нотам изволил петь государь царь Петр Алексеевич»**.

* Разумовский Д. В. Патриаршие певчие дьяки и подьяки и государевы певчие дьяки. Цит. изд. С. 84.

** Там же.

В библиотеке Синодального училища церковного пения есть нотная рукопись, бывшая прежде в Козельской Введенской пустыни со следующей надписью в конце ирмосов греческого роспева на день святых апостолов Петра и Павла, 29 июня (день тезоименитства Петра I): «Сии ирмосы Его Величество Государь Император Петр Великий в день тезоименитства своего на всенощном пении сам изволил на клиросе с певчими петь, ибо Его Величество до греческого напева великую охоту имел, а голос содержал теноровый» (рукопись № 923, с. 78).

В своих поездках по России государь почти всегда брал с собою и певчих и любил отстаивать церковное богослужение в попутных городах; так было при дальних и продолжительных его поездках в Азов, Воронеж, Астрахань. В 1722 году государев певчий писал свою партию, ехав «от Дербеня к Астрахани»*. В 1722 году придворный уставщик Евдокимов доносил Синоду, что государь, находившийся в то время в Астрахани, «приказал вытребовать “Трезвон”, где Его Величество обретается будет, чтоб к своему дню поспел»**.

Трезвон, то есть богослужebная книга, содержащая службы малых, не двенадцатых праздников, был отослан государю в Астрахань 23 октября. Таким образом, и в своих путешествиях по делам государственным государь не оставлял своим вниманием и заботами богослужebного церковного пения, не переставая интересоваться им и среди многосложных своих и разнообразных занятий. При таком особенном расположении к церковному пению государя Петра I было вполне естественным, что он приложил особенные заботы по устройству, увеличению количества и улучшению качества своих придворных певчих. Лучшая и большая часть певчих Синодального хора была присоединена им к придворному хору¹⁸. Одного этого было достаточно, чтобы образовать внушительный по качеству и количеству голосов хор, около 60 человек. Но государь этим не ограничился; он собирал отовсюду лучших певцов провинциальных архиерейских хоров, где бы только ни пришлось бывать во время его частых дальних поездок по широкой Руси. Бывши в «низовых походах», государь мимоходом набирал для своего хора архиерейских певчих в Твери, в Рязани, в Воронеже, в Казани, в Новгороде, во Пскове. Лучшие певчие московского Крутицкого архиерейского дома были взяты им в Петербург, певчие южнорусские были привлекаемы им в свой хор. Это было лучшее цветущее время для хора государевых певчих, представлявшего собою редкое собрание отборных, наилучших по всей Руси голосов, знатоков своего дела, певцов, руководимых и направляемых любовною отеческою заботливостью и покровительствуемых державным расположением энергичного могущественного монарха.

* Там же. С. 87.

** Описание документов и дел... Т. II. Ч. 2 (1722). СПб., 1878. Стлб. 383.

Помимо любви и привязанности государя к церковно-певческому делу, цветущему состоянию и возрастанию его за это время, несомненно, содействовало и современное положение вещей, выразившееся в сознании силы государственной мощи и монархического принципа, в быстром росте и централизации власти в лице единодержавного монарха, стянувшего в свои могучие руки все нити государственного правления, все жизненные нервные центры государственного организма. Могущественному монарху должна была соответствовать и та великолепная блестящая обстановка, та пышная среда, в которой он должен вращаться и которая окружала бы его как ореол его величия. В присутствии этого монарха являлась необходимость в торжественном служении при соответствующем в торжественном благолепном пении.

В 1721 году 10 декабря по случаю заключения мира с Швециею был торжественный въезд государя в Москву, и придворные певчие должны были присутствовать при встрече государя*. Такое положение дел, естественно, побуждало к тому, чтобы певческое дело стояло в государевом хоре соответственно с высоким положением монарха, с блеском его правления и высотой занятого им положения. И это вполне достигалось указанными заботами государя и в том же направлении продолжалось за все время его царствования. 24 декабря 1724 года за несколько недель до своей непредвиденной кончины государь выразил мысль восстановить синодальных певчих в полном их комплекте, без умаления, — но мы не в состоянии теперь точно решить, имел ли он в виду возвратить синодальных певчих из Петербурга в Москву или же, оставив наличных певчих по-прежнему в придворном хоре в Петербурге, для Синодального, собственно московского хора, думал распорядиться набрать новых певчих по-прежнему обычному комплекту без умаления.

Первого рода шаг, кажется, не соответствовал бы всем его заботам о постановке церковно-певческого дела при дворе на надлежащую высоту и противоречил бы всем предпринятым им по этому делу мерам, подрывал бы все его труды в этом близком его сердцу деле. Напротив, шаг второго рода наилучшим образом соответствовал бы его целям и предприятиям в этом деле и, кроме того, был бы отличным средством восстановить древний Патриарший хор во всей его силе и местном традиционном значении для кремлевских святынь и старинных соборов, нисколько не умаляя настоящего значения хора государева. Есть некоторое основание, помимо указанных соображений, принимать предположение государя именно в этом последнем значении. В распоряжении Св. Синода к Московской Духовной дикастерии по поводу выраженного государем желанья вместе с требованием точных сведений о том, сколько было певчих прежде при патриархах, по каким окла-

* См.: Полное собрание постановлений и распоряжений... Т. I. С. 373—374.

дам есть, кроме того, предписание, чтобы певчие в Синодальный хор принимались вновь, то есть очевидно сверх существовавшего в Москве наличного числа синодальных певчих (12 человек), только по испытании придворного уставщика Ивана Протопопова. Такое предписание не могло бы иметь места, если бы предполагалось восстановить прежний Патриарший хор возвращением всех бывших в нем ранее певчих из государева хора в Москву. Напротив, оно вполне уместно при предположении новой формировки прежнего комплекта бывших патриарших (ныне синодальных) певчих. Но государю не суждено было выполнить своих предназначений в этом деле; ближайшие же его преемники не могли входить во все подробности его планов и предназначений в этом излюбленном для него деле ни в смысле соображений придворного режима и этикета, ни в смысле особенной привязанности к делу церковно-певческому.

По смерти государя Петра I императрица Екатерина I восстановила Синодальный хор в полном его составе, но не новой формировкой его, а возвращением той его части, которая была в хоре придворном, из Петербурга опять в Москву. В пышности государева хора уже не чувствовалось особой нужды, почему вслед за синодальными певчими были отпущены из государева хора и бывшие там архиерейские певчие. Хор государевых певчих ограничился скромным числом в 15 человек, вероятно, уцелевших прежних коренных государевых певчих. Государев хор певчих настолько умалился вследствие подобных неблагоприятных обстоятельств, что когда совершался торжественный въезд государя Петра II в Москву (4 февраля 1728 года) на коронацию, в торжественной встрече государя у Воскресенских ворот вместе с назначенными к тому лицами участвовали одни только синодальные певчие, тогда как при торжественном въезде государя Петра I в Москву по случаю заключения мира со шведами, как известно, участвовали нарочито вызванные из Петербурга государевы певчие. Так быстро совершилось за этот небольшой период времени (1700—1728), с одной стороны, падение бывшего Патриаршего, потом Синодального хора и одновременное с ним возвышение и усиление придворного хора. С другой, восстановление в прежнем составе и силе Синодального хора и одновременное с ним умаление придворного хора певчих.

Все эти перемены в церковно-певческом деле, как видно, были связаны теснейшим образом с личностью Петра I. По кончине императора планы его и намерения в этом деле не нашли себе поддержки, и дело приняло иное направление.

В короткие промежутки царствования Екатерины I и Петра II положение государевых и синодальных певчих оставалось тем же, каким стало вскоре же за кончиною Петра I. Но со вступлением на престол Анны Иоанновны (1730) в церковно-певческом деле под влиянием часто приглашаемых в то время иностранных композиторов и капельмейстеров начался реши-

тельный поворот в сторону подражания иноземной музыке, безотчетного увлечения ею и поклонения, беспорядочного, торопливого, неразборчивого на средства, не строгого на выбор и художественный вкус усердного культивирования, или, скорее, механического насаждения этой музыки на русской почве, ревностно продолжавшегося во все царствование Анны Иоанновны (до 1740) и ее ближайших преемников. Польша была посредницею в деле ознакомления старобитной Руси с иноземной музыкой. Ко дню коронавания императрицы Анны Иоанновны король польский Август III, большой любитель всего изящного, прислал к русскому двору нескольких певцов и музыкантов для представления «итальянских интермедий». Это было началом знакомства русских с иноземною музыкою за это время. В 1735 году был уже вызван из Италии капельмейстер Арайя ко двору, а в 1736 году была поставлена первая опера его сочинения «Abiazare»¹⁹. «В исполнении оперы участвовали, кроме оперной труппы, огромный придворный певческий хор, оперный оркестр в 40 человек и четыре военных оркестра»^{*}.

Нельзя, конечно, согласиться с тем, что придворный певческий хор в это время был велик, легче предположить, что участвовавший в опере хор был огромным, потому что составлен был не из одного придворного хора, но и из других наличных петербургских хоров, принимая притом же и самое выражение по сравнению количества певцов с количеством музыкантов (40 человек) в более узком значении, — мы, однако же, должны отметить тот факт, что придворные певчие впервые здесь знакомились на практике с иноземною музыкою и впервые выступали в публичном исполнении ее. Насколько успели придворные певчие в выполнении иноземной музыки и в какой степени вошли во вкус ее исполнения, свидетельствует вскоре же после этого опыта случившийся тот факт, что когда в царствование Елизаветы Петровны, в 1742 году, при постановке оперы «Милосердие Тита» снова попробовали заменить недостающих оперных хористов и солистов придворными певчими, то успех опыта превзошел все ожидания, и распорядители были от него в восторге. «После того, — замечает Гейгольд, — эти музыкальные певцы приглашались во все оперы, где встречались хоры, и так обучились музыке в итальянском вкусе, что не уступали в пении арий лучшим итальянским певцам»^{**}.

Наезжавшие впоследствии и покровительствуемые русскими придворными меломанами итальянские и немецкие музыканты довершили затем перевоспитание придворных певчих в духе, характере и направлении современной им иноземной музыки. На сценических подмостках вырабатывались пока технические приемы вокального искусства, изучались различные

^{*} *Перепелицын П. Д.* История музыки в России с древнейших времен и до наших дней. СПб.—М., 1888. С. 92.

^{**} *Разумовский Д. В.* Церковное пение в России. Вып. 2. М., 1868. С. 225.

оттенки вокального исполнения, приобретались практически постановка голосов, ловкость и умение владеть голосовым аппаратом, невольно приобретался, конечно, и вкус к сладостям иноземной музыки с одновременной притом утратой природного вкуса и привязанности к своему родному, унаследованному издавна от поколения к поколению характеру пения. Но это была только одна половина музыкальной культивировки певчих на иноземный лад. Другую его половину довершили иностранные композиторы, начавшие писать на церковный текст для исполнения в церковно-певческой практике музыку совершенно не свойственного православному богослужению иноземного характера, увлекши этого рода музыкой и большую часть тогдашнего светского общества. Иностранным композиторам следовали их русские ученики, хотя и в более скромных размерах, и дополняли их работу.

Синодальный хор, находясь в рассматриваемое время в стороне от непосредственного на него иноземного влияния, в старобитной Москве, искони строго державшейся древне-православных церковных правил и предписаний и старинных, издревле унаследованных отеческих обычаев, — этот строго церковный русский хор продолжал сохранять в себе все особенности древнего патриаршего, истинно народного православного церковного хора, вполне гармонизировавшего по своему устройству, качествам и характеру выполнения церковных песнопений со строгими формами и общим величавым впечатлением древних кремлевских соборов. Старинная традиция, тяготение к старому, родному, природный инстинкт, истари унаследованное чувство меры и такта в отношении к строго церковному певческому материалу, наконец, влияние постоянно консервативной окружающей среды, долго еще потом были сильны в Синодальном хоре, пока окончательно возобладавшее в Петербурге иноземное влияние в музыке и пении не наложило в форме различных предписаний и запрещений директоров Придворной капеллы тяжелую руку на самобытный старинный строй и самостоятельное развитие Синодального хора, повернув то и другое в духе времени.

II

В 1722 году, как нам известно, было по штату 44 человека, из коих 12 были в Москве, а 32 были в Петербурге при государе. По смерти государя Петра Великого указом императрицы Екатерины I 19 февраля 1725 года «велено синодальных певчих, оставя из них в Санкт-Питербурхе токмо осмь человек, протчих отпустить ныне в Москву». В 1726 году 16 марта из кабинета ее величества последовало новое повеление оставить придворных певчих только 15 человек, а остальных распределить по местам. На этом основании еще 6 человек синодальных певчих были возвращены в Москву, так что в придворном хоре синодальных певчих, наконец, осталось только двое. Так дело было до 1732 года. В 1732 году синодальные певчие по указу императрицы

Анны Иоанновны вновь были вызваны ко двору, но в небольшом количестве — 12 человек*. По истечении года вызывались на следующий год другие 12 человек, а эти, отбывшие годовой срок, возвращались опять в Москву к своим семействам. Так эти вызовы и переезды продолжались до 1738 года включительно**; о дальнейшем же точных сведений нет по отсутствию относящихся сюда дел. Но не может подлежать сомнению, что такие вызовы и переезды потом также были. В 1763 году певчий Василий Никитин, прошивший аттестат себе при увольнении из Синодального хора, указывал как на заслугу на то, что в 1760 году он был на чреде в Петербурге***. В 1760 году певчий Григорий Худяков по старости просил освободить его от годовых очередных поездок в Петербург****.

Есть основание поэтому предполагать, что синодальные певчие были вызываемы в Петербург вплоть до 1763 года, когда введен был новый штат их и количество синодальных певчих сокращено почти вдвое, вместо 44 человек оставлено только 26, какового количества едва достаточно было для потребностей служб соборов Кремля в Москве — Успенского и Двенадцати Апостолов, в Петербург же посылать было совсем некого. Мы видели, что Петр Великий вызывал синодальных певчих из любви к церковному пению, для восполнения придворного хора, и назначал им пение в соборной церкви. Целью этого восполнения, как замечено, было желание придать более торжественности служениям в присутствии могущественного монарха и его блестящей свиты. Какая цель вызовов синодальных певчих в Петербург с 1732 года по 1762 включительно?

Вероятнее всего, цель была та же самая — при господствующем стремлении двора, особенно в царствования Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны, своею пышностью и блеском превзойти иностранные дворы. Из дела о вызове певчих в 1732 году видно, что они вызывались «для исправления при священнослужении в Троицком соборе пения и протчаго по должности исправления». В последнем случае разумелось чтение и сослужение иподиаконов, которых обыкновенно в числе 12 певчих посылалось двое. В Петербурге обращали внимание на поведение синодальных певчих. Вызывая певчих в 1735 году, из Петербурга писали, чтобы ризничий выбрал и выслал из певчих «людей добрых и не пьяниц, и не подозрительных, и должность свою понести могущих»*****. Из дел не видно, чтобы такое замечание вызвано было каким-либо особенным случаем, а, вероятно, было общим требованием благонадежности поведения синодальных певчих во время пребывания в

* См.: РГАДА, ф. 1183, оп. 1, ч. 1, № 205 за 1732 г.

** См.: Там же, оп. 1, ч. 3, № 386 за 1737 г.

*** См.: Там же, оп. 1, ч. 14, № 197 за 1763 г.

**** См.: Там же, оп. 1, ч. 13, № 54 за 1760 г.

***** См.: Там же, оп. 1, ч. 2, № 391 за 1735 г.

Петербурге. На содержание синодальных певчих в Петербурге выдавалось из московского Синодального Казенного приказа, из сбора «с попов гривенных денег» по 5 копеек в день на человека или по 60 копеек на 12 человек, считая 245 дней, всего же 147 рублей в год. Норма, как видно из дела 1732 года № 205, применена при этих новых поездках певчих в Петербург та же, которая действовала и при прежних поездках до 1724 года включительно, когда также выдавалось кормовых на 32 человека по 5 копеек в день²⁰. Певчим при поездках в Петербург выдавались из неокладных сборов дворцового приказа «подможные». В 1732 году выдано подможных денег «иподиакону Андрею Никитину пять рублей, другому иподиакону Исидору Ильину да певчих и подьяков десяти человеком по четыре рубли человеку, итого всем двенадцати человеком сорок девять рублей, да им же иподиаконом, певчим и подьяком на емския коемуждо на одну да под стихари и певческие книги на одну ж всего на тринадцать подвод по справке с ямскою канцеляриею по два рубли по пятидесять по шести копеек на подводу, итого тридцат три рубли двадцат восемь копеек, всего подможные и на подводы прогонные восемьдесят два рубли двадцать восьм копеек»*. Такое житье семейным певчим вдали от семейства, остававшегося в Москве, должно думать, казалось тягостным, почему, вероятно, бывали случаи просьб со стороны семейств о возвращении их родных из Петербурга в Москву, почему в протоколе 3 января 1733 года записано к сведению отсылаемых в Петербург певчих, «ежели по таковым же делам кого требуется до возвращения их из Санкт-Питербурха домошние их не требовали понеже оные высылаются в Санкт-Питербурх по указу, а не по их прошению»**. С певчих в том была взята подписка в Синодальной конторе.

Есть все основания заключать, что состав синодальных певчих, певших в Петербурге, был из одних больших, мужских голосов — теноров и басов, что видно из сопоставления именных списков певчих, отсылаемых в Петербург, с общим списком синодальных певчих, где обозначились голоса певчих. Между тем как в московском отделении синодальных певчих, как видно из реестра 1763 года, уже были дисканты и альты. Такова деятельность части Синодального хора в Петербурге за время с 1732 года по 1762-й²¹.

О деятельности и жизни синодальных певчих в Москве за это время мы имеем немногие сведения против издавна установившегося режима. 1752 года 13 июля ризничий иеромонах Сергей писал Св. Синоду «доношение», в котором указывал на надобность освободить синодальных певчих от тех крестных хождений, в которых не участвуют архиереи, на том основании, что у певчих много трудов по пению служб в Успенском соборе, в соборе Двенадцати Апостолов и при архиерейских служениях, и что часть пев-

* Там же, оп. 1, ч. 1, № 453 за 1732 г., л. 5об.

** Там же, л. 9 об.

чих находится на чреде в Петербурге, и что, наконец, в подобных крестных ходах синодальных певчих могут заменять голосистые церковники, которых всегда бывает достаточно. На это ключари Успенского собора Симеон Филиппов и Иоанн Алексеев представили в Синодальную контору 29 июля того же года такие соображения: «Издревле по обыкновению святых первопрестольных церквей Успенского большого собора и по установлению святейших патриархов и Святейшаго правительствующаго Синода во вся божественныя службы как в господския праздники, так в воскресныя и в викториальныя дни, во оный Успенский и в прочия соборы ко всеобщим бдениям и к литургии и в бываемыя крестныя большыя и малыя ходы, или при отправлении паннихид пения и чтения при архиереях и архимандричих служениях определены патриаршие ныне же синодалного дому иподиаконы с певчими, которыя по тому святейших патриархов и Святейшаго Правительствующаго Синода установлению хотя исполняли, токмо не без остоновки, понеже на крылосы становятся из оных престарелые да малыя; ныне же оныя певчие по тем же установлениям должностей своих не хранят и чинят во оном Успенском и в прочих соборах в показанных службах великия остоновки, притом же когда и бывают, токмо без священнаго облачения (которыя все посвящены в стихари), а имеют оныя на себе платье немецкое и волосы позавязаны, что по церковному чиноположению небесподозрительно»^{*}.

Выписываем дословно большую часть этого «доношения» ввиду содержащихся в нем некоторых характеристических черт для суждения о состоянии Синодального хора певчих того времени, которыми потом воспользуемся. В журнале Синодальной конторы 29 июля 1752 года по этому поводу постановлено: «Приказали о бытии оным синодалного дому певчим при всяких священнослужениях и в крестных хождениях непременно и безотрицательное исполнение чинить во всем против прежняго при святейших патриархах и при святейшем правительствующем Синоде бывшаго установления неотложно, дабы никаковой ни в чем против того отмены от оных не было чего, также и чтоб от тех певчих и подьяков, как упомянутые ключари представляют, непристойностей чинимо не было, за ними певчими и подьяки синодалным иподиаконом, а за иподиаконами синодалному ризничему неослабно наблюдать и небрегомыя и во ослушностях являющихся пристойными средствами и наказанием от того непременно отвращать»^{**}.

Из этих данных мы в состоянии извлечь несколько общих и частных заключений о положении Синодального хора в указываемое время. Сино-

^{*} Далее отцы ключари обвиняют певчих в том, что они ругаются, кощунствуют, нюхают табак в алтаре и на клиросах, не пошли в крестные ходы 20 и 28 июля и им (ключарям) чинят бесчестие и поношение. Там же, оп. 1, ч. 9, № 195 за 1752 г., л. 3—3 об.

^{**} Там же, оп. 1, ч. 9, № 195 за 1752 г., л. 4 об.

дальные певчие еще издревле, от времен патриарших, обязаны были исполнять чтение и пение в Успенском соборе и в церкви Двенадцати Апостолов при всех архиерейских и архимандричьих служениях в воскресные, праздничные и викториальные дни и при панихидах и сопровождать все крестные ходы. О том же Св. Синод, как мы видели раньше, указом 1727 года 9 октября повелел «подтвердить накрепко» синодальным певчим, чтобы они, как «изстари бывало», неопустительно ходили к службам в Успенский собор. Синодальная контора 1752 года 29 июля по поводу «доношения» ключарей журналом постановила и указала требовать от синодальных певчих неотложного исполнения указанных обязанностей их и, в случае небрежения, подвергать дисциплинарному взысканию. Вскоре же после этого, 20 января 1753 года, случилось Платону, епископу Владимирскому и Яропольскому, служить панихиду по государе Петре II, причем певчих синодальных было мало. По жалобе Платона в Синодальной конторе было определено «всех виновных наказать по рассмотрению ризничаго непременно», а в случае надобности предписывалось синодальному экзекутору опустить солдат.

Одежды певчих при богослужебном пении были те же, как и во времена патриаршие, стихари. Мы видели, что при отправлении синодальных певчих в Петербург в 1732 году им была дана отдельная подвода на певческие книги и стихари. Ключари в своем «доношении» также указывают, что все синодальные певчие посвящены в стихари, очевидно для облачения в них при богослужебном пении²². Отдельного форменного платья (кафтанов) еще не было. Обычную же одежду, надо полагать, были подрясники или полукафтаны, как у духовных особ. Немецкое платье и позавязанные волосы упомянутые ключари осуждают как новшество, не свойственное певчим синодальным. На том выражении ключарей, что к богослужениям часто приходят только старые да малые, можно полагать с вероятностью, что около того времени (1752) в Синодальном хоре были уже маленькие певцы — дисканты и альты и что, следовательно, состав Синодального хора стал изменяться сообразно с музыкальными требованиями времени, как и одежда певцов стала изменяться на немецкий лад сообразно с обычаями времени.

За все время существования Патриаршего и затем Синодального хора, вплоть до 1760 года, певчими управляли и технической стороной пения заведовали иподиаконы, обыкновенно старший. В 1760 году 17 февраля певчий Григорий Гаврилов Худяков просил Св. Синод определить его «над синодальными певчими в Москве *уставщиком и регентом* с награждением такого ж денежного и хлебного жалованья, каковое ныне по штату синодальным иподиаконам получать определено*». Просьба была удовлетворена, и в Синодальном хоре явился первый регент — Григорий Гаврилов Худяков²³.

* Там же, оп. 1, ч. 13, № 54 за 1760 г., л. 1.

За рассматриваемое время произошли некоторые изменения и в средствах обеспечения синодальных певчих. В 1757 году иподиакон Петр Федоров и певчий Иван Яковлев от имени всей певчей братии обратились в Синодальную контору с прошением, в котором изъяснили, что при патриархах и в «междупатриаршество» при ведомстве графа Мусина-Пушкина²⁴ в Великий и Успенский посты выдавалась им соль по указам ежегодно по 1705 год, а с 1705 года по 1721 год велено было выдавать из штатс-конторы деньгами по продажной цене, между тем как они получали все еще по прежней цене (24 копейки пуд), тогда как цена соли стала уже 50 копеек пуд, отчего домашние их терпят нужду, почему и просили уравнивать со всеми находящимися на службе чинами, коим императорским указом 22 декабря 1757 года повелено выдавать за соль деньгами по 50 копеек пуд. Просьба была удовлетворена, и соляное вознаграждение синодальных певчих увеличилось вдвое*.

Во главе управления Синодальным хором певчих издавна и в то описываемое время стоял синодальный ризничий. На запрос Синодальной конторы об основаниях управления синодальными певчими и их домами, ризничий в 1796 году писал в контору: «Прежде патриаршие ризничие не точию ведали и принимали и из станицы в станицу переводили оных иподиаконов, певчих и подьяков, но и о определении им в показанной певческой улице казенных домов рассмотрение по резолюции преосвященных митрополитов Стефана Рязанскаго и Игнатия Сарскаго и Подонскаго препоручаемо было им же ризничим, а после оных преосвященных архиереев, потому он к синодальным ризничим из Святейшаго Синода и из конторы онаго о определении и переведении из станицы в станицу оных иподиаконов, певчих и подьяков для ведома присылались указы**». Таким образом, Св. Синод и Синодальная контора по делам певчих сносились непосредственно с ризничим, который уже ближайшим образом ведал административную часть певческого дела как прямой начальник певчих. Ризничие, обыкновенно назначаемые из иеромонахов, при вступлении в должность получали сан игумена и им предоставлялось право первенства над прочими игуменами. Ризничий в своих действиях зависел от Синодальной канцелярии, или конторы, которой и давал своевременно в том отчет. Таково было состояние Сино-

* Семейному выдавалось в каждый из этих постов по два с половиной пуда, а холостому по 2 пуда соли. См.: *Разумовский Д. В.* Патриаршие певчие дяки... С. 30.

** В подтверждение изложенного ризничий затем приводил несколько резолюций митрополита Стефана и указов из Синода. Из резолюций и указов видно, что ризничему поручалось испытывать при приеме в хор, определять по домам, делить славенные деньги, переводить в конархисты и из одной станицы и другую, назначать к посвящению в стихарь и к поездкам в Петербург, наблюдать за поведением певчих, назначать наказания и меры взыскания с правом обращаться за помощью к синодальному экзекутору, совместно с иподиаконом и старшим певчим наблюдать за малолетними певчими и исправлять их проступки «благопристойными средствами».

дального хора певчих с внутренней и внешней стороны за описываемое время, с 1732 года по 1762 год включительно²⁵, когда в 1763 году произведена была в нем значительная перемена и введен новый штат певчих.

1763 года 7 ноября Синодальная контора заслушала указ государыни императрицы (Екатерины II) с приложением собственноручно ее величеством конфирмованного штата Синодального певческого хора, составленного комиссией о церковных имениях. В копии этой бумаги говорилось, что по прежнему положению в Синодальном хоре состояло 4 иподиакона, певчих 10 человек, поддьяков 15 и поддьяков же 15 человек, а ныне положено быть иподиаконов 2, певчих 8, поддьяков 8 и поддьяков же 8 человек*. Постановили: ризничему Гавриилу составить ведомость, кому «по состоянию жития и в пении и голосах способности по ево ризничего безпристрастного усмотрения и разсуждения остаться надлежит, чего для них в кантору представить». Подписали: митрополит Тимофей и протопресвитер Феодор²⁶. По этой ведомости и рассуждении конторы в Синодальном хоре были оставлены: иподиаконы — Петр Андреев, Сергей Максимов, певчие — Григорий Худяков, Семен Артемьев, Сергей Иванов, Василий Васильев, Иван Петров, Иван Тимофеев, Василий Иванов, Василий Беляев, поддьяки — Иван Михайлов, Андрей Попов, Осип Петров, Дмитрий Иванов, Григорий Петров, Иван Ильин, Василий Афанасьев, Карп Иванов, Андрей Михайлов, Яков Яковлев, Александр Дьяконов, Иван Печатников, Степан Андреев, Петр Кулижской, Алексей Денисов и Федор Таврицкой**. Дисканты: Ф. Таврицкой, С. Андреев, А. Дьяконов, альты: Я. Яковлев, И. Печатников, П. Кулижской; остальные были теноры и басы. Хор был составлен совершенно неравномерно в современном смысле: на 6 человек детских голосов приходилось 18 больших — мужских голосов. Причиною этого было то, что детские голоса только еще вводились в практику Синодального хора, бывшего прежде только из теноров и басов, и, следовательно, они не могли еще играть значительной роли в составе хора и значение их еще не чувствовалось и не сознавалось певцами. Ранее достопамятного доношения ключарей Успенского собора (1752), что в собор ходят только престарелые да малые, о малых певчих (дискантах и альтях) в Синодальном хоре мы не имеем никаких сведений и указаний, и, вернее всего, их в составе Синодального хора до тех пор и не было. Выбывшие из хора определились частью в псаломщики и диаконы, частью получили аттестаты для поступления на гражданскую службу.

С уменьшением количества синодальных певчих по новому штату совпало и прекращение дальнейших поездок части певчих в Петербург, — значит, в Петербурге перестали в них нуждаться. Уменьшение количества пев-

* См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. XLIV. Ч. 2. Книга штатов. СПб., 1830. Отделение III. К статье № 11942 (указ от 1 октября 1763 года). С. 23.

** Там же, оп. 1, ч. 14, № 197 за 1763 г., л. 2—6.

чих, по-видимому, отозвалось и на самом исполнении хором песнопений. 8 августа 1765 года в журнале конторы записано, что синодальные иподиаконы и певчие «при отправлении служб крылоския и протчия партесныя пении исправляют столь несогласно и по притчине некоторых порывистых и диких голосов разстроено, что никакой в их музыке подобающей не примечается мелодии», почему и предложено было ризничему Гавриилу приложить наивозможнейшее старание к приведению «музыки в лучшее и совершеннейшее состояние»*.

Здесь замечательно то, что прежде всего заботились о «мелодии» и «музыке», а не о подлинно церковном пении, в чем нельзя не видеть отзвуков иноземного влияния из Петербурга на Синодальный хор, привыкший всегда исполнять древнецерковное пение, а не новомодную музыку, — а затем то, что улучшение хора и музыки препоручается ризничему, человеку едва ли авторитетному в последнем отношении: новое направление, по-видимому, хотели тем примирить со старым, но средствами совершенно примитивными, казенным предписанием и внушением.

Партесное иноземное пение проникало в сознание отовсюду. Характерной иллюстрацией этого движения служат попытки придворного певчего Гавриилы Головни с его азбукой. Протоколист, затем вскоре же надзиратель, а потом секретарь Синодальной типографии Степан Бышковский изготавил на свой кошт пунсоны и матрицы и знаки для печатания книг квадратной нотой, в 1766 году подал прошение в Св. Синод о напечатании нотных книг и, получив разрешение, в октябре 1767 года подал в Синод печатные экземпляры на рассмотрение**. По этому случаю придворный певчий Гаврила Головня вошел в Св. Синод с прошением, «что де по благословиению Святейшаго правительствующаго Синода нотное церковное пение в московской типографии печатается, которому усердствуя он во общую ползу сочинил ко изъяснению тех нот нотнаго пения азбуки и к партесному пению начатки, дабы обучающемуся юношеству вразумительнее было узнавать тех нот имена, чрез что в голосе понятное основание приходит***», и просил напечатать казенным коштом. Синод же предписывал конторе отдать азбуку на предварительное рассмотрение синодальным иподиаконам с певчими. В июле того же 1771 года иподиаконы Сергей Максимов и Иван Никитин и певчие Иван Тимофеев и Андрей Попов рапортовали конторе: «Оныя азбуки мы именованныя разсматривали, точию те азбуки к печатаемому ныне в московской типографии нотному церковному пению совсем не принадлежат, а нужны они имеют быть единственно для партеснаго, а не простаго пения,

* Там же, оп. 1, ч. 15, № 166 за 1765 г., л. 1.

** Вероятно, нотные книги Ирмологий и Обиход, ибо справки были о печатании этих именно книг. См.: там же, оп. 1, ч. 16, № 77 за 1768 г.

*** Там же, оп. 1, ч. 17, № 98 за 1771 г., л. 1 (из указа от 10 мая).

ко изъяснению ж вышеобъявленных печатаемых ныне в московской типографии нотных книг для малолетних детей азбука, какова быть должна, оную мы особливую написав <...> благопочтенно и представляем»*.

На запрос из конторы, обе ли азбуки печатать или одну из них, Синод марта 26 дня 1772 года велел печатать обе по 4 завода каждой. Книги были без киновари, ноты с текстом, в полдесть, стоимостью в деле по 5 копеек, причем для азбуки Головни были сделаны особые знаки с пунсонами и матрицами. Для поднесения государыне императрице был заготовлен экземпляр в золотой бумаге и с золотым обрезом в переплете. В Москве, в Синодальной типографии столкнулись таким образом два течения: одно с иноземным партесным пением из Петербурга, от придворного хора, другое — с простым древнецерковным пением из Москвы, от Синодального хора. Синод, уступая тому и другому течению, по ходу дела вынужден был удовлетворить обеим сторонам: так явились вместе две противоположные по характеру и назначению нотные азбуки простого и партесного пения, и обе — из Синодальной типографии. Азбуки были разсланы 8 августа 1774 года по церквам и епархиям в том же порядке и количестве, как и Ирмологий 5 декабря 1772 года**.

Увлечение новыми музыкальными веяниями настолько сильно распространилось в Москве и в Синодальном хоре, что даже и в официальных бумагах по делу о певчих (сверхштатных) выражались: «определенный в синодальную певческую музыку». Раньше замечено, что понижение достоинства исполнения песнопений Синодальным хором должно приписать его уменьшению количественному. Это подтверждается далее тем, что в 1797 году 18 декабря нашли нужным изменить штат синодальных певчих прибавлением еще 12 человек, по 4 человека на каждую из 3-х станиц, так что весь хор состоял уже не из 26 человек, как по штату 1763 года, а из 38, по новому штату 1797 года²⁷. По ревизским сказкам 1782 года в Синодальном хоре мы находим 12 человек не старше 15-ти лет, двух — 17-ти лет, без обозначения голосов певчих. Судя по летам, это могли быть, по крайней мере 12 человек, только дисканты и альты. Следовательно, состав хора против прежнего несколько более уравновесился. В 1768 году на имя ризничего был указ, чтобы из синодальных певчих теноры и басы, по 4 человека ежедневно, ходили в Успенский собор для исправления клиросного пения, а дисканты и альты в церковь Двенадцати Апостолов. В 1797 году 19 июня к сведению и исполнению синодальных певчих был прислан из Синода указ на основании именного государева указа на имя митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, где говорилось: «Преосвященный митрополит Новгород-

* Там же, л. 6—6 об.

** Для Москвы — 300, для Петербурга — 100, в монастыри и кафедральные соборы других епархий по 1, по уездам 1 на 10 церквей и прочее.

ский и Санкт-Петербургский Гавриил, нашед в нынешнее мое путешествие, что в некоторых церквах во время причастия вместо концерта поют стихи, сочиненные по произволению, желаю, чтобы от Синода предписано было всем епархиальным архиереям, дабы никаких выдуманных стихов в церковное пение не употребляли, но вместо концерта пели бы или приличной псалом или же обыкновенный киноник»^{*}.

Такое энергичное повеление, исходящее притом от лица самого государя императора, было, очевидно, вызвано значительными злоупотреблениями певцов и своеволием в отношении к выбору и исполнению песнопений вместо причастного стиха, что, впрочем, и во все остальное время составляло самое большое место в церковно-певческой практике певцов и вызывало соответствующие распоряжения высшей светской и духовной власти.

В 1818 году синодальные певчие просили министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына об улучшении их положения, поставляя на вид: 1) что после службы от 20 до 40 лет певчие по старости и болезни выходят из хора и остаются сами и семейства их без средств, 2) что дети, пробывши от 10 до 19 лет в хоре, обучившись только пению и музыке, «остаются ничему другому не научены, даже порядочно писать не выучиваются», остаются без средств и возвращаются к своим бедным родителям, которых бы сами должны кормить, а некоторые остаются вовсе сиротами, 3) что выгоды певчих уменьшились, а средства жизненные вздорожали; около 50 лет пользовались доходами от аренды домовых помещений, теперь же лишены этого; после нашествия французов строили все вновь, без помощи казны и вошли в долги, жалованья получают мало, наград за службу не имеют, между тем певчие придворного хора по спадении с голосов определяются «в службы чинами классными», а из архиерейских хоров — во священники. Заканчивают просьбой о предоставлении в пользование им части доходов с домов в пособие к жалованью.

По этому поводу князь Голицын написал письмо архиепископу Августину, в коем просил его высказать свое мнение. Архиепископ Августин представил свое предложение 16 января 1819 года конторе, где предполагалось взрослым певчим по спадении с голосов давать диаконские и священнические места, детей-певчих учить в приходских и уездных училищах, а если будут способны, то и принимать в семинарию, не покидая хора. Дома отдавать внаймы «на законном основании» с дозволения Синодальной конторы, что препоручается взамен самих певчих, во избежание замешательств, ризничему и протопресвитеру, так что «количеством доходов будет пользоваться каждый певчий не случайно, а по достоинству», от чего может быть скоплена сумма в пользу вдов и сирот певчих. Певчим отдавать половину доходов, а другую половину тратить на уплату долгов певчих по постройке, а по

^{*} Там же, оп. 1, ч. 25, № 86 за 1797 г., л. 1—1 об.

уплате долгов $\frac{3}{4}$ всей суммы отдавать певчим, а $\frac{1}{4}$ на остальные расходы. Протопресвитер и ризничий «совокупно управляют певчими и имеют за ними ближайший надзор. Они определяют регента, инспектора для малолетних певчих, представляют Синодальной конторе о награждении заслуживших оное и о исключении неспособных или опорочивших себя поведением, смотрят за обучением музыки, также и за доходами, кои получаются певчими от служений, собирают их в «кружку» и разделяют по их рассмотрению», репортируя затем Синодальной конторе²⁸. Св. Синод указом 30 апреля 1819 года приказал, что он «означенное мнение утверждает с тем, однако ж, что ежели Синодальная контора и на будущее время найдет какие-либо средства к лучшему устройению тех певчих, то представила бы о сем Святейшему Синоду со своими мнениями».

Во исполнение вышеизложенного в том же 1819 году в сентябре 14 мальчиков посланы были — двое в уездное, а двенадцать в приходское училище. Деньги, по оценке сделанных певчими построек, были уплачены из доходов домов в 1823 году сполна, и певчие с того времени стали получать $\frac{3}{4}$ доходов с домов, а $\frac{1}{4}$ употреблялась на ремонт и на вдов и сирот певческих. Так, благодаря стараниям Августина, Синодальный хор сохранил право своего существования, а затем и получил довольно прочную организацию, обеспечивающую существование и внутреннее и внешнее преуспеяние хора в будущем. Были обеспечены квартиры синодальных певчих, что составляло для них самый жгучий вопрос и грозило даже закрытием Синодального хора, одновременно с этим было обеспечено материальное содержание певчих из $\frac{3}{4}$ доходов от домов сверх казенного жалованья, из партикулярных доходов обеспечены были вдовы и сироты певчих, пристроены в школы малолетние певчие, присмотр за коими препоручался особому инспектору, заведование певчими, кроме ризничего, поручалось еще и протопресвитеру. Содержание малолетних певчих поручалось регенту, за что он получал из певческой суммы по 110 рублей за каждого мальчика, коих обыкновенно было около 15 человек в это время (например, в 1825 году), и были еще сверхштатные, коих полагалось не более шести человек. Таким образом и состав хора около этого времени уравнился.

1829 года 20 сентября ризничий докладывал конторе, что певчие, являясь к службам в летних парадных платьях, которые незадолго перед тем сделаны были к коронации*, простужаются, подвергаются болезням и спадают с голосов, отчего происходит расстройство в хоре, что он предлагает конторе сделать теплые парадные платья певчим по образцу летних, чем достигалось бы и необходимое единообразие в теплой одежде певчих. Контора решила сделать платье «из темно-зеленого посредственного сукна верхнее в рукавах с красным шалонным подбоем, а нижнее на калмыцких бурых

* Платья сделаны были в 1826 году на средства кабинета.

тулупах», а «к оным устроить кушаки из красного шалона», на что отпущено было 2560 рублей ассигнациями. В том же году ризничий доносил конторе, что малолетние певчие по причине служб и спевок не имеют времени ходить в школы и не успевают в учении, что инспектор доселе не был приглашен, потому что между певчими нет способных к тому, а для приглашения постороннего лица не назначено определенное количество жалованья, не составлена определенная инструкция, что для занятий требуется приличное помещение и учебники и учебные принадлежности. Контора согласилась. В 1830 году протопресвитер и ризничий составили инструкцию инспектору. <...>²⁹

Августа того же года на должность инспектора определен студент Московской семинарии Николай Аничков, двадцати двух лет, сын умершего диакона Верхоспасского собора Алексея Егорова Аничкова. Инспектор Аничков пробыл до 1832 года, когда по уходе его поступил студент Пушкин, которого по уходе его в 1836 году сменил ученик семинарии 2-го разряда Николаев. При вступлении на должность Николаева архимандритом Донского монастыря Феофаном, членом конторы, была вновь составлена инструкция инспектору, которая мало отличалась от прежней, исключая того, что певческие занятия начинались утром, а учебные вечером в 3, 4 и 5 часов, инспектор же по службе приравнялся к помощнику регента. В 1838 году инспектором малолетних певчих поступил студент семинарии Николай Егоров Спасский, который пробыл до 1840 года, когда вместо него назначен был инспектором иеродиакон церкви Двенадцати Апостолов Серапион. Учебниками в это время были «Арифметика» Куминского, «Греческая грамматика» Лящевского, «Латинская хрестоматия» архимандрита Поликарпа, «Греческая хрестоматия» Качановского, греческий «Новый Завет», «Латинский словарь» Кронеберга, «Греческий словарь» Гедериха, «История» Корнелия Непота, «География» Арсеньева, географические карты Максимовича и другие.

Дома певческие, около 27-ми, были за время с 1825 по 1833 год в аренде у купца Бубнова, а шесть домов были занимаемы частью певчих, для остальных же нанимались квартиры. С 1839 по 1844 год были занимаемы два флигеля в доме Левашева за 4500 рублей в год в приходе церкви Николая Чудотворца на Старом Ваганькове, а в 1844 году певчие дома были у Левашева заарендованы еще на 7 лет по той же цене. Бубнов платил по 17 200 рублей в год за 27 домов, а с 1833 до 1843 года у него в аренде значатся уже все 33 певческих дома за 37 350 рублей³⁰. В 1834 году в конторе постановлено: «Сумму 19 612 рублей 50 копеек, доселе выдаваемую певчим вроде жалованья неравно и неопределительно каждому по распоряжению регента и ризничего, обратить в постоянный оклад, разделив на три станицы и назначив на каждого в 1-й станице по 600 рублей, во 2-й — по 450 рублей, в 3-й — по 300 рублей так, чтобы выходило на 12 человек 1-й станицы 7200 рублей, на

12 человек 2-й станицы 5400 рублей, на 12 человек 3-й станицы 3600 рублей, а всем вообще певчим 16 200 рублей в год. Сверх сего выдавать двум иподиаконам по 600 рублей, а обоим 1200 рублей, пономарю 512 рублей 50 копеек, регенту 1500 рублей, уставщику и помощнику (из певчих 1-й станицы) 200 рублей, что и составит всех вообще 19612 рублей 50 копеек^{*}. Пенсии назначались согласно с 39-м пунктом положения о пенсиях гражданских чиновников, то есть прослужившим от 20 до 30 лет — $\frac{1}{3}$ оклада, от 30 до 35 лет — $\frac{2}{3}$ оклада, от 35 лет и более — полный оклад. Это положение о синодальных певчих было утверждено указом Св. Синода 1835 года 2 марта № 2287.

В 1838 году конторою постановлено, чтобы неисправные певчие «были штрафованы уменьшением доли из партикулярных певческих доходов или выговорами и поклонами».

1832 года 21 сентября обер-прокурор князь Петр Сергеевич Мещерский объявил Синоду, что государь повелел, чтобы певчие при архиерейских домах и кафедральных соборах «переодеты были по покрою певчих Санкт-Петербургского митрополита». Из Синода было разослано по епархиям 100 литографированных рисунков платья. В 1832 году митрополит Филарет предложил конторе исправить одежду синодальных певчих согласно с разосланным по епархиям образцом. По справке оказалось, что прежнее платье, устроенное к коронации 1826 года, «мало сходствует в форме и в цвете сукна с образцом», и потому постановлено было сделать новое по новому образцу на сумму 7 475 рублей на 36 человек следующей формы: «нижнее платье пунцового цвета с холстинною белою подкладкою и золотым галуном, а верхнее — темно-зеленое с таковым же золотым галуном, с шалоновыми пунцовыми кушаками». Вешать платье велено в комнате над патриаршею ризницею и употреблять в чрезвычайных случаях³¹. В 1839 году по случаю освящения памятника на Бородинском поле 26 августа было устроено траурное платье синодальным певчим, тогда как до того времени певчие на панихидах обыкновенно бывали в партикулярных платьях.

К этому времени относятся некоторые распоряжения по церковному пению, касавшиеся и Синодального хора. В 1833 году 18 марта в контору из Синода прислан был указ, в котором говорилось, что министр императорского двора через обер-прокурора князя П. С. Мещерского сообщил Синоду высочайшую волю: «Государь Император, желая, чтобы церковное пение везде согласовалось с придворным напевом», повелел Синоду предписать епархиальным архиереям снабдить нотными книгами вверенные им епархии, причем от министра двора присовокуплялось, что «Круг простого церковного пения» стоит 25 рублей за экземпляр, а Панихида — 5 рублей за экземпляр, книги же эти, по предписанию Синода, предоставлялось выпи-

^{*} Там же, оп. 1, ч. 33, № 105 за 1834 г.

сывать им самим. В указе 1833 года 31 мая в пояснение предыдущего, однако же, говорилось: «По ближайшем рассмотрении сей книги оказалось: 1) оная в заглавии названа Кругом церковного пения, что по употреблению сего выражения значит полный состав церковного пения. Но в книге сей многое уменьшено или совсем пропущено, как то: тропарей, поемых на утрени после стиха “Бог Господь”, совсем нет. Из антифонов осми гласов, поемых пред Евангелием, положен только один антифон четвертого гласа. Ирмосов воскресных канонов осми гласов нет ни одного, а вместо их ирмосы Богородичного канона “Отверзу уста моя”. Канон Рождества Христова положен в сей книге один, а канона второго творца нет. Так же поступлено с канонами других великих праздников. Ирмосы некоторых великих праздников, например, Успения Пресвятыя Богородицы совсем пропущены. В литургии Преждеосвященных Даров пропущена песнь “Ныне силы небесныя”. 2) В напевах употреблены в сей книге многия сокращения, как то: вместо пения воскресного вечернего прокимна “Господь воцарися” положено хорное чтение. Так же поступлено со стихом “Бог Господь” вместо пения на восемь гласов. Так называемые догматики, по содержанию важные, по древнему церковному напеву умиленные и всем известные, в сей книге положено петь скорым напевом стихир. В литургии Василия Великого в стихах “Вечери Твоя тайныя”, “Да молчит всякая плоть”, “О Тебе радуется” употреблен простой напев шестого гласа, вместо древних умиленных и с слухом народа содружившихся особых напевов. Почему признано необходимым при введении в употребление оной книги преподать епархиальным преосвященным архиереям, ставропигиальным монастырям и оберсвященникам армий и флотов и гвардейскаго корпуса некоторые наставления, именно: 1) с образцом пения, представленным в вышеупомянутых нотных книгах, сообразоваться преимущественно в пении литургии Святаго Иоанна Златоустаго, панихиды и тех из прочих статей, кои ближе следуют древнему церковному пению, изображенному в книгах, издаваемых от Святейшаго Синода; 2) сокращений и упущений, допущенных в новоизданных книгах, не принимать за правило к изменению церковного устава, но следовать сему уставу по-прежнему; 3) сохранять и поддерживать особенно в церквах монастырских и соборных древнее церковное пение в его чине и полноте и особенно остерегаться от таких нововведений в церковном пении, кои, отступая и от древняго обиходного и от ныне изданного придворного пения, отступают вместе и от свойственной богослужебному пению важности и простоты, с умилением соединенной»*.

Мнение это, представленное на высочайшее усмотрение, удостоено было высочайшего согласия с тем, чтобы «архиерейские певчие держались непременно сего придворного напева, особенно же в высочайшем присутств-

* Там же, оп. 1, ч. 33, № 72 за 1833 г., л. 6 об.—7 об.

вии». В 1835 году 4 октября конторе был указ Синода, в котором излагалось предложение обер-прокурора действительного статского советника Степана Дмитриевича Нечаева, в котором напоминалось об указе 1833 года и добавлялось, что доселе выписали означенные книги в полном количестве только три епархии, и подтверждалось, чтобы епархиальные архиереи «озаботились снабжением всех церквей вверенных им епархий упомянутыми нотными книгами». По этому поводу «Святейший Синод, приняв в разсуждение, что на все без изъятия церкви не можно возложить обязанности снабдить их книгою нотного придворного церковного пения, во-первых, по бедности многих церквей, во-вторых, по невозможности употреблять четырехголосное пение в большей части церквей, особенно сельских, по недостатку и по неискусству поющих, — полагает подтвердительно предписать епархиальным начальствам указами, чтобы означенною нотною книгою снабжены были монастыри, церкви соборные и вообще имеющие более двух комплектов, где может быть употребляемо четырехголосное пение, прочим же церквам предоставить приобретать сию книгу, смотря по надобности и по имеющимся способам»^{*32}.

В 1836 году Синодальному хору потребовались печатные сочинения Бортнянского³³, и по этому поводу ризничий Анастасий доносил конторе, что он просил директора, то есть Ф. П. Львова, сообщить стоимость этих сочинений и что «его превосходительство вместо простого ответа» прислал Полное собрание духовных сочинений Бортнянского по цене 203 рубля 80 копеек, между коими, в частности, четырехголосные концерты [по] 52 рубля 40 копеек, двухорные концерты и мелкие пьесы [по] 52 рубля 40 копеек, мелкие 3-х и 4-хголосные пьесы [по] 16 рублей 60 копеек, четырнадцать номеров «Тебе Бога хвалим» [по] 52 рубля 40 копеек и прочее. В 1831 году синодальным указом предлагалась к приобретению на собственные средства вторая книга, а в 1841 году напечатанная с высочайшего соизволения в этом же году первым изданием третья книга сочинений и переложений протоиерея Турчанинова, последняя — за 10 рублей ассигнациями.

В 1830 году по смерти регента Таболовского назначен был на его место Николай Кольчев, который в 1833 году, «чувствуя от обучения малолетних певчих с голоса постепенную разстроенность в здоровье», просил уволить от регентства. Прослужив в Синодальном хоре 35 лет, он от пенсии, однако же, отказался и поступил учителем пения в ремесленное училище за 800 рублей в год. В том же 1833 году по приказанию конторы протопресвитером и ризничим были собраны все певчие в помещение конторы и испытываемы «в знании итальянской ноты и способности к управлению певческим хором». Регентом затем был выбран из певчих Дмитрий Алексеев Птицын. Перемена регентов, вероятно, отозвалась на состоянии самого хора. В 1834 году прокурор конторы Василий Михайлов излагал конторе: «В продолжение

* Там же, оп. 1, ч. 33, № 200 за 1835 г., л. 1 об.—2 об.

довольно значительного времени неоднократно было замечаяемо мною нестройное пение Синодального певческого хора, а при отправлении 22 числа сего апреля в день Св. Пасхи молебствия по случаю вступления в совершеннолетие Государя Наследника Всероссийского престола великого князя Александра Николаевича бывшая при сем молебствии знаменитая публика решительно заметила, что синодальные певчие поют весьма нестройно и несогласно, каковое мнение публики о Синодальном певческом хоре долгом поставляю передать конторе»^{*}.

По этому поводу регент Птицын представил конторе список, кто по старости и спадении с голоса должен быть уволен из хора (всего 8 человек). В том же 1834 году, вероятно, по поводу указанных недостатков хора, регентом был приглашен Василий Парижский, но и при нем, по-видимому, дело пения не улучшилось. В 1836 году прокурор Михайлов докладывал конторе, что в день восшествия на престол государя, 20 ноября, в кафедральном Чудовском монастыре на литургии и молебствии «синодальные певчие пели весьма дурно, и именно: басы чрезмерно кричали, а дишканты, певшие соло, очень много ошибались, что заметили как московский военный генерал-губернатор князь Дмитрий Владимирович Голицын, так и весь бывший с ним при сем случае генералитет»^{**}, что по его (прокурора) мнению это происходит от того, что регент Парижский не занимается певчими, генеральных спевков не делает и сам в важных церковных процессиях бывает очень редко и в этот день не был, что со дня своего вступления в должность Парижский не улучшил хор. Контора постановила: ввиду того, что Парижский не только не улучшил хор, но привел его в большее расстройство, от должности ему отказать.

В 1836 году на его место поступил титулярный советник Осип Чернов, сын есаула, бывший шестнадцать лет учителем пения и музыки в Воспитательном доме. Бывшие недостатки хора, вероятно, побудили начальство составить для регента подробную инструкцию для урегулирования его деятельности. Такая инструкция была составлена (вероятно, архимандритом Феофаном) в декабре 1836 года в 11-ти пунктах.

Регент, по 1-му пункту инструкции, поверяет голоса и знание нот у певчих и составляет реестр их.

2. Набирает новых певчих вместо выбывших. Предписывалось «малых не принимать ранее 8-ми, а больших ранее 20-ти лет», выбранных представлять конторе на утверждение.

3. Спевка три раза в неделю, в понедельник, среду и пятницу от 10-ти до 12-ти часов, а «в последний день быть генеральной спевке»; в прочие дни

^{*} Там же, оп. 1, ч. 33, № 105 за 1834 г., л. 1—1 об.

^{**} Там же, оп. 1, ч. 33, № 228 за 1836 г., л. 1.

помощник регента занимается обучением малых. Предписывалось «единожды навсегда выучить основательно нотной азбуке, называемой школою, чтобы каждый по изучении оной мог сам собою разучивать концерты».

4. Если случится в певческий день соборное или партикулярное служение, то идет или половина хора знающих, или весь хор, а спевка на другой день.

5. Согласно указу его императорского величества петь литургию, всеобщные и панихиды по придворному напеву. Синодальные певчие «все должны знать сей напев, и поступающих вновь больших и малых по изучении азбуки прежде всего надлежит обучить сему напеву. За сим вводить в употребление и поддерживать древнее русское умиленное и благоговейное церковное пение, находящееся в печатных издаваемых от Святейшего Правительствующего Синода книгах — Обиходе, Ирмологии, Октоихе и Праздниках: во-первых, каждого гласа богородичны, так называемые догматики, петь по сей ноте с искусным присоединением к одному подлинному голосу других без отступления от подлинного напева; во-вторых, воскресные и на великие праздники ирмосы петь по примеру, как ежегодно поет Синодальный хор канон Божией Матери после вечерни накануне праздника Успения; в-третьих, в великие праздники, особенно на день Успения Божией Матери, печатные в книге называемой Праздники стихир. В великие господские и богородичные праздники, в высокаторжественные, торжественные, а летом и в воскресные дни <...> не только дозволяется, но и вменяется в обязанность г. регенту петь по печатным нотам из сочинений г. Бортиянского Херувимскую песнь и другие стихи, задостойники переложения Турчанинова, причастные стихи музыки г. Бортиянского или вместо оных его же и других сочинителей печатные концерты. В выборе оных регент должен наблюдать приличие дню и празднеству церкви».

6. Концерты разучивать заблаговременно «со всею верною и точною». «Добрая метода пения, между прочим, требует, чтобы певчие все и каждый как в простом, так и в нотном пении произносили сколь возможно чище и явственнее слова, ибо церковная музыка служит собственно для выражения слов». Советуется, чтобы певчие не произносили слов сквозь зубы или в нос, чтобы не было произношения провинциального или местного. «Добрый вкус требует, чтобы в пении церковном избегать двух крайностей, равно неприличных храму Божию: излишней утонченности, приличной театру, и грубого крика, к которому особенно склонны басистые, не имеющие вкуса и образования. Доброта голосов, согласие их между собою, равновесие в силе, верность в тонах, простота, одушевляемая благоговением, чистое, открытое и благородное произношение слов — вот совершенство церковного пения, до которого надлежит доводить хор».

7. Предписывается певчим вести себя в храме «чинно и благоговейно», стоять на своем месте, из церкви не выходить, не разговаривать, делать по-

клоны при архиерейских благословениях и диаконских каждениях. «Регент или помощник его, давая такт рукою для показания меры, должны наблюдать в сем, сколько возможно, скромность, ибо смелое махание рукою соблазняет простой благочестивый русский народ».

8. Певчие иногда в праздники и дни воскресные, кроме двенадцатых праздников и высокаторжественных дней и дней с крестными ходами, могут быть частью увольняемы, «а в простые дни могут быть увольняемы и все синодальные певчие для пения в приходские церкви».

9. Доходы записываются при всех в книгу и раздаются большим певчим с расписками, а часть малолетних «вверяется содержателю их, а остатки от их содержания вносятся о. ризничему для хранения, где следует, и выдачи каждому при выбытии из хора». Предписывается на свадьбах петь без крика и напряжения. «При сем поставляется правилом, чтобы нигде никогда синодальным певчим не петь никаких театральных, любовных и простонародных песен. Исключаются однако из сего правила гимны и хоры с музыкою, сочиненные в честь Государя и на другие торжественные случаи». В дурную погоду певчие должны быть доставляемы в экипажах. Певчие не могут быть делимы более, как на три равные части, а на свадьбы лучших и высших фамилий должны быть посылаемы не менее половины, и то лучших.

10. Каждую треть года регент подает протопресвитеру и ризничему ведомость о состоянии хора, успехах и поведении каждого певчего в отдельности.

11. По делам хора регент обращается к протопресвитеру и ризничему.

По смерти Чернова в 1837 году на его место был избран в регенты бывший еще прежде исполняющим должность регента, а затем при Парижском и Чернове помощником регента Д. Птицын. В конце этого года он доносил конторе, что разучил три концерта Бортнянского — «Отрыгну сердце мое», «Восхваляю имя Бога моего», «Скажи ми, Господи, кончину мою», пасхальный задостойник Турчанинова, двухорные славословие и Херувимскую Бортнянского, четырехголосную Херувимскую Симоновскую, двухорный концерт «Утвердися сердце мое» Бортнянского, а об обедне, всенощной и панихиде придворного напева доносил, что покойный Чернов «состроивал оныя по особенной своей методе с произвольным протяжением нот, с изменением всего придворного напева и против поставленных знаков». В том же году Птицын жаловался на своего помощника Алфеева, что он в продолжение года «не выучил еще ни одного певчего и нотной азбуке и не только не может помочь ему в обучении певчих, но больше повредит своим фальшивым учением, потому что он и сам нередко поет не в надлежащий тон и не по правильному такту или размеру музыки, а на скрипке начал играть самоучкой по определению его в должность регентского помощника и берет ноты весьма неверно, а от этого малолетние певчие привыкнут к неправиль-

ным приемам и расстроят свой слух так, что невозможно будет и приучить их к верному пению». Для настроенного им, регентом, пения «дает другой тон неправильный и такт рукой дает неправильно, отчего происходит нестройность в пении, о чем могут засвидетельствовать и многие из больших певчих, из коих некоторые хорошо знают и инструментальную музыку»^{*}.

В 1839 году Птицын по обычаю доносил конторе, что, между прочим, всех концертов Бортнянского выучено 28. На это контора писала ему, что регенту «вменяется в непременную обязанность» в каждую треть года выучивать вновь по три концерта Бортнянского, вновь же поступающих учить помощнику регента. По случаю требования денег бывшим регентом Колычевым за ноты, купленные им для Синодального хора от регента Таболовского, Птицын подтверждал, что таковые ноты у них есть и они нужны, потому что «синодальные певчие приглашаются часто на свадьбы петь в доме с музыкаю хоры польские и другия пиесы». В 1841 году контора через протопресвитера Платонова заметила регенту, когда он донес, что выучил только один концерт, «чтобы он впредь более занимался обучением певчих». В конце года Птицын доносил, что он вновь разучил «Колена, россы, приклоните» Турчанинова.

Птицын, по-видимому, не оправдал возлагаемых на него надежд. Поэтому в 1841 году 4 декабря протопресвитер Платонов и ризничий Евстафий доносили конторе, что в Синодальном хоре в пении незаметны улучшения, что за последние три месяца регентом «нередко вовсе были оставляемы певческие классы», поэтому, «опасаясь допустить совершенное расстройство Синодального певческого хора», видят надобность найти «благонадежнейшего из сведущих в управлении хором», и посему предложили занять место регента вышедшему из Придворной капеллы чиновнику X класса Гавриилу Стефанову Яновскому. В формуляре его значилось, что он вышел из Капеллы по слабости здоровья и за спадением с голоса. Птицын вышел из состава Синодального хора и определился учителем пения обер-офицерских детей при Военном доме. В 1841 году Яновский, поступивший вместо Птицына, доносил конторе, что им разучивались концерты Сартти, Дегтярева и Бортнянского. В 1845 году Яновский по слабости здоровья просил увольнения от должности, а место его занял в том же году имеющий звание домашнего учителя бывший помощник регента Иван Никифоров Моригеровский.

Таков краткий очерк истории Синодального хора за время с 1700 года по 1845 год включительно, насколько это возможно проследить: за время с 1700 по 1728 год — по «Описанию документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода», за время с 1732 по 1845 год — по делам архива Синодальной конторы (более 100 дел). Выводы и обобще-

^{*} Там же, оп. 1, ч. 33, № 263 за 1837 г., л. 1 об.—2.

ния здесь, пожалуй, и излишни, факты и документы яснее говорят за себя. Можно отметить только некоторые более выдающиеся черты из этой истории: некоторая неопределенность материального и служебного положения синодальных певчих, давшая толчок мысли о закрытии Синодального хора, и приведенная в окончательную норму только в 1835 году по указу Синода, благодаря стараниям, главным образом, преосвященного Августина. Упрочение материального и служебного положения певчих повело за собою необходимость организации воспитательного и учебного дела по отношению к малолетним певчим, что повело за собой учреждение частной школы при Синодальном хоре с инспектором во главе, деятельность которого регламентировалась особой инструкцией. Во главе ближайшего управления хором стали ризничий и протопресвитер. Хор окончательно сформировался как смешанный из больших и малых певчих, особенно ввиду присылавшихся из Капеллы нотных образцов и руководств партесного четырехголосного пения в храме при богослужении и рекомендованного концертного пения Бортнянского и других, и, наконец, сделанных обязательными в практике «литургии, всенощной и панихиды придворного напева» в редакции тайного советника Львова, директора Капеллы. Отсюда пошли нестроения в пении Синодального хора и частые смены регентов, ибо Синодальный хор был, конечно, не подготовлен, да и едва ли был где-нибудь в России тогда подготовлен такой хор, который мог бы как следует исполнять концерты господ директоров Капеллы и их придворные напевы, исключая самой Капеллы, которая одна обладала всеми нужными для такого пения средствами и силами.

Певческая деятельность Синодального хора регламентировалась затем инструкцией, хотевшей примирить требования Капеллы и старые московские традиции в церковном пении и в последнем отношении давшей такие разумные советы и правила, которые не потеряли своего значения еще и доселе: пункты 5, 6 и 7 инструкции в этом последнем отношении могли бы быть катехизисом для каждого порядочного певческого хора. Давление Капеллы на Синодальный хор отразилось даже и в том, что один из регентов позднейшего времени в Синодальном хоре был уже бывший певчий Капеллы, тогда как все остальные регенты, кроме неподолгу служивших Парижского и Чернова, были из певчих же Синодального хора и держались его традиций. Петербургское влияние стремилось к безусловному господству в церковно-певческом деле, устранивая все старинные традиции³⁴.

Комментарии

Работа опубликована в «Русской музыкальной газете»: первая часть — 1898, № 10—12, вторая часть — 1901, № 17, 19/20, 23/24, 25/26. При публикации без огово-

рок выправляются по печатным и архивным источникам цитаты в тексте; все авторские библиографические ссылки сохраняются в исправленном и унифицированном виде; без оговорок выправлены неточные даты отдельных событий, цифры, касающиеся выплаты жалования, а также названия и фамилии; внесена небольшая стилистическая ретушь с целью прояснения авторского изложения.

1. О происхождении хора патриарших певчих дьяков и поддьяков см. в комм. 1 к очерку *Д. В. Разумовского* «Патриаршие певчие дьяки и поддьяки» и в книге *Н. П. Парфентьева*.

2. Думается, именно певчие дьяки, входившие во все главные хоры XVI века — государев, митрополичий, архиерейский, составляли такой класс — класс профессиональных певчих.

3. В Патриаршем хоре, в отличие от государева, было более дробное внутреннее деление, и происходило это оттого, что к певчим дьякам присоединялись все поющие и читающие клирошане, как то поддиаконы (в XVIII веке иподиаконы) и поддьяки. Поддиаконы были ближе к лицам духовного звания, чем поддьяки и тем более певчие дьяки. Число поддьяков с годами увеличивалось за счет меньших станиц; число же певчих дьяков и поддиаконов оставалось неизменным.

4. Здесь автор произвольно соединил существовавшие самостоятельно станицы певчих дьяков (две) и поддьяков (от шести до восьми).

5. Опущен фрагмент о денежных доходах патриарших певчих в связи с тем, что фактическая часть полностью заимствована из публикуемого в этом томе очерка *Д. В. Разумовского*.

6. Точнее, Дилецкий выполнял перевод своего трактата с польского на церковнославянский.

7. До Луки Родионова в дом царского величества были взяты шесть патриарших певчих: Иван Протопопов, Афанасий Григорьев, Иван Шерох, Александр Иванов, Иван Максимов, Афанасий Перфильев. 14 мая 1716 года в расходной книге кабинетным деньгам царя Петра появилась следующая запись: «Царское величество указал помянутым певчим мундир одного цвета всем, и чтоб не больше издержано было на каждого человека, [как] по 15 рублей, или ефимков» (Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872. С. 33). В те же 1710-е годы в государевом хоре стали петь: Василий Никитин, Алексей Игнатьев, Иван Алексеев, Василий Иванов, Конон Карпов, Семен Андреев, Михаил Осипов, Иван Борисов, Тихон Протопопов.

8. Эти певчие не пополняли государев хор, они были вызваны в Петербург к празднику Рождества Христова для участия в службах в Троицком соборе совместно с государевыми певчими и в присутствии самого императора. С этого времени начались ежегодные поездки (годовые чреды) части синодальных певчих в Петербург. Например, в 1722 году там находились 38 певчих с иподиаконом Андреем Никитиным, в 1723-м — 10 человек с тем же иподиаконом, в 1728-м — 37 иподиаконов, певчих и поддьяков.

9. Этим термином (соборная церковь или соборная Успенская церковь) применительно к Большому Успенскому собору пользовались постоянно (см. документы XVI—XVIII веков, приведенные в книге *Н. П. Парфентьева* и в других источниках).

10. Через год бывшие патриаршие, по указу Петра 1721 года — соборные, певчие стали именоваться синодальными певчими.

11. Приводим этот документ в более полном виде, чем в тексте Металлова, с преамбулой и заключением: «До 1705 года певчим и подьякам, первым в числе 10 человек, а последним в числе 30-ти, по записным окладным книгам выдавалось окладного жалованья в год 256 рублей с полтиною, в два срока — в январе и в июле. Указами 27 декабря 1718 года и 3 ноября 1720 года из Штатс-Контор-Коллегии запрещено было Казенному приказу расходовать наличные суммы на какия бы то ни было дачи, в том числе и на дачу жалованья «без указов из оной Коллегии». Далее, после процитированного Металловым фрагмента, следует текст: «По этому указу певчим и подьякам выдано было в 1721 году полное денежное жалованье». Но в 1722 году на основании указа Св. Синода за январскую половину выдано было певчим и подьякам вместо 128 рублей только 64 рубля и 4 алтына. Тогда «певчие и подьяки подали 24 апреля того же года в Св. Синод доношение, подписанное от лица певчих Никитою Рязанцем, а со стороны подьяков из «их братии» Иваном Ивановым, прося о выдаче им как за январскую треть дополнительно, так и впредь полного жалованья по указу из Штатс-Контор-Коллегии от 16 марта 1721 года». Указом Св. Синода от 6 июня 1722 года «на январскую треть 1722 года половину, что по окладу недодано, а на июльскую всегодового оклада половинное число выдать, записав с росписками».

12. В этом указе говорилось: «В певчие соборной церкви, которые называются синодальными, никого отныне без получения от Синода указа и апробации не принимать, но по учиненной в Синоде апробации требующих в оный чин определения отсылать для надлежащего в действительном пении знания свидетельства к уставщику его императорского величества певчих Василию Евдокимову и определять оных, которые тем уставщиком апробированы и письменно засвидетельствованы будут» (цит. по изд.: Музыкальный Петербург. XVIII век. Энциклопедический словарь. Кн. 3. СПб., 1999. С. 97).

13. В 1728 году еще раз подтверждено право уставщика государева хора Ивана Протопопова выбирать певчих для Синодального хора и переводить их из станицы в станицу.

14. В процессии участвовали 16 поддиаконов и 14 синодальных певчих, которые и исполнили указанный канон.

15. Причина появления этого указа объяснена в приводимом Металловым документе, где говорится, что Синод не имел сведений о том, «приходят ли обретающиеся в Москве Синодального дома певчие к служению по воскресным и полиелеосным дням в соборную церковь Успения Пресвятыя Богородицы к вечерни, утрени и к литургии для исправления должности своей».

16. Из двух больших таблиц Металлова, изобилующих ошибками, составлена одна, отражающая только денежное вознаграждение синодальных певчих.

17. Судьба Патриаршего Дворцового приказа после отстранения от него митрополита Стефана была связана с Монастырским приказом, в составе которого Патриарший Дворцовый приказ находился с 1701 по 1720 год и делами которого ведал глава Монастырского приказа граф И. А. Мусин-Пушкин. Здесь же оказались и пат-

риаршие певчие. В 1721 году Патриарший Дворцовый приказ вновь существовал самостоятельно.

18. В состав государева хора вошли лишь отдельные певчие из Патриаршего хора, основная же часть патриарших певчих выезжала в Петербург для участия в службах в присутствии государя, возвращаясь затем каждый раз в Москву.

19. Другое название оперы Арайи — «*La forza dell'amore e dell'odio*» («Сила любви и ненависти»).

20. Для сравнения приведем выдачу кормовых (суточных) денег государевым певчим в 1720-е годы во время нахождения их в Москве: уставщик получал 15 копеек, певчие по 10 копеек на человека.

21. О жизни синодальных певчих в Петербурге известно следующее. Ежегодно часть хора в 12 человек с одним иподиаконом (впрочем, иногда певчих бывало и больше) приезжала в Петербург на очередную чреду для служения в одном из придворных соборов: в 1720—1730-х годах пели в Троицком, после освящения нового Петропавловского собора, с 1733 по 1756 год постоянно пели там, а с 1756 и до середины 1760-х — в домово́й церкви во имя преподобного Харитона Исповедника при Св. Синоде. Жили певчие в 1720-х годах в посадской слободе близ Петропавловского собора, в 1740-х — в нижних апартаментах Синодальной канцелярии под Троицкой церковью, в 1750-х — в трех палатах в Синодальном доме на Санкт-Петербургском острове (см. в публикациях *И. А. Чудиновой* о жизни синодальных певчих в Петербурге в XVIII веке // *Невский архив. Вып. II. М.; СПб., 1995. С. 287—306; Музыкальный Петербург. XVIII век. Цит. изд. С. 96—100*).

22. В документах архива Московской Синодальной конторы периода 1790-х — 1800-х годов встречаются факты, говорящие, что певчих даже хоронили в стихарях.

23. По указу ее императорского величества от 17 февраля 1760 года за долговременную и беспорочную службу в певческом звании при Синодальном доме Григорий Худяков поставлен над певчими уставщиком, «как оные и прежде бывали», с освобождением его от годовых чред в Петербург и с назначением ему иподиаконского жалованья. Это назначение следует рассматривать как поощрение личных заслуг Худякова. После его смерти в 1764 году пожалованная должность уставщика не перешла ни к кому из певчих. Первый же регент в Синодальном хоре появился в 1812 году, им стал певчий Федор Таболовский (в Придворной капелле должность регента появилась в 1808 году).

24. Граф И. А. Мусин-Пушкин стоял во главе Монастырского приказа.

25. В первой половине XVIII века, после открытия Св. Синода синодальные певчие должны были участвовать в службах архиереев, которые поочередно назначались в Москву из членов Синода для управления бывшей патриаршей областью. Это положение не изменилось и после образования Московской епархии (1742) при ее первом архиепископе Иосифе (1743—1745). Но в 1745 году церковь Двенадцати Апостолов в Синодальном доме и находившиеся при ней синодальные певчие, так же как Благовещенский собор и несколько московских монастырей, были выведены из подчинения московской духовной консистории, получив постоянную приписку к Мос-

ковской Синодальной конторе. Большой Успенский собор всегда находился в ведении Св. Синода.

26. На 7 ноября 1763 года в составе хора синодальных певчих значились 4 иподиакона, 1 уставщик, 7 певчих, 11 поддьяков первой станицы и 15 поддьяков второй станицы, всего — 38 человек. Следует указать как на одну из закономерностей, что в составе Синодального хора почти никогда не было полного комплекта певчих.

27. В книге штатов к Полному собранию законов Российской империи (1-е собрание, т. XLIV, ч. 2 — СПб., 1830, отделение III, к статье № 18273, с. 67) за 18 декабря 1797 года помещен именной указ «Об учреждении духовных академий в Санкт-Петербурге и Казани, об определении сумм на содержание духовных училищ, архиерейских домов, соборов и служащих при них»; тут же, в частности, указано количество вновь назначаемых певчих для Большого Успенского собора: 4 человека в первую станицу (певчие), 4 человека во вторую (поддьяки), 4 человека в третью станицу (поддьяки), всего 12 человек с прежним жалованьем (по штату 1763 года). Каждый певчий получал 30 рублей в год, поддьяк первой станицы — 20 рублей, поддьяк второй станицы — 12 рублей.

28. Протопресвитер и синодальный ризничий оставались во главе синодальных певчих до февраля 1851 года (при общем подчинении Московской Синодальной конторе), после чего Синодальный певческий хор поступил в распоряжение нового начальника — прокурора Московской Синодальной конторы.

29. Опущена инструкция для инспектора малолетних певчих Синодального хора, текст которой идентичен тексту в ниже публикуемой работе Металлова «Синодальное училище церковного пения в его прошлом и настоящем».

30. Для подкрепления и уточнения изложенных фактов с 1819 по 1844 год приведем выдержки из документа архива Московской Синодальной конторы за 1834 год «О содержании Синодального хора»:

«Певческие дома по уплате за обстройку оных на собственный счет певчих в 1821 году отданы были в оброчное содержание на 4-летний срок московскому купцу Александру Васильеву с платою за оные дома по 22 050 рублей ассигнациями в год; а по миновании означенного срока дома сии по учинении торгов отданы в содержание московскому купцу Семену Васильевичу Бубнову с платою в каждый год по 17200 рублей ассигнациями сроком на 8 лет. По истечении указанного срока в 1833 году 1 июля дома были отданы вновь по проведению торгов тому же Бубнову в 10-летнее содержание с платою за каждый год по 37 350 рублей ассигнациями. <...> Сверх означенного окладного по штату жалованья, равно и доходов, получаемых с домов, синодальные певчие пользуются еще партикулярными доходами, получаемыми ими от служений в приходских церквях и простирающимися до 5 000 рублей. Ныне в Синодальном хоре: в первой станице — 10 человек, во второй станице — 11 человек, в третьей станице — 8 человек. Кроме сего в певческом хоре находятся малолетних певчих сверхштатных 6 человек для подготовки в настоящий штат. В состав Синодального певческого хора преимущественно входят люди духовного звания разных епархий или из детей мастеровых Московской Синодальной типографии по испытании и по требованиям Московской Синодальной конторы, согласно изъявленного

ими желания, но смотря по способностям определяются и из других свободных состояний, а по спадении их с голосов возвращаются они в епархиальное или в первобытное их ведомство для определения к приписным местам» (РГАДА, ф. 1183, оп. 1, ч. 33, № 107 за 1834 год).

С 1833 по 1839 год певчим выдавались деньги на наем квартир. В июне 1839 года было снято два каменных двухэтажных флигеля для регента и 17-ти певчих, мало-летние же певчие жили при синодальном доме в Кремле.

31. По документам архива Московской Синодальной конторы видно, что в конце сентября 1832 года по предложению митрополита Филарета и согласно присланному образцу 31 пара певческих костюмов была исправлена с переменою старого галуна на новый, а через два года, к маю 1834 года, было пошито «для 36-ти синодальных певчих разного возраста певческого платья из сукна и к ним кушаков из шалона с позументом, шнуром и кистями» (РГАДА, ф. 1183, оп. 1, ч. 33, № 195 за 1833 год).

32. Тогда же Синодальная контора приказала успенскому протопресвитеру с синодальным ризничим приобрести указанное издание для Синодального певческого хора. В то же время контора вопрошала: «А как в Успенском соборе, кроме воскресных, праздничных и высокотожественных дней, в хоре клиросное пение отправляют синодальные певчие, во все прочие дни самими пресвитерами и дьяконами того собора искони употребляется древнее столбовое пение, весьма уважаемое не только всеми жителями Москвы, но и приезжающими благочестивыми читателями древнего храма и родного старинного напева, то, дабы переменою сего пения не охладить усердия их, донести Св. Синоду с испрашиванием разрешения, нужно ли обязывать Успенский собор заведением нотных книг и введением нового придворного церковного пения» (РГАДА, ф. 1183, оп. 1, ч. 33, № 200 за 1835 год, л. 3). По ответу из Синода было ясно, что этого делать не следует. Позднее неоднократно подтверждалось, что «где какое пение ведется издавна, того не изменять» (в эту категорию попали Большой Успенский и Новгородский Софийский соборы со столбовым пением, некоторые монастыри и единоверческие церкви, Киево-Печерская лавра с киевским распевом).

33. Причиной, побудившей приобрести сочинения Бортнянского, стало заявление регента Василия Парижского: «У Синодального певческого хора не имеется нотных книг, а поют певчие по ветхим измаранным тетрадям, даже в некоторых местах и ноты вырваны, концерты же Бортнянского все старого издания, посему для благоустройства Синодального певческого хора нужно купить все сочинения Бортнянского нового исправленного издания, кои стоят в партитурах 150 рублей, притом нужно также купить раштрованные числом 16-ти книги, в которые будут вписываться 4-голосные обедни и концерты, а также (в другие) стихирьы и прочие пьесы для все-нощного бдения» (РГАДА, ф. 1183, оп. 1, ч. 33, № 39 за 1836 год, л. 1). В феврале 1837 года сообщалось, что все куплено, но переписка вышеозначенных духовных пьес с партитур поголосно в раштрованные книги доселе еще не закончена.

34. Экспансия Придворной певческой капеллы в истории русского церковного пения продолжалась с 1816 по 1880 год, вобрав в свою сферу разные стороны церковно-певческой жизни. Внедрение Капеллы в жизнь и деятельность Синодального

хора началось с 1830 года и совпало с печатанием Круга простого церковного пения, издавна употребляемого при высочайшем дворе, Литургии простого придворного пения и Панихиды. Цель издания заключалась в том, чтобы везде в России пели по печатным книгам и не иначе как по придворному напеву. В 1830 году в Москве побывал певчий Капеллы Александр Варламов (впоследствии — известный русский композитор), который по желанию императора занимался обучением синодальных певчих придворному пению с 5 мая по 29 июня. Вслед за тем появились указы Св. Синода 1833 и 1835 годов, обеспечивающие распространение изданий Капеллы. Наконец, указы 1846, 1847, 1850 и 1852 годов снова и снова подтверждали, что петь можно только по изданиям Придворной певческой капеллы, и это являлось обязательным и для Синодального хора. В ноябре 1849 года директор Капеллы А. Ф. Львов получил командировку в Москву с заданием положить на ноты напевы Донского и Симонова монастырей, а также Большого Успенского собора. По справке Львова, составленной в феврале 1850 года по возвращении в Петербург, предлагалось переименовать Синодальный певческий хор в Московскую придворную певческую капеллу, построив ее точно по образцу петербургской, но с меньшим числом певчих. По замыслу Львова новая капелла должна была послужить примером остальным московским хорам и положить конец произвольному пению при богослужении. Однако Николай I, познакомившись с историей хора, повелел оставить его в том же синодальном ведомстве, с поручением директору Львову усовершенствовать пение этого хора, чем и занимался в Москве с 1851 по 1854 год присланный из Капеллы придворный певчий Иосиф Рыбасов. В дальнейшем (с 1854 года) по решению Св. Синода на обучение в Капеллу направлялись два лучших малолетних певчих из состава Синодального хора, не говоря уже о том, что регенты Синодального хора — С. Ф. Котельников, И. В. Виноградов, В. И. Зверев, Д. Г. Вигилев и В. С. Орлов — имели аттестаты из Придворной капеллы, дающие право руководить церковными хорами.

В. М. Металлов

Синодальное училище церковного пения в его прошлом и настоящем

Тысяча девятьсот одиннадцатого года июня восьмого дня исполнилось 25 лет, когда 1886 года 8 июня Синодальное училище церковного пения было преобразовано из учебного заведения низшего, четырехклассного, равно по образованию и правам с духовными училищами епархиального ведомства, в заведение среднеучебное, восьмиклассное, а затем увеличенное до девяти классов, почти сравнявшееся с курсами духовных училищ и семинарий, взятыми вместе, и превысившее числом учебных годов средние учебные заведения Министерства народного просвещения, училища реальные и гимназии, а затем и училища коммерческие и художественные, то есть и образовательные и специальные.

Конечно, такой крупный шаг вперед был сделан не сразу, а постепенно, в течение двадцати почти лет, и путь преобразования совершался не без трений и задержек и направлялся к конечной своей цели не без упорного труда и усилий, не без немалых размышлений и запасов опыта, почему и, обзревая дело преобразования училища в его настоящем виде со всей легкостью и удобством, однако же нет возможности с той же легкостью и удобством проследить как возникали, назревали, складывались, видоизменялись и спаивались в одно целое все детали этого преобразования, самый органический рост училища и, отложив кропотливую разборку дела в мелочах, ограничиться изложением и освещением более крупных фактов и более общих явлений в поступательной жизни и развитии училища за его двадцать пять лет.

I

Синодальное училище в его прошлом до 1886 года

Если настоящее состояние Синодального училища явилось результатом постепенного его усовершенствования в течение двадцати пяти лет с момента преобразования в 1886 году, то преобразование его по штату 1886 года по отношению к его прошлому представляет собой в истории училища внезапный, крутой и решительный поворот во всех частях его существования.

До преобразования 1886 года в Синодальном училище действовал высочайше утвержденный штат 18 марта 1868 года, который в существе был

лишь усовершенствованием и дополнением также высочайше утвержденного штата Синодального хора 5 февраля 1857 года. До этого времени Синодальный хор существовал по штату, утвержденному в 1763 году (26 человек) и дополненному в 1797 году (38 человек), а училище существовало при нем частным образом¹.

Самый же старый штат Синодального хора введен после того, как было упразднено патриаршество, это произошло в 1710 году, когда в нем значились 4 иподиакона, 10 певчих дьяков и 30 поддьяков (44 человека), а об училище нет никакого упоминания. Не упоминалось, очевидно, потому, что такого училища совсем еще не было при Синодальном хоре, да и не могло быть, потому что до введения штата 1763 года в Синодальном хоре совсем не было малолетних певчих, а были лишь одни взрослые дьяки и поддьяки².

Комиссия о церковных имениях в 1763 году составила проект нового штата для Синодального хора, который получил утверждение государыни императрицы Екатерины II. В указе Синодальной конторе 7 ноября 1763 года говорилось, что в прежнее время состояло в Синодальном хоре 4 иподиакона, 10 певчих дьяков и 30 поддьяков, «а ныне положено быть: иподиаконов 2, певчих дьяков 8, поддьяков 8 и поддьяков же 8 человек». По этому случаю митрополит Тимофей поручил ризничему Гавриилу составить список, «скаску», кто по состоянию голоса, здоровья и поведению может быть оставлен в настоящем уменьшенном комплекте синодальных певчих. Из 26-ти человек певчих нового штата оставлены были три дисканта и три альта, остальные были взрослые, откуда следует, что малолетние певчие в это время только начали вводиться в состав Синодального хора. Частые поездки части Синодального хора в Петербург после отмены патриаршества для пения в присутствии Синода и государя и пример государевых певчих (Придворной капеллы), организованных уже в то время по образцу западных смешанных хоров из дискантов, альтов, теноров и басов, несомненно, повлияли и на состав Синодального хора, из однородного, как было исстари, начавшего превращаться в смешанный. Через девятнадцать лет по ревизской сказке, произведенной Синодальному хору в 1782 году, в составе хора значится двенадцать человек не старше 15-ти лет и двое не старше 17-ти лет. По вновь измененному и дополненному штату 1797 года синодальных певчих прибавлено еще 12 человек и вместо 26-ти стало 38 человек. Вот отсюда-то и пошло существование малолетних певчих в Синодальном хоре, следовательно, со введения штата 1763 года, и продолжается доселе. Значит, только с этого времени мы можем искать следы существования при Синодальном хоре училища для малолетних певчих.

Если не было в это время сносно организованного училища, то могло все-таки быть начальное школьное обучение, необходимое каждому певчелю³. В 1818 году, через пятьдесят пять лет после введения в действие штата Синодального хора 1763 года, синодальные певчие обращались с просьбой к

министру духовных дел и народного просвещения князю Александру Николаевичу Голицыну об улучшении их положения ввиду того, что певчие, прослужив в хоре до преклонного возраста, должны по старости, а иногда еще раньше по болезни, за непригодностью к службе выходить из хора без всяких средств к жизни для себя и своих семейств, а малолетние певчие, пробыв от 10-ти до 19-ти лет в хоре⁴, обучившись только музыке и пению, «остаются ничему другому не научены, даже порядочно писать не научиваются», что, следовательно, взрослые по выходе из хора с их семействами не обеспечивались пенсией, а малолетние певчие не получали соответствующего школьного образования. Вняв этой просьбе, князь А. Н. Голицын обратился письмом к Московскому архиепископу Августину высказать свое мнение по сему случаю. Тогда архиепископ Августин 16 января 1819 года внес в Синодальную контору предложение, коим предполагалось взрослым певчим по спадении с голоса давать диаконские и священнические места, малолетних певчих учить в приходских и уездных училищах, а если будут способны, то и в семинариях, но не покидая при этом хора, а вдовам певчих и сиротам отчислять суммы из остатков содержания певческого. Протопресвитер и ризничий непосредственно управляют певчими и имеют за ними надзор в распределении жалованья по достоинству и в поведении. Они определяют регента, инспектора для малолетних певчих, смотрят за обучением музыке и за доходами. Св. Синод это предложение утвердил 30 апреля 1819 года, почему в том же году в сентябре 14 малолетних певчих были разосланы в училища: двое в уездные и двенадцать в приходские.

На содержание и обучение малолетних певчих выдавалось регенту по 110 рублей на каждого⁵, а число их было, как, например, в 1825 году, около 15-ти человек штатных и 5 или 6 сверхштатных. Но обучение малолетних, по-видимому, плохо налаживалось. В 1829 году ризничий доносил конторе, что малолетние певчие по причине служб и спевок не имеют времени ходить в школы и не успевают в ученьи, что инспектор не был приглашен, потому что между взрослыми певчими нет способных к тому, что для приглашения постороннего лица не назначено определенного жалованья и не составлена для него инструкция, равно как и нет приличного помещения для занятий, необходимых учебников и учебных принадлежностей. Дело обучения находилось, очевидно, в крайне жалком состоянии.

В 1830 году протопресвитер Иаков Дмитриев Никольский и ризничий иеромонах Порфирий составили для инспектора малолетних певчих Синодального хора инструкцию, по которой: 1) инспектор должен быть из окончивших духовную семинарию, благонравного поведения, 2) [он должен] обучать и надзирать за поведением малолетних певчих, доносить протопресвитеру и ризничему о материальных нуждах детей в отношении одежды, книг и пособий, 3) преподавать детям пространный катехизис, российскую грамматику, латинский и греческий языки, арифметику, географию,

священную историю, чтение и письмо, пение и чистописание, 4) часы учения — в понедельник, среду и пятницу от 3-х до 5-ти, а утро для уроков и репетиций, во вторник же, четверг и субботу с 9-ти до 1-го часу, а вечером с 3-х до 5-ти — чтение церковных книг и церковное пение, 5) в дни неучебные, в свободное от пения служб время — чтение церковных книг и повторение уроков, 6) в помощь инспектору по надзору назначать старшего из детей, 7) не позволять самовольных отлучек детям, 8) при неисправностях в учении или поведении наказывать детей лишением прогулки или стола на сутки и более, дозволяя остатки обеда, одно блюдо или более, и ставить на колени, 9) доносить по третям об успехах и поведении детей для соответственной раздачи им доходов от пения, 10) жалование инспектору положить 600 рублей ассигнациями, а если он певчий, то 350 рублей в прибавку к жалованью певчего 1-й станицы, 11) квартира ему натурой рядом с малолетними певчими, 12) пища у него своя, 13) без ведома конторы должности ему своей не оставлять⁶.

В августе того же года на должность инспектора назначен был студент Московской духовной семинарии Николай Алексеев Аничков, двадцати двух лет. Через два года инспектором по уходе предшественника стал студент семинарии Иван Пушкин, а еще через четыре года, в 1836 году, назначен был окончивший семинарию по 2-му разряду Михаил Николаев, при вступлении которого в должность членом конторы архимандритом Феофаном была составлена вновь инструкция для инспектора, которая мало отличалась от прежней, кроме того, что певческие занятия должны были происходить утром, а учебные вечером от 3-х до 5-ти, инспектор же приравнялся по службе к помощнику регента. Учебниками были в это время «Арифметика» Куминского, «Греческая грамматика» Лящевского, «Латинская хрестоматия» архимандрита Поликарпа, «География» Арсеньева, географические карты Максимовича, «Греческая хрестоматия» Качановского, «Латинская история» Корнелия Непота⁷.

Учебные занятия, как видим, налаживались с трудом, а инспекторы, по видимому, не дорожили местом, менялись почти каждые два года. Так, через два года после Николаева, в 1838 году, поступает инспектором студент семинарии Николай Егоров Спасский, а в 1840 году на его место вступает иеродиакон церкви Двенадцати Апостолов Серапион. Причины этих перемещений были, вероятно, в несоразмерности труда с материальным положением инспектора и с его преподавательскими силами, когда он обязан был преподавать 12—15-ти мальчикам⁸ в немногие учебные часы все упомянутые выше науки, а в конце трудов своих не мог рассчитывать под старость и на пенсию, которая, намеченная еще в 1819 году в своем предложении, в означенное время еще не осуществилась, так как и положение о пенсиях синодальных певчих, применительно к 39-му пункту положения о пенсиях гражданских чиновников, то есть за службу от 20-ти до 30-ти лет — $\frac{1}{3}$ оклада, от 30-ти до 35-ти — $\frac{2}{3}$, от 35-ти и более — полный оклад, повелено при-

вести в действие по указу Св. Синода лишь 1835 года 2 марта. А средства к этому времени уже накопились: купец Бубнов с 1833-го до 1843 года за 33 певческих дома платил аренды 37 350 рублей в год, из коих шло в уплату певчим 19 612 рублей 50 копеек, а остальное на хозяйство, ремонт и образование пенсионного капитала.

Регентами были за описываемое время в Синодальном хоре: первый регент и уставщик, вместо управлявших хором раньше иподиаконов, с 17 февраля 1760 года старший певчий Григорий Гаврилов Худяков, при котором был введен штат Синодального хора 1763 года⁹. Его преемником с 1764-го по 1803 год, когда в 1797 году введен новый певческий штат, был Иван Тимофеев — известный участник в рассмотрении «Азбуки» Гавриила Головни, придворного певчего, и составитель «Азбуки простого пения» (1772 год) для начального обучения церковному пению. Затем Иван Петров приблизительно до 1813 года, а с этого времени и до своей смерти 18 августа 1830 года Федор Гаврилович Таболовский¹⁰, известный как сочинитель партесного пения, произведения которого и доселе встречаются в рукописных старых нотах. После Таболовского до 1845 года сменилось несколько регентов, вероятно, ввиду повышенности требований к ним, не без влияния в этом деле успехов Придворной Капеллы, а также ввиду малой подготовленности кандидатов, обычно практиков-певчих, хорошо знающих требования клироса, но недостаточно образованных музыкально и теоретически для того времени, несмотря на то, что некоторые из регентов поступали на эту должность в Синодальном хоре даже из Капеллы, стоявшей тогда в музыкально-певческом деле при директоре ее Львове весьма высоко. С 1830-го по 1833 год регентом Синодального хора был некто Николай Кольчев, вышедший затем из хора по болезни. В том же 1833 году был назначен исполняющим должность регента певчий Синодального хора Дмитрий Алексеев Птицын, но в 1834 году, вследствие замеченной прокурором Синодальной конторы нестройности пения хора, регентом был приглашен Василий Парижский, о котором, однако, тот же прокурор в 1836 году докладывал конторе, что он мало занимается с певчими и со дня своего вступления в должность не улучшил состояния хора. Тогда по его увольнении регентом хора поступил в 1836 году титулярный советник Осип Чернов, бывший до того времени учителем музыки и пения в Воспитательном доме и оставался на месте до своей смерти в 1837 году. В это время в декабре 1836 года была составлена в Синодальной конторе (вероятно, архимандритом Феофаном) инструкция для регента Синодального хора. <...>¹¹

По смерти Чернова регентом был сделан Птицын, бывший до того времени помощником регента, а еще раньше с 1833-го по 1834 год исполняющим должность регента, и занимал эту должность с 1837-го по 4 декабря 1841 года, когда протопресвитер Платонов и ризничий Евстафий доносили конторе, что в Синодальном хоре не заметны улучшения, почему, «опасаясь

допустить совершенное расстройство Синодального певческого хора», видят надобность в приискании «благонадежнейшего из сведущих в управлении хором». Птицын был уволен, а на его место пригласили вышедшего из Капеллы за спадением голоса чиновника X класса Гавриила Стефанова Яновского, который, познакомив хор с сочинениями Сарти, Дегтярева, наравне с Бортнянским и другими, в 1845 году по слабости здоровья вышел в отставку, уступив свое место помощнику регента Ивану Никифорову Моригеровскому.

Около 1848—1849 года певческое дело в Синодальном хоре настолько расстроилось, что потребовало для его исправления командировки из Придворной певческой капеллы Иосифа Рыбасова, который целый год занимался делами хора и приводил их в порядок, после чего на Синодальный хор было возложено обязательство обучать в Капелле двух лучших учеников с ежегодным содержанием по 200 рублей на каждого с тем, чтобы восполнить недостаток хорошо обученных регентов и их помощников для Синодального хора¹². Такое обязательство, тогда же практически введенное, было внесено как неперемное в высочайше утвержденный штат Синодального хора 5 февраля 1857 года и действовало вплоть до введения нового высочайше утвержденного штата 18 марта 1868 года, коим было уже отменено.

Неизвестно из дел, долго ли пробыв инспектором малолетних певчих Синодального хора иеродиакон Серапион и кто был его преемником¹³, но в 1853 году, через 13 лет после его вступления в должность, инспектором был назначен Иван Дмитриевич Бердников, кандидат Московской духовной академии, который оставался в этой должности до самой своей смерти в 1880 году, послужив делу обучения и воспитания малолетних певчих Синодального хора около 27-ми лет и освободив занимаемое место своему сотруднику в общем деле, кандидату же Московской духовной академии Петру Семеновичу Соколову, одновременно с ним прослужившему в Синодальном училище старшим учителем около 15-ти лет, с 28 января 1865 года по 8 января 1880 года, когда он в свою очередь был утвержден инспектором Синодального училища вместо Бердникова. Инспектора Соколова, 14 марта 1885 года перешедшего на службу в Коломенское духовное училище смотрителем, заменил тотчас же по утверждении в должности 17 апреля 1885 года Николай Феофанович Добровольский, с 1880 года после Соколова состоявший старшим учителем, а до того времени, с 2 октября 1872 года, бывший в нем сверхштатным учителем как студент Московского университета, по окончании которого в 1876 году 31 мая как кандидат университета назначенный штатным младшим учителем того же Синодального училища, коего питомцем и учеником сам прежде был, пользуясь самоотверженным руководством и поддержкою И. Д. Бердникова, полагавшего все свои силы, энергию и здоровье на то, чтобы вывести более способных питомцев училища и хора в люди. Н. Ф. Добровольский вполне оправдал труды и заботы

беззаветно преданного своему делу педагога и администратора, став затем достойным заместителем своего наставника и начальника.

Что же представляло собой Синодальное училище времени управления им Бердникова? Вскоре же по вступлении Бердникова в должность инспектора малолетних певчих был объявлен высочайше утвержденный штат Синодального хора 5 февраля 1857 года. Так как за 27 лет своей службы по хору и училищу Бердников, по общему признанию и свидетельству о том прокурора конторы А. Н. Потемкина в докладной записке к обер-прокурору К. П. Победоносцеву в 1881 году, был все время душой организации, обновления и усовершенствования обоих учреждений — хора и училища, то можно безошибочно заключить, даже не имея официальных точных к тому данных, что составителем и вдохновителем проекта штата 1857 года был не кто иной, как И. Д. Бердников.

В объяснительной записке прокурора Потемкина 27 мая 1881 года обер-прокурору Св. Синода указывается на то, что до поступления Бердникова ученики-певцы набирались в хор из различных духовных училищ, и хотя прекращали там свое образование, но продолжали все-таки числиться в них, восполняя, по возможности, пропущенное в Синодальном хоре под единоличным руководством инспектора малолетних певчих, а затем «они увольнялись из хора по спадении с голоса со скудным заработком сотни или двухсот рублей, со скудным знанием нотного пения, приобретенного только практически, с разбитою грудью, с подорванными голосовыми связками, не приобретшими ни научного образования, ни даже знания какого-либо ремесла»* и таким образом оказывались бесполезными или даже вредными для общества и беспомощными в своей жизни людьми. Такая безотрадная участь малолетних певчих Синодального хора, спадышей-подростков, не могла не озабочивать таких отзывчивых к детскому горю людей, как И. Д. Бердников, да и Синодальная контора не могла при этом оставаться равнодушной, почему так или иначе неотложно возник штат Синодального хора 5 февраля 1857 года. По сему штату полагалось:

Регент с содержанием в 800 рублей в год, X класс должности, X разряд мундира и IX разряд пенсии.

Помощник регента — 350 рублей в год, XII класс должности и IX разряд пенсии.

Инспектор — 400 рублей в год, X класс должности, X разряд мундира и IX — пенсии.

Эконом — 300 рублей в год, XII класс должности, X разряд мундира и IX — пенсии.

Учителя — 3 человека по 150 рублей в год (450 рублей).

Писец — 50 рублей в год.

* РГАДА, ф. 1183, оп. 10, ч. 4, № 2 за 1881 г., л. 83.

Певчие:

I станица 1-й разряд — 6 человек по 200 рублей в год (1200 рублей).

I станица 2-й разряд — 6 человек по 180 рублей в год (1080 рублей).

II станица 1-й разряд — 6 человек по 150 рублей в год (900 рублей).

II станица 2-й разряд — 6 человек по 135 рублей в год (810 рублей).

III станица 1-й разряд — 12 человек по 90 рублей в год (1080 рублей).

III станица 2-й разряд — 14 человек по 80 рублей в год (1120 рублей).

Для обучения в Придворной капелле двух учеников — по 200 рублей в год (400 рублей).

На ноты, музыкальные инструменты и другие учебные предметы — 600 рублей в год.

На канцелярские материалы — 14 рублей 87 копеек в год.

На отопление помещений — 700 рублей в год и на освещение — 100 рублей в год (800 рублей)¹⁴.

Всего расхода — 10 354 рубля 87 копеек.

Все лица определяются Московской Синодальной конторой по предложениям прокурора.

Средства составляются: а) из 224 рублей 91 копейки, отпускаемых из Государственного казначейства, б) остальная часть за счет доходов от певческих домов¹⁵ и процентов с капитала. Остатки обращаются на содержание помещений и награды служащим¹⁶.

Количество синодальных певчих в силу нового штата значительно увеличилось против действовавшего доселе штата 1797 года, по которому полагалось всего в хоре 38 человек, в том числе от 12-ти до 16-ти малолетних; здесь же две станицы в 24 человека составляли взрослые и одну станицу (третью) в 26 человек малолетние, всего 50 человек, на 24 человека больше штата 1763 года и на 6 человек больше штата времен патриарших и на 12 человек более предшествовавшего штата 1797 года, причем количество малолетних певчих против последнего штата увеличено вдвое. Нужда такого увеличения числа малолетних певчих чувствовалась еще в 1819 году, когда сверх 12-ти штатных держали от 3-х до 4-х сверхштатных, а в 1825 году имели сверхштатных от 5-ти до 6-ти. Настоящим штатом количество малолетних более уравновесилось в сравнении с количеством взрослых певчих, и самый хор принял более нормальный вид хора смешанного. Этим же штатом открытое в 1830 году Синодальной конторой училище для малолетних певчих Синодального хора, как училище частное, хотя и с программой предметов духовных училищ, признавалось отныне официально существующим, но пока еще без прав образования, присвоенных оканчивающим училища духовные, но с одинаковым правом поступления в духовные семинарии, а начальствующие лица — инспектор, регент, его помощник и эконом получали права государственной службы с пенсией и мундиром и пра-

вом на чин, чем возвышалась и поощрялась их служба в смысле надлежащей оценки ее пользы церковно-общественной и государственной.

Каково же именно было применение этого положения о Синодальном училище на практике?

Краткий, но многозначительный ответ на это дает нам объяснительная записка к проекту штатов Московского Синодального певческого хора и Синодального духовного училища при хоре, составленному в 1881 году и не получившему утверждения, в коей говорится, между прочим, следующее: «До 1866 года Синодальный певческий хор и состоящее при нем училище составляли одно целое. Инспектор хора наблюдал за поведением взрослых и малолетних певчих; на наем трех учителей по штату 1857 года назначено было 450 рублей в год, но за скудостью этого вознаграждения в училище был один только преподаватель: для классных занятий была отведена одна только комната, хотя воспитанники и подразделялись на четыре класса; все должностные лица, взрослые семейные и холостые певчие и малолетние помещались в одном корпусе. Малолетние певчие во все время пребывания в хоре числились в духовных епархиальных училищах, и если из числа малолетних певчих некоторые по спадении голоса, возвратившись в духовные училища, из которых они были взяты, переходили в духовные семинарии, то это были только редкие случаи, причем возможностью этих случаев хор обязан был исключительно заботливости бывшего инспектора хора кандидата академии Бердникова, ныне умершего, который не оставлял бывших своих воспитанников и по выходе их из хора. Только с 1866 года положено было начало отделению училища от хора для образования из него самостоятельного училища». Далее говорится, что если взрослые выходили из хора с достаточно заработанными средствами, то малолетние, «получавшие жалованье недостаточное даже для их содержания (90 и 80 рублей в год) и только четвертую долю от частных служб, выносили из хора скудные заработки, отдавая за них лучшее время жизни, часто даже самое здоровье, выходили из училища и хора, не приобретая никакой специальности, и большею частью с весьма поверхностными знаниями, почему будущее этих детей представлялось крайне неприветливым. Даже практический навык к церковному пению сулил им немного: редкие из бывших малолетних певчих, истратив голосовые средства в юности, получают впоследствии сильный голос, чтобы зарабатывать свое существование пением в хоре»**.

Конечно, такая печальная, неприветливая картина судьбы малолетних певчих, нарисованная прокурором Потемкиным в его ходатайстве о новом уставе и штате училища в 1881 году, страдает односторонним сгущением темных красок в целях контраста с новым проектом и сложившимся к этому

* РГАДА, ф. 1183, оп. 10, ч. 4, № 2 за 1881 г., л. 25—25 об.

** Там же. Л. 25 об.—26.

времени отличным положением училища, требующим более широкой постановки и многого уже достигшим практически, доказывающим, что жизнь перерастает старые формы и уставы, — и все же нельзя не видеть, что применение высочайше утвержденного штата Синодального хора 1857 года встречало немалые тормозы, главным образом зависевшие от недостатка помещения и материальных средств, а также и от неопределенного положения училища в ряду других училищ духовных.

Обнаружившиеся недостатки в этом деле потребовали изменения штата, которое и явилось в виде нового штата 18 марта 1868 года, но измененного лишь в немногих отношениях. Положение инспектора улучшено: вместо 400 рублей жалованья в год — 700 рублей в год с оставлением в тех же классах и разрядах по должности, мундиру и пенсии. Вместо трех учителей по 150 рублей в год назначено два учителя: старший с жалованьем 500 рублей в год и младший с жалованьем 400 рублей в год. Прибавлена должность врача с жалованьем 300 рублей в год в IX классе по должности и в X разряде по мундиру¹⁷. Убавилось расхода на посылку двух учеников в Придворную певческую капеллу, 400 рублей, и 600 рублей на музыкальные и учебные предметы. Всего по штату расходов 9590 рублей в год, на 764 рубля 87 копеек меньше сметы прежнего штата 1857 года, причем певчие оставлены на прежнем содержании и положении¹⁸.

Проект этого штата, должно думать, составлен был также не без участия И. Д. Бердникова и старшего учителя П. С. Соколова, поступившего в Синодальное училище еще в 1865 году, интересы которого более всего выдвигал этот новый штат. Кто был назначен в это время младшим учителем, не видно¹⁹, но с 1872 года на этой должности состоит сначала студент Московского университета, а с 1876 года кандидат, питомец Синодального училища Н. Ф. Добровольский. В 1870 году был приглашен в Синодальное училище для преподавания теории музыки преподаватель Московской консерватории Николай Дмитриевич Кашкин за вознаграждение 300 рублей в год сверх сметы, ассигнованной Синодальной конторой 30 декабря 1869 года, и пробыл в нем три года, до 1873 года, когда на место его поступил окончивший Московскую консерваторию Александр Гаврилович Полуэктов²⁰, прослуживший потом в Синодальном училище до самой своей смерти 1 октября 1893 года, двадцать лет, и видевший его преобразования в 1886 и в 1892 годах.

Сообразно с нуждами времени и потребностями училища наличный штат его преподавателей постепенно увеличивался до необходимой нормы. В 1868 году открыт при училище приготовительный класс сверх четырех²¹. Помимо учителя теории музыки сверх штата был приглашен по определению конторы 1873 года 6 сентября третий младший учитель с жалованьем 200 рублей в год со столом и квартирой. Определением конторы 6 ноября 1875 года на усиление преподавания Закона Божия в приготовительном классе назначено по 64 рубля 4 копейки в год; определением конторы

11 ноября 1876 года на наем учителя чистописания назначено 50 рублей в год; определением конторы 13 октября 1877 года прибавлено столовых младшему преподавателю 70 рублей в год по случаю перемещения его квартиры в Кремль²².

В Синодальном хоре за это время положение не улучшалось, но даже стало несколько хуже. До 1867 года взрослые певчие и их вдовы, надо полагать, аккуратно получали пенсию по выслуге лет и выходе из хора, как это было разрешено Синодом в 1819 году; но с 4 мая 1867 года Св. Синод нашел невозможным выдачу пенсий певчим за неимением определенного фонда и незначительностью остатков от расходов на оба учреждения — училище и хор — и разрешил выдавать в потребных случаях вместо пенсий единовременные пособия из остаточных сумм, чем положение прослуживших взрослых певчих и их семейств было значительно поколеблено, а состоянию хора не обещало улучшений в будущем в его певческом деле. Синод формулировал свои соображения именно таким образом: «Принимая в соображение, что духовное ведомство не имеет никакого определенного фонда, достаточного для обеспечения пенсиями певчих Московского Синодального хора, так как доход с принадлежащих тому хору домов и проценты с составившихся от отдачи оных в аренду капиталов расходуются на содержание самого хора, а образующиеся при этом остатки весьма незначительны».

Это обстоятельство служит характерным признаком того, что с 1866—1867 года Синодальное училище усиленно выдвигается и расширяется в правах. Синодальный же хор в это время как бы затушевывается в том же отношении, причем бюджет училища растет за счет бюджета хора. Это неравномерное соотношение двух сродных учреждений еще более выпукло выразилось в неоднократно возбуждаемом пред Св. Синодом прокурором конторы, конечно, не без влияния училищной корпорации, ходатайстве об отделении училища от хора. В объяснительной записке прокурора А. Потемкина 1881 года по поводу нового проекта штатов хора и училища встречается такая мимоходом брошенная фраза: «Только с 1866 года положено было начало отделению училища от хора для образования из него самостоятельного училища», но кем и как, из дел не видно. В другом месте записки говорится определенно: «Еще в 1868 году контора Святейшего Синода ходатайствовала об отделении штата училища от штата певческого хора. Отделение это в настоящее время, когда училище получило большее развитие, становится существенно необходимым<...> Существенно важно, чтобы дети чувствовали почти осязательно, что они ученики, как и воспитанники других учебных заведений, и певчие по возложенной на них служебной обязанности; чтобы служащие по учебной части и служащие по искусственной части составляли органы, друг от друга не зависящие, в одном заведующем учреждении должна сосредоточиваться связь училища с хором, а потому на нем только должна лежать обязанность наблюдать, чтобы нужды училища

не мешали требованиям хора, и изыскивать средства к постоянному уравновешиванию требований этих столь различных по целям учреждений»*. В объяснении на замечания Учебного комитета по поводу проекта штатов хора и училища и устава училища контора в том же году пишет Синоду: «Интересы училища и хора, действительно, не имеют ничего общего между собой и во многом исключают друг друга».

Такое обособление двух смежных по условиям жизни учреждений с перевесом превосходства положения в сторону училища в сравнении с хором легко объяснимо из того обстоятельства, что во главе училища стояли люди высшего и разностороннего образования, с широкими взглядами и опытом, находчивые и энергичные, преданные делу образования и воспитания юношества, как Бердников, Соколов, Добровольский и другие, — во главе же хора доселе стояли скромные неизвестные руководители, люди дела и навыка, недостаточно высоко музыкально образованные, большей частью старые певцы того же хора, не без рутины и устаревших приемов ведшие свое дело, не имевшие и возможности расширить свой музыкально-певческий кругозор в то малодоступное музыкальному просвещению время, почему и положение и деятельность хора не двигались сильно вперед до тех пор, пока с открытием консерватории не коснулась этих руководителей высшая музыкальная школа, так как Придворная капелла в этом отношении оказывалась слишком замкнутым и односторонне направленным учреждением²³.

От Моригеровского, назначенного регентом Синодального хора в 1845 году из помощников, и до регента того же хора Василия Зверева, умершего в этой должности в 1874 году, кто были регентами в этот промежуток, мы даже и не знаем, за отсутствием каких бы то ни было сведений по этому вопросу. Не имеем возможности сказать и о Звереве, когда и откуда он поступил, сколько служил и что сделал для Синодального хора²⁴.

По смерти регента Зверева преемником ему по предложению прокурора конторы 30 сентября 1874 года был назначен бывший певчий и регент академического хора, кандидат Московской духовной академии (октября 1857 года) Дмитрий Григорьевич Вигилев, сорока трех лет, но с обязательством представить свидетельство на право регента для зачисления в штат. 1875 года 22 января Вигилев получил аттестат на звание регента из Придворной певческой капеллы и утвержден в должности регента. В его лице Синодальный хор впервые приобрел руководителя музыкально-певческого дела с высшим образованием общим и специально регентским. Прослужив в Синодальном хоре 11 с половиной лет, он 17 марта 1886 года уволился, перейдя с 1 апреля того же года на службу в Министерство народного просвещения в Виленский учебный округ не без расчетов на лучшую службу, мате-

* РГАДА, ф. 1183, оп. 10, ч. 4, № 2 за 1881 г., л. 10 об.—11.

риальное обеспечение и пенсию в сравнении с таковыми по новому штату Синодального хора и училища 1886 года, где доминирующее значение отводилось директору, инспектору и Наблюдательному совету в лице его члена, наблюдающего за правильной постановкою музыкального дела в училище.

В 1881 году скончался помощник регента Петр Филиппов Михайловский, и певчие с согласия Вигилева просили прокурора назначить на его место старшего певчего Григория Иванова Куницына. Но ему явились сильными конкурентами уже трое музыкально образованных людей — титулярный советник, бывший певчий Придворной капеллы, с аттестатом Капеллы Николай Иванович Соколов, окончивший Синодальное училище в 1874 году, свободный художник Московской консерватории с 1880 года с аттестатом Капеллы на звание регента 1881 года Василий Сергеевич Орлов и окончивший консерваторию в 1874 году с аттестатом Капеллы 1876 года Александр Гаврилович Полуэктов. 16 февраля 1881 года помощником регента был определен как старейший по государственной службе (с 1850 года) Н. И. Соколов, а на вновь открытую вакансию второго помощника назначен был В. С. Орлов²⁵, Полуэктов был оставлен в своей должности, преподавателем теории музыки. Так во главе Синодального хора стали руководители с высшим образованием, и будущее хора стало теперь обеспеченным.

После ухода из хора регента Вигилева 5 мая 1886 года на его место был назначен второй помощник В. С. Орлов, а первый, Н. И. Соколов оставался помощником до 1 июля 1891 года, когда по прошению уволился из Синодального хора и поступил преподавателем пения в Московский Николаевский институт.

С уходом Вигилева из руководителей Синодального хора и вступлением на его место Орлова заканчивается предшествующий период истории Синодального хора, когда он не мог развиваться и совершенствоваться с должным успехом и уверенностью, зависевшими как от недостатка материальных средств, так и от недостатка образованных, талантливых и преданных своему делу руководителей, а также и от соперничества с Синодальным училищем, выдвинутым на первый план по сравнению с хором усилиями его просвещенных и энергичных руководителей во главе с Бердниковым.

Что же представляло собой и к чему стремилось в это время Синодальное училище? Это было училище низшее духовно-певческое по типу духовных училищ епархиального ведомства с теми же общеобразовательными науками и с прибавлением некоторых музыкально-певческих занятий. Оно состояло из четырех классов с прибавленным в 1868 году приготовительным, в коих преподавался Закон Божий, священная история Ветхого и Нового Завета, объяснение богослужения, катехизис, языки — русский с церковнославянским, греческий, латинский, арифметика, география, чистописание.

Из музыкально-певческих знаний преподавались: теория музыки, игра на скрипке, церковное пение простое и нотное²⁶. Игра на скрипке преподавалась первоначально лишь для желающих и наиболее музыкально способных с их собственными инструментами, сначала в количестве только 10—12-ти человек, затем и до 24-х учеников, причем потребовалось иметь уже двух учителей на этом инструменте²⁷. Церковное пение преподавалось по обязанности помощником регента.

Училище помещалось в двухэтажном здании, где вместо одной комнаты для занятий, как было до введения штата 1868 года, для трех классов имелись три отдельные комнаты, остальные размещались в комнатах общих и в зале; вместо двух небольших спален отведены две большие комнаты, где расставлялись вместо 38-ми кроватей на 52 воспитанника 56 кроватей по числу учеников и 2 кровати для надзирателей, имеющих свои комнаты рядом с общими спальнями учеников. Для провожания учеников к службам назначался старший певчий с 300-ми рублями жалованья за это. Преподающих в училище вместо прежних трех лиц с годовым содержанием в 450 рублей — 10 лиц с годовым содержанием на всех до 3000 рублей. При училище 7 служителей; комнаты освещаются тридцатью олеиновыми лампами; лазарет на 4 кровати; ученическая библиотека из 1137 томов.

Преподаватели училища: инспектор И. Д. Бердников (умер в 1880 году), П. С. Соколов по греческому языку, Алексей Николаевич Суходский (с 1880 по 1888 год) по латинскому языку, Сергей Иванович Покровский (с 1881 по 1909 год) по священной истории и катехизису — все кандидаты Московской духовной академии, Н. Ф. Добровольский (с 1872 по 1889 год) по русскому языку — кандидат университета, Михаил Федорович Беляев по географии и арифметике — студент университета, А. Г. Полуэктов (с 1873 по 1893 год) по теории музыки и церковному пению — окончивший консерваторию, Удо Петрович Поль (с 1880 по 1885 и с 1887 по 1888 год, когда он умер) по скрипке — артист императорских театров.

Число уроков в Синодальном училище со времени введения штата 1868 года постепенно возрастало до необходимой нормы. В 1874/75 учебном году число уроков было 58, в 1875/76 — 79, в 1877/78 — 86, в 1879/80 — 94, в 1880/81 учебном году — 96. В этом последнем году уроки в пяти классах, считая с приготовительным, распределялись так: Закон Божий — 2, 2, 2, 3, 3; русский язык с церковнославянским — 6, 4, 4, 3, 3; греческий язык — 0, 0, 4, 4, 5; латинский язык — 0, 5, 4, 4, 5; арифметика — 5, 3, 2, 2, 2; география — 0, 0, 2, 2, 2; теория музыки — 2, 2, 2, 2, 2; чистописание — 3, 2, 0, 0, 0; да, кроме того, уроки церковного пения с помощником регента и уроки скрипки во внеклассное время. Таким образом, Синодальное училище в конце 1870-х годов было на полном ходу наравне с духовными училищами епархиальными.

По поручению Св. Синода училище в 1874 году ревизовал член Учебного комитета Керский и, как сообщалось конторе к сведению указом Св. Синода от 3 ноября 1874 года, нашел его «правильно организованным».

Синодальному училищу оставалось еще добиться повышения окладов преподавателям применительно к положению преподавателей духовных училищ на основании высочайше утвержденного положения 1876 года 24 октября и определения Св. Синода от 28 января 1879 года, коим полагалось преподавателям академического образования при 12-ти обязательных уроках в первые пять лет 700 рублей, а затем 900 рублей и за каждый урок сверх 12-ти по 50 рублей, а через 5 лет по 60 рублей, а затем еще и прав государственной службы и пенсии, так как преподаватели Синодального училища хотя были и высшего образования в своем большинстве, но получали оклады весьма небольшие: инспектор — 700 рублей при 13-ти обязательных уроках (когда смотритель духовного училища получал 1200 рублей при 6-ти обязательных уроках), старший учитель — 500 рублей при 20-ти уроках, младший — 400 рублей при 18-ти уроках, другие же приблизительно по 20 рублей за годовой урок, да, кроме того, никто из них, кроме инспектора, не имел прав государственной службы и пенсии. Для учащихся требовалось уравнивать оканчивающих Синодальное училище с таковыми же из духовных училищ как в отношении перехода в семинарию, так и в отношении гражданской службы в смысле права держать экзамен на классный чин, так равно и по отбыванию воинской повинности с льготами училища 3-го разряда.

Для взрослых певчих Синодального хора также требовались необходимые улучшения в отношении повышения окладов при общем вздорожании средств к жизни и по восстановлению отмененных Св. Синодом в 1867 году прав на пенсию для выходящих из хора прослуживших певчих и их семейств. Требовалось также улучшить материальное и служебное положение помощника регента, который должен был в иных случаях заменять регента и имел обязательные неоплачиваемые уроки по церковному пению.

Все эти накопившиеся нужды быта и строя Синодального хора и училища настолько назрели, что потребовали особого ходатайства пред Св. Синодом об их удовлетворении, которое и было возбуждено прокурором конторы А. Н. Потемкиным пред обер-прокурором К. П. Победоносцевым 28 февраля 1881 года с приложением: а) проекта штата Синодального духовного училища, б) проекта штата Московского Синодального певческого хора, в) объяснительной записки к обоим проектам и г) устава Синодального духовного училища.

По новому проекту штатов хора и училища предполагалось увеличить содержание малолетних певчих и восстановить права пенсии взрослым певчим, а по училищу увеличить число преподавателей, на что требовалось 14 403 рубля 84 копейки вместо назначенных по штату 1868 года 9590 рублей, причем пенсионный капитал сверх сего предполагалось составить из

отчисления остатков по содержанию певческих домов вследствие повышенной аренды от Общества Теплых рядов и лучшего переустройства помещений под торговлю²⁸, — затем выяснялось, что уже в конце 1880 года образовалось остатков 18 401 рубль и таковые еще ожидаются от повышенной аренды по 30 000 рублей в год сроком на 12 лет, причем недоимки почти все уже погашены, а погашение оставшихся будет из других сумм, что уже в скором времени можно ожидать образования пенсионного фонда на сумму более 33 000 рублей.

Устав училища, приравнивая его к духовным училищам во всем, имел некоторые свои особенности. По § 7 и для более верного и всестороннего обсуждения вопросов, относящихся к учебно-воспитательной части училища, при нем состоит педагогический совет. По § 11 кроме училищных научных предметов вводились с элементарной гармонией теория музыки и игра на скрипке и фортепиано, а также простое и нотное церковное пение. По § 12 уроки распределялись так: I класс — 18 уроков, II и III — по 20 уроков, IV — 22 урока. По § 13 время классных занятий с 1½ часа до 5-ти часов ежедневно, с 9-ти до 10-ти — занятия приготовительного класса, с 10-ти до 12-ти — занятия музыкой и спевки. По § 15 программы могли подлежать изменению в распределении учебного материала. По § 17 игре на инструментах обучаются наиболее способные. По § 21 приемные экзамены производятся педагогическим советом с участием регента или его помощника под председательством инспектора. По § 35 педагогический совет состоит из инспектора и преподавателей с решающим голосом. По примечанию: почетный блюститель, преподаватели музыки, надзиратели, регент и его помощник приглашаются по мере надобности, но с совещательным голосом. По § 37 совету принадлежит избрание преподавателей по предложению заведующего хором и училищем (то есть прокурора) или кого-либо из членов совета. По § 40 заведующий — начальник по всем частям. По § 41 он уравнивает деятельность училища и хора и согласует ее. По § 44 определяет, увольняет и награждает служащих. По § 45 разбирает жалобы. По § 49 инспектор имеет шесть обязательных уроков. По § 61 преподаватель с высшим образованием через пять лет получает 700 рублей, а вначале 500 рублей в год, за добавочные уроки сверх 12-ти по 50 или по 40; с средним — 300 рублей в год и 20 рублей за добавочные уроки. По § 63 учителя предметов пользуются квартирами при училище. По § 101 учитель теории музыки пользуется правами преподавателей духовных училищ. По § 102 ученики, не поступившие в семинарию, при поступлении на гражданскую службу держат экзамен на первый классный чин. По § 103 училище по воинской повинности относится к 3-му разряду.

Однако ни один из этих двух проектов штатов хора и училища, ни самый устав училища не получили утверждения Св. Синода, который уведомлял прокурора конторы, что «Учебный комитет не признает возможным

приравнять означенное училище к духовным училищам, преобразованным по высочайше утвержденному 14 мая 1867 года уставу, и предоставить оно-му права сих последних учебных заведений».

Так неудачливо закончился для Синодального училища и хора весь предшествующий многолетний период его существования, полного забот, трудов и мечтаний о лучшем будущем со стороны его просвещенных и энергичных руководителей и его питомцев — скромных тружеников на едва заметной ниве православного церковного пения.

По смерти И. Д. Бердникова инспектором училища 8 января 1880 года был назначен старший учитель П. С. Соколов, а на его место вступил тогда же младший учитель Н. Ф. Добровольский. По уходе Соколова 14 марта 1885 года в смотрители Коломенского духовного училища на его место 18 апреля того же года в инспекторы вступил Добровольский. Во главе Синодального хора и училища в 1885 году были: инспектор Н. Ф. Добровольский, регент Д. Г. Вигилев, помощник регента Н. И. Соколов, учителя — А. Н. Суходский, С. И. Покровский, К. И. Соловьев, И. Д. Арбеков, И. П. Ключарев, А. Г. Полуэктов, надзиратели С. С. Гиляров и П. И. Мячиков, врач В. С. Гиляров.

Добровольский 23 августа 1885 года рапортовал управляющему А. Н. Шишкову, что ввиду преобразований духовных училищ на основании устава 1884 года игру на скрипке и теорию музыки надлежит отменить, а ввести вновь преподавание церковного пения, вследствие чего в 1885/86 учебном году предметы распределились так: I класс — церковное пение, Ветхий Завет, русский язык, арифметика; II класс — Новый Завет, русский язык, латинский язык, греческий язык, арифметика; III класс — катехизис, русский язык, латинский язык, греческий язык, арифметика, география; IV класс — катехизис с богослужением, русский и церковнославянский язык, греческий язык, латинский язык, арифметика, география²⁹, — и училище приняло несколько иной вид. В то время как Синодальное училище за все время своего существования приспособлялось то к видоизменяемым по времени типам духовных училищ, то к своим насущным специальным музыкально-певческим требованиям, 8 июня 1886 года высочайше утвержден был новый штат Синодального хора и училища при нем на правах среднего учебного заведения³⁰.

II

Синодальное училище с 1886 по 1911 год за XXV лет

«Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода Московской Святейшего Синода конторе.

По указу Его Императорского Величества Святейший Правительствующий Синод слушали: предложение г-на синодального обер-прокурора от

14 июня 1885 года за № 7632 следующего содержания: Святейший Синод, рассмотрев вновь составленный штат управления московским Синодальным певческим хором, состоящим при нем училищем церковного пения и синодальным недвижимым имуществом в Москве и ее окрестностях, определением от 28 мая — 7 июня сего года предоставил синодальному обер-прокурору на приведение сего штата в действие, испросить Высочайшее Его Императорского Величества соизволение. Государь Император в 8-й день минувшего июня упомянутый штат высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

При сем приложены копии: 1) штата управления московским Синодальным певческим хором с состоящим при нем училищем церковного пения и синодальным недвижимым имуществом в Москве и ее окрестностях и 2) с приложенного к сему штату расписания учебных предметов для училища, состоящего при московском Синодальном певческом хоре.

Справка. Бывший Патриарший, а ныне Синодальный певческий хор в Москве и состоящее при нем духовное училище для малолетних певчих с принадлежащим им недвижимым имуществом, а также погоревшие в 1812 году от неприятеля здания Крестовоздвиженского, Георгиевского и Ивановского монастырей в Москве же с их оброчными статьями, обращенные по упразднении монастырей в 1813 году под помещение в них священнослужителей Большого Успенского, Благовещенского и Архангельского соборов и чиновников Московской Синодальной типографии, состоя в главном ведении Святейшего Синода, были подчинены непосредственному заведованию Московской Синодальной конторы. Но Синодальная контора, имея своим прямым назначением управление ставропигиальными монастырями, при ограниченности своего личного состава не могла иметь должного наблюдения за развитием и усовершенствованием такого специального учреждения, как Синодальный хор и училище при нем, а также за увеличением доходов с недвижимых имуществ, на которые должны были содержаться хор с училищем и здания упраздненных монастырей. Вследствие сего Святейший Синод предложил, оставив в своем главном ведении Синодальный хор с состоящим при нем училищем и недвижимые имущества, для ближайшего заведования оными учредить при Московской Синодальной типографии особое управление из лиц, наиболее компетентных в управлении такими учреждениями на следующих основаниях:

1. Ближайшее общее заведование хором, училищем и имуществами возложить на управляющего Московскою Синодальною типографиею, который разрешает все текущие дела по управлению, для месячных же и внезапных ревизий сумм и имущества, для торгов на подряды, поставки и аренду оброчных статей и для обсуждения вообще важнейших хозяйственных вопросов составляется общее присутствие из управляющего, директора и инспектора хора и училища и смотрителя за имуществами.

2. За болезнью или отсутствием управляющего исполнение его обязанностей поручить: по хору и по училищу — директору, а по имуществам — смотрителю.

3. В состав управления ввести, кроме существующих ныне по штату 18 марта 1868 года должностей: инспектора, регента, его помощника, эконома и врача, еще следующие должности: а) директора хора и училища, который должен иметь непосредственное наблюдение за преподаванием в училище, за развитием и успехами учащихся и содержанием их; б) одного старшего и двух младших воспитателей, которые, разделяя с инспектором труды по наблюдению за нравственным и физическим воспитанием учащихся, обязаны иметь неослабное наблюдение за поведением учеников в свободное от классных и хоровых занятий время и в) смотрителя за имуществами, обладающего познаниями и в архитектуре, для постоянного наблюдения за исправным состоянием домов училища и упраздненных монастырей и оброчных статей и за извлечением возможно больших доходов от этих имуществ.

4. Делопроизводство и счетоводство по хору, училищу и имуществам возложить на наличных чиновников Московской Синодальной типографии с распределением занятий между ними по усмотрению управляющего и независимо от сего, ввиду увеличения переписки по означенным учреждениям ввести особую должность делопроизводителя.

5. Состоящее ныне при хоре училище с программой, приближающеюся к программам духовных училищ, постепенно с наступающего учебного года преобразовать в специальное училище церковного пения на следующих основаниях: а) означенное училище должно иметь целью готовить как умелых исполнителей православного церковного пения для Синодального хора, так и искусных регентов и учителей церковного пения; б) сообразно сему оно должно состоять из 8-ми одногодичных классов с разделением их на три отделения, из коих низшее, состоящее из 4-х первых классов, предназначается собственно для обучения малолетних певчих, среднее из 5-го и 6-го классов — для приготовления регентских помощников и высшее из 7-го и 8-го классов — регентов и учителей церковного пения³¹; в) для преподавания в этом училище предметов, подробно поименованных в прилагаемом при сем расписании по программам, утвержденным Св. Синодом, приглашать учителей из лиц, получивших высшее общее и специальное музыкальное образование, за условленную плату не свыше 50 рублей за урок из общей суммы, назначаемой на вознаграждение учителей; существующие же ныне штатные должности старшего и младшего учителей училища по окончании курса обучающимися ныне в училище певчими упразднить; г) на одного из учителей музыкальных предметов по избранию управляющего возложить за особое вознаграждение наблюдение за правильною подготовкою музыкального преподавания в училище³²; д) для наблюдения за благоуст-

ройством церковно-музыкальной части в училище и для направления Синодального хора к преуспеянию в духе древнего православного церковного пения при хоре и училище учреждается Наблюдательный совет, в состав которого, кроме директора и инспектора училища, регента и его помощника и преподавателей музыкальных предметов, входят знатоки древнего церковного пения по приглашению управляющего, из коих один утверждается управляющим в звании постоянного члена с особым вознаграждением; е) число учеников училища, которые должны вместе с тем и петь в хоре, определяется в 50 человек, которые принимаются из всех сословий, и 15 учеников собственно для регентских классов.

6. Ввиду того, что проектируемое ныне училище церковного пения представляет учебное заведение совершенно новое в ряду других духовно-учебных заведений, предоставить управляющему выработать подробное положение об этом училище и об управлении оным по открытии нескольких классов училища по указанию опыта и практики и представить таковое в Святейший Синод.

7. Число больших певчих, ввиду дознанной опытом недостаточности настоящего их числа (24) для отправления служб в Успенском соборе, в церкви Двенадцати Апостолов, в придворных церквях, при крестных ходах, увеличить на 6 и определить в 30 человек с разделением их, согласно древнему обычаю, на 2 станицы с подразделением каждой на два разряда. В видах же поднятия нравственного значения Синодального хора, который должен быть образцовым исполнителем церковного пения вообще и верным хранителем древних православных церковных напевов и для предоставления малолетним певчим способов к основательнейшему изучению церковного пения и наук, существующий ныне обычай Синодального хора петь по вольному найму в приходских церквях и при разных обстоятельствах прекратить, за исключением чрезвычайных случаев, особо каждый раз разрешаемых управляющим. Взамен же потери чрез это хором значительной части доходов возвысить жалованье певчим до размеров, определенных штатом.

8. Установление порядка отчетности по управлению хором, училищем и имуществами предоставить распоряжению Хозяйственного управления при Св. Синоде; порядок же внутреннего делопроизводства по управлению и ближайшее разделение занятий между чиновниками — усмотрению управляющего с утверждения Святейшего Синода.

На приведение в действие штата управления московским Синодальным певческим хором, состоящим при нем училищем церковного пения и недвижимым имуществом, определением Св. Синода 28 мая — 7 июня 1886 года предоставлено г-ну синодальному обер-прокурору испросить высочайшее соизволение.

Приказали: поручить Хозяйственному при Св. Синоде управлению сделать надлежащие распоряжения к приведению прописанного высочайшего

повеления в исполнение, для чего и передать протокол на время надобности в Хозяйственное управление, дав знать о сем с прописанием справки указом Московской Синодальной конторе. Июля 17 дня 1886 года. Подписали: обер-секретарь NN и секретарь NN»*.

Штат

управления Московским Синодальным хором
с состоящим при нем училищем церковного пения
и синодальным недвижимым имуществом в Москве и ее окрестностях

	Число лиц	Жалованья	Столовых	Квартирных	Всего	Классы должностей	Разряды по мундиру	Разряды по пенсии
Управляющий (вдобавок к содержанию, получаемому им по типографии 2500 р.)	1	1000	500		1500	V	V	III, I степ.
Директор добавочных за письмоводство	1	1200 200	600	квартира натурою	2000	VI	IV	IV
Инспектор	1	900	450	400	1750	VII	VII	V
На вознаграждение учителей					7000			
Регент	1	1000	500	квартира натурою	1500	VII	VII	V
Помощник его	1	650	350		1000	VIII	VIII	VII
Воспитатель старший	1	420			420	IX	IX	VIII
Воспитатели младшие	2	360			720	X	X	IX
Эконом	1	400			400	X	X	IX
Доктор	1	300			300	VIII	VIII	По мед. части
Постоянный член Наблюдательного совета	1	500			500			
Лицо, наблюдающее за правильною постановкою музыкального дела	1	500			500			
Смотритель, он же и архитектор ему же на чертежника и писца	1	1000	500		1500 500	VII	VII	V
Делопроизводитель	1	600	300		900	VIII	VIII	VIII
На вознаграждение чиновников типографии за исполнение обязанностей:					1200			

* РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 46 за 1886 год.

бухгалтерских, канцелярских								
На наем писцов, сторожей и канцелярские материалы					1200			
Итого					22890			

На содержание больших певчих (30 человек):

1 станции 1 разряда 4 по 650 рублей — 2600 рублей.

1 станции 2 разряда 6 по 550 рублей — 3300 рублей.

2 станции 1 разряда 10 по 450 рублей — 4500 рублей.

2 станции 2 разряда 10 по 360 рублей — 3600 рублей.

Итого: 14 000 рублей

Всего: 36 890 рублей.

Примечание:

1) Положенные по сему штату лица, занимающие должности VI и VII классов, определяются обер-прокурором Св. Синода по представлениям управляющего, все прочие чиновники — самим управляющим.

2) В число следующей по сему штату суммы (36890 руб.) 3400 рублей, составляющие половину исчисленных по штату окладов содержания управляющего, смотрителя за имуществами, делопроизводителя, вознаграждения чиновников типографии и на канцелярские расходы, — относятся на доходы с упраздненных монастырей, а остальные 33490 рублей упадают на певческий капитал.

3) Все прочие расходы по содержанию певческого хора, училища при оном, малолетних певчих, учеников регентских классов и занимаемого ими дома, а также по ремонту и содержанию домов упраздненных монастырей Крестовоздвиженского и Георгиевского и оброчных их статей определяются особыми расписаниями, ежегодно утверждаемыми Св. Синодом, сообразно потребностям и имеющимся средствам к их удовлетворению.

4) Директор и инспектор, получая присвоенное им по штату содержание, преподают каждый в училище один из избранных ими предметов с ограниченным числом уроков (не свыше 6-ти).

5) Сумма 1200 рублей, назначенная по штату на вознаграждение чиновников Московской Синодальной типографии за делопроизводство и счетоводство по хору, училищу и недвижимым имуществам, распределяется между чиновниками типографии по ближайшему усмотрению управляющего, о каковом распределении сообщается им Хозяйственному управлению при Св. Синоде.

6) Из оклада жалования и столовых чиновников, назначаемых настоящим штатом, и певчих и из вознаграждения чиновников Синодальной типографии удерживается установленный 2% вычет на пенсию, который оставляется в певческом капитале или в суммах упраздненных монастырей по принадлежности.

7) Остатки от содержания личного состава чиновников, а также от суммы на канцелярские расходы могут быть обращаемы, с разрешения обер-прокурора Св. Синода,

по представлению управляющего, на награды и пособия чиновникам типографии, заведующим делопроизводством и счетоводством по хору, училищу и имуществам и вообще лицам, состоящим на службе по настоящему штату.

Верно: обер-секретарь NN и сверял: секретарь NN.

Расписание
учебных предметов для училища
с показанием числа уроков по каждому из них³³

	Число уроков в классах								Итого уроков в училище
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
1. Священная история Ветхого и Нового Завета	3	3	—	—	—	—	—	—	6
2. Пространный христианский катехизис	—	—	3	3	—	—	—	—	6
3. Изъяснение богослужения с церковным уставом вообще и Большого Успенского собора в частности	—	—	—	—	1	1	1	1	4
4. История церкви всеобщая и русская	—	—	—	—	2	2	—	—	4
5. Русский и церковнославянский языки	4	4	4	4	—	—	—	—	16
6. Русская словесность	—	—	—	—	2	2	—	—	4
7. Арифметика и основания геометрии	3	3	3	3	2	2	—	—	16
8. Гражданская история всеобщая и русская	—	—	2	2	2	2	—	—	8
9. Начальные основания физики	—	—	—	—	—	—	2	1	3
10. Дидактика	—	—	—	—	1	1	—	—	2
11. География	—	—	2	2	2	—	—	—	6
12. Сольфеджио	4	4	3	3	2	2	4	4	26
13. Элементарная теория музыки	—	—	—	—	2	2	—	—	4
14. Гармония	—	—	—	—	—	—	3	3	6
15. Контрапункт и формы музыкальных сочинений	—	—	—	—	—	—	3	4	7
16. История церковного пения в России и очерк истории западноевропейской церковной музыки	—	—	—	—	—	—	2	2	4
17. Церковное пение	3	4	3	3	2	2	2	2	21
18. Чистописание	2	2	—	—	—	—	—	—	4
19. Скрипка	—	—	2	2	2	2	2	2	12
20. Фортепиано	—	—	2	2	2	2	2	2	12
Итого	19	20	24	24	22	20	21	21	171

Одновременно с этим новым штатом Синодальное училище вместе с хором решительно вступало в новую эру своего существования, которое благополучно и с возрастающим успехом продолжалось потом, пока достигло переживаемого ныне юбилейного двадцатипятилетия.

Насколько постановка дела в обоих учреждениях была сразу расширена, видно уже при сопоставлении бюджета по проекту штатов и устава 1881 го-

да, хотя и не утвержденным свыше, но в действительной жизни уже действовавшим, с бюджетом штата 1886 года: там смета всего расхода 14403 рубля 84 копейки, здесь же — 36890 рублей, почти в $2\frac{1}{2}$ раза больше прежнего. Там с чистописанием 10 учебных предметов в училище и столько же преподавателей и 96 учебных часов в неделю, здесь же с гимнастикой и чистописанием — 20 предметов и с большим того числом преподавателей, ввиду обширности курсов и большего числа уроков по некоторым предметам, а учебных часов в неделю — 171, не считая часов гимнастики. Там четыре класса, с приготовительным пять, здесь восемь классов, с приготовительным девять.

В администрации прибавлены — директор, старший и два младших воспитателя (взамен прежних двух надзирателей), смотритель за имуществами (он же и архитектор) и делопроизводитель. Инспектор, регент и его помощник повышены в классах службы и содержании. Заведующим хором и училищем назначался управляющий Синодальной типографией, где помещалась и канцелярия обоих учреждений.

Взрослых певчих там 24 человека, здесь — 30, малолетних там 26 человек, здесь — 50 и сверх того 15 учеников для V—VIII классов или регентского отделения.

Из низшего Синодальное училище стало средним учебным заведением, хотя и без повышения прав по государственной службе и отбыванию воинской повинности для оканчивающих его, но с наименованием окончивших восемь классов регентами и учителями пения, окончивших шесть классов помощниками регента, равным образом не получали льгот по воинской повинности и регент с помощником и все преподаватели. При училище назначалось из преподавателей музыки специальное лицо, заведующее постановкой музыкальных предметов. Наконец, «для наблюдения за благоустройством церковно-музыкальной части в училище и для направления Синодального хора к преуспеянию в духе древнего православного церковного пения при хоре и училище учреждался так называемый Наблюдательный совет, в состав которого, кроме директора, инспектора, регента и его помощника и преподавателей музыкальных предметов, входили лица, сведущие в церковном пении, из духовных и светских особ». К последней категории принадлежал также и «постоянный член Наблюдательного совета», который наравне с наблюдателем за музыкальною частью в училище получал вознаграждение 500 рублей в год. Постоянным членом Наблюдательного совета был приглашен с сентября 1886 года и оставался им до своей смерти 2 января 1889 года протоиерей Димитрий Васильевич Разумовский. Другим членом Наблюдательного совета — директор Московской консерватории Николай Альбертович Губерт, бывший им до своей смерти в 1888 году 26 сентября; третьим приглашен был Петр Ильич Чайковский, состоявший им до конца 1889 года, когда в ноябре в члены Наблюдательного совета были приглашены три новых лица — В. И. Сафонов, А. С. Аренский и С. И. Танеев.

Целью Наблюдательного совета указывалось: а) изыскание лиц к возвышению церковно-музыкального дела в училище и хоре, б) обсуждение и выбор церковных гармонизаций для исполнений Синодальным хором при богослужениях, в) изыскание и обсуждение мер к охранению и распространению древних напевов Православной русской церкви в их первоначальной чистоте и неповрежденности, г) обсуждение вопросов и предложений по церковно-музыкальному делу, предлагаемых управляющим, а равно и сообщений о положении сего дела в училище со стороны членов-наблюдателей. Совет собирается, когда находит нужным председатель или управляющий; решение вопросов по возможности единогласное, но допускаются и особые мнения; члены совета посещают училище и спевки и сообщают свои наблюдения управляющему.

По высочайшем утверждении штата 8 июня 1886 года 27 августа того же года управляющий Синодальной типографией А. Н. Шишков предложил инспектору Добровольскому вступить в исправление должности директора, в коей он и был утвержден с 23 сентября обер-прокурором Св. Синода, с производством из коллежских ассессоров в надворные советники, в возрасте тридцати двух лет. Должность инспектора училища осталась вакантной вплоть до 1897 года, когда по новому высочайше утвержденному уставу и штату 1897—1898 годов была совсем упразднена, а взамен того прибавлен четвертый воспитатель — младший, старший же фактически стал заместителем инспектора.

В 1886 году воспитателем поступил вместо П. Мячикова Никифор Семенович Платонов, который в 1888 году 14 марта ушел в священники. Регентом хора 5 мая 1886 года назначен Василий Сергеевич Орлов, окончивший Синодальное училище в 1874 году и в 1880 году окончивший Московскую консерваторию со званием свободного художника, с дипломом 1881 года 2 июля, имеющий звание регента от Придворной певческой Капеллы по аттестату 1881 года 16 февраля, бывший помощник регента в чине губернского секретаря. Помощником регента остался Н. И. Соколов, титулярный советник. Орлова еще при поступлении в помощники рекомендовал прокурору А. Потемкину Альбрехт письмом от 9 февраля 1881 года, где говорилось, что он «свою опытность доказал неоднократным и успешным разучиванием церковных хоров», вероятно, доказал свою хормейстерскую опытность и своей службой в Синодальном хоре в продолжение пяти лет, почему и опередил в движении по службе своего старшего сослуживца Н. Соколова. Немалую роль в перемещении В. С. Орлова на должность регента сыграли и солидные рекомендации, составленные на имя управляющего А. Шишкова такими авторитетными в церковно-певческом и музыкальном деле людьми, как протоиерей Д. В. Разумовский, со введением нового штата хора и училища назначенный постоянным членом Наблюдательного совета, и П. И. Чайковский, профессор Московской консерватории, у которого Орлов

проходил курс теории музыки в консерватории, — также удостоенный 28 августа 1886 года приглашения в члены Наблюдательного совета. П. И. Чайковский в 1886 году в феврале писал обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву о В. С. Орлове: «В настоящее время при хоре синодальных певчих в Москве открылась вакансия регента. Между лицами, добивающимися чести занять эту вакансию, есть бывший ученик мой, ныне состоящий регентом при певческом хоре Московского Хорового общества, В. С. Орлов. До меня дошло сведение, что будто бы моя рекомендация может иметь некоторое значение при выборе лица, которому будет вверен Синодальный хор. Если это так, то поспешаю убедительно просить вас не колебаться в решении утвердить Орлова на означенную должность в случае, если московским начальством он будет представлен к утверждению. В. С. Орлов не только прекрасный музыкант, не только превосходный знаток своего дела, которому всецело он посвятил жизнь свою, — но я могу поручиться и за его прекрасные душевные качества, благодаря которым он пользуется в московском музыкальном мире всеобщим уважением и безупречною репутацией. Я совершенно уверен в том, что Синодальный хор в руках столь достойного человека и артиста достигнет возможно полного совершенства».

Чайковский в 1886 году 27 февраля писал управляющему А. Н. Шишкову в ответ на его запрос о Василии Сергеевиче Орлове: «В. С. Орлов пользуется в музыкальном мире Москвы такой превосходной репутацией музыканта вообще и специалиста по церковному пению в особенности, что я мог бы ограничиться лишь несколькими словами для того, чтобы должным образом воздать ему справедливость... По моему мнению, никто больше В. С. Орлова не соответствует всем означенным требованиям. Будучи прекрасным музыкантом, будучи практически знаком со своей специальностью (ибо он в малолетстве сам был певчим, а теперь уже несколько лет состоит регентом известного вам хора), будучи умным человеком, притом воодушевленным горячей любовью к делу — он, в случае назначения, поставит хор синодальных певчих на подобающую высоту и, без всякого сомнения, оправдает возлагаемые на него надежды. Позволю себе смело, решительно и горячо рекомендовать В. С. Орлова вашему вниманию».

В июне 1886 года по прежнему положению окончили четырехлетний курс Синодального училища в присутствии на экзаменах депутата от Московской духовной семинарии преподавателя Николая Васильевича Беляева 13 человек, из которых Антипов Павел, Борисов Владимир, Горин Михаил, Зверев Михаил, Ильин Павел, Калугин Николай, Краснопольский Дмитрий, Лисицын Адриан, Покровский Василий, всего 9 человек, поступили в духовную семинарию, а четверо — Корейша Евгений, Орлов Матвей, Патокин Сергей и Стоянов Янакий получили свидетельства об окончании училища.

В начале наступившего учебного 1886/87 года введен был в действие новый штат и были открыты на первый раз классы I и II, из коих последний в

1892/93 учебном году должен был дать первый выпуск преобразованного восьмиклассного училища, а классы III и IV должны были оканчивать еще по прежнему порядку четырехклассное училище.

В 1887 году в июне месяце с 8 по 20 число при депутате от Московской духовной семинарии преподавателе священнике Константине Михайловиче Маркове после выпускных экзаменов (IV класс прежнего порядка) были переведены в семинарию: Богданов Василий, Виноградов Григорий, Виноградов Николай, Грузов Николай, Касимов Александр, Краснопольский Константин, Лебедев Сергей, Михайловский Владимир, Преображенский Николай, Смоленский Владимир, Сперанский Константин, Суматохин Михаил, всего 12 человек, а Игнатий Стоянов и Сергей Чесноков получили выпускные свидетельства.

В 1888 году в июне месяце с 8 по 20 число по выпускным экзаменам (последний IV класс прежнего порядка) при депутате от духовной семинарии преподавателе Александре Степановиче Лебедеве удостоены перевода в семинарию 9 человек: Добронадеждин Петр, Лепехин Алексей, Некрасов Иван, Пальшков Федор, Сербский Анатолий, Тихомиров Иван, Тихомиров Павел, Чесноков Николай, Шереметьев Николай, 5 человек — Борисов Иван, Меандров Сергей, Павлев Симон, Раевский Александр, Ростуновский Михаил получили выпускные свидетельства.

Во II классе, намеченном к первому выпуску по новому положению, в 1886/87 учебном году было 15 человек: Березовский Василий, Гришин Анатолий, Добровольский Александр, Зимин Алексей, Касимов Михаил, Крылов Павел, Крылов Федор, Лепехин Иван, Петров Алексей, Полуин Николай, Пospelов Михаил, Успенский Михаил, Хохлов Александр, Чесноков Михаил, Чесноков Яков, из коих в 1893 году окончили курс преобразованного Синодального училища Лепехин Иван, Петров Алексей, как лучший записанный на Золотую доску, Хохлов Александр, Чесноков Михаил, Чесноков Яков, а остальные частью отстали, оставшись на повторительные курсы, частью выбыли из училища, пройдя лишь прежних четыре класса до окончания полного курса. Окончившие были удостоены звания регента и учителя церковного пения, но прав на классный чин и государственную службу и льгот по воинской повинности по уставу не получали.

В 1887/88 учебном году, втором по введении нового порядка, предметы в наличных четырех классах были расположены так, что в IV классе проходились частью предметы прежнего порядка, частью общие обоим порядкам, как катехизис с церковным уставом, русский язык с церковнославянским, языки — греческий и латинский, арифметика и география; в III классе — катехизис, русский язык, арифметика, география, гражданская история, церковное пение, сольфеджио, фортепиано, скрипка; во II классе — священная история Нового Завета, русский язык, арифметика, церковное пение, сольфеджио; в I классе — священная история Ветхого

Завета и остальные четыре предмета те же. В этом году в училище было всего 69 учащихся, из коих штатных 50 человек, платных 2 и 17 приходящих. Из всего количества к концу учебного года перешло в семинарию 9, окончило 5, выбыло 4, уволено по малоуспешности 2. Осталось 49, из коих 42 на казенном содержании и 7 приходящих. 31 августа 1888 года из 52-х поступавших принято 14 человек — на казенное содержание 8, платных 5 и приходящих 1, и таким образом в 1888/89 учебном году в училище было 63 ученика, которые распределялись по классам так: IV — 12 учеников, III — 17, II — 20, I — 14.

По постановлению педагогического совета 1887 года мерами воспитания были признаны — внушение, обращение к родителям, исключение из училища, для регистрации заведена шнуровая книга с записями проступков и наложенных наказаний. Меры наказания и исправления по своей мягкости и гуманности, как видим, весьма разнятся и далеко ушли вперед от мер, указанных в 9-м пункте инструкции, составленной в 1830 году протопресвитером И. Д. Никольским и ризничим Порфирием для инспектора малолетних певчих тогдашнего Синодального хора, где предлагается в виде наказаний лишение стола или блюда, прогулки и стояние на коленях.

Октября 20 дня 1887 года директор Добровольский пригласил для преподавания игры на скрипке артиста императорских театров У. Поля, преподававшего в училище ранее до 1885 года и уволившегося из преподавателей после закрытия уроков по этому предмету в 1885/86 учебном году. Поль прослужил в училище до декабря 1888 года, когда скончался, а вместо него в марте 1889 года был приглашен артист императорских театров В. И. Замыслов. 1887 года 20 октября по рекомендации Чайковского был приглашен преподавать по вольному найму игру на фортепиано Александр Дмитриевич Кастальский, с 1876 года, по окончании 2-й Московской гимназии, обучавшийся в Московской консерватории до 1881 года 16 ноября, когда вышел оттуда по домашним обстоятельствам. В 1891 году 2 августа Кастальский был назначен исполняющим обязанности помощника регента, а в 1893 году 14 августа получил от Московской консерватории звание свободного художника и в 1903 году 19 апреля утвержден в должности помощника регента. В том же году 1 мая за перемещением В. С. Орлова на должность директора А. Д. Кастальский назначен был исправляющим должность регента Синодального хора.

1887 года 20 августа законоучителем Синодального училища был назначен священник церкви Малого Вознесения на Б. Никитской улице Гавриил Григорьевич Сретенский и в 1888 году принял уроки Закона Божия после оставившего их священника А. Суходского и в сане протоиерея пробыв в училище до 1890 года, когда на его место поступил священник Николай Александрович Розанов, ключарь кафедрального собора. По уходе воспитателя Н. Платонова, поступившего в сентябре 1886 года вместо П. Мячикова,

с 14 марта 1888 года на его место назначен был Константин Андреевич Никольский, студент Московской духовной семинарии, бывший раньше надзирателем там же с августа 1886 года. В 1890 году 22 марта он был назначен старшим воспитателем, а в 1898 году 8 марта рукоположен во священники к Николо-Гостунскому собору в Кремле и был законоучителем в младших классах училища, которое оставил 16 июня 1901 года после назначения приходским священником к Крестовоздвиженской церкви на Убогих домах. В 1889 году 5 сентября был назначен младшим воспитателем вместо С. Гилярова Иван Иванович Серебреницкий, студент Московской духовной семинарии выпуска 1884 года, бывший там же по окончании курса надзирателем, преподававший в младших классах Синодального училища русский и церковнославянский язык. Скончался на службе в училище 1 января 1910 года. В 1889 году вместо преподавателя скрипки В. Замыслова был приглашен артист императорских театров Дмитрий Григорьевич Григорьев, с успехом преподающий этот предмет в училище и доселе. С 1889 года по декабрь 1891 года преподавателем геометрии и физики был Борис Иванович Войнилович, на место которого вступил тотчас же кандидат математических наук Федор Дмитриевич Смирнов, пробывший преподавателем училища до 1 сентября 1894 года. В 1889 году учителем приготовительного класса был Михаил Петрович Ключарев. Вот наиболее заметные перемены в преподавательском составе за три года со времени преобразования Синодального училища в 1886 году.

Но самая видная перемена в этом отношении произошла с уходом из директоров училища 1 июля 1889 года в инспекторы народных школ по Министерству народного просвещения Николая Феофановича Добровольского, в продолжение 17 лет потрудившегося на пользу Синодального училища и хора, бывшего питомца училища, преподавателя, инспектора и директора его, ближайшего участника в составлении проекта преобразования училища по штату 8 июня 1886 года, наравне с своими предшественниками и сотрудниками Соколовым и Бердниковым на своих плечах вынесшего до толе всю тяжесть формирования, выработки и преобразования этого училища. Уйдя со службы из родного ему заведения, Н. Ф. Добровольский, будучи уже действительным статским советником (в директорстве был надворным советником) и директором народных училищ в Тверской губернии, по смерти директора Синодального училища В. С. Орлова 10 ноября 1907 года снова решил возвратиться директором близкого ему училища и 16 ноября того же года подал о том прошение, чтобы напоследок еще раз потрудиться на пользу дорогой ему школы. Но судьба решила иначе — его просьба опоздала, и 22 ноября директором училища был уже назначен Семен Николаевич Кругликов.

С именем Н. Ф. Добровольского, вместе с его уходом из Синодального училища отошло в область воспоминаний и истории и все старое прошлое

этого училища, его дореформенный строй и быт, его неопределенное положение между другими училищами духовного ведомства, низшими и средними, его полумузыкальный, полунаучно-образовательный характер, стусеивались и все почти прежние его деятели старого направления и закала, старых школьных традиций и педагогики и старых научно-музыкальных понятий. Началась новая жизнь его, выступили новые деятели во всеоружии научно-музыкальных познаний, богатого и широкого опыта и эрудиции, сильной энергии и таланта, с ясно намеченными целями, обдуманнными планами, с чуткой, отзывчивой душой на требования современности, с высокими задачами в церковно-певческом деле, с неумолимыми требованиями к церковно-общественному служению и назначению Синодального училища и хора. Во главе этого нового движения, составившего решительный перелом в истории и жизни обоих этих учреждений и давшего тон дальнейшему развитию их и преуспеянию, в дружном единстве их и взаимодействии в сравнении с прежней их заметной неуравновешенностью в сторону училища и в ущерб хору был безусловно Степан Васильевич Смоленский, одновременно просвещенный педагог и широко осведомленный церковно-музыкальный деятель, заступивший место Н. Ф. Добровольского 22 июня 1889 года и бывший директором Синодального училища и хора до перехода управляющим Придворной певческой капеллой 11 мая 1901 года. Правой рукой Смоленского в деле фактического преобразования Синодального училища и хора по новому плану, намеченному в штате 1886 года и усовершенствованному в 1892 и в 1897—1898 годах, был регент хора с 1886 года В. С. Орлов, а другой рукой — помощник регента с 1891 года А. Д. Кастальский. Выражаясь образно, это были три могучие силы, смело и дружно направлявшие вперед победное, полное блестящих успехов триумфальное шествие Синодального училища и хора на арене церковно-певческой деятельности, хоть и не без трений, терний и недоразумений, так свойственных делам людей.

Без сомнения, эта общая работа не была бы так продуктивна и благотворна, если бы не вдохновлялась и не регулировалась свыше такими ценителями и покровителями русского церковного пения, как обер-прокуроры Св. Синода Константин Петрович Победоносцев, Владимир Карлович Саблер и князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов, положившими немало забот и попечений к преуспеянию этой важной принадлежности церковно-общественного богослужения. Немало приложили здесь трудов и прокуроры Синодальной конторы: Александр Николаевич Потемкин, Андрей Николаевич Шишков (управляющий Синодальной типографией), Алексей Александрович Ширинский-Шихматов, Алексей Александрович Завьялов и Филипп Петрович Степанов. Последние двое работали с изменившимся уже несколько составом ближайших руководителей Синодального хора и училища.

Со вступлением Смоленского в должность директора Синодального хора и училища впервые открылся V класс преобразованного училища, до кото-

рого постепенно дошли ученики II класса, открытого вместе с I классом тотчас же по введении штата 1886 года. Переведены были из IV в V класс Лепехин Иван, Петров Алексей, Хохлов Александр и Чесноков Михаил, а остальные — Березовский Василий, Касимов Михаил, Крылов Павел, Крылов Федор, Полуниин Николай, Поспелов Михаил и Успенский Михаил были признаны «неподготовленными к прохождению регентских курсов».

В собрании педагогического совета 1 сентября 1889 года было постановлено, чтобы церковное пение преподавалось так же и в те же часы, как прежде, сольфеджио, скрипка и фортепиано ежедневно от 8 до 9 часов утра в каждом классе, с 10 до 11 часов поголосная спевка под наблюдением регента и помощника, с 11 до 12 часов спевка полного хора под управлением регента, в то же время разучивание обычных напевов с младшими из не поющих в хоре под руководством помощника регента с обращением особенного внимания на тексты песнопений из всенощной и литургии, с 12 до 2 часов обед и отдых, с 2 до 5 часов ежедневно три урока по 50 минут и две переменны по 10 минут, с 5 до 7 часов отдых, с 7 до 8½ вечерние занятия, с 7 до 8 часов утра приготовление уроков, ежедневно каждый не менее получаса занимается приготовлением музыкальных уроков, всего занятий в день от 7½ до 9½ часов на каждого. Требовалось уменьшение задавания уроков «до последней степени возможности, чтобы избежать переутомления учащихся и неизбежных с ним пагубных для здоровья последствий», особенно ввиду невозможности пользоваться двором для моциона. «Ограничение задаваемых уроков, само собой разумеется, может быть вознаграждено производительностью, вполне ясным преподаванием уроков, даваемых господами преподавателями, а никак не отдельными занятиями учеников». Этим предполагалось избежать домашней учебы и зубрения, неизбежных при задавании уроков, особенно ввиду расширения размеров преподавания общеобразовательных предметов и увеличения их количества при введении нового училищного штата. Таким образом, в этом заседании совета частью принят был прежний способ распределения по времени учебных занятий и самые приемы их, частью намечались уже новые способы и меры к достижению наиболее целесообразных образовательных результатов. Из прежних преподавателей оставался теперь в училище один лишь священник Иоанн Дмитриевич Арбеков, поступивший на место в 1885 году и прослуживший затем до 31 августа 1901 года, когда уволился из училища, преподававший в разное время греческий язык, дидактику и церковную историю.

Января 2 дня 1889 года скончался протоиерей Д. В. Разумовский, постоянный член Наблюдательного совета при Синодальном училище и профессор Московской консерватории по истории церковного пения, принимавший близкое и влиятельное участие в судьбах русского православного церковного пения и, в частности, Синодального хора и училища. На его место в консерваторию вступил 4 апреля 1889 года сверхштатным профессором 2-й

степени С. В. Смоленский, а 28 ноября того же года управляющим Шишко-вым были сделаны приглашения в Наблюдательный совет директору консерватории Василию Ильичу Сафонову и профессорам Сергею Ивановичу Танееву и Антону Степановичу Аренскому, состоявшим затем членами совета до 1894 года, когда были взамен их приглашены Сергей Дмитриевич Войт, управляющий Московской Синодальной типографией, и Николай Карлович фон Мекк. С сентября 1889 года поступил бесплатным преподавателем по фортепиано Сергей Андреевич Комаров, преподававший в училище до своей смерти в 1905 году.

К началу 1890 года ясно сказались уже успехи и Синодального хора, преобразованного по штату 1886 года, в публичном исполнении на Археологическом съезде в январе 1890 года в присутствии высоких особ. Мая 2 дня 1890 года заведующий двором великого князя Сергия Александровича уведомлял директора Смоленского, что великая княгиня Елизавета Феодоровна в январе два раза слушала Синодальный хор «и любовалась замечательною стройностью пения, прекрасными голосами и истинно музыкальным исполнением», почему и удостоены были высоких подарков — директор Смоленский перстня с алмазом, регент Орлов булавки с жемчужиной и певчие 200 рублей.

До вступления Смоленского директором Синодального училища должность инспектора с 1886 года в училище оставалась вакантною после Добровольского. Вступая в должность, Смоленский испросил себе привилегию, чтобы во время его директорства отдельный инспектор не был назначаем и чтобы должность инспектора соединялась в одном его лице с передачей положенного вознаграждения ему же, вследствие каковой комбинации содержание Смоленского выражалось в круглой сумме директорского жалованья с письмоводством 2000 рублей + инспекторское 1750 рублей = 3750 рублей при квартире натурой и мебелировке. Но при этом оказывалось затруднение в том, что и директор и инспектор должны были иметь по 6 обязательных уроков каждый, почему и приходилось Смоленскому, заняв обе должности, давать 12 уроков в училище обязательных. Тогда Смоленский 23 сентября 1891 года просил обер-прокурора ввиду постоянных его занятий в Синодальной типографии (по назначению его же, обер-прокурора) по изданию нотных певческих книг от обязательных, но и обременительных для него уроков освободить и взамен того пригласить еще одного преподавателя на остающиеся от соединения III и IV классов по предмету церковного пения суммы, мера, которая уже два года с успехом применялась в отношении этого предмета, так как, по его мнению, «для дела решительно безразлично, с какой книги ни начать, ибо здесь изучается распев, усвоение которого требует курса двух лет», что и сольфеджио соединить в III и IV классах, а также в V и VI классах, причем при первом соединении изучают курсы ритмические и читают интервалы и сольфеджио во всех гаммах. «Поставить один

курс на место другого впереди для дела вполне безразлично, а усвоение сольфеджио большею массою учеников, между которыми половина уже опытных, вполне облегчает успешность занятий». То же и в отношении соединения курсов V и VI классов. «От соединения занятий возможных и удобных в нашем училище, по малочисленности учеников, преподаватели получают вознаграждение за действительно даваемые часы занятий». Получалась экономия в 460 рублей, на которые мог быть приглашен отдельный учитель. Такие рассуждения и доводы были более похожи на канцелярскую отписку, вынужденную, без сомнения, обстоятельствами, чем на основательные соображения разносторонне образованного и опытного педагога. Разрешение 30 декабря 1891 года тем не менее было получено, и Смоленский мог всецело отдаться административной, организаторской и научно-педагогической деятельности на пользу хора и училища.

В это время вышли из состава преподавателей в 1888 году священник А. Н. Суходский, в 1889 году воспитатель С. С. Гиляров, в 1890 году протоиерей Г. Г. Сретенский, М. П. Ключарев и И. П. Ключарев, на место которого 22 августа того же года был принят окончивший духовную семинарию Василий Прохорович Виноградов³⁴, остававшийся в этой должности до декабря 1892 года, когда выбыл в священники церкви Коммерческого училища имени цесаревича Алексея. С 1891 года по сентябрь 1894 года преподавателем гражданской истории в училище был Василий Петрович Дорофеев, кандидат Московской духовной академии.

На уроки по виолончели с 1 февраля 1891 года был приглашен артист императорских театров Юрий Артемьевич Лазарев в том убеждении, что «ученические квартеты оказываются высокополезным начинанием, поддержание коего было бы в интересах училища весьма полезным». Того же 1891 года 16 сентября были приглашены для преподавания фортепиано и устройства детского оркестра Анатолий Александрович Эрарский, бывший преподавателем до своей болезни в 1895 году и окончивший Московскую консерваторию, рекомендованный профессором Ремезовым Василий Софронович Софронов, пробывший в училище до сентября 1893 года, когда на его место поступил свободный художник Московской консерватории Григорий Иванович Шаборкин³⁵, с успехом преподающий в училище и доселе.

Детским оркестром Эрарского в училище интересовались такие выдающиеся музыканты, как Чайковский, Римский-Корсаков, Направник и другие, и бывали на репетициях. <...>

В 1892 году 22 сентября по постановке голосов для малолетних певчих был приглашен артист Большого театра Василий Саввич Тютюнник, преподававший в училище до 1901 года 1 сентября, когда на его место был приглашен бывший синодальный певчий с 26 августа 1896 года, в 1899 году 8 июня сдавший экзамен на регента при Синодальном училище и, по окончании курса в Московской консерватории в мае 1904 года с званием свобод-

ного художника и малой серебряной медалью, некоторое время исправлявший должность помощника регента Синодального хора — Петр Васильевич Власов как окончивший в 1891 году Пензенскую учительскую семинарию, бывший ранее учителем народной школы, остающийся на месте и доселе.

Синодальный хор в это время продолжал интересовать общество своими успехами. 18 марта 1891 года директор Московской консерватории В. И. Сафонов писал обер-прокурору К. П. Победоносцеву по поводу участия Синодального хора в исполнении Реквиема Моцарта в симфоническом собрании 15 марта того же года: «Позвольте принести вам искреннюю благодарность за разрешение, данное хору Синодального училища на участие в исполнении Реквиема Моцарта в симфоническом собрании 15 сего марта. Участие этого хора придало исполнению бессмертного произведения особенную прелесть. Превосходный подбор голосов Синодального хора и образцовая подготовка весьма облегчили мне решение трудной задачи. Зато без преувеличения могу сказать, что Москва долго не забудет исполнения Реквиема со столь богатыми голосовыми средствами».

Жизнь и деятельность дореформенного Синодального училища и хора протекали под ведением прокуроров Синодальной конторы Александра Николаевича Потемкина с 1866-го по 1883 год и Бориса Александровича Нейдгарта с 1883-го по 1885 год; с началом же преобразования в 1886 году оба учреждения перешли в ведение управляющего Синодальной типографией и одновременно прокурора конторы Андрея Николаевича Шишкова с 1885-го по 1893 год, когда с 1 января 1894 года этими учреждениями стал заведовать исключительно прокурор конторы, в то время князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов. Почти семилетний опыт существования преобразованного училища с 1886 года по 1892 год показал, что в некоторых частях жизни и строя училища оказались пробелы, а некоторые части требовали изменения и улучшения. С введением в действие штата 1886 года училище получило более определенное и твердое, чем прежде, устройство, однако особого устава оно не получило, а только намечена была главная цель его учреждения: «приготавливать умелых исполнителей православного церковного пения» и основные пункты его строя, указанные в штате.

В 1891 году Св. Синод нашел нужным сделать такие изменения: 1) попечение над Синодальным училищем и хором предоставлялось члену Св. Синода, митрополиту Московскому, с званием почетного попечителя обоих учреждений, коему управляющий ими ежегодно доставляет отчет по управлению для внесения в Св. Синод; 2) должность управляющего возлагалась на прокурора Синодальной конторы. На этих основаниях были составлены устав и штат Синодального училища и хора, которые, по должном представлении, получили высочайшее утверждение 31 октября 1892 года³⁶. Вместе с тем было спроектировано предположение о правах и преимуществах служащих в училище и учащихся в нем, но замедлилось в исполнении ввиду

того, что в это время в Министерствах внутренних дел, военного и народного просвещения были заняты пересмотром положения о льготах и правах по отбыванию воинской повинности в смысле повышения образовательного ценза для льгот и преимуществ.

Ввиду неопределенности положения преподавателей в училище состав их вообще не был устойчив. По выходе воспитателя В. Виноградова 13 декабря 1892 года на его место вступил окончивший Нежинский историко-филологический институт Павел Алексеевич Флерин, который с января 1893 года стал преподавать вместо Виноградова, определившегося священником церкви Коммерческого училища, географию. Флерина, переместившегося в ноябре 1893 года преподавателем в виленскую гимназию, сменил по обеим должностям с 16 января 1893 года окончивший курс Владимирской духовной семинарии Александр Константинович Смирнов, пробывший в училище до 24 августа 1902 года, когда уволился, поступив воспитателем в Придворную певческую капеллу в сослуживцы к бывшему директору училища, а с 6 мая 1901 года управляющему капеллой С. В. Смоленскому.

1893 года 17 января преподавателем скрипки был приглашен артист императорских театров Яков Максимович Солнцев, пробывший в училище до 1 сентября 1894 года, когда был сменен профессором Московской консерватории Николаем Николаевичем Соколовским, преподававшим в училище до 3 марта 1895 года, в свою очередь смененный рекомендованным профессором Гржимали, окончившим Московскую консерваторию Евгением Сергеевичем Чижевским.

1893 года 17 августа был приглашен для преподавания форм и свободного сочинения окончивший Московскую консерваторию (с золотой медалью) свободный художник Арсений Николаевич Корещенко, отказавшийся от преподавания 1 сентября 1894 года и вновь поступивший в преподаватели Синодального училища 16 сентября 1896 года вместо преподававшего в училище с 1 сентября 1894 года по сентябрь 1896 года свободного художника Петербургской консерватории, бывшего пред тем несколько лет директором Тифлисского музыкального училища, Михаила Михайловича Ипполитова-Иванова.

Чижевского с сентября 1896 года сменил свободный художник Давид Сергеевич Крейн, пробывший в училище до 7 сентября 1899 года, когда в свою очередь был сменен окончившим Московскую консерваторию Константином Соломоновичем Сараджевым, по уходе которого 20 октября 1906 года место преподавателя скрипки занял свободный художник Александр Карлович Метнер, окончивший Филармоническое училище, преподающий в училище и доселе.

По смерти Александра Гавриловича Полуэктова 1 октября 1893 года 9 октября того же года приглашен был на теорию и гармонию свободный художник, окончивший Московскую консерваторию с золотой медалью Ни-

колай Семенович Кленовский, пробывший в училище до 5 сентября 1894 года, когда переместился вместо М. М. Ипполитова-Иванова директором Тифлисского музыкального училища, а на место его в Синодальное училище тогда же поступил Семен Николаевич Кругликов, частным образом учившийся теории музыки у Н. А. Римского-Корсакова и в 1881 году поступивший преподавателем музыкальной теории и гармонии по приглашению директора Шостаковского в частную его музыкальную школу, преобразованную 31 января 1886 года в Филармоническое музыкально-драматическое училище, а по прошествии пяти лет, по § 79 устава училища (*honoris causa*) удостоенный звания свободного художника и профессора этого училища.

С сентября 1894 года вместо В. Дорофеева по гражданской истории преподавателем поступил Александр Никитич Грецов, преподаватель Заиконоспасского духовного училища, а вместо Ф. Смирнова поступил кандидат математических наук Московского университета Иван Константинович Богоявленский, бывший в училище до сентября 1900 года, когда на его место поступил Александр Михайлович Ваникин, бывший преподавателем в училище до своей смерти в 1902 году.

С октября 1895 года состоял преподавателем дидактики и методики церковного пения священник Василий Михайлович Металлов, получивший образование в Московской духовной академии, до сентября 1898 года, когда преподавание этого предмета перешло к Антонину Викторовичу Преображенскому, а с сентября 1902 года после перемещения Преображенского в Петербург на службу в капеллу, опять преподававший тот же предмет в училище до ноября 1906 года, когда дидактика и методика были отменены, а вместо них введена психология и усилено преподавание теории постановки голоса. Он же состоял в училище преподавателем истории церковного пения с октября 1895 года по сентябрь 1910 года, когда его заместил священник Димитрий Васильевич Аллеманов, окончивший Оренбургское уездное училище, имеющий аттестат на звание регента 2-го разряда, преподающий этот предмет здесь и доселе и состоящий профессором по тому же предмету в Московской консерватории с сентября 1901 года и доселе. Возобновленную методику церковного пения с сентября 1907 года по сентябрь 1908 года преподавал Аллеманов, а в 1910/11 учебном году этот предмет, вновь возобновленный, преподает А. Д. Кастальский.

По изучению устава и объяснению богослужения преподавали с ноября 1895 года диакон Николаевской в Хлынове церкви Иван Иванович Миловидов и священник Георгиевской на Красной горке церкви, кандидат духовной академии Николай Алексеевич Скворцов, преподававшие до января 1898 года, когда на место их поступил священник Георгиевской на Варварке церкви, кандидат Московской духовной академии Николай Васильевич Цветков, пробывший в училище до 27 октября 1901 года, когда по уходе его из училища на это место поступил священник Николаевской на Щепках

церкви, кандидат Казанской духовной академии Феодосий Степанович Никольский, оставшийся в училище до 10 сентября 1908 года.

Вместо уволившегося из училища преподавателя по истории церкви священника Иоанна Дмитриевича Арбекова, 16 лет там трудившегося, пережившего почти весь путь преобразований Синодального училища с 1885 года до 1901, с сентября 1901 года стал преподавать этот предмет священник Троицкой на Арбате церкви, кандидат духовной академии Иоанн Адрианович Строганов, пробывший в училище до 12 сентября 1908 года, когда его место и место священника Ф. Никольского одновременно занял священник Николаевской в Новой Слободе церкви, кандидат богословия Виктор Иванович Кедров, преподающий в училище и доселе.

С сентября 1895 года был оставлен преподавать церковное пение в младших классах окончивший в этом же году Синодальное училище Павел Григорьевич Чесноков, бывший здесь до сентября 1904 года, когда на его место в 1905 году заступил окончивший в 1903-м Синодальное училище Николай Нилович Толстяков³⁷, преподающий этот предмет в училище и доселе и вместе с тем состоящий помощником регента Синодального хора с 9 февраля 1910 года, приобретший звание свободного художника Московской консерватории по прохождении установленного курса по классу композиции.

С января 1895 года преподавать в училище фортепиано был приглашен свободный художник Алексей Михайлович Ладухин, оставшийся до 22 января 1901 года, когда переместился старшим учителем музыки в Оренбургский Николаевский институт, а на его место в Синодальное училище поступил 22 января 1901 года Михаил Александрович Шимановский, преподающий здесь и доселе.

После первого выпуска в 1893 году преобразованного в 1886 году училища расписание часов занятий на 1893/94 учебный год было следующее:

Приготовительный класс: арифметика 3, русский и церковнославянский 4, Закон Божий 3, чистописание (вместе с I классом) 2.

I класс: арифметика 3, русский язык 3 и церковнославянский 1, Закон Божий 3, чистописание (вместе с подготовительным классом) 2.

II класс: арифметика 3, русский 3 и церковнославянский 1, Закон Божий 3, церковное пение 3, сольфеджио 2, элементарная теория (вместе с III классом) 2, чистописание 2.

III класс: арифметика 3, русский язык 3 и церковнославянский 1, Закон Божий 3, география 2, церковное пение (вместе с IV классом) 3, сольфеджио (вместе с IV классом) 2, элементарная теория (вместе со II классом) 2, чистописание 2.

IV класс: арифметика 3, русский язык 3, катехизис 1, география 2, церковное пение (вместе с III классом) 3, сольфеджио (вместе с III классом) 2, элементарная гармония 2.

V класс: геометрия 2, русская словесность 2, богослужение 3, география 2, гражданская история 2, сольфеджио (вместе с VI классом) 2, гармония 2.

VI класс: геометрия 2, русская словесность 1, гражданская история 2, катехизис 2, гармония 4, сольфеджио (вместе с V классом) 2.

VII класс: физика 1, гражданская история 2, русская литература 2, катехизис 2, контрапункт строгого стиля 4, чтение партитуры 2, история церковного пения (вместе с VIII классом) 2.

VIII класс: физика 2, церковная история 1, священная история 1, катехизис 1, богослужение 1, дидактика 2, история церковного пения (вместе с VII классом) 2, чтение партитуры 2, свободный стиль сочинения и формы 2.

Ввиду неравномерности этого распределения уроков в 1894/95 учебном году введены значительные дополнения и улучшения в размещение уроков по классам. В I классе прибавлено 3 часа сольфеджио; во II классе элементарная теория проходила отдельно от III класса и сольфеджио 3 часа вместо 2-х, церковное пение 2 вместо 3-х. В III классе церковное пение 2 часа вместо 3-х и отдельно от IV класса, вместо элементарной теории введена элементарная гармония. В IV классе церковное пение 2 часа вместо 3-х и отдельно от III класса, катехизис 2 вместо 1 часа. В V классе гармония 3 часа вместо 2-х, катехизис вместо богослужения. В VI классе словесность 2 часа вместо 1-го, богослужение вместо катехизиса, церковная история вместо VIII класса и вместо 1-го — 2 часа, русская словесность 2 часа вместо 1-го. В VII классе физика 2 часа вместо 1-го, русская словесность вместо литературы, церковная история вместо катехизиса, чтение партитуры совместно с VIII классом. В VIII классе чтение хоровой партитуры вместе с VII классом.

Занятия старших учеников с младшими по фортепиано, скрипке и элементарному сольфеджио ежедневно от 4 до 6 вечера. Спевки ученического хора по вторникам, четвергам и субботам от 11 до 12 часов; спевки полного хора ежедневно от 10 до 12 часов дня.

По фортепиано было в неделю около 42 часов занятий, по скрипке около 26 часов, по постановке голоса около 10 часов, по рисованию для желающих 2 часа, по гимнастике для всех 2 часа, репетиции струнного оркестра 1 раз и детского оркестра у Эрарского 1 раз.

II выпуск преобразованного Синодального училища состоялся в 1894 году 23 мая. Признаны окончившими училище «с удостоением звания регента и учителя церковного пения» 6 человек: Делищев Сергей, Ильинский Александр, Петров Яков, Семенов Петр, Соколов Александр и Щеглов Михаил.

III выпуск в 1895 году составили 4 человека: Левшинский Петр, Соколов Иван, Сугробов Иван, Чесноков Павел с зачислением его на Золотую доску. Окончили певческое отделение — четыре класса: Карпов Василий, Кочетков Василий, Ступенькин Александр и Фомин Василий. В этом году по примеру прежних лет 21 апреля было постановлено освободить более успешных в учении и благонадежных в поведении от переводных экзаменов. Всех уча-

щихся было в этом году 76 человек. Из посторонних получил свидетельство на звание регента и учителя пения певчий Митрофан Пахомов-Иванов.

IV выпуск в 1896 году составили 5 человек: Евгеньев-Прейс Александр, Ковин Николай, Крылов Михаил, Смирнов Петр и Шевелев Виктор, из коих Шевелев и Ковин с занесением на Золотую доску.

V выпуск в 1897 году составили 5 человек: Данилин Николай, Ильин Василий, Михайловский Сергей, Самарин Яков, Сорокин Николай, из коих первый с занесением на Золотую доску. Всех учащихся в Синодальном училище в этом году было 82 человека. Из посторонних по выдержании экзамена в Синодальном училище был удостоен звания регента и учителя пения певчий Синодального хора, окончивший Пензенскую духовную семинарию, Александр Васильевич Никольский, получивший потом, по прохождении установленного курса, звание свободного художника по классу композиции в Филармоническом музыкально-драматическом училище.

За пять лет после введения устава и штата 1892 года 31 октября в училищном строе и ходе учебно-музыкальной жизни успели накопиться такие недостатки, нужды и потребности, указанные более всего опытом, которые требовали принятия необходимых мер на пользу училищу.

Тогда Св. Синод, в постоянной своей заботливости о развитии и преуспеянии своего московского хора и училища, признал за благо еще раз пересмотреть вошедший в действие с 1892 года устав училища с тем, чтобы по указанию опыта сделать в нем потребные изменения. Главным побуждением к сему послужило то, что постановка предметов собственно музыкального курса в училище оказалась не вполне отвечающею ожиданиям Св. Синода. Постановка эта, по мнению Синода, приближалась более, чем следовало бы, к постановке этого дела в существующих у нас светских музыкальных учреждениях и, таким образом, придавала Синодальному училищу характер, не соответствующий духу и цели заведения, призванного служить высоким и священным интересам православной церкви. С другой стороны, Св. Синод обратил внимание на то, что в настоящее время, год от года, все более и более чувствуется потребность иметь подготовленных надлежащим образом руководителей церковного пения повсеместно в России, в качестве регентов архиерейских хоров в епархиях и учителей пения в духовных семинариях и училищах и что, следовательно, необходимо поставить дело преподавания церковно-музыкальной части в училище так, чтобы оно могло достигать как можно вернее и этой своей цели. Вместе с сим Св. Синод не мог не оставить без внимания и того, что соответственно основательной постановке всего учебно-воспитательного строя в училище необходимо окончательно установить и положение как начальствующих и прочих служащих лиц, так и учащихся в училище, относительно их прав и преимуществ, определение коих замедлилось по неподвиженным обстоятельствам.

Переработанный в этом смысле проект устава удостоился высочайшего утверждения 19 января 1897 года³⁸, а положение о служащих и учащихся в Синодальном училище с предоставлением им соответствующих прав и преимуществ внесено к рассмотрению в Государственный совет. При обмене мнений отдельных министров — военного, внутренних дел и народного просвещения — выяснились следующие возражения в отношении льгот по отбыванию воинской повинности учащихся и учащихся в Синодальном училище. Директору на общем основании не давалось никаких льгот в предположении, что обычно поступают на такую должность кандидаты в возрасте, свободном от воинской повинности, и, кроме того, он может пользоваться ст. 80 Устава о воинской повинности³⁹, как и преподаватели научных предметов, а затем там же в уставе в приложении к ст. 25, отд. IV, под ст. 18 значится уже и директор Синодального училища как имеющий право на зачисление в запас по своей службе. На возражения по поводу регента, его помощника и преподавателей музыкально-певческих предметов, что учителя и профессора даже высших специально-музыкальных учебных заведений не пользуются льготами по воинской повинности и что теперь много лиц с музыкальным образованием консерваторий и Придворной капеллы, которые могут восполнить преподавательский и регентский состав в училище и хоре, обер-прокурор в заседании Государственного совета объяснял, что Синодальное училище «учреждено собственно для подготовки регентов и учителей церковного пения в строго православном направлении и что, хотя это училище было не чуждо начал светского музыкального образования, но выработанным ныне уставом и программами ему указано прямое и твердое направление для развития учащихся собственно в духе православной церкви. Очевидно, что руководство преподаванием пения и ведение его в истинно православном церковном духе может быть вверяемо только лицам, кои сами проникнуты этим направлением и достаточно подготовлены к делу его разработки и развития. Таких же лиц весьма немного; даже лица, окончившие курс в Придворной певческой капелле, оказываются не всегда и не вполне удовлетворяющими вышеозначенному требованию, почему и не могут быть принимаемы без разбора ни на должность регента Синодального хора или его помощника, ни на должность преподавателей Синодального училища по специальным музыкальным предметам; а затем, что во всякое музыкальное учебное заведение преподавателей найти нетрудно, «между тем для Синодального училища ввиду его особого характера и на такие специальные предметы, каковы, например, чтение безлинейного церковного пения и история церковного пения с изучением крюков, найти крайне затруднительно, равно как нелегко приискать и регента с помощником для Синодального хора, которые умели бы поставить в этом образцовом хоре пение, вполне соответствующее древнему уставу Московского Успенского собора, над охранением коего стоит высочайшая власть. Таким образом,

лишение регента, его помощника и преподавателей Синодального училища по церковно-певческим предметам прав по отбыванию воинской повинности, коими пользуются преподаватели научных предметов в правительственных учебных заведениях, было бы равносильно тому, что таким образом Синодальное училище лишилось бы средства поддерживать то церковно-православное направление, в целях которого оно устроено. За всем сим необходимо иметь в виду, что музыкально-певческие предметы положены в училище по уставу оною наравне с общеобразовательными, а при таком условии преподаватели музыкально-певческих предметов оказываются штатными и, следовательно, могут иметь права по отбыванию воинской повинности наравне с преподавателями прочих учебных заведений, положенными по штатам оных». Обер-прокурор находил возможным согласиться с возражениями, что для оканчивающих Синодальное училище не нужна отсрочка для окончания образования ввиду того, что ученики оканчивают обычно училище раньше призывного возраста, а, если кто по болезни или иным уважительным причинам будет оканчивать позже 21 года, то может по примеру духовных семинарий каждый раз возбуждать ходатайство об отсрочке, а также принять за правило, что окончившие первые пять классов училища, изучавшие греческий и латинский языки, приравнивались бы (ст. 64, п. 2 Устава о воинской повинности) по льготам к окончившим духовные училища, а не изучавшие — нет, то есть первые по 2-му разряду, вторые — по 3-му.

На возражение относительно причисления Синодального училища к учебным заведениям низшим, а не средним, как духовные семинарии, по отсутствию преподавания таких общеобразовательных наук, как логика, психология, философия, новейшие языки и науки специально богословские и соответственно тому причисления его в отношении льгот по воинской повинности к учебным заведениям 3-го разряда, обер-прокурор объяснял, что Синодальное училище никогда не было по своему устройству ниже духовных училищ и что главное различие его от сих последних состояло, с одной стороны, в отсутствии в нем преподавания древних языков с преобладанием вместо оных пения и музыкальных предметов, а с другой стороны, в особенностях управления. Со времени же своего двукратного преобразования это училище поднялось на более высокий уровень во всех частях своего устройства. По введенным ныне в употребление учебным программам курс общеобразовательных предметов в училище представляется уже выше, чем в духовных училищах и приближается в значительной мере к курсу духовных семинарий; сверх того, нельзя опускать без внимания то обстоятельство, что в училище, хотя и не для всех воспитанников, а только для известного числа их, введено преподавание древних языков (латинского и греческого) в курсе, соответствующем курсу духовных училищ. В этом отношении училище опять приближается по устройству учебной части к духовным семинариям, и

если в нем замечается отсутствие таких предметов, как, например, логика, психология, краткая история философии, новейшие языки (французский и немецкий), проходимые в семинариях, равно как и самый курс богословских предметов, без сомнения, оказывается ниже семинарского, то в возмещение сего значительное количество учебных часов в этом училище посвящается изучению специальных певческих особого содержания и характера предметов, соответственно поставленной для училища главной цели. Принимая затем в соображение, что курс училища продолжается девять, а с церковно-приходской одноклассной школой — одиннадцать лет, тогда как в духовных училищах курс этот четырехгодичный, нельзя не видеть, что по продолжительности курса Синодальное училище гораздо выше духовных училищ и опять, даже в этом отношении, приближается к духовным семинариям, курс которых проходится (после четырехлетнего курса духовных училищ) в шесть лет. Наконец, следует принять в соображение то, что училище это prepares образованных и искусных учителей церковного пения в средние и низшие учебные заведения и, следовательно, служит общему делу народного просвещения, распространяя путем искусства начала нравственного развития и облагорожения сердца в народные массы вообще, в особенности же содействуя истовым и благолепным исполнением церковных песнопений надлежащему пониманию духа православного богослужения, почему Св. Синод имеет полное право считать Синодальное училище средним учебным заведением с правом на соответствующий 1-й разряд по воинской повинности.

Ссылка на Капеллу, которая при соответствии курсу музыкальных предметов в консерватории все-таки относится к учебным заведениям 3-го разряда, ослабляется тем, что по правам гражданской службы она выше консерваторий, так как по ст. 5, п. 9 Устава о службе по определению от правительства⁴⁰ малолетние певчие, уходящие из Капеллы по спадении с голоса, могут вступать на государственную службу по ст. 29 (разд. III, п. 6), они принимаются канцелярскими служителями, хотя бы и моложе 14 лет, а прослужившие в капелле 10 лет по выходе из нее получают первый классный чин, прослужившие меньше награждаются званием губернского регистратора (ст. 349, п. 3). Сообразно с этим и кончающие Синодальное училище приравниваются как по льготам в отношении воинской повинности (ст. 64, п. I Устава о воинской повинности) к оканчивающим вообще средние учебные заведения, так и по правам гражданской службы (ст. 50—52 Устава о службе по определению от правительства), а занимая места регентов архиерейских хоров и учителей церковного пения в духовно-учебных заведениях, они тем самым приравниваются к регенту и помощнику его в Синодальном хоре и к преподавателям этих заведений, пользующимся соответственными льготами по воинской повинности (ст. 80, п. 3 Устава о воинской повинности).

Государственный совет, рассмотрев все соображения, представленные обер-прокурором Св. Синода в пользу Синодального училища в отношении служащих и учащихся в нем, признал это училище ввиду исключительного его положения средним учебным заведением с присвоенными правами гражданской и военной службы и таким образом мнение Государственного совета о правах и преимуществах служащих и учащихся в Московском Синодальном училище церковного пения и Синодальном хоре, а также штат училища и хора получили высочайшее утверждение 8 июня 1898 года⁴¹.

Из сличения устава 1897-го с уставом 1892 года сами собой обрисовываются изменения, внесенные в последний устав в сравнении с прежним и касающиеся административного и учебно-воспитательного устройства училища.

По новому уставу расширена деятельность Наблюдательного совета — именно увеличено число штатных членов до пяти вместо одного непременно члена, положенного по уставу 1892 года. Затем учреждено особое присутствие при училище для обсуждения и решения хозяйственных дел. По учебной части воспитателей положено четыре вместо существовавших по прежнему штату трех; должность инспектора училища, положенная прежде, отменена. По-прежнему училище разделяется и теперь на два отделения — певческое и регентское, но количество классов увеличено, вместо 8-ми до 9-ти, из коих 5 младших классов составляют певческое, а 4 последних — регентское отделение. Кроме того, при училище положено состоять церковно-приходской школе взамен прежнего приготовительного класса. Наконец, вновь выработаны программы по всем предметам преподавания, чего прежде не было.

По новому штату 1898 года при сличении его с действовавшим в 1892 году (со времени утверждения его в 1886 году) оказывается, что во главе управления поставлен прокурор Синодальной конторы вместо управляющего Синодальной типографией, директору усвоится V класс и разряд по мундиру вместо прежнего VI, для члена Наблюдательного совета, заведующего певческими хорами, VI класс и разряд, для смотрителя за имуществами VII класс и разряд, для наставников VIII класс и разряд, для архитектора VIII класс и разряд, для воспитателей IX класс и разряд вместо X, для эконома IX класс вместо X, для врача VII класс вместо VIII. Место наблюдателя за музыкальной частью в училище, значившееся в прежнем штате, закрыто. Синодальное училище получило свою печать с изображением государственного герба и с надписью «Московское Синодальное училище церковного пения и Синодальный хор».

План распределения занятий следующий, в порядке классов с I по IX:

Закон Божий: Ветхий Завет 3, Новый Завет 3, устав церковный 2, катехизис 2, 2, богослужение 2, церковная история 2, 2, 3 = 21.

Русский язык: русский с церковнославянским 6, 4, 3, 3, 3, словесность 3, русская литература 3, 3, 2 = 30.

Дидактика: 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, общая дидактика 1, частная (методика церковного пения) 1 = 2.

Математика: арифметика 3, 2, 2, 2, 2, алгебра и пасхалия 3, 4, геометрия 3, 0 = 21.

География: 0, 0, 3, 2, 3, 0, 0, 0, 0 = 8.

Физика: 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 2, 3 = 5.

История: 0, 0, 0, 0, 0, общая гражданская 2, 2, 2, русская гражданская 3 = 9.

Латинский язык: 0, 3, 3, 3, 3, 0, 0, 0, 0 = 12.

Греческий язык: 0, 3, 3, 3, 3, 0, 0, 0, 0 = 12.

Чистописание и нотописание: 3, 3, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0 = 6.

Музыкальные предметы:

Церковное пение: 3, 3, 2, 2, 2, 2, история церковного пения с крюками 2, 2, 2 = 20.

Постановка голоса: 8, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0 = 8.

Сольфеджио: 2, 2, 2, 2, 2, 1, 1, 1, 1 = 14.

Обычное пение в установленной гармонии за фортепиано: 0, 0, 2, 2, 2, чтение хоровой партитуры за фортепиано $3\frac{1}{3}, 3\frac{1}{3}, 3\frac{1}{3}, 5 = 21$.

Элементарная теория: 0, 0, 0, 0, $3\frac{1}{3}$, гармония $3\frac{1}{3}$, контрапункт и формы 5, 5 = $16\frac{2}{3}$ (среднее число).

Фортепиано: 0, 0, 8, 8, $3\frac{1}{3}, 3\frac{1}{3}, 3\frac{1}{3}, 3\frac{1}{3} = 37\frac{1}{3}$.

Скрипка: 0, 0, $6\frac{2}{3}, 6\frac{2}{3}, 6\frac{2}{3}, 3\frac{1}{3}, 3\frac{1}{3}, 3\frac{1}{3}, 3\frac{1}{3} = 33\frac{1}{3}$.

Совместная игра струнным квартетом духовно-музыкальных сочинений и управление им: 0, 0, 0, 0, 0, 2, 2, 2, 2 = 8.

Виолончель: 0, 0, 0, 0, 0, 1, 1, 1, 1 = 4.

Всех музыкальных занятий $158\frac{1}{3}$ часов (среднее число).

На приготовление уроков: 9, 9, 9, 9, 9, 12, 12, 12, 12 = 93 часа.

Практические занятия в церковно-приходской школе: 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, $1\frac{1}{2}, 1\frac{1}{2} = 3$.

Гимнастика у всех: 2 часа.

Практические занятия: 9, 21, 24, 24, 24, 12, 12, 12, 12 = 150 часов.

Штат Синодального училища и хора следующий:

Директор училища и хора с содержанием 3000 рублей; класс должности V, разряд мундира V, пенсия III.

Непременный член Наблюдательного совета — 500 рублей.

Член Наблюдательного Совета, заведующий частными духовно-певческими хорами — 500 рублей; VI, VI, IV.

Три члена Наблюдательного совета — без жалованья.

Регент Синодального хора — 1750 рублей; VII, VII, V.

Помощник регента — 1200 рублей; VIII, VIII, VII.

Смотритель за недвижимыми имуществами — 1500 рублей; VII, VII, V.

Старший воспитатель — 900 рублей; VIII, VIII, VII.

3 воспитателя по 600 рублей — 1800 рублей; XI, XI, VIII.

26 наставников с общим содержанием 12740 рублей; VIII, VIII, VII.

Эконом — 400 рублей; IX, IX, VIII.

Врач — 300 рублей; VII, VII, —.

Архитектор — без жалованья; VIII, VIII, —.

Делопроизводитель — 900 рублей; VIII, VIII, VII.

Содержание 30-ти певчих — 14000 рублей.

Бухгалтерия — 1200 рублей.

Канцелярия — 1200 рублей.

Учитель церковно-приходской школы — 600 рублей.

Итого: 42 490 рублей.

Квартиры служащим и администрации натурой.

На содержание воспитанников училища (100 человек по 135 рублей) — 13 500 рублей.

Всего на содержание хора и училища: 55 990 рублей.

Когда утверждался новый устав и штат 1897—1898 годов, в здании Синодального училища и хора (с апреля по август 1897 года) шла усиленная работа по расширению помещения надстройкой этажа в главном корпусе, а также постройка нового дома во дворе, после чего поместительность здания увеличилась вдвое против прежнего: получились просторные классные и музыкальные комнаты для занятий всех девяти классов и церковно-приходской школы, для спален учеников, два зала, удобные квартиры для администрации и значительной части взрослых певчих, а также еще свободные квартиры для отдачи внаймы⁴². Училище росло и крепло изнутри и снаружи в учебно-педагогическом и в материальном отношении.

Св. Синод 13 мая 1897 года, давая отпуск на три месяца за границу директору Смоленскому и 1000 рублей на излечение ввиду понесенных им трудов и расстроенного здоровья на пользу училища и хора, вместе с тем выражал уверенность, что «Московское Синодальное училище церковного пения и Синодальный хор настоящим своим благоустройством в значительной степени обязаны усердным и полезным трудам Смоленского, который сверх того в продолжение многих уже лет по распоряжению духовного начальства несет особливые труды по рассмотрению изготовляемых к печатанию церковно-нотных сочинений без всякого за то вознаграждения», чем и мотивировал настоящее свое распоряжение.

Улучшения заметно обозначились во всех частях училища и хора. В 1899 году был сделан подсчет музыкально-певческой и ученической библиотек и оказалось весьма внушительное количество названий в той и другой. Музыкально-певческих изданий значилось 3705. В фундаментальной биб-

лиотеке значилось богословских книг 205, по русской церковной истории — 123, всеобщей истории — 45, гражданской русской истории — 101, геометрии, математике и физике — 46, отечествоведению — 37, всеобщей географии — 56, естествоведению — 77, русской словесности — 477, классической литературе — 16, всеобщей литературе — 155, смесь — 31, журналов — 24 названия. Учебных пособий: по Закону Божию — 45, русскому и церковнославянскому — 139, географии — 37, гражданской истории — 8, математике с физикой — 54, смесь — 4.

В библиотеке рукописей значилось 1100 номеров в количестве 1981 тома; рукописей из Епархиальной библиотеки — 110 номеров в 198 томах. Приборов в физическом кабинете значилось 134.

Синодальный хор за это время также набирал силу. Первое выдающееся, можно сказать, историческое публичное выступление Синодального хора пред широкой публикой было в трех Исторических концертах, организованных Смоленским в 1895 году по выработанным им программам, в исторической последовательности. В первый концерт вошли произведения XVII—XVIII веков: Титова, неизвестного автора, Бавыкина, Сарти, Галуппи, Сапиенци, Маурера; во второй — XVIII—XIX веков: Дегтярева, Есаулова, иеромонаха Виктора, Веделя, Бортиянского, Ломакина, Львова, Глинки; в третий — современные: Турчанинова, Потулова, Вейхенталя, Арнольда, Чайковского и Римского-Корсакова. Смоленским по этому поводу была составлена историческая справка о начале, движении и современном состоянии русской церковной музыки с краткими биографическими заметками о композиторах, чьи произведения исполнялись в этих концертах, под заглавием «Обзор Исторических концертов Синодального училища церковного пения в 1895 году». По общему признанию как публики, так и специалистов, посещавших концерты, и по нашему личному впечатлению от третьего концерта, исполнение Синодального хора было в высшей степени совершенное и до мельчайших тонкостей изящное и художественное, как технически безупречное, так и по духу осмысленное и по характеру бесстрастно-выдержанное, строго церковное, клиросное, насколько позволял это стиль самих произведений, вошедших в программу концерта.

После успешного, выдающегося выступления с публичными концертами в Москве, сразу создавшего Синодальному хору и училищу громадную известность и принесшего им всеобщую симпатию общества как в Москве, так и за пределами ее, в следующем 1896 году заинтересованный исполнением хора и шумом, поднявшимся вокруг него, пожелал и Петербург послушать стародавний русский церковный хор, несмотря на близость Капеллы и издавна установившуюся репутацию ее как первоклассного хора в России. Такие два концерта, устроенные один в квартире обер-прокурора Победоносцева 7 марта для избранной публики, другой домашний в самой Капелле для специалистов, превзошли все ожидания петербуржцев, и Синодальный

хор сразу занял не меньшее положение во мнении петербургского, да и остального русского общества, чем царский хор, блестяще содержимый — Императорская Придворная певческая капелла.

В 1899 году совершилось самое блестящее за это время выступление Синодального хора на освящении посольской церкви в Вене при служении архиепископа Иеронима и в двух духовных концертах 5 и 7 апреля пред музыкально требовательной и музыкально пресыщенной публикой города Вены с русскими церковными произведениями старого и нового стилей, где были Бортиянский с Турчаниновым и Львовым, Глинка с Львовским и Римским-Корсаковым и, наконец, Чайковский с Гречаниновым и Кастальским. Восхищение венской публики и специалистов исполнением Синодального хора было всеобщее и необычайное, успех хора поразительный, прогремевший повсюду за границей, и слава его как хора несравненного прочно утвердилась. Эта слава создавалась не только благодаря превосходной организации и художественно умелой постановке музыкально-певческого дела в училище и, в частности, музыкально-певческой подготовке учеников-певцов, усилиям его главных руководителей, но и не менее того благодаря выдающемуся дирижерскому таланту, трудолюбию и преданности своему делу регента хора, доведшего его до высокой степени совершенства. Успех дела закладывался в училище и завершался в хоре, это были низ и верх одной и той же блестящей пирамиды. Этот необыкновенный успех Синодального хора и училища, его дополнявшего, был самым лучшим оправданием тех мер преобразования обоих учреждений, которые постепенно и систематически вводились с 1886 года и завершились в 1898 году новым штатом и уставом училища и хора вместо прежнего бывшего разъединения, сплотившими их в одно общее уравновешенное целое.

VI выпуск училища в 1898 году составили 7 человек: Губичев Михаил, Костин Михаил, Петров Петр, Рогальский Евгений, Соколов Николай 1-й, Соколов Николай 2-й, Рогальский Евгений и Толоконников Василий, которые могли уже воспользоваться вновь присвоенными правами. Из посторонних лиц получил выпускное свидетельство на регента и учителя пения болгарин Анастас Николов. Всех учащихся в этом году было в Синодальном училище 91 человек.

VII выпуск 1899 года — 6 человек: Васильев Владимир, Воронов Сергей, Ковин Александр, Толстяков Павел, Федоров Василий и Чесноков Александр, из коих Ковин, Толстяков и Чесноков занесены на Золотую доску.

VIII выпуск 1900 года — 5 человек: Климов Михаил, Ключников Иван, Крылов Федор, Соколов Николай и Спиридонов Василий, из коих первый занесен на Золотую доску.

С сентября 1898 года начали службу в Синодальном училище новые преподаватели: вместо К. Соловьева Антонин Викторович Преображенский,

кандидат Казанской духовной академии 1894 года, пробывший в училище преподавателем словесности и литературы, а с июня 1901 года старшим воспитателем до сентября 1902 года, когда уволился из училища, перейдя на службу в Придворную капеллу в Петербург библиотекарем, где служит и доселе; Леонид Николаевич Реформатский, кандидат Киевской духовной академии, преподаватель русского языка и словесности до сентября 1900 года, когда перешел преподавателем Белостокского коммерческого училища; Николай Иванович Соболевский по арифметике до сентября 1901 года, когда уволился из училища; окончивший Московскую духовную семинарию Дмитрий Андреевич Быстрицкий, бывший преподавателем церковно-приходской школы при Синодальном училище, а с 1901 года и воспитателем, до 14 ноября 1906 года, когда уволился на должность псаломщика при Николаевской церкви близ Курского вокзала; Павел Васильевич Богословский, кандидат Казанской духовной академии, бывший преподавателем гражданской истории до октября 1900 года, когда уволился миссионером в Екатеринбургскую епархию, а затем с сентября 1902 года снова ставший преподавателем того же предмета в Синодальном училище до сентября 1905 года, когда определился священником к Успенской в Кожевниках церкви, замещенный тогда же Михаилом Семеновичем Померанцевым, преподающим в училище и доселе; Николай Николаевич Сокольский, окончивший Владимирскую духовную семинарию, на место воспитателя и пребывающий в училище доселе.

С октября 3-го 1898 года и доселе состоит преподавателем гармонии свободный художник Филармонического училища и с 1897 года преподаватель его Виктор Сергеевич Калинин вместо оставившего преподавание этого предмета по случаю перемещения директором Филармонического училища С. Н. Кругликова. С ноября 1898 года в училище был преподавателем по физике окончивший Московский университет Николай Павлович Галицкий, пробывший до сентября 1900 года, когда переместился преподавателем в Набилковское училище. С 1 февраля 1899 года греческий язык преподавал кандидат Казанской духовной академии Василий Петрович Приклонский до 1908 года, когда вышел по болезни.

С 23 октября 1900 года преподавателем гражданской истории в училище был Николай Павлович Румянцев до сентября 1902 года, когда он перешел на службу в Петербург в Придворную капеллу.

В 1901 году 1 сентября вместо Н. Соболевского преподавателем арифметики поступил кандидат Московской духовной академии Сергей Владимирович Терновский, остававшийся в училище до сентября 1902 года, когда на его место был назначен Евгений Владимирович Раковский, в 1903 году сменный А. И. Цвирко.

С сентября 1901 года поступил преподавателем сольфеджио Николай Михайлович Данилин, окончивший Синодальное училище в 1897 году, а

12 января 1902 года назначенный помощником регента и 15 мая 1904 года уволенный от этой должности по соображениям штата и занявший тогда же уроки церковного пения. С 1 января 1907 года был вновь назначен помощником регента, а 8 апреля 1910 года — регентом вместо Кастальского, назначенного по смерти Кругликова 9 февраля 1910 года директором Синодального училища. Данилин имеет звание свободного художника Филармонии.

С сентября 1902 года по теории словесности взамен выбывшего А. Преображенского был назначен преподавателем кандидат Московской духовной академии Николай Петрович Попов, бывший вместе и делопроизводителем правления училища и секретарем Наблюдательного совета с 1898 года, остававшийся до 10 октября 1907 года, когда на его место поступил кандидат Московской духовной академии Борис Сергеевич Пушкин, преподающий этот предмет в училище и доселе.

После блестящего выступления в концертах пред венской публикой в 1899 году Синодальный хор вскоре после того удостоился высокой чести петь за богослужением в Большом Успенском соборе в присутствии их императорских величеств: 2 апреля 1900 года в Вербное воскресенье, 9 апреля на Пасху и 16 апреля в церкви Спаса за Золотой решеткой и во всех этих случаях был удостоен особенного внимания и восхищения высочайших особ художественным исполнением церковных песнопений. В высочайшем рескрипте на имя митрополита Московского 9 апреля 1900 года между прочим было сказано: «Благолепие служения в неделю Ваий в первопрестольном всероссийском храме — Московском Большом Успенском соборе, величавая красота древних напевов в умирительном исполнении их Синодальным, бывшим патриаршим, хором и пережитые нами в Московском Кремле дни Страстной седмицы навсегда оставят в нас неизгладимую память».

О высочайшем внимании к исполнению хора 2 апреля регент В. С. Орлов рапортовал г-ну управляющему, что государю императору было благоугодно почтить его милостивыми словами: «Отлично вы пели».

После службы, пропетой хором в церкви Спаса за Золотой решеткой, государю императору было благоугодно осчастливить г-на управляющего Синодальным хором князя А. А. Ширинского-Шихматова беседой, относящейся к прекрасному пению Синодального хора: «Синодальный хор поет прекрасно и производит самое лучшее впечатление... Все звучало очень красиво».

После исполнения ряда песнопений в доме генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, регент В. С. Орлов также рапортовал г-ну управляющему, что государю императору было благоугодно снова осчастливить его милостивой беседой: «До совершенства хор доведен, только бы вам остаться на этой высоте, дальше идти еще вперед нельзя. Одну вещь, третью в программе (“Вечери Твоя тайная”), вы пропели мою любимую, а последнюю (“Был у Христа младенца сад”) вы давно не пели, и сейчас пропели без репетиций. Отлично, отлично... Сердечное вам спасибо»⁴³.

После столь милостивых высочайших слов, похвал и ободрения Синодальный хор и его талантливый регент могли считать свое положение безусловно упроченным, с заслуженной гордостью оглянуться назад на пройденный трудный путь и не без смелой уверенности бросить взор свой в область предстоящего будущего, заранее обеспеченного испытанным успехом. Скромная на вид роль училища, отодвинутого в тень яркими блестящими успехами хора, не была столь же скромной с внутренней стороны, в своей подпочвенной работе, в своей деятельной производительности: из часа в час, изо дня в день, с препонами и замедлениями, трениями, с уклоном вправо и влево, но настойчиво, упорно и решительно, раз намеченным путем, руководимое сознательной и железной волей, оно вершило свое трудное дело постепенного улучшения хора и регентско-певческого дела, развивало, шлифовало, обрабатывало слух и голос юных певцов и непрерывно пополняло свежими силами состав хора, так что, строго говоря, трудно прямо сказать, где кончалась работа училища и где начиналось дело хора, — это был общий, слитный труд.

Чрез три года после введения нового устава и штата Синодального училища назрела надобность проверить, насколько вошел в действие и жизнь училища этот устав и порядок, почему в конце 1900 года и в начале 1901 года Св. Синодом была назначена ревизия Синодального училища по всем частям его, которую и произвел член Учебного комитета действительный статский советник Петр Иванович Нечаев.

Учебный комитет 18 мая того же 1901 года года извещал о результатах ревизии определением, из которого вытекало, что учебно-воспитательная и хозяйственная части находятся в училище в удовлетворительном состоянии и лишь по поводу некоторых частных недостатков необходимы оказывались некоторые мероприятия, как, например, предлагалось наблюдать училищному правлению, чтобы: а) преподаватели не делали отступлений от установленных программ без ведома и разрешения правления, б) завести книгу для записи опускаемых преподавателями уроков и в такие часы давать воспитанникам классные занятия, в) обстоятельнее объяснять причины ученической малоуспешности в педагогических журналах правления, г) улучшить постановку письменных ученических работ на основании указаний ревизора, д) чтобы меры наказания были устанавливаемы всем правлением, а не единолично директором и соответствовали бы принятым в духовно-учебном ведомстве, е) приобретать книги в фундаментальную и ученическую библиотеки лишь с одобрения правления училища, ж) упорядочить ведение училищного хозяйства, з) в отсутствие прокурора Синодальной конторы исправляющему его должность ни в чем не изменять постановленных в училище порядков. Наблюдательному совету при Синодальном училище предоставлялось войти в обсуждение вопроса об участии всех воспитанников училища на всех спевках хора и при пении хора в Успенском соборе.

В отношении директора Синодального училища ревизор, между прочим, находил, что «Смоленский при хорошем знании церковного пения, а также любви к нему и к музыке был бы весьма полезным для училища деятелем, если бы при этом обладал надлежащим административным тактом, внимательнее относился к внутренней стороне училищной жизни и не размерял задач училища введением в учебные занятия воспитанников некоторых музыкальных требований, уместных более в консерватории, чем в строго церковно-певческом училище». Затем ему ставилось на вид, что «еще при редактировании училищного устава в 1896 году особой комиссией под председательством его превосходительства г-на товарища обер-прокурора Св. Синода г-н Смоленский усиленно и горячо пытался отстаивать наиболее широкую самостоятельность директора в его управлении училищем и хором и возможно меньшую зависимость его в этом отношении от прокурора Синодальной канцелярии. Таковое стремление г-на Смоленского к самовластию не встретило тогда поддержки ни в одном из членов упомянутой комиссии. И хотя в действительности уставом с точностью определены права и обязанности директора училища, а равно и указаны подчиненные его отношения к прокурору канцелярии, г-н Смоленский доселе не может примириться со своим положением и при каждом удобном случае пытается выходить из пределов полномочий, предоставленных ему уставом»*. Такое заключение ревизии имело своим последствием то, что Смоленский не мог более оставаться директором Синодального училища и 6 мая того же 1901 года был назначен, а 11 мая переместился управляющим Императорской Придворной певческой капеллой вместо ушедшего в отставку А. С. Аренского, бывшего там после Балакирева с 1895 года.

Учебно-воспитательное дело в училище шло своим чередом, постепенно улучшаясь и углубляясь в целях, намеченных уставом и самой жизнью, а также и условиями существования Синодального училища, призванного исполнять свою скромную, незаметную, но многопользную и многоплодную миссию в русском церковно-певческом деле.

Насколько общее развитие и умственный уровень воспитанников училища шагнули вперед по сравнению с дореформенным его состоянием, можно отчасти видеть из предлагаемого списка тем ученических сочинений.

Темы 1900/01 учебного года Первое полугодие

Русский язык, словесность и история русской литературы.

IV класс: «Рассказ о детстве и юности преп. Сергия Радонежского», «Крестыанская лошадь», «Пересказ стихотворения “Бородино”», «Описание Московского Кремля».

* РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 68 за 1900 год.

V класс: «Почему так много городов лежат на берегу реки», «Козьма Минин», «Сад, огород и поле».

VI класс: «Описание Куликовской битвы», «Скупость и бережливость», «Стилистический разбор статьи Гоголя “Дорога”».

VII класс: «Характеристика Ильи Муромца», «Народный певец и поэт», «Письменность и книгопечатание», «Картины в стихотворении Пушкина», «Опять на Родине».

VIII класс: «Идеал жизни по “Домострою”», «Характеристика юго-западной образованности в XVII веке», «Значение труда в жизни».

IX класс: «Поэт по воззрению Пушкина», «Предчувствия преждевременной смерти в лирических произведениях Пушкина», «Женские типы в романе “Евгений Онегин”».

Гражданская история.

VI класс: «Причины быстрого образования Персидского государства», «Различные типы государственного строя у древних народов Востока».

VII класс: «Какими причинами было обусловлено падение Западной Римской империи».

VIII класс: «Чему обязан Колумб своим величайшим открытием».

IX класс: «Хорошие и дурные стороны удельной системы Древней Руси».

География.

IV класс: «Горный мир Альп», «Народы Южной Африки».

Церковная история.

VII класс: «Отношение иудеев и язычников к апостолу Павлу во время первых трех проповеднических его путешествий».

VIII класс: «Патриарх Фотий».

IX класс: «Перенесение кафедры всероссийских митрополитов в Москву».

Второе полугодие

Церковная история.

VII класс: «Особенности жизни церкви первых трех веков».

VIII класс: «Установление празднования трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста в 30-й день января».

IX класс: «История Казанской иконы Божией Матери».

Русский язык, словесность и история русской литературы.

IV класс: «“Всенощная в деревне” Аксакова», «Полевые работы крестьянина и Вербное воскресенье».

V класс: «Водоосвящение в праздник Богоявления», «Первая недели Великого поста и наступление весны».

VI класс: «Изложение статьи “Обучение царских детей в Древней Руси”», «Жизнь и путешествие».

VII класс: «Характер летописца и поэтическая сторона “Слова о полку Игореве”».

VIII класс: «Знание — лучшее богатство».

IX класс: «Песня о купце Калашникове» Лермонтова».

Гражданская история:

VI класс: «Греческие колонии на берегу Черного моря», «Почему Марк Аврелий преследовал христиан?»

VII класс: «Как отозвалось падение Константинополя в России?»

VIII класс: «Почему славное царствование Людовика XIV было так гибельно для Франции?»

IX класс: «Личность Суворова и его заслуги перед отечеством».

География.

IV класс: «Особенности быта китайцев».

V класс: «Каналы России и их значение».

Темы 1901/02 учебного года Первое полугодие

Русский язык.

IV класс: «Изложение содержания басни “Квартет” и стихотворения “Школьник” по данному плану», «Изложение содержания рассказа (без плана) «Светлый праздник» Даля», «Описать свой класс по данному плану».

V класс: «Изложение содержания рассказа “Мальчик у Христа на елке”», «Изложить содержание стихотворения “Бородино” в монологической форме», «Описание грозы по статье Гончарова», «Описание Московского Кремля».

Словесность и история русской литературы.

VI класс: «Александровский сад», «Церковь Малого Вознесения», «Московский Кремль».

VII класс: «Киевская Русь с ее бытом, верованиями и нравами по “Песне о вещем Олеге”», «Поэтические достоинства русских народных сказок», «Особенности гомеровского эпоса по первой песне “Илиады”».

VIII класс: «Монгольское иго и его влияние на русскую литературу», «Южнорусские ученые в Москве».

IX класс: «Женские типы в романе “Евгений Онегин”», «Характер Бориса Годунова по драме Пушкина».

Церковная история.

VII класс: «Апостольский собор в Иерусалиме».

VIII класс: «Что благоприятствовало возвышению пап до разделения церквей», «Реформаторские попытки в Западной церкви до реформации».

IX класс: «Значение монастырей в монгольский период русской церковной истории», «Борьба преподобного Иосифа Волоколамского с ересью живодствующих».

География.

IV класс: «Священный огонь в Иерусалиме», «Сельвасы и льяносы», «Сен-бернарский монастырь».

V класс: «Описание Новой земли», «Нижегородская ярмарка», «Святыни Киева».

Гражданская история.

VI класс: «Религиозные представления древних египтян», «Характер и значение реформ Солона».

VII класс: «Устройство средневекового замка», «Причины борьбы гвельфов с гибеллинами и ее значение».

VIII класс: «Значение итальянских войн».

IX класс: «Что способствовало успехам христианства на Руси при святом Владимире».

Второе полугодие

Церковная история.

VII класс: «Падение Иерусалима и значение этого события в истории христианской церкви».

Русский язык.

IV класс: «Описание Успенского собора по данному плану», «Описание крестного хода, в котором приходилось участвовать тому или другому ученику».

V класс: «Наше училище и наша приходская церковь (по заданному плану)».

История русской литературы.

VII класс: «Какие стороны русской жизни изображаются в былине о Волхе Всеславиче».

VIII класс: «Моя жизнь до поступления в Синодальное училище», «Не так живи, как хочется, а так живи, как Бог дает (хрия)».

IX класс: «Общественное значение “Ревизора”».

География.

IV класс: «Константинополь».

V класс: «Природные невзгоды степного края».

Гражданская история.

VI класс: «Реформы Сервия Туллия».

VII класс: «Сношения России с Западной Европой в Средние века».

VIII класс: «Чем объясняется неуспех реформы императора австрийского Иосифа?».

IX класс: «Подготовлено ли было русское общество к реформе Петра Великого».

Темы 1903/04 учебного года

Серия 1-я.

Словесность, история русской литературы.

VI класс: «Важнейшие минуты моей жизни».

VII класс: «Образовательное и воспитательное значение русских народных сказок».

VIII класс: «Как отразилось татарское нашествие на древнерусской письменности и народной поэзии?»

IX класс: «В чем заключается противоречие воззрений Чацкого и окружающего его общества?».

Русский язык.

IV класс: «Как я обыкновенно проводил день прошлым летом».

V класс: «Изложить содержание стихотворения “Утопленник” по данному плану».

Серия 2-я.

История церковного пения.

VII класс: «О различии между собой роспевов знаменного, греческого, киевского, болгарского и обычного».

VIII класс: «О характере исполнения церковных песнопений в христианском богослужении».

IX класс: «Влияние иноземной музыки на русское церковное пение в XVII—XVIII веках».

Богослужение.

VI класс: «Изъяснение вечерни».

География.

IV класс: «Шанхай и китайцы по описанию Гончарова (“Фрегат «Паллада”, т. VI, стр. 125—160)».

V класс: «Жизнь и занятия русских насельников северного края в зависимости от исторических и физических особенностей края».

Русский язык, словесность и история русской литературы.

IV класс: «“Бородино” (описание Бородинского сражения по данному стихотворению)».

V класс: «Явления природы, делающие осень неприятным временем года».

VI класс: «Наступление зимы».

VII класс: «Эпос Гомера».

VIII класс: «“Домострой” и “Поучение” Владимира Мономаха как руководители жизни».

IX класс: «Пушкин на юге (очерк жизни и литературной деятельности поэта)».

Серия 3-я.

Церковная история.

VII класс: «Святой Игнатий Богоносец».

VIII класс: «Ян Гус, его жизнь и деятельность».

IX класс: «Епископы и епархиальное управление в домонгольский период русской церковной истории».

История русской литературы.

VI класс: «Басня и ее развитие».

В то время, когда проходила ревизия Синодального училища по всем частям, регент Синодального хора и преподаватель по музыкально-теоретическим предметам В. С. Орлов 1 декабря 1900 года вошел с докладом к прокурору Синодальной конторы относительно общего состояния научно-музыкального образования в училище и желательных изменений в его объеме, характере и направлении нижеследующего содержания:

«При настоящих условиях Синодального училища довольно трудно предположить возможность выпуска совершенно хороших регентов. Для устранения этого печального недоразумения я полагаю необходимым внести следующие поправки в ведение дела училища и хора. Прежде всего участие учеников Синодального училища в спевках и службах Синодального хора должно быть непрекращающимся за весь курс. Этого времени будет для них достаточно, чтобы усвоить себе приемы и способы опытного регента в достижении тех или других его намерений. Этого же времени достаточно будет, чтобы изучить церковную службу практически и особенно архиерейскую с ее мельчайшими подробностями. Таковы, например: в какой момент начать входную «Достойно», каким размером петь, чтобы ее хватило на все время молитвы и поклонения мощам и т. д. Таких, по-видимому, мелочей, но необходимых для гармонического течения службы, множество. Наши ученики ничего этого не знают и поэтому будут поставлены в весьма затруднительное и обидное положение. Теперь несколько замечаний по поводу программ училища: церковное пение первых трех классов проходится на ученических спевках и должно проходиться на спевках Синодального хора; к этому есть полнейшая возможность. В интересах Синодального хора: знать отлично церковное пение не только в хоровом изложении, но и мелодически; при двухчасовой спевке совершенно легко посвящать на это дело полчаса. В интересах же Синодального хора читать отлично ноты: пускай же сольфеджио проходится также на спевке, на что опять-таки при двухчасовой спевке совершенно возможно уделять полчаса. И тот и другой предмет будут усвоены несравненно основательнее и ровнее, как маленькими, так и большими, ибо один и тот же курс придется на каждого ученика по крайней мере девять раз. Объем же этого курса легко себе представить, если принять во внимание количество спевков (их около 183-х только в учебном году). Собственно для спевки останется один час — этого совершенно достаточно, так как мы теперь уделяем иногда очень много времени на посторонние занятия, как, например, изучение мессы Баха. Для сольфеджио в училище следует оставить в каждом классе по два получаса в неделю исключительно на диктанты. Продолжать занятия по скрипке и фортепиано с 6-го класса решительно нет надобности. Регенту достаточно будет за глаза того, что он приобретет за 4—5 лет (а у нас в училище ведь это еще не все). Мастерство у скрипачей будет прибавляться в совместной игре, которую между прочим нет надобности вести отдельно с каждым классом, а непременно нужно све-

сти все 4 класса вместе. Дело в том, что вследствие неравных способностей может случиться, что старший ученик будет играть хуже ученика младшего класса. Опыт показал, что для чтения партитуры двух занятий в неделю много, а потому обычное хоровое пение в установленной гармонии за фортепиано в трех классах (III, IV, V) следует связать с программой чтения хоровой партитуры. Занятия по постановке голоса с маленькими, по моим наблюдениям, совершенно не достигают цели, а между прочим в IX классе у мальчика уже успел окрепнуть голос и ему как будущему регенту было бы весьма полезно последний год поучиться сольному пению. Кроме целесообразности предложенного, по поверхностному счету, получается экономия в деньгах (свыше 2-х тысяч) и во времени (часов 50 в неделю).

1-е примечание. Твердое знание клироса, привычка к нему и любовь — одно только это может дать хорошего регента, без этого Синодальное училище беспомощно и по-прежнему будет выпускать незаконченных молодых людей к прямым своим обязанностям, вызывая только сомнения в законности своего существования.

2-е примечание. Расчет по минутам в занятиях музыкальными предметами на практике неосуществим. Во всяком случае расписание уроков составляется без внимания к минутам, с большим трудом и тем не менее вполне педагогично. В один и тот же час одни и те же ученики имеют не одно занятие»*.

Такое мнение шло совершенно навстречу заключениям ревизии и, может быть, было не без влияния же на их направление и характер. По крайней мере, как В. С. Орлов, так и П. И. Нечаев сходились во мнениях в двух отношениях: 1) оба находили необходимым участие всех учеников как на спевках, так и на пении Синодального хора, 2) тот и другой находили избыток музыкального элемента в Синодальном училище и указывали на необходимость его сокращения для регентского дела. Без сомнения, Св. Синод и раньше был озабочен тем, чтобы чисто регентское и церковно-певческое дело не потерпело в училище ущерба от наплыва и преобладания музыкально-технических и теоретических знаний и предметов, почему вскоре же после введения устава и штата 31 октября 1892 года нашел, что постановка дела в училище приближается к специальным музыкальным учреждениям более, чем следует, идет вразрез с назначением училища готовить регентов и учителей церковного пения в духе православной церкви. Та же мысль особенно настойчиво проводилась и в комиссии 1896 года, где в защиту ее энергично выступил также В. С. Орлов в противовес создавшемуся под влиянием С. В. Смоленского направлению и характеру Синодального училища с широкой постановкой музыкального образования. Таким образом, доклад В. С. Орлова вполне совпадал с мнением, создавшимся в

* ГЦММК, ф. 35, № 97, л. 8—9.

Св. Синоде и Учебном комитете о задачах Синодального училища и его желательном направлении сообразно с потребностями духовной школы и церкви.

Тем самым создавалась уже сама собой благоприятная почва для того, чтобы во главе училища стало лицо, способное быть выразителем мнения и пожеланий высшей духовной власти. Так С. В. Смоленский уступил директорский пост в Синодальном училище В. С. Орлову.

24 февраля 1901 года С. В. Смоленский сдал библиотеку рукописей А. В. Преображенскому и отчислился от должности директора, получив 5—11 мая назначение на должность управляющего Придворной певческой капеллой, а 15 марта того же года В. С. Орлов был назначен прокурором конторы князем А. А. Ширинским-Шихматовым исправлять обязанности директора, а в помощь ему по инспекторской части — А. В. Преображенский.

Прокурор конторы 24 апреля 1901 года писал в Св. Синод, что ввиду крайней трудности найти кандидата на должность директора, который бы вполне удовлетворял § 26-му устава, находит, что регент Орлов удовлетворяет двум требованиям § 26-го как окончивший консерваторию, и труды его в области искусства церковного пения признаются всеми специалистами, следящими за выдающимися успехами Синодального хора, обязанного всей своей славой исключительно и единственно редким способностям и трудолюбию своего регента. Синодальное училище как учебное заведение если и получило некоторую известность, то только благодаря широкой славе, которой пользуется Синодальный хор, «который поставлен на такую высоту, дальше которой идти некуда». В помощь ему по учебной части (как не получившему высшего научного образования) требуется другое лицо с высшим образованием и особой инструкцией для него, по примеру Филармонического училища.

Инструкцией ему поручалось: 1) содействовать директору в деле постановки общенаучного образования и надзора, 2) следить за выполнением программ, посещать уроки, совещаться с преподавателями о лучших методах и приемах преподавания, принимать их заявления, 3) наблюдать за своевременным и исправным посещением уроков, о нарушениях докладывать директору и принимать меры к устранению их, 4) начальствовать над младшими, 5) заботиться о книгах, пособиях и библиотеках, 6) по постановлению правления устанавливать внеклассные чтения, следить за подачей письменных работ, малоуспешным делать замечания, 7) следить за исправным посещением учениками классов, за чистотой, опрятностью, здоровьем, опущенными уроками, 8) сообщать правлению годовичные и четвертные ведомости об успехах и поведении, месячные, годовые и экзаменационные баллы, 9) выставять поведение ученикам совместно с другими воспитателями, 10) вести сношения с родителями учеников, 11) с директором состав-

лять расписание уроков и экзаменов и сведения по годовичному отчету, 12) заведовать библиотекой и выдачей книг.

Так Синодальное училище вступило в иную несколько колею своей жизни.

За это время должно быть отмечено успешное исполнение Синодальным хором служб в присутствии их императорских величеств в 1903 году 30 марта, 5 и 13 апреля, за что воспоследовали участникам высочайшие подарки.

По мысли В. С. Орлова, правление Синодального училища 1 сентября 1904 года постановило «начать преподавание в училище некоторых музыкальных предметов не с каждым учеником порознь, как это предусмотрено уставом и существовало раньше, а с целым классом зараз, как ведется преподавание всех вообще предметов в духовных училищах, семинариях и других учебных заведениях». В оправдание этой меры правление указывало на то, что Синодальное училище по своему уставу не призвано вырабатывать знаменитостей скрипичной и фортепианной игры или специалистов по другим музыкальным предметам, а должно готовить опытных учителей в пределах, требуемых правильной постановкой церковного хора, что большинство из оканчивающих курс в училище приглашаются преподавателями в заведения, где мыслимы занятия скрипкой, фортепиано и другими музыкальными предметами только с целыми классами зараз и что в этих видах уже на школьной скамье желательно приучать воспитанников к соответственным занятиям и знакомить их со способами и приемами правильной постановки преподавания целому классу, почему и ходатайствовало о разрешении совместного обучения на скрипке и фортепиано и о дополнительной ассигновке на уроки по постановке голоса учеников церковно-приходской школы и первого класса, не предусмотренные уставом в числе 12-ти на сумму 503 рубля 34 копейки, а преподавание скрипки и фортепиано во 2-м классе предоставить старшим ученикам.

Разрешение Св. Синода на это последовало 8—19 декабря 1904 года с тем, чтобы о всяких изменениях в занятиях и уроках преподавателей каждый раз было доведено до сведения Синода в начале каждого года.

В том же 1904 году 25 сентября правление училища просило содержания на 20 учеников церковно-приходской школы, выходящих обычно из бедноты, по 135 рублей на человека = 2400 рублей и 700 рублей на поездки регента по набору певчих в хор, что 15 октября того же года было также удовлетворено.

В 1906 году 11 сентября был составлен доклад (В. Н. Якимовым) «Преимущества коллективных уроков по фортепиано и скрипке в Синодальном училище», где говорилось, что система эта существует уже два года и что эти уроки «заменили собой одиночную систему обучения, крупные недостатки которой уже давно замечались. <...> Главный недостаток одиночной системы тот, что при ней ученик пользуется руководством учителя 2 раза в неде-

лю по 20 минут, итого 40 минут в неделю, а остальное время, приготавливая урок, предоставлен себе самому». Но при девятилетнем возрасте успехов от самостоятельных занятий не может быть, особенно вначале, когда перебирание клавишами скучно ребенку, он впадает в ошибки и не замечает их. Для избежания сего «должны быть отменены пагубные для ученика самостоятельные занятия», но чтобы он ежедневно «занимался не иначе, как под руководством опытного учителя». Так могут заниматься не 40 минут, а 3 часа в неделю. При совместном обучении «каждая ошибка, во-первых, заметна самому ученику, во-вторых, тотчас же исправляется учителем». В музыкальном смысле коллективная игра исправляет неровную игру в темпе и развивает работу слуха, ибо ученики прислушиваются друг к другу, вырабатываются нюансировка, бодрость в занятиях. Не может быть тормоза в развитии индивидуальности, но, кроме того, по прошествии 3—4 лет еще есть время для развития индивидуальности, выдающиеся же ученики обучаются, в силу своей индивидуальности, параллельно с этим. Коллективные занятия, как и хоровые, развивают и слух и вкус. «Цель нашего училища подготовить не виртуозов-пианистов и скрипачей, а регентов, почему и должна быть осмысленность игры и ансамбля, общность работы, — сказано в докладе. — Кроме того, и материальная выгода: при 40-рублевых уроках тратится в год при одиночной системе 500 рублей, при коллективной же при 50-рублевых уроках только 150 рублей в год»*.

Вследствие изменения программ духовных училищ в целях приспособления к ним переходящих в семинарию учеников Синодального училища потребовались изменения в 1906/07 учебном году: в III классе прибавлено было по 1 уроку русского языка и арифметики, во II — 1 урок природоведения, к рисованию прибавлено 6 уроков черчения, сокращены с 12-ти до 4-х уроки по древним языкам соединением II класса с III и IV с V, введена краткая русская гражданская история по 3 урока в IV и V классах с отнесением расходов по сему на остатки от певческих сумм.

Таким образом, намеченный еще в 1896 году наклон к сокращению музыкального образования в Синодальном училище, проведенный затем уставом 1897 года, еще более поддержанный докладом В. С. Орлова в 1900 году и отмеченный ревизией 1900/01 года, наконец, выразился в 1904 году введением коллективной системы обучения игре на скрипке и фортепиано с попыткой оправдать ее в докладной записке Якимова 1906 года как с педагогической, так и с финансовой стороны.

IX выпуск 1901 года был в количестве 4-х человек: Клипин Сергей, Матисон Михаил, Пузенин Сергей и Тихомиров Дмитрий. Из певческого отделения с правом поступления в семинарию были выпущены: Каширенинов Владимир, Надеждин Василий и Хапилин Иван.

* См.: РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 16.

X выпуск 1902 года составил из 5-ти человек: Касарин Николай, Кусков Иван, Потоцкий Сергей, Теремецкий Петр, Яковлев Александр. Об окончании певческого отделения с правом поступления в семинарию получили свидетельства: Дмитриевский Петр, Минеев Владимир и Соколов Сергей.

XI выпуск 1903 года составили 4 человека: Кузьмин Дмитрий, Кучин Сергей, Минеев Анатолий и Толстяков Николай, из коих последний занесен на Золотую доску. Окончили певческое отделение с правом обучения в семинарии: Кильпио Сергей, Морозов Осип и Слюсарь Петр.

XII выпуск 1904 года был в количестве 7-ми человек: Бодров Василий, Григорьев Александр, Зайцев Филарет, Калмыков Борис, Пузырев Александр, Цымбал Иван, Шведов Константин, причем двое последних занесены на Золотую доску. Свидетельства из певческого отделения с правом поступления в семинарию получили: Губарев Михаил, Двориков Иван и Заржецкий Василий.

XIII выпуск 1905 года составили 4 человека: Воронцов Александр, Марков Семен, Печкин Александр, Чумаков Иван. Свидетельства об окончании певческого отделения с правом поступления в семинарию получили: Бачманов Василий и Кондратьев Николай.

XIV выпуск 1906 года был из 3-х человек: Гребнев Александр, Коротков Иван и Царев Василий. Свидетельство певческого отделения с правом поступления в семинарию получил Городецкий Николай.

Некоторые из окончивших Синодальное училище до введения устава 1897 года, как, например, Виктор Шевелев, выпуска 1896 года, пожелали воспользоваться новыми правами этого устава для оканчивающих, почему и возбуждено было соответствующее ходатайство пред Св. Синодом. Определение по этому делу состоялось 13—24 марта 1903 года в том смысле, что такие права могут быть получены лишь в том случае, если ищущий их сдаст экзамен за восемь классов училища и будет принят в IX класс, откуда на общих основаниях по окончании курса училища выпускается с соответствующими присвоенными оканчивающим училище правами.

В 1902 году по поводу ходатайства управляющего Придворной капеллой Смоленского об освобождении от обязательной службы по духовному ведомству кончивших Синодальное училище П. Толстякова, А. Чеснокова и М. Климова, по случаю поступления их на службу в Капеллу, выяснилось, что до 1900 года § 115 Устава 1897 года Синодального училища не выполнялся в точности, почему и оказалось, что с 1893 по 1899 год из 40 окончивших училище только 24 человека состоят на духовно-учебной службе, а 16 — на светской, ввиду чего в 1900 году постановлено не делать никаких отступлений от § 115 устава. В силу этого постановления кончивший училище в 1902 году Сергей Потоцкий при поступлении своем на светскую службу должен был внести 600 рублей за содержание, которым пользовался, обучаясь в регентском отделении 4 года.

В 1902 году поступило в училище несколько новых преподавателей. С 1 сентября старшим воспитателем вместо А. Преображенского был назначен Иван Николаевич Строганов, кандидат Московской духовной академии, имевший в училище уроки истории русской литературы, и пробыл до 7 февраля 1908 года, когда по увольнении из училища назначен был помощником смотрителя Каргопольского духовного училища но, отказавшись от назначения, поступил 25 августа 1908 года в Московское Коммерческое имени цесаревича Алексея училище, а на его место в Синодальное училище с 1 марта назначен кандидат Московской духовной академии 1903 года Константин Павлович Успенский, пребывающий доселе.

По физике и математике поступил преподавателем окончивший Московский университет Николай Адольфович Видман, пробывший в училище до 22 августа 1907 года, когда на его место поступил преподаватель Медведниковской гимназии Владимир Ильич Котович, занимавшийся до сентября 1908 года и смененный по физике окончившим Петербургский университет Иваном Порфирьевичем Рождественским, преподающим и доселе, а по алгебре и геометрии окончившим Учительский институт Александром Ивановичем Цвирко, с 1903 года преподававшим также до последнего времени арифметику и по смерти И. Серебrenицкого 1 января 1910 года состоявшим младшим воспитателем училища и 14 августа сего 1911 года скончавшимся.

По истории литературы 18 сентября 1902 года вместо выбывшего А. Преображенского назначен был кандидат Московской духовной академии, учитель Набилковского училища Аполлинарий Николаевич Савицкий, пробывший в училище до 22 августа 1904 года, когда его предмет занял старший воспитатель училища И. Н. Строганов. С сентября 1902 года преподавателем немецкого языка доселе состоит в училище Густав Яковлевич Томсон. Тогда же назначен и доселе состоит воспитателем и преподавателем совместной игры с 1905 года свободный художник Василий Никанорович Якимов.

С сентября 1904 года по коллективным занятиям на скрипке и фортепиано был назначен кончивший Синодальное училище в 1904 году Константин Николаевич Шведов, с 1909 года свободный художник, доселе преподающий в училище вместо В. Орлова контрапункт строгого стиля с 1907 года, когда преподавание коллективное им было оставлено. По чистописанию с сентября 1904 года поступил и преподает доселе Лев Юльевич Осберг, окончивший Строгановское училище в Москве, заменив Дмитрия Ивановича Кокорина, преподававшего до того времени и преподающего доселе одно черчение.

По введенному вновь в программы Синодального училища предмету психология с 5 декабря 1906 года приглашен был преподаватель Заиконоспасского духовного училища Сергей Дмитриевич Левитский, остававшийся в училище до сентября 1908 года, когда этот предмет был упразднен и пе-

редан, как музыкальная эстетика, преподавателю истории музыки и изящных искусств, каковым на этот вновь открывшийся предмет приглашен был также 5 декабря 1906 года Николай Разумникович Кочетов, сверхштатный преподаватель истории музыки в Филармоническом училище, преподающий в Синодальном училище и доселе. С 14 декабря 1906 года преподавателем церковно-приходской школы был назначен капитан в отставке Андрей Андреевич Петров, который состоит и воспитателем училища доселе.

В 1903 году 12 декабря управляющий Синодальным хором и училищем действительный статский советник, гофмейстер двора его величества, князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов после десятилетнего многоплодного управления оставил свою должность по случаю назначения тверским губернатором, а на его место был назначен 24 декабря 1903 года из Св. Синода коллежский советник, магистр богословия Алексей Александрович Завьялов, пробывший в этой должности до 27 марта 1906 года, когда был перемещен в Санкт-Петербург наблюдателем церковноприходских школ. На место его 17 июня 1906 года назначен статский советник Филипп Петрович Степанов, с 1907 года камергер двора его величества и с 1909 года действительный статский советник, пребывающий на этой должности и доселе.

В 1904 году 2 января Наблюдательный совет совместно с училищем решил ознаменовать десятилетие управления Синодальным училищем и хором бывшего прокурора Синодальной конторы, назначенного тверским губернатором, князя А. А. Ширинского-Шихматова и единогласно было постановлено: 1) поднести адрес, 2) поставить его портреты в двух комнатах и 3) учредить благотворительный фонд его имени.

Прокурор А. А. Завьялов 4 февраля 1904 года рапортовал об этом оберпрокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву, который 5 февраля наложил такую резолюцию: «Зная близко, с какой любовью и знанием князь А. А. Ширинский поставил и вел дело училища и хора, сокрушаюсь вместе со всеми об уходе его от дела, которому он посвящал свои силы, но и радуюсь, что память его деятельности окружена таким горячим сочувствием. Дай Бог, чтобы ею всегда оживлялось и несомненное желание всех деятелей и сотрудников учреждения держать его на той высоте, на которую было оно поставлено». Оставляя службу в Москве, князь А. А. Ширинский-Шихматов 27 декабря 1903 года писал на имя училищной корпорации: «Державною волею его императорского величества призываемый на новое поприще служения, я с глубокой грустью оставляю Синодальное училище, ваши заботы о благе училища, труды по образованию регентов, сердечное отношение к товарищам-сослуживцам и блистательные успехи в создании достойной славы Синодального хора дали мне столько отрадных и живительных впечатлений, что служба моя училищу и хору навсегда останется светлой страницей в воспоминаниях о моем прошлом. Теперь, расставаясь с близкими моему сердцу училищем и хором, я испытываю душевную по-

требность просить вас быть выразителем моих чувств глубокой благодарности пред всеми моими сослуживцами по училищу и хору: их заботами, горячим усердием, постоянной любовью к делу, отсутствием в их работе всякого формализма создается Синодальное училище, имеющее залог блестящего будущего в своем постоянном стремлении к усовершенствованию. Взрослым певчим хора прошу передать мою сердечную благодарность за их примерную службу. Я крепко верю, что, сознавая высокую честь быть участниками Синодального хора, они под вашим руководством преимущественно будут воспитывать своих новых сослуживцев постоянным усердием к делу и безупречной службой и тем навсегда укрепят за Синодальным хором его достойную славу*.

Тогда же князь Ширинский-Шихматов писал Наблюдательному совету: «Отрадные и светлые впечатления уношу я из Москвы, вспоминая деятельность Наблюдательного совета, в составе которого мне выпала высокая честь быть председателем. Как естественно было мне, неподготовленному в специальных вопросах музыки, страшиться этой работы, как понятно было мое опасение стать столь близко к этому делу и не быть помехой в работе истинных знатоков церковной музыки. Между тем, с первого же заседания совета я не мог не заметить, что чутким ухом истинных музыкантов вы все, господа члены совета, уловили всю трудность моего положения и, признав меня своим председателем, сами охраняли мое старшинство, не присвоенное, но по долгу мною принятое. При таких условиях и единодушной одушевленной работе всего состава совета я вправе был гордиться моей прикосновенностью к вашим трудам. Теперь, вспоминая эти труды совета, я не могу забыть громадную, сложную и ответственную работу делопроизводителя совета Николая Петровича Попова, в лице которого я имел истинного сотрудника, а Наблюдательный совет верного товарища общей работы. В своей деятельности Наблюдательный совет не раз встречал, встречает и ныне различного рода затруднения в осуществлении намеченных задач и целей. Твердо верю, что бывшие и могущие последовать препятствия не помешают дальнейшей столь же усердной и плодотворной работе совета. Прошу вас, многоуважаемый Василий Сергеевич, господ членов и делопроизводителя Наблюдательного совета принять мою глубокую и сердечную благодарность за ваше лестное, навсегда памятное и дорогое для меня сотрудничество**».

После поднесения адреса портреты своевременно были поставлены один в малом зале училища, другой — в помещении библиотеки рукописей, которая пользовалась особым вниманием и заботами князя в отношении благоустройства и пополнения ее рукописными приобретениями, а также и соб-

* Источник не обнаружен.

** Источник не обнаружен.

ран был фонд, который в размере ренты в 1000 рублей и 60 рублей 73 копеек наличными был передан 10 марта 1908 года прокурору конторы.

XV выпуск Синодального училища в количестве 8-ми человек был сделан в 1907 году: Грузинский Петр, Демьянов Николай, Рылеев Виктор, Солоков Иван, Соловьев Александр, Татевский Петр, Чесноков Лев, Чумаков Николай. Кончили певческое отделение с правом поступления в семинарию: Бынин Георгий, Вознесенский Николай и Павлов Николай.

XVI выпуск 1908 года составили 5 человек: Кондратьев Сергей, Мальцев Николай, Нагаев Михаил, Парфенов Тихон, Степанов Владимир. Певческое отделение с правом поступления в семинарию окончили: Дмитриевский Алексей и Лизгачев Валентин. Всех учеников в училище было 129 человек.

XVII выпуск 1909 года был из 8-ми человек: Баулин Иван, Голованов Николай, Гребенщиков Семен, Дельфонцев Александр, Емельянов Евгений, Ипполитов Павел, О कोरोков Григорий, Орлов Василий. Окончили певческое отделение с правом поступления в семинарию: Кондратьев Иван, Лыткин Владимир и Тепляков Владимир. Всех учеников в училище было 126 человек.

XVIII выпуск 1910 года состоял из 6-ти человек: Белкин Николай, Гребнев Василий, Сергеев Алексей, Федоров Сергей, Чугунов Александр, Чумаков Николай, из коих Гребнев Василий занесен на Золотую доску. Из посторонних слушателей получил свидетельство об окончании Синодального училища Преображенский Александр⁴⁴. Всех учеников в училище было 123 человека.

XIX выпуск 1911 года составили 3 человека: Вьюгин Николай, Орлов Дмитрий и Шумский Сергей.

С 1 июля 1910 года помощником регента Синодального хора был назначен Иван Семенович Чумаков, окончивший Синодальное училище в 1905 году, и преподавателем французского языка с 1 октября 1910 года назначен Алексей Федорович Холмский.

С 1910 года, как видим, совершенно прекратился выпуск учеников по окончании пяти классов певческого отделения в духовную семинарию на том основании, что в это время назрела надобность переработать устав и программы Синодального училища в более широком объеме и в специально-музыкальном направлении и таким образом придать ему независимое от семинарии положение и более широкую самостоятельность как специального церковно-музыкального певческого учреждения своеобразного типа, в музыкальном образовании приближающегося к высшему учебному заведению — консерватории, в общенаучном — к духовному средне-учебному заведению, семинарии и отчасти консерватории, в церковно-певческом — типа выработанного самостоятельным путем вследствие продолжительного и разнообразного опыта и истории. По существу же своему это было возвращение к тому несколько расширенному и улучшенному типу училища, кото-

рый был выработан практически еще ранее в период времени с 1886 года до введения устава 1897 года, который чувствительно сократил размер учебно-музыкальных планов училища, а ревизия 1900/01 года еще более их укоротила, почему и промежуток времени с 1901 по 1906 год был периодом затишья в развитии Синодального училища, когда оно не смело выходить из поставленных ему тесных рамок.

Но жизнь шла своим чередом, потребности назрели сами собой, нужды указывались самим временем. Кончавшие Синодальное училище чувствовали себя неудовлетворенными теми познаниями и умениями, какие они приобретали здесь, и их невольно тянуло в высшие музыкальные учреждения, в консерватории, им хотелось выработать настоящую композиторскую технику и расширить свой музыкальный кругозор; уже более десятка бывших учеников Синодального училища частью прошли, частью проходят ныне курсы композиции, одни в Петербургской, другие, большая часть, в Московской консерватории⁴⁵. Так под давлением условий жизни с 1906 года невольно снова закипела преобразовательная работа в Синодальном училище.

По поводу определения Св. Синода от 30 сентября и 14—28 октября 1906 года в отношении распределения уроков в духовных семинариях и училищах по новому учебному плану правлением были составлены комиссии из преподавателей музыкальных и научных предметов для обсуждения желательных и необходимых изменений в научных и музыкальных предметах училища. Нашли нужным:

1. По Закону Божию: церковный устав из III класса перенести в V, а катехизис в III и IV, богослужение в VI классе отменить ввиду ознакомления с ним при изучении церковного устава, церковную историю переместить на класс ниже, с VI по VIII, и в IX ввести богословие с целью углубления в понимании истин христианства.

2. По русскому языку: в III классе сверх трех уроков сделать четвертый дополнительный ввиду необходимости выработать лучшее правописание, в регентском отделении сократить курс словесности в пользу истории новой литературы.

3. По гражданской истории: ввести по 3 урока в IV и V классах.

4. По арифметике: прибавить один урок в III классе.

5. По географии: прибавить один урок по природоведению во II классе.

6. По логике и психологии: ввести часовые уроки в VII и VIII классах для лучшей подготовки к изучению и пониманию богословия и явлений музыкального порядка, а также и литературных произведений, равно и педагогических и дидактических основ.

7. По классическим языкам: сократить с 12-ти на 9 уроков в IV и V классах.

8. По новым языкам: ввести немецкий язык в IV и V классах по 3 урока и 1 урок — в регентском отделении.

9. Преподавание общей дидактики в VIII классе с одним уроком отме-

нить ввиду того, что ученикам не приходится преподавать других предметов школы, кроме церковного пения, и оставить поэтому лишь методику церковного пения (частную дидактику) в IX классе с одним уроком.

По музыкальным предметам:

1. По постановке голоса: ввести в количестве 6 уроков совместное обучение в I классе вместо одиночного и в IX классе вновь ввести одиночную постановку голоса в количестве трех часов.

2. Обучение на фортепиано вести коллективно с I по V класс при трех часах в каждом, по скрипке по $3\frac{3}{4}$ часа, в регентском отделении с каждым порознь по $4\frac{1}{6}$ часа на каждый класс с VI по IX.

3. Совместную игру вести по 2 урока во всех регентских классах.

4. По чтению хоровой партитуры: ввести по 2 урока во всех регентских классах совместно по классам, а не одиночно.

5. По церковному пению: сократить на 2 урока, по одному в I и II классах в пользу сольфеджио.

6. Сольфеджио в регентских классах в количестве одного урока в каждом с VI по IX отменить, в певческом отделении прибавить 3 урока и из V класса один перенести в I класс, следовательно, в I классе — 4 урока, II — 3, III — 2, IV — 2, V — 1.

7. По музыкально-теоретическим предметам: исходя из убеждения, что Синодальное училище должно выпускать регентов с хорошей теоретической подготовкой, без которой они могут выходить из других училищ и певческих хоров как практики, опытных гармонизаторов и способных композиторов духовной музыки, которой светские композиторы занимаются вообще мало, решено шире поставить музыкально-теоретическое обучение «с целью округлить познания учеников Синодального училища и способствовать тому, чтобы они не искали расширения и углубления теоретических сведений по музыке в консерваториях, а по возможности довольствовались курсом училища и всецело прилагали свои дарования к обработке существующих храмовых мелодий или к свободным сочинениям в духе церкви, не увлекаясь перспективами успехов светской музыки». Поэтому признано нужным установить элементарной теории в I классе 2 урока, II — 3, гармонии в III — 3, IV — 3, V — 3, по контрапункту строгого стиля в VI — 3, по контрапункту свободного стиля в VII — 3, по изучению фуги в VIII — 3, по изучению форм в IX — 3.

8. «В целях завершения музыкального развития учеников и сообщения сведений, где они могут искать идей и образов для обогащения творческой фантазии и очищения вкуса, признано желательным прохождение истории музыки общей и в частности народной» в IX классе при двух уроках.

9. Игра на виолончели при одном уроке по $1\frac{1}{2}$ часа в каждом из регентских классов.

10. Обычное пение в установленной гармонии, как входящее в уроки церковного пения в III, IV и V классах, отменить.

11. Плата за уроки: по 40 рублей годовой час в певческом отделении и по 50 рублей в регентском, постановка голоса по 60 рублей и музыкальная теория в регентских классах также.

Постановление это г-ном прокурором 29 ноября 1906 года было послано на рассмотрение в Св. Синод, канцелярия коего 6 февраля 1907 года уведомляла, что Синод находит в этом постановлении отступление от указанной в уставе главной задачи училища, цель которого «образование опытных учителей церковного пения и руководителей церковно-певческими хорами, а равно постоянное усовершенствование хора синодальных певчих», что, стремясь сблизиться с семинарией и вводя такие науки, как богословие, логика и психология, правление отводит очень малое количество учебных часов для должного прохождения этих предметов, а отменой дидактики стало в противоречие с главной задачей — «образовать опытных учителей церковного пения». Изменение же программ музыкальных предметов Св. Синод находил вполне допустимым.

После этого директор В. С. Орлов 7 февраля 1907 года представил пространный доклад в оправдание предполагаемых изменений г-ну прокурору конторы такого содержания: «Много скорбных речей сказано было в разное время по поводу уклонения от истинного пути церковного пения в православной церкви. Медленно от речей переходили к делу. Наконец, в 1886 году было преобразовано Синодальное училище в том смысле, чтобы отсюда давать православному клиросу просвещенных руководителей. К тому же времени дело церковного пения обстояло уже таким образом, что от регентов многое спрашивалось. Вот что пишет П. И. Чайковский прокурору А. Н. Шишкову по поводу назначения регента для Синодального хора в том же 1886 году: “Значение, которое вы придаете моему отзыву в таком важном вопросе, радует меня в высшей степени, так как я живейшим образом сочувствую процветанию нашей церковной музыки. <...> Мы переживаем чрезвычайно важную эпоху в деле русской церковной музыки. Начиная с конца прошлого века, вследствие неблагоприятных исторических условий, она постепенно уклонялась от своего настоящего пути в сторону итальянско-католического стиля и, несмотря на то, что у нас, благодаря нотным книгам, издаваемым Св. Синодом, сохраняются во всей их подлинности древние оригинальные напевы, утратила свой первоначальный характер и органическую связь со всей обстановкой и общим строем православного богослужения. Навязанный русской церкви чуждый ей стиль до такой степени прочно, однако, водворился в ней, что ежедневно мы можем быть свидетелями того странного факта, что лица, интересующиеся этим делом, восстают против даже самых скромных попыток возратить нашей церкви тот строй богослужебного пения, который искони составлял драгоценнейшее достояние ее

<...> Но обстоятельства изменились. В настоящее время, когда, как мне хорошо известно, сам Государь Император горячо сочувствует делу возрождения, когда русским композиторам уже не возбраняется посвящать свои способности и усердие родной церкви, когда, напротив, они к тому поощряются и когда число людей, понимающих истинные потребности православного богослужебного пения, с каждым днем увеличивается, — в такое время чрезвычайно важно, чтобы во главе первенствующего столичного певческого хора стояло лицо, относящееся к делу не рутинно-ремесленно, а авторитетно, с сознанием святости возложенной на него миссии. Такое лицо прежде всего должно обладать солидным музыкальным образованием; затем ему нужна опытность в технике своего дела и, наконец, оно должно быть на высоте современных требований в области церковного пения, не будучи, однако ж, настолько фанатически предано идее реформы, чтобы, получивши власть, действовать круто, односторонне, без должной осмотрительности и серьезности”⁴⁶.

Через настоящее письмо мы знакомимся со взглядом на церковную музыку одного из величайших сынов нашего отечества, взглядом в высокой степени симпатичным и правдивым. Едва ли необходимо что-либо прибавлять к этой характеристике регента, которая дана в этом замечательном письме. Все сказанное здесь о регенте — заповедь для него, от которой зависит успех его дела. Для Синодального училища это целая программа, действуя сообразно которой оно могло бы с уверенностью выполнить свою задачу. Синодальному училищу необходимо, следовательно, помнить, что оно обязано снабдить такими сведениями своего питомца, с которыми бы он мог оказывать услугу делу, которому был предан всей душой Петр Ильич, музыке как искусству. У него должны быть все данные, чтобы создать себе репутацию превосходного музыканта в музыкальном мире и специалиста по церковному пению в особенности. Ему вменяется в непременную обязанность отнестись к делу не рутинно-ремесленно, а авторитетно, с сознанием святости возложенной на него миссии. Такое лицо прежде всего должно обладать солидным музыкальным образованием; затем ему нужна опытность в технике своего дела; оно должно быть на высоте современных требований в области церковного пения, не будучи, однако же, фанатически предано идее реформы, чтобы не действовать круто, односторонне, без должной осмотрительности. Не говоря о природных способностях, наличие которых безусловно необходима для учащегося в Синодальном училище, ему необходимо быть в курсе музыкальной литературы, ему должна быть даваема начитанность — возможность слушать чаще серьезную музыку. Посещение квартетных собраний и других в таком роде — его обязанность первой необходимости. Не менее, если еще не более серьезную необходимостью для него является изучение теории музыки. Этот предмет должен быть поставлен в Синодальном училище во главу строя его. Питомец Синодального училища обязан быть

сознательным толкователем музыки вообще и церковной в частности как исполнитель-регент, как учитель и композитор. В случае особенных дарований, чтобы он во всеоружии композиторской техники мог без затруднения посвящать свои силы разработке церковных мелодий, композиторствовать в их духе. Исключительно питомцу Синодального училища, по моему глубокому убеждению, представляется возможность работать на поприще творчества церковной музыки именно так, как требует того дело. Сродниться с церковными мелодиями в такой мере, чтобы мыслить ими, изучить существующие гармонизации и сочинения в совершенстве, знать хоровой звук, любить его и жить им, впитать в себя с раннего детства все специфические особенности клироса может только он. Конечно, следует трудиться и без этих данных, раз не было в свое время возможности приобрести их, но, к сожалению, плоды таких трудов едва ли когда могут увенчаться успехом желанным. Без них не может быть найден истинный путь, по которому надлежит идти церковной музыке. Это сознавали такие большие люди, как Глинка, Чайковский; едва ли не сознавали того же самого и другие музыканты с крупными именами, производившие опыты с сочинениями для православного храма. Никто не станет отрицать того, что есть действительно что-то неуловимое в чисто специфических оттенках церковного клироса, не поддающееся объяснению в речи. Чтобы понять их, нужно сжиться с ними, а сжившись, их нельзя не полюбить. Отсутствие их не заменят талант, знание, образование. Поэтому в Синодальном училище родится гений и осуществит необходимые реформы в церковной музыке. В этом непоколебимая моя вера. Но необходимо много желать, думать и работать. Все программы Синодального училища и прежде всего программы музыкального специального отдела необходимо переустроить таким образом, чтобы все в них до малейшей детали служило к уяснению главного смысла училища, специальной его задаче: практическое и теоретическое изучение церковных мелодий; гамма, ритм, гармония, форма их; наиболее частое пользование ими в классах сольфеджио. Изучение напевов следует перевести в этот курс, дабы воспитанники как можно раньше привыкли бы узнавать их при исполнении знаменного роспева. Преподаватели теории музыки от элементарной до высших форм не должны пропускать случаев давать упражнения на мелодии разных роспевов. В преподавании скрипки, виолончели, фортепиано можно и должно дать материал, сродный главному предмету. Для скрипки и виолончели очень годятся мелодии большого знаменного роспева: стихир, догматиков и проч.; для фортепиано — простейшие гармонизации мелодий на уроках церковного пения. Для уроков же специального фортепиано не трудно найти подходящий материал из образцов западной церковной музыки, столь богатой произведениями глубокого вдохновения. При этом необходимо пожелать, чтобы искони установившийся способ преподавания музыки в Синодальном училище был отменен. С первых же уроков ребенок

должен привыкать к сознательному пониманию звуковых сочетаний со стороны их ритма. Элементы музыкальной формы: мотив, фраза, предложение, период, двух-, трехколенный склад вполне возможно разъяснить ему, ибо чутьем он их улавливает и немногого ему недостает, чтобы совершенно их понять. Пора забыть тот чрезвычайно вредный взгляд на музыку, по которому значится, что понимание ее доступно лишь избранным. Следует помочь ученику проще глядеть на вещи, не запугивать его, тогда он скорее полюбит дело. Надобно также помнить всегда, что Синодальное училище не готовит скрипачей, виолончелистов, пианистов, а потому на технической стороне предмета следует насколько возможно менее останавливаться, тем более, что это часть техническая и для специалистов страдает большою условностью. Ничто так не тупит врожденных музыкальных дарований, как поднятие и опускание пальцев, кисти, преподанные в большом количестве. Мертвит ребенка занятие, приличествующее манекенам. Организм ребенка слишком подвижен, он требует жизни. Никто никогда не видел большой беды в том, что у одного пианиста руки держатся плохо, а у другого еще хуже. Всегда музыкант оценивался постольку, поскольку он вкладывал смысл в исполняемые произведения. Чем раньше у нашего мальчика пробудится сознание к музыке, тем больше будет он музыкантом. В Синодальном же училище музыкант прежде всего и нужен. Что касается программы по общеобразовательному отделу, то здесь, само собой разумеется, выскажутся специалисты. Однако, я полагаю, и нам надлежит сказать несколько слов. Музыкантам чувствительнее и понятливее в этой половине человеческих знаний, где они чувствуют лишения и где их не чувствуют, когда им бывает больно от незнания и когда не бывает больно. Следовательно, если в преподавании общеобразовательных предметов, особливо же в преподавании русского языка, ведется дружная работа по искоренению этого недостатка в учениках Синодального училища, если наши ученики выучатся свободно говорить и писать, то будет от этого великая польза и великое утешение. Как поступить в данном случае, господам преподавателям лучше знать. Но не перестану говорить того, что если в нашем училище не будет развито здоровое чтение книг, то от всей учебы нашей, от всего нашего многознания останется один пустяк. Разумное чтение — вот школа. Усердное чтение художественных образцов необходимо, ибо по своему складу и выражению настроений они имеют весьма много общего со специальностью училища, музыкой и, следовательно, ближайшим образом помогают главной задаче училища — воспитанию художников в истинном смысле этого слова. Между знаниями, предлагаемыми нашим воспитанникам, есть такие, которые ближе им по роду их специальности. Сами преподаватели указывают на знания такого рода: история богослужения, народное песнотворчество, бытовая сторона русской жизни и другие. Найдутся сейчас, несомненно, знания и такого рода, которые надобны в семинариях, духовных училищах и далеко

не необходимы в нашем училище: пасторские поучения, латинский и греческий языки, изучение писателей, интересных для специалиста, но мало полезных для образования мировоззрения художника-музыканта. Вообще же следует сказать, что в настоящую минуту Синодальное училище представляется несколько скомканным, сшитым белыми нитками на скорую руку. Может быть, так нужно было сделать в свое время для получения прав, только в таком Синодальном училище нет всей полноты смысла, и оно далее в таком виде существовать не должно. Зачем в Синодальном училище церковно-приходская школа, духовное училище, немножко семинария, немножко консерватория? Почему Синодальное училище не самодовлеющая величина? Было бы несравненно полезнее и приличнее быть ему самим собой. Недостаточная обстоятельность в устройстве училища чувствуется и самими воспитанниками. Переход из нашего училища в консерваторию сделан в последнее время обычным явлением. Есть признаки того, что переходы в другие учебные заведения, ничего, казалось бы, общего по направлению своему не имеющие с Синодальным училищем, сделаются также обыкновенным явлением. Бегут от нас за знанием, бегут и за званием. Прекратить эти явления насильственным путем невозможно, да от этого и дело наше не будет лучше. Остается, следовательно, переустроить наши программы так, чтобы возможно было давать полностью знания по специальности училища, — это наиглавнейшее. Со знанием же необходимо давать и звание, хотя бы того же свободного художника. Общеобразовательный отдел училища должен быть поставлен широко, но отнюдь не держаться конкурирующего положения соперника с отделом специальным. Почетно будет для общеобразовательного отдела занять положение помощника, без мощного содействия которого не может быть исполнена главная задача училища: дать православной церкви и России регента — свободного художника. Нельзя обойти молчанием и того, что в Синодальном училище оплачиваются уроки скудно, как нигде. В этом отношении училище — отверженный нелюбимый пасынок Св. Синода. Обстоятельство это в высшей степени важно, так как не дает преподавателям возможности сосредоточить свои силы и внимание на Синодальном училище. Преподавателю приходится работать в других учебных заведениях, где он за свой труд получает больше. Поэтому часто, а, пожалуй, в большинстве преподаватели несут крохи от своих трудов в Синодальное училище, по необходимости. Это такое условие, при котором правильной работы в Синодальном училище быть не может и всякие благие намерения неосуществимы.

Редко дорожат у нас своими занятиями настолько, чтобы не потерять их во всякое время по малейшему поводу. Нужно увеличение средств во что бы то ни стало. Буде же средства не найдутся, придется законным порядком вернуть хор к заработку и положить тогда начало, чрез вычет определенного процента особому училищному капиталу. Но чрезвычайно будет странно, если действительно средства не найдутся. Сейчас говорят, что училище

слишком дорого стоит и что жалко тратить так много денег, когда Синодальное училище выпускает ежегодно 3—4 регента. Нужно понять, что значение Синодального училища никогда нельзя будет оценивать или ставить в зависимость от количества выпускаемых регентов. Заметный подъем в области церковной музыки в России в последние 20 лет — вот заслуга училища и ответ на расходы по его содержанию. На концертах Синодального училища, в Успенском соборе учится и облагораживает свой исковерканный веками вкус в церковной музыке вся Россия. Во сколько оцените вы тот факт, что уже почти не поются в православных храмах российских разные “лодочки” Херувимские и “Милость мира” “с чердака”. Это сделала Москва со своим Синодальным хором. Да разве есть такие деньги, которыми можно было бы заплатить Синодальному училищу за эту великую услугу православной церкви. Не мешает думать всем тем, которые скорбят о больших тратах на Синодальное училище, и знать, что не все в жизни отпускается по фунтам и аршинам. Сверх этого нужно знать, что Синодальный хор работает безвозмездно около 400 церковных служб»*.

Как ввиду суждения Св. Синода, так и ввиду доклада директора Орлова 20 марта 1907 года было созвано собрание из членов Наблюдательного совета и преподавателей Синодального училища под председательством г-на прокурора Синодальной конторы, которое пересмотрело программы музыкальных предметов и объяснительные к ним записки. В собрании было решено по элементарной теории в I классе прибавить еще урок к двум наличным; по контрапункту в VII классе сделать 2 урока вместо 3-х, а в VIII — 4 вместо 3-х; по церковному пению в I классе вместе с приготовительным (предположенным вместо церковно-приходской школы) 3 урока вместо 2-х, в IV классе 1 вместо 2-х, в V классе также 1 вместо 2-х, в остальных по-прежнему по 2; по истории музыки — вместо 1-го в IX классе 2 урока распределить в VIII и IX по одному; по хоровой партитуре прибавить в IV и V классах по 3 урока; ввести изучение народной музыки — 1 урок в VIII классе; по совместной игре прибавить 2 урока в V классе; по постановке голоса прибавить 2 урока в IX классе; оставить 1 урок на частную дидактику, отменив 1 урок общей дидактики; по сольфеджио в приготовительном и I классах вместо 4-х 3 урока, во II вместо 3-х 2 урока, в III по-прежнему 2, в IV вместо 2-х 1 урок, в V по-прежнему 1, в VI, VII, VIII и IX классах ввести по одному уроку; по фортепиано вместо первых пяти классов ввести коллективное обучение только в приготовительном, I и II, а с III по IX одиночные по 2 занятия в $\frac{1}{4}$ часа каждое на ученика, с обязательным присутствием четырех учеников зараз; по скрипке — коллективные вместо первых пяти с I по III включительно, а с IV по IX так же, как по фортепиано; по виолончели с IV по IX класс два занятия по $\frac{1}{4}$ часа на каждого.

* Источник не обнаружен.

Таким образом, в этом учебном плане в музыкальных предметах произошли сокращения в уроках на один в церковном пении, на один в дидактике, почти вдвое сокращены коллективные занятия по скрипке и фортепиано в пользу одиночных занятий; прибавка произошла в элементарной теории 1 урок, по хоровой партитуре 6 уроков, по совместной игре 2; введена народная музыка 1 урок, увеличены одиночные занятия по скрипке и фортепиано.

В этом направлении к 24 мая 1907 года были выработаны устав Синодального училища и штат и объяснительная к ним записка, которые были тогда же препровождены в Св. Синод на обсуждение с предложением в случае надобности пригласить двух представителей училища по музыкальной и научной части для дополнительных словесных объяснений. К предполагаемому заседанию Учебного комитета по делу Синодального училища были посланы представители В. Н. Якимов и И. Н. Строганов.

В объяснительной записке к уставу и штату, между прочим, говорилось, что Синодальное училище есть единственное училище по приготовлению регентов и учителей церковного пения, вполне образованных и воспитанных и обученных на традициях строго православного церковного пения, и что переход в семинарию учеников и связанное с этим изучение древних языков — греческого и латинского и добавочного курса истории нарушает цельность учебного строя и плана училища, равно как и наличность церковно-приходской школы, которая часто не дает голосового материала, а отнимает учебные часы и труд учащихся, что Синодальное училище, контингент воспитанников которого состоит исключительно из элементов музыкальных, должно быть высшим музыкальным учебным заведением по специальностям церковного пения, композиторства и дирижерства. Посему необходимо развить программу музыкального преподавания в училище до той степени, чтобы кончившие училище уже не имели необходимости заканчивать свое музыкальное образование в консерватории для получения диплома свободного художника, а получали бы таковой от училища, тем более, что ни в консерватории, ни в Филармоническом училище не существует специальности по церковному пению и церковной композиции. В зависимости от сего разрешается вопрос и о преподавании научных предметов: они должны идти в подспорье к главной специальности — музыкальной, и преимущественно церковно-музыкальной, и вместе с тем дать общее образование среднего учебного заведения для приобретения вместе с достаточным умственным и нравственным развитием и ценза служебного и по воинской повинности. При этом курс научных предметов первых пяти классов (певческого отделения) должен быть приноровлен к курсам первых четырех классов духовных училищ, реальных училищ, консерватории или Филармонического училища для получения окончившим его прав 2-го разряда по воинской повинности с особыми для этой степени правами для поступающих в помощники реген-

тов, к чему они при своем знании церковного пения подготовлены больше учеников других церковных школ; тогда отпадет необходимость в специальной подготовке по классическим языкам для перехода в семинарию менее музыкальных учеников. Надобность же в существовании церковно-приходской школы пропадает сама собой тем, что в школу за ограниченностью вакансий не могут быть принимаемы все желающие, а лишь по строгой сортировке после испытания на голос и на слух (из 120—150-ти желающих принимаются 15—20), так что дальнейшей сортировки при переходе из школы в 1 класс уже не требуется, права же 3-го разряда по воинской повинности приобретают все, не окончившие первых пяти классов училища. В частностях своих проект устава опирается, в сущности, на те видоизменения и передвижения, которые удостоились утверждения Св. Синода. Так, признано полезным ввести преподавание народной музыки при одном уроке в последнем классе в соображении, что знание мотивов родной музыки поможет будущим композиторам вернее схватывать основные черты строго народного звука и руководиться ими в самостоятельных композициях. В преподавании дидактики сочтено возможным остаться при одной методике церковного пения, ибо основные вопросы общей дидактики могут быть освещены частью на предварительных уроках методики церковного пения, частью в классах психологии; более подробного изучения дидактики для питомцев Синодального училища не требуется, так как до сих пор не было примера, когда бы им вверялось преподавание предметов не их специальности.

В проектируемом уставе обращено большое внимание на формы музыкальных сочинений, которые по ныне действующему уставу 1897 года проходились слишком кратко. Это нововведение подсказывается целью и задачами Синодального училища, так как без широкого изучения музыкальных форм совершенно немислим образованный музыкант, который в каждом отдельном случае должен умело разбираться в деталях музыкальных творений, оценивать их по достоинству и быть в состоянии показать, как лучше всего истолковать и обработать ту или другую мысль.

Что касается предметов общего образования, проектируемый устав, сохраняя программы предметов обычные для средних учебных заведений, устанавливает некоторые новые предметы, необходимые для воспитанников Синодального училища как будущих деятелей в областях церковно-художественной и педагогической. В этих видах признано надобным ввести преподавание в старших классах общих сведений по богословию, в каковой предмет могут войти в сжатой форме главнейшие положения из истории религий и защиты христианской веры от нападок ее противников (апологетика), а также изложение основных начал нравственности. Важность этих знаний для цельности и полноты религиозного образования в духе христианства не может подлежать сомнению. Для сообщения необходимых сведе-

ний, которые открывали бы питомцам училища возможность разобраться в богатом материале, содержащемся в замечательном собрании нотнопевческих и крюковых рукописей при Синодальном училище, сочтено полезным преподавание славяно-русской палеографии. Знакомство с этим предметом поможет будущим деятелям в области церковного пения устанавливать особенности в тексте и напевах старинных рукописей и проводить их, по возможности, в практику церкви. На уроках гражданской истории в выпускном классе признано полезным восполнить и обобщить исторические сведения прохождением истории культуры по той причине, что такая дисциплина имеется в курсе наук консерватории, так и потому, что к ней примыкает многими сторонами история искусств, отдельные отрасли которой составляют предмет специальных занятий Синодального училища. При этом преподавание должно направляться больше всего к выяснению условий и явлений духовной культуры на Руси, как, например, постройка храмов, иконописание и прочее. Психология введена в круг общеобразовательных предметов Синодального училища и по своему огромному значению для духовного развития, и в качестве подспорья для педагогики. Отдел этой науки, посвященный эстетическим чувствам, признано полезным особенно развить, так как будущим регентам, учителям церковного пения и композиторам в высокой степени важно знать природу эстетических впечатлений, дабы уметь их вызывать в других своими сочинениями, исполнением чужих творений и разбором образцов музыкальной литературы в классе. С немецким и французским языками признано необходимым знакомить учеников Синодального училища в той степени, чтобы им был не совсем чужд текст в произведениях иностранных композиторов, представлялись более понятными музыкальная терминология и номенклатура и открывалась возможность путем дальнейшего самостоятельного изучения новых языков знакомиться с классическими сочинениями по древнехристианской музыке, которыми так богата Западная Европа.

На некоторые из означенных предметов пришлось сравнительно мало уроков, так как исключительная по своей многосложности жизнь Синодального училища с постоянными спевками, хоровыми и ученическими, частыми службами в Успенском соборе и другими явлениями, чуждыми школам обычного типа, не оставляет возможности отвести больше времени на занятия предметами вроде общих сведений по богословию, при всей их важности для завершения образования. Но комиссии, работавшие над составлением устава, надеются, что и неширокие сведения, если они будут глубоки, могут оказать в жизни огромную пользу и послужить фундаментом для дальнейшего развития питомцев, особенно склонных к самостоятельности. Та же сложность училищной жизни заставила увеличить число уроков по русскому языку с литературой, ибо ученики Синодального училища силою вещей вынуждены больше всего работать в классе и не полагаться на внеклассную

подготовку, для которой у них остается времени много меньше, чем у воспитанников других училищ. К числу недостатков устава 1897 года надо отнести и то, что по нему преподаватели Синодального училища рассматриваются как чиновники, не имеют права на получение третнего не в зачет жалованья при первоначальном поступлении на службу и могут получать пенсию лишь в порядке 50-й статьи Устава о службе по определению от правительства по приложенной к ней таблице. Последнее обстоятельство вызывает то прискорбное явление, что в Синодальное училище поступают обычно люди лишь до приискания духовно-учебной службы и оставляют его при первой возможности. По новому уставу преподаватели Синодального училища приблизительно уравниваются с преподавателями других духовных школ, средних и низших, и подобно им пользуются правами на пенсию через 25 лет и на единовременные пособия. Такое уравнивание, представляя собой акт элементарной справедливости, вместе с тем осуществляет определение Св. Синода от 14—28 октября 1906 года № 5813, которым правлению училища вменено в обязанность озаботиться «лучшим обеспечением педагогического персонала училища». Директоры, профессеры, преподаватели, инспекторы и их помощники в русских консерваториях и музыкальных училищах Императорского Русского музыкального общества уже не первый год пользуются правами на пенсию по учебной службе Министерства народного просвещения (Устав о пенсиях и единовременных пособиях, ст. 320—349), и подобному им по устройству Синодальному училищу должны быть предоставлены такие же права. В области служебных прав и преимуществ представляемый проект устава отличается от устава 1897 года тем, что дает успешно окончившим курс Синодального училища диплом 1-й степени на звание свободного художника, предоставляемый также окончившим с успехом курс в консерваториях и музыкальных училищах. До сих пор Синодальное училище занимало в этом отношении какое-то неопределенное положение, теперь же оно окончательно входит в разряд музыкальных школ России и по своему устройству, и по правам его питомцев. Не подлежит сомнению, что в предмете своей специальности окончившие курс Синодального училища могут быть столь же сведущи, как и прошедшие консерваторию, и присвоение им наравне с последними звания свободного художника должно быть делом простой справедливости. Вместе с этим званием естественно должны перейти на питомцев училища и остальные права оканчивающих консерваторию — по государственной службе и по отбыванию воинской повинности. Окончившие певческое отделение приравниваются в этом отношении к окончившим духовные училища (Устав о воинской повинности, ст. 79, п. 2). Остальные права, внесенные в проект, предоставлены уже уставом и положением 1897—1898 годов.

В. С. Орлову не суждено было дожить до осуществления нового проекта. 1907 года 10 ноября он скончался, а 22 ноября был назначен на его место

директором Семен Николаевич Кругликов, который, со своей стороны, также не дождался до полного его осуществления. Завершение проекта удалось увидеть только его преемнику, Александру Дмитриевичу Кастальскому, ставшему директором после смерти Кругликова 9 февраля 1910 года и утвержденному в должности 9 марта.

Учебный комитет, ознакомившись с уставом и объяснительной запиской, 31 марта 1908 года предложил сделать в тексте устава некоторые редакционные поправки, в программах же предметов, сделав соответствующие изменения, прислал их для переработки с уведомлением, что 31 октября 1908 года последовало высочайшее соизволение на предоставление Св. Синоду делать в существующих учебных программах Синодального училища те изменения, которые требуются предположенным преобразованием⁴⁷. На этом основании Св. Синод 9—11 декабря 1908 года № 8875 постановил направить на предварительное утверждение в законодательном порядке проект нового устава и штата Синодального училища церковного пения и хора, а также проект положения о правах и преимуществах служащих и учащихся в нем, ныне же ввести в училище новый учебный план согласно проекту нового устава училища.

Программы были исправлены Правлением училища и Наблюдательным советом и препровождены 20 мая 1909 года в Синод, который определением от 23—30 января 1910 года постановил программы одобрить, кроме программ по Закону Божию, истории культуры и музыкальным предметам, в которых предложил сделать исправления в первых двух по указанию Учебного комитета, а в музыкальных — по указанию С. В. Смоленского.

Того же года 31 мая г-н прокурор Синодальной канцелярии представил программы в окончательном виде на утверждение Св. Синода. Изменения внесены такие: в программу церковного пения в III и IV классах внесено распевное чтение и в IX классе также, многоголосные диктанты в VII и VIII классах отменены, так как достаточно проходятся в предыдущих классах, программа уставного пения дополнена, программы по скрипке и фортепиано приведены в большую систему с совершенной отменой коллективных занятий и в параллель с теорией и уроками совместной игры, программа по истории музыки переработана вновь и ей отведено 3 урока вместо 2-х. В VIII и IX классах программа по народной музыке переработана в смысле сближения народной музыки с церковной и исключен отдел о музыке других племен и народов и о собирании народных песен, программа по истории культуры приняла вид программы по истории искусств.

Наконец, по распоряжению г-на обер-прокурора канцелярия Св. Синода 28 октября 1910 года уведомила, что по заключении Учебного комитета Св. Синод определением от 6—8 октября 1910 года № 8197 программы одобрил для употребления в Синодальном училище церковного пения⁴⁸.

Октября 13 дня 1910 года г-н прокурор Синодальной конторы и управляющий Синодальным хором и училищем Филипп Петрович Степанов уведомлял г-на обер-прокурора Св. Синода Сергея Михайловича Лукьянова, что «фактически осуществлена вся программа преподавания предметов в училище как научных, так и музыкальных».

План музыкальных и научных предметов

Музыкальные предметы (в объеме курса высшего музыкального учебного заведения) распределены так:

Теория музыки: в подготовительном и I классах на сольфеджио и фортепиано, в остальных 3, 3, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0 урока в неделю.

Гармония: в подготовительном 0, в остальных 0, 0, 0, 3, 3, 3, 0, 0, 0.

Контрапункт строгого стиля: в подготовительном 0, в остальных 0, 0, 0, 0, 0, 0, 3, 0, 0.

Контрапункт и fuga в свободном стиле: в подготовительном 0, в остальных 0, 0, 0, 0, 0, 0, 2, 0.

Музыкальные формы: в подготовительном 0, в остальных 0, 0, 0, 0, 0, 0, 2, 2, 2.

Церковное пение: в подготовительном 3, в остальных 3, 2, 2, 1, 1, 2, 2, 0, 0.

История церковного пения с чтением древних памятников: в подготовительном 0, в остальных 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 2, 2.

Методика церковного пения: в подготовительном 0, в остальных 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 2.

Сольфеджио: в подготовительном 3, в остальных 6, 4, 2, 1, 1, 1, 0, 0, 0.

История музыки: в подготовительном 0, в остальных 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 2, 1.

Народная музыка: в подготовительном 0, в остальных 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 1.

Хоровая партитура: в подготовительном 0, в остальных 0, 0, 0, 3, 3, 2, 2, 2, 2.

Дирижирование и совместная игра: в подготовительном 0, в остальных 0, 0, 0, 0, 2, 2, 2, 2, 2.

Постановка голоса: в подготовительном и I классах — 1 час ежедневно, в остальных 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 7.

Теория постановки голоса: в подготовительном 0, в остальных 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 1.

Уставное пение: в подготовительном 0, в остальных 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 1.

Фортепиано: в подготовительном 1, в остальных 1, 1, 5, 5, 5, $3\frac{1}{3}$, $3\frac{1}{3}$, $3\frac{1}{3}$, $3\frac{1}{3}$ (среднее число уроков).

Скрипка: в подготовительном 0, в остальных 0, 10, 5, 5, 5, $3\frac{1}{3}$, $3\frac{1}{3}$, $3\frac{1}{3}$, $3\frac{1}{3}$ (среднее число уроков).

Виолончель: в подготовительном 0, в остальных 0, 0, 0, 1, 1, 1, 1, 1, 1.

История искусств: в подготовительном 0, в остальных 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 2.

Общеобразовательные предметы (в объеме среднего учебного заведения):

Закон Божий: в подготовительном 2, затем 2 (Ветхий Завет), 2 (Новый Завет), 2, 2 (катехизис), 3 (устав), 2 (общая церковная история), 2 (русская церковная история), 2, 2 (богословие).

Русский язык: в подготовительном 6, затем 5, 4, 4, 4, 2; 3 (теория словесности), 3, 2, 3 (история русской литературы).

Гражданская история: в подготовительном 0, затем 0, 0, 0, 0, 2 (русская история), 2 (древняя история), 2 (средневековая история), 3 (новая история), 0.

География: в подготовительном 0, затем 0, 0, 3, 3, 2, 0, 0, 0, 0.

Психология: в подготовительном 0, затем 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 2.

Математика: в подготовительном 3, затем 3, 3, 3, 1 (с алгеброй), 2 (алгебра), 2, 3 (геометрия), 0, 0.

Физика: в подготовительном 0, затем 0, 0, 0, 0, 0, 0, 2, 2, 0.

Природоведение: в подготовительном 0, затем 0, 0, 1, 1, 0, 0, 0, 0, 0.

Палеография: в подготовительном 0, затем 0, 0, 0, 0, 0, 1, 0, 0, 0.

Новые языки: в подготовительном 0, затем 0, 0, 0, 0, 2, 3 (французский язык), 2, 3 (немецкий язык), 0.

Чистописание: в подготовительном 2, затем 2, 2; 1 (черчение), 0, 0, 0, 0, 0, 0.

Фундаментальная музыкальная библиотека: хоровая певческая — 943 названия, 4043 тома, 20315 партитур; фортепианная — 685 названий, 1858 томов; скрипичная — 620 названий, 1021 экземпляр; виолончельная — 100 названий, 102 экземпляра.

В библиотеке рукописей 1381 номер, в общеобразовательной фундаментальной — 120 названий, в ученической — 1901 название.

Музыкальных инструментов: роялей 23, пианино 1, фисгармоний 2, скрипок 108, виолончелей 17, контрабасов 4.

В физическом кабинете 195 приборов.

Количество учеников в 1909/10 учебном году: в подготовительном классе — 28, в I — 25, во II — 12, в III — 15, в IV — 11, в V — 8, в VI — 8, в VII — 5, в VIII — 5, в IX — 7.

Смотрителем за синодальными недвижимыми имуществами с 31 марта 1894 года, а также делопроизводителем правления училища и Наблюдательного совета с октября 1907 года и доселе состоит надворный советник Александр Николаевич Гладкий.

Исполняющим должность почетного блюстителя Синодального училища и хора по хозяйственной части с 8 мая 1909 года назначен потомственный почетный гражданин Андрей Андреевич Субботин, внесший на хозяйственные нужды обоих учреждений до 15 тысяч рублей и заботливо следящий за жизнью их.

Наконец, в жизни Синодального училища и хора должны быть отмечены как из ряда вон выходящие явления — блестящие духовные концерты

хора в Петербурге в марте 1911 года, а затем на Международной выставке в Риме 16, 19 и 21 мая (нового стиля) и мимоходом во Флоренции 22 мая, в Вене 26 мая, в Дрездене 29, 30 и 31 мая и в Варшаве 24 апреля и 20 мая (старого стиля), субсидированные по высочайшему повелению восемью тысячами рублей и, сверх того, от римского выставочного бюро, прошедшие с громадным успехом как великолепные итоги совместной музыкально-педагогической деятельности училища и хора.

В заключение несколько слов о Наблюдательном совете, которому вместе с училищем также исполняются юбилейные XXV лет. Как замечено было раньше, Наблюдательный совет начал свое существование вместе с уставом 1886 года, по которому его составляли директор, регент, помощник регента, инспектор, преподаватели музыкальных предметов и посторонние лица, сведущие в церковно-певческом деле, из коих один был постоянным членом Наблюдательного совета, а другой наблюдающим за музыкальной частью в училище.

1886 года 28 августа был приглашен членом Наблюдательного совета Петр Ильич Чайковский, другим членом был приглашен и состоял до своей смерти 1888 года 26 сентября директор Московской консерватории Николай Альбертович Губерт, постоянным же членом Наблюдательного совета тогда же приглашен был профессор Московской консерватории, настоятель Георгиевской на Всполье церкви протоиерей Димитрий Васильевич Разумовский, бывший в этом звании до своей смерти в 1889 году 2 января, а Чайковский до 1889 года, когда он уже не имел постоянного жительства в Москве.

В 1889 году 28 ноября на место выбывших были приглашены в члены совета директор Московской консерватории Василий Ильич Сафонов, Антон Степанович Аренский и Сергей Иванович Танеев, профессора Московской консерватории.

В 1894 году 29 апреля был приглашен постоянным членом совета Николай Карлович фон Мекк, а 8 декабря того же года неперменным членом — управляющий Синодальной типографией Сергей Дмитриевич Войт, бывшие членами совета до преобразования его в 1898 году по новому уставу и штату училища, когда в состав Наблюдательного совета входили: в качестве председателя прокурор конторы и управляющий Синодальным училищем и хором, как постоянные члены директор и регент хора, неперменный член и член совета, заведующий московскими частными церковно-певческими хорами и затем еще три штатных члена из посторонних лиц, известных своими трудами и опытом в церковно-певческом деле.

В состав преобразованного Наблюдательного совета тогда вошли: директор училища С. В. Смоленский, регент хора В. С. Орлов, затем получили назначение в 1898 году 23 декабря в качестве неперменного члена С. Н. Кругликов, в качестве заведующего частными церковно-певческими хорами Ва-

сий Петрович Войденов, оба профессора Московского Филармонического училища, штатными членами стали — преподаватель Московской духовной семинарии Василий Федорович Комаров, с 4 февраля 1899 года помощник регента А. Д. Кастальский и преподаватель Синодального училища церковного пения, священник церкви Василия Кесарийского Василий Михайлович Металлов.

По смерти В. Ф. Комарова в 1901 году 3 ноября членом Совета был назначен член Общества любителей церковного пения в Москве, получивший образование в Московском университете Петр Дмитриевич Самарин, пробывший до 30 ноября 1904 года, когда вышел по болезни. В 1904 году 15 сентября скончался В. П. Войденов и на его место 12 января 1905 года был назначен преподаватель церковного пения в Московской духовной семинарии священник Димитрий Васильевич Аллеманов. На место выбывшего Самарина в сентябре 1905 года был назначен Виктор Сергеевич Калинин.

На освободившееся место члена совета, вследствие передвижения должностных лиц директора и регента, был назначен 17 мая 1902 года Николай Дмитриевич Кашкин, а с 15 апреля 1910 года по должности регента Синодального хор стал членом совета Н. М. Данилин.

На вакантное место неперменного члена Наблюдательного совета в сентябре 1910 года был назначен профессор Московской консерватории и бывший до того времени преподавателем Синодального училища штатный член совета с 1899 года протоиерей В. М. Металлов, а на освободившееся штатное место члена совета 1 октября 1910 года назначен Сергей Никифорович Василенко, профессор Московской консерватории.

Деятельность Наблюдательного совета за все время его существования, особенно же в преобразованном виде, с 1898 года была весьма разнообразна и многоплодна. Она была направлена, с одной стороны, на рассмотрение присылаемых из Св. Синода духовно-музыкальных произведений, которых перебивало в совете весьма большое число, с другой стороны — на приведение в лучшее состояние церковно-певческого дела в московских церковно-певческих хорах, что отнимало весьма много времени у членов. Затем, в частности, Наблюдательный совет немало прилагал усердия и забот о Синодальном певческом хоре и училище, особенно по выработке программ, преобразований в уставе и в отношении частичных улучшений в жизни хора и училища, как проверка голосов взрослых певчих, изменения и приноровления по прохождению отдельных курсов, как обсуждение вопроса о коллективной игре на фортепиано и скрипке, как, наконец, собрание, приведение в порядок и разработка церковно-певческих рукописных материалов и, в последнее время, как редакция годового круга церковных песнопений в хоровом изложении принятых в Синодальном хоре обычных и древних напевов, который в скором времени ожидается в печати.

Озабочивает Наблюдательный совет и будущее: это настоятельная необходимость иметь издательский капитал для печатания лучших композиторских обработок церковных роспевов и лучших научных работ по уяснению для церковно-певческого дела громадных рукописных материалов библиотеки, а также и некоторых наилучших древних мелодий и напевов, ныне забытых, но по своей неувядающей церковно-музыкальной красоте и достоинствам вполне заслуживающих стать общим достоянием нашего церковного клироса и русских церковных певцов и творцов-художников.

В качестве документов по заботам Наблюдательного совета в отношении собирания, хранения и разработки материалов библиотеки рукописей могут быть отмечены два ходатайства: одно С. В. Смоленского 4 мая 1896 года, другое В. М. Металлова 8 июня 1902 года.

Смоленский писал прокурору Московской Синодальной конторы А. А. Ширинскому-Шихматову:

«Я озаботился составлением библиотеки рукописей еще в 1890 году, когда вскоре по вступлении моем в должность директора стало очевидным, что Синодальное училище было совершенно не подготовлено к изучению своего главнейшего предмета, то есть древнего церковного пения. В нотном шкафу Синодального хора я нашел тогда несколько рукописей, очевидно, случайно приобретенных и не заключающих в себе ничего, что могло бы иметь характер пособия к курсу истории церковного пения в России или к каким-либо научным занятиям в области этой науки. Несколько приобретенных мною рукописей, добытых для училища при посредстве покойного о. Щетнева, дозволили хотя как-нибудь пройти первый курс истории церковного пения с учениками первого выпуска 1893 года. Однако приобретение певческих рукописей за деньги из суммы учебных пособий оказалось непосильным Синодальному училищу, так как памятники старины редки и дороги, лучшие же рукописи, предлагавшиеся антиквариями, были совершенно недоступны по своей высокой цене. Ввиду крайней надобности в рукописях я обратился на свой страх к знакомым мне епархиальным преосвященным, настоятелям монастырей и священникам, ко многим частным лицам и, выяснив им по мере моих сил и понимания задачу Синодального училища, степень надобности для нас иметь возможно большее число рукописей, просил их содействия в задуманном мною начинании.

Владыка Никанор, бывший Архангельский, ныне епископ Смоленский и Дорогобужский, по моему письму сделал распоряжение, напечатанное в «Епархиальных ведомостях», приглашавшее подведомственное ему духовенство к исполнению моей просьбы, то есть к присылке рукописей через канцелярию владыки.

Вслед за сим Синодальное училище получило этот первый и драгоценный дар, утвердивший меня в мысли о возможной успешности на избранном мною пути. Обрадованный приобретением рукописей северного письма,

особенно верных по тщательности сбережения в них текстов и напевов, близко известных мне по моим занятиям в Соловецкой библиотеке Казанской духовной академии, я немедленно обратился к владыкам Олонецкому и Вологодскому с просьбою собрать рукописи для Синодального училища. Их преосвященства изволили сочувственно встретить мои ходатайства, и полученными от них дарами, равно как и дарами высокопреосвященнейших архиепископов Сергия Владимирского и Суздальского, Феоноста Новгородского и Старорусского, библиотека рукописей Синодального училища усталилась сразу и стала по своему содержанию величиною уже весьма значительною.

Я мотивировал мои ходатайства к владыкам следующим образом в отношениях моих от 14 июня 1895 года за № 206, 22 июня за № 222—225 и 9 сентября за № 279—285. Синодальное училище церковного пения — единственное в России, находящееся в таком ее центре, как город Москва, имеет свою специальною целью как всестороннее изучение древнего русского церковного пения, так и приготовление таких регентов и учителей пения в духовно-учебных заведениях, которые, проходя восьмилетний курс училища, участвуя в таком первоклассном хоре, как хор синодальных, бывших патриарших певчих, изучая подробный музыкально-теоретический курс, сделались бы наилучшими в будущем учителями и представителями русского церковно-певческого искусства. Такие работники должны убежденно и авторитетно ввести в богослужебную практику здраво изложенные древнерусские, родные нам напевы вместо чуждых нам, столь господствующих донныне полутальянских композиций, и родной нам гармонический строй вместо господствующего донныне западноевропейского. Эти же работники должны в будущем обогатить нашу певческую науку приготовлением к печати многих первостепенно важных изданий древних напевов, например, всех служб святым и на малые праздники, певчую Минею общую и прочее, все важнейшие крюковые рукописи, партитуры древнего хорового пения и многие другие научные и археологическо-музыкальные издания, в которых мы отстали не только от католиков, но даже от армян, греков, даже сербов и болгар. Надобные материалы как для такого образования юношей, так и для указанных работ, равно как и для освещения научным путем всех моментов истории русского церковного пения от древнейшего его состояния до нынешнего, могут дать только рукописи, во множестве и повсюду имеющиеся, нигде не надобные непосредственно и, к сожалению, иногда безвозвратно уничтожаемые по разным причинам.

Ввиду огромного географического протяжения нашей родины, ввиду разности рукописей по времени их написания, ввиду влияния разных событий политической и церковной истории России русское церковное пение представляется чрезвычайно разнообразным в редакциях своих текстов и напевов. Достаточно упомянуть в сем смысле, например, о разностях киев-

ского, новгородского, московского и соловецкого пения, об исправлениях текстов при патриархах Филарете, Иоасафе и Никоне, об истинноречном древнейшем пении и о постепенном перерождении его в хомовое, о переходе русского пения с крюковой нотации на пятилинейную, с одноголосного исполнения на хоровое, с русской гармонии на иноземную и прочее, чтобы судить, какие сильнейшие шатания мыслей пережило в России церковно-певческое искусство и как много самых разнообразных памятников надобно для освещения всех моментов истории церковного пения в России.

Не менее выразительны в том же отношении два направления, умышленно удалявшиеся друг от друга в конце XVII и во все XVIII, частью даже и в XIX столетие, из коих одно, раскольник, нарочно углублялось во все крайности и ошибки старины, свято блюдя их и страстно полагая обособиться ими и восстановить якобы древнейшее благочестие, и другое — подражательное западноевропейское, нарочно же отрекавшееся во многом от чего бы то ни было русского, развившее у нас, благодаря изумительной музыкальности русских людей, целую литературу в сотнях, в тысячах партесных сочинений всякого стиля, истинно поучительных ныне, хотя бы для определения приемов тогдашнего творчества и границ бывших увлечений. И здесь, как и у раскольников, в соединении текста с напевом, под влиянием разных тенденций и разных взглядов на сущность церковного напева, научная критика встречается с массой совершенно нетронутых и даже совершенно неизвестных еще материалов, заключающих в себе самые драгоценные указания на разные редакции русского клиросного пения между направлениями, по-видимому, не имеющими между собою решительно ничего общего кроме разности во взглядах и в положениях. И здесь очевидна надобность во множестве рукописей, начиная от секвестрованных при бывшем закрытии раскольниковых скитов, рукописей, отличающихся самым изысканным богатством письма, и продолжая рукописями хоровых сочинений, показывающими ныне чрезвычайный подъем духа в деле гармонизации всех роспевов на всякое число голосов, всяких богослужебных книг, исполненных нашими предками в конце XVII и начале XVIII столетий. Имение таких рукописей в возможно полнейшем количестве в Москве, в училище, обладающем всеми средствами к их истолкованию и исследованию, несомненно, было бы весьма крупным вкладом в науку истории церковного пения в России.

Поэтому, внимательно обследовав каждый листок, присланный в дар Синодальному училищу, я полагаю, ввиду крайнего разнообразия материалов, совершенной их свежести, совершенного удобства к исследованию ввиду центрального положения Москвы и особенных удобств к сохранению памятников в Синодальном училище, что было бы чрезвычайною услугою для церковно-певческой науки, если бы явилась возможность собрать возможно наибольшее количество всяких рукописей певческого содержания, если бы

явилась возможность предоставления их в пользование специалистов, число которых увеличивается с каждым годом.

Излишне говорить при этом, как наполнилось бы содержание учебных занятий учеников Синодального училища по предметам истории церковного пения в России и чтения памятников, как облегчилась бы возможность усвоения учениками твердых понятий о красоте забытого, но удивительного певческого русского искусства, как много помогли бы юные силы в множестве надобных приуготовительных работ для исследования совершенно неизвестных еще произведений этого искусства.

Ввиду того, что ныне можно установить без малейшего сомнения факт открытия в библиотеке Синодального училища огромной певческой литературы крюковой и нотной, одноголосной унисонной и многоголосной хоровой, особенно в период XVII и XVIII столетий, мы собираем с одинаковым и величайшим интересом всякие певческие рукописи, где бы то ни было написанные, ибо ныне имеются точные данные того, что, несмотря на многое найденное, остается еще не открытою совершенно неопределенная часть материалов... Собираемые рукописи, имеющиеся в таком повсюду изобилии в архивах консисторий, в библиотеках городских соборов, монастырей, пустынь, городских и сельских церквей, где они никому не нужны, лежат без всякого употребления, иногда совершенно пропадают от небрежного хранения, — заключают в себе иногда совершенно неожиданные ценности. Например, рукописи, полученные из собора заштатного города Верховажска, оказались чрезвычайно драгоценными по своему содержанию; рукописи Новгородского архиерейского дома дали единственные пока экземпляры русских партесных сочинений на 12, 16 и даже 24 голоса; рукописи городов Каргополя и Вытегры дали демественные партитуры XVII века в томах и свитках, также пока единственных и нигде еще не известных.

В настоящее время библиотека рукописей Синодального училища состоит из 436 номеров названий в 739-ти томах. Такая разность в цифрах происходит оттого, что многоголосные и многотомные экземпляры записаны каждый под одним номером названия. Собрание это составилось: 1) из бывшего до меня количества рукописей, найденных мною в шкафах Синодального хора, 2) из рукописей северных, полученных от преосвященнейшего Никанора, ныне епископа Смоленского, 3) из рукописей московского Донского ставропигиального монастыря, переданных в собственность училища по определению московской Святейшего Синода конторы, 4) из рукописей московского Новоспасского монастыря, переданных по определению той же конторы, 5) из рукописей Чудова и Покровского монастырей, переданных с разрешения его высокопреосвященства, высокопреосвященнейшего Сергия, митрополита Московского; из рукописей: 6) Вологодской епархии, 7) Олонецкой, 8) Полтавской, 9) Костромской, 10) Тамбовской и 11) Владимирской, переданных в собственность Синодальному училищу или через канце-

лярии их владык, или через местные консистории, 12) из рукописей, переданных преосвященным Иринеем, епископом Тульским и Белевским, 13) из рукописей, пожертвованных игуменьей Екатериною, настоятельницею Лесненского монастыря Седлецкой губернии, 14) из рукописей Новгородского архиерейского дома, пожертвованных высокопреосвященнейшим Феогностом, архиепископом Новгородским и Старорусским, 15) из рукописей Саровской пустыни, переданных настоятелем ее игуменом Иерофеем через Тамбовскую духовную консисторию и 16) из рукописей, пожертвованных отдельными лицами.

В настоящее время все вышеуказанные рукописи хранятся в отдельной комнате училища, в прочном шкафу и помещены безопасно от огня и сырости в нижнем этаже, выходящем на Никитскую улицу. Все рукописи рассортированы по форматам, записаны в особо заведенный каталог и доступны для занятий по ним. Для определения отдельных хоровых сочинений составлен полный каталог пока только 12-ти, 8-ми и 3-голосных сочинений, а также всех одноголосных песнопений — на свыше трех тысячах отдельных подвижных картах. Дальнейшая каталогическая работа продолжается мною вместе со всеми учениками 7-го и 8-го классов училища, приучаемыми мною к работам по рукописям. В нынешнем году учениками регентского отделения составлено под моим руководством до 25-ти номеров 12-голосных партитур концертов и “служб Божиих”, два номера 8-голосных партитур и до 15-ти номеров трехголосных партитур; определены редакции гармонизаций XVII века и начала XVIII: Праздников на 12, 8, 6 и 5 голосов по одной, на 4 голоса — шесть редакций; Октоиха на 8 и 6 голосов по одной и на 4 голоса — пять редакций; Обихода — две редакции на 4 голоса каждая и Постной триоди — одна редакция на 4 голоса. Составлен список духовных стихов, кантов и псалмов XVII века; определен ряд имен русских духовно-музыкальных сочинителей и их произведений и проч.

Полезьа от имения библиотеки рукописей представляется мне весьма разностороннею. Внутри Синодального училища с помощью такой библиотеки явилась возможность основательно проходить курс древнего церковного пения, его истории и теории, — возможность приучать наших воспитанников к работам по рукописям, возможность сделать в будущем Синодальное училище научным центром, авторитетным в своем деле учреждением; в частности, наша библиотека приобретает совершенно особое значение от совместной жизни Синодального хора и училища, так как Синодальный хор лучше всякого другого в состоянии исполнять духовно-музыкальные сочинения всякого стиля, почему представляется возможность всегда и дома слышать все найденное в рукописях; наконец, училище всегда может доставить и уже доставляет вполне достаточное число музыкальных и ученых сил, способных разобратсьа в каких угодно певческих рукописях.

Вне Синодального училища польза от нахождения такой библиотеки в Москве также несомненна, как ввиду центрального положения Москвы, так и ввиду того, что увеличивающееся из года в год число исследователей древнего русского пения будет объединяемо Синодальным училищем, могущем предложить специалистам надлежаще каталогизированные обследованные научные материалы; в частности, собрание в училище возможно большего и отовсюду числа рукописей, несомненно, только спасет эти документы от забвения и даже от гибели; наконец, я предвижу от имени библиотеки рукописей возможность от училища самых существенных услуг Святейшему Синоду в деле издания им нотных богослужебных книг. Не говоря уже о надобности точно проредактировать почти все его издания, особенно Обиход, выше указано на надобность издать все Трезвоны, то есть службы святым и на малые праздники, Минею общую певчую, еще не изданные до сих пор. Наконец, само Синодальное училище как специальное учреждение может издавать свой научный орган, имеющий объединить всех регентов, учителей пения и исследователей древнерусского церковного пения. Материалов, надобных к изданию, возможности научного исследования силами Синодального училища, конечно, будет вполне достаточно, а самое издание не может не поднять значение этого учреждения и его научной деятельности.

Посему я предполагаю, ввиду несомненно удавшегося начала собирания библиотеки древнепевческих церковных рукописей при Синодальном училище, что следует продолжить собирание тех рукописей, устроить особое для них помещение и предоставить в нем возможность заниматься всем желающим. Мои единоличные усилия для окончания такого предприятия, конечно, недостаточны, и я прошу ваше сиятельство возбудить перед его высокопревосходительством, господином обер-прокурором Святейшего Синода ходатайство о дальнейшем расширении библиотеки рукописей Синодального училища путем собирания их епархиальными преосвященными и передачи их в училище. Уповаю, что в вопросе об отчуждении рукописей не будет сомнения в пользу Синодального училища, ибо предлагаемое мною, как уже показал опыт, служит лишь к лучшему сохранению памятников старины и к отличной пользе для науки. Указанным путем может создаваться превосходный певческий музей, целесообразно уставленный и вполне полезный, имеющий спасти уцелевшее и объединить разрозненное. Высокопреосвященные владыки, внявшие моей просьбе, собрали рукописи своих епархий в назначенные ими сроки и таким энергичным распоряжением упростили дело собирания рукописей. Полагаю, что, подобно бывшим примерам в городах Владимире и Новгороде, поездка лица компетентного в город, где уже собраны рукописи, командирование от Синодального училища такого лица еще более упростило бы составление библиотеки рукописей в Москве. Помещение для библиотеки рукописей, когда она достигнет более

значительных размеров, мне представляется наилучшим в восточном флигеле училища по Никитской улице, так как в нем имеется каменный свод и помещение это легко может быть вполне изолированным от огня»^{*}.

Член Наблюдательного совета священник Металлов в 1902 году 2 июня писал: «Наблюдательный совет есть единственное учреждение в России, уполномоченное Св. Синодом к охранению и преуспеянию русского православного церковного пения. Собрание, сохранение и разработка древних памятников этого пения составляет по высочайше утвержденному уставу одну из главных обязанностей Наблюдательного совета. В настоящее время Наблюдательный совет располагает для этой цели значительным собранием старинных церковно-певческих памятников крюкового и нотного-линейного письма и некоторыми теоретическими музыкально-певческими рукописями, добытыми не без значительных трудов и хлопот. По обозрении этого материала оказывается, что он далеко не охватывает всех существенных сторон церковно-певческого дела, как бы это было желательно ввиду его основательной, полезной для церкви и клироса, многосторонней практической и ученой разработки. Ощущается значительный недостаток в рукописном церковно-певческом материале и настает неотложная нужда в его восполнении особенно потому, что настоящее рукописное собрание несколько однообразно по характеру письма: оно все почти состоит из рукописей великорусского письма. Здесь нет ни рукописей северно-русского, ни рукописей южно-русского письма, а также немного рукописей и северо-западного письма. Между тем наши духовные академии владеют в значительном количестве церковно-певческими рукописями этих именно трех родов: в Казанской академии — обширное собрание северных соловецких рукописей, в Киевской — значительное собрание южных рукописей, большею частью нотного-линейных, в Петербургской академии — значительное собрание новгородских, кирилло-белозерских рукописей. Как известно, ни одна академия не имеет кафедр, несмотря на всю очевидную и неотложную надобность в них, по изучению и разработке этого рода рукописного материала, по неимению в академиях сведущих по этой специальности лиц, не имеет даже более или менее удовлетворительного описания его с музыкально-певческой и историко-археологической стороны. Поэтому серьезно изучающему этот предмет предстоит нелегкий, сопряженный с большими затратами, вытекающими из условий академической жизни, неблагодарный труд обозрения и исследования церковно-певческих рукописей в весьма отдаленных друг от друга пунктах: в Казани, Киеве, Петербурге, в Сергиевом Посаде. Наблюдательный же совет, как учреждение корпоративное, во всем своем составе заинтересованное в обозрении таковых рукописей, при настоящих условиях

^{*} РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 38 за 1896 год. Текст приводится без купюр, сделанных Металловым. — *Сост.*

встречает еще больше затруднений в пользовании академическими рукописями. Поэтому как в целях наибольшей пользы, успеха и основательности разработки церковно-певческих рукописей для нужд и пользы Русской церкви, школы и науки, так и для успеха выполнения обязанностей этого рода, возложенных на Наблюдательный совет, казалась бы очевидно настоятельная надобность перемещения церковно-певческих рукописей духовных наших академий — Казанской, Киевской, Петербургской и Московской, как теоретических, так и крюкового и нотного-линейного письма, в библиотеку рукописей при Наблюдательном совете в Синодальном училище церковного пения. Предлагая изложенное просвещенному вниманию Наблюдательного совета, прошу войти в обсуждение этого предмета и, если окажется надобность, обратиться с соответствующим ходатайством по этому предмету в Святейший Синод»*.

Настоящее предположение не получило осуществления по многим причинам и, между прочим, потому, что стала сознаваться надобность учреждения отдельных кафедр по истории и археологии церковного пения в наших духовных академиях, как это проектировалось в одной из редакций академического устава, или, по крайней мере, введение в академический курс этого научного материала при существующих кафедрах, например, литургики и церковной археологии, как это изложено в новом академическом уставе.

Ввиду особенных и усиленных трудов С. В. Смоленского по собиранию рукописей в библиотеку Синодального училища в 1909 году 19 сентября было постановлено Наблюдательным советом присвоить библиотеке наименование «имени Смоленского».

Комментарии

Текст публикуется по изданию: *Металлов В. М.* Синодальное училище церковного пения в его прошлом и настоящем. М., 1911. Опущен заключительный раздел книги (С. 138—149), представляющий собой краткий пересказ изложенного автором выше. Этот заключительный раздел читался Металловым 5 ноября 1911 года на юбилейных торжествах по случаю 25-летия Синодального училища в училищном зале и тогда же был опубликован в журнале «Хоровое и регентское дело», 1911, № 12. Выход книги Металлова был приурочен именно к этому событию.

При подготовке текста составителями были выправлены многочисленные неточности и ошибки, допущенные автором при цитировании документов, в датах и цифрах, в написании инициалов, имен, отчеств и фамилий. Объясняется это, по-видимому, поспешностью работы, что также помешало автору внести в текст необходимые стилистические и редакторские поправки.

* Источник не обнаружен.

1. Никакого частного училища при хоре не существовало. Планомерное обучение малолетних синодальных певчих началось с 1830 года, когда в штате Синодального хора появилась должность инспектора-учителя. В первые пять лет преподавание велось без деления учеников на классы, но в сентябре 1835 года по указу Св. Синода и с разрешения митрополита Филарета малолетние штатные и сверхштатные певчие были приписаны и определены в то или другое отделение (класс) Высокопетровского духовного училища, с тем, однако, чтобы в период пребывания в хоре мальчики могли обучаться на месте, то есть на правах обучающихся в домах. В 1840-х годах круг духовных училищ расширился в связи с тем, что учеников стали считать состоящими в тех училищах, откуда они были взяты в хор и куда возвращались по спадении с голоса. На протяжении 1830—1840-х годов все предметы в соответствии с программами уездных и приходских духовных училищ преподавались инспектором, который регулярно отчитывался перед протопресвитером и ризничим, причем в конце каждой трети учебного года ученики подвергались испытанию в тех училищах, к которым были приписаны. В 1850—1860-х годах помимо инспектора в штате Синодального хора появилось еще несколько преподавателей, а экзамены стали проводить у себя, приглашая в комиссию духовных лиц и преподавателей из родственных учебных заведений, чаще из Московской духовной семинарии. По завершении обучения указанные духовные училища выдавали певчим свидетельства. Собственное четырехклассное духовное училище при Синодальном хоре было открыто по штату в 1868 году.

2. Это мнение противоречит тому, о чем писал автор в предыдущем очерке. В цитируемом документе 1752 года говорится, что «на крылосы становятся из оных престарелые да малыя» (С. 76).

3. Как отмечал в докладной записке прокурор А. Н. Потемкин, «опыты, начиная с 1803 года, о предоставлении певчим образования в общих духовных училищах никогда не могли дать хороших результатов» (РГАДА, ф. 1183, оп. 10, ч. 4, № 2 за 1881 год, л. 7 об.).

4. На протяжении многих десятилетий в Синодальном хоре существовал возрастной ценз для малолетних певчих: поступали в хор в 9—10 лет (случались и более ранние поступления — в 8 и даже в 7 лет) и пели до 16—17-ти лет в третьей станице; в период мутации (спадения с голоса) подростков переводили во вторую станицу, где они пели еще какое-то время и откуда их увольняли.

5. Вплоть до конца 1830-х годов в обязанности регента (некоторое время — помощника регента) входило содержание малолетних певчих, как штатных, так и сверхштатных (закупка провизии, заготовление некоторых продуктов, присмотр за постельным и столовым бельем, посудой, кроватями и проч.), затем эти обязанности перешли к инспектору, от него в середине 1850-х — к эконому.

6. Текст инструкции, утвержденной Св. Синодом в феврале 1832 года, приводится Металловым в пересказе, и весьма неточном. Отдельные пункты в оригинале выглядят так:

Пункт 2. Должность его, во-первых, обучать малолетних синодальных певчих в часы, свободные от певческих их должностей, дабы не находились они в праздности и не оставались без возможного образования; во-вторых, иметь

надзор за поведением их, чтобы жили мирно, скромно и покорливо, вели себя опрятно и бережливо, чтобы не занимались резвостью и шалостями, но по всему вели бы себя благочинно, в каковом надзоре за поведением их участвует с инспектором регент, коего собственное дело есть обучать их нотному партесному пению; в-третьих, доносить успешному протопресвитеру и синодальному ризничему об их нуждах касательно одежды, обуви, белья и по предметам учебным касательно книг, бумаги и прочего.

Пункт 3. Предметы учения: Пространный катехизис, изданный по высочайшему повелению для преподавания в училищах, грамматика российская и латинская, а отчасти и греческая, арифметика — часть первая, священная история, чтение и письмо для начинающих обучаться и вообще чтение, наипаче церковное, и пение, также и чистописание.

Пункт 4. Часы учения: часы для учения назначаются в понедельник, среду и пятюк вечерние, то есть 3-й и 4-й час, а утренние для повторения уроков и генеральной спевки, во вторник, четверток и субботу утренние, то есть 9-й, 10-й, 11-й и 12-й часы, а после обеда 3-й и 4-й час для чтения церковных книг и церковного пения. Само собою разумеется, что это соблюдается тогда, когда не случается в оные дни никаких праздников, ни высокаторжественных, ни торжественных дней, ни дней поминовения по высочайшим особам или каких-либо других церковных праздничных дней.

Пункт 5. В те дни, которые по табели в училищах положены учебными и в которые малолетние певчие должны находиться по должности своей при соборных служениях, может их инспектор занимать после обеда часа два каким-либо из вышеозначенных предметов, то есть или чтением церковных книг, или чистописанием, или повторением прежних уроков, что по усмотрению своему найдет более для них нужным.

Пункт 8. В случае неисправности малых певчих по учению или по поведению делает им увещания, а ежели сии не подействуют, то может он употреблять следующие наказания: запретить прогулку, удалить от общего стола на сутки и более с дозволением питаться остатками, совсем лишить пищи на один стол и ставить на колени.

Некоторые положения инструкции заимствованы из правил митрополита Филарета, составленных им вскоре после вступления на кафедру Московской епархии (1823) для инспектора по надзору и обучению малолетних певчих Чудовского хора (см.: *Розанов Н.* Об устройстве Чудовского хора певчих в Москве // Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения. Кн. 5. М., 1868. С. 116—117). Инструкции были составлены не только для инспектора и регента, но в последующие годы и для малолетних певчих и эконома.

7. Этот перечень составлен инспектором иеромонахом Серапионом в 1845 году как «реестр книг учебных и других для упражнения малолетних певчих» и включает еще такие названия: «Латинский лексикон» Кронеберга в шести книгах и «Греческий лексикон» Гедериха. Здесь уместно привести распорядок дня малолетних певчих по сведениям конца 1840-х годов. Подъем — в 7-м часу утра, с 7.30 до 9.30 (в дни спевок) — учебные предметы, в дни, свободные от спевок — три часа уроки (до 12-ти), в 12 — обед, до 14-ти игры, с 14-ти до 16-ти учебные предметы, от 16-ти до 17-ти про-

гулка, после прогулки три часа на приготовление уроков, в 20 ужин, около 21-го шли спать. Занимались малолетние певчие ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней и тех случаев, когда их забирал регент по певческой должности; три дня в неделю — по понедельникам, средам и пятницам — от 10-ти до 12-ти певческий класс, в летнее время на учебные занятия приходилось больше времени.

8. В действительности количество учеников постоянно менялось: например, в 1830—1840-х годах их было не более 20-ти, в 1850-х количество перевалило за 20, в 1860-х насчитывалось уже более 30-ти.

9. См. комментарий 23 к очерку Металлова «Синодальные, бывшие патриаршие певчие».

10. В просмотренных документах второй половины XVIII и начала XIX века не удалось найти подтверждения тому факту, что Тимофеев и после него Петров были регентами Синодального хора. К концу XVIII века они действительно занимали первые позиции в составе хора — Тимофеев по своим профессиональным качествам и оба по продолжительности пребывания в нем, но ни разу они не названы регентами или уставщиками, а только певчими. Что же касается авторства «Азбуки начального учения простого нотного пения» (1772), то в предыдущем очерке Металлов приводит документ 1771 года с упоминанием этой «Азбуки» и ее авторов — Сергея Максимова, Ивана Никитина, Ивана Тимофеева, Андрея Попова. Однако А. В. Преображенский в «Словаре русского церковного пения» называет составителями ее синодальных иподиаконов Максимова и Никитина; Д. В. Разумовский называет автором «Азбуки» одного Максимова (см. его работу «Церковно-русское пение», перепечатающуюся в третьем томе настоящей серии). Не обнаружена и дата назначения Таболовского регентом Синодального хора. В 1811 году он — певчий первой станицы, в 1812-м — из-за отсутствия документов (в период нашествия французов хор бездействовал) сведений о нем нет, в 1813-м в рапорте синодального ризничего иеромонаха Зосимы от 4 марта, вернувшегося 30 декабря в Москву после пребывания с ризницей церкви Двенадцати Апостолов в Вологде, он назван регентом Синодального хора, явившимся к своей должности в синодальном доме вместе с 27-ю певчими, большими и малыми.

11. Купирован текст инструкции для регента, который использован автором в очерке «Синодальные, бывшие патриаршие певчие».

12. См. комментарий 34 к первому очерку Металлова и в Приложении к тому список регентов и их помощников.

13. По документам ф. 1183 в РГАДА можно установить всех, кто наследовал Серапиону (1848) в должности инспектора малолетних певчих, и в какие годы. См. в Приложении список преподавателей и сотрудников.

14. В августе 1856 года Московская Синодальная контора купила у князя Волконского для синодальных певчих двухэтажный дом на Б. Никитской улице (теперешний № 11). До этого, как известно, та же контора нанимала для них вблизи Кремля дома — с 1839 по 1851-й у статского советника И. Левашева, с 1851 по 1856-й у подполковника И. Махова.

15. Речь идет о тех самых 33-х казенных певческих домах в Городской части, во втором квартале по Богоявленскому переулку, на доходы с которых существовал

Синодальный хор и которые с 1833 года более не использовались Синодальной конторой по назначению, а сдавались (до 1864 года) внаем частным лицам. В последнее время дома приносили сравнительно малый доход (до 23 тысяч рублей в год).

16. См. высочайше утвержденный штат Московского Синодального певческого хора в изд.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXII. Отделение 2-е. 1857. СПб., 1858, к статье № 31485. С. 43.

17. См. высочайше утвержденный штат Московского Синодального певческого хора и училища при оном для малолетних певчих в изд.: Там же. Т. XLIII. Отделение 3-е. 1868. СПб., 1873, к статье № 45628. С. 519. Из примечания: «Инспектор получает назначенное ему содержание вместе и за преподавание латинского языка, священной истории и катехизиса. На учителей же, как старшего, так и младшего, кроме преподавания предметов, возлагаются и обязанности воспитателей, без увеличения за то определенного им содержания».

18. По поводу нового штата в отчете обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1868 год сказано: «... Св. Синод, находя крайне недостаточным вознаграждение лиц, занимающихся педагогической частью при малолетних певчих Московского Синодального певческого хора и признавая необходимым иметь постоянного при хоре медика, признал нужным сделать некоторые изменения в штате Московского Синодального хора, а именно: увеличить содержание инспектора училища и двух преподавателей, назначить по штату должность медика при хоре и исключить из прежнего штата все прочие издержки, как то: на обучение певчих в Придворной капелле — 400 рублей, на ноты, инструменты и другие учебные предметы — 600 рублей, на канцелярские материалы — 14 рублей 87 копеек, на отопление и освещение помещений — 800 рублей» («Православное обозрение», 1870, апрель. С. 761).

19. Тогда, в 1868 году, администрация поступила так: штатное жалованье младшего учителя в 400 рублей в год разделено было между двумя приглашенными преподавателями И. Афонским и П. Молчановым, которым кроме жалованья по 200 рублей предоставлена была квартира в доме синодальных певчих и право пользования столом от училища. На должности младших учителей старались приглашать студентов Московского университета, преимущественно из бывших воспитанников училища.

20. Ввиду того, что Металлов несколько раз ошибочно приписывает Полуэктову окончание Московской консерватории, видимо, следует дать следующее разъяснение. А. Г. Полуэктов поступил в консерваторию в 1871 году и вышел из нее в 1878-м, пройдя полный курс специальной теории у Н. А. Губерта, П. И. Чайковского и Д. В. Разумовского и в то же время занимаясь в классе контрабаса профессора Г. Шпекина (1873—1878); на первом году обучения он находился в классе скрипки И. Гржимали, на втором — в классе специального фортепиано П. Конева. Специальность контрабасиста давала право малоимущему студенту получать стипендию Московского отделения ИРМО. По неизвестным причинам он не стал держать выпускной экзамен в 1878 году ни по одной из специальностей, в результате чего не получил ни диплома, ни аттестата.

21. Приготовительный класс для вновь поступающих мальчиков решено было открыть в 1873 году с приглашением нового учителя; таким учителем (третьим младшим) стал студент Московского университета Н. А. Консидентов.

22. Из дома на Б. Никитской в синодальный дом в Кремле.

23. Действительная причина лежала в другом. В октябре 1862 года Св. Синод принял важное решение о перестройке полуразвалившихся певческих домов в Бого-явленском переулке в торговые помещения с целью получения в будущем значительных доходов. Для осуществления этого проекта решено было прибегнуть к форме частного арендаторства. 18 мая 1864 года Хозяйственное управление при Св. Синоде заключило контракт на аренду синодальных певческих домов с предпринимателем А. А. Пороховщиковым, выдав ему ссуду в 60 000 рублей из певческого капитала. В результате, как писал прокурор Московской Синодальной конторы А. Н. Потемкин, «значительная затрата частного капитала вынудила ведомство согласиться на долгий срок аренды и сравнительно незначительную арендную плату и также на выдачу предпринимателю всего запасного капитала Синодальной конторы в ссуду на весьма льготных основаниях, что поставило контору в необходимость отложить на время все преобразования и улучшения по Синодальному певческому хору. <...> Такое состояние сумм конторы не предоставляло никакой возможности увеличения штатных расходов при ходатайстве в 1868 году об изменении штата хора и училища 1857 года, почему всем лицам, состоящим в хоре, оставлено прежнее содержание» (РГАДА, ф. 1183, оп. 10, ч. 4, № 2 за 1881 год, л. 2—2 об.).

24. Обо всех регентах — предшественниках Зверева и о нем самом см. в Приложении к данному тому. О каждом из них имеются материалы в фонде Московской Синодальной конторы в РГАДА, в том числе и о Звереве, который после ухода в 1874 году с поста регента Синодального хора продолжал заниматься в Москве педагогической работой в Николаевском сиротском институте и Мариинском женском училище до своей кончины 31 марта 1884 года.

25. Должность второго помощника только предполагалась в проекте штата Синодального хора 1881 года, поскольку, как отмечалось в докладной записке, хор делится иногда на шесть и более отделений, но в дальнейшем в документах архива эта должность не появлялась вплоть до 1902 года, когда В. С. Орлов ввел ее для Н. М. Данилина.

26. На занятиях по церковному пению ученикам преподавалось еще и сольфеджио.

27. До 1880 года игра на скрипке для учеников являлась делом сугубо частным. Те из них, кто желал заниматься на скрипке, должны были оплачивать эти занятия из своих певческих сумм, и не только оплачивать, но и приобретать инструменты, ремонтировать их, покупать струны и ноты. По сведениям 1840 года малолетние певчие впервые нашли себе частного учителя, затем, в 1842 году, с ними начал заниматься (тоже частным образом) регент Синодального хора Яновский. С 1869 года занятия стали регулярными благодаря приглашению артиста императорских театров Поля. В 1870-х Поль занимался с 12-ю воспитанниками училища, которые частично сами оплачивали его труд, частично доплачивала администрация училища из сумм, предна-

значенных на учебные пособия. С увеличением числа обучающихся на скрипке преподаватель Поль в 1880 году был переведен в штат училища. Второй преподаватель по скрипке был приглашен лишь в 1885 году.

28. Первоначально срок арендного содержания певческих домов по контракту с А. А. Пороховщиковым заканчивался 18 мая 1888 года. Деньги за аренду до 1873 года выплачивал Пороховщиков, он же с 1868 года в течение двадцати лет должен был ежегодно вносить проценты на пополнение выданной ему из певческого капитала ссуды, но 3 августа 1873 года по соглашению со Св. Синодом состоялось заключение дополнительного контракта на передачу вновь созданному акционерному Обществу Теплых рядов в Москве арендуемых Пороховщиковым (совместно с Азанчевским) зданий (всего их построено пять на территории большей, чем певческая), в том числе и певческих домов (так для ясности назывались новые здания на месте бывших певческих домов). Срок контракта был дважды продлен: первый раз — до 1891, второй раз — до 1897 года, каждый раз с увеличением арендной платы.

29. Здесь не назван предмет «чистописание», входивший в программы I и II классов.

30. О реорганизации духовного училища при Синодальном хоре заговорили уже в 1883 году. Так, в брошюре «О современном состоянии церковного пения в России и о потребности в ученых регентах» (СПб., 1884) Н. А. Лебедев ссылается на мнение газеты «Церковно-общественный вестник»: «Не менее существенную пользу может принести реформирование училища синодальных певчих в Москве как центре православия и рассаднике всевозможных хоров» (С. 13). Такие высказывания могли появиться потому, что в начале 1880-х годов были открыты певческие училища в Киеве и Владимире. В 1885 году Московская Синодальная контора подготовила для представления в Св. Синод проект штата Синодального хора и училища церковного пения и временные правила для управления Московским Синодальным хором и состоящим при нем училищем церковного пения, сопроводив их развернутой объяснительной запиской за подписью прокурора А. Н. Шишкова (см.: РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 46 за 1886 год).

31. Это положение с делением училища на три отделения не получило применения в действительной жизни и было заменено на два отделения — певческое и регентское — в уставе Синодального училища 1892 года.

32. Эта должность тоже осталась только на бумаге, поскольку по имеющимся сведениям никто из преподавателей не был назначен на нее. В уставе 1897 года ее уже нет.

33. См. высочайше утвержденный Штат управления Московским Синодальным хором с состоящим при нем училищем церковного пения и синодальным недвижимым имуществом в Москве и ее окрестностях и Расписание учебных предметов для училища с показанием числа уроков по каждому из них в изд.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. VI. 1886. СПб., 1888, к статье № 3782, с. 92—93 (в Приложениях).

34. В действительности Виноградов поступил в училище чуть раньше, в марте 1890 года, на место воспитателя, а в сентябре того же года после ухода И. П. Ключарева получил уроки географии.

35. Шаборкин начал преподавать в училище с сентября 1892 года, после того как в штате появилась должность четвертого преподавателя фортепиано.

36. См. высочайше утвержденные Устав Московского Синодального училища церковного пения и Синодального хора вместе со Штатом управления сим училищем, хором и синодальным недвижимым имуществом в Москве и ее окрестностях в изд.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XII. 1892. СПб., 1895, к статье № 8995, с. 614—623, 284—285 (в Приложениях).

37. После ухода П. Г. Чеснокова предмет «церковное пение» в течение 1904/05 учебного года вел Н. М. Данилин.

38. См. высочайше утвержденный Устав Московского Синодального училища церковного пения и Синодального хора в изд.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XVII. 1897. СПб., 1900, раздел «Дополнения», статья № 13653а, с. 45—55.

39. См.: Свод законов Российской империи. Т. 4. Свод уставов о повинностях. Кн. 1. Устав о воинской повинности. СПб., 1897.

40. См.: Свод законов Российской империи. Т. 3. Свод уставов о службе гражданской. Кн. 1—2. Устав о службе по определению от правительства и Уставы о пенсиях и единовременных пособиях. СПб., 1896.

41. См. высочайше утвержденное Мнение Государственного совета о правах и преимуществах служащих и учащихся в Московском Синодальном училище церковного пения в изд.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XVIII. 1898. Отделение I. СПб., 1901, статья № 15619, с. 545—546, а также Штат Московского Синодального училища церковного пения и Синодального хора в изд.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. Т. XVIII. 1898. Отделение II. Штаты и табели. СПб., 1901, с. 231—232.

42. Большие строительные работы во владении Синодального училища и хора на Б. Никитской улице (дом 11) продолжались с весны 1897-го по осень 1898 года. За это время подверглось реконструкции главное здание — путем надстройки третьего этажа и переоформления фасада, осуществлена перестройка нижнего этажа под концертным залом (пристройка 1890 года к главному зданию во дворе училища) для музыкальных классов; велись также ремонтные работы внутри главного здания и выполнены некоторые работы в концертном зале. Наконец, на месте старого флигеля был возведен четырехэтажный корпус (Средний Кисловский переулок, дом 4) для администрации и преподавателей училища и хора (взрослые певчие были переведены с Б. Никитской на Воздвиженку — во вновь отстроенный корпус на территории бывшего Крестовоздвиженского монастыря). Одновременно шли строительные работы на территории бывшего Георгиевского монастыря на углу Б. Дмитровки и Камергерского переулка, где возводился четырехэтажный дом под квартиры и торговые помещения (ныне дом 5 по Б. Дмитровке).

43. В архиве Московской Синодальной конторы сохранился отчет о службах в присутствии их императорских величеств в апреле 1900 года, из которого можно почерпнуть следующие подробности. Всех служб с участием Синодального хора было девять: 2 апреля пели на литургии в Успенском соборе, 3 апреля — за водоосвящени-

ем при мироварении в церкви Двенадцати Апостолов, 8 апреля — на утрени в Великую Субботу в Успенском соборе, 9 апреля — на пасхальной службе в Успенском соборе, 13, 14 и 15 апреля — при панихидах по в Бозе почившей инокине Анастасии (в миру великая княгиня Александра Петровна) в придворной церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что на Сенях, 16 и 23 апреля — на литургиях в придворном храме Преображения Господня, что за Золотой решеткой. На службе 16 апреля Синодальный хор пел Херувимскую Глинки, «Милость мира» знаменного роспева Кастальского, Ектению и Пасхальный канон Смоленского; 23 апреля — Херувимскую № 2 Львова, «Милость мира» знаменного роспева Кастальского, «Ангел вопияше» Бортнянского, причастные стихи «Се что добро» Ипполитова-Иванова и «Воскликните Господеви» Гречанинова.

После одной из служб император сказал: «Ему [Кастальскому] очень удаются церковные песни с характером чего-то национального, напоминающего русскую песню. Вообще все звучало очень красиво. Прошу вас в следующее воскресенье, так как я думаю быть еще здесь, повторить то же, что исполнялось в Успенском соборе 9 апреля» (РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 36 за 1900 год).

44. А. В. Преображенский — не посторонний слушатель, а коренной ученик Синодального училища, носивший до 1909 года фамилию Шичалин и поменявший ее по семейным обстоятельствам в последнем классе.

45. Назовем всех выпускников Синодального училища, приобретших вторую специальность в консерваториях Москвы и Петербурга и в Музыкально-драматическом училище Филармонического общества. В Московской консерватории занимались: П. Г. Чесноков, В. В. Толоконников, С. И. Потоцкий, Н. Н. Толстяков, К. Н. Шведов, В. А. Царев, А. Ф. Гребнев, В. П. Степанов, Н. С. Голованов, П. А. Ипполитов, Е. А. Емельянов, А. П. Чугунов, А. В. Преображенский, Н. Д. Бунаков, И. Н. Шведов, М. М. Лазарев, С. А. Васильев, С. И. Макеев. В Петербургской консерватории учились: П. А. Петров, П. Н. Толстяков, А. Г. Чесноков, М. Г. Климов, В. Н. Спиридонов. В Филармоническом училище: Н. М. Данилин, Г. В. Огороков, П. В. Грузинский.

46. См. полный текст письма Чайковского к Шишкову во второй книге данного тома.

47. См. высочайшее повеление «О предоставлении Св. Синоду права делать собственною властью изменения в существующих учебных программах Московского Синодального училища» в изд.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXVIII. 1908. Отделение I. СПб., 1911, статья № 31115, с. 790.

48. Программы музыкальных предметов и истории искусств изданы в 1910 году, программы общеобразовательных предметов — в 1911 году.

С. В. Смоленский

Обзор Исторических концертов Синодального училища церковного пения в 1895 году

Три концерта Синодального училища церковного пения суть сокращение ранее предполагавшихся шести русских исторических духовных концертов, отложенных минувшею осенью по случаю всенародного траура. Если в этих концертах окажется удачно угаданная, верная мысль, то, может быть, для следующих лет эти концерты будут началом большого ряда историко-этнографических духовных концертов, в которых предусмотрено исполнение образцов церковного пения как русского, так и разных южных и восточных православных народов¹.

Концерты 1895 года представляют первый опыт воспроизведения довольно значительного ряда русских духовно-музыкальных сочинений и имеют целью выяснить, хотя бы кратко, сколько возможно для первого опыта, рост наших певческих идей, размеры разных влияний на их направление и, наконец, развитие музыкальных форм русского хорового церковного пения от конца XVII века до наших дней. Несмотря на значительно сокращенную программу, давно забытые сочинения русских авторов конца XVII и начала XVIII века все-таки достаточно освещают первоначальное направление нашего певческого искусства и устанавливают границу между ним и влияниями заезжих итальянцев. Дальнейшее содержание программы уясняет чрезмерное увлечение русских композиторов (учеников тех итальянцев) виртуозною и сентиментальною школою, косвенное влияние немцев и, в противодействие тому, возрождение русской школы в виде стремления вернуться к родным напевам, хотя бы украшенным гармониею. Образцы работ этого последнего направления, до сих пор все более усиливающегося, усвоившего вполне спокойное, естественное развитие и получающего крупное художественное значение, составляют, вместе с некоторыми произведениями последнего времени, окончание программы концертов 1895 года.

К сожалению, помимо пропуска старинных гармонизаций знаменного распева, образцов духовных стихов, кантов и псалмов, образцов древнеки-

евского, греческого и болгарского пения, пока, за массою неожиданно найденных и неразобранных материалов, еще нет возможности предложить вниманию слушателей исполнение таких лучших старинных хоровых сочинений, которые отличались бы глубиной мысли и хорошою техникою, так как наше хоровое церковно-певческое искусство зародилось на почве подражания чужим образцам и в то далекое время у нас, по-видимому, не было отлично образованных композиторов. Неглубоки также по силе мысли, хотя удовлетворительнее предыдущих по технике, сочинения Сарти, Галуппи и их русских учеников, надолго задержавшие разработку наших родных напевов и крепко внедрившие в нас привычку к чужим приемам полифонии. Ныне двухвековое шатание русской певческой мысли уже закончилось общим признанием глубочайшего содержания и высокой красоты наших древних церковных напевов. Выдающаяся талантливость некоторых современных деятелей, при нынешнем состоянии исторической науки и музыкальной техники, есть хороший залог верности этого направления, создающего новые формы и дающего новые средства сочинения, не выдуманные, но вытекающие из чистого, векового, спокойного духом, богатейшего музыкального наследства.

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ: а) первые оригинальные сочинения русских композиторов; б) сочинения заезжих итальянцев; в) немецкие композиции.

Русское церковное пение, бывшее до половины XVII века одногласным, излагавшееся «крюками» и допускавшее в храмовое употребление лишь небольшое число греческих и болгарских напевов, в весьма краткое время, как бы внезапно, под впечатлением оригинальности и иноземной новизны, обогатилось «музыкальным искусством», выразившимся у нас в повсеместном почти введении хорового церковного пения и в удивительной для того времени свободе, лучше сказать, в несдержанности хоровых сочинений.

Это сложное церковно-общественное явление, как кажется, вполне объясняется теми впечатлениями, которые получили наши предки от тревожений и последствий смутного времени, от *служебных* беспорядков в господствовавшем тогда так называемом «хомовом» пении, происшедших в свою очередь от самовольного и повсеместного исправления того пения отдельными певцами и от поспешности, с которою следовали исправления богослужебных текстов, начиная с патриарха Филарета и до патриарха Никона, от влияния владык-малороссов, питомцев Киевской духовной академии, от появления раскола и проч.

Первоначально хоровое искусство было исподволь насажено вне храма, под именем «польского искусства», в виде массы «псалмов», «кантов» и «канцеров», распевавшихся на три голоса. Во второй половине XVII века эта музыка была уже столь употребительна в Москве, что ей посвящали свои силы такие видные люди, как, например, Симеон Полоцкий. Вслед за влия-

нием как этой, так и обширной полупольской литературы кантов, повсеместно и быстро, под покровительством архиереев — учеников Киевской духовной академии, устроились «капельдии», или певческие архиерейские хоры, до сих пор еще не бросившие свои польские цветные кафтаны со всякими позуменгами и откидными назад рукавами.

Чтобы уяснить совершенную несродность вновь появившегося полуцерковного искусства с истинно русским церковным пением, достаточно указать на содержание двух главнейших памятников этого времени. Все авторы хоровых сочинений XVII века учились по «Музыкальной грамматике» Н. П. Дилецкого (в рукописи: Вильно, 1677 — Москва, 1679)² — ученика «преискуснейшего творца Замаревича» и почитателя не менее известного тогда польского композитора Мильчевского. В этом достаточно полном для своего времени учебнике гармонии, контрапункта и музыкальных форм нет ни полслова о русском церковном напеве, как бы умышленно изгоняемом из русского храма. «Композиция полскаго преискренняго художества» толкует «о способствии, эксордии, амплификации, инвенции, диспозиции» и прочих мудростях старинного контрапункта, затемняемого разными «колесами ключей», «клявесами дуральными, бемулярными, дизисовыми, микстовыми», разными формами «хоралисов партесных» и т. п.*

Другой автор, Симеон Полоцкий, был у нас едва ли не самым главным проводником нового пения, мотивировавшим, однако, свою деятельность желанием ослабить увлечение кантами и псалмами, распевавшимися даже прямо по-польски. В предисловии к своей «Стихотворной псалтири» Симеон Полоцкий говорит, что потому только и переложил в русские стихи псалмы царя Давида, что «во велицей России, паче же в царствующем граде Москве, обыкоша тыя псалмы пети, речей убо мало или ничтоже знающе».

Напрасно боролись с этим увлечением лучшие русские умы, указывая «круподушествующим и блязнящимся» всю его нелепость и всю несродность нового пения с нашею кровью. Вскоре стало забываться старое пение, несмотря на приведение его в порядок знаменитою «2-ю комиссиею Александра Мезенца». Крюки были брошены и заменены пятилинейными нотами, а «круподушествующие» занесли свою руку на живой еще в народе древнерусский напев, гармонизовав его для церковного употребления. Так как эта попытка оказалась не по силам слабо ученым тогдашним музыкантам и

* Вот несколько строк из «Грамматики музыкального пения», построенной только на «вообразах», то есть примерах из сочинений вышепомянутых поляков:

«Противоточию именуется, егда гласы, един по единому во знаменних точек в пении своем положенных, канцертуют, или борются».

«Фуга сиче есть, егда связанными дващи, или трищи, чвартками гласы два не чрез правило восшествие или нисшествие поют».

«Канцерт, или борение непротивоточное, сиче есть, егда гласы прю имеют и, един единого постизающе, борются», и т. п.

встретила единодушный отпор, то увлечение польским искусством направилось в сторону не гармонизации киевского, болгарского и греческого пения, а вышло, наконец, на дорогу самостоятельного свободного творчества, удивившего современников новостью своего гармонического изложения и новостью приемов исполнения. Напрасно возражали и против этого сочинительства. Хранители благоговейной старины упорно выставляли, что ныне «поют со движением всея плоти, с покиванием главы, с помаванием рук, с воплями и висканиями безчинными». Увлечение новизной было слишком сильно, поддерживалось сверху и соответствовало бурно переживавшемуся времени.

Уцелевшие до сего времени хоровые партии и партитуры указывают на огромную плодovitость первых русских композиторов, писавших целыми томами, дюжинами, целыми «службами», снабжавших свои сочинения самыми вычурными названиями. От этих сочинителей случайно уцелели в иных рукописях только некоторые имена, и потому пока мы не имеем о них никаких биографических сведений и никаких точных данных, хотя бы о времени, месте и объеме деятельности наших первых русских композиторов. Кроме дьяка Василия Титова, положившего «чрез композыщью» псалтирь Симеона Полоцкого, и кроме более других встречаемого Федора Редрикова, а также Николая Бавыкина, в рукописях указаны еще имена диакона Яковлева, Василия Виноградова, Ивана Леонтьева, Николая Калашникова, Сифова, Дьяковского, Колпенского, Протопопова и Нарисына. Вероятно, этот список далеко не полон, ибо трудно предположить, чтобы десяток людей смог бы написать столь внушительную массу дошедших до нас сочинений; да едва ли известны нам все их сочинения. Судя по отдельным разрозненным голосовым партиям, можно думать, что мы найдем еще очень многое интересное в этой совсем забытой области русского искусства. Во всяком случае, до сих пор уже можно насчитать по 3—4 гармонизации полных кругов на весь год и всех роспевов, не считая еще большего числа отдельных книг, особенно праздников и октоихов, изложенных на 4, 6, 8 и 12 голосов. В коллекциях собственно «партесных» сочинений начала прошлого века, какие могут быть в пользовании Синодального училища церковного пения, уже имеется на 12 голосов: 160 концертов, 14 «служб Божиих», все задостойники, причастны (две редакции) и 12 Херувимских; 48 сочинений на 8 голосов, 105 на 6 голосов и 332 на 4 голоса. В этой, относительно еще небольшой, в сравнении с другими коллекциями, литературе попадает множество отдельных сочинений с оригинальными названиями, например: «Херувимская веселого роспева с выходками» или «умилительная с выходками», аллилуия «скок», «труба», «с чердака», «птица», «валторная», «волынка зовома» и проч. Сочинения эти написаны еще тогда, когда не употреблялись означения *f*, *p*, не отделялись такты. Только в одной коллекции (шестиголосной) по местам указывается красными чернилами «голос» и «тихо» и

имеются маленькие внизу строк черточки тактов. Петь по этим нотам и со- ставлять партитуры оказалось довольно затруднительным³.

Музыкальное достоинство этих сочинений, насколько удалось познакомиться с некоторыми из них, довольно слабо по мысли, но местами указывает весьма незаурядную, мастерскую технику и хорошее знакомство с хорошими эффектами. Местами эти композиции очень крикливы, заключают в себе множество самых пустых имитаций, дающих лишь правильный рисунок партитуры; местами же в них чувствуется истинное вдохновение и какая-то непривычная нашему уху торжественность и наивная простота. Некоторые из этих композиций написаны почему-то на старообрядческие иосифовские тексты, заключают в себе греческие вставные слова, например «*Докса си Кирие*», «*Кирие элейсон*» и проч.

Вообще следует сказать утвердительно, что все Херувимские, «Милость мира» и прочие, известные ныне под всякими названиями «старосимоновских», «ипатьевских», «боголюбских», «софрониевских», «московских», «казанских», «вятских», суть прямое наследие сочинений Титова, Редрикова и других, очищенное от их вычурностей, излишней сложности строения и оставшееся с тою простотою и задушевностью, какую дышат все эти произведения, донныне еще живые на клиросе⁴.

«Большое многолетие» сочинения В. Титова, которым начинается первый концерт, есть прямое подтверждение только что сказанного о значении этой русской певческой литературы конца XVII века, явившейся до итальянцев, тайно выдержавшей их иго и сохранившейся в остатках до сего времени. Это «Многолетие», без сомнения, знакомо всем слушателям. Мелодия В. Титова прожила более двухсот лет, что лучше всего доказывает ее хорошие достоинства. Глубокое основание жизнеспособности таких произведений, несмотря на их внешнюю нерусскую фактуру и звуковую несдержанность, заключается именно в том, что они писаны чисто русскими людьми, невольно вложившими в свои напевы что-то говорящее русскому сердцу. В некоторых голосоведениях Титова так и чувствуются подголоски русских народных песен, и уже только по этому признаку, присущему в равной мере многим композициям других авторов этого времени, нетрудно заключить, что ныне бесполезно вспомнить о том, как зародилось в свое время это русское пение и как, может быть, случайно оно не развилось и не дало хорошего плода.

«Первая ектения» взята из четырехголосной «службы Божией», написанной в редко встречаемом составе хора (дискант, два альты и тенор), звучащем непривычно мягко и как-то особенно певуче. Автор этой «службы Божией» неизвестен.

Песнопения из всенощной взяты из шестиголосной службы В. Титова («Благослови, душе моя, Господа») и из двенадцатиголосной — неизвестного автора. Бодрое, веселое и энергичное изложение Титова особенно рельефно в словах «Докса си Кирие, сотворившему вся». Двенадцатиголосная музыка

«Свете тихий» (иосифовский текст) и «Ныне отпускаеши» показывают даровитого автора, употребляющего вполне изящные голосовые и модуляционные эффекты, местами, однако, не без расчета на излишнюю силу звука. Еще большею сложностью письма и звучностью отличается двенадцатиголосный концерт Николая Бавыкина «Небеса убо достойно да веселятся», мастерски написанный для трех хоров, проникнутый живостью и праздничным настроением⁵.

Жизнь и увлечения разноплеменного высшего столичного русского общества в первой половине прошлого века слишком известны и вполне объясняют причины блестящих успехов всяких иноземцев, в том числе и музыкантов. Церковному пению в России пришлось испытать от заезжих итальянцев столь сильное давление, что даже теперь, через сто с лишком лет, приходится серьезно считаться с общим сочувствием этому чуждому нам пению, крепко утвержденному у нас своими же русскими людьми. Блестяще даровитые и отлично ученые итальянцы увлекли всех своими произведениями, вполне новыми тогда в наших храмах, эффектно-звучными, чувствительно-мелодичными, изложенными во всей силе тогдашнего мастерства писать для голоса. Понятно, что русские композиторы как менее опытные в сочинении и менее поддержанные скромно ступевались перед итальянцами; они перешли из столиц в уездные города и в дальние монастыри, переработавшие по-своему их вдохновения и создавшие из них сотни дорогих нашему сердцу Херувимских и проч.

Под влиянием итальянских сочинений наши клиросы обратились в какие-то концертные эстрады, на которых вскоре стало дозволенным столь многое, что в настоящее время даже странно предположить, что подобные сочинения могли когда-нибудь раздаваться в православных храмах. Но хуже всего было то, что эта волна чужой сладкозвучной мелодии и бойких ритмов попала из рук столичных хороших мастеров в руки провинциальных неучей и, разлившись от теплого юга до крайнего севера и дальнего востока, породила раздражительную литературу и множество хоров, распевающих там и донныне Бог знает что и Бог знает как. Благодаря изумительной способности русских к запоминанию на слух самых сложных композиций, труднейшие сочинения наравне с ужасающей дребеденью свободно усваиваются русскими певческими хорами и еще и до сих пор прививаются слушателям невежеством огромного большинства наших регентов-сочинителей, часто весьма талантливых, создающих даже требование исполнения таких сочинений, иногда самых безграмотных, полных крика и всякой нелепости. Волна эта разлилась по городам очень быстро, и вред ее скоро обратил на себя общее внимание всех разумных людей. Церковно-певческие книги, изданные Святейшим Синодом в 1772 году, снова напомнили нам о родных напевах и дали повод русским композиторам вдуматься в их красоту. Преподавание древнего пения в духовных школах подкрепило жизнь того пения в селах и

глухих уездах, в столицах же повело ко второй его гармонизации в итальянском же духе. Но русские ученики и подражатели итальянцев оказались ушедшими по их дороге далее, чем могли думать сами учителя, и на самом деле зло было сильнее, чем казалось. Только у одного Бортнянского хватило ясного ума и смелости написать знаменитый ныне «Проект об отпечатании древнего русского крюкового пения», наглядно показывающий силу забвения древнего пения и всеобщего увлечения итальянщиною. Понятно, что «Проект» остался гласом вопиющего в пустыне, но начатые Бортнянским переложения древних напевов, «украшенных гармониею», все же значительно способствовали тому, что лучшие умы усомнились в надобности для наших храмов сочинений всяких Сартти, Галуппи, их русских учеников и сочувственно обратились к родным напевам. Позднее протоиерею Турчанинову суждено было крепко уставить это сочувствие своими задушевными переложениями, а А. Ф. Львову — ввести хотя некоторый порядок в нашем клиросном пении.

Из всех заезжих итальянцев оставили у нас наибольший след: Цоппис — как учитель Березовского и композиторы Галуппи, Сапиенца и Сартти. Учениками их были: Бортнянский, Давыдов, Дегтярев и Ведель.

Бальтазар Галуппи (1706—1785), знаменитый в своей родине «отец итальянской комической оперы», приехал в Россию в 1765 году в качестве директора оперы и пробыл у нас почти пять лет. Его лучшие сочинения (концерты «Готово сердце», «Суди Господи обидящая мя», «Услышит тя Господь» и мелкие вещи «Благообразный Иосиф», «Плотию уснув», «Единородный Сыне») хотя и напечатаны, но ныне уже редко исполняются. Старик Галуппи воспользовался тем, что «камер-певчие» были еще до него привлечены к участию в оперных спектаклях. Став с придворными певчими в более близкие отношения, Галуппи обогатил нас своими отлично написанными сочинениями и таким даровитым учеником, как Бортнянский. «Камер-певчие», приводившие иностранцев еще в 1742 году в полное восхищение, были доведены ко времени Галуппи до еще более высокого совершенства. Удивительным богатством голосов и множеством даровитых людей эта Капелла, начиная с Галуппи, привлекала к себе внимание всех иностранцев-композиторов. Они надолго обеспечили ей роль руководительницы судьбами нашего церковного хорового пения и дали нам всех крупнейших деятелей в этой области.

Антоний Сапиенца (отец), учитель Капеллы, оставил по себе память очень популярным прежде концертом «Боже, во имя Твое спаси мя».

Иосиф [Джусетте] Сартти (1729—1802) жил в России с 1784 года и считался самым блестящим композитором, особенно прославившимся у нас грандиозным исполнением у города Яссы (1789) своей оратории «Тебе Бога хвалим», под открытым небом, с аккомпанементом пушечных выстрелов и т. п. Из сочинений Сартти живы до сих пор «Отче наш», «Ныне силы небесныя».

Ближайший последователь и ученик Сарти Ст. Ив. Давыдов, как и другие ученики — Дегтярев и Ведель, развили виртуозность нашего хорового пения далее своего учителя.

Отдельным течением оказалась в начале нынешнего века неудавшаяся попытка ввести в наши храмы прямые заимствования из знаменитых немецких композиций. Когда развязность наших певцов дошла до того, что басовая ария жреца из оперы Спонтини «Весталка» была приложена к священным словам «Тебе поем, Тебе благословим» и распевалась за литургиею под аккомпанемент обоих клиросов, тогда должна была показаться, пожалуй, очень скромной попытка выкроить «Херувимские песни» из хора «Vollendet ist das grosse Werk» из оратории «Сотворение мира» сочинения Гайдна, или из хора «Ave vegum cogrus» Моцарта, или молитвы «Wie nahe mir die Schlummer» из оперы «Волшебный стрелок» Вебера. Немецкий концерт Маурера (отца), конечно, существенно отличается от произведений итальянского стиля и есть одна из немногих самостоятельных попыток германцев потрудиться и в области нашего церковного пения, имевшая место в первой половине нынешнего века.

ВТОРОЙ КОНЦЕРТ: изысканно-виртуозная и сентиментальная школа учеников и подражателей заезжих итальянцев.

Сочинения Дегтярева и Веделя суть отличные образцы крайностей и излишнего увлечения итальянским фиоритурным стилем, которому можно противопоставить сентиментальные, часто пустые по содержанию гармонии Эсаулова и иеромонаха Виктора. Юг и север культивировали итальянщину по-своему. Дегтярев и Эсаулов, без сомнения, владели гораздо лучшею техникою, чем Ведель и особенно иеромонах Виктор. Этою мерою определяются достоинства их произведений, так как силою таланта все эти авторы почти одинаковы. Те порывы чувства, которые выражены у Дегтярева и Веделя бравурными пассажами и блестящею звучностью, у Эсаулова заменяются самыми вычурными модуляциями и самыми нервными дисгармониями, а у иеромонаха Виктора пением в четверть голоса, чуть не шепотом.

Степан Аникиевич Дегтярев (1766—1813) происходил из крепостных графа Шереметева, учился у Сарти, ездил с ним в Италию и, по возвращении оттуда, был капельмейстером Шереметевской капеллы, считавшейся лучшею после Придворной. Несмотря на все внимание графа, любившего Дегтярева и завещавшего своему крепостному композитору отпускную на волю, Дегтярев крайне тяготился своею долею. Получив свободу, он не имел средств нанять лишнюю повозку для кип своих нот и потому сжег их. Таким образом погибли все автографы Дегтярева, и из его сочинений мы знаем только ту часть их, которая успела ранее разойтись в копиях по всем главным хорам России. После далеко не веселой жизни судьба улыбнулась Дегтяреву

только за один год до его кончины, когда он, под впечатлениями Отечественной войны, написал большую ораторию «На освобождение Москвы». Оратория была дана с блестящим успехом два раза в Московском Дворянском собрании и еще раз была повторена по высочайшему повелению при открытии памятника Минину и Пожарскому. Это недолгое и счастливое время славы и почестей, посыпавшихся на Дегтярева не только повсюду из России, но и из-за границы, быстро сменилось горькою необходимостью взять хоть какое-нибудь место, чтобы не умереть с голоду. Дегтярев принял место регента у одного незначительного помещика родной ему Курской губернии и там скоро скончался от чахотки. Лебединою его песнью была другая оратория — «Торжество России и истребление врагов ея». Число известных концертов и других сочинений Дегтярева доходит до шестидесяти. Ни одно из них не напечатано⁶.

Артеми́й Лукьянович Ведель (1770—1810)⁷ учился в Киевской духовной академии, был известнейшим ее регентом и затем регентом хора киевского наместника генерала Леванидова. В этом хоре он встретил мальчика Петра Турчанинова, которого полюбил, приютил и учил теории музыки. С переездом Леванидова наместником в Харьков вместе [с ним] переехал и Ведель. Несмотря на любовь к нему харьковского наместника Теплова, заменившего Леванидова, Ведель возвратился в Киев. Это время было для Веделя полным расцветом его таланта. Слава Веделя как отличного певца-тенора, регента и композитора гремела по всей Малороссии. Глубоко сосредоточенный, целомудренный, истый постник и усердный богомolec, Ведель вскоре по возвращении домой принял на себя *юродство*, понимавшееся им как высший подвиг самоотречения, добровольного мученичества. Вскоре по кончине своего отца Ведель поступил на послушание в Киево-Печерскую лавру, но через некоторое время тайно ушел оттуда и бродил по соседним губерниям, пока не был задержан за бесписьменность и заключен в киевский Инвалидный дом. Освобожденный за несколько дней до смерти, Ведель тихо скончался, стоя на благоговейной молитве.

Собственноручные партитуры Веделя хранятся в библиотеке Киевской духовной академии и заключают в себе 7 небольших сочинений и 12 концертов.

Иеромонах Виктор, в мире Василий Высоцкий (1791—1871), родом из Черниговской губернии, учился у местного регента-композитора протоиерея Данилевского. Приняв монашество в 1818 году, о. Виктор поселился в московском Симоновом монастыре, где прожил до 1839 года. Проведя затем несколько лет на юге, о. Виктор возвратился в московский Данилов монастырь (1844—1848), откуда выехал в Николаевский города Батурина монастырь, где и скончался в глубокой старости. Множество духовно-музыкальных сочинений о. Виктора, хотя и не отличающихся хорошою школою, но дышащих самою задушевною искренностью и религиозным

одушевлением, остались ненапечатанными, кроме известной «Симоновской Херувимской». В настоящее время автографы наибольшего их числа находятся в библиотеке Синодального училища церковного пения. Тихое, вполголоса пение монахов Симонова, а позднее и Данилова монастыря пользовалось в свое время большою известностью как удивительно стройное и умирительное. Это пение долго существовало после о. Виктора, поддерживаемое до 1870-х годов учеником его о. Венедиктом.

Об *Андрее Петровиче Эсаулове* пока известно, что он был знаком с А. С. Пушкиным и его другом Е. А. Баратынским. Последние годы своей жизни Эсаулов провел в Рязани, где его знали покойные ныне рязанские композиторы Н. Д. Дмитриев и о. М. А. Виноградов. В письме к П. В. Нащокину от 26 июня 1831 года Пушкин приписал поклон Эсаулову, а в другом письме (март 1834 года) великий поэт пишет: «Андрей Петрович в ужасном положении. Он умирал с голоду и сходил с ума. Соболевский и я, мы помогали ему деньгами скупю, увещаниями щедро. Теперь думаю отправить его в полк капельмейстером. Он художник в душе и в привычках, то есть беспечен, нерешителен, ленив, горд и легкомыслен; предпочитает всею независимость. Но ведь и нищий независимее поденщика. Я ему ставлю в пример немецких гениев, преодолевших столько горя, дабы добиться славы и куска хлеба. Сколько ты должен ему? Хочешь, я за тебя и ему заплачу?»⁸

Из сочинений Эсаулова, крайне нервных, отличающихся непомерно частым употреблением диссонансов, самых рискованных для хора модуляций, наиболее известны: «Свете тихий», «Ныне отпускаеши», «Хвалите имя Господне», восьмиголосная Херувимская и концерт «Не ввери мя». Другие приписываемые Эсаулову композиции незначительны числом и содержанием.

Дегтярев, Ведель, о. Виктор и Эсаулов провели свою жизнь вне Петербурга, вне влияния Придворной капеллы и потому их сочинения, нося субъективный характер, не выражают собою последовательных ступеней общего развития нашего хорового богослужебного пения в той мере, как это очевидно в сочинениях особенно директоров Придворной капеллы, задававших тон в нашей певческой литературе.

Бортнянский и Львов были директорами Капеллы очень длинные сроки и много работали на своем веку. Оба они были музыканты отличной школы, одаренные творческим даром, много писали и имели власть распространять свои сочинения. Поэтому влияние того и другого в свое время было огромно, да и самые сочинения их стоят неизмеримо выше сочинений Дегтярева, Веделя и проч., как по мастерству письма, так и по силе вдохновения.

Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825), земляк Березовского, родился в Глухове Черниговской губернии, поступил в «камер-певчие» в 1758 году. Отличные его способности и превосходный дискант скоро обратили на себя внимание императрицы Екатерины II, поручившей Галуппи

занияться образованием Бортнянского и пославшей затем его в Венецию (1768) продолжать занятия с тем же Галуппи. Возвратившись из Италии (1779), Бортнянский, во внимание к отличным достоинствам его сочинений, вскоре был удостоен звания «композитора придворного певческого хора», а в 1796 году был назначен директором Придворной певческой капеллы и оставался в этой должности до своей кончины. Помимо творческого дара Бортнянский обнаружил на новой должности и свой крупный талант организатора. Устроив Капеллу, изгнав из нее крик, Бортнянский энергично восстал против распущенности пения, царившей тогда в храмах и полной чуть не ариями модных итальянских опер. Такое печальнейшее состояние нашего церковного пения побудило Св. Синод, конечно, не без ходатайства Бортнянского, распорядиться, чтобы партесное пение в церквях производить не иначе, как только по печатным нотам, и чтобы те ноты печатались не иначе, как с одобрения директора Капеллы. Этим было положено начало хоть какому-нибудь порядку в нашем церковном пении и сильно возвышена власть директора Певческой капеллы.

Превосходно владея умением писать для хора, Бортнянский написал очень большое число сочинений безукоризненных по гармонии, но слишком сладких, иногда более подчиненных звучности хора, чем совпадению музыки со смыслом текста. В особенную заслугу Бортнянскому следует поставить совершенное отсутствие злоупотребления силою звука и отсутствие тех нелепых приемов, которые могли бы «развлекать» молящихся в храме. Напрасно старались возвеличить Бортнянского в гении. Конечно, его вдохновению принадлежат превосходные вещи и его влиянием начинается новый период нашего церковного пения, но уже то, что $\frac{9}{10}$ его сочинений почти забыты, не свидетельствует о гениальности. «Сахар Медович Патокин», по выражению Глинки, есть характерный свидетель и передовой деятель своего времени, отличный его музыкант, но не более. О действительной заслуге Бортнянского, хотя и не понятой в свое время и не имевшей никаких последствий, то есть о «Проекте об отпечатании крюкового пения», как и о его отличных переложениях, будет сказано ниже. Концерт «Живый в помощи Вышняго» есть один из нескольких лучших концертов Бортнянского. *Chefs d'œuvre* Бортнянского — Херувимская D dur (№ 7) и гимн «Коль славен».

Незабвенный *М. И. Глинка* также потрудился над духовно-музыкальным сочинением и переложениями наших древних роспевов. В первый раз Глинка обратил внимание на наше церковное пение (с 1837 по 1839 год), когда он был приглашен учить придворных певчих. Император Николай Павлович особо отметил это приглашение Глинки в Капеллу, сказав ему: «Только прошу, чтобы они не были итальянцами». Несмотря на дивное проникновение Глинки народными напевами, он все-таки не уловил в это время секрета нашей народно-церковной песни и написал лишь шестиго-

лосную Херувимскую — идеальной чистоты вдохновения в первой своей части, но «весьма неудачную», по собственному его приговору. Херувимская эта совершенно не русская. Позднее, в 1853 году, Глинка, уже знаменитый, вновь и серьезно вдумывался в наши нужды. Он решился *учиться*, полагая найти разрешение разных неясных для него вопросов в сочинениях знаменитых классиков XVI века. Глинка даже поехал к Дену в Берлин (1856), но смерть порвала все надежды на открытия этого дивно гениального человека, уповавшего «проложить тропинку к нашей церковной музыке». Плодом занятий Глинки в эти последние годы были его переложения «Первой ектении» и трио «Да исправится», но «тропинка» так и осталась непроложенною.

Немало труда положил в стремлении раскрыть наши церковные лады *Гавриил Якимович Ломакин* (1812—1885), сын шереметевского управляющего, ученик Сапиенци-сына, превосходный регент графской капеллы, учитель Придворной капеллы, главный сотрудник Львова, композитор, учредитель вместе с М. А. Балакиревым Бесплатной музыкальной школы (1861) и автор интереснейших записок («Русская старина», 1886). Познакомься еще в 1832 году с М. И. Глинкой, Ломакин в беседах с ним, затем с Зарембою, Потуловым и кн. Одоевским заинтересовался гармониею церковных ладов, до тех пор известною ему лишь по скудному руководству Рейхи, и задумал добиться чего-либо чисто практическим путем, то есть, изучив Палестрину, приложить его гармонии к нашим древним напевам. Ломакин работал много и горячо, но труды его совершенно разбились о равнодушие его слушателей. Нам неизвестны такие его работы, которые были бы действительно указавшими новый путь. «Тебе поем» Ломакина есть произведение итальянского пошиба, как и почти все многочисленные сочинения этого автора.

После Бортнянского директором Придворной капеллы был (1826—1836) *Федор Петрович Львов*. Он приобрел для Капеллы право издания сочинений Бортнянского, поддержал издание переложений Турчанинова. Не будучи композитором, но глубоко ценя искусство, Ф. П. Львов задумывался над русскою народною песнью, отлично знакомой ему благодаря дружбе и родству с Николаем Александровичем Львовым. Перу Ф. П. Львова принадлежит интересная брошюра «О пении в России» 1834 года. Преемником Ф. П. Львова по должности директора Капеллы был его сын *Алексей Федорович* (1798—1870). Этот замечательный человек занял место своего отца (1836), будучи уже автором русского гимна и упрочив за собою репутацию первоклассного артиста на скрипке. Для уяснения смысла последнего упоминания достаточно указать на рецензию знаменитого Р. Шумана. Он слышал в Лейпциге исполнение Львовым скрипичного концерта Мендельсона, дирижировавшего в это время оркестром, и отметил это исполнение так: «Если в России играют так, как г-н Львов, то всем нам надо ехать в Россию не учить, а учиться». Получив управление знаменитою Придворною капеллою в свои руки после

Бортнянского и своего родителя, Алексей Федорович не задумался поднять ее пение еще выше, и, действительно, довел ее до такого неподражаемого совершенства, которое поражало всех музыкантов, особенно же иностранцев. Это было лучшее время Капеллы.

В своих духовно-музыкальных сочинениях Алексей Федорович значительно уклонился от приторности итальянской школы и более был склонен к стилю немецкой полифонии. Владея более талантом исполнения, чем творчества, Алексей Федорович хотя и писал отлично выдержанные вещи, но не создал новой школы. Гораздо большее значение имеют его переложения древних напевов.

Капитальным трудом Львова, подобно «Проекту» Бортнянского, следует признать трактат «О свободном или несимметричном ритме» (1858). Прекрасные примеры Львова, подтверждая выводы, объясняют это глубоко-мысленное открытие о неритмованной музыкальной прозе, какую поют все наши гласовые напевы. Светлая мысль Алексея Федоровича, однако, доныне остается без дальнейших исследований и лишь практически развита во множестве сочинений последнего времени. «Уязвленную мою душу», исполняемое во втором историческом концерте, есть один из примеров, приложенных Львовым к этому трактату.

Сочинения Львова главным образом относятся к концертному стилю, рассчитанному на сильный и хороший хор. Лучшие из сочинений: концерт «Приклони, Господи, ухо Твое», две Херувимские песни, «Достойно есть» и некоторые из шести примеров несимметричного ритма.

ТРЕТИЙ КОНЦЕРТ: переложения древних напевов и оригинальные сочинения последних лет.

Крайности изысканно виртуозного и сентиментального направления нашли отпор в стремлении упростить наше церковное пение и приурочить его к гармонизации древних напевов или, по крайней мере, к подражанию этим напевам. Почин в этом деле принадлежал Бортнянскому, от которого, по-видимому, следовало бы ожидать того всего менее. Бортнянский, автор множества духовно-музыкальных произведений итальянского стиля, был даровитый, отлично образованный, умный музыкант, превосходно писавший для хора, глубоко верующий русский человек. Суета итальяномании в нашем церковном пении была ему вполне понятна, но, вероятно, под давлением окружающего, у него не хватило смелости отступить от этой суеты в своих композициях и не хватило духа настоять, где следовало, на осуществлении его «Проекта об отпечатании древнего русского крюкового пения». Конечно, превосходные переложения Бортнянского, полные умили-тельной простоты и глубины содержания, например, «Под Твою милость», «Приидите ублажим», Херувимская № 5 (так называемая «органныя»), «Помощник и Покровитель» и др., надолго переживут все его оригинальные

сочинения, ныне уже почти забытые, кроме некоторых действительно вдохновенных. Проект Бортнянского надолго останется катехизисом русской школы. Это произведение, лучшее из всего написанного Бортнянским, вполне очерчивает глубокий ум и знания автора, сумевшего еще тогда остаться русским в глубине своей души, понять цену нашего древнего музыкального сокровища и верно угадать истинную дорогу для его разработки. Подробно и убедительно доказывая, что наше древнее пение имеет верное изображение только в крюковой его нотации, а не нотной, Бортнянский изложил в «Проекте», между прочим, следующие верные предсказания: «...Тогда прекращены были бы нелепые и самовольные церковного пения переправы, и тогда можно было бы иметь полный перевод древнего пения, расположенный в мере, не разрушая мелодии онаго, а сие было бы самым прочным основанием контрапункта отечественного»; «Объясненная крюковая система была бы средством составить по ней самую полную и подробную азбуку для всего церковного пения, которая была бы самым лучшим способом познать подробнее свойства диатонического рода, в каком идет все наше церковное пение, противоположно новейшей музыкальной системе»; «Древнее пение, быв неисчерпаемым источником для образуемого новейшего пения, возродило бы подавленный тернием отечественный гений и от возрождения его явился бы свой собственный музыкальный мир». Эти краткие выписки выразительно подтверждают, как ясно предугадывал Бортнянский значение крюкового пения для нашего будущего «отечественного контрапункта» и русского «собственного музыкального мира», как ценил он «отечественный гений, подавленный тернием»⁹.

На первый раз зерно, брошенное Бортнянским, попало на почву киевского лаврского пения. В этом русском, любимом у нас распеве часто слышится какая-то нотка, грустная, неуловимая, но живо чувствуемая, бьющая в русское богомольное сердце. В прошлом, благодаря архиереям-малороссам, влияние киевского распева на наше хоровое пение было огромно, и только им можно объяснить все излюбленные у нас типичные голосоведения в переложениях Турчанинова и в общеупотребительном львовском придворном распеве, которые наполняют собою почти все наше нынешнее храмовое пение.

Протоиерей *Петр Иванович Турчанинов* (1779—1856) был впервые замечен в 1790 году в Киеве графом Потемкиным, отправившим мальчика учиться в Яссы к Сарти. Турчанинов, однако, скоро вернулся в Киев и поступил в хор генерала Леванидова, под руководство Веделя, всей душой привязавшегося к своему ученику. Расставшись 19-ти лет со своим учителем, Турчанинов, уже будучи опытным регентом, принял (1798) место регента хора киевского наместника генерала Теплова. Когда через три года Теплов был переведен в Санкт-Петербург, он отправил свою капеллу с Турчаниновым в свое орловское имение. Остановившись проездом в городе Севске,

Турчанинов случайно услышал местный архиерейский хор и, пришедши в негодование от его нелепого пения, не постеснялся высказать хору свои замечания. Этот случай совершенно изменил судьбу Турчанинова: резкий и правдивый критик полюбился преосвященному, сделался у него регентом, женился, принял священство и в тишине севской уездной жизни создал себе первую славу композитора и превосходного регента. Мысли Турчанинова о способе гармонизации древних роспевов установились именно в это время. В 1809 году Турчанинов переселился в Санкт-Петербург, заняв место регента хора митрополита Амвросия, и затем (с 1818 года) занимался с хором Дубянского при Мариинской больнице. Превосходное пение этих хоров сблизило его с Бортиянским, доверившим Турчанинову даже издание своих сочинений. Новый директор капеллы Федор Петрович Львов, еще мало оцененный до сего времени, давно сочувствовал Турчанинову. Он пригласил Турчанинова занять место учителя придворных певчих, издал две части его переложений (1831 года) и пристроил протоиереем в придворное ведомство. Живя в Стрельне (1836—1841), Турчанинов часто посещал соседнюю Сергиеву пустынь, полюбил ее и своими занятиями с ее хором положил основание славному пению этой обители. Нынешняя вся первая часть сочинений Турчанинова была написана им именно в это время и для Сергиевой пустыни. Приготовив, наконец, в 1841 году полное издание своих сочинений и переложений, Турчанинов, уже почтенный 64-летний старец, вышел в отставку и провел остальные 14 лет своей жизни в тихом кругу семьи.

Хотя нельзя сравнивать Турчанинова по силе таланта и учености с лучшими нашими сочинителями, тем не менее значение его переложений огромно. Отличаясь достаточною корректностью в письме, Турчанинов вложил в переложения всю свою теплую душу, угадал в древних напевах их грустную, умильную русскую нотку и присвоил им те простые гармонические сопровождения, которые выработались само собою у не зараженных итальянщиною, простых певцов Киевской Печерской лавры. Именно по этой причине и по глубокомысленному содержанию древних напевов переложения Турчанинова, несмотря на многие их недочеты*, все же остаются до сих пор любимыми и единственными в своем роде, ибо они нежно трогательны, благоговейны, звучны и очень удобны для исполнения. Обыкновенно Турчанинов отдавал древний напев альту; задостойник на Сретение, в котором древний напев дан басу, выбран для концерта как одно из удачнейших переложений.

Оригинальные сочинения Турчанинова не имеют и малой доли тех достоинств и повсеместной известности, какую заслужила большая часть его

* Например, постоянные параллелизмы в голосах, частое перемещение древнего напева по кусочкам из одного голоса в другой, произвольные и излишние изменения напева знаками повышения и понижения и т. п.

переложений. Попытка Турчанинова переложить «догматики», где он встретился с протяжными и образцово выдержанными мелодиями большого знаменного распева, кончилась полною неудачею. Мысль о гармонизации в древнецерковных ладах была в то время еще недостаточно выяснена, да и мастерство письма Турчанинова было слабо для такой работы. Турчанинов неудачно озаглавил их «сделанными в духе церковных напевов»; он, очевидно, сам понимал всю слабость своего труда и остерегся издать его при своей жизни.

Громадная работа переложения древних напевов в четырехголосную гармонию, возложенная по высочайшему повелению на Львова, хотя и была старательно выполнена им с Воротниковым и, всего более, с Ломакиным в духе требований того времени, но не имела никакого успеха как по несостоятельности руководящей идеи, так и по множеству столкновений «генерал-майора» Львова со всеми имевшими прикосновение к этому делу в качестве судей и экспертов. Обоюдная и неуместная ревность, недоверчивость и неуступчивость, ошибки обеих сторон расстроили дело, в сущности прекрасное и добросовестное. Они создали для Львова лишь одни огорчения, вызвали «генерал-майора» на несколько неудачных воздействий в Москве, встретивших самый дружный отпор со стороны именно тех, которые, казалось бы, должны были ухватиться за Львова обеими руками. Будущие историки, конечно, спокойно разберутся в этом печальном недоразумении и страстном столкновении знания с незнанием и сомнением, посильного труда со злорадною критикою московских практиков-знаменитостей и своеобразных композиторов. Во всяком случае за Львовым остается совершенная чистота намерений, громадный и многолетний труд и множество выстраданных минут и незаслуженных оскорблений. Борьба эта началась личными столкновениями в Москве, кончилась на бумаге в Петербурге и была поистине жестокая и, в сущности, бесцельная. Одним из оригинальных эпизодов этой борьбы было напечатание Львовым для гремевших славою московских композиторов — архимандрита Феофана и многих других самой элементарной брошюры «Несколько слов о правилах, необходимых для сочинения гармонического пения». Окончательный удар трудам Львова был нанесен с совсем другой стороны — разъяснением надобности иных музыкальных принципов для переложения наших древних напевов. Сам Львов предвидел этот удар, ибо вполне понимал всю непригодность западной гармонии для наших древних напевов, но дело было сделано, борьба со сладкозвучными септаккордами не требовалась, да и прежние московские критики не особенно настаивали на церковных ладах и строгом стиле гармонии.

Тем не менее «Обиход» Львова и множество отдельных страниц других его переложений суть весьма крупное событие в церковно-певческой жизни России, которое, в связи с рассылкою из Капеллы обученных регентов во все наши главные города, сразу улучшило пение всех архиерейских хоров и со-

общило пению повсеместную хорошую дисциплину. Значительное число отличных переложений Львова, и особенно, например, «Благослови, душе моя, Господа», «Хвалите имя Господне», «Милость мира» ярославского напева, многие воскресные каноны и гласовые напевы на «Господи возвах» и «Бог Господь», некоторые песнопения при архиерейском служении, суть истинные перлы нашей литературы¹⁰.

Все неудачи попыток к гармонизации церковных напевов заставили, наконец, русских музыкантов вдуматься в причины такого явления. С доброго почина Глинки к этому делу приложили свои старания такие люди, сильные умом, талантом, знанием и настойчивостью, как кн. В. Ф. Одоевский, Г. Я. Ломакин, Д. В. Разумовский, Н. М. Потулов, здравствующий поныне Ю. К. Арнольд, незабвенный П. И. Чайковский и, наконец, М. А. Балакирев и Н. А. Римский-Корсаков.

Князь Владимир Федорович Одоевский (1803—1869), еще мало оцененный до сего времени, был всесторонне образованный человек удивительного ума, смелый, пытливый, глубокомысленный, способный собирать людей вокруг себя, поддерживать их и руководить ими. Глубоко заинтересовавшись ладами, в которых изложены наши народные песни и церковные напевы, князь Одоевский в беседах с Глинкою и Ломакиным, позднее же с Разумовским и Потуловым, формулировал ряд научных положений, которыми доказал принципиальную ошибку львовских переложений и надобность гармонизации в церковных ладах. Незабвенный историк церковного пения в России протоиерей *Димитрий Васильевич Разумовский* (1818—1889) помогал делу филологическими изысканиями, а *Николай Михайлович Потулов* (1810—1873) — своими строгими гармонизациями. Синодальные певчие в 1864 году исполнили в целом ряде служб у Св. Георгия на Всполье (то есть в храме, где служил протоиерей Разумовский) почти все гармонизации Потулова, и эти службы приветствовались тогда как начало нового периода нашего церковного пения. На деле, однако, оказалось, что при всей своей добросовестности и точности Потулов не был талантлив и способен к творчеству, а только умен и скромн, совершенно прилежен и доказателен в своей работе. Он совершенно не позволял себе сколько-нибудь выйти из узких рамок «чистого трезвучия» и, строго гармонизуя, ни разу не развернулся хотя в каком-нибудь сильно прочувствованном порыве... В этой холодности, в этом формализме потуловских переложений скрывалась вся причина их неуспеха¹¹.

Уже сошли в могилу все эти скромные и почтенные люди, много и с любовью потрудившиеся над przygotowательными работами в вопросе о гармонизации нашего древнего пения. Здравствующий донныне высокопочтенный старец *Юрий Карлович Арнольд* (р. 1811), один из самых образованных и смелых умов [среди] русских музыкантов, работал отдельно от всех в течение сорока лет над изучением древневизантийской теории гласов и, сойдясь с Д. В. Разумовским в последние годы его жизни, обогатил нас двумя капи-

тальными трудами: «Теория древнерусского церковного и народного пения...» (1880) и «Гармонизация древнерусского церковного пения...» (1886). «Достойно» в переложении Ю. К. Арнольда имеет уже гораздо более свободы голосоведения и модуляций, чем то позволялось у Потулова.

Оставляя до будущих лет очерк деятельности и исполнение сочинений Архангельского, Бахметева, Виноградова, Дмитриева, Воротникова, Львовского, Металлова, Полуэктова, Соловьева и очень многих других почтенных деятелей, внесших много нового в наше хоровое пение, нельзя не отметить еще скороспелость нынешнего увлечения композицией и гармонизацией, плодом которого является разве увеличение каталогов музыкальных фирм.

Гораздо серьезнее этого увлечения огромный успех музыкального образования в России, весьма значительное число хороших музыкальных сил, общее внимание к древним напевам и усиление их преподавания в наших школах. Эти данные не могут не укреплять надежды, что появится же, наконец, светлый ум и сильный талант, который скажет русским музыкантам недостающее нам краткое, простое и ясное слово о наших ладах и ритмах, — столь же вразумительное, глубокомысленное и понятное, как понятны простой церковный древний напев и народная песня, родная сестра того древнего напева, выражающего задушевнейшие русские мысли в сфере созерцательного самоуглубления, — во вдохновении религиозном. Незабвенный *Петр Ильич Чайковский* был уже весьма близок к разгадке этого простого слова, над которым, подобно Глинке, стал задумываться в последнюю пору своей жизни. В его *Всенощной* есть уже превосходные строки, доказывающие, как много дает простой задушевный напев в руках хорошего мастера. Еще ближе подходят к безукоризненному гармоническому изложению многие строки из *Всенощной* издания Придворной капеллы, в которых очевидна мастерская рука таких почтенных музыкантов, как М. А. Балакирев и, особенно, Н. А. Римский-Корсаков. Последний уже дал нам истинные перлы нашего церковного пения, например «Се Жених», «Тебе Бога хвалим» и многие другие. В *Херувимской* Римского-Корсакова и в избранных песнопениях из Литургии Чайковского, особенно «Тебе поем» и «Верую», нельзя не признать вдохновенный шаг вперед в толковании пением богослужебного текста.

Комментарии

Работа была впервые опубликована в виде буклета к циклу Исторических концертов Синодального хора в 1895 году.

В настоящей публикации практически не комментируются излагаемые Смоленским данные о тех или иных авторах церковных композиций (некоторые очевидные ошибки исправлены без оговорок), а также не выправляются по современным изданиям цитаты из исторических памятников, приводимые в тексте (Смоленский, заковычивая цитаты, обращается с ними подчас вольно). Целый ряд высказываемых ав-

тором общих суждений и предположений освещается материалами третьего тома данной серии, предметом которого является церковно-певческая жизнь второй половины XIX — начала XX века.

1. Синодальный хор более не проводил циклов Исторических концертов. Отдельные программы хора, однако, носили подзаголовки такого рода, например, концерт 19 декабря 1901 года — «Первый концерт, представляющий исторический ход партесного пения на Руси», или концерт 8 ноября 1909 года — «Два параллельных течения в духовно-певческой литературе» и т. д. (подробнее см. в разделе «Концертная деятельность» во второй книге тома).

Что касается планов дальнейших исторических концертов в 1895 году, еще трех из шести, то о них нет точных сведений. Правда, Н. Д. Успенский в предисловии к хрестоматии «Русский хоровой концерт конца XVII — первой половины XVIII веков» (Л., 1976) ссылается на литографированный сборник под названием «Первые 6 Исторических концертов Синодального училища церковного пения», но нам разыскать этот экземпляр не удалось.

Возможно, что в концертах предполагалось исполнить не только образцы русские и славянские, о которых говорит Смоленский, но и образцы западноевропейские, которые ставили бы «западное влияние» в русской духовной музыке в соответствующий контекст. Может быть, о подобных планах свидетельствует письмо С. И. Танеева (с которым Смоленский вообще советовался о составе Исторических концертов) от 22 июня 1894 года:

С полным сочувствием отношусь к Вашему намерению познакомить московскую публику с образцовыми произведениями композиторов вокального стиля. <...> Относительно программы замечу, что наряду с интересом эстетическим, следовало бы сообщить ей также интерес исторический. Для этой цели было бы желательно: а) исполнить несколько сочинений нидерландских предшественников Палестрины и Лассо, между коими первое место должно быть отведено Жоскину де Пре (укажу на его *Stabat Mater* <...> и на мессу «*Nomme armé*») <...> б) из сочинений самого Палестрины исполнить также и более ранние, где он является прямым последователем нидерландцев и пользуется их приемами сочинения (например, месса «*Esse homo*» и другие из 1-й книги месс полного собрания его сочинений изд[ания] Брейткопфа и Гертеля). Таким образом эпоха строгого стиля будет представлена в ее историческом ходе, а сочинения Лотти, Скарлатти и Аллегри, в свою очередь, явятся следующим звеном с композициями тех итальянцев, которые писали нашу церковную музыку. в) Что касается до композиторов протестантских, то одного Шютца мало и уже без Баха ни в каком случае не следовало бы обходиться (например, 5 его превосходных мотетов *a cappella*) (Танеев С. И. Письма к С. В. Смоленскому — РГИА, ф. 1119, оп. 1, ед. хр. 168).

В фондах Мемориального музея-квартиры Н. С. Голованова (филиал ГЦММК имени М. И. Глинки) сохранился литографированный «Сборник песнопений XVII века», имеющий атрибуцию «Певческая библиотека Синодального хора, № 1909». На 166-ти

страницах сборника представлены следующие песнопения, очевидно предназначенные для Исторических концертов:

Канты, псалмы XVII века:

Стихотворный певчий календарь Симеона Полоцкого (рукопись Солов[ецкой] библ., № 800, л. 150): сентябрь, октябрь.

Псалмы из Стихотворной псалтыри Симеона Полоцкого — пс. 11, 15, 20, 27, 59, 84, 85 (рукопись Солов. библ., № 800).

Кант «Архангельским гласом» (Солов. ркп., № 801).

Кант «Аще когда солнце» (Солов. ркп., № 654).

Кант Воскресению Христову (Солов. ркп., № 654).

Кант св. Иоанну Предтече (Солов. ркп., № 654).

Большое многолетие (С dur) 6-голосное.

Всенощное бдение 6-голосное («Докса си Кирие», «Благослови, душе моя»).

Титов. Свете тихий (на 12 голосов).

Титов. Ныне отпускаеши (на 11 голосов).

Титов. Хвалите имя Господне (на 6 голосов).

Редриков. Херувимская песнь (на 7 голосов).

Ектения (на 4 голоса).

Из службы полной партесной на 4 голоса (№ 85).

Концерт «Небеса убо достойно» на 12 голосов.

Свете тихий (на 4 голоса).

Всемирную славу.

Вечерняя наша молитвы.

Богородице Дево (на 9-й песни припев [канона] Сретению Господню).

У двух песнопений (концерт и «Свете тихий» на 4 голоса) имеются даты переписчика — 2 и 9 ноября 1894 года.

2. Дата 1677 год относится не к вильнюсской, а к смоленской редакции «Мусикийской грамматики».

3. Подробнее о составе, объеме и дальнейшей судьбе рукописной коллекции Синодального училища, а также о принципах работы Смоленского с этим материалом см. во вступлении и комментариях к нижеследующей статье «О собрании русских древнепевческих рукописей...», а также в разделе «Архивные документы».

4. Подробнее см. в статье «О собрании русских древнепевческих рукописей...» Можно привести также для сравнения фрагмент из Воспоминаний Смоленского, посвященный отбору репертуара для клиросного пения хора в первые годы реформы: «Несомненная простота, звучность и хорошая мелодичность многих этих сочинений убедили меня, что этот род сочинений именно и есть та средняя дорога, которую надо выбрать между итальянской сладостью и виртуозностью, с одной стороны, а с другой — знаменным и иными древними роспевами... Сближение всяких «разоренных», «ипатьевских», «старосимоновских» и прочих с контрапунктическими приемами Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова и возможность остаться дома своим же художником, пользуясь новыми и разумными средствами при старых и уже излюбленных материалах, — вот та дорога, которую я указал Орлову, к счастью моему, своему и Синодального хора понявшему дело сразу и правильно» (Т. I. С. 83).

5. По данным Н. Д. Успенского и Ю. В. Келдыша концерт «Небеса убо достойно да веселятся» принадлежит Василию Титову, а не Николаю Бавыкину (см., например: Русский хоровой концерт конца XVII — первой половины XVIII веков / Сост. и исследование Н. Д. Успенского. Л., 1976. С. 5).

6. Число известных к сегодняшнему дню сочинений С. А. Дегтярева значительно больше. См. об этом, например, очерк Е. М. Левашева // История русской музыки в 10-ти томах. Т. 4. М., 1986. С. 184—208.

7. Ныне установлены другие даты жизни А. Л. Веделя: 1772—1808. Число его духовных произведений также иное, нежели указываемое далее Смоленским.

8. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1938. С. 342—343.

9. Смоленский цитирует так называемый «Проект Бортнянского» по собственному предисловию к изданию «Азбуки Александра Мезенца» (Казань, 1888. С. 26—27), вольно соединяя при этом разные фрагменты и дополняя их вставками. Кроме того, он принимает как данность авторство Бортнянского относительно этого текста; между тем оно до сих пор не доказано (см., например: *Белоенко А. С.* К вопросу об авторстве «Проекта Бортнянского» // Сб. научных трудов ГМПИ имени Гнесиных. Вып. 83. М., 1986. С. 153—175).

10. Точка зрения Смоленского на деятельность А. Ф. Львова по гармонизации Обихода заметно отличается как от принятой ранее в московских кругах (например, у Разумовского и Одоевского), так и от сложившейся позже в среде деятелей Нового направления (см., например, в публикуемой в третьем томе работе А. В. Преображенского). Подробнее этот вопрос, как и вопрос отношений Львова с комиссией московских знатоков пения, рассматривается в третьем томе. Вероятно, кроме слухового опыта юности и казанских лет, когда Смоленский часто исполнял произведения А. Ф. Львова с разными хорами, кроме сильных впечатлений от пения Придворной капеллы, полученных в детстве, определенную роль здесь мог играть и «личный фактор»: главным музыкальным наставником Смоленского в детстве и молодости был Леонид Федорович Львов, брат директора Капеллы Алексея Федоровича.

11. Подробнее о деятельности «московского кружка» В. Ф. Одоевского, Д. В. Разумовского и Н. М. Потулова см. в первом разделе третьего тома серии. Отметим, что потуловские переложения неоднократно исполнялись Синодальным хором: так, первое исполнение гармонизаций литургии киевского роспева состоялось за службой в храме св. Георгия на Всполье по благословию митрополита Филарета 19 января 1864 года, в первый раз в Успенском соборе Кремля синодальные певчие пели потуловские переложения 15 марта 1864 года.

С. В. Смоленский

Посвящается памяти профессора Московской консерватории протоиерея Димитрия Васильевича Разумовского

О собрании русских древнепевческих рукописей в Московском Синодальном училище церковного пения

Краткое предварительное сообщение

Цвет русского искусства — впереди. Вся громадная художественная работа России в девятнадцатом веке — работа подготовительная. Вся эта дивная выработка языка, все эти смелости и тонкости музыкальной и живописной техники, все это глубокое усвоение народных форм творчества, вся эта горячая и искренняя правдивость в изображении действительности, — все это лишь драгоценный материал, из коего будет воздвигнуто величавое здание русского искусства двадцатого века.

С. Рачинский

I

Уступая желанию издателя «Русской музыкальной газеты», столь снисходительно удостоившей своим вниманием вверенное мне Синодальное училище церковного пения, позволяю себе сделать это краткое предварительное сообщение о собрании певческих рукописей, составленном в последние годы для этого училища с помощью добрых и просвещенных людей. Это собрание представляется теперь настолько значительным и авторитетным как по числу рукописей, так, особенно, и по их содержанию, что в недалеком будущем, вероятно, даст возможность вписать совершенно новые страницы в историю русского церковного пения, — страницы живые, наглядно дока-

зывающие, как было сильно и многосодержательно русское художественное движение, особенно во второй половине XVII и начале XVIII века, — эпохе бурной вообще, полной самого трогательного интереса и глубокой поучительности. Та же библиотека рукописей, содержащая ныне огромное количество разных напевов, несомненно, даст работающим в ней самые ценные по своей непреложности научные материалы для чисто теоретических исследований в области теории строения нашего родного напева и, особенно, его ритмов и форм.

Начало собрания библиотеки рукописей Синодального училища было сделано несколько лет назад лишь с целью иметь достаточное количество памятников для училищного курса истории церковного пения в России. Так как хоровое и древне-одноголосное церковное пение в Синодальном училище, кроме курсов общеобразовательных и художественно-музыкальных, суть самые главные из изучаемых предметов, то подробности их курсов и разные художественные работы не могли не быть утвержденными на основаниях совершенно авторитетных документов и допущенными не иначе как по критическом исследовании всегда имеющихся под руками памятников. С другой стороны, так как известные нотные издания Св. Синода заключают в себе изложения лишь немногих одноголосных роспевов, так как они вполне годны лишь для классных занятий, для практического употребления за службами и представляются не вполне достаточными для научных работ и высших курсов по своему объему и по отсутствию в них первоначальной *крюковой* нотации, то многочисленное собрание крюковых рукописей, преимущественно XVII века, представлялось особенно важным и желательным пособием для работ всякого рода в этой области. По рукописям этого века легко проследить, исходя от последнего развития напевов со времени наибольшей разности между читавшимися и роспевавшимися текстами, все внешние и внутренние перемены певчих книг, разнящихся между собою не только по незначительным промежуткам времени, но даже и по местам их написания, по непримиримым и упорным традициям певцов разных оттенков и проч.

Чтобы судить о важности в художественном смысле XVII века в России, достаточно вспомнить, например, о пластических и литературных его памятниках, достаточно сказать, что в течение шестидесяти—семидесяти лет прежде господствовавшие раздельноречные, или «хомовые», тексты успели умножиться вновь сочиненными службами незадолго перед тем канонизованным святым, умножились вновь сочиненною массою не допускавших до того свободных «ин роспевов», или «произволов», что те же напевы, прежде чем принялись за их исправление свыше, были сначала самовольно переправлены на самовольно же составленные истинноречные тексты, что те же напевы вытерпели затем свое приложение к филаретовским, иосифовским, никоновским исправлениям текстов и, наконец, приняв в общение огромнейшую массу киевских, болгарских, греческих и понемногу всяких роспевов, были переписаны с крюков на пятилинейные ноты; достаточно

вспомнить религиозные напряжения XVII века в России, исторические ужасы этого времени в Москве, Киеве, Белой Руси и Малороссии; достаточно представить степень сердечного участия русского человека в его церковной службе, чтобы дать цену всем этим историко-художественным документам, оставившим нам вполне явные свидетельства о самых искренних вдохновениях истинно русских людей, о малодушном шатании умов, прельстившихся чужеземною новизною, о стойкости в убежденной борьбе многих ревнителей-художников, не отрицавших ни от чего хорошего, откуда бы оно ни было, но грудью защитивших в свое время родное нам и уцелевшее по их подвигу русское искусство. Совершенно нетрудное для историка сравнительное исследование в памятниках XVII века всяких мелких подробностей легко дает возможность насладиться работою над ними, видеть все случайности наслоения в любом напеве и доказательно определить в нем ту дорогую художественную суть, над которой были проделаны в свое время всякие эксперименты, полезные и бесполезные, удачные и неудачные. Та же суть, *ultima ratio*^{*} напева русского, для художника-музыканта представляется ныне еще яснее и драгоценнее в крюковом хорошем изложении, то есть именно в том, что предугадал еще Д. С. Бортнянский как «самое прочное основание контрапункта отечественного»¹. Та же суть, может быть, вскоре поможет «проложить новую тропинку», о надобности и о желательном смысле которой так думал незабвенный М. И. Глинка.

Но случилось еще нечто вполне неожиданное. Просвещенное сочувствие и счастливейшие случаи чрезвычайно расширили богатства библиотеки рукописей Синодального училища в сторону хорового русского церковного пения времени второй половины XVII и начала XVIII веков. Эти богатства, вполне естественно указывающие на степень усвоения нашими предками гармонии и контрапункта западного склада, уясняют также и меру вложения в их средства и приемы чисто русских начал, так как, без всякого сомнения, наши первые композиторы были истовые русские церковные певцы, до мозга костей проникнутые русским церковным напевом и народною песнью.

Трудно сказать сейчас что-либо определенное о несомненно существовавших разных направлениях в этой области, так как Синодальное училище получило такой огромный вклад интереснейших материалов, разобраться в которых пока, даже как-нибудь, нет возможности. Пока можно увериться только в бывшем огромном художественном, и притом *русском*, движении в церковно-певческой области. Малейшая часть этой массы, бывшая известною до сего времени, совершенно теряется во вновь собранном и зарегистрированном донныне усилиями немногих работников библиотеки. Достаточно сказать, что теперь имеется по несколько десятков, даже сотен, всякого рода духовно-музыкальных русских сочинений на 3, 4, 5, 6, 8, 12, 16, 24 и даже 48 голосов; например, одних 12-голосных, или треххорных, концертов

^{*} Конечный смысл (*лат.*).

имеется 477; что несколько раз, свыше десяти, были гармонизованы Праздники, Октоих, Обиход, Трезвонь всяких роспевов и на всякое число голов; что открыта целая масса хоровых знаменных и демественных партитур, духовных стихов, кантов, псалмов, светских песен и т. п.

Это богатейшее приобретение, полученное главным образом от высокопреосвященнейших архиепископов Сергия Владимирского, Феогноста Новгородского, Димитрия Тверского и других, оказалось немаловажным также и в сторону одногласного пения и тех случайных документов, которые открывают иногда совершенно неожиданные и выразительные мелочи истории нашего искусства. Про этот отдел можно сказать, что до сих пор, оказывается, нам была известна не более как микроскопическая часть древнего одногласного пения, особенно в области Обиходов, малых праздников и иноземных роспевов; что до сих пор были совершенно неизвестны некоторые теоретические трактаты о древнем пении, особые буквенные трех- и одногласные нотации и многое другое.

Ныне библиотека рукописей имеет уже за 1100 номеров, причем все многотомные экземпляры, а также томы, содержащие по несколько певчих книг в одном переплете, считаются под одним номером.

Конечно, смысл и достоинство подобной библиотеки, кроме внутренних достоинств памятников, заключаются во внешнем порядке собрания и таком хорошем каталогическом описании их, которое бы давало возможность быстро находить все надобное для сравнительного исследования материалов. Без этого порядка и каталогизации всякая библиотека рукописей есть не более как куча старого хлама, разобраться в которой, ввиду специальности содержания, иногда не только трудно, но даже и невозможно. Чрезвычайное разнообразие молитвенных и певческих текстов постоянно представляется исследователю со множеством вариантов, происшедших как от разномыслия певцов-переписчиков, от времени написания рукописи, так и от изменений напевов вследствие огромного географического протяжения России. Дороги именно наблюдения над видоизменениями музыкальной мысли; дороги эти обособления, неизбежно происшедшие, кроме других причин, от влияния местной народной песни. Поэтому только при таком порядке сравнительного изучения и исследования, вполне доступном при простой, но подробнейшей каталогизации рукописей, возможно действительно плодотворное значение библиотеки Синодального училища; возможно и безубыточное пользование дряхлыми от старости памятниками; возможен очень выгодный и правильный, в смысле непотери времени и особых удобств при обозрении многих памятников зараз, порядок занятий и порядок самой библиотеки.

Понятно, что внезапно и недавно прибывший вклад еще далек от вышеуказанной каталогизации, но сделанное уже дает основание предвидеть в довольно ясных чертах пределы значения такого собрания для русской историко-музыкальной науки и для нашего церковно-певческого искусства. Значение это, во всяком случае, может быть тройкое: 1) научно-истори-

ческое — в смысле объяснения исторического музыкально-певческого и па-леографического достоинства памятников, их связи между собою и объясне-ния по ним открывающихся новых страниц в истории церковного пения в России, 2) художественно-церковное — в смысле расширения круга употре-бительных ныне напевов еще такими новыми, которые несомненно пре-красны, но не уцелели в народной памяти лишь от известного всем напора иноземного влияния на наше хоровое церковное пение в XVIII веке; в смысле возможности исправления и очень значительного дополнения суще-ствующих руководительных изданий на основании отличных по достоинст-ву документов и 3) музыкальное теоретическое — в смысле возможности пу-тем сравнительного исследования выяснить, наконец, типы нашего напева и «гласобежания», то есть русского мелодического выражения в церковном напеве — в этом самом серьезном, вдохновенном и самом душевном рус-ском творчестве, старшем брате нашей народной песни, в смысле возможно-сти выяснить, наконец, типы наших свободных ритмов и, особенно, свобод-ных форм, вполне изящных, своеобразных, очевидно дисциплинированных и отнюдь не рутинных. Считаю последнее особенно важным для будущего искусства. Мы привыкли к свободным формам и ритмам в такой степени, что даже пользуясь ими в их неказистом современном виде, не даем себе труда вникнуть в художественную красоту этой чудной комбинации свободы ритма с тонкою дисциплиною, как бы бесформенности с подчинением са-мым изящным и симметричным рисункам.

Почти каждая певческая рукопись интересна с внешне-художественной, чисто технической ее стороны и со стороны внутренней, относящейся к со-держанию написанного, всегда имеющей какие-либо особенности или под-робности местного или субъективного свойства. Внешность рукописей, изящность письма, вязей, заставок и рисунков всякого рода и т. п. в очень частых случаях полны самых поучительных данных для интересующихся мотивами русского орнамента. Русские писцы, пользовавшиеся особыми ко-сыми очинами пера для того или другого письма, пускали в ход в своих ри-сунках всю изобретательность, все остроумие и всю силу техники, с помо-щью которых они старательно исполняли свои рисунки, подчас отличные, живые, родные нам по мотивам построения; особенно хороши русские двойные и тройные вязи, отдельные заглавные буквы, полные хитроспле-тенного рисунка и изящной выдержанности. Самая искренняя любовь к ху-дожеству, самая трогательная склонность к благолепию и красоте дали нам в этих рисунках старых мастеров истинно поучительное наследство.

Внутреннее содержание певческих рукописей вполне естественно разде-ляется на два отдела: текст литературный и текст музыкальный; последний, в свою очередь, делится на изложение музыкальное с помощью всякого рода знамен или пятилинейных нот. По этому порядку расположено нижесле-дующее изложение.

1) Литературный или, лучше сказать, богослужебный текст в певческих рукописях имеет наибольшую ценность для филологов и занимающихся литургикою, так как тексты в певческих рукописях всегда излагаются без всяких титловых сокращений, сполна всеми буквами, всем правописанием местного говора и потому всегда и сполна представляют собою богослужебную редакцию своего века и места. Оттого певческие рукописи гораздо выразительнее других для углубляющихся в познание тонкостей языка, развития поместных форм и истории перерождения по времени русских говоров. Связь напева со словом, истинно крепкая по влиянию ритма, оказывает при этом самую существенную помощь постоянной точности выражений. Я почти отвергаю старое обвинение в том, чтобы в текстах певчих рукописей встречались относительно языка многие «злые описи», недопустимые, мне кажется, именно сопровождением напева, чего, конечно, нет в рукописях иного содержания. С другой стороны, тот же напев, в силу не открытых еще законов нашей мелодики и наших музыкально-свободных форм, допустил в наши тексты множество самых причудливых и удивительных добавочных украшений, точное значение которых, несмотря на многие вполне остроумные и даже весьма вероятные догадки, не может быть объяснено пока сколько-нибудь удовлетворительно. Несомненно, что ритмика напева участвует в местонахождении этих украшений, служащих вместе и показателями форм высокого порядка; несомненно, что эти, странные на первый раз, украшения суть престарелые деды нынешних «фит», то есть длинных вставных мелодий в коренные напевы; несомненно и то, что такие вставки, мало понятные ныне, не могли не считаться особой красотой, особою роскошью изложения. Вот примеры из разных времен, в которых нетрудно увидеть всю своеобразную для нашего времени оригинальность в употреблении таких украшений. Например:

XIII век («Всякое дыхание да хвалит Господа» — «кондакарного» знамени):

Всяко оовуо ооховуо ооховуо ооховуо ды ихиини ха хахаха ние да хвали хихиивуи ивуинини те ее Госпо ооооо да вуааауааавуа навуа.

XIV век (величание на Благовещение):

Архангелескьи глас вопием Ти чистая аллитан наниененаани радуися обрадованная Господь с Тобою.

XV век (демество):

Ангели възграйтеся Э радуйтеся земенни Э торжествуйте радостию яко Христос державу разруши Хабува сомерти Э и мирови нетление Э явися.

XVI век: (конец предначинательного псалма на вечерни):

Слава Ти Господи аненененаненененаней ненененананани сотворившему вся.

XVII век (многолетие):

Благоверному царю и великому князю Алексию Михайловичу всяя Руси дай да да Бог многа ле ле лета наниенинейнетеинеинеесиаиненаинаааанини аиене-

нааине нененаино умножи Боже лета аааинененааинененененаининеп-
неинеина инененененааининии и дай Бог ему многа лета аааааино.

Достоинно замечания, что все такие украшения песнопений встречаются в таких изложениях, которые, вероятнее всего, предназначались для самых торжественных служб. Мне, много раз слышавшему вышепоказанную «ананайку» у старообрядцев, сохранивших именно эту до сего времени, слышавшему хороших болгарских и греческих певцов на их родине, распевających «терирем, те терирем, терирем», вставляемое ими ради показания своего искусства или для избежания молчаливого момента в службе, в своем роде «*stille Messe*», — представляется некоторая аналогия «сих ахатей и ананайков со хабувами» с греческим обычаем, донине там существующим, с уцелевшим у них, как и румын, *исоном* — то есть своего рода педалью, тихонько припеваемую в нос всеми присутствующими в храме, то на тонике, то на доминанте, во время которой искусные певцы выделывают всевозможные вариации на данный напев.

Не менее интересны для филологов, опять ввиду крепости соединения текста с напевом, наблюдения за вековыми перерождениями нашего языка, наглядно ясными в разновременных рукописях одной какой-либо местности. В этом смысле певческие тексты, сдерживаемые ритмикою напева, выражают все комбинации русского полногласия в такой степени, что самое простое сравнительное наблюдение музыканта-филолога не может не привести его к ряду сюрпризов, подчас научно необъяснимых, но очевидно логичных по своей выдержанности. Удерживаясь от дальнейшего изложения как интересного лишь специалистам, позволяю себе, однако, сказать, что так называемое «хомовое», или раздельноречное, полногласное пение, в котором большая часть букв Ъ и Ь из старинного их размещения в середине слов заменяется буквами О и Е, живо еще до сих пор у беспоповцев и высокоинтересно для филологов своеобразностью своей фонетики. Должно положительно утверждать, что это удивительное явление в изложении русской речи, еще не обследованное научно, отнюдь не может быть объяснено, как думали до сих пор, лишь механической когда-то заменой полугласных букв гласными, ибо имеется к тому множество исключений, очевидных по связи их между собою и по зависимости их от ритмики напева².

Наконец, для историков не менее интересны самовольные исправления богослужебных книг и судьба давно минувших правительственных распоряжений о приведении тех книг в наилучший и однообразный порядок. Занимающимся XVII веком придется прочитать очень много нового между строк разновременных рукописей одинакового содержания.

2) Музыкальный текст рукописей различается по внешнему и внутреннему содержанию, то есть по изложению напевов крюками или пятилинейными нотами и по изложению напевов русских или иноземных для одного голоса или для хорового исполнения.

Крюковая нотация пользуется вполне незаслуженной и несправедливой репутацией отжившего письма, трудного и не выдерживающего сравнения с удобствами нотации пятилинейной. Я беру на себя смелость утверждать противное, то есть несравненное превосходство в данной области именно крюков и недостаточность пятилинейных нот для точного изложения наших древних напевов.

По нижеследующим общим соображениям, полагаю, всякий должен согласиться, что крюковое письмо, удовлетворявшее в течение нескольких веков далеко не малые художественные требования наших предков, недаром признавалось в течение всего этого времени вполне годным письмом для своих целей.

Стоит затем только представить себе общую компетенцию певцов прошлого времени, то есть всякого чина духовных лиц, разного рода богомольных мирян, обладавших, допустим, грамотою много хуже нынешних таких же певцов, чтобы согласиться, что крюковое письмо не могло быть мудреною и непрактичною грамотою, ибо иначе такая грамота не имела бы смысла и даже не могла бы существовать. Нетрудно также представить и то, что и в старину, несомненно, бывали прилежные, ученые и даровитые певцы, которые любовно прилагали все свое остроумие к усовершенствованию частностей крюковой нотации и все свое благочестивое старание к тому, чтобы их мысли были изложены вполне доступно, точно, ясно и, с внешней стороны, вполне корректно и изящно. Потому именно и остались нам отличные памятники, в которых с полною ясностью видны все стадии постепенного развития и усовершенствования крюкового письма, специально созданного для русских напевов. Мысль давно живших русских музыкантов, создавшая дивные напевы, не могла не работать над средствами точной записи, а запись не могла не встретиться с надобностью точного *анализа* тех же напевов. Именно из последнего для современного искусства вытекает весь многозначительный смысл полученного нами художественного наследства. Мы можем почерпнуть из него прежде всего все его мелодические самородки, очевидные во всей красоте при изложении их крюками, а затем воспользоваться теми теоретическими указаниями средств крюковой системы, которые вполне ясно обрисовывают *формы* русского склада, свободные их несимметричные ритмы. Это художественное наследство не хуже нашего другого педагогического клада — славянского языка, еще недостаточно оцененного сокровища для нашего школьного и общего образования. Я говорю, не опасаясь укора в увлечениях, что в отношении к древнему напеву, прошедшему неумолимо строгую вековую цензуру русских богомольцев, ставшему произведением народной мудрости, народным откровением, следует сказать, что учительное значение этого древнего напева должно быть признано ввиду полноты и точности крюковых записей еще более важным, чем даже и значение народной песни, ныне еще не записанной сполна и точно не объясненной еще в своем построении.

К тому же следует добавить и то, что, кроме легкости крюковой нотации как вполне систематичной, самое устройство знаменного роспева представляет собою вполне оригинальное художественное явление, также вполне систематичное и иногда очевидное даже для неподготовленного читателя. Предки наши устроили этот напев из довольно значительного ряда «попевок», или «строк», то есть отдельных и постоянных мелодий, как бы в своем роде музыкальных пословиц или поговорок, иногда приуроченных либо к каким-нибудь типичным содержаниям текстов (радость, печаль, торжество, упование, веселье, плач и т. п.), либо к типичным частям какой-либо данной формы, например: введение, первое и второе предложение, период, повторение, разработка, возвращение, заключение и т. п. Старинные «роспевщики» и «творцы» по большей части вовсе не сочиняли мелодий, а лишь искусно комбинировали эти готовые певчие строки, придумывая только художественные переходы от одной попевки к другой, ясно обозначая границы частей взятой формы и украшая иногда свое изложение «фитами», то есть вставными обширнейшими подчас мелодиями, немного соответствующими так называемым «каденциям» в инструментальных концертах. Позволяю себе привести общеизвестный пример — «Да воскреснет Бог» большого знаменного роспева, каким-то образом сполна и повсюду уцелевший до сих пор от доброго старого времени.

Если вникнуть в рифмы строк этого примера, то вся стихира окажется построенною по такому плану:

1. Да воскреснетъ Богъ и разстоитъ ся врагъ жи во го.

2. Пасха сянъше ва я намъ днъ во ка за ся,

3. Пасха нова сянъ та . . я,

4. Пасха та нъ ственно я,

5. Пасха все честна . . я,

6. Пасха Христосъ изба ви тель,

7. Пасха по по ро ч на я,

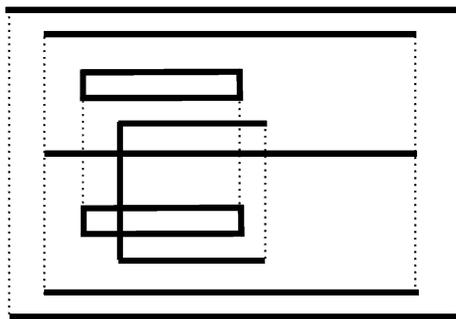
8. Пасха всъ ли ка я,

9. Пасха вѣр ность,

10. Пасха двори рабъ снъ намъ отъ вѣръ за вѣща я,

11. Пасха всѣхъ честна цнъ в шъ зъ вѣ - дѣтъ.

Самое простое обозрение этого примера представит следующие замечания: начало 1-го стиха сейчас же вариационно повторяется в окончании того же стиха и в конце 11-го стиха, образуя таким образом выдержанное начало и одинаковое с ним заключение всякого песнопения; затем стихи 2-й, 6-й и 10-й, сходные почти буквально, заключают в двух промежутках между собою по вполне точно повторенному куплету (то есть стихи 3-й, 4-й, 5-й и стихи 7-й, 8-й и 9-й) из двух одинаковых кратких строк (3, 4 и 7, 8) с несовершенными заключениями в строках пятой и девятой. Таким образом, весь пример можно свести к такой схеме, достаточно наглядной, показывающей полную простоту и законченность формы этого пения:



Но известно, что взятый пример представляет собою начало ряда из пяти стихир, связанных между собою одинаковым запевом (1-й стих) и расположенных по своим отдельным планам. Во всех пяти стихирах, однако же, все-таки замечается общий план, состоящий в сходстве строения третьей стихире с пятою, обособленности четвертой и противусложения первой со второю. Достоинно замечания, что «фиты» имеются в самой середине третьей, четвертой и пятой стихир, а большое *ritardando* (в третьей стихире: «И той провещав им сице глаголаше») стоит на самой середине этих пяти стихир, то есть из всех 48-ми стихов на 24-м и 25-м месте, что тройное в конце повторение трехстрочного тропаря «Христос воскрес из мертвых» не может быть не признано за отличную «коду» всей этой композиции, великолепные достоинства которой не замечаются нами только ввиду ее общераспространенности и нашей сущей к ней привычки.

Достаточно этих кратких указаний, чтобы судить, как нетрудно анализировать рифмование строк и составлять схемы строения стихир, далеко оставляющие за собою всякие «gondo» всяких форм, и как легко обновиться в этом здоровом круге идей, испытанном веками, истинно родном и все еще достаточно бодром.

Совершенно такое же значение для проникновения в мир наших народных музыкальных идей имеет так называемое «демественное пение», спра-

ведливо названное еще в далекой по старине Степенной книге «самым красным». Это пение имеет свою крюковую же нотацию, столь же легкую, как и знаменная, мудро выделенную, однако, нашими предками, так как принцип демества несравненно свободнее от церковно-уставных требований и гораздо ближе к народной песне, чем строки знаменного роспева. Русские певцы весьма остроумно оставили для демества, как и для особо существующего «путевого» роспева, решительно все крюки, но лишь придали им другие комбинации и другие музыкальные значения. Оттого демество, как и «путь», изучается очень легко и скоро. Полагаю, что филологическое объяснение происхождения демества, как пения *домашнего*, недостаточно удовлетворительно и что то же пение, производимое от названия «доместика» — певческого чина, уцелевшего донныне у греков, всего лучше объясняет демественное пение как свободно сочиненное (а не вышепоказанным в знаменном роспеве способом), более виртуозное, не церковное собственно, а лишь духовное, допускаемое лишь в самых торжественных случаях (престольные праздники, архиерейские служения, свадьбы, парадные обеды и т. п.). Этому предположению вполне соответствует содержание «вещей драгих» и других рукописей церковных, известных под названием «демественников». Полагаю также, что демество, принятое в России, по свидетельству Степенной книги, еще при Ярославе Мудром, прошло свой искус через свободное творчество русских певцов и, вполне утратив греческую мелопею, выродилось в чисто русское вдохновение, занявшее середину между уставным знаменным пением и народной песнью³.

Нотное изложение древних одноголосных роспевов имеет двоякую цену для знающих крюки и для не постаравшихся ознакомиться с ними. Для первых нотное изложение есть не более как пособие, с помощью которого разве иногда легче читаются фиты как разведенные по отдельным нотам. Если сравнить наглядность и выразительность крюков, объясняющих «меру и силу, и всякую дробь и тонкость», с бедностью пятилинейных квадратных нот, лишенных означений ритмических и означений для выработанных ныне оттенков исполнения, то, действительно, в нотах «никая же належит нужда». Мезенец еще в XVII веке угадал секрет трудности чтения крюков для людей, не знакомых с древними напевами, не воспитавших свой слух в области их мелодий. Люди эти ныне испортили свой слух темперацией, чужими ритмами и оттого утратили душевную связь с содержанием часто не трогательного уже для них напева. Позволяю себе по этому поводу привести несколько слов Александра Мезенца по адресу людей, у которых, вследствие неизменной донныне склонности к иностранщине, притупилось чувство родственное к своему напеву, которым стала недоступна выразительность этого напева в той же мере, как сплошь и рядом чужда ныне наша дивная народная песнь так называемому «интеллигентному» человеку из русских. Вот эти

слова: «...И неимущим кому в том многосокровенноличном знамени (то есть в крюках) смыслоосязательства... мнятся быти нелепы, и неблагопотребны, и невнятоприемны, и то их непщевание... от неискусства (в церковном пении), сиречь от ненаучения и крайняго невежества бывает. И ныне нецци, возникшии от новейших песносникателей (то есть композиторов), круподушствующе и блазнящесе о сем, кроме учения уповающе на свое суетумие, не приемше в сем знамени и в лицах меры и совершеннаго познания <...> дерзающе порицают и укоряют, наипаче же рещи, весьма и охуждают, глаголюще: яко неудоболепно нашему знамени в пении изящным быти против нотнаго знамени. И то яве есть, яко от своего им неведения и недоумения такой случай ключается. Но возбеседуем к таковым: приидите, виждьте и вникните прилежно... <...> Нам же великороссияном, иже непосредственне ведущим тайноводительствуемаго сего знамени гласы, и в нем многоразличных лиц и их розводов меру, и силу, и всякую дробь, и тонкость, никакая же належит о сем нотном знамени нужда. На за благодать и человеколюбие смыслодавца Спасителя нашего Бога употребляемся святыя Его Божия церкви в пении и нашую обыкновенною славено-старороссийскаго знамени наукою, кроме всякаго сомнения и препятія, властне и добре»⁴.

Разделяя вполне эту горячую, правдивую речь, донныне полную глубокого смысла, я, конечно, не ратую за застой, за упрямое держание старины, так как нельзя же вычеркнуть два столетия из истории нашей культуры; но ввиду массы открывшихся мелодических сокровищ я стою за возможность самого обширного обновления содержания современной музыкальной мысли путем знакомства с трудами наших истых русских певцов. Между последними не могли не быть и таланты, и гении; между ними не могли не быть истинно образованные и вдохновенные сыны своей родины, живо и глубоко прочувствовавшие все волнения и мысли нашего XVII века. Обновление это может совершиться, конечно, не в области вседавящей ныне вычурной инструментовки, а в расширении и упорядочении нашей мелопеи и ритмики. Песни наши не страстны, а спокойны и глубоки; наши ритмы не бурны и не досадно-уродливы, а легки, изящны — подчас очень сложны и, конечно, далеки от стремления ко всякой квадратуре. В этом именно смысле рисуется будущее значение библиотеки древних рукописей Синодального училища церковного пения, дающей все средства к ознакомлению с самыми оригинальными напевами, прошедшими, так сказать, огонь и воду, изложенными во всем совершенстве приспособленной *ad hoc** выразительности русского крюкового пения для русского же напева.

Можно надеяться, что скоро вырастет хоть небольшая кучка людей, сильных духом и наукою, которым суждено сказать простое, но веское слово, объясняющее секреты нашей мелопеи и ритмики и открывающее направле-

* Сразу же (*лат.*).

ние той «тропинки» в области церковного пения, над особенностями которой так серьезно думал незабвенный Глинка.

Нотное изложение древних одноголосных напевов имеет затем особый интерес в области напевов киевских и иноземных. Если сравнение выразительности великорусского крюкового письма и пятилинейных нот напоминает отношение картины, писаной масляными красками, к карандашному абрису той же картины, то те же ноты представляются единственно уцелевшим у нас письмом для наибольшей доли киевских, греческих, болгарских и других напевов. Жестокие ужасы борьбы на Юго-Западе, кажется, уничтожили решительно все певчие рукописи более древнего письма. Мне не случилось ни видеть южнорусских рукописей старше конца XVI века, ни встретить какие-либо указания о существовании более древних. Эти рукописи все нотные и притом *пяти*, а не четырехлинейные, как на Западе, имеющие свою систему знаков, существенно отличную от западно-католической. Поэтому достойно особого внимания известное замечание Гербиния, предположившего об изобретении и введении в церковный обиход пятилинейной нотации именно у нас в Киеве. Действительно, наблюдения дают немало оснований к распространению именно из Юго-Западной Руси множества частных певческого квадратного письма, вскоре затем примененного к хоровому пению употреблением множества голосовых ключей и к изложению одноголосных напевов с помощью довольно неясной пока системы транспозиций и перемен ключей при изложении для одного голоса⁵.

Несмотря на всю видимую простоту так называемого цефаутного ключа (то есть ключа *C*, помещаемого в альтовом положении, причем от допущения изложения мелодии квартою выше или ниже могут приходиться на одно и то же ключевое место и нота *фа* и нота *ут*) невольно приходится задуматься над многими особенностями изложения одноголосных напевов, приведенных в некоторых рукописях с самими, по-видимому, непоследовательными применениями. Обычное употребление цефаутного ключа в синодальных изданиях есть не более как рядовое, так сказать, его употребление, не допускающее никаких мутаций. А между тем в них-то, очевидно, и состоит всестороннее пользование этим ключом, сполна указанное в подробной, хотя и несколько неясной главе известной «Музыкальной грамматики» Николая Дилецкого⁶. Но еще труднее, к полной неожиданности, оказалось чтение некоторых более старых русских партитур XVII века и чрезмерно многоголосных партитур начала XVIII столетия, доходящих от 12-ти до 48-ми голосов. Мне представляется несколько рискованным признать эти произведения совершенно неграмотными только на основании нашего пока неумения верно прочесть те произведения и множества в них писарских ошибок. Один уже истрепанный вид и несомненно умелое употребление имитаций, необычайное, подчас беглое ведение голосов, несомненное и хорошее знание хоровых эффектов, очевидное соблюдение формы мотета ука-

зывают на многократное исполнение и сочувствие слушателей такой форме и такому художественному содержанию сочинений. Трудно думать и о недостатке вкуса у сочинителей и аудиторий XVIII века. Сочинений этих необозримая масса, отчасти показанная выше. Наблюдение за почерком и подписями певцов указывает, что были люди, как, например, некто «герольдмейстерских дел канцелярист Николай Ивашев и сын его Николай тех же дел подканцелярист» сначала в городе Александрове, затем в Москве, которые, как и другие, за отсутствием нотопечатания в России переписывали эти произведения целыми томами. Понятно, что от такого фабричного письма, при отсутствии к тому же тактовых черт, почему-то не употреблявшихся у нас почти до конца прошлого века, в певческих партесных книгах, кроме темных случаев употребления ключей, имеется масса таких ошибок переписчиков, которые отнюдь нельзя отнести на счет авторов, несомненно учившихся и талантливых.

Краткий обзор хоровых произведений, сполна еще не зарегистрированных, указывает на следующий приблизительный список русских композиторов конца XVII и начала XVIII столетий: дьяк Василий Титов, Федор Редриков, Николай Бавыкин, диакон Яковлев, Василий Виноградский, Иван Леонтьев, Николай Калачников-Сифов, Дьяковский, Колпенский, Протопопов, Наричын, Мезенец Григорий, Сергеев, Хорьговский, священник Казанского девичьего монастыря в Ярославле Алексей Вознесенский, Симеон диакон, Тредьяковский, Заюшевич, Иван Взорский, Федор Чекаловский, Михаил Заславский, Николай Дилецкий, Салтыков, Усачев, Степан Беляев, Симеон Пекалицкий, Исавров, Леонтий Монах, протодиакон московской церкви Ржевской Божией Матери Иван Ростов, Цибульский, иеромонах Герасим, Алексей Митрополов, Елисей Садовский, И. М., Ив. Игнатъев, И. Е. и ярославской Николо-Надеинской церкви диакон Михаил Степанов.

Нетрудно представить, какую массу гармонизаций и оригинальных сочинений написал такой, может быть и далеко еще не полный, ряд русских музыкантов. Нетрудно допустить и то, что, может быть, большая часть этих трудов есть бездарные писания, стоящие не более потраченной на них бумаги, но кто поручится, что в малой оставшейся части не найдутся прекрасные произведения, забытые у нас под напором иностранных музыкантов? Ведь недаром же записано имя М. С. Березовского в числе лауреатов Болонской филармонии? Ведь нашлись же в старом хламе классически прелестные сонаты для одной скрипки, сочиненные русским Хандошкиным? Если повсюду поется до сих пор двухсотлетнее «Многолетие» Василия Титова и столетнее «Верую» из целой службы Божией Березовского (имеющейся в рукописях сполна)⁷, то кто поручится, что в этих рукописях не найдется еще что-либо вполне достойное внимания, изучения, а может быть, и подражания? Не достаточно ли вспомнить хоть нынешних певчих с неграмотным регентом во главе, поющих, и иногда весьма порядочно, сложные контрапункти-

ческие композиции, чтобы удивиться мере способности русских певцов к хорошему пению? Авторы репертуара этих певчих не могли ли быть, хотя бы в малой части, избранными натурами, отлично учившимися и даровитыми русскими певцами? Передо мной лежит сейчас случайно остановивший мое внимание трехголосный, вполне своеобразный «Плач Богородицы» неизвестного русского автора XVII века, поправленный мною с написанных невообразимо скверно отдельных партий, — но я не променяю его ни на Асторгу, ни на Перголези, как будто во вкусе которых он написан для пения между службами утра Великой Субботы: наш — лучше; он говорит моему сердцу больше, хотя фактура его детски наивна и, конечно, уступает глубокому мастерству этих вполне веровавших католиков⁸. Я чувствую, что и этот русский автор, скромно, подобно очень многим другим старым русским певцам, скрывший свое имя, пел от всей души своей. Закапанные воском страницы, поправки ошибок, захватанные нижние углы листов указывают мне на многие тройки простых певцов, когда-то певших эти простые строки в тиши монастыря, в длинный наш северный вечер, или собравшихся под впечатлениями дивных по силе вдохновения, бесподобных по красоте обиходных песен нашего Великого Пятка. Мне обидно за нынешних русских музыкантов, прямо не знающих и даже не желающих хотя сколько-нибудь узнать этот глубокий мир русских звуков, этот мир озарения самых чистых и простых чувств русской души. Я — не композитор, но невольно и много раз после чтения этих напевов оказывалось перо в моей руке и кропало музыкальные мысли под впечатлением самопишущихся контрапунктов, саморождающихся напевов. Мне кажется в эти минуты, что прав был седой Бортиянский, предвидя, что из звуков этого «неисчерпаемого и чистого источника порождается собственная гармонно-звучная поэзия», что «древнее пение возродит подавленный тернием отечественный гений, что отсюда явится свой собственный музыкальный мир».

II

Полагаю, что без особенных ошибок можно разделить русскую церковно-певческую литературу — как в смысле научно-исторического материала, так и в смысле певческого репертуара — на следующие главные отделы:

1) Пение древнейшее, знаменное, истинноречное, то есть изложенное знаменами древнейшего музыкального значения и начертания, с текстом древнейшей русской орфографии. Сюда относятся все древнейшие пергамены, например, отличные «певчие Минеи месячные» (10 томов Патриаршей библиотеки), Воскресенский Ирмологий и т. п.⁹

2) Пение кондакарное, известное в двух кондакарях Патриаршей библиотеки, равно в кондакарях Троицком, Благовещенском и частью по Троице Московской Синодальной типографии¹⁰.

3) Пение раздельноречное, знаменное, систематизированное около конца XIV века и постепенно развивавшееся в знаменном и текстовом содержании до первой половины XVII века — времени наибольшего преобладания хомонии, или раздельноречия, и времени новосоставления разных песнопений канонизованным русским святым.

4) Пение иосифовского текста, новоистинноречное, выправленное по старым напевам, примененным к иосифовским текстам в половине XVII века, то есть нынешнее старообрядческое и единоверческое пение.

5) Пение по никоновскому и после-никоновскому тексту, выправленное по тем же старым напевам и излагавшееся крюками по системе А. Мезенца со второй половины XVII века.

6) То же пение в переводе на пятилинейные ноты.

7) Пение киевское, нотное, гласово-обиходное и вновь сочиненное для отдельных песнопений.

8) Пение греческое, изложенное в немногих памятниках русскими крюками, в большей же части пятилинейными нотами.

9) Пение болгарское — неполное, ограничившееся лишь принятием отсюда и из практики западно-русской церкви весьма немногих гласовых изложений и немногих же отдельных песнопений.

10) Особенности нотации: путевое знамя, казанское знамя, буквенная нотация, трехлинейная нотация и т. д.

11) Пение демественное, русское, одно-, двух-, трех- и четырехголосное.

12) Пение хоровое, знаменное, состоящее в элементарной гармонизации древних роспевов на три голоса и в крюковом изложении.

13) Пение хоровое, нотное, составленное в конце XVII века и первой половине XVIII века, состоящее из гармонизации знаменного, киевского, греческого роспевов, преимущественно на четыре голоса, с подлинным напевом в теноре и с «эксцеллентованием» в басу.

14) Хоровые богослужебные сочинения на четыре голоса конца XVII и начала XVIII века.

15) Хоровые концертные сочинения и «службы Божии» XVIII века на 3, 4, 5, 6, 8, 12, 16, 24 и 48 голосов.

16) Сочинения заезжих итальянцев и русских их учеников конца XVIII и начала XIX века.

17) Гармонизации Турчанинова и Львова, Потулова, Соловьева, Архангельского, Римского-Корсакова, Балакирева и др.

18) Неграмотные сочинения регентов-самоучек первой половины XIX века.

19) Оригинальные сочинения последнего времени.

Рукописи от отдела 3-го до 15-го включительно составляют все содержание библиотеки Синодального училища и, следовательно, пока, до приобретения новых сокровищ, не заключают в себе образцов древнейшего пения,

как знаменного, так и кондакарного, равно и не содержат той позднейшей рукописной литературы, которая ныне уже напечатана в лучших образцах, в худших же (отдел 18-й) почти не стоит даже упоминания.

Так как главное содержание певчих книг от древних времен и донныне изменилось весьма мало и изменения эти относятся лишь к частностям, то ниже следующий перечень, полагаю, будет достаточно нагляден для обозначения количества собранных памятников. В этом перечне каждый отдел, например Октоихи, Ирмологи, Праздники, Трезвоны и проч., приведен в знаменных редакциях: раздельноречной, иосифовского текста и никоновского и в редакции нотной одноголосной. Разности этих редакций понятны сами собой; кроме того, древние раздельноречные рукописи, то есть писанные с XV до половины XVII века, отделены от раздельноречных поздних — беспоповщинских потому, что в них беспоповцами весьма ретиво и издавна сохранены все подробности старины, и, сверх того, сектанты-«поморцы» выработали особое богатство и многие особенности своих рукописей. Иосифовские рукописи, за немногими экземплярами, писанными во второй половине XVII века, по большей части относятся к книгам так называемым старообрядческим.

Старообрядческое письмо (гуслицкое и беливское) отличается как бы меньшею внешнею роскошью, особенно в золоте, в сравнении с письмом беспоповской секты, усвоившей так называемое «прямое», или «поморское», письмо — безусловно лучшее по своей внешности и более тонкое в разработке подробностей рисунка.

Не могу не отметить, кстати, превосходной внешности старообрядческого письма в певчих их книгах. Кроме особенной точности в их певческом изложении, столь пошатнувшейся было в последнее время, особенно под впечатлением новшеств, появившихся в известном Круге издания Общества любителей древней письменности¹¹, мне представляется дорогою еще и высокохудожественная и самобытная красота их заглавных листов, хитросплетенных заглавных букв, вязей, наивных рисунков и т. п.

В нижеследующем перечне под названием «никоновские рукописи» подразумеваются здесь только знаменные, с новоисправленными текстами. Они доходят по времени своего письма до времени даже императрицы Анны Иоанновны и часто великолепны по своей технике. De jure* эти рукописи и до сих пор должны быть употребительны в нашем богослужении.

По вышеуказанному плану собрание *одноголосных* певческих рукописей Синодального училища представляется в следующем количестве экземпляров.

1. Древнераздельноречные. 2. Раздельноречные нового поморского письма. 3. Иосифовского текста. 4. Никоновского текста. 5. Нотные пятилинейные.

* Формально (лат.).

	1	2	3	4	5
Октоихов	14	7	22	39	77
Праздников	8	7	18	31	108
Ирмологов	15	10	24	41	93
Обиходов	11	10	19	23	72
Обиходов постных	2	2	1	1	7
Трезвонов	9	5	7	18	71
Гриодей постных и цветных	7	3	3	9	21
Миней общих			1	4	3
Сборников	2		10	7	18
Демественников			4		

Первый отдел этого собрания (Октоихи) должен быть дополнен еще помещением в него собрания всех «славников, богородичных и крестобогородичных» (6 номеров рукописей) и октоихов греческого роспева (9 рукописей), сюда же должны быть присоединены евангельские стихирьы, обычно по знаменному роспеву прилагаемые к певчим октоихам, но имеющиеся затем и в отдельном одногласном изложении «путевым» и «большим» роспевами (1 рукопись), а также на 4 и 8 голосов (по одному же экземпляру). Вышеуказанные нотные октоихи, в числе 77, уже каталогизированы сполна во всех своих отдельных песнопениях.

Второй отдел (Праздники) в числе 108 экземпляров нотного одногласного издания также каталогизирован во всей своей подробности. Чтобы судить о богатстве (хотя бы только количественном) собранного материала, достаточно, независимо от отличных достоинств многих рукописей, указать на следующие цифры: на праздник Рождеству Богородицы зарегистрировано всех песнопений — 40; Воздвижению — 53; Введению — 41; Рождеству Христову (с пред- и попразднством) — 61; Богоявлению Господню (с пред- и попразднством) — 70; Сретению — 40; Благовещению — 35; Пятидесятнице — 31; Преображению и Успению — по 36. В эти цифры не вошли седальны и ирмосы разных роспевов.

К этому же отделу рукописей следует отнести одногласные праздники греческого роспева (4 экземпляра), равно и все собрания праздничных тропарей и седальнов греческого роспева.

Третий отдел (Ирмологи) дополняется целым рядом самостоятельно созданных нотных певчих книг, известных под названиями «Ирмологионы великих» южно-русского и западно-русского состава. Первые ирмологионы великие суть киевского происхождения и состава, донныне употребительные в южно-русских монастырях и сельских церквях; вторые несколько отличаются от первых большею долею болгарского пения и румынским влиянием, равно и большею склонностью к иосифовским текстам. Эти ирмологионы в свое время были напечатаны бывшими базилианами Почаевской лавры при бытии этой лавры в пределах Польши*.

* Ирмологионы эти имеются в библиотеке Синодального училища и в печатных изданиях 1700, 1760, 1775, 1794 и 1871 годов.

Те и другие ирмологи, при множестве в былое время архиереев-малороссов из воспитанников Киево-Могилянской академии, распространились на севере России и составляют ряд авторитетных документов для критики нынешнего так называемого «придворного напева». Собрание ирмологионов в Синодальном училище, состоящее из 68-ми экземпляров, представляется еще более ценным потому, что некоторые экземпляры прямо превосходят по своим достоинствам и весьма внушительной древности для этого рода книг.

К этому же отделу следует отнести нотные одноголосные ирмологи греческого роспева (6 экземпляров), собрание праздничных ирмосов, тропарей, кондаков и седальнов греческого роспева (24 экземпляра) и две случайно приобретенные греческие крюковые рукописи, в которых имеются и разные греческие композиции.

Четвертый отдел (Обиходы) пока каталогизирован еще в самой незначительной части (из 72-х нотных экземпляров только 18), но и полученные записи указывают на этот отдел как будущий самый главный в собрании рукописей, ибо число зарегистрированных напевов уже теперь превышает содержание старого Пространного синодального Обихода по крайней мере в 12—15 раз. Десятки самых задушевных напевов, совершенно забытых ныне или переродившихся в местные «обычные напевы», или кроющихся в хороших сочинениях всяких названий, совершенно изменяют привычное всем представление о бывшем обиходном пении в Древней Руси. Достаточно для объяснения сказанного указать, что, например, Херувимских песней уже зарегистрировано 106; «Достойно есть» — 64; «Святый Боже» — 35 напевов и т. п. Еще важнее впервые открывающаяся возможность основательно выяснить, наконец, по обиходам наше обычное осмогласие, так как многие его редакции вполне легко поддаются исследованию при сравнительном изучении очевидных их разночтений; не менее интересны многие песнопения на все восемь гласов, изъятые из нашего обихода силою внешних воздействий и бывшие, вероятно, очень любимыми когда-то. Вероятно, что они очень дисциплинировали наше богослужение и вносили в наши службы множество самых систематизированных впечатлений. Таково же, например, изложение на текущий глас «Аллилуиа», «Свете тихий», «Препоблагословенна еси», Великого славословия и воскресных тропарей, «Достойно есть» и т. п.; таково же полное глубокого смысла разнообразие напевов всяких ектений, удивительное мелодическое богатство нашей старой панихиды, чина пострижения монахов, песнопений Страстной седмицы, венчания, чина «приливов за царя» (или «чина о заздравной чаше») и проч. Полагаю, что со временем, когда каталогизация обиходов будет надлежаще закончена, то весь цикл этих более свободных напевов, имеющий выясниться по своему мелодическому составу и по своему происхождению, может оказать вполне существенную услугу авторам будущих наших духовно-музыкальных сочинений.

Позволяю себе говорить столь утвердительно именно потому, что разве только в русских народных песнях можно встретить такое мелодическое богатство данных для разработки, как в открывшейся ныне массе обиходных напевов.

Тот же отдел Обиходов должен быть дополнен южнорусскими обиходами (6 экземпляров) и греческими (2 экземпляра), к которым еще присоединяется всенощная греческого роспева (1 экземпляр).

В шестом отделе (Трезвоны) каталогизированы вместе с праздниками сполна все нотные рукописи, почему можно думать, что в настоящее время эта часть русского церковного пения раскрыта для исследователей в наибольшей доле своего содержания, бывшего до сих пор неизвестным. Превосходное собрание трезвонов, или песнопений на память отдельных святых и на малые праздники составилось в библиотеке потому, что рукописи с трезвонами собраны из разных мест. Рукописи новгородские, тверские, ярославские, костромские, владимирские, московские, вологодские, пермские, олонечские, архангельские, равно и южно-русские содержат в себе, кроме общепраздничных служб, главным образом службы местнотчимым святым, распетые, обыкновенно, во всей подробности. Немалую помощь при будущем издании этого монументального памятника нашего певческого искусства могут оказать, так сказать, любительские экземпляры трезвонов, превосходные по богатству и корректности содержания. В 71 экземпляре нотных трезвонов ныне оказались собранными следующие службы:

Сентября:

1. Началу индикта и св. Симеону Столпнику (24 номера песнопений). 20 экз.
6. Чуду Архистратига Михаила (8 номеров). 2 экз.
7. Св. Иоанну Новгородскому (5 номеров). 3 экз.
9. Св. богоотцам Иоакиму и Анне (4 номера). 2 экз.
9. Св. Иосифу Волоцкому (4 номера). 3 экз.
13. Обновлению храма (27 номеров). 19 экз.
15. Св. великомученику Никите (14 номеров). 9 экз.
19. Св. князьям Феодору и чадам его Давиду и Константину Ярославским и Смоленским чудотворцам (18 номеров). 5 экз.
20. Св. Михаилу князю Черниговскому и боярину его Феодору (4 номера). 2 экз.
23. Зачатию св. Иоанна Крестителя (10 номеров). 4 экз.
24. Знамению Пресвятой Богородицы во Пскове (5 номеров). 1 экз.
25. Преподобному Сергию Радонежскому чудотворцу (31 номер). 22 экз.
26. Преставлению св. Иоанна Богослова (29 номеров). 23 экз.
27. Преставлению св. Савватия Соловецкого чудотворца (31 номер). 12 экз.
28. Св. Харитонию исповеднику (8 номеров). 8 экз.

Октября:

1. Покрову Пресвятой Богородицы (35 номеров). 42 экз.
5. Св. Петру, Алексею и Ионе Московским чудотворцам (21 номер). 7 экз.
6. Св. апостолу Фоме (3 номера). 1 экз.
11. Св. отцам вселенских соборов (7 номеров). 2 экз.
14. Преподобной Параскеве (4 номера). 1 экз.
18. Св. евангелисту Луке (10 номеров). 1 экз.
19. Преподобному Иоанну Рыльскому (11 номеров). 1 экз.
23. Св. апостолу Иакову брату Господню (3 номера). 1 экз.
26. Св. Димитрию Солунскому и воспоминанию великого и страшного трясения (27 номеров). 17 экз.
28. Св. великомученице Параскеве нареченная Пятницы (27 номеров). 17 экз.
29. Преподобному Авраамию Ростовскому чудотворцу (1 номер). 1 экз.

Ноября:

1. Св. бессребренникам Косме и Дамиану (17 номеров). 11 экз.
6. Преподобному Варлааму Хутыньскому чудотворцу (10 номеров). 5 экз.
7. Преподобному Кириллу Новоезерскому чудотворцу (12 номеров). 3 экз.
8. Собору архистратига Михаила (37 номеров). 30 экз.
12. Св. Иоанну Милостивому (29 номеров). 3 экз.
13. Св. Иоанну Златоустому (41 номер). 17 экз.
14. Св. священномученику Ипатию (8 номеров). 1 экз.
14. Св. апостолу Филиппу (11 номеров). 2 экз.
17. Преподобному Никону игумену (15 номеров). 3 экз.
19. Преподобному Иоасафу царевичу Индийскому (10 номеров). 2 экз.
23. Св. великому князю Александру Невскому (19 номеров). 4 экз.
24. Св. великомученице Екатерине (11 номеров). 10 экз.
25. Священномученику Клименту папе Римскому (2 номера). 1 экз.
26. Св. великомученику Георгию (освящению церкви, иже в Киеве у Златых врат) (17 номеров). 14 экз.
27. Знамению Пресвятой Богородицы в Нове-граде (22 номера). 21 экз.
30. Св. апостолу Андрею Первозванному (19 номеров). 19 экз.

Декабря:

3. Преподобному Савве Сторожевскому чудотворцу (16 номеров). 3 экз.
4. Св. великомученице Варваре (10 номеров). 4 экз.
5. Преподобному Савве Освященному (7 номеров). 3 экз.
6. Св. Николаю Мирликийскому чудотворцу (50 номеров). 52 экз.
7. Преподобному Нилу Столбенскому чудотворцу (1 номер). 1 экз.
7. Преподобному Антонию Сийскому чудотворцу (28 номеров). 6 экз.
9. Зачатию св. Анны (2 номера). 1 экз.

13. Св. мученикам Евстратию, Авксентию, Евгению, Мардарию и Оресту (4 номера). 2 экз.
21. Св. Петру митрополиту Московскому (25 номеров). 11 экз.
23. Св. Филиппу митрополиту Московскому (10 номеров). 1 экз.
В неделю св. Праотец (4 номера). 5 экз.
В неделю св. Отец (10 номеров). 6 экз.
В неделю св. Богоотец (5 номеров). 5 экз.
26. Собору Пресвятой Богородицы (15 номеров). 6 экз.
27. Св. архидиакону Стефану первомученику (17 номеров). 2 экз.

Января:

1. Обрезанию Господню и св. Василию Великому (25 номеров). 20 экз.
7. Собору св. Иоанна Крестителя (13 номеров). 5 экз.
9. Св. Филиппу митрополиту Московскому (15 номеров). 6 экз.
10. Преподобному Павлу Обнорскому Вологодскому чудотворцу (8 номеров). 2 экз.
11. Преподобному Феодосию общих житий начальнику (3 номера). 3 экз.
12. Преподобному Мартиниану Белозерскому чудотворцу (12 номеров). 2 экз.
16. Поклонению вериг св. апостола Петра (5 номеров). 2 экз.
17. Св. Антонию Великому (13 номеров). 4 экз.
18. Св. Афанасию и Кириллу епископам Александрийским (9 номеров). 5 экз.
20. Св. Евфимию Суздальскому чудотворцу (15 номеров). 5 экз.
25. Св. Григорию Богослову (17 номеров). 7 экз.
27. Св. Иоанну Златоустому (8 номеров). 6 экз.
30. Трем святителям: Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту (35 номеров). 12 экз.
31. Преподобному Никите Новгородскому чудотворцу (12 номеров). 1 экз.

Февраля:

4. Преподобному Кириллу игумену Новозерскому чудотворцу (19 номеров). 4 экз.
8. Св. великомученику Феодору Стратилату (7 номеров). 4 экз.
11. Св. Димитрию Прилуцкому Вологодскому чудотворцу (16 номеров). 4 экз.
11. Св. благоверному князю Всеволоду Псковскому чудотворцу (16 номеров). 4 экз.
12. Св. Алексею митрополиту Московскому чудотворцу (30 номеров). 13 экз.
17. Св. великомученику Феодору Тирону (3 номера). 2 экз.
24. Первому и второму обретению главы Иоанна Предтечи (8 номеров). 4 экз.

Марта:

9. Св. сорока мученикам Севастийским (8 номеров). 3 экз.

11. Св. Евфимию Новгородскому чудотворцу (1 номер). 3 экз.
17. Преподобному Алексию человеку Божию (33 номера). 10 экз.
17. Преподобному Макарию Калязинскому чудотворцу (3 номера). 3 экз.

Апреля:

7. Преподобному Даниилу Переяславскому чудотворцу (12 номеров). 1 экз.
17. Преподобному Зосиме Соловецкому чудотворцу (21 номер). 10 экз.
20. Преподобному Александру Ошевенскому и Каргопольскому чудотворцу (5 номеров). 1 экз.
23. Св. великомученику Георгию (29 номеров). 24 экз.
26. Св. Стефану епископу Пермскому (4 номера). 3 экз.

Мая:

1. Преподобному Пафнутию Боровскому чудотворцу (2 номера). 3 экз.
2. Св. Афанасию Великому и св. благоверным князьям Борису и Глебу (20 номеров). 3 экз.
3. Преподобному Феодосию Печерскому чудотворцу (12 номеров). 4 экз.
7. Небесному знамению Честнаго и Животворящаго Креста во Иерусалиме (1 номер). 3 экз.
7. Преподобному Антонию Печерскому чудотворцу (5 номеров). 1 экз.
8. Св. Иоанну Богослову (26 номеров). 8 экз.
8. Преподобному Арсению Великому (3 номера). 3 экз.
9. Св. Николаю Чудотворцу (29 номеров). 43 экз.
15. Св. Димитрию царевичу Угличскому чудотворцу (21 номер). 6 экз.
15. Св. Исаии епископу Ростовскому чудотворцу (21 номер). 6 экз.
19. Преподобному Корнилию Комельскому Вологодскому чудотворцу (8 номеров). 1 экз.
20. Св. Алексию митрополиту Московскому чудотворцу (27 номеров). 9 экз.
21. Сретению иконы Владимирской Божией Матери (16 номеров). 5 экз.
21. Св. равноапостольным царям Константину и матери его Елене (9 номеров). 4 экз.
23. Св. Леонтию Ростовскому чудотворцу (14 номеров). 6 экз.
24. Преподобному Никите Столпнику (29 номеров). 7 экз.
25. Третьему обретению главы Иоанна Предтечи (8 номеров). 5 экз.
27. Обретению мощей преподобного Нила Столбенского (15 номеров). 3 экз.
28. Св. Игнатию епископу Ростовскому чудотворцу (1 номер). 3 экз.
29. Блаженному Иоанну Христа ради юродивому Устюжскому чудотворцу (10 номеров). 3 экз.

Июня:

1. Преподобному Дионисию Глушицкому чудотворцу (1 номер). 3 экз.
8. Св. великомученику Феодору Стратилату (10 номеров). 3 экз.

9. Преподобному Кириллу Белозерскому чудотворцу (25 номеров). 9 экз.
15. Явлению иконы Воронинской (Смоленской) Божией Матери (19 номеров). 1 экз.
15. Св. Ионе митрополиту Московскому чудотворцу (10 номеров). 3 экз.
23. Сретению иконы Владимирской Божией матери (24 номера). 13 экз.
24. Рождеству св. Иоанна Предтечи, или «Рождеству Крестителю» (29 номеров). 27 экз.
26. Явлению Тихвинской иконы Божией Матери (16 номеров). 13 экз.
27. Благодарственная служба в Троице святей славимому Богу о дарованной победе над свейским королем Каролом, содеянной под Полтавой (12 номеров). 4 экз.
29. Св. апостолам Петру и Павлу (39 номеров). 35 экз.
30. Собору 12-ти апостолов (1 номер). 3 экз.

Июля:

1. Св. бессребренникам Косме и Дамиану (12 номеров). 2 экз.
2. Положению ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне (14 номеров). 5 экз.
5. Преподобному Афанасию Афонскому чудотворцу (7 номеров). 3 экз.
5. Обретению мощей преподобного Сергия Радонежского чудотворца (13 номеров). 10 экз.
6. Св. Прокопию Христа ради юродивому Устюжскому чудотворцу (4 номера). 3 экз.
8. Явлению Казанской иконы Божией Матери (22 номера). 23 экз.
10. Положению Ризы Господней (11 номеров). 11 экз.
10. Преподобному Антонию Печерскому чудотворцу (12 номеров). 3 экз.
12. Преподобному Симону Устюжскому чудотворцу (30 номеров). 1 экз.
12. Преподобному Михаилу Малену (8 номеров). 1 экз.
15. Преподобному Кирику и Иулите (7 номеров). 4 экз.
15. Св. благоверному князю Владимиру, во св. крещении Василию (9 номеров). 4 экз.
16. Памяти св. Отец VI Вселенского собора (4 номера). 1 экз.
17. Памяти всех новых (?) чудотворцев (5 номеров). 1 экз.
20. Пророку Илии (34 номеров). 30 экз.
24. Св. страстотерпцам благоверным князьям Борису и Глебу (14 номеров). 5 экз.
25. Преподобному Макарию Желтоводскому Унженскому чудотворцу (42 номера). 4 экз.
25. Памяти св. Отец V вселенского собора (7 номеров). 3 экз.
26. Успению св. Анны (2 номера). 1 экз.
28. Явлению Смоленской иконы Божией Матери (15 номеров). 15 экз.
30. Преподобному Герману Соловецкому чудотворцу (5 номеров). 1 экз.
30. Св. Иоанну Воину (30 номеров). 6 экз.

Августа:

1. Происхождению древ Честнаго Креста Господня (30 номеров), 12 экз., с предпразднством 31 июля (3 номера), 1 экз. и канон на освящение воды (34 номера), 1 экз.
1. Памяти семи мучеников Маккавеев, матери их Соломонии и учителя их Елеазара (1 номер). 3 экз.
2. Св. Василию блаженному Московскому чудотворцу (16 номеров). 5 экз.
3. Преподобному Антонию Римлянину (9 номеров). 2 экз.
8. Явлению Толгской иконы Божией Матери (15 номеров). 1 экз.
8. Перенесению мощей преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев (26 номеров). 4 экз.
16. Нерукотворенному Образу (27 номеров). 14 экз.
18. Св. мученикам Фролу и Лавру (21 номер). 6 экз.
24. Св. Петру митрополиту Московскому чудотворцу (20 номеров). 5 экз.
26. Сретению Владимирской иконы Божией Матери (18 номеров). 5 экз.
29. Усекновению главы Иоанна Предтечи (17 номеров). 26 экз.
30. Преподобному Александру Свирскому (19 номеров). 8 экз.
31. Положению честнаго пояса Пресвятой Богородицы (2 номера). 1 экз.

Нетрудно представить, какую массу научного и художественного материала может дать такое собрание напевов, изложенных по большей части вполне виртуозно. Занимающиеся литургикою найдут в этих трезвонах немалое число отдельных песнопений и даже целых служб, почему-то не находящихся в наших минеях. Не менее интересно в тех же трезвонах сравнительное исследование различий одинаковых богослужебных текстов в разных службах, прошедших в свое время всякую цензуру и через руки всяких справщиков.

К этому же отделу надо отнести хоровые трезвоны, изложенные на разное число голосов и почему-то имеющиеся только из поволжских городов, то есть Твери, Ярославля и Костромы, и преимущественно на памяти святых Верхнего Поволжья.

Мне давно казалось, что закругленная полоса от Каргополя на Тихвин и Новгород до Ниловой пустыни и через Тверь, Москву, Владимир до Нижнего Новгорода как бы указывает, по содержанию их рукописей с хоровыми трезвонами, на большую склонность певцов этих мест к пению столповому одноголосному и затем к концертному самостоятельному сочинению на внебогослужебные тексты. Певцы же внутренней площади этой полосы — Верхнего Поволжья и Подвинья, то есть Углич, Ростов, Ярославль, Кострома, Вологда, Белоозеро, Великий Устюг, Антониев Сийский монастырь, Архангельск и Соловки, имеют как бы обратное художественное направление, то есть столповое пение, крепко одержимое на дальнем Севере, ослабевает

по направлению к югу в сторону греческого напева и гармонизаций наших древних роспевов. Здесь же замечаются такие неожиданные художественные местечки, как Вытегра или какой-то Верховажск и тому подобное, где в соборах, судя по богатству и разнообразию рукописей, пение процветало, должно быть, в высшей степени.

Большими художниками, должно быть, обладали в прошлом Кострома, Ростов и особенно Ярославль.

До сего времени отдел хоровых трезвонов, еще не сполна каталогизированных, состоит из служб на следующие памяти:

Сентября:

1. Симеону Столпнику и началу индикта — на 4 голоса 5 номеров, 2 экз.
13. Обновлению храма — на 4 голоса 5 номеров и на 8 голосов 8 номеров по 1 экз.
25. Преподобному Сергию Радонежскому чудотворцу — на 4 голоса 18 номеров, 1 экз.
26. Св. Иоанну Богослову — на 4 голоса 6 номеров и на 8 голосов 10 номеров по 1 экз.

Октября:

1. Покрову Пресвятой Богородицы — на 4 голоса (греческого роспева) 15 номеров, на 4 голоса (знаменного роспева) 8 номеров и на 4 голоса 9 номеров, 3 экз.
22. Казанской Божией Матери — на 4 голоса 6 номеров, 1 экз.
26. Преподобному Димитрию Солунскому — на 12 голосов 11 номеров, 2 экз.

Ноября:

8. Архимандриту Михаилу — на 4 голоса 21 номер, на 4 голоса 7 номеров, 2 экз.
24. Великомученице Екатерине — на 4 голоса 5 номеров, 1 экз.
30. Апостолу Андрею Первозванному — на 4 голоса 5 номеров, на 4 голоса 8 номеров и на 8 голосов 4 номера, 3 экз.

Декабря:

6. Св. Николаю Чудотворцу — на 4 голоса (греческого роспева) 15 номеров, на 4 голоса 13 номеров, на 8 голосов 15 номеров, 4 экз.
20. Св. Петру митрополиту Московскому чудотворцу — на 4 голоса 11 номеров, 1 экз.

Марта:

5. Князьям Феодору, Давиду и Константину — на 4 голоса 14 номеров, 1 экз.
17. Алексею человеку Божию — на 4 голоса 22 номера, 1 экз.

Апреля:

23. Стратотерпцу великомученику Георгию — на 4 голоса 12 номеров, на 12 голосов 13 номеров, 2 экз.
 29. Девяти мученикам, иже в Кизице — на 8 голосов 9 номеров, 1 экз.

Мая:

9. Св. Николаю Чудотворцу — на 4 голоса (греческого роспева) 5 номеров, на 4 голоса 3 номера, на 4 голоса 10 номеров, на 8 голосов 5 номеров, 4 экз.
 15. Св. Исаии Ростовскому чудотворцу — на 8 голосов 7 номеров, 1 экз.
 21. Св. Константину и Елене — на 8 голосов 11 номеров, 1 экз.
 23. Св. Леонтию Ростовскому чудотворцу — на 3 голоса 11 номеров, 1 экз.
 23. Св. Игнатию Ростовскому чудотворцу — на 3 голоса 8 номеров, 1 экз.

Июня:

12. Св. Онуфрию Великому — на 8 голосов 15 номеров, 1 экз.
 23. Сретению иконы Владимирской Божией Матери — на 8 голосов 12 номеров, 1 экз.
 27. Полтавскому торжеству (с благодарственным молебном) — на 4 голоса (греческого роспева) 9 номеров, «служба победительная» на 4 голоса 11 номеров, 3 экз.
 28. Смоленской Божией Матери Одигитрии — на 4 голоса 5 номеров, на 12 голосов 11 номеров, 3 экз.
 29. Св. апостолам Петру и Павлу — на 3 голоса 9 номеров, на 4 голоса 7 номеров, 2 экз.
 30. Собору 12-ти апостолов — на 4 голоса 2 номера, 1 экз.

Июля:

3. Св. Василию и Константину Ярославским чудотворцам.
 10. Положению Ризы Господней — на 4 голоса 6 номеров, 1 экз.
 20. Пророку Илии — на 4 голоса 19 номеров, 2 экз.

Августа:

1. Происхождению древ Честнаго Креста Господня — на 4 голоса 17 номеров, на 4 голоса 19 номеров, 2 экз.
 29. Усекновению главы Иоанна Предтечи — на 4 голоса 7 номеров, на 8 голосов 6 номеров, 2 экз.

Седьмой отдел (Триоди постные и цветные) должен быть дополнен гармонизациями этой певчей книги (7 экземпляров), пока еще достаточно не обследованными.

Восьмой отдел (Минеи общие) состоит из книг, почему-то всего реже попадающихся между рукописями. Несмотря на малое число экземпляров

(всех 8), этот отдел все-таки заслуживает самого глубокого внимания как подготовительный материал для предстоящего вполне необходимого издания этой книги, регулирующей повседневные службы. Для этой работы особенно выгодно то, что четыре крюковые экземпляра Общей минеи следует признать вполне достаточными для своей цели, особенно ввиду, может быть, автографического экземпляра известного теоретика старца Александра Мезенца (№ 98, 1677 год). Хоровых миней в библиотеке нет.

Девятый отдел (Сборники) принадлежит к числу самых трудных для подробной систематизации, так как содержание сборников крайне разнообразно и включает в себе множество случайных статей. Тут есть и особые роспевы, и всякие выписки из уставов, указы, святцы, стихи, всякие рисунки, поучения, отрывки из летописей, всякие теоретические певческие трактаты, певчие азбуки, сборники фит и лиц, собрания «строк мудрых» (то есть мудреных) и т. п. Тут же имеются (зарегистрированные уже в каталоги) знаменые духовные стихи, «покаянные», «умильные», «воинские», «выклички» и так называемые «вещи драгие» (141 номер); стихи нотные самого разнообразного содержания (74 номера); стихотворения и подписи авторов (например, Александра Мезенца); псалмы, канты, вирши, предисловия, рисунки гербов, сказания, всякие иллюстрации, рисунки вроде «птицы райской», «печати премудрого царя Соломона» и проч. Из числа своеобразных памятников этого отдела позволяю себе упомянуть здесь о следующих из многих, вполне оригинального содержания, например:

1) «Река Вавилонская», то есть псалом «На реках Вавилонских», распетый демеством и снабженный десятью иллюстрациями.

Замечательны еще:

2) Праздники знаменного и греческого роспева (№ 109 с датой 1702 года), изложенные буквенною нотациею. Этот единственный в своем роде, неизвестный до сего времени памятник имеет при себе и краткую азбуку своего «красного знамени», напоминающую собою отчасти способ применения цифр к изложению музыкальных мыслей. Скромный автор новой системы, умолчав о своем имени, только пометил, что его книга написана в 1702 году на память св. Андрея Критского. Азбука — удивительно простая, состоит из приложения букв к одному гексахорду нотных названий, из отметок, указывающих высоту разных гексахордов, и применения тех букв для изображения длительности звука к «знамени ходкому, скороходному, ступовому и косношественному»;

3) Сборник (№ 842) со своеобразными чернильными нотными знаками на трех красных линиях, так же легко читаемыми, как и «красное знамя». К этому же роду нотаций следует причислить многие изложения в других рукописях квадратными нотами не только на двух, но и на одной линейке;

4) четыре двоезнаменника (особенно Праздники № 41), представляющие параллельное изложение напева знаменами и пятилинейными нотами;

5) великолепный экземпляр (№ 777) «Муסיкийской грамматики» Н. Дилецкого;

6) оригинальная партитура «Хоралисы партесные», то есть имитации для двух хоров;

7) «Указ о зарембах» (№ 219), то есть неизвестный до сих пор теоретический трактат о буквенных пометах в знаменном письме и о системе певчих строк; крайне редкое «Сказание инока Евфросина о ересех и хулениях», происходящих от употребления хомового текста, и многое другое.

Десятый отдел (Демественники) состоит из четырех экземпляров отличного письма, между которыми один (№ 27) очень большого формата и очень крупного письма, для пения всеми певцами по одной книге. Общее содержание Демественника состоит из особо избранных песнопений на весь год, песнопений при архиерейском служении (облачение архиерея, «...и всех и вся» и чина хиротонии), с присовокуплением сюда в виде предисловия «Сказания о демественном пении» из жития св. Романа Сладкопевца и азбуки демественного пения, превосходно изданной (с переводами на знамена и пятилинейные ноты) в приложении к известному труду проф. Д. В. Разумовского¹².

К этому же отделу, в качестве перехода к обозрению хоровых певческих рукописей, следует присоединить все собрание знаменных и демественных партитур XVII века и несколько более ранних. Это собрание по своему содержанию и объему должно быть, как мне кажется, отнесено к числу очень замечательных. Особенно редки 19 отдельных полос демественных партитур самого своеобразного содержания. Предки наши начали гармонизовать *знаменами* не ранее первой половины XVII века, и притом только на три голоса. Таких партитур для отдельных песнопений имеется 132 номера. Демественные партитуры отличаются разным числом голосов. Так, на два голоса имеется 90 номеров песнопений, на три голоса — 270 номеров и на четыре голоса — 43 номера песнопений. Достоинства этих партитур в качестве свидетелей о начале хорового пения на Руси определены пока еще очень слабо вследствие крайне трудного чтения таких памятников, но разнообразие текстового содержания прямо указывает на их будущую, может быть, очень большую важность, в смысле возможности уяснить по ним первые контрапунктические и гармонические сложения, усвоенные нашими предками еще до принятия пятилинейной нотации.

Переходя к отделу хорового пения, следует сказать прежде всего о подавляющей массе разных многосложных гармонизаций древнерусских и иноземных роспевов, сделанных русскими художниками в конце XVII и начале XVIII века. Оригинальных хоровых композиций, особенно же концертов — того больше. Обсуждая это отдельное направление русского искусства в настоящее время, даже трудно и представить в храмах, например, испол-

нение 12-голосных треххорных композиций или аранжировок, которых ныне собрана внушительная цифра из 33-х «служб Божиих», то есть полных литургий, и 477-ми концертов... Еще затруднительнее представить себе исполнение в храме 16-ти, 24-х и 48-голосных сочинений (то есть для четырех, шести и двенадцати отдельных хоров), а между тем истрепанные хоровые партии, закапанные воском страницы несомненно свидетельствуют о многократном их употреблении... Трудно представить себе, прочитывая партитуру некоторых из этих композиций, молитвенное настроение тогдашних богомольцев, силу натиска с Запада и как бы несдержанность русских художников, таланты и хорошая школа которых в некоторых случаях совершенно несомненны.

Гораздо проще, спокойнее и здравомысленнее гармонизации древних роспевов на четыре голоса, полные точного соблюдения роспева (в теноре), самой простой к нему гармонии в остальных голосах, украшенной, однако, иногда быстрыми и довольно развязными голосовыми ходами в басу, составлявшими фиоритурное искусство «эксцеллентования» (*excellenter sapere*). В этой форме по несколько раз были сполна гармонизованы почти все наши певчие книги, а также изложены почти все обиходные киевские и греческие напевы.

Изучение первоначальных гармонизаций древних напевов и первоначальных самостоятельных сочинений чрезвычайно облегчается именем оригинальных нотных партитур (13 номеров) конца XVII века. В этой же форме изложена наибольшая часть четырехголосных сочинений на тексты литургии и всенощной, уцелевших остатками в храмах до сих пор и тем доказывающих свои достоинства.

Этот отдел должен быть пополнен еще следующими данными, касающимися целых певчих книг, имеющихся в хоровом изложении:

Октоихи разных роспевов были, как и все вообще нижепоименованные певчие книги, гармонизованы в конце XVII и в начале XVIII века в следующем числе: на четыре голоса — 12 редакций; на шесть голосов — 1 редакция и на восемь голосов — 4 редакции;

Праздники были гармонизованы на три голоса 1 раз, на четыре голоса 17 раз, на пять голосов 1 раз, на восемь голосов 1 раз и на двенадцать голосов 1 раз;

Хоровые трезвоны, в качестве служб на отдельные дни, имеются в 26-ти экземплярах и перечислены выше;

Хоровые триоди, в точности еще не обследованные, находятся в 8-ми экземплярах.

Хоровые сборники, кроме вышеуказанного изложения частей целых богослужебных книг, представляют собою или переложения каких-либо отдельных песнопений разных напевов, или самостоятельные сочинения преимущественно на четыре голоса. Этот отдел в свою очередь должен быть

разделен на сочинения, непосредственно относящиеся к какой-либо церковной службе, например, Херувимские и т. п., и на сочинения чисто концертного стиля. Отдельно стоят в этом же отделе так называемые «службы Божии», то есть полные литургии*, которые писались у нас преимущественно в первой половине XVIII века.

Хоровых сборников на три голоса имеется 4, с концертами — 8 и со «службами» — 2; по каталогу зарегистрировано до сих пор концертов 258 номеров и «служб Божиих» 6 номеров. Сюда же следует причислить 178 номеров зарегистрированных трехголосных светских песен и романсов и 343 номера трехголосных од, кантов, виршей и псалмов, певчий календарь Симеона Полоцкого и т. п.

Хоровых сборников на четыре голоса имеется 15, с концертами — 5 и со «службами» — 1; в каталогах пока зарегистрированы только из трех сборников 579 номеров сочинений и переложений на богослужебные тексты; остальные материалы еще не каталогизованы. Сюда же следует отнести и весь отдел знаменных и нотных партитур древнего письма, имеющих в количестве 14 номеров рукописей.

Хоровых сборников на пять голосов имеется 2, с концертами — 3 и со «службами Божиими» — 4. Сборники эти еще не каталогизованы.

Хоровых сборников на шесть голосов имеется 6, с концертами — 1 и со «службами Божиими» также 1. Сборники также еще не каталогизованы.

Хоровых сборников на восемь голосов имеется 17, с концертами — 11 и со «службами Божиими» — 3. Первые сборники почти не каталогизованы, ибо зарегистрировано пока (из семи сборников) 84 номера, «служб Божиих» — 14 номеров.

Хоровых сборников треххорных на 12 голосов — 11, с концертами — 13, со «службами Божиими» — 3. Этот отдел, каталогизованный почти сполна, заключает в себе переложений и сочинений на тексты всеобщей и литургии 32 номера, концертов — 477 номеров и «служб Божиих» — 33 номера.

Хоровых сборников четыреххорных на 16 голосов — 2; в них богослужебных песнопений — 12, концертов — 9 номеров и одна «служба Божия».

Хоровых сборников шестихорных на 24 голоса — 2, в них концертов — 16 номеров, «служб Божиих» — 2 и песнопений на тексты литургии и всеобщей — 6.

Из 48-голосных сочинений для 12-ти четырехголосных хоров имеются два концерта и некоторые песнопения литургии. Экземпляры эти, однако, не сохранены сполна, хотя и удалось восстановить в 47-ми лишь голосах

* Обыкновенный состав «службы Божией» таков: «Слава. Единородный Сыне» и ектения «Кирие элейсон», «Приидите поклонимся», Трисвятое, Херувимская песнь, «Отца и Сына», «Верую», «Милость мира» и проч., «Тебе поем», «Достойно есть» и причастен. Во многих службах имеется по две Херувимских и по несколько иных песнопений, по несколько ектений и т. п.

партитуры обоих концертов, оказавшихся написанными один на встречу императрицы Екатерины II в Ярославле, а другой на слова стихиры апостолам Петру и Павлу — вероятно, по тому же случаю.

По хоровому отделу с голосовых партий составлено партитур на три голоса: «служб Божиих» — 2, концертов — 12; на четыре голоса: из песнопений на литургии и всенощной — 25 номеров, концертов — 9 номеров и «служба Божия» — один номер; на шесть голосов — 3 номера сочинения Василия Титова; на восемь голосов — концертов 2, «служб Божиих» — 5 и богослужебных песнопений — 30; на 12 голосов — концертов 16, «служб Божиих» — 6 и богослужебных песнопений — 2; на 16 голосов — одна «служба Божия»; на 24 голоса — также одна «служба Божия» и на 48 голосов — 2 концерта*.

Итак, вот в каких разнообразных формах и вот в каком множестве произведений обрисовывается ныне область того искусства, которое всегда было умирительным откликом русской души. Излишне прибавлять, как много читается опытному глазу на этих старых страницах, иногда удивительных уже только по своему внешнему совершенству, по мастерству письма и рисунка; не менее удивительны многие из этих произведений по своей внутренней форме, не говоря уже о задушевности древнего напева и о технике хоровых сочинений. Отдавая должное последним как свидетелям бывших вкусов и направлений хорового пения в России, нельзя, однако, не утверждать, что самое главное содержание библиотеки Синодального училища состоит из ряда превосходных памятников нотного-одноголосного и крюкового письма. Много пищи могут дать эти рукописи пылливому уму историка, певца, музыканта-теоретика и, особенно, композитора. Выше были кратко указаны разные частности, интересные для филолога, палеографа и для интересующихся русским орнаментом. Многое в этой статье еще ждет объяснений, имеющих пролить, может быть, новый свет на частные отделы нашей молодой науки.

Церковному певцу — необозримое море новостей в библиотеке Синодального училища. Неравны по достоинству эти новости в хоровом отделе, зато в одноголосном пении эти новости есть сущий мелодический клад, особенно в отделах обиходов, сборников и трезвонков.

Музыканту-теоретику ныне вполне возможны работы по разработке древних напевов, ведущих прямо к научным открытиям в области нашей ритмики и контрапункта. Значение этих работ для отрезвления и обновления теории нашей музыки представляется мне полным первостепенной важности. Разумное введение спокойных напевов, сложно-свободных рит-

* Статья эта была уже написана, когда в библиотеку Синодального училища прибыл новый богатый дар в виде 172-х рукописей московского Общества любителей духовного просвещения. Материалы, заключающиеся в этих рукописях, конечно, не могли быть внесены в вышеуказанные числа.

мов, заимствованных из веками обточенных примеров, представляется мне одним из непременных условий верного прогресса русского искусства.

Затем я смею думать, что ознакомление с нашими древними церковными напевами вполне необходимо каждому русскому музыканту, особенно же начинающему композитору, если он хотя бы однажды добросовестно задумался над своим недостаточным знанием тех напевов и народных песен. И отчего бы не задуматься каждому из них над причинами того, почему иногда его обуревают чувство беспочвенности? почему же так чужд его духу целый мир вековых и родных музыкальных идей? Полагаю, что изучение народных русских песен еще крайне трудно по малому числу изданий, в которых бы напевы и варианты были бы изложены с достаточною поучительностью, а не в виде лишь сырого материала. Полагаю также, что древнецерковные напевы, несравненно более дисциплинированные и даже более богатые по разнообразию и технике, изложены письменно с полнотою и корректностью, вполне достаточною для всяких работ. Нетрудно мне предсказать композитору, решившемуся основательно ознакомиться с древними напевами, хотя бы по изданиям Св. Синода, целый ряд неожиданных для него наслаждений и размышлений. Свообразные мелодии, прекрасные по форме и содержанию, совершенно оригинальные ритмы не могут не удивить, не могут не освежить мирозерцание современного русского художника и должны отрезвить его простотою, ясностью и глубиною их мыслей.

Дальнейшие занятия в этом направлении могут только утвердить мысль о верности указываемой дороги: как в старину уединенные монастыри, эти великие в прошлом лечебницы усталой души, как строгие иноки, эти сущие поэты серьезных сторон русского духа, послужили вдохновенными песнями нашему искусству и духовно обновляли и отрезвляли город с его всякою ложью, служивой и торговой суетой, так не может не повториться и ныне, почти тою же дорогою, хотя и под влиянием века, вполне естественное обновление в русском искусстве. Занятия, указываемые выше, не могут не привести еще к сомнению в достоинстве многих, будто бы непреложных для нас, правил западной музыки, а затем и к утверждению в мысли о полной возможности в русском искусстве еще большего богатства изобретения.

Высказывая эти соображения, я отнюдь не бросаю вызова теоретикам и не приглашаю новые силы к оспариванию или расшатыванию некоторых музыкально-научных положений; я считаю достаточным лишь сделать указание на возможность и надобность новой дороги в области русского музыкального мышления. Полагаю, что усвоение этой дороги зависит только от знакомства с напевами, от умения делать широкие обобщения и пользоваться добытыми наблюдениями в области разработки тех напевов. Едва ли полемика уместна и полезна там, где дело заключается в приложении своих знаний, своего остроумия и воображения к данному мотиву, подлежащему художественной разработке. Предвижу и много душевных волнений всякого

искреннего русского музыканта, начинающего серьезно работать в этой области. Ему придется пожалеть о многих потерянных годах, прошедших в самовоспитании по чуждым ему образцам... Впрочем, время и кровь, здравомыслие последних лет и возвращение домой в нашем искусстве неизбежно должны взять свое и притом все сполна. Предполагаю, что ряд совершенно спокойных рассуждений должен привести наших будущих музыкантов, если они пожелают быть русскими, к установлению новой, вполне простой музыкальной теории, взятой не из чуждого нам вдохновения и остроумия, а из свободы и превосходной при ней дисциплине нашей народной песни и нашего древнего церковного напева. Я понимаю, что мои слова могут показаться многим весьма забавными увлечениями, но я стою за них твердо. Не без борьбы, после добросовестного многолетнего труда и ряда самых беспристрастных наблюдений, мне пришлось спокойно уверовать в правоту моей мысли, ставшей теперь моим непоколебимым убеждением, и я делюсь этим со всеми, ищущими света и истины в родном искусстве.

8 декабря 1898 года

Комментарии

Статья опубликована в «Русской музыкальной газете», 1899, № 3—5, 11—14, а также вышла отдельным оттиском.

Как уже говорилось во вступительной статье к разделу, данный текст автор мыслил в жанре «предварительного сообщения», за которым должно было последовать «большое сообщение с приложением тематического лексикона». Упоминалось и о том, что после своего отъезда из Москвы Смоленский продолжал работу с рукописями и многократно возвращался к теме училищного собрания.

Работа над каталогизацией собрания шла очень интенсивно и параллельно с его пополнением. Как указывает Смоленский в рапорте прокурору А. А. Ширинскому-Шихматову от 4 мая 1896 года (см. выше в очерке В. М. Металлова «Синодальное училище церковного пения...»), все рукописи сразу записывались в особый каталог, причем «для определения отдельных хоровых сочинений» был «составлен полный каталог пока только 12-ти, 8-ми и 3-голосных сочинений, а также всех одноголосных песнопений — на свыше трех тысячах отдельных подвижных картах». «Дальнейшая каталогическая работа, — пишет Смоленский, — продолжается мною вместе со всеми учениками 7-го и 8-го классов училища, приучаемыми мною к работам по рукописям». Вместе с учениками составлялись и хоровые партитуры по партиям, определялись редакции разных певческих книг и т. д.

Как много было сделано до отъезда Степана Васильевича в Петербург, можно видеть также из документов петербургского периода, когда Смоленский был вынужден обращаться к руководству училища с просьбой о выдаче ему на руки рукописей и разных им же составленных каталогов и описаний. В частности, в августе 1904 года Смоленский запрашивал на три месяца «три певческие раскольничьи рукописи», свои

же собственные карточные каталоги и тематический нотный указатель хоровых сочинений XVII и начала XVIII века. Поскольку училищное начальство выразило недовольствие в связи с перевозкой материалов в Петербург, Смоленскому пришлось обратиться к К. П. Победоносцеву с письмом, где он разъяснял и смысл своей продолжающейся деятельности по отношению к этому собранию, и его общее значение:

Эту библиотеку как собранную и каталогизованную мною я считаю для себя единственно удобною для моих занятий. По моему точному и многолетнему знакомству с каждой рукописью и особенно по множеству моих домашних записей о страницах, где имеются надобные и найденные мною материалы, мне нельзя и начать теперь свои работы по другим документам. <...> Библиотека рукописей Синодального училища стала еще при мне первым в России по богатству собранием документов преимущественно XVII и XVIII веков; каталогизация и прикладные работы по приведению в систему этих документов осмыслили важность для науки этого собрания как содержащего в себе превеликое множество драгоценнейших по содержанию художественных и исторических новостей. Количество более древних рукописей в библиотеке, не далее конца XVI века, вполне незначительно, так как таких рукописей не более пяти, а всех позднейших, уже при мне, было собрано более 1100 номеров. До 90% этого числа относится к крюковому и нотному однопольному пению, остальная же часть, не считая массы томов голосовых партий — к хоровому.<...> [Считаю необходимым] обеспечить себе... авторские права на множество открытий, записанных мною в каталогических по библиотеке моих работах. Эти работы сделаны только мною и по собственному почину. Опубликование их, кроме пользы для науки и для церковного певческого искусства, есть... прояснение богатств в рукописях Синодального училища (Дневник № 5 — РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 9, л. 160—160а).

В этом же письме, сохранившемся вклеенным в Дневник, Смоленский говорит об упомянутом выше систематическом указателе как о «пожертвованном» им для училища и о каталогах хоровых сочинений как о тоже оставленных в Москве.

После кончины Степана Васильевича, в начале 1910 года Н. Ф. Финдейзен, знакомившийся с архивом Смоленского, отметил наличие в нем «ряда законченных трудов», в том числе «громадного, чудесного» тематического и текстового «Каталога русского пения в XVII и XVIII веках» (1907), а также незавершенных, но достаточно продвинутых работ по сравнительному изложению (по рукописям разных библиотек) отдельных жанров песнопений и целых певческих книг (*Финдейзен Н. Ф.* Степан Васильевич Смоленский. Биографический очерк // Памяти Степана Васильевича Смоленского. [Музыкальная старина.] Вып. 5. СПб., 1911; перепечатывается в четвертом томе серии). Частично эта работа нашла отражение в тексте Смоленского, посмертно опубликованном «Хоровым и регентским делом» (1910, № 1, 3, 5/6) — «О русской церковно-певческой литературе с половины XVI века до начала влияния приезжих итальянцев». Основанный на материалах рукописной библиотеки Синодального училища, этот текст представляет собой доклад, прочитанный в собрании Общества любителей древней письменности 22 апреля 1905 года и по смыслу дополняет опубликованное ранее в РМГ «предварительное сообщение».

В докладе, посвященном преимущественно многоголосию, предложена более простая, нежели в статье «О собрании...», классификация «родов хоровой древнепевческой литературы» — всего три главных отдела (правда, речь идет здесь только о многоголосии и о более коротком временном отрезке — от середины XVI века до примерно последней трети XVIII века):

1) «самая старая хоровая московская, или, правильнее, северно-русская литература, изложенная еще крюками, а не нотами»;

2) «хоровая южно-русская исключительно нотная литература, то есть пение киевское. С ним через Юго-Западную Русь перешло к нам хоровое пение греческого и болгарского напева. Здесь замечаются отделы: киевский роспев, греческий роспев, болгарский роспев. Из них после многих переделок образовался нынешний “обычный”, или так называемый “придворный” роспев. <...> Вся эта литература, гармонизованная потом на три и четыре голоса, может быть охарактеризована словом “переложения” древних и новых богослужебных напевов»;

3) «хоровая западно-русская литература, созданная в огромных размерах русскими композиторами. <...> Эта литература может быть названа “партесною”, или свободною композициею, не имевшею к древним роспевам никакого отношения» («Хоровое и регентское дело», 1910, № 1. С. 3—4).

Охарактеризовав вкратце эти три рода, Смоленский переходит далее собственно к собранию рукописей Синодального училища и упоминает составленные им специальные тематические каталоги:

«1) Знаменные (крюковые) духовные стихи, покаяльны, беседны и воинские — XVI, XVII и XVIII веков. В этом же каталоге включены и раскольничьи крюковые стихи. Собрано — 175 стихов. (Работа над этим жанром нашла отражение в опубликованной тоже посмертно статье Смоленского «Значение XVII века и его “кантов” и “псалмов” в области современного церковного пения». — *Сост.*)

2) Нотные духовные стихи, относящиеся к вышеупомянутой «киевской» литературе — собраны лишь в числе 80 номеров.

3) Знаменные, путевые и демественные партитуры XVII века. В этом каталоге собрано песнопений на один голос (то есть с подразумеваемым к пению наизусть другим общеизвестным напевом) — 45 сочинений, на 2 голоса — 55 номеров, на 3 голоса — 145 номеров и на 4 голоса — 55 номеров, всего до 300 номеров.

Каталоги нотные:

4) Оды, канты, вирши и псалмы на 3 голоса. Собрано до 350 номеров.

5) Трехголосные концерты и “службы Божии” — до 260 номеров.

6) 8-голосные малые композиции и гармонизации древних роспевов — до 280 номеров.

7) 8-голосные “службы Божии” и концерты — до 23 номеров.

8) 12-голосные мелкие сочинения и “службы Божии” — до 65 номеров.

9) 12-голосные концерты — до 550 номеров.

10) 16, 24 и 48-голосные “службы Божии” и другие композиции всякого рода — до 34 номеров.

11) Хоровые трезвоны на разное число голосов — всего 55 служб, в которых свыше 500 песнопений.

- 12) Тематический указатель переложений Праздников и Октоиха на разное число голосов и во всех найденных редакциях.
- 13) Список партитур, составленных с голосовых партий.
- 14) Авторский список с показанием их сочинений.
- 15) Каталог светских песен на 1 и 3 голоса — собрано до 190 номеров» («Хоровое и регентское дело», 1910, № 3. С. 57—58).

Часть упомянутых каталогов хранится в петербургских архивных фондах Смоленского, но ни один из них не исследован подробно (см. об этом во вступительной статье Н. И. Кабановой к публикации Воспоминаний Смоленского в четвертом томе серии). Представление о методе работы ученого с материалами училищного рукописного собрания могут дать каталоги, сохранившиеся в фонде Смоленского в Отделе письменных источников Исторического музея (ОПИ ГИМ, ф. 379), то есть сделанные в московский период и оставленные в Синодальном училище после отъезда Смоленского в Петербург.

Главный из них — «Систематический указатель библиотеки рукописей Синодального училища церковного пения» (ф. 379, № 60). Это огромный по формату (in folio) переплетенный том, с начальной датой — 1891. В нем сразу была установлена организация по основным видам и подвидам певческих книг, с последующими более мелкими подразделениями. По каждому разделу и в целом произведен подсчет — дата его не известна, но можно предположить, что подсчет относится к моменту, когда ответственность за собрание после ухода Смоленского была передана другому лицу. В самом конце каталога общее число посчитанных позиций (не самих рукописей, поскольку есть случаи, когда одна рукопись попадает в разные разделы, или, напротив, когда рукопись состоит из нескольких томов или тетрадей) записано карандашом, по-видимому, рукой Д. В. Аллеманова — 1669 номеров. Именно по этому каталогу, скорее всего, приводятся числовые данные в статье «О собрании...» и в статье, опубликованной «Хоровым и регентским делом» (с поправками, вызванными дальнейшим пополнением собрания).

О методике работы Смоленского с рукописным собранием дает представление другой писанный его рукой и сохранившийся в ОПИ ГИМ каталог, а именно «Обиходы по рукописям Синодальной библиотеки» (ф. 379, № 2). Это столь же масштабный том — 225 листов in folio, с начальной датой — 1896. В отличие от упомянутого выше, данный каталог — инципитный, с отсылками для сравнения на Сокращенный Обиход нотного пения и Обиход церковного нотного пения (так называемый «пространный») синодального издания на квадратной ноте (соответственно 1883 и 1879 годов). Организующий принцип этого поистине грандиозного труда соответствует структуре самой сложной и вариативной певческой книги, какой является Обиход (о чем Смоленский с увлечением рассказывает в публикуемом выше тексте), и при этом Обиход только одногласный в пятилинейной квадратной нотации. Для понимания масштаба проделанной Смоленским работы приведем только перечень основных рубрик каталога: всенощное бдение (вечерня и утренняя) — литургия — повечерие великое — последование междочасия — Постный Обиход — Пасха — каноны молебные — благодарственный молебен — молебное пение в нашествии супоста-

тов — погребение мирских человек — панихида большая киевского роспева — последование исходное монахом — последование младенцам — освящение церкви — задравная чаша — венчание — последование малого ангельского образа — последование великого ангельского образа — чин освящения воды — чин пред трапезой и после — чин «за приливом» — разные молебны — последование освящения ерея.

Каждое чинопоследование расписывается по отдельным песнопениям (в том порядке, как они следуют в службе), и каждое песнопение — по всем видам, какие обнаруживаются в рукописях, с указаниями номеров рукописей по общему каталогу и номеров листов в рукописи. На каждый роспев дан нотный пример — начало песнопения, часто с отсылками-сопоставлениями с обиходами синодального издания.

Другие материалы фонда ОПИ ГИМ свидетельствуют, что Смоленский привлекал к подобной — но более легкой — работе также учеников. Например, сохранился каталог «Тропари, седалины и полные каноны праздников греческого роспева» (ф. 379, № 52) с надписью: «Писал ученик 6-го класса Николай Толстяков в июне 1900 года». Первые строки в этом томе вписаны рукой Смоленского; работа осталась незавершенной.

Как известно, в наше время неоднократно поднимался вопрос о необходимости составления инципитного каталога певческих рукописей (в разных масштабах — того или иного собрания, того или иного хранилища, города и т. д.). Как и во многих других случаях, сама идея подобной работы по отношению к певческим рукописям принадлежит Смоленскому, и не его вина, что он не смог довести ее до конца по отношению к училищному собранию.

Для чего нужен был необычайно кропотливый и требующий массы времени труд над разными каталогами, Смоленский говорит как в публикуемом в данном томе «предварительном сообщении», так и в третьей части упомянутой статьи в журнале «Хоровое и регентское дело». В последнем случае — применительно ко «второй киевской литературе», то есть к ранним гармонизациям древних роспевов:

Труд, положенный нашими предками по части гармонизации древних роспевов, можно назвать только трудом очень многих художников, не только умных, но и усидчивых. Величина этого труда видна по простому подсчету. Например, в Октоихе на каждый глас гармонизованы: на «Господи воззвах» — 3 стихирь воскресных, 4 восточных и догматик; на стиховне — славник и богородичен, затем антифоны, 1-я стихира, славник на хвалитех и блаженна — всего 14, следовательно на 8 гласов — всего 112 песнопений; если же сюда прибавить обычное приложение к Октоиху, то есть 11 утренних евангельских стихир, то получается весьма внушительная цифра в 123 песнопения.

Дванадцатые Праздники — почти такая же величина.

Теперь следует представить количество труда: Октоих на 8 голосов найден мною в четырех редакциях, совершенно разных между собою; затем есть 6-голосная редакция, а на 4 голоса Октоих был гармонизован 12 раз: 7 — знаменного роспева и 5 — греческого. Праздники найдены в редакции на 12 голосов, то есть для трех хоров; в двух редакциях — на 8 голосов, в одной редакции — на 3 и на 5 голосов; наконец, на 4 голоса Праздники были гармонизованы ни более ни менее как 16 раз. Если полвека назад Львов, Ломакин и Во-

ротников трудились над одним Кругом более десяти лет — можно себе представить, сколько труда понесено нашими прапрадедами! Вместе с тем число редакций указывает, как настойчиво, именно не жалея сил, вырабатывали русские художники гармонические одежды наших церковных напевов; теперь наша привычка к ним застигает в наших глазах возможность видеть их исключительные достоинства. Мы даже не даем себе труда вникнуть в бесподобную по свободе ритмику, — а то и другое есть именно труд художников конца XVII и начала XVIII веков (Хоровое и регентское дело, 1910, № 5/6. С. 113—114).

Далее Смоленский поясняет, что составленный им тематический указатель имеет и практическое значение, то есть дает возможность подобрать недостающие партии для неполных комплектов тех или иных песнопений. Аналогичные в общем задачи ставятся им по отношению к «третьей, партесной литературе, то есть к совершенно свободному русскому творчеству» — концертам и «службам Божиим»: он считает необходимым «восстановить память старых русских композиторов» и выяснить истинный объем их творчества.

Однако особое значение придает Смоленский все же не многоголосной литературе концертного типа, а именно ранним четырехголосным гармонизациям песнопений литургии и всенощной, ибо видит в них исток современного обиходного пения, в котором «когда-то заимствованные мелодии и гармонические модели перерождались в руках наших художников в чисто русские вдохновения»: «Все нынешние “Херувимские”, “Милость мира”, “Достойно”, “Хвалите” и прочие, быстро укрывшиеся в клиросных рукописных тетрадках от воздействий былой строжайшей цензуры, от ретивых исполнителей высочайших повелений, прямо спасли нам от италянизации все лучшее и самое задшее из певческой этой литературы, ставшей, так сказать, проstonародною» (Там же. С. 116).

Итак, в докладе, опубликованном в «Хоровом и регентском деле», разрабатывается та же, что и в статье «О собрании...», мысль об острой актуальности изучения прошедших эпох для будущего русского церковного пения и русского музыкального искусства в целом, и доклад является как бы дополнением к статье, в большей мере сосредоточенной на ранних периодах и на знаменной нотации.

1. Смоленский цитирует так называемый «Проект Бортнянского» по его первому изданию в приложении к Протоколу годового собрания членов Общества любителей древней письменности 25 апреля 1878 года (СПб., 1878). Большая цитата из этого документа приводится в предисловии к изданной С. В. Смоленским «Азбуке знаменного пения старца Александра Мезенца» (Казань, 1888). В частности, данный фрагмент выглядит там следующим образом: «Прекращены были бы сии нелепые и самовольные церковного пения переправы, исказившие и мелодию оною и степенный ход его. Тогда бы можно было иметь полный и утвержденный перевод, сообразный с словоударением языка, и даже можно бы было иметь перевод пения сего, расположенный в мере, не разрушая мелодии оною, а сие самое было бы самым прочным основанием контрапункта отечественного» (С. 26).

2. Смоленского, который начал изучение знаменного пения под руководством старообрядцев, в том числе беспоповцев, весьма занимала проблема происхождения

и значения хомонии. Этому, в частности, посвящен довольно большой раздел в предисловии к «Азбуке Александра Мезенца», где возникновение раздельноречия связывается прежде всего с особенностями архаического произношения и стремлением певцов к сохранению древнего напева. Такая точка зрения, учитывающая художественное значение хомонии, близка к мнению, выраженному примерно в те же годы будущим сотрудником Смоленского по Наблюдательному совету В. Ф. Комаровым, который писал: «Пение хомовое производит неприятное впечатление постоянным нарушением правильности текста, что и заставило наших предков в XVII веке исправить пение *на речь*. Но если отрешиться от этой неправильности текста, то в музыкальном отношении хомовое пение гораздо плавнее и звучнее» (*Комаров В. Ф. Средства к улучшению церковного пения // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. 3. С. 250—251*).

В наше время хомония как система была исследована Б. А. Успенским (см.: *Успенский Б. А. Архаическая система церковнославянского произношения. М., 1968*).

3. В вопросе о демественном пении Смоленский занимает позицию, близкую к изложенной В. В. Стасовым в его «Заметках о демественном и троестрочном пении» (1864) — то есть опирающуюся на изучение источников и принципиально отличающуюся от принятой у ряда авторов XIX и даже начала XX века трактовки демества как пения «домашнего» (на основании чего в разряд «демественного пения» попадала и вся концертная духовная музыка — см., например, публиковавшийся в РМГ цикл статей Н. И. Компанейского «Современное демество» или название произведения А. Т. Гречанинова — «Демественная литургия»). Вслед за Стасовым Смоленский производит сам термин от греческого «певческого чина» («доместик») и осмысливает как различные явления «демество», упомянутое в Степенной книге, и демественный роспев XVI—XVII веков. Эта точка зрения близка к современной.

4. Смоленский не цитирует сплошной текст, а контаминирует два отрывка рукописи Александра Мезенца — из вступления и из заключения Азбуки (с. 7 и с. 22 по изданию 1888 года); кроме того, внутри фраз текст несколько сокращается и упрощается — очевидно, в соответствии с газетным жанром данной статьи. В настоящем издании сохранена конструкция Смоленского, но сам текст выправлен по его же книжной публикации.

5. О работе Гербиния см. в комментариях к публикации работы В. М. Металлова «Синодальные, бывшие патриаршие певчие».

6. «Мусикийская грамматика» Николая Дилецкого привлекала внимание Смоленского на протяжении многих лет и была им подготовлена к печати, но опубликована лишь посмертно — в 1910 году в Петербурге, на средства председателя Общества любителей древней письменности графа С. Д. Шереметева. Таким образом, Смоленский осуществил планы предыдущего поколения исследователей, а именно Д. В. Разумовского и В. Ф. Одоевского, которые полагали первоочередной необходимостью публикацию двух основополагающих теоретических трудов по русскому церковному пению — Азбуки Мезенца и Грамматики Дилецкого (см. подробнее в третьем томе).

7. Имеется в виду, конечно, Максим Созонтович Березовский (а не его однофамилец и тоже автор церковных композиций священник М. А. Березовский в конце

XIX — начале XX века) и его Литургия св. Иоанна Златоуста (издана в Сборнике духовно-музыкальных песнопений под редакцией Е. С. Азеева. Вып. 8. Изд. П. М. Киреева, Пг., 1914).

8. «Плачу Богородицы» уделено особое внимание также в посмертно опубликованной статье Смоленского «Значение XVII века и его “кантов” и “псалмов” в области современного церковного пения так называемого “простого напева”» (Памяти Степана Васильевича Смоленского. [Музыкальная старина.] Вып. 5. СПб., 1911). Там, в частности, говорится: «Кант “Уже ты лишаюся, сладкое чадо” есть отрывок из очень большого (до 30-ти) ряда кантов, известных под именем «Плача Богородицы». Это — наш *Stabat Mater*, вместе и остаток невоспринятой у нас части южнорусской пассивы Великого Пятка. До сих пор еще не удалось установить ни определенного объема «Плача Богородицы», ни числа его редакций, ни даже времени его исполнения между службами Великого Пятка и Великой Субботы. <...> Интересно отметить, что этот “плач”... уцелел до сих пор в числе кантов, распеваемых на Алтае в миссионерских школах» (С. 73). К этому можно добавить, что «Плач Богородицы», начинающийся словами «Стояше днесь при Кресте...», известен и в крюковой старообрядческой традиции.

9. Воскресенский Ирмологий — рукопись, принадлежавшая библиотеке Воскресенского (Новый Иерусалим) монастыря; описана Смоленским в работе «Краткое описание древнего (XII—XIII) знаменного ирмолога» (Казань, 1887).

10. Ю. В. Келдыш указывает пять кондакарных рукописей: «Наиболее ранними из них являются кондакарь, входящий в состав Типографского устава, и Благовещенский кондакарь, датируемый первой четвертью XII века. Ко второй половине того же столетия предположительно может быть отнесен Лаврский (Троице-Сергиевой лавры) кондакарь. Позднейшие по времени кондакари — Синодальный и Успенский относятся к началу XIII века» (История русской музыки в 10-ти томах. Т. I. М., 1983. С. 111).

11. Имеется в виду «Круг церковного древнего знаменного пения» в шести частях, составленный руководителем старообрядческого церковного хора (Богородско-Глуховской мануфактуры, так называемого Морозовского) И. А. Фортовым и опубликованный Обществом любителей древней письменности (СПб., 1884—1885) с предисловием, а также знаменной азбукой, составленной Д. В. Разумовским. Появление этого издания вызвало критику в старообрядческой среде, отчасти ввиду отдельных изменений привычных крюковых изложений, отчасти ввиду появления в Круге некоторых новых крюковых композиций (составленных самим Фортовым и его современниками). Со временем Круг прижился на клиросах старообрядческих храмов белокрыницкого согласия и ныне составляет в них основной певческий материал.

12. Имеется в виду третий выпуск труда Д. В. Разумовского «Церковное пение в России» (М., 1869), содержащий Приложения: Азбуку, Кокизник и Фитник знаменные и Азбуку демественную с «образцами пения по безлинейным знакам».

II

Архивные
документы



Вступительная статья

Как известно, одним из стимулов к развитию церковно-певческого дела в 1880-е годы послужили устные директивы императора Александра III. Известно и то, что особые надежды поначалу возлагались на Придворную певческую капеллу, куда в 1883 году были приглашены два ведущих композитора — Балакирев (на должность управляющего) и Римский-Корсаков (помощник управляющего). Однако через несколько лет стало ясно, что опыт не удался: в Капелле сумели очень высоко поставить музыкально-теоретическое и инструментальное образование, в то время как церковно-певческое дело стало клониться к упадку.

В 1885 году между Балакиревым и Победоносцевым возникла полемика о результатах деятельности Капеллы и путях улучшения церковного пения в России. Победоносцев считал, что Капелла не только отошла от истинных церковных мелодий в исполнительской практике, но и создала целую школу композиций, от них удалившихся. Обер-прокурор выдвинул следующие задачи: 1) восстановление в изданиях Капеллы традиционных роспевов в их точном виде; 2) многоголосная обработка роспевов в духе церковных преданий и освобождение гармонизаций от «итальянского» стиля; 3) привлечение в церковно-певческую область знатоков музыкальной древности; 4) издание полезных руководств по церковному пению; 5) распространение в дешевых изданиях переложений древнецерковных мелодий; 6) образцовое исполнение церковных песнопений публично для развития в народе вкуса к художественному исполнению строгого стиля¹.

Однако, выдвигая подобные задачи, Победоносцев, вероятно, уже рассчитывал не столько на Капеллу, сколько на другое учебное заведение — училище при Синодальном хоре. 8 июня 1886 года Александр III подписал подготовленный Победоносцевым указ «О преобразовании управления Московским Синодальным певческим хором, училищем при нем и синодальным недвижимым имуществом в Москве и ее окрестностях»². Этот документ сопровождался юридической и учебной документацией, обеспечивающей новое устройство и направление деятельности прежнего начального училища для малолетних певчих. Концепция преобразований была сформулиро-

вана в «Пояснительной записке к проекту положения по хору синодальных певчих и училищу церковного пения», в центре которой стояла мысль о создании церковно-певческого заведения нового типа, основной задачей которого должно стать сохранение и развитие старинных православных церковно-певческих традиций³. Для осуществления этой задачи при училище учреждалось «совещательное собрание» — Наблюдательный совет из компетентных в церковном пении лиц: в будущем он должен был стать основой учреждения, ответственного за наблюдение над церковным пением всей России.

16 августа 1886 года новый проект и штат училища и хора были введены в действие; 28 августа управляющий Московской Синодальной типографией А. Н. Шишков направил профессорам Московской консерватории Д. В. Разумовскому, П. И. Чайковскому и Н. А. Губерту приглашения на должности членов Наблюдательного совета⁴. Все трое, весьма сочувствовавшие преобразованиям училища и принимавшие участие в их подготовке, приглашение приняли. Однако вопрос о реальной работе первого состава Наблюдательного совета остается открытым. В документах училищного архива обнаружены следы деятельности лишь Разумовского, который в конце 1886/87 учебного года вместе с преподавателями училища В. С. Орловым и А. Г. Полуэктовым принимал экзамены по церковному пению и сольфеджио у учеников 1-го и 2-го классов⁵. Да и сам состав Совета довольно скоро изменился. В 1888 году смерть унесла Губерта, годом позже — Разумовского; в этом же году оставил Совет и Чайковский. В 1889 году в Совет вошли В. И. Сафонов, А. С. Аренский и С. И. Танеев. С 1894 по 1898 год в Наблюдательном совете состояли управляющий Синодальной типографией С. Д. Войт и богатый промышленник Н. К. фон Мекк.

В своих Воспоминаниях Смоленский указывает, что цензорские обязанности возлагались на Наблюдательный совет с самого начала⁶. Однако в архиве училища первых послереформенных лет найдено лишь одно дело, связанное с рецензированием: оно относится к 1887 году и посвящено рассмотрению книги инспектора Рижской духовной семинарии И. И. Вознесенского «О церковном пении православной греко-российской церкви», которая выдвигалась на премию митрополита Макария⁷. В этом деле находится переписка между Учебным комитетом при Св. Синоде и управляющим Синодальной типографией А. Н. Шишковым, а также письмо последнего к Разумовскому с просьбой дать отзыв об этой книге. К сожалению, рецензия Разумовского в деле отсутствует. Вероятно, она была положительной, поскольку искомая премия была присуждена, а книга опубликована⁸.

В октябре 1887 года Шишков получил из Синода новые духовно-музыкальные композиции, принадлежащие таким авторитетным представителям Придворной певческой капеллы, как А. Н. Римский-Корсаков, Е. С. Азеев, А. А. Копылов, Г. Я. Ломакин. Но сочинения были переданы на

рецензию не в Наблюдательный совет, а профессору Московской консерватории С. И. Танееву, который в эти годы разрабатывал теорию «русского контрапункта». (Как известно, выдающийся композитор и теоретик, вслед за Г. А. Ларошем, проповедовал идею обработки русских роспевов средствами контрапункта строгого стиля.) По воспоминаниям А. Д. Кастальского, в 1880-е годы в Москве мнение Танеева о способах переложения старинных роспевов было господствующим. Оценка Танеевым сочинений Римского-Корсакова оказалась очень высокой⁹. За мастерством автора он увидел нечто большее, а именно, что обработки Римского-Корсакова, чутко следовавшего церковным роспевам и «мотивам религиозных песен народа», по сути дела, открывали новые пути в духовно-музыкальном творчестве. В детали Танеев не вдавался, однако за него это сделал прокурор Шишков, который сообщил в Синод, что Танеев умолчал о одновременном произнесении текстов разными голосами в хорах Римского-Корсакова. В отзыве о произведениях Азева, Копылова и Ломакина Танеев проявляет осторожность. Рекомендую эти хоры для церкви, он исходит из того, что все они в той или иной степени следуют Бортнянскому и Львову, на сочинениях которых основывался репертуар XIX столетия.

С приходом в училище в 1889 году Смоленского экспертиза духовно-музыкальных композиций была целиком возложена на него. Смоленский вспоминал, что занимался цензорством вплоть до 1898 года и за это время просмотрел несколько тысяч сочинений целой «армии» авторов, отдельную часть которой «составляли архиерейские регенты, монахи, увлекавшиеся вошедшим в моду стремлением вернуться к “древним напевам” и к снабжению их гармонизацией в духе древних ладов». «Немудрено, — пишет Смоленский, — что при всей терпимости, при всем моем стремлении к большому простору всякой свободы и я не пропускал 95% всякого вздора...»¹⁰ Интересно, что помощником Смоленского в этом деле был его любимый ученик Павел Чесноков¹¹.

С 1898 года, после принятия нового Устава Синодального училища, деятельность Наблюдательного совета заметно оживилась, а полномочия существенно расширились. Совет должен был не только следить за правильным развитием Синодального училища и хора, но и способствовать «охранению, распространению и научной разработке древнерусского церковного пения, его памятников, теории и истории», наблюдать за состоянием церковнопевческого дела в Москве и по поручению церковного начальства рассматривать новые духовно-музыкальные сочинения. Отныне с приглашениями на должности членов Совета богатых покровителей было покончено, привлекались лишь авторитетные специалисты, знатоки церковного пения; обязательными членами становились также управляющий Синодальным училищем и хором (председатель), директор училища и регент.

В 1898 году в Наблюдательный совет вошли сразу три новых члена — профессор Филармонического училища С. Н. Кругликов, который состоял в Совете по 1910 год, преподаватель церковного пения в Московской духовной семинарии В. П. Войденов и московский педагог, знаток церковного пения В. Ф. Комаров. С 1899 года в Совете работали преподаватели Синодального училища священник В. М. Металлов и помощник регента Синодального хора А. Д. Кастальский. В 1902 году умершего Комарова сменил член Общества любителей церковного пения в Москве П. Д. Самарин, который в 1904 году оставил Совет по болезни и был заменен преподавателем Синодального училища В. С. Калининковым (состоял в Совете до его упразднения в 1918 году). Умершего в 1904 году В. П. Войденова сменил преподаватель церковного пения Московской духовной семинарии священник Д. В. Аллеманов (состоял в Совете до 1918 года); с 1902 по 1914 год в Совете работал профессор Московской консерватории Н. Д. Кашкин, который в 1914 году вышел из Совета по болезни и был заменен композитором и общественным деятелем А. В. Никольским (состоял в Совете до 1918 года); в 1910 году членом Совета стал известный московский композитор С. Н. Василенко, которого в 1916 году сменил директор Московской консерватории М. М. Ипполитов-Иванов (состоял в Совете до 1918 года); наконец, в 1916 году не переизбранного на новый срок протоиерея В. М. Металлова сменил автор статей о духовной музыке священник А. И. Речменский (состоял в Совете до 1918 года). По должности управляющего Синодальным училищем и хором в Совет входили А. А. Ширинский-Шихматов, А. А. Завьялов и Ф. П. Степанов, по должности директора — С. В. Смоленский, В. С. Орлов, С. Н. Кругликов, А. Д. Кастальский, по должности регента — Н. М. Данилин.

По всей видимости в 1899 году при Наблюдательном совете был учрежден институт членов-сотрудников: Совет стремился расширить свои полномочия и за пределы Москвы. В члены-сотрудники выбирались сочувствующие училищным реформам известные регенты, авторы работ о церковном пении, хоровые деятели, к которым Совет обращался с просьбой «оказать просвещенное содействие» к достижению его целей. В ноябре 1899 года приглашение войти в Совет получил преподаватель латинского языка Рязанской духовной семинарии А. Д. Ряжский; в 1900 году — товарищ прокурора Пензенского окружного суда Н. С. Успенский, московский учитель пения и регент Д. И. Зарин, штатный преподаватель 1-го Московского кадетского корпуса П. А. Голубев, в 1902 году — известные хоровые деятели Н. Е. Вифляев, А. Д. Городцов и А. А. Архангельский, в 1904 году — бывший управляющий Синодальным училищем и хором А. А. Ширинский-Шихматов, в 1907 году — регенты Л. С. Васильев, А. Е. Ставровский и А. П. Архангельский, в 1914 году — Н. Д. Кашкин.

В сожалению, в архиве Синодального училища сохранилось лишь одно дело, связанное с членами-сотрудниками Наблюдательного совета¹². Помимо документов чисто административного характера в деле находится несколько отчетов провинциальных наблюдателей (публикуются ниже).

* * *

Первое после принятия Устава 1997 года заседание Наблюдательного совета в новом составе состоялось 9 февраля 1899 года¹³. По сути дела, оно открывало новый период в деятельности этого органа. Главная тема заседания — рецензирование духовных хоров. Подобное направление деятельности виделось очень важным, поскольку к рубежу веков в кругу Синодального училища уже складывались новые идеалы духовно-музыкального творчества. Кроме того, после проведенных в нем реформ училище зарекомендовало себя как авторитетный центр церковно-певческого образования и исполнительства и стремилось формировать вкусы российского церковно-певческого мира.

Было решено завести определенный порядок обсуждения поступающих в Совет нот и книг. Экспертиза последних возлагалась на Смоленского и Металлова, которые «желали бы предоставления им на заключение сочинений, касающихся истории церковного пения, или таких трудов, которые, не имея исключительно исторического характера, ближайшим образом соприкасаются с областью древнецерковного пения в ее различных подразделениях»¹⁴. Кругликов и Войденов вызвались рецензировать свободные церковно-музыкальные композиции, причем первый предполагал следить за их художественной стороной и музыкальной грамотностью, а второй — за соответствием духу и характеру церковной музыки. Орлов и Кастальский выразили готовность взять на себя рассмотрение переложений старинных распевов. К ним присоединился и Комаров, который, кроме того, пожелал рассматривать сочинения педагогического характера и музыкальные произведения, предназначенные для детского хора (в последнем ему вызвался помогать Орлов).

В последующие годы через Наблюдательный совет прошли сотни духовно-музыкальных композиций, принадлежавших авторам самых разных степеней дарования и образования. Примечательно, что среди поступавших на экспертизу сочинений отсутствуют работы здравствовавших петербургских авторов из Капеллы (по крайней мере, каких-либо свидетельств об их присылке в архиве не имеется). Кажется, за всех наследников Бортнянского и Львова пришлось «отвечать» лишь давно умершему известному дирижеру Г. Я. Ломакину¹⁵. Не будь его сочинения уже напечатаны, Наблюдательный совет, вероятно, не допустил бы их к употреблению в храмах, — настолько характер произведений Ломакина не соответствовал представлению членов Совета о «русском стиле».

Вообще же наложение запрета на публикацию тех или иных сочинений не было редкостью. Такие ремарки, как «искажение богослужебного текста вплоть до кощунственного», «гармоническая неловкость», «неопытность в голосоведении», «искажение древнего распева», «злоупотребление диссонирующими созвучиями», написание сочинения в фортепианной, а не хоровой фактуре и т. п. служили поводами для отклонения присланных работ на протяжении всей деятельности Наблюдательного совета. Когда речь шла о бездарных композиторах-дилетантах (а таковых было большинство) — особых проблем у Совета не возникало. Труднее было с работами безусловно одаренных авторов-экспериментаторов. Примечательно в связи с этим рассмотрение в 1899 году Наблюдательным советом сочинений петербургского музыкального критика и композитора Н. И. Компанейского¹⁶. Мысль Компанейского о необходимости вывести способ обработки знаменных распевов из мелодической ткани самих распевов была «синодалам» близка, однако переложения автора, выполненные в непривычной, изобилующей диссонансами гетерофонной манере, показались странными. Во всяком случае, к работам Компанейского, хотя и не допущенным к исполнению в храмах (причиной тому была, помимо прочего, их нереальная для хора tessitura), отнеслись с сочувствием и пониманием, пригласив автора к обсуждению его замыслов с членами Совета.

Особенно сложными были случаи обсуждения духовных хоров профессиональных светских композиторов. Так, в 1903 году Совету пришлось рассматривать сочинения москвича М. М. Ипполитова-Иванова и петербуржца С. В. Панченко¹⁷. Если церковные по настроению и умеренно смелые по языку произведения Ипполитова-Иванова нареканий не вызвали, то талантливые, но экстравагантные хоры Панченко явно переходили некую условную границу и были рекомендованы только для исполнения в концертах. Возможно, критика рецензентов Кругликова и Войденова была автором учтена, и представленные в следующем, 1904, году композиции Панченко получили одобрение для исполнения не только на концертах, но и в храмах¹⁸. Безусловно, к талантливым сочинениям члены Совета подходили с более широких позиций.

Конечно, участь работы зависела и от того, кто из членов Совета участвовал в ее рассмотрении. Особой беспощадностью отличались отзывы Металлова, под тяжелую десницу которого в 1903 году попали сочинения того же Компанейского¹⁹. С бухгалтерской точностью рецензент отметил все повторы богослужебного текста, все случаи изменения распевов, одновременного произношения текста, параллелизмов в гармонизации. Кажется, такие обозначения, как «укоснительно», «борзоликовствуя», «восторженно», «мощно», «победно», «песенноблаженно» и т. д., окончательно раздосадовали Металлова, который (вопреки уже полученному одобрению этих сочинений Капеллой) наложил запрет на публикацию сборника.

Особый гнев строгого цензора вызывали искажения авторами богослужебных текстов, что случалось нередко. Приведем типичный фрагмент одной из его рецензий Металлова: «Сочинение Болотина... «Отче наш» для солиста и хора не может быть разрешено к употреблению при богослужении, потому что такой способ исполнения не мирится с важностью и достоинством Молитвы Господней еще и потому, что текст расположен неумело: хор все время поет: “Отче наш, Отче наш, Отче наш, от лукаваго”»²⁰.

Сочинения направлялись в Совет как из Синода, так и от митрополита Московского. Кроме того, по собственной инициативе члены Совета приступили к рассмотрению духовно-музыкальной литературы, выпущенной издательством П. Юргенсона. Было изучено множество печатных нот, к которым присовокупили рукописи, находившиеся в употреблении в московских храмах. В письме от 15 февраля 1905 года Кастальский жаловался Смоленскому, что Наблюдательный совет в конце 1904 года столь оживил свою деятельность, что собирается по четыре раза в неделю и намеревается «пересмотреть всю печатную литературу для употребления в церквях и составить проект нормативного Устава для благоустройства хоров в Москве»²¹.

Эти факты подтверждаются документом, в котором помещены переписка о новом Уставе церковно-певческих хоров г. Москвы и «Список № 1 церковно-хоровых произведений, допущенных к исполнению при богослужении». Список носит предварительный характер и, возможно, был составлен одним из членов Совета²². К сожалению, окончательный его вариант, на публикацию которого было дано разрешение Синода, в делах училища и хора отсутствует. Сохранились другие списки — сочинений, одобренных Наблюдательным советом в 1906—1913 годах²³. Наиболее пространный из них относится к 1906 году: среди упомянутых в нем 50-ти номеров находятся «Ангел вопиаше» Чайковского, хоры ор. 10 «Благослови», «Слава. Единородный», «Милость мира», «Тебе поем», «Хвалите Господа с небес» П. Чеснокова и др. В списке 1907 года, насчитывающем 30 наименований, фигурируют Д. М. Яичков, М. А. Лисицын и Д. В. Аллеманов. В последующие годы число рассмотренных и одобренных сочинений все более и более сокращается (от 9-ти до 24-х наименований), а имена известных композиторов практически отсутствуют. Исключение составляет Литургия Рахманинова, прошедшая цензуру Наблюдательного совета в 1911 году, то есть после ее исполнения, публикации, разнообразных и противоречивых отзывов прессы.

Несколько раз члены Совета по поручению Синода письменно излагали свои представления о том, каким требованиям должны отвечать духовно-музыкальные сочинения. В 1902 году эти критерии были впервые сформулированы и посланы в Синод членом Совета С. Н. Кругликовым²⁴. В конце 1906 года по просьбе нового обер-прокурора Синода Д. А. Оболенского члены Совета вернулись к этой теме и составили подробный отчет о том, по каким причинам Совет отклоняет то или иное сочинение, какие требования

предъявляет к авторам, каковы трудности его деятельности и каковы планы на будущее²⁵. Среди многих недостатков, встретившихся в сотнях просмотренных работ, были выделены главные, препятствующие их допуску в храм. Помимо прямой неграмотности в изложении упоминались: 1) «затемнение» или «порча» богослужебных текстов, 2) искажение обиходных роспевов, 3) оперно-сентиментальный дух, 4) обилие хроматизмов и хроматических модуляций, 5) отсутствие религиозного чувства и художественного вдохновения, 6) создание свободных композиций на тексты стихир, тропарей, прокимнов и ирмосов, которые полагалось петь на глас. Рекомендовалось: использовать более ранние роспевы — большой и малый знаменные, киевский, греческий, болгарский, а также напевы монастырей и соборов; употреблять диатонические лады, а сопровождающие голоса уподоблять лежащему в основе обработки роспеву. Из текста документа также следовало, что подобные правила не применялись категорически к тем сочинениям, где отступления от «нормы» были обусловлены убедительным художественным замыслом и высокой техникой его воплощения. Практически же Совет отклонял только совсем малограмотные, совсем антихудожественные и совсем нецерковные сочинения. В случае строгого соблюдения заявленных требований отвергать пришлось бы большинство присылаемых работ (что и делал В. М. Металлов).

В этом же документе Наблюдательный совет представил Синоду комплекс мер, содействующих улучшению церковно-певческого репертуара. Предлагалось, чтобы все без исключения церковно-музыкальные композиции проходили экспертизу Наблюдательного совета, который распределял бы их на три категории: 1) одобренные для употребления в храме, 2) допущенные к употреблению в храме и 3) те, которые могут использоваться для внебогослужебных целей. После одобрения Синода хоры из первых двух рубрик следовало публиковать в «Церковных ведомостях». Настоятели церквей должны были смотреть за тем, чтобы в храмах исполнялись только прошедшие экспертизу работы.

Какова же судьба этого проекта? Документы показывают, что ни один из его пунктов осуществлен не был, хотя в Синодальном училище и позже производилось рецензирование духовно-музыкальных сочинений, а Наблюдательный совет принимал участие в разработке списков репертуара, рекомендуемого для храмов России. Так, в 1910 году при Синодальном училище была собрана комиссия, которой надлежало выработать список произведений, наиболее соответствующих духу монастырских храмов. Подобная мера находилась в числе других, которые предпринимались в соответствии с указом Синода от 12 июля 1910 года о возвышении иноческой жизни в монастырях²⁶. (О результатах работы комиссии можно судить по публикуемым в настоящем разделе документам.)

К сказанному выше о деятельности Наблюдательного совета по рецензированию духовно-музыкальных сочинений остается добавить, что она не прекращалась вплоть до осени 1917 года. Правда, в 1910-е годы рецензирование уже не стояло на первом плане работы Совета, и новые произведения поступали в училище не из Синода или от митрополита Московского, а из Петербургского и Московского духовно-цензурных комитетов. Сохранились документы 1912 года, из которых явствует, что в это время существовала практика присылки рукописей из Учебного комитета на рассмотрение прямо Кастальскому, но не в Наблюдательный совет (рецензии также направлялись от лица Кастальского, а не от Наблюдательного совета)²⁷. Не встречаются более в архиве и документы, отражающие коллективное рецензирование. На общие обсуждения выносились только спорные случаи. Например, будучи в 1916 году, кажется, единственным экспертом Наблюдательного совета и отклоняя почти все рецензируемые им сочинения, протоиерей Металлов не счел возможным допустить к употреблению на клиросе догматик дьякона А. Курнаева «Всемирную славу». По всей видимости, огорченный автор пытался как-то оправдаться перед членами Наблюдательного совета и нашел у них сочувствие. Резолюция Кастальского, к которому присоединились Данилин, Аллеманов и Калинин, была такова: «По-моему, догматик 1-й о. диакона А. Курнаева может быть допущен к церковному употреблению в качестве запричастного стиха, о чем и просит автор. Ошибки, отмеченные протоиереем В. М. Металловым, не столь существенны»²⁸. Дело кончилось тем, что Металлов не был переизбран в Совет на новый срок и экспертиза сочинений была поручена А. В. Никольскому: он был прекрасно осведомлен как о репертуарных проблемах церковных хоров, так и о тех мнениях по поводу цензуры духовно-музыкальных сочинений, которые высказывались на регентских съездах.

Вопрос о рецензировании был поставлен уже на Первом регентском съезде, который состоялся в 1908 году в Москве: съезд осудил духовно-музыкальную цензуру как дело бесполезное, тормозящее рост живого церковно-певческого искусства²⁹. Однако бурное развитие духовной музыки в последующие годы и рост числа «паралитургических» сочинений (термин И. А. Гарднера) заставили задуматься о том, чтобы усилить духовно-музыкальную цензуру. В 1914 году на Пятом регентском съезде в Петербурге говорилось, что церковно-музыкальное творчество стало принимать формы, противоречащие православному богослужению. Действия московского Наблюдательного совета сочли неэффективными, и было предложено образовать комиссию по цензуре при Св. Синоде, куда вошли бы музыкально образованные знатоки церковного пения из духовенства и мирян³⁰. Однако это предложение, как и многие другие решения съезда, вынесенные в преддверии Первой мировой войны, последствий не имело.

К февралю 1917 года относится последний проект наведения порядка в церковно-певческом хаосе, обсуждавшийся Наблюдательным советом³¹. Его автор, А. В. Никольский, предложил вообще отменить духовно-музыкальную цензуру: в последнее десятилетие, как указано в его проекте, с просьбой о рассмотрении сочинений стали обращаться лишь наиболее слабые и неизвестные авторы, нуждающиеся в поддержке; большинство же признанных духовных композиторов просто перестало посылать свои работы на проверку. Инспекция члена-наблюдателя частных духовных хоров также оказалась малоэффективной в деле улучшения качества репертуара. Оставался, по мнению Никольского, единственный способ — создать при Наблюдательном совете комиссию, которая взяла бы на себя огромную работу по просмотру всей имеющейся духовно-музыкальной литературы (около десяти—двенадцати тысяч наименований) с ежемесячной публикацией списков одобренных к употреблению в церквях сочинений. (При этом Никольский подчеркивал необходимость коллективного рассмотрения каждого сочинения с последующим голосованием.) К сожалению, ход событий не позволил проверить эффективность проекта Никольского: в 1918 году Наблюдательный совет прекратил свое существование³².

* * *

На упомянутом выше заседании Наблюдательного совета 9 февраля 1899 года, когда намечался план осуществления положений нового Устава, был поднят вопрос о наблюдении за частными церковно-певческими хорами Москвы. Необходимость контролировать эти хоры объяснялась тем, что именно они пели за богослужениями в большинстве московских приходских храмов и определяли общую картину церковно-певческой жизни. Было решено обратиться к московской епархиальной власти и полиции за сведениями о количестве таких хоров, о числе в них взрослых и детей. Членом Совета, ответственным за работу с частными хорами, являлся до самой своей смерти в 1904 году В. П. Войденов; далее его сменил Д. В. Аллеманов, работавший в этой должности до 1916 года и уступивший место А. В. Никольскому.

В 1906 году был опубликован созданный Наблюдательным советом Устав церковно-певческих хоров Москвы³³. Согласно этому документу разрешение на деятельность могли получить от духовных властей лишь те хоры, которыми управляли квалифицированные специалисты, получившие дипломы об окончании полного курса Синодального училища, регентских классов при Придворной певческой капелле, а также выдержавшие экзамен на звание регента частного хора при Синодальном училище. Прописывались в Уставе и причины, по которым уже существующие хоры могли подлежать закрытию. Как при открытии хоров, так и при их закрытии духовное на-

чальство должно было действовать через Наблюдательный совет. Устав упорядочивал деятельность наемных хоров: регламентировал их внутренний распорядок, обязанности хоросодержателя и певчих, репертуар хора в церкви, служебную дисциплину певчих и т. д. Существовал даже специальный пункт, посвященный духовным концертам; разрешение на их проведение должен был давать Наблюдательный совет, предварительно рассматривавший концертные программы.

В течение следующих лет Совет стремился расширить свои полномочия, подчинив контролю не только частные приходские хоры, но и хоры архиерейские, монастырские, учебных заведений, военные, хор храма Христа Спасителя — поскольку, участвуя в службах в других церквях, они «предлагали свой труд на певческом рынке». Однако неразработанность правовой стороны Устава не давала Совету реальных полномочий, в связи с чем к 1911 году была выработана новая редакция Устава, направленная на усиление юридических прав Совета³⁴.

Между тем количество документов, связанных с наблюдением за хорами, в училищном архиве постепенно увеличивалось: в Совет поступали отчеты членов-наблюдателей из разных городов, рапорты полицейских, жалобы родителей малолетних певчих и т. д. В 1911 году подобного рода документация начала также пересылаться в Синодальное училище из канцелярии московского градоначальника.

Значительное место среди архивных бумаг занимают дела, связанные с экзаменами при Синодальном училище на звание регента частного церковного хора. Эти экзамены, сдачей которых должны были подтвердить свою квалификацию все московские регенты частных хоров, были введены Наблюдательным советом в 1906 году. К марту 1908 года в списке выдержавших испытание значилось 36 лиц, многие из которых были известны в церковно-певческом мире, например, С. А. Солнцев и И. И. Юхов³⁵.

В начале этого же года прокурор Синодальной конторы Ф. П. Степанов, возглавлявший Наблюдательный совет, обратился к митрополиту Московскому Владимиру с просьбой обязать настоятелей церковей приглашать на службы только зарегистрированные духовными властями хоры. Подобного распоряжения владыка дать не решился, дабы «не возбуждать страстей» и не оставить церкви без певчих; он поддержал лишь публикацию имен выдержавших экзамены регентов в «Московских церковных ведомостях». Тем не менее члены Наблюдательного совета продолжали добиваться своего.

Представление об уровне требований к соискателям такого свидетельства дают программы экзаменов, которые были составлены к 1911 году³⁶. Испытуемый должен был продемонстрировать знания по теории музыки, сольфеджио, управлению хором, церковному уставу, истории церковного пения, методике начального обучения пению, а также игру на скрипке. Несмотря на то, что требования были, безусловно, ниже требований к выпуск-

никам Синодального училища, далеко не всем регентам экзамен казался легким. Приезжавшие в Москву из разных концов России соискатели принадлежали в основном к духовному, мещанскому и крестьянскому сословиям и зачастую не имели систематического музыкального образования. Например, в 1914 году экзамен на звание регента сдали два крестьянина — Оренбургской губернии И. П. Дубовицкий и Тамбовской Г. Н. Добрынин, которые, очевидно, руководили хорами в сельских храмах. О том, что идея повсеместной регентской аттестации в Синодальном училище получила широкое распространение, свидетельствует не только «география» экзаменующихся, но и такой факт: в 1914 году митрополиту Московскому было направлено прошение псаломщиков г. Дмитрова Московской губернии, которые просили владыку обязать всех регентов и заведующих церковными хорами Московской епархии сдать экзамены при Синодальном училище. Свою просьбу псаломщики аргументировали тем, что необразованные регенты «вносят в церковь свое бахвальное нечинное и неустойное звуковое измышление». Судя по документам, эта просьба последствий не имела.

Несмотря на тяжелое военное время, сдача экзаменов на звание регента продолжалась до 1917 года и даже приносила некоторую прибыль: с июня 1914 по март 1916 года в Синодальное училище поступило 215 рублей от лиц, сдавших экзамены. Деньги были распределены: 51 рубль — в фонд Наблюдательного совета, 30 рублей — на канцелярские расходы и по 33 рубля — экзаменаторам.

Хлопотал Наблюдательный совет и о награждении наиболее известных регентов. В марте 1916 года директор Синодального училища Кастальский от имени Наблюдательного совета ходатайствовал перед московским губернатором о награждении регента И. И. Юхова званием потомственного почетного гражданина за выдающиеся достижения возглавляемого им в течение пятнадцати лет хора³⁷. Кастальский указал, что хор Юхова прославился исполнением не только духовной музыки, но и классического репертуара, выступая в симфонических концертах под управлением С. А. Кусевицкого. При этом от выручки за концерты 1915 года хор перечислил в пользу раненых и жертв войны 5 тысяч рублей.

В 1910-е годы деятельность Наблюдательного совета, некогда ограниченная стенами Синодального училища, затем чертой Москвы, начала обретать общероссийский характер. В сферу влияния Совета попало даже основанное Смоленским в 1907 году в Петрограде Регентское училище, которое после смерти его создателя было взято на попечение Синодом. Условием финансирования училища был надзор за ним Наблюдательного совета. Отчеты о состоянии Регентского училища при посещении его Кастальским в 1913/14 и 1914/15 учебных годах хранятся в архиве Синодального училища³⁸. Событием далеко не местного значения стало издание Наблюдательным советом в 1912 и 1914 годах Обихода Синодального хора под редакци-

ей Кастаньского³⁹. К 1915 году относится разработка проекта «Трудов Наблюдательного церковно-певческого совета при Синодальном училище церковного пения» — первого периодического издания, посвященного проблемам истории, теории и современной практики церковного пения⁴⁰.

Члены Совета принимали активное участие в общественной жизни, весьма бурной в предреволюционные годы. Крайняя бедность и бесправие, испокон веков сопутствовавшие профессии церковного регента и певчего, на волне всеобщих волнений дали мощный всплеск недовольства в церковно-певческой среде. «Стать уважаемыми работниками отечественной культуры», «стать образованными интеллигентными людьми», «стать полноправными членами церковного клира» — эти и им подобные лозунги зазвучали на собраниях и съездах регентов и певчих по всей России. Первой московской организацией, ставившей целью помощь собратям по цеху, было образованное в марте 1907 года Общество взаимопомощи регентов церковных хоров, членами которого были Никольский, Аллеманов, Данилин, П. Чесноков, а почетным председателем — прокурор Московской Синодальной конторы Степанов. Общество организовало бюро по приисканию регентских мест, а также трехлетние Регентско-учительские курсы, которые были открыты в 1909 году в Синодальном училище. Училище стало также местом проведения первого (1908), второго (1909), четвертого (1912) и шестого (1917) регентских съездов.

Начавшаяся в августе 1914 года Первая мировая война поменяла и разрушила многие планы, направив жизнь в другое русло. Военный набор ударил по всем церковным хорам, включая монастырские. (На военную службу должны были идти нерясофорные монастырские послушники.) Из-за призыва типографских работников было сокращено издание церковных нот и трудов по церковному пению. Положение Синодального хора в то время характеризует ряд документов, в частности, рапорт конца 1916 года протопресвитера Успенского собора Н. А. Любимова прокурору Синодальной конторы Степанову: «...Одни из взрослых певчих уже призваны в действующую армию (из 30-ти человек призвано 11), а других ожидает призыв в ближайшем будущем, так что всех взрослых певчих может остаться в хоре только 5—6 человек. При таком положении вещей скорее придется поневоле допустить пение в Успенском соборе одних мальчиков, и уже совсем наоборот»⁴¹. Но и положение училища было крайне неблагоприятным. Невозможность завершить 1916/17 учебный год в пределах ассигнованных средств привела к сокращению занятий. В июне 1917 года из Св. Синода поступил указ, из которого следовало, что вследствие дороговизны без добавочных дотаций 1917/18 учебный год начат быть не может, а такими дотациями Синод не располагает. Это обстоятельство, а также то, что здание Синодального училища с августа 1917 года было отдано под размещение членов Поместного собора, привели к печальному итогу: занятия после летних

каникул возобновлены не были. Что касается педагогов Синодального училища, то с лета 1914 года по весну 1917 года 14 из них ушли на фронт: в отличие от преподавателей духовных учебных заведений и даже учителей пения начальных школ педагоги Синодального училища подлежали призыву в армию в военное время.

* * *

Начиная со второй половины 1914 года характер документального архива Синодального училища заметно меняется: все чаще и чаще в нем появляются дела, связанные с трудностями военного времени, и все реже — посвященные научным, творческим и общественно-культурным событиям и проблемам. Через многие документы проходит тема хозяйственной нужды, особенно обострившейся к 1917 году⁴². Но именно период революций приносит череду проектов, имеющих целью реформу церковного пения.

В январе 1917 года в «Московских церковных ведомостях» появился отчет В. М. Металлова о результатах его деятельности в качестве инспектора московских церковных хоров⁴³. (Поручение выполнялось по заданию митрополита Макария.) Практически все меры по наведению порядка на клиросах, которые предлагал автор отчета, в конечном итоге были направлены на возвращение церковного пения к каноническим началам. Подчеркивалось, что наблюдение за церковным пением надлежит осуществлять настоятелям храмов, которым в затруднительных случаях должны помогать назначаемые епархиальным начальством наблюдатели. Какое-либо участие в деле управления церковными хорами Наблюдательного совета не предусматривалось. Не секрет, что Металлов был недоволен многим в деятельности своих коллег по училищу. По всей видимости, с ним была солидарна и некоторая часть московского духовенства, воспринимавшая училище и хор по меньшей мере как рассадник церковного либерализма.

Ответ Наблюдательного совета не заставил себя долго ждать: 30 января в «Московских церковных ведомостях» вышло постановление Совета о мерах по улучшению надзора за частными церковно-певческими хорами⁴⁴. В нем подчеркивалось, что порядок на клиросах может быть наведен только при соблюдении Устава церковно-певческих хоров, предусматривавшего строгий контроль за хорами со стороны члена-наблюдателя от Совета. Духовенство «ставилось на место» и настоятелям храмов предлагалась согласованная с Наблюдательным советом работа. К московским же регентам требования устрожались: было объявлено, что в 1918 году без необходимых свидетельств о сдаче экзаменов в Синодальном училище им не будет разрешено не только управлять большими хорами, но и их отделениями.

Грянувшие вскоре февральские события вызвали еще большее брожение в церковной жизни. Создание на демократических началах новых общест-

венных и профессиональных объединений, проведение съездов и собраний, в том числе и в синодальном ведомстве, стало характерной чертой того времени. Так, в Москве образовался союз дьяконов и псаломщиков, видевших главную цель своего объединения в борьбе с архиерейской властью; 14 марта было организовано общество духовных певцов и певиц Москвы, обсуждавшее меры свержения власти хоросодержателей, и др. Как предвестие лучших времен восприняли Февральскую революцию и в Синодальном училище. Казалось, что наступает «звездный час» учебного заведения, в котором получали музыкальное образование дети из беднейших сословий⁴⁵. Руководство училища пыталось воспользоваться новой ситуацией: от Временного правительства старались добиться того, чего не дождались от правительства царского — официального признания Синодального училища высшим музыкальным заведением, точно так же, как и признания за церковным пением равных прав с классическими музыкальными дисциплинами. Пытались также выхлопотать дополнительное финансирование — из-за нехватки средств положение училища и хора стало критическим. К исходу лета стало очевидным, что упования на благоприятные перемены бессмысленны. Одним из следствий этого стала забастовка певчих Синодального хора; Кастаньскому пришлось оправдываться и за якобы бастовавших педагогов училища.

Повисали в воздухе новые проекты, рушились былые устои, под давлением обстоятельств уходили из училища старые сотрудники. 12 октября корпорация преподавателей и служащих Синодального училища получила прощальное письмо прокурора Московской Синодальной канцелярии Ф. П. Степанова, немало потрудившегося для процветания Синодального хора и училища. Для многих малолетних певчих с именем Степанова были связаны самые теплые воспоминания об их пребывании в училище⁴⁶. Камергер императорского двора, он был вынужден подать в отставку. Призывая основывать работу училища на «сочинительстве в духе Кастаньского и дирижерстве в духе Орлова», Степанов просил своих коллег любить учеников и окружать их заботой и домашним теплом.

Однако в ближайшее время события повернулись так, что сотрудникам училища стало уже не до сочинительства и не до дирижерства. 25 октября 1917 года в Москве произошел переворот, последствием которого было упразднение Синодального хора и училища в апреле 1918-го. В промежутке между этими двумя датами обитатели синодального здания на Большой Никитской не только делали попытки сохранить училище, но и вновь строили планы развития церковного пения в России на десятилетия вперед. Веру в будущее вселяло событие, имевшее для Русской Церкви огромное значение. Волею судеб оно происходило одновременно с кровавой революцией.

28 октября Поместный собор Русской Православной Церкви восстановил в России патриаршество. 21 ноября, в разгар революционных событий, в Успенском соборе Кремля был возведен на патриарший престол митропо-

лит Московский Тихон, на интронизации которого пел поредевший Синодальный хор.

Поместный собор оставил след в архиве Синодального училища, поскольку члены Наблюдательного совета участвовали в соборных заседаниях, выдвигали свои предложения. В частности, на Собор был направлен доклад Аллеманова «Соображения об упорядочении церковно-певческого дела в Москве», который был опубликован также в ноябрьском номере газеты «Московский церковный голос»⁴⁷. Автор в числе основных мер предлагал ликвидировать хоровое предпринимательство и образовать хоры при каждом храме; заменить женщин мальчиками, организовав для них приходские хоровые школы; создать корпорацию наблюдателей за церковными хорами, подчиненную Наблюдательному совету. Аллемановым, а также Никольским были прочитаны на соборных заседаниях доклады об осмогласии. Кстати, Никольский, в отличие от других своих коллег по Наблюдательному совету, принимал участие в соборных заседаниях постоянно с правом совещательного голоса. В редактировании постановлений об осмогласии и партесном пении принял участие и Металлов⁴⁸. Целиком проект резолюций по церковному пению был обсужден Наблюдательным советом, который дважды собирался на совместные заседания с членами Собора.

Первое из этих заседаний состоялось 8 декабря 1917 года и было посвящено употреблению за православным богослужением органа. От Наблюдательного совета на нем присутствовали Кастальский, Аллеманов, Никольский и Данилин, а также специально приглашенный композитор Гречанинов. Последний и выдвинул подобное предложение, мотивировав введение инструментальной музыки в православную службу эстетическими соображениями. Позиция Кастальского и Аллеманова была более умеренной и прагматичной: выступая против введения органа, они, тем не менее, полагали, что существенным подспорьем для певчих в условиях распада церковных хоров может стать фисгармония. Остальные участники заседания выступили категорически против, мотивируя свою позицию историческими, церковно-политическими и художественными причинами. В результате вопрос о введении инструментальной музыки в православное богослужение был решен отрицательно.

Второе совместное заседание, на котором Наблюдательный совет представляли только Кастальский, Аллеманов и Калинин, происходило 16 февраля / 1 марта 1918 года. На нем состоялось обсуждение глав об общенародном пении в храме, о мерах по улучшению состояния церковного пения и о системе управления церковно-певческим делом. Кстати, предварительный вариант проекта резолюций по последней теме находится в архиве училища⁴⁹. Как было сказано во введении к книге, весь комплекс материалов Поместного собора публикуется в третьем томе серии «Русская духовная музыка в документах и материалах».

* * *

Документы архива Синодального училища проливают также свет на не написанную пока историю складывания уникального древлехранилища, которое появилось в училищных стенах во многом благодаря С. В. Смоленскому. Придя на должность директора училища в 1889 году, он нашел в нем лишь несколько манускриптов, которые и легли в основу будущей знаменитой коллекции. Впоследствии Смоленский вспоминал:

Главные, вполне определенные мысли о значении для будущего и самих по себе древних русских напевов сложились у меня еще в Казани, при занятиях в библиотеке Соловецких рукописей. Приехав в Москву в год самого разгара моих занятий, сейчас же по напечатании мною Азбуки Мезенца, я невольно почувствовал себя сиротою и как без рук, не имея возможности работать по памятникам. Это лишение и было причиною того, что вскоре после приведения Синодального училища в порядок я начал понемногу собирать рукописи для Синодального училища. Мои лекции в консерватории понуждали меня в надобности иметь под рукою полный подбор подлинных памятников⁵⁰.

Вначале ученый приобретал рукописи на собственные деньги, но с 1895 года в училище уже началась большая кампания по сбору певческих книг. Подробная история училищного древлехранилища в период директорства Смоленского излагается в его Воспоминаниях, Дневниках и письмах. В данном разделе на основе архивных документов 1886—1913 годов восстанавливаются основные этапы формирования коллекции.

Весьма ценным источником сведений по этой теме является дело РГАДА «О собирании древних нотных рукописей для библиотеки Синодального училища»⁵¹. Этот документ открывается подробным рапортом Смоленского прокурору Московской Синодальной конторы А. А. Ширинскому-Шихматову от 4 мая 1896 года, в котором показано, что в древлехранилище к этому времени было уже 436 единиц хранения (в 739-ти томах)⁵². Эти рукописи Смоленскому удалось получить, зачастую пользуясь личными связями, из монастырей и храмов Московской, Вологодской, Олонецкой, Полтавской, Костромской, Тамбовской, Тульской, Архангельской, Владимирской и Новгородской епархий. Рассказывая о наиболее ценных памятниках и объясняя их значение для русской культуры, Смоленский старался увлечь прокурора идеей превращения Синодального училища в центр собирания и изучения музыкальной книжности, а также просил его ходатайствовать перед оберпрокурором Синода «о дальнейшем расширении библиотеки рукописей Синодального училища путем собрания их епархиальными преосвященными и передачи их в училище».

Известно, что Победоносцев поддержал благое начинание и оказал содействие Смоленскому, рекомендовав его епархиальным архиереям и монастырским настоятелям. Кроме того, 20 декабря 1896 года Ширинский-

Шихматов получил письмо от начальника архива Св. Синода, в котором сообщалось, что по распоряжению обер-прокурора из архива Синода в библиотеку Синодального училища препровождены 23 нотные рукописные книги⁵³. Вскоре они поступили в училище и были внесены в каталог под № 491—513. В 1897 году из Новгорода прибыл щедрый дар — 335 манускриптов, собранных в епархии в 1895 и 1896 годах. В том же 1897 году архиепископом Тверским и Кашинским Димитрием в Синодальное училище были направлены 53 певческие книги в 83-х томах, которые были записаны Смоленским в каталоге под № 720—773. 17 февраля 1897 года из канцелярии архиепископа Ярославского и Ростовского на имя прокурора Ширинского-Шихматова пришло письмо с сообщением о том, что причтами епархии собраны 43 рукописные книги. В ответ Ширинский-Шихматов писал, что в скором времени он командирует директора Синодального училища в Ярославль для получения собранных рукописей и для сбора новых. Результат ярославской командировки был очень солидным: в библиотеку Синодального училища в 1898 году из этой епархии поступило 198 памятников, список которых был представлен для отчета начальству Смоленским:

По каталогу значится поступившими из Ярославля: № 455—457 (12 книг) — от регента Ярославского архиерейского хора М. К. Воскресенского; № 518—531 (41 книга) — от высокопреосвященнейшего Ионафана, архиепископа Ярославского; № 852—865 (46 книг) — из ярославского кафедрального собора; № 866—879 (40 книг) — из ярославской св. Димитрия Селунского церкви; № 880—886 (14 книг) — от высокопреосвященнейшего Ионафана, архиепископа Ярославского; № 887 (1 книга) — от о. ректора Ярославской духовной семинарии; № 894—908 (17 книг) — от высокопреосвященнейшего Ионафана, архиепископа Ярославского; № 928—930 (3 книги) — из библиотеки Ярославской духовной семинарии; № 931—934 (5 книг) — от высокопреосвященнейшего Ионафана, архиепископа Ярославского; № 935—966 (101 книга) — от священника ярославской Крестовоздвиженской церкви о. Лавра Озерова; № 977—1000 (33 книги) — от высокопреосвященнейшего Ионафана, архиепископа Ярославского; № 1003—1037 (35 книг) — от него же; № 1038—1069 (60 книг) — от благочинного г. Ярославля священника о. Димитрия Крылова; всего № 198, в книгах же или в тетрадях 408⁵⁴.

В октябре 1897 года древлехранилище пополнилось еще четырьмя рукописями, пожертвованными прокурором Ширинским-Шихматовым. Одна беспометная крюковая рукопись была куплена самим Смоленским за 8 рублей у некоего старообрядца в Казани.

Следствием трудов Смоленского и его коллег стало не только пополнение коллекции, но и появление в высочайше одобренном в 1897 году училищном Уставе пункта, который гласил, что одной из целей деятельности Наблюдательного совета является «забота о сохранении и расширении собрания древнерусских и иных церковно-певческих рукописей для обогаще-

ния ими училищной библиотеки» (§ 79, п. 4). В более ранних документах, определяющих круг деятельности Совета, это направление отсутствовало.

Летом 1898 года собрание достигло 1000 единиц. В июне Смоленский писал в Петербург Н. Ф. Финдейзену:

Недавно я выпил лишнее и устроил сам себе юбилей: в библиотечный каталог древних рукописей вписал № 1000 и потом, весьма довольный собой, пошел погулять по Тверскому бульвару. Ой! Трудна была эта первая тысяча! Зато и наслаждался же я за нею, лишь переглядывая рукописи. Боже мой, что за бездонная масса материалов будущим работникам, и музыкантам, и филологам!⁵⁵

В 1898 году из Московской Епархиальной библиотеки в Синодальное училище поступило еще 110 единиц хранения в 198-ми томах, которые были переданы на временное пользование⁵⁶. В 1899 году, когда была проведена ревизия древлехранилища, в нем, по сообщению Металлова, оказалось уже 1110 единиц хранения в 1981 томах⁵⁷.

В марте 1899 года Смоленским был поставлен вопрос о составлении па-леографического описания собрания, для чего он испрашивал у Ширинского-Шихматова кредит в 1000 рублей. В этой просьбе ученому было отказано и предложено выплачивать деньги авторам описания из сметных сумм училища по результатам работы. На таких условиях А. В. Преображенским были описаны 33 крюковые рукописи⁵⁸.

После отъезда Смоленского ответственным за древлехранилище с 24 февраля 1901 года был назначен А. В. Преображенский, который 10 сентября этого же года сообщил на заседании правления училища о поступлении еще четырех рукописей, три из которых были пожертвованы Ширинским-Шихматовым, а одна — неким В. Васильевым из Бежецка. Рукописи были внесены Преображенским в каталог под № 1122—1125⁵⁹.

Однако на следующем же заседании правления в составе Орлова, Преображенского и Серебrenицкого (в присутствии Ширинского-Шихматова), состоявшемся 3 октября 1901 года, вопрос о рукописном собрании был поставлен вновь, на сей раз в связи с поступившим прошением Смоленского, который ходатайствовал о присылке ему 32-х рукописей (в 33-х томах) для научной работы⁶⁰. Ученый оговаривал, что эти рукописи будут завещаны училищу и после его смерти вновь волеются в собрание.

Кажется, в училище просьбу Смоленского восприняли не очень благо-склонно, но в силу особых заслуг бывшего директора решили частично ее удовлетворить: каждые три месяца высылать по три рукописи в архив Св. Синода, где Смоленскому и предлагалось с ними работать. Вместе с тем правление училища поручило Преображенскому выработать «правила по части заведования рукописной библиотекой Синодального училища, применительно к правилам, выработанным Синодом для Патриаршей библиотеки».

Очевидно, Смоленский был глубоко обижен таким решением и пожаловался Победоносцеву, который, впрочем, ходатайство о пожизненном пользовании рукописями также не одобрил, зато велел высылать их для работы не по частям, а все сразу и без какого-либо ограничения в сроке пользования ими. 24 января 1902 года на заседании правления тому же Преображенскому было поручено составить подробное описание требуемых рукописей, которые к маю 1902 года были отправлены двумя партиями в архив Св. Синода.

В 1902 году в училище началась новая кампания по сбору рукописных книг. В феврале 1902 года были направлены просьбы о присылке певческих рукописей митрополиту Киевскому и Галицкому, архиепископам Холмскому и Варшавскому, Новгородскому и Старорусскому, Тверскому и Кашинскому, Ярославскому и Ростовскому, епископам Уфимскому и Мензелинскому, Пермскому и Соликамскому, Нижегородскому и Арзамасскому, Вятскому и Слободскому, в Саратовскую и Пензенскую духовные консистории, начальнику архива Св. Синода А. А. Завьялову. 8 июня того же года Металлов (в его ведение рукописная библиотека перешла после отъезда Преображенского в Петербург летом 1902 года) сделал доклад Наблюдательному совету, изложив свои доводы в пользу возобновления собирания рукописей. Объясняя коллегам еще раз необходимость сосредоточения певческих книг в Синодальном училище, докладчик обратил их внимание на то, что в собрании отсутствуют рукописи, представляющие южные и северо-западные певческие традиции. Как видно из вышеприведенного перечисления епархий, в 1902 году попытались восполнить этот пробел. Однако результаты пополнения коллекции были уже не столь блестящими, как в 1890-е годы. Из большинства крупных епархий отвечали, что певческих книг у них не имеется. Некоторые владыки напомнили о своих прежних дарах, например, архиепископы Ярославский и Ростовский, Новгородский и Старорусский, Тверской и Кашинский. Последний, обидевшись на упреки Ширинского-Шихматова в нежелании содействовать благому делу, даже приложил к своему ответу благодарственное письмо Смоленского 1897 года и опись высланных в то время певческих книг⁶¹.

Более успешными были поиски в Архангельской епархии, епископ которой 20 марта 1902 года сделал распоряжение об отправке рукописей из Холмогорского собора и Красногорского монастыря в училище для временного пользования. От присылки же других рукописных книг, находящихся в епархии, епископ воздержался ввиду отсутствия указа об этом Св. Синода⁶². Из Красногорского монастыря, согласно записям журнала правления Московского Синодального училища за 1901/02 год, поступило лишь 7 крюковых книг вместо 19-ти, обещанных в письме настоятелем этой обители Ювеналием⁶³. В апреле 1902 года в Синодальное училище поступили, снабженные описью, 11 крюковых и нотопейных книг из Холмского соборного архива⁶⁴.

На временное хранение были направлены в училище и 10 манускриптов из московского Златоустова монастыря, о чем 31 марта 1902 года сообщили в училище его настоятель и старшая братия⁶⁵. К осени 1902 года вновь пришел щедрый дар из Ярославской епархии: хранившиеся до тех пор в ризнице Спасского монастыря 42 нотные рукописные книги, которые вместе с 24-мя иконами и царскими вратами, за ненадобностью их в монастыре, были отданы в собственность училища. Присланные книги сопровождалась описью⁶⁶ и были занесены Металловым в реестр под № 1250—1265.

В период между 1902 и 1912 годами каких-либо сведений об активном собирании рукописей не имеется. Тем не менее древлехранилище продолжало пополняться, и к осени 1906 года, по данным Металлова, насчитывало уже 1350 единиц хранения⁶⁷, то есть по сравнению в осенью 1902 года увеличилось на 85 единиц. Данные о количестве рукописей в 1906 году ученый сообщил Наблюдательному совету в своем докладе, который был посвящен составлению и изданию подробного описания рукописного собрания. Кажется, толчок к возобновлению некогда начатой работы дал находившийся в Петербурге Смоленский. Внушив синодским чиновникам мысль о необходимости составления описания, он предложил свои услуги в качестве исполнителя, предполагая получить на время работы казенную квартиру в Москве и гонорар в 3000 рублей. Через посетившего училище в октябре 1906 года товарища обер-прокурора Синода о намерении Смоленского узнали его бывшие московские коллеги, которые решили осуществить эту работу своими силами: Металлову было поручено описать крюковые книги, а его помощнику Аллеманову — нотолинейные. Предполагалось испросить у Св. Синода кредит в 3000 рублей на три года. Однако и подобный запрос, и ответы на него в архиве Синодального училища отсутствуют.

Между 1906 и 1910 годами собрание, судя по книге Металлова «Синодальное училище церковного пения в его прошлом и настоящем», пополнилось лишь на 31 единицу хранения. Ученый указывает, что в 1910 году в древлехранилище значилась 1381 единица. В целом с 1902 по 1910 год, когда Металлов состоял заведующим древлехранилищем, им были внесены в каталог и кратко описаны 134 рукописи, с № 1247 по № 1381⁶⁸.

Однако впереди была еще одна собирательская кампания, которую воспрянувшее к 1910 году после кризиса училище провело накануне Первой мировой войны. Добивавшееся в 1910-е годы статуса высшего учебного заведения, оно вновь публично заявило о себе как о центре собирания и исследования древнерусской музыкальной книжности; в документах архива, начиная с 1912 года, вновь появляются сведения о сборе музыкальных памятников.

Во-первых, была предпринята попытка заполучить в училище копии с наиболее интересных рукописей, привезенных в 1906 году экспедицией Императорского Общества любителей древней письменности на Афон. В

связи с этим Преображенский направил Аллеманову список источников, которые рекомендовал переснять. 27 февраля 1912 года Кастальский обратился с письмом к графу С. Д. Шереметеву, возглавлявшему это общество. В письме говорилось, что 23 февраля 1912 года состоялось заседание Наблюдательного совета, на котором Кастальскому поручили ходатайствовать перед Шереметевым о приобретении для библиотеки Синодального училища копий как с негативов, так и с отпечатанных снимков греческих певческих рукописей (афонских и венских), имеющихся в коллекции Смоленского в библиотеке ОЛДП. 2 марта 1912 года письмо Кастальского рассматривалось в заседании Общества, которое решило удовлетворить запрос. 30 сентября 1912 года директор училища вновь ходатайствовал перед Шереметевым, на сей раз о бесплатной пересъемке рукописей, так как Синодальное училище не имело средств на расширение древлехранилища. Наконец, 6 ноября 1912 года была поставлена точка в этой истории: в Синодальное училище пришло сообщение, что ОЛДП также не располагает нужными средствами⁶⁹.

Мысль об изысканиях в области церковного пения на основании более древних первоисточников нашла отражение в обсуждавшемся в 1912 году на заседании Наблюдательного совета проекте Д. В. Аллеманова «К восстановлению церковно-певческой старины» (см. в третьем томе серии). В этом же году проект был опубликован в журнале «Хоровое и регентское дело». Текст Аллеманова содержал положения, свидетельствующие о выходе музыкальной медиевистики на новые рубежи, что во многом определялось деятельностью ученых круга Синодального училища. Подытожив результаты исследований Смоленского, Преображенского и Металлова, проводившиеся в 1900-е и начале 1910-х годов⁷⁰, автор призвал Наблюдательный совет организовать работу по дальнейшему изучению рукописного наследия периода до XVII века: активизировать собирание певческих рукописей в Синодальное училище; привлечь сюда же копии древнейших русских и византийских памятников из других архивов, составить списки мест хранения рукописных книг, которые по каким-либо причинам не могут быть доставлены в Синодальное училище; учредить при Синодальном училище печатный орган, который бы доносил до общественности новейшие разработки.

Не откладывая дела в долгий ящик, Наблюдательный совет поручил Металлову составить доклад в Синод с просьбой дать указ церквам и монастырям о посылке в Синодальное училище церковно-певческих рукописей. Подобный доклад был составлен 28 сентября 1912 года и затем, отредактированный А. Д. Кастальским, от имени прокурора Ф. П. Степанова послан в Синод. 15 марта 1913 года последовал указ Синода о содействии Московско-му Синодальному училищу.

Как и в 1902 году, большинство приславших отклики храмов ответило, что рукописями либо не располагают, либо послали их в училище в предшествующие годы. Такие письма пришли из самых разных уголков России: из

Вятской, Пермской, Тульской, Гурийско-Мингрельской, Ярославской и других епархий. Некоторые церкви и монастыри откликнулись очень быстро и жертвовали рукописи безвозмездно. Так, священник Ново-Цурухайтуевской Николаевской церкви в августе 1913 года сообщал, что имеет честь представить Синодальному училищу Обиход церковного пения, Ирмолог, Октоих и Евангелие⁷¹. 22 мая 1913 года благочинный Нолинского округа Вятской губернии выслал доставленную ему из Благовещенской церкви села Васильевского нотную рукопись. Три рукописи были высланы в июне 1913 года Вятской духовной семинарией. 20 июня 1913 года из Лукиановой пустыни Владимирской епархии уведомили об отправке в Москву пяти нотных рукописей. Из Казанской духовной консистории сообщили о высылке в училище трех крюковых рукописей, хранившихся в Кизическом Введенском монастыре Казани. 17 декабря 1913 года Забайкальский преосвященный Мефодий передал в Синод крюковой Октоих, который затем был переправлен в Синодальное училище. Соловецкий монастырь отправил в Москву семь рукописей, сопроводив их описанием⁷². Очень грамотным описанием были сопровождены и четыре нотолинейные рукописи, высланные из Иоанно-Богословского Черемнецкого второклассного монастыря Петербургской епархии. Духовный собор старцев Киево-Печерского монастыря определил выслать в дар училищу Всенощное бдение и Литургию, которые составляли часть изданного Лаврой нотного Обихода лаврских напевов; была послана и крюковая рукопись, но лишь на временное пользование. Поступило в училище предложение о покупке находящейся в частном владении у священника Вознесенской церкви села Моисеевка Полтавской епархии крюковой рукописи, которую владелец оценил в 120 рублей. Казанская духовная академия взамен певческих книг прислала выполненный много лет назад Смоленским «Краткий обзор крюковых и нотолинейных рукописей Соловецкой библиотеки».

Откровенный отказ выслать имеющиеся рукописи был прислан ректором Таврической Симферопольской духовной семинарии, в фундаментальной библиотеке которой хранились четыре певческие книги, переданные туда в 1902 году из Корсунского Богородицкого монастыря Таврической епархии. Архимандрит Вениамин мотивировал свой отказ тем, что данные рукописи необходимы Таврической епархии, где образован церковно-археологический комитет. Отказался выслать единственную имеющуюся в его распоряжении книгу и Корсунский Богородичный монастырь. Как видим, к тому времени, когда проводилась третья кампания по сбору рукописей, отношение к ним на периферии уже не было столь безразличным.

Сравнив данные из книги Металлова «Синодальное училище церковного пения в его прошлом и настоящем» (1381 единица хранения в 1910 году) и количество рукописей в современном Синодальном певческом собрании ГИМа (см. ниже), можно сделать предварительный вывод о результатах

кампании 1912—1913 годов: училищу в эти годы удалось получить не менее 65-ти единиц хранения. В годы Первой мировой войны и революций какая-либо деятельность по формированию собрания, а также по воплощению проекта «О восстановлении церковно-певческой старины» в училище не велась. Однако в 1910—1915 годах не прекращалась работа по обработке уже собранных материалов; в этот период Металловым было подробно, «на 66-ти страницах в пол-листа», описано 247 певческих рукописей⁷³.

Очевидно, в последний раз тема древлехранилища была поднята в училище на официальном уровне в сентябре 1916 года в связи с тем, что на новый срок в Наблюдательный совет не был переизбран его многолетний член В. М. Металлов и коллекцию было решено передать в ведение Д. В. Аллеманова. Металлов пытался опротестовать свое отстранение, направив митрополиту Московскому Макарию заявление, в котором рассказывал о своих трудах в Наблюдательном совете вообще и в древлехранилище в частности⁷⁴. Однако его ходатайство было напрасным: по сложившейся традиции библиотекой рукописей заведовал член Наблюдательного совета.

После революции певческое собрание несколько лет хранилось в Народной хоровой академии, в которую было преобразовано Синодальное училище в 1918 году. Однако в 1922 году для лучшей сохранности музыкальные памятники были переданы в Исторический музей⁷⁵. В настоящее время Синодальное певческое собрание Отдела рукописей ГИМа — крупнейшая в мире коллекция русских церковно-певческих рукописей, насчитывающая 1446 единиц хранения⁷⁶. Из певческих рукописей Епархиальной библиотеки в ГИМ в составе рукописей древлехранилища Синодального училища попало 114 номеров. Инвентарная опись Синодального певческого собрания доведена до № 1034: первоначально она составлялась Смоленским (до № 455) и затем была продолжена Аллемановым (до № 1034). Кроме того, имеется еще черновая опись, которую делал Смоленский (до № 1121), далее Преображенский (до № 1246) и Металлов (до № 1381). До настоящего времени описания, составленные первыми хранителями и исследователями древлехранилища Синодального училища, являются единственным путеводителем по этому уникальному собранию. О хранящихся в ОПИ ГИМ каталогах Смоленского рассказывается в послесловии к публикации статьи «О собрании древнепевческих рукописей...», помещенной в первом разделе тома.

* * *

Какова же была судьба огромного массива архивных документов Синодального хора и училища церковного пения?

Как известно, в 1923 году Московская народная хоровая академия вошла в состав Московской консерватории в качестве хорового подотдела; в консерваторию поступил и хранившийся в академии архив Синодального учи-

лица. В 1944 году архив консерватории был передан в Центральный государственный литературный архив — нынешний РГАЛИ⁷⁷, куда вместе с ним попали и документы Синодального училища и хора, выделенные затем в самостоятельный фонд (ф. 662).

В настоящее время в РГАЛИ находится «Опись дел Синодального училища с 1895 по 1917 год» (ф. 662, оп. 1, № 114), сделанная до передачи архива в Московскую консерваторию. Судя по этой описи, первую часть училищного собрания до революции (№ 1—503) составляли личные дела учеников Синодального училища. Вторую часть (№ 504—612) — дела о приеме в хор взрослых певчих с 1886 по 1917 год. В третьей части (№ 613—633) находились дела, связанные с различными сторонами деятельности Наблюдательного совета в 1899—1917 годах. Четвертая часть (№ 634—652) заключала полный комплект журналов Наблюдательного совета с 1899 по 1918 год. В пятую часть (№ 653—671) входил полный комплект журналов правления Синодального училища с 1898 по 1917 год. Шестая часть (№ 672—681) — педагогические журналы 1909—1917 годов, а также экзаменационные ведомости за 1916 год. Седьмая часть (№ 682—774) — дела канцелярии с 1894 по 1917 год.

Сравним эти сведения с составом современного фонда Синодального училища в РГАЛИ, который состоит из трех описей. Первая из них (151 ед. хр.) охватывает 1899—1918 годы и включает дела, связанные с педагогической, музыкальной, организационной, издательской, научной и отчасти хозяйственной сторонами жизни училища. Большая часть документов относится к 1910—1918 годам; самые ранние дела немногочисленны и восходят к концу века. Первая опись фонда 662 РГАЛИ объединила дела из 3—7-й частей дореволюционного архива Синодального училища. По всей видимости, при хранении в Московской консерватории некоторые дела были переброшюрованы и переименованы, некоторые бесследно исчезли, например, «О высылке рукописей в библиотеку и из библиотеки» (1900), «С перепиской о светском композиторе С. В. Панченко» (1911), «О способе расширения здания Синодального училища» (1916) и др.

Особенно серьезный ущерб был нанесен личным делам учеников училища и певчих Синодального хора. Так, во вторую опись современного фонда РГАЛИ (личные дела учеников с 1895 по 1917 год) входят 227 дел, вместо 503-х, упомянутых в ранней описи. В современной третьей описи, где сосредоточены личные дела певчих Синодального хора с 1895 по 1916 год, в настоящее время находится 87 единиц хранения вместо 108-ми.

Примечательно, что количество дел современного фонда Народной хоровой академии, также хранящегося в РГАЛИ (ф. 660), почти в два раза меньше, чем количество дел, переданных из Народной хоровой академии в Московскую консерваторию⁷⁸.

Собрание Синодального училища в РГАЛИ включает лишь часть документации училища и хора исследуемого периода; другая очень значительная часть архивных дел хранится в фонде Московской Синодальной конторы (ф. 1183) РГАДА⁷⁹. (В ведомстве этой организации хор и училище состояли до революции.) К пореформенным училищу и хору имеют отношение около 2000 документов этого фонда. В целом же фонд Синодальной конторы в РГАДА чрезвычайно обширен и включает несколько десятков тысяч дел 1732—1917 годов. О масштабах этого собрания красноречиво говорит факт, что только 1-я из 11-ти описей этого фонда насчитывает 49 частей. Материалы училища и хора интересующего нас времени находятся главным образом в 9-й описи. В 1-й, 2-й и 4-й ее частях перечислены дела по управлению Синодальным хором с 1850 по 1916 год. В 3-й части помещаются личные дела певчих и инспекторов, относящиеся к 1846—1902 годам. (Как было сказано выше, личные дела после 1902 года хранились в самом училище.) Некоторые материалы, связанные с управлением Синодального училища, можно также найти в Дополнительной описи (опись 4), отдельные личные дела — в описи дел прокурорского стола (опись 10, ч. 5). Финансовая документация училища вынесена в 5-ю и 6-ю описи фонда и хранится среди дел самых разных учреждений. Так, из перечисленных в 5-й описи 117-ти приходно-расходных книг непосредственное отношение к Синодальному хору и училищу имеют около 75-ти источников периода 1886—1913 годов. Здесь находятся кассовые книги денег, кассовые книги арендных сумм, книги прихода и расхода денег малолетних певчих, приходно-расходные книги денег, полученных певчими Синодального хора за пение при богослужениях по приглашению частных лиц, и др. В 6-й описи (Казначейская часть) из перечисленных в ней 595 документов к Синодальному училищу и хору имеют отношение 154 книги (1886—1915). В этой описи находятся так называемые предписания (например: «Предписания управляющего Синодальным хором и училищем казначею Московской Синодальной типографии о записи расхода денежных сумм по книге арендной певческой суммы» или «Предписания прокурора Московской конторы Синода казначею о записи прихода и расхода денежных сумм по книге личных счетов малолетних певчих» и т. п.).

В заключение следует отметить, что реальное число сохранившихся первоисточников несколько меньше, чем упомянуто в описях, поскольку и до Октябрьской революции и после нее дела из архива изымались. До 1918 года это было связано с их передачей либо в Синодальное училище, либо в Синод; после 1918 года некоторые дела погибли или были уничтожены.

Еще одна довольно значительная часть первоисточников по истории Синодального хора и училища церковного пения, хранившаяся в Св. Синоде, находится ныне в фондах РГИА в Петербурге⁸⁰. Дела Синодального хора и училища можно найти в фондах Канцелярии Св. Синода (ф. 796), Канцелярии обер-прокурора Св. Синода (ф. 797), Хозяйственного управления Св. Синода (ф. 799), Контроля Св. Синода (ф. 801), Учебного комитета

при Св. Синоде (ф. 802), Архива и библиотеки Св. Синода (ф. 814). В этих фондах находятся дела, главным образом связанные с отчетностью хора и училища, документы, отражающие преобразование его штатов, уставов, учебных программ, дела об участии хора в заграничных концертах и богослужениях, материалы о формировании в училище хранилища древних певческих рукописей и др. Отдельные документы, связанные с Синодальным хором и училищем церковного пения, обнаруживаются также в других фондах РГИА, в частности, в фонде Собственной его императорского величества канцелярии (ф. 1409), фонде Придворной певческой капеллы (ф. 499)⁸¹, в личном фонде С. В. Смоленского (ф. 1119).

В конце краткого обзора документов, связанных с Синодальным хором и училищем церковного пения, следует добавить, что рукописные первоисточники находятся не только в трех упомянутых архивах, но также среди материалов Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), Государственного центрального музея музыкальной культуры имени Глинки (ГЦММК), в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), а также в частном хранении.

Примечания

1. О мерах к улучшению церковного пения в России — РГИА, ф. 449, оп. 1, № 1522.

2. Копия данного документа имеется в архиве Московской Синодальной конторы. См.: Дело о преобразовании управления Синодальным хором, училищем церковного пения и синодальным недвижимым имуществом в Москве и ее окрестностях — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 46 за 1886 год, л. 2—6. На основе царского указа был составлен соответствующий указ Св. Синода, публикуемый в работе Металлова «Синодальное училище...»

3. Дело о преобразовании управления Синодальным хором... — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 46 за 1886 год, л. 40—59 об.

4. Дело о приглашении о. протоиерея Разумовского на должность председателя Наблюдательного совета при хоре и училище, а гг. Чайковского и Губерта на должности членов того же совета — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 56 за 1886 год.

5. Дело о производстве выпускных экзаменов по окончании 1886/87 учебного года — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 37 за 1887 год.

6. *Смоленский С. В.* Синодальный хор и училище церковного пения // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. I. С. 119.

7. Переписка о рассмотрении Наблюдательным советом книги Вознесенского «О церковном пении Православной греко-российской церкви» — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 66 за 1887 год.

8. *Вознесенский И.* О церковном пении Православной греко-российской церкви. Большой и малый знаменный распев. Вып. I. Киев, 1887; Вып. II. 1889. 2-е изд. Рига, 1890.

9. Дело с мнением относительно достоинств музыкальных сочинений — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 86 за 1887 год.

10. Смоленский С. В. Указ. соч. С. 119.

11. Об этом свидетельствуют следующие строки письма отца будущего знаменитого композитора Г. П. Чеснокова к старшему сыну Алексею: «Он [Павел] у Смоленского цензором находится. Пьесы, присылаемые из Св. Синода к Степану Васильевичу, просматривает Павел и дает свое заключение» (Частное хранение).

12. Дело об избрании членов-сотрудников Наблюдательного совета и их сообщения — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 1.

13. Заседание Наблюдательного совета 9 февраля 1899 года проходило под председательством прокурора Московской Синодальной конторы А. А. Ширинского-Шихматова в составе: директор училища С. В. Смоленский, регент Синодального хора В. С. Орлов, непременный член Совета С. Н. Кругликов, члены Совета — В. М. Металлов, А. Д. Кастальский, В. Ф. Комаров и В. П. Войденов.

14. Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1. № 122, л. 7 об.—8.

15. Там же, л. 48; Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 123, л. 17—20 об.

16. Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1. № 122, л. 27 об., 32, 62 об.—65.

17. Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 8, л. 29.

18. Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 125, л. 45 об.

19. В сборник входили следующие работы Компанейского: переложения — Ирмосы греческого распева, «Плотию уснув» греческого и болгарского распевов, Херувимская киевского распева, «Ангел вопияше» валаамского напева и сочинения — «Верую», «Милость мира», «Достойно».

20. Дело о рассмотрении Наблюдательным советом нотных рукописей в 1913 году — РГАЛИ, ф. 662, оп. 2, № 51, л. 4.

21. Письмо А. Д. Кастальского к С. В. Смоленскому — РГИА, ф. 1119, оп. 1. № 16, л. 47.

22. Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 16, л. 39—50 об. В приведенном в этом деле «Списке № 1» помещены названия 680-ти номеров духовно-музыкальных сочинений следующих авторов: Е. Азеева (14 наименований хоров), Д. Аллеманова (57), А. Аренского (6), А. Архангельского (85), Н. Афанасьева (Литургия), М. Балакирева (6), А. Беляева (2), И. Беляева (68), В. Беневского (21), М. Березовского (6), В. Бирюкова (99), И. Богданова (4), М. Виноградова (39), Н. Вифляева (9), В. Войденова (14), П. Воротникова (16), Б. Галуппи (1), А. Гаховича (1), С. Гейне (1), М. Глинки (3), А. Гречанинова (14), С. Грибовича (1), Г. Извекова (1), А. Копылова (17), свящ. И. Лавровского (9), Ф. Макарова (1), Л. Малашкина (67), И. Румянцева (3), Н. Смирнова (25), И. Соломина (2), М. Стариц-

кого (2), Ф. Степанова (8), М. Строкина (6), И. Тернова (4), А. и В. Фатеевых (6), П. Чайковского (42), Д. Яичкова (18).

23. Списки сочинений, разрешенных к церковному исполнению — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 130.

24. Документ не обнаружен.

25. Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 16, л. 12—18 об.

26. Дело об образовании при училище комиссии для выработки списка сочинений русских духовных композиторов для монастырских храмов — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 30.

27. План восстановления древнерусского церковного пения и переписка о работе Наблюдательного совета — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 43.

28. Справка о присылке в Наблюдательный совет сочинений и переписка по этому вопросу — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 140, л. 50 об.

29. Хоровое и регентское дело, 1914, № 12, С. 219.

30. Там же.

31. Дело о рассмотрении Наблюдательным церковно-певческим советом нотных духовно-музыкальных сочинений и переложений, поступивших от духовно-цензурных комитетов в 1917 году — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 99.

32. Последний обнаруженный архивный документ, связанный с рецензированием духовно-музыкальных сочинений — письмо из Московского духовно-цензурного комитета за подписью протопресвитера Н. А. Любимова в Наблюдательный совет от 27 марта 1918 года с просьбой о рассмотрении Литургии П. Рыбасова. См.: Соображения об упорядочении церковно-певческого дела в Москве — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 117, л. 9.

33. Московские церковные ведомости, 1906, № 39. Официальный отдел. С. 123—124.

34. Переписка Наблюдательного совета училища с митрополитом Московским и обер-прокурором Синода по поводу частных духовно-певческих хоров г. Москвы — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 36, л. 21—23.

35. Там же, л. 3—5.

36. Дело с перепиской о работе Наблюдательного совета за 1911 год — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 37, л. 55—56.

37. Дело с представлением Наблюдательного совета к награждению разных лиц — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 71, л. 7—7 об.

38. Журналы Наблюдательного совета и правления Синодального училища по хозяйственной и педагогической части — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 77, л. 3—4.

39. В первой части Обихода, опубликованной в 1912 году, помещено Всенощное бдение, во второй (1914 год) — Литургия, архиерейское служение, молебны, панихиды, отпевание, праздничные прокимны и антифоны.

40. Переписка об издании «Трудов Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения» — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 72; Дело об основании повременного печатного органа «Труды Наблюдательного совета при Синодальном училище» — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 2, № 22 за 1815 год.

41. Дело о сокращении занятий в Синодальном училище в 1917 году — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 3, № 36 за 1917 год, л. 5—5 об.

42. Синодальному училищу и хору в 1917—1918 годах посвящена отдельная глава книги С. Г. Зверевой «Александр Кастальский: идеи, творчество, судьба» (С. 166—186). См. также переписку Кастальского с Х. Н. Гроздовым 1917—1918 годов, частично опубликованную в первом томе настоящей серии.

43. Московские церковные ведомости, 1917, № 3/4. С. 19—22.

44. Московские церковные ведомости, 1917, № 13/14. С. 76—78.

45. Новым задачам училища в демократическом государстве посвящена статья А. Д. Кастальского «Церковное пение и Московское Синодальное училище», опубликованная в первом томе серии (С. 265—268).

46. В первом томе серии помещены интересные воспоминания А. П. Смирнова, в то время ученика Синодального училища, о Ф. П. Степанове (С. 483—500).

47. Московский церковный голос, 1917, № 40. С. 4—7; № 41. С. 4—6.

48. Замечания В. М. Металлова на проект резолюций по вопросам церковного пения находятся в деле: «Протоколы заседаний Подотдела о церковном пении» — ГАРФ, ф. 3431, оп. 1. № 297, л. 13—13 об.

49. Протоколы заседаний правления Синодального училища — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 39, л. 27—30.

50. Смоленский С. В. Синодальный хор и училище церковного пения. С. 96.

51. О собирании древних нотных рукописей для библиотеки Синодального училища — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 38 за 1896 год.

52. Рапорт опубликован в помещенной в первом разделе настоящего тома работе В. М. Металлова «Синодальное училище церковного пения в его прошлом и настоящем».

53. Информация о поступлении в училище рукописей в конце 1896—1897 году приводится по той же рукописи (л. 5, 7, 10—11, 14—16).

54. Там же, л. 15.

55. Письмо С. В. Смоленского к Н. Ф. Финдейзену от 18 июля 1898 года — РНБ, ф. 186, оп. 3, № 2676, л. 42.

56. Дополнительная информация о передаче рукописей, принадлежавших Епархиальной библиотеке в Синодальное училище, содержится в деле: «О передаче в библиотеку Синодального училища нотных рукописей, принадлежащих Епархиальной библиотеке» — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 99 за 1898 год. В нем находится письмо Общества любителей духовного просвещения от 18 ноября 1898 года, в котором совет Общества оповещает училище об условиях передачи рукописей: они должны оставаться собственностью Епархиальной библиотеки и доступ к ним для членов Общества должен быть свободным.

57. Цифру 1100 единиц хранения Металлов приводит в публикуемой выше работе «Синодальный хор и училище церковного пения...». Однако если сопоставить данные Смоленского о том, что летом 1898 года в училище было 1000 единиц хранения, с тем, что тогда же в коллекцию влились 110 рукописей из Епархиального собрания, следует назвать несколько иную цифру единиц хранения, а именно, 1110.

58. Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1. № 16, л. 58—61.

59. Журналы правления Синодального училища за 1901/02 год — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1. № 5, л. 32—32 об.

60. В их числе были поименованы следующие номера составленного Смоленским каталога: № 2 — Праздники знаменные, поморские; № 20 — Ирмологион знаменный, иосифовского текста, № 21 — Триодь знаменная, № 22 — Триодь; № 23, 24, 32, 41—44, 99, 100, 106, 121, 123, 127, 147, 170, 195 — Октоих двознаменный, № 214, 319, 377, 409, 501, 532 а, б — Трезвоны нотные, № 534, 727 — Азбука Александра Мезенца и др.

61. О собирании древних нотных рукописей для библиотеки Синодального училища — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 38 за 1896 год, л. 58—62 об.

62. Там же, л. 41. См. также: О передаче нотных рукописей из церквей и монастырей Архангельской епархии в Московское Синодальное училище церковного пения — РГИА, ф. 796, оп. 183, № 1668.

63. О собирании древних нотных рукописей для библиотеки Синодального училища — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 38 за 1896 год, л. 53. См. также: Журнал правления Синодального училища за 1901/02 учебный год — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1. № 5, л. 144.

64. О собирании древних нотных рукописей для библиотеки Синодального училища — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 38 за 1896 год, л. 45—49. См. также: О передаче в библиотеку Синодального училища церковного пения крюковых рукописей Холмского соборного архива и Красногорского монастыря Архангельской епархии — РГИА, ф. 797, оп. 72, ст. 1, I отд., № 68.

65. О собирании древних нотных рукописей для библиотеки Синодального училища — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 38 за 1896 год, л. 43. В училище были направлены 4 книги Праздников, 4 Обихода, Триодь постная и цветная, Ирмологий.

66. Там же, л. 69—71 об.

67. Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1. № 16, л. 58—61.

68. Протоколы заседаний правления Синодального училища — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 68.

69. План восстановления древнерусского церковного пения и переписка о работе Наблюдательного совета — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 43, л. 58—59 об. Долгое время коллекция фотокопий, сделанных экспедицией Смоленского, считалась утраченной. Недавно часть этой коллекции была обнаружена сотрудницей Отдела рукописей РНБ Е. А. Борисовой в неразобранной части фонда ОЛДП.

70. В числе работ, имевших большое значение в складывании нового видения древнерусского наследия в конце 1900-х—1910-е годы, необходимо отметить следующие: *Металлов В. М.* Богослужбное пение в русской церкви в период домонгольский. Ч. 1—2. М., 1906; *Преображенский А. В.* О сходстве русского музыкального письма с греческим в невменных рукописях XI—XII вв. // РМГ, 1909, № 8—10 и отд. отт.; *Он же.* Очерк истории церковного пения в России. СПб., 1910; *Смоленский С. В.* Несколько новых данных о так называемом кондакарном знамени // РМГ, 1913, № 45—47, 49.

71. Сведения о сборе рукописей в 1913 году приводим по делу: «Переписка библиотеки училища с церковными учреждениями и о присылке в библиотеку нотных рукописей» — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 135.

72. В присланном реестре были указаны следующие источники: 1) крюковая рукопись XV в., 2) то же XVI и частью с пометами XVII века, 3) то же XVII века, 4) рукописная книга, содержащая молебны, ирмосы 8-ми гласов, «различные воследования и краткий устав, 5) нотная рукопись двознаменных Праздников, 6) четырехголосная партитура киевского знамени, 7) нотные книги четыре партии», содержащие различные партесные сочинения (РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 135, л. 5).

73. Протоколы заседаний правления Синодального училища — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 68.

74. Ходатайство протоиерея В. М. Металлова митрополиту Московскому и Коломенскому Макарию о восстановлении его в должности неперменного члена Наблюдательного совета — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 88, л. 1—1 об.

75. Каталог собрания с записью о его состоянии в марте 1922 года, сделанной Н. П. Поповым, находится: РНБ, ф. 816, оп. 1, № 718.

76. *Щенкина М. В., Протасьева Т. Н.* Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1995. С. 72.

77. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) образован в 1941 году и до 1954 года назывался Центральным государственным литературным архивом (ЦГЛА); затем — Центральным государственным архивом литературы и искусства (ЦГАЛИ). С 1992 года — Российский государственный архив литературы и искусства.

78. См. опись архива Народной хоровой академии, сделанную секретарем академии И. Г. Красильниковым, где значится 73 дела: РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 114.

79. Современный РГАДА (в недавнем прошлом ЦГАДА) происходит от образованного в 1925 году Древлехранилища, которое в 1931—1940 годах именовалось Государственным архивом феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). См.: Государственные архивы СССР: Центральный государственный военно-исторический архив СССР и Центральный государственный архив древних актов СССР. М., 1960.

80. Российский государственный исторический архив (РГИА) был образован в 1941 году под названием Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ЦГИАЛ) в результате слияния Архива народного хозяйства (ЦГАНХ) и Архива внутренней политики, культуры и быта (ЦГАВПКИБ).

81. Архив Придворной певческой капеллы сохранился хуже, чем архив Синодального хора, поскольку многие его дела, написанные до 1826 года, погибли в пожаре.

Список публикуемых документов

1886 год

Ходатайство управляющего московской Синодальной типографией А. Н. Шишкова перед обер-прокурором Св. Синода К. П. Победоносцевым о выделении денежной субсидии для издания книги Д. В. Разумовского «Богослужбное пение Православной греко-российской церкви». 25 января 1886 года.

Ответ Д. В. Разумовского управляющему Московской Синодальной типографией А. Н. Шишкову о рецензировании духовно-музыкальных сочинений. 6 марта 1886 года.

Отзыв Д. В. Разумовского о рукописи А. А. Архангельского «Древнее простое церковное пение Божественной литургии, переложенное по изданному Св. Синодом церковному Обиходу на четыре средних голоса для более легкого исполнения учениками церковно-приходских и сельских школ при помощи учителя или псаломщика». [1886 год.]

Отзыв Д. В. Разумовского о рукописи «Пение на Божественной литургии иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго и пение на литургии Св. Василия Великаго, положение на четыре голоса М. Р. Щиглевым». [1886 год.]

Пояснительная записка к «Положению по хору синодальных певчих и училищу церковного пения». [1886 год.]

Письмо управляющего Московской Синодальной типографией А. Н. Шишкова к П. И. Чайковскому. 28 августа 1886 года.

Представление исполняющего должность директора Синодального хора Н. Ф. Добровольского управляющему Синодальным хором и училищем церковного пения А. Н. Шишкову о распределении взрослых певчих Синодального хора по станицам. 31 августа 1886 года.

Распоряжение А. Н. Шишкова Н. Ф. Добровольскому. 2 сентября 1886 года.

Представление исполняющего должность директора при Синодальном хоре Н. Ф. Добровольского управляющему Синодальным хором и училищем церковного пения А. Н. Шишкову о преподавателях и учащихся. 2 сентября 1886 года.

Отношение управляющего Московским Синодальным хором и училищем церковного пения А. Н. Шишкова в Хозяйственное управление при Св. Синоде о разрешении использовать 200 рублей на приобретение нот. 20 ноября 1886 года.

1887 год

Отзыв директора Московской консерватории С. И. Танеева о духовно-музыкальных сочинениях Н. А. Римского-Корсакова, Е. С. Азеева, А. А. Копылова и Г. Я. Ломакина. 30 октября 1887 года.

Письмо А. Н. Шишкова обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву с дополнениями к отзыву С. И. Танеева. 31 октября 1887 года.

1888 год

Письмо управляющего Московской Синодальной конторой А. Н. Шишкова действительному статскому советнику Ф. Н. Плевако. 8 апреля 1888 года.

1889 год

Доклад обер-прокурору К. П. Победоносцеву «О московских частных духовно-певческих хорах». [Около 1889 года.]

1894 год

Ходатайство директора Синодального училища С. В. Смоленского перед прокурором Московской Синодальной конторы А. А. Ширинским-Шихматовым об официальном признании курсов для взрослых певчих Синодального хора. 18 февраля 1894 года.

Рапорт директора Синодального училища С. В. Смоленского прокурору Московской Синодальной конторы А. А. Ширинскому-Шихматову о недопустимости присутствия посторонней публики на училищных всенощных. 27 августа 1894 года.

Ответ А. А. Ширинского-Шихматова С. В. Смоленскому. 17 сентября 1894 года.

Рапорт С. В. Смоленского управляющему Синодальным хором и училищем церковного пения о певчем И. Г. Сугробове. [Первая пол. 1890-х годов.]

1895 год

Докладная записка помощника регента Синодального хора А. Д. Кастальского директору Синодального училища С. В. Смоленскому. 17 сентября 1895.

Высказывание В. С. Орлова в связи с обсуждением проекта Устава Синодального училища. [1895 год.]

1896 год

Соображения и замечания С. В. Смоленского по поводу проекта нового Устава Синодального училища. 16 января 1896 года.

Заявление действительного статского советника Г. Г. Солодовникова прокурору Московской Синодальной конторы А. А. Ширинскому-Шихматову

о намерении пожертвовать им на нужды Синодального училища 200 000 рублей. Май 1896 года.

Рапорт А. А. Ширинского-Шихматова обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву о намерении Г. Г. Солодовникова. 4 мая 1896 года.

1897 год

Письмо С. В. Смоленского редактору «Русской музыкальной газеты» Н. Ф. Финдейзену с замечаниями на его статью «Синодальное училище церковного пения в Москве». 3 ноября 1897 года.

Письмо С. В. Смоленского архиепископу Тверскому и Кашинскому Димитрию с благодарностью за присылку певческих рукописей.

1899 год

Ходатайство прокурора Московской Синодальной конторы А. А. Ширинского-Шихматова перед обер-прокурором Св. Синода К. П. Победоносцевым о выдаче денежного пособия А. Д. Кастальскому. 10 февраля 1899 года.

Особое мнение члена Наблюдательного совета А. Д. Кастальского по вопросу о рецензировании духовно-музыкальных сочинений. 20 мая 1899 года.

Отзыв члена Наблюдательного совета С. В. Смоленского о бывшей у него на просмотре рукописи «Ирмосы знаменного, или столпового роспева». 2 сентября 1899 года.

Выписка из протокола Наблюдательного совета с мнением его членов о сочинении свободных композиций на тексты изменяемых песнопений. 2 сентября 1899 года.

Рапорт директора Синодального училища С. В. Смоленского прокурору Московской Синодальной конторы А. А. Ширинскому-Шихматову о практических занятиях учеников регентского отделения с учениками церковно-приходской школы. 19 октября 1899 года.

Письмо директора Санкт-Петербургского Археологического института Н. В. Покровского управляющему Московским Синодальным училищем церковного пения А. А. Ширинскому-Шихматову с просьбой о присылке певческих рукописей для палеографической выставки. 19 октября 1899 года.

Выписки из протоколов заседания Наблюдательного совета с мнением С. Н. Кругликова и В. П. Войденова о духовно-музыкальных сочинениях Г. Я. Ломакина и М. М. Ипполитова-Иванова. 26 октября 1899 года.

Мнение В. С. Орлова и А. Д. Кастальского о духовно-музыкальных переложениях С. В. Делищева, священника Фролова и Н. И. Смирнова. 26 октября 1899 года.

Предложение заведующего частными церковно-певческими хорами в Москве В. П. Войденова об избрании членом-сотрудником Наблюдательного совета Н. С. Успенского. 26 октября 1899 года.

Предложение члена Наблюдательного совета В. Ф. Комарова об избрании членом-сотрудником Наблюдательного совета А. Д. Ряжского. 26 октября 1899 года.

Выписка из протокола заседания Наблюдательного совета с мнением членов Наблюдательного совета В. С. Орлова и А. Д. Кастальского о духовно-музыкальных переложениях Н. И. Компанейского. 8 ноября 1899 года.

Ответ А. А. Ширинского-Шихматова Н. В. Покровскому на запрос о присылке рукописей для палеографической выставки. 30 ноября 1899 года.

1900 год

Выписка из журнала Наблюдательного совета с отзывами членов Совета С. Н. Кругликова и В. П. Войденова о бывших у них на рассмотрении духовно-музыкальных произведениях А. А. Архангельского. 14 января 1900 года.

Заключение С. Н. Кругликова о сочинениях Г. Я. Ломакина на предмет их переиздания. 14 января 1900 года.

Отзыв В. Ф. Комарова о сочинениях Г. Я. Ломакина. 14 января 1900 года.

Доклад членов Совета В. С. Орлова и А. Д. Кастальского о сочинениях А. Фатеева, иеромонаха Германа и священника М. Лисицына. 22 марта 1900 года.

Сообщение прокурора Московской Синодальной конторы А. А. Ширинского-Шихматова Наблюдательному совету о пении Синодального хора в присутствии Государя Императора. 15 мая 1900 года.

Выписка из протокола Наблюдательного совета об испытании голосов взрослых певчих Синодального хора. 1 ноября 1900 года.

Отзывы С. Н. Кругликова и В. П. Войденова о духовно-музыкальных сочинениях А. Д. Кастальского «Блажени яже избрал» и «Не имамамы иныя помощи». 1 ноября 1900 года.

С. В. Смоленский. Сведения о взрослых певчих Синодального хора. [1900 год.]

1901 год

Выписка из протокола заседания Наблюдательного совета с постановлением, сделанным на основе доклада С. Н. Кругликова и В. П. Войденова о сочинениях протоиерея М. А. Лисицына «Великая ектения» (с moll), «Господи, спаси» и «Святыи Боже» № 1 (e moll) и № 2 (G dur) и др. и А. Т. Гречанинова «Благослови, душе моя, Господа» и «Свете тихий». 6 февраля 1901 года.

Вынесенный членами Совета С. В. Смоленским и А. Д. Кастальским отзыв о рукописи Н. С. Кленовского «Песнопения на Литургии Св. Иоанна Златоустаго грузинского (кахетинского) роспева». 6 февраля 1901 года.

Предложенные членами Совета В. С. Орловым и В. Ф. Комаровым отзывы о бывших у них на рассмотрении переложениях А. Д. Кастальского. 23 марта 1901 года.

Вынесенный членами Совета В. С. Орловым и В. Ф. Комаровым отзыв на нотные приложения к «Руководству для лиц, отправляющих церковные службы при участии митрополита и епископа» протоиерея Н. Розанова. 6 сентября 1901 года.

Сообщение прокурора Московской Синодальной конторы А. А. Ширинского-Шихматова о смерти В. Ф. Комарова. 27 ноября 1901 года.

1902 год

Выписка из протокола заседания правления об испытании Н. М. Данилина на должность помощника регента Синодального хора. 10 января 1902 года.

Постановление правления Синодального училища о праздновании юбилеев В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. 14 марта 1902 года.

Сообщение Наблюдательному совету «О церковно-певческих хорах и церковном пении в г. Рязани» члена-сотрудника Совета Н. Е. Вифляева. 31 декабря 1902 года.

1903 год

Выписка из протокола Наблюдательного совета с отзывами С. Н. Кругликова и В. П. Войденова о сочинениях В. И. Ребикова, М. М. Ипполитова-Иванова и С. В. Панченко. 16 сентября 1903 года.

1904 год

Выписки из протокола заседания Наблюдательного совета с отзывами С. Н. Кругликова и В. П. Войденова о сочинениях А. А. Ильинского и А. Т. Гречанинова. 30 января 1904 года.

Сообщение прокурора Московской Синодальной конторы А. А. Завьялова о концертах Синодального хора в Твери. 27 февраля 1904 года.

Письмо прокурора Московской Синодальной конторы А. А. Завьялова протопресвитеру Большого Успенского собора В. С. Маркову. 3 марта 1904 года.

Письмо В. С. Орлова, А. Д. Кастальского и Н. М. Данилина протопресвитеру Успенского собора В. С. Маркову. 5 марта 1904 года.

Выписка из протокола заседания Наблюдательного совета об обмене мнениями с Д. Н. Соловьевым. 16 апреля 1904 года.

Речь прокурора Московской Синодальной конторы А. А. Завьялова по случаю смерти члена Наблюдательного совета В. П. Войденова. 23 сентября 1904 года.

Отзыв С. Н. Кругликова о сочинениях В. С. Калининкова, П. Г. Чеснокова и Э. Ф. Направника. 23 сентября 1904 года.

Постановление Наблюдательного совета о сочинениях С. В. Панченко. 23 сентября 1904 года.

Отчет Н. Е. Вифляева «О церковно-певческих хорах в г. Ташкенте». 29 декабря 1904 года.

Краткий официальный отчет о деятельности Синодального училища церковного пения за 1903/04 учебный год.

1905 год

Письмо А. Д. Городцова к В. С. Орлову о церковном пении в Пермской губернии. 19 апреля 1905 года.

Постановление правления Синодального училища об участии Синодального хора в службах в храме Двенадцати Апостолов. 2 сентября 1905 года.

Постановление правления Синодального училища по случаю всеобщей политической забастовки. 8 декабря 1905 года.

1906 год

Выписка из протокола Наблюдательного совета с суждениями его членов о критериях оценки духовно-музыкальных сочинений. 22 марта 1906 года.

Предложение директора Синодального училища В. С. Орлова о преждевременном прекращении занятий в связи с выборами в Государственную Думу. 20 апреля 1906 года.

Представление священника В. М. Металлова об описании рукописного собрания училища. 25 октября 1906 года.

Выписка из протокола собрания Синодального хора с правилами о «чайных» деньгах. 1 декабря 1906 года.

Проект устава Синодального хора «о кружке». 11 декабря 1906 года.

1907 год

Представление В. С. Орловым «Правил служебной дисциплины для взрослых певчих Московского Синодального хора». 23 февраля 1907 года.

1908 год

Отношение прокурора Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанова к митрополиту Московскому и Коломенскому Владимиру с просьбой не допускать на клирос недипломированных регентов. 19 января 1908 года.

Ответ митрополита Московского и Коломенского Владимира прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову. 26 января 1908 года.

Повторное отношение председателя и членов Наблюдательного совета к митрополиту Московскому и Коломенскому Владимиру. 4 марта 1908 года.

Список регентов, выдержавших испытание на звание регента частного хора при Синодальном училище церковного пения.

Особое мнение В. М. Металлова по поводу сдачи экзаменов по истории, теории и семиографии церковного пения учениками Синодального училища. 23 апреля 1908 года.

Постановление правления Синодального училища об организации ученической музыкально-хоровой библиотеки. 30 мая 1908 года.

1909 год

Выписка из протокола заседания правления Синодального училища с программой чествований памяти С. В. Смоленского. 19 сентября 1909 года.

1910 год

Отношение Наблюдательного совета к митрополиту Московскому и Коломенскому Владимиру с ходатайством об увеличении полномочий Наблюдательного совета и о необходимости выработки нового Устава церковно-певческих хоров г. Москвы. 10 марта 1910 года.

Послание митрополита Московского и Коломенского Владимира прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову об образовании при училище комиссии для выработки «Списка сочинений русских духовных композиторов, могущих быть допущенными на клиросы монастырских храмов». 10 сентября 1910 года.

Из журнала № 1 заседания комиссии по составлению «Списка сочинений русских духовных композиторов, могущих быть допущенными на клиросы монастырских храмов». 8 октября 1910 года.

Из журнала № 2 заседания комиссии по составлению «Списка сочинений русских духовных композиторов, могущих быть допущенными на клиросы монастырских храмов». 9 ноября 1910 года.

Список церковных песнопений для однородного мужского хора, допустимых к употреблению в русских монастырях.

Доклад директора Синодального училища А. Д. Кастальского прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову о проверке голосов взрослых певчих Синодального хора. 20 сентября 1910 года.

1911 год

Протокол пристава Рогожской части г. Москвы о содержании малолетних певчих в хоре В. С. Галичникова. 7 марта 1911 года.

Письмо из канцелярии Московского градоначальника в Наблюдательный совет с просьбой рассмотреть протокол об условиях содержания малолетних певчих в хоре В. С. Галичникова. 31 марта 1911 года.

Ответ Наблюдательного совета в канцелярию Московского градоначальника. 9 июля 1911 года.

Ответ Наблюдательного совета на запрос журнала «Хоровое и регентское дело» об условиях сдачи испытательных экзаменов на звание регента частного хора. 5 сентября 1911 года.

Программа музыкально-учебных предметов для испытания на звание регента частного хора.

Устав церковно-певческих хоров г. Москвы.

1912 год

Отчет директора Синодального училища А. Д. Кастальского прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову о состоянии Синодального училища и хора в 1911 году. 17 февраля 1912 года.

Выписка из протокола Наблюдательного совета о поручении протоиерею В. М. Металлову составить доклад в Св. Синод о привлечении в библиотеку Синодального училища крюковых и нотных рукописей. 18 сентября 1912 года.

Доклад неперемного члена Наблюдательного совета протоиерея В. М. Металлова прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову. 28 сентября 1912 года.

1913 год

Отчет директора Синодального училища А. Д. Кастальского прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову о состоянии Синодального училища и хора в 1912 году. 16 мая 1913 года.

1914 год

Особое мнение регента хора Н. М. Данилина по поводу проступков учеников Синодального училища. 2 апреля 1914 года.

1915 год

Рапорт прокурора Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанова обер-прокурору Св. Синода о проекте периодического издания «Труды Наблюдательного церковно-певческого совета». 3 февраля 1915 года.

Программа исторического и научного повременного издания по церковному пению «Труды Наблюдательного церковно-певческого совета при Синодальном училище церковного пения в Москве».

Объяснительная записка к программе издания «Труды Наблюдательного церковно-певческого совета».

Условия издания сборника «Труды Наблюдательного церковно-певческого совета при Синодальном училище церковного пения в Москве».

Письмо из канцелярии Московской Синодальной конторы в Наблюдательный совет при Московском Синодальном училище с сообщением о разрешении Св. Синодом издавать «Труды Наблюдательного церковно-певческого совета». 10 июля 1915 года.

Циркуляр Министерства внутренних дел губернаторам и градоначальникам об устройстве духовных концертов. 29 сентября 1915 года.

1916 год

Отчет А. Д. Кастальского прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову о состоянии Синодального училища и хора в 1915 году. [Начало 1916 года.]

Рапорт председателя Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения Ф. П. Степанова обер-прокурору Св. Синода о награждении хоросодержателя и регента И. И. Юхова. 1 марта 1916 года.

Рапорт протопресвитера Большого Успенского собора Н. А. Любимова прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову. 16 апреля 1916 года.

Ответное письмо Ф. П. Степанова протопресвитеру Н. А. Любимову. 20 апреля 1916 года.

Ответ прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову на его ходатайство перед Св. Синодом о некоторых изъятиях из установленных Св. Синодом в 1915 году правил, касающихся духовных концертов. 24 июня 1916 года.

Ходатайство протоиерея В. М. Металлова перед митрополитом Московским и Коломенским Макарием о восстановлении его в должности постоянного члена Наблюдательного совета. 26 октября 1916 года.

Выписка из журнала Наблюдательного совета по поводу надзора за Петроградским Регентским училищем, учрежденным С. В. Смоленским. Ноябрь 1916 года.

Доклад в Московскую Синодальную контору ее члена, протопресвитера Большого Успенского собора Н. А. Любимова. 3 декабря 1916 года.

Выписка из протокола заседания правления Синодального училища в связи сокращением 1916/17 учебного года. 12 декабря 1916 года.

Выписка из определений Московского столичного совета оо. благочинных. 14 декабря 1916 года.

1917 год

Доклад протоиерея В. М. Металлова митрополиту Московскому Макарию о состоянии церковно-певческих хоров Москвы. 3 января 1917 года.

Постановление Наблюдательного совета Синодального училища церковного пения о мерах по улучшению надзора за частными церковно-певческими хорами. 30 января 1917 года.

Докладная записка члена Наблюдательного совета А. В. Никольского «Об учреждении постоянной репертуарной комиссии для отбора духовно-музыкальных композиций, допускаемых к применению за богослужением и внехрамовыми требами». 20 февраля 1917 года.

Приветственная телеграмма директора Синодального училища А. Д. Кастальского в связи с назначением В. Н. Львова обер-прокурором Св. Синода. 27 февраля 1917 года.

Ответная телеграмма обер-прокурора В. Н. Львова А. Д. Кастальскому. [Март] 1917 года.

Обращение к обер-прокурору Св. Синода В. Н. Львову прокурора Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанова, директора училища А. Д. Кастальского, старшего воспитателя К. П. Успенского и регента Синодального хора Н. М. Данилина в связи с бедственным положением педагогической корпорации Синодального училища и хора. 2 февраля 1917 года.

Доклад директора Синодального училища А. Д. Кастальского обер-прокурору Синода В. Н. Львову о сути деятельности Синодального училища и хора. 13 марта 1917 года.

Докладная записка А. Д. Кастальского прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову о необходимости сокращения количества богослужений с участием Синодального хора. 5 апреля 1917 года.

Выписка из протокола заседания правления Синодального училища церковного пения и хора с мнением регента Синодального хора Н. М. Данилина о сокращении численности хора в период летних каникул. 20 апреля 1917 года.

Ходатайство общего собрания преподавателей Синодального училища перед Учебным комитетом при Св. Синоде с предложением принять училище в его ведение. 29 апреля 1917 года.

Постановление общего собрания взрослых певчих Синодального хора о разделении денег за требы. 20 мая 1917 года.

Выписка из протокола заседания правления Синодального училища по поводу указа Св. Синода об освобождении здания училища для нужд Поместного Собора Русской Православной Церкви. 26 июля 1917 года.

Доклад директора Синодального училища А. Д. Кастальского министру исповеданий по поводу неявки певчих Синодального хора на богослужения. 15 сентября 1917 года.

Письмо директора Синодального училища А. Д. Кастальского протопресвитеру Большого Успенского собора Н. А. Любимову с опровержением слухов об участии педагогов Синодального училища в забастовке. 15 сентября 1917 года.

Доклад заведующего частными духовно-певческими хорами Москвы А. В. Никольского Наблюдательному совету «О положении хорового дела в Москве за шесть месяцев, протекших после переворота». 30 сентября 1917 года.

Прощальное послание Ф. П. Степанова корпорации преподавателей и служащих Синодального училища. 12 октября 1917 года.

Доклад Д. В. Аллеманова «Соображения об упорядочении церковно-певческого дела в Москве». [Ноябрь] 1917 года.

Устав Патриаршего хора. [Конец 1917 года.]

1918 год

Выписка из журнала № 35 Хозяйственно-распорядительного совещания при Соборном Совете Поместного Собора Русской Православной Церкви с ходатайством родительского комитета Синодального училища. 9/22 февраля 1918 года.

Выписка из журнала № 37 Хозяйственно-распорядительного совещания при Соборном Совете с предложением о выселении чиновников духовного ведомства из здания Синодального училища. 14/27 февраля 1918 года.

Выписка из журнала № 39 Хозяйственно-распорядительного совещания при Соборном Совете с обсуждением условий пребывания чиновников духовного ведомства в здании Синодального училища. 22—24 февраля / 7—9 марта 1918 года.

Выписка из протокола заседания правления Синодального училища об экстренном выпуске учеников IX класса. 11/24 марта 1918 года.

Отношение комиссара по народному образованию Московского учебного округа в Синодальное училище церковного пения. 9/22 апреля 1918 года

Ходатайство родительской организации при Московском Синодальном училище перед комиссаром по народному образованию Московского учебного округа о сохранении училища. [Весна 1918 года.]

Запрос члена Московской Синодальной конторы протопресвитера Н. А. Любимова к директору Синодального училища А. Д. Кастальскому. 12/25 апреля 1918 года.

Ответное письмо А. Д. Кастальского в Московскую Синодальную контору с опровержением предположения о ходатайстве персонала училища перед комиссаром просвещения. [Апрель 1918 года.]

Выписка из журнала № 50—51 Хозяйственно-распорядительного совещания при Соборном Совете. 17—30 апреля / 1—14 мая 1918 года.

Журнал № 1 заседания коллегии по управлению бывшим Синодальным училищем церковного пения. 24/11 апреля 1918 года.

Журнал № 2 заседания коллегии по управлению бывшим Синодальным училищем церковного пения. 25/12 апреля 1918 года.

Журнал № 3 заседания коллегии по управлению бывшим Синодальным училищем церковного пения. 26/13 апреля 1918 года.

Журнал № 5 заседания коллегии по управлению бывшим Синодальным училищем церковного пения. 6 мая / 23 апреля 1918 года.

Выписка из журнала № 54 Хозяйственно-распорядительного совещания при Соборном Совете о положении Синодального училища и находящихся в нем чиновников духовного ведомства. 23 мая / 6 июня 1918 года.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ (1886—1918)

1886 год

**Ходатайство управляющего московской Синодальной типографией
А. Н. Шишкова перед обер-прокурором Св. Синода К. П. Победоносцевым
о выделении денежной субсидии для издания книги Д. В. Разумовского
«Богослужбное пение Православной греко-российской церкви».
25 января 1886 года***

Ваше высокопревосходительство милостивый государь Константин Петрович!

Известный Вам протоиерей Димитрий Васильевич Разумовский составил весьма подробный курс богослужбного пения по прилагаемой программе и желает его напечатать. Книга переполнена нотами и таблицами, почему издание ее при объеме приблизительно в 15 листов потребует немалых расходов, а состояние многоуважаемого старца далеко не обширно. По ограниченности средств своих он предполагает печатать 1200 экземпляров. А между тем труд такого достоинства и, так сказать, первый в нашей литературе по своей полноте было бы желательно издать гораздо в большем числе экземпляров. Разумовский с полной готовностью и без всякого вознаграждения, лишь из любви к делу церковного пения всегда готовый исполнить всякого рода поручения даже в недолгое время управления моего Московской типографией, оказал нам великую услугу, пересмотрев синодальные нотные книги, приготавливаемые к новому изданию¹. На сем основании я позволяю себе ходатайствовать пред Вашим высокопревосходительством о выдаче ему пособия в 1000 рублей на издание его сочинения, составляющего плод его многолетних трудов и знаний². Может быть выражена уверенность, что затрата эта не пропадет бесплодно, а между тем послужит наградою за его долголетнюю полезную деятельность.

* Черновой автограф. *О книге протоиерея Разумовского «Богослужбное пение Православной греко-российской церкви»* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 47 за 1886 год, л. 1—1 об. В деле — переписка управляющего Московской Синодальной типографией А. Н. Шишкова в связи с хлопотами о субсидии для издания книги Д. В. Разумовского.

Комментарии

1. Д. В. Разумовский занимался подготовкой к переизданию синодальных книг на квадратной ноте в последний период своей жизни. Начало этой работы восходит к 1869 году, когда Разумовский возглавил комиссию по исправлению богослужебных певческих книг, созданную при московском Обществе древнерусского искусства. В частности, Разумовский сверял с древними крюковыми книгами печатавшиеся Московской Синодальной типографией Постную и Цветную Триоди (*Гарднер И. А. Богослужбное пение Русской Православной Церкви. История. Т. II. Сергиев Посад, 1998. С. 413; см. также в третьем томе серии*).

2. Ходатайство Шишкова перед Победоносцевым было успешным, и Разумовскому выделили 1000 рублей серебром. По издании книги в Москве в 1886 году один ее экземпляр был послан Победоносцеву. Кажется, Разумовский остался хлопотами Шишкова недоволен, о чем свидетельствует следующий его ответ от 8 октября 1886 года на вопрос Шишкова о том, по какой цене книгу нужно продавать духовно-учебным заведениям. Разумовский пишет: «С каждого экземпляра изданной мною книги можно уступить по 20-ти копеек с рубля, то есть вместо трех рублей принять только 2 рубля 40 копеек. Но лучше бы было не беспокоить и не затруднять других разными ходатайствами. Издание не нуждается ни в какой материальной поддержке или поощрении» (РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 47 за 1886 год, л. 5).

**Ответ Д. В. Разумовского
управляющему Московской Синодальной типографией А. Н. Шишкову
о рецензировании духовно-музыкальных сочинений.
6 марта 1886 года***

Ваше превосходительство! При отношениях от 3-го и 7-го минувшего февраля сего 1886 года за № 684 и 810 Ваше превосходительство сооблаговолили доставить мне две нотных рукописи русских композиторов г. Архангельского и г. Щиглева и требовать, чтобы я рассмотрел означенные рукописи и дал о них свое заключение¹. Исполнив ныне поручение, на меня возложенное, долгом поставяю представить Вашему превосходительству свое мнение о переложениях г. Архангельского и г. Щиглева и вместе с тем возвратить сами рукописи означенных композиторов. С истинным почитанием и глубокой преданностью честь имею быть Вашего превосходительства покорнейший слуга протоиерей Димитрий Разумовский.

* Автограф. *О присланной из Хозяйственного управления при Св. Синоде нотной рукописи Архангельского под названием «Древнее простое церковное пение Божественной литургии». О нотной рукописи дворянина Щиглева — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 16 за 1886 год, л. 3.*

Комментарии

1. Как сообщалось в письме А. Н. Шишкова к Д. В. Разумовскому от 3 февраля 1886 года, данные рукописи были направлены на рецензию Разумовскому по просьбе К. П. Победоносцева.

**Отзыв Д. В. Разумовского о рукописи А. А. Архангельского
«Древнее простое церковное пение Божественной литургии,
переложенное по изданному Св. Синодом церковному Обиходу
на четыре средних голоса для более легкого исполнения учениками
церковно-приходских и сельских школ при помощи учителя
или псаломщика». Б. д.***

Гармоническое произведение г. Архангельского, как сказано в оглавлении произведения, включает в себе древнее пение, но это заявление надобно принимать не столько за выражение гармонического содержания, сколько за простое украшение. Пение г. Архангельского не древнее во всей своей полноте, потому что включает в себе обычные роспевы (например, «Во царствии Твоем», «Символ веры»), старым церковным певцам неизвестные, в печатных нотных книгах не находившиеся и не находящиеся. Оно не древнее по самому способу гармонизации, потому что вся осмогласная мелодия, заимствованная из нотных книг синодального издания, внесена в одну мажорную гамму *sol*. Трудно предполагать и еще труднее положительно утверждать, чтобы вся осмогласная мелодия всех роспевов нашей церкви вращалась в пределах одной известной современной гаммы.

Цель, с какою г. Архангельский предпринял и совершил свой обширный труд, заключается, по объяснению г. композитора, в том, чтобы ввести в употребление в церквах при богослужении древние напевы, сохранившиеся в церковном Обиходе Св. Синода, без всякого изменения мелодии. Путь, каким все духовно-музыкальные произведения (сочинения и переложения) достигают церковного клироса, весьма точно определен существующими на то и ныне действующими церковно-гражданскими постановлениями о пении. В феврале 1816 года состоялось высочайшее повеление, дабы все, что ни поется в церквах по нотам, было печатное и состояло из собственных сочинений г. Бортнянского или других известных сочинителей, но сих последних сочинения непременно должны быть печатаемы с одобрения г. Бортнянского. Это повеление, обнародованное указом Св. Синода, вошло в полное собрание законов Российской империи и впоследствии неоднократно было подтверждено.

Первое подтверждение состоялось в 1846 году по ходатайству г. директора Капеллы А. Ф. Львова. Он сообщил, что духовно-музыкальные сочине-

* Писарская копия. О присланной из Хозяйственного управления при Св. Синоде нотной рукописи Архангельского — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 16 за 1886 год, л. 5—7.

ния допускаются к печатанию гражданскими цензорами, часто не имеющими никаких сведений в музыке, а между тем сочинения сии распространяются в публике и поются в церквах, и потому просил о возобновлении означенного высочайшего повеления. Св. Синод в том же 1846 году постановил: «Нигде в православных церквах не вводить новых духовно-музыкальных сочинений без предварительного одобрения оных директором Придворной певческой капеллы, одобренные же им употреблять не иначе, как в печатных экземплярах и притом с разрешения Св. Синода»¹.

Второе подтверждение последовало в 1866 году и также по ходатайству директора Придворной капеллы. Н. И. Бахметев заявил, что «многие композиторы, прекратив присылку своих сочинений в Придворную капеллу, вопреки Высочайшему повелению 1846 года стали наполнять оными как епархиальные комитеты, так и Святейший Синод, откуда сочинения сии препровождаются к нему, директору, чрез что занятия его весьма значительно увеличились, так как в ответной переписке своей он обязан со всею подробностью анализировать каждое сочинение и объяснять все замечания по оному, но такого подробного разбора вовсе не требуется при прямых его сношениях с композиторами». Директор капеллы просил Св. Синод восстановить прежний порядок в сношениях его с композиторами. В сентябре 1869 года Св. Синод объявил всем местам и лицам духовного ведомства, чтобы, согласно ходатайству (директора Капеллы) и в точное исполнение высочайшего повеления 23 августа 1846 года «музыкальные сочинения, предназначенные для употребления в православных церквах, кои не получают предварительного одобрения от начальства Придворной певческой капеллы, впредь к рассмотрению Св. Синода не обращали и всякие просьбы о рассмотрении подобных сочинений, буде таковые поступят, оставляли без действия, а те из сочинений этого рода, кои могли быть приняты ими к рассмотрению в духовных установлениях до настоящего времени, возвратили по принадлежности лицам, от коих они представлены». Такой твердый порядок в одобрении духовно-музыкальных сочинений для употребления в православных храмах, установленный 70 лет тому назад и в продолжение их не только не отмененный, но даже нисколько не измененный, естественно требует, чтобы г. композитор Архангельский следовал действующим законам, если действительно назначает свои труды для церковного клироса и его исполнителей.

Другую целью г. Архангельского, как объяснено в самом заглавии его переложений, было назначение их для учеников церковно-приходских школ. Но эта цель составляет такой предмет, к которому, кажется, следует отнестись с осторожностью, прежде, нежели на него решиться. В 1866 году, когда Министерство народного просвещения предполагало ввести преподавание церковного пения в начальные народные училища, князь В. Ф. Одоевский как член учрежденной по сему случаю комиссии заявлял, что «в народных школах: 1) надлежит и возможно обучать церковному пению молитв, а не певческому многоголосному искусству; 2) пение в них может быть лишь

одноголосное и отнюдь не хоральное, то есть не музыкальное; 3) ученики народных школ могут знать лишь простую церковную ноту, которой печатаются издания Синода, а не многосложную итальянскую, и должны петь по обязательным в церквах синодским изданиям, а отнюдь не по каким-либо переложениям, кои хотя и называются простыми, но в существе весьма затруднительны для учеников народной школы и доступны певцу-артисту, чужды исконным напевам, содержащимся в синодских нотных книгах»².

Мысли князя Одоевского разделял и высокопреосвященнейший Филарет, митрополит Московский. В особой по сему случаю записке он писал: «Для начальных народных училищ нужно: 1) краткое учебное руководство к нотному пению; 2) сокращенный Обиход, заключающий в себе необходимые и употребительнейшие песнопения из всенощной, литургии и некоторые для особенных случаев нужные церковные песнопения»³. Впрочем, прибавил он, в начальных народных училищах более надобно учить тому, что поется в церкви понаслышке. Это необходимее, употребительнее, легче; это способнее возбудить в детях особенную любовь в церковному пению, нежели нотная работа; наконец, это не требует денег и безопасно от спора о неприкосновенной собственности.

Г-ну Архангельскому необходимо иметь основательные доказательства, отвергающие мнение митрополита Филарета и князя В. Ф. Одоевского, лиц, опытных в знании церковного пения и его приложения к народному образованию⁴.

Комментарии

1. Неточно цитируемые Д. В. Разумовским постановления Св. Синода исправлены по изданию: Церковно-гражданские постановления о церковном пении / Сост. протоиерей *Иоанн Чижевский*. Харьков, 1878. С. 8—9, 13—14.

2. О деятельности князя В. Ф. Одоевского в Особой комиссии для рассмотрения предложений министра народного просвещения относительно обучения церковному пению в начальных народных училищах, учрежденной по высочайшему указу 22 декабря 1865, а также публикацию работ Одоевского, затрагивающих проблемы церковно-певческого образования, см. в I-м разделе третьего тома.

3. В связи с работой той же комиссии выразил свое мнение по вопросу о церковно-певческом образовании и ее другой участник — митрополит Московский Филарет, фрагмент работы которого «О нотном церковном пении в начальных народных училищах и о правах Придворной капеллы в отношении к оному» цитирует Разумовский (см. публикацию полного текста в третьем томе).

4. Несмотря на столь резкую рецензию Разумовского Литургия Архангельского была издана. (Сведения библиографического характера об упоминаемых в публикуемых документах произведениях см. в работе: *Левашев Е. М.* Традиционные жанры православного певческого искусства в творчестве русских композиторов от Глинки до Рахманинова. 1825—1917. Исторический очерк, нотография, библиография. М., 1994.)

**Отзыв Д. В. Разумовского о рукописи
«Пение на Божественной литургии иже во святых отца нашего
Иоанна Златоустаго и пение на литургии Св. Василия Великаго,
положение на четыре голоса М. Р. Щиглевым». Б. д.***

Гармонизация Божественной литургии, представленная г. Щиглевым, по художественной обработке своей бесспорно выше и совершеннее духовно-музыкальных произведений г. Архангельского. В основу гармонизации положена мелодия литургийных песнопений, недавно изданная г. Миропольским¹. Гармонизация г. Щиглева сделана для однородного хора мужских голосов (два тенора и два баса). Она отличается простотой и, по объяснению самого композитора, составляет опыт применения древнего стиля (дорийского) к нашим церковным напевам согласно преданиям и духу пения нашей православной церкви. В гармонизации действительно нет септаккордов, вводных аккордов, даже проходящих нот, нет положений в *dur* или *moll*, нет случайных и ключевых знаков. Она строга, проста и красива в исполнении; может показаться однообразною, но того требовало единство стиля.

Гармонизация г. Щиглева для однородных голосов составляет собой не более как образец, который, несомненно, может быть разработан в полифоническом виде для всякого смешанного хора. В этом отношении достоинство гармонизации. Действительное же одобрение своих гармонических работ г. композитор Щиглев по существующим ныне и действующим узаконениям, о которых с достаточной подробностью изъяснено при рассмотрении переложений г. Архангельского, может получить от Придворной певческой капеллы, если только он сам пожелает предоставить свой труд на рассмотрение.

Комментарии

1. Речь идет об издании: *Миропольский С. И.* Божественная литургия Иоанна Златоустого (на один голос) и пение на литургии Василия Великого.

* Писарская копия. *О присланной из Хозяйственного управления при Св. Синоде нотной рукописи Архангельского...* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 16 за 1886 год, л. 10—11. В деле содержатся письма Шишкова к Разумовскому, ответы и рецензии последнего.

**Пояснительная записка
к «Положению по хору синодальных певчих
и училищу церковного пения» [1886 год]***

Бывший в древности Патриарший, а ныне Синодальный, хор имеет значением петь при богослужениях в Большом московском Успенском соборе, в церкви Двенадцати Апостолов, при коей производится мироварение, участвовать во всех установленных крестных ходах и сопровождающих их божественных службах. Наконец, Синодальный хор пользуется высокою честью при посещении Москвы высочайшими особами петь в их присутствии. Таким образом, Синодальный хор, будучи одним из древнейших в России, призванный петь в храме, составляющем отечественную святыню и служащем средоточием наиболее дорогих для всех патриотических воспоминаний, и в то же время единственный хор, принадлежащий высшей духовной власти в государстве, по всем правам должен бы занимать первое место среди других церковных хоров и служить им примером исполнения в церквах пения, соответствующего святости священнодействий в них совершаемых. На нем должна бы лежать нравственная обязанность быть достойным хранителем церковных напевов православной России, столь высоких по достоинству, столь богатых по церковной мелодии, так сильно трогающих и настраивающих к молитве души всех верных сынов Церкви, и образцовым исполнением песнопений развивать в народе вкус и любовь к церковному пению, соответственному духу православной веры. Все это тем более было бы желательно, что, к сожалению, уклонение церковных хоров от приличного для церкви и богослужения способа исполнения церковных песнопений достигло в последнее время крайних пределов, почему неотложно требуются меры для противодействия сему. Независимо от могущих в этом отношении быть изданными правительством распоряжений, наиболее действенною к сему мерою было бы образцовое исполнение одним из столичных хоров церковных песнопений по напевам, издревле принятым в нашей церкви, и образование сколько возможно большего числа лиц, вполне способных служить руководителями других хоров.

* Писарская копия. *Дело о преобразовании управления Синодальным хором, училищем церковного пения и синодальным недвижимым имуществом в Москве и ее окрестностях* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 46 за 1886 год, л. 40—59 об. Помимо публикуемого документа в деле находятся: доклад К. П. Победоносцева императору Александру III «О преобразовании управления Московским Синодальным певческим хором, училищем при нем и синодальным недвижимым имуществом в Москве и ее окрестностях» от 7 июня 1886 года (л. 2—6), определение Св. Синода (л. 7—15), штат, расписание учебных занятий и приложение к ним (л. 10—16), Временные правила для управления Московским Синодальным хором с состоящим при нем училищем церковного пения и синодальным недвижимым имуществом в Москве и ее окрестностях (л. 17—38).

Весьма естественно, что лестная обязанность достигнуть обеих этих целей по праву должна принадлежать Синодальному хору, почему при последнем образуется школа церковного пения, которая чрез посредство теоретического и практического обучения вокальной и инструментальной музыке как певчих хора, так и всех желающих приобрести такие знания, имеет целью образование умелых исполнителей церковного пения, а окончившим в этом училище полный курс доставлять знания, необходимые для искусного управления церковными хорами певчих. При этом для лучшего и более совершенного достижения вышесказанных целей имеется в виду поставить училище под ближайшее влияние лиц, специально изучивших древние напевы Русской церкви, и для того образовать при училище совещательное собрание, в коем вместе с преподавателями музыкальных предметов участвовали бы в виде постоянных членов известные знатоки церковного пения, призванные своими советами и указаниями содействовать достижению училищем желаемых результатов. Совет этот имел бы, между прочим, задачею разрабатывать вопросы, касающиеся православного церковного пения вообще, и при постепенном развитии должен бы послужить зерном того учреждения, на которое со временем можно возложить наблюдение за церковным пением во всем государстве и руководство оным. При таких условиях есть достаточно оснований надеяться, что учреждаемое училище церковного пения не уклонится от правильного пути и будет служить для высшей духовной власти в России достойным органом для установления в церквях при богослужении пения, вполне соответствующего требованиям Православной церкви.

В настоящее время при Синодальном хоре хотя и существует училище, но удовлетворяющее совсем другим требованиям, именно: чтобы малолетние певчие, преимущественно состоящие из детей духовных лиц, по спаде с голоса могли продолжать образование в учебных заведениях духовного ведомства, посему училище это имеет программу обыкновенного (уездного) духовного училища. При этом, хотя нельзя не отдать справедливость заботам начальства сего заведения о доведении в нем преподавания как общего, так и преимущественно классических языков до требуемой высоты, успехи учеников заставляют многого желать. Последнее весьма естественно, ибо совсем посторонняя характеру училища специальность детей отвлекает их от непрерывных занятий по классам, которые, в отличие от всех духовных училищ, назначаются лишь с послеобеденного времени, оставляя утро для спевков и на службы в церквях, в которые дети приглашаются петь. С другой стороны, установлению в училище более настоящего обучения предметам, ближе соответствующим их специальности как певчих, препятствует недостаток во времени и утомление детей, чрезвычайно занятых в качестве учеников духовного училища. Таким образом, опыт показывает весь вред, проистекающий от двойственного характера училища.

На сем основании проектируемому училищу церковного пения необходимо придать такую постановку, чтобы программа обучения наиболее соответствовала главной цели его устройства. Что же касается до предметов, не относящихся к музыкальному образованию, то они должны преподаваться в объеме, достаточно развивающем умственные способности воспитанников для той деятельности, к коей они предназначаются. При этом нельзя упускать из вида и того, что некоторые из воспитанников окажутся неспособными к изучению музыки и что они должны будут покинуть заведение, не окончив в нем полного образования. Посему необходимо, чтобы и сии последние оставляли заведение с познаниями, с одной стороны, могущими дать им средства к жизни, а с другой, чтобы употребленные на них затраты не пропадали бесследно, но чтобы приобретенная ими доля сведений в церковном пении хотя бы отчасти принесла пользу церкви, именно: чтобы они были в состоянии занимать должности причетников и сельских учителей. Также следует иметь в виду и ту особенность этого заведения, что воспитанники оного — в то же время певчие хора, в особенности в малом их возрасте, когда им необходимо употреблять много времени на спевки. Затем, преподавание может принимать все более и более серьезный характер только по мере возмужалости воспитанников, когда они начнут терять свои детские голоса, а вместе с тем перестанут участвовать в хоре. Наконец, необходимо принять во внимание, что немзыкальность наших церковных певчих, то есть нередкое нарушение ими основных требований всякого музыкального исполнения, происходит от недостатков музыкальной школы, которую они проходят. Главный из них заключается в том, что поступающих в хор приспособляют всякими не музыкальными, не педагогическими, чисто механическими приемами исполнять песнопения, вследствие чего большинство из них, привыкнув обходиться без теоретических знаний, почитают их как бы излишними для практической деятельности.

Известно, что можно, не учившись музыке, благодаря природной слуховой восприимчивости пропеть часто слышанный церковный напев; но подобный певец по причине своей, так сказать, музыкальной безграмотности и необразованности оказался бы в безвыходном затруднении при необходимости письменно изложить спетый им же напев. Грамотность же и образование начинаются с сознательного отношения к изучаемому предмету, и развитие ученика должно стоять на первом плане во всяком преподавании. Обучение пению должно начаться с изучения музыкальной азбуки, то есть семи звуков, составляющих основную гамму. К этим семи звукам должно быть развито такое же сознательное отношение в учениках, какое необходимо при изучении азбуки известного языка, разнообразные соединения этих звуков между собою должны представляться ученикам отчетливо.

К сожалению, практическая необходимость образовать из мальчика в возможно кратчайший срок хотя до некоторой степени пригодного певчего

вынуждает учителей отступать от этого требования и обращаться преимущественно к слуховой восприимчивости ученика, заставляя его запоминать на слух необходимые напевы. После значительных трудов и большой доли терпения со стороны учителя и ученика цель достигнута, и последний запомнил напевы приблизительно, но не точно, причем память может всегда изменить ему, положим, в мелочах, но что прискорбнее всего, так это то, что своих собственных ошибок певчий не в состоянии заметить, так как отношения между звуками, составляющими напев, он усвоил несознательно, а только инстинктивно. Инстинктивное же отношение к напевам влечет за собою сначала обмолвки, затем случайные уклонения от напевов, наконец, искажение их. Но дурные привычки и неряшливость в деле, усвоенные в детские годы, искореняются весьма медленно впоследствии даже при прохождении более основательного и строгого курса пения, причем ожидаемые от него результаты нередко не оправдываются вследствие некоторого отношения обучающегося свысока к предметам, в сущности элементарным, с которыми, однако, он не ознакомился ранее.

По вышеизложенным соображениям было бы в высшей степени неудобно открыть регентские классы только для более взрослых, но необходимо начать музыкальное образование с низших классов, и так, чтобы практическое и теоретическое обучение шли постоянно рука об руку, чтобы упражнения в специальном классе церковного пения опирались на упражнения в сольфеджио и объяснения элементарной теории, чтобы все эти предметы взаимно друг друга пополняли. При сем ученики, усвоив весь круг употребительнейших церковных песнопений, приобретут знания, по всей справедливости дающие им право почитаться обученными певчими. Для этого нет надобности закидывать детей громкими словами даже вроде сольфеджио и теории, но суть этих предметов должна быть им преподана применительно к изучаемым церковным напевам. Поэтому поручение преподавания церковного пения, сольфеджио и элементарной теории в известном классе одному лицу является крайне желательным и даже необходимым.

Что касается продолжительности курса в проектируемом училище, то она определяется теми условиями, что дети принимаются в хор девяти и не старше десяти лет, а обязанности руководителя хором не могут быть возложены на молодого человека, не достигшего, по крайней мере, хотя бы семнадцатилетнего возраста, почему в Синодальном училище церковного пения предполагается иметь восемь одногодичных классов с тремя отделениями. В низшем отделении, включающем в себя четыре класса, имеют преподаваться предметы общего образования в размере городских училищ, а музыкальные предметы, начиная с низшего класса, с постепенным усилением оных по мере перехода из класса в класс. Что касается до церковного пения и церковного устава, составляющих основные предметы училища церковного пения, то они проходят чрез все классы училища от первого до

восьмого. Дети 10-ти лет, поступающие в заведение, достигнув четвертого класса, будут иметь уже 14 лет, и к тому времени достаточно выяснится, имеют ли они способности к музыкальному образованию. В случае утвердительном их переводят во второе отделение, специально церковно-музыкальное, те же из воспитанников, которые не выкажут способности к изучению музыки, если притом потеряли и голос, то выпускаются из заведения с познаниями, соответствующими училищам, пользующимся правами 3-го разряда. Такие воспитанники, кроме других родов занятий, ими избираемых, могут, в случае, если того пожелают, получить причетнические места, на коих приобретенные ими познания, в особенности по церковному пению и церковному уставу, принесут не только им, но и церкви немалую пользу: им знакомы полный и сокращенный нотный Обиход синодального издания, Ирмологий, Октоих и нотные Праздники. Те же из этого разряда воспитанников, которые, достигнув четвертого класса, сохранят свои детские голоса и могут быть полезными для хора, будут оставляемы в заведении для большего усовершенствования в пройденных предметах. Засим воспитанники, перешедшие во второе отделение как специально церковно-музыкальное, будут продолжать свое образование еще два года (в 5-м и 6-м классах), по истечении коих при их 16-тилетнем возрасте еще определительнее выкажутся их музыкальные способности. Более даровитые перейдут в высшие специальные классы 7-й и 8-й, а не заслуживающие перевода будут выпускаемы из заведения с правами на звание регентского помощника. Причем в отношении научных предметов они достигнут знаний не менее, как воспитанники учительских семинарий, а по церковному пению, кроме приобретенных знаний в низшем отделении, они более ознакомятся с теорией музыки и ими уяснится строй греческого, киевского и болгарского распевов. Наконец, вполне окончившие образование в третьем отделении, достигнув 18-летнего возраста, получают свидетельство на звание регента и учителя духовного пения. Что же касается 7-го и 8-го классов, то из предметов общего образования ученики получают сведения, которые в совокупности с музыкальными познаниями дадут основания к ходатайству о даровании им прав окончивших образование в заведениях 2-го разряда, но с тем, чтобы по возможности побудить их не оставлять рода занятий, к коему они готовились. На них возлагается обязанность за полученное ими образование прослужить руководителем церковного хора: окончившим полное образование — в продолжение четырех лет, а выпущенным из 6-го класса — три года, и им выдаются аттестаты: первым — на звание регента, а вторым — помощника регента лишь по исполнении сего обязательства и представления в том свидетельства, удостоверенного епархиальным архиереем. При выпуске же из заведения им выдаются только свидетельства на получение звания, соответствующего степени познаний, ими приобретенных в училище.

В этой записке упоминается о правах учеников, но в проекте положения нигде не говорится ни о разряде, к коему имеет быть отнесено училище, ни

о правах по образованию, приобретаемых учениками. Это делается в тех видах, что данное ходатайство, требующее сношения с некоторыми министерствами и даже испрошения высочайшего соизволения, отдалило бы на значительное время открытие училища, в коем предстоит крайняя надобность, тем более, что это может быть произведено во всякое время впоследствии. Также полагаю, что бесполезно упомянуть и о том, что, независимо от вышесказанных причин, необходимость производить выпуски воспитанников из заведения не только по окончании полного курса, но еще из 4-го и 6-го классов, обуславливается тем обстоятельством, что при определенном штате числа воспитанников в заведении задержание их в оном препятствовало бы приему новых малолетних певчих в хор, а следовательно, и пополнению его свежими детскими голосами, что представляется существенно необходимым.

Хотя при таких условиях образование выпускаемых из училища может быть почитаемо достаточно законченным для той деятельности, к которой они готовятся, тем не менее имеется в виду не лишать их возможности дополнить свои познания в Придворной капелле, в коей музыкальный курс обширнее, чем в проектируемом училище, и которая пользуется правами учебного заведения 1-го разряда. С этой целью программа музыкальных предметов имеет быть составлена применительно к программам Капеллы, и окончившие курс в Синодальном училище церковного пения будут иметь возможность поступать в предпоследний класс Капеллы.

Все вышесказанное дает уже возможность, хотя и в общих чертах, судить о характере и пределах обучения, принятых для училища церковного пения. К сему присоединяется перечень предметов, составляющих его курс. Что же касается подробных программ всех предметов, то они имеют быть представлены в непродолжительном времени. При этом позволяю себе присовокупить, что программы музыкальных предметов составляются на основании указаний, доставленных профессорами Московской консерватории: по церковному пению протоиереем Димитрием Васильевичем Разумовским, а по музыкальным предметам бывшим директором консерватории Николаем Альбертовичем Губергом.

Синодальный хор и при нем училище церковного пения, состоя в главном ведении Св. Синода, находятся в заведовании управляющего Московской Синодальной типографией, который имеет высшее наблюдение за направлением преподавания, за деятельностью хора, за воспитанием учащихся, хозяйством и вообще за исполнением по хору и училищу проектируемого положения. Управляющий утверждает в должности и увольняет состоящих по училищу преподавателей, регентов, воспитателей, эконома и врача, а равно увольняет и всех служащих в отпуски на допускаемые законом сроки. Посещая хор и училище во всякое время, он входит во все подробности их управления и удостоверяется в степени их благоустройства. О всех мерах к

устранению усмотренных недостатков или к улучшению какой-либо части хора и училища управляющий дает директору и совету училища письменные предложения к исполнению или для обсуждения. В случае усмотренных неисправностей по службе управляющий требует от кого следует объяснений, налагает на виновных административные взыскания и при надобности увольняет неисправных лиц.

Под руководством управляющего хор и училище поручаются ближайшему заведованию директора, определяемого г. обер-прокурором Святейшего Синода по представлению управляющего. Как директор, так и все преподаватели научных предметов избираются управляющим из лиц, получивших высшее образование; что же касается преподавателей музыкальных предметов, то они назначаются из специалистов, опытных в преподавании сих предметов. Регент должен иметь свидетельство 1-го разряда на звание учителя церковного пения и теории музыки. Наблюдение за правильной постановкой музыкального дела в училище возлагается за особое вознаграждение по избранию управляющего на одного из преподавателей музыкальных предметов.

Директор есть непосредственный начальник Синодального хора и при оном училища, ответствующий за благоустройство и благосостояние их во всех частях, и ему подчиняются все состоящие при сих учреждениях служащие и вольнонаемные. Он следит за общим ходом преподавания, за развитием и успехами учащихся, за удовлетворительным содержанием их и вообще за точным исполнением всеми возложенных на них обязанностей; в потребных случаях он имеет право делать служащим напоминания, внушения и замечания; при недействительности сих мер доносить о неисправных управляющему. На директоре лежит наблюдение за хозяйственной частью хора и училища, за правильностью хранения и расходования сумм, за соблюдением внешнего порядка, чистоты и опрятности в помещениях.

При училище имеется Педагогический совет, непременно членами коего состоят: директор как председатель оного, старший учитель и регент. Прочие преподаватели могут быть приглашаемы директором в заседание совета с правом голоса совещательного, по соображению с предметами, подлежащими обсуждению. Совет созывается директором для разрешения различных вопросов, касающихся преподавания в училище и вообще ведения учебного дела, ежемесячно, а также в случае надобности и экстренно. Дела в совете решаются по большинству голосов, отдельные мнения подаются письменно и присоединяются к протоколам.

Педагогический совет имеет предметом своих занятий:

- а) назначение лиц в экзаменационные комиссии;
- б) рассмотрение баллов экзаменационных комиссий при решении вопросов о переводе учащихся в высшие классы; о назначении учеников к выпуску

из училища, о присуждении окончившим курс соответствующих аттестатов и об увольнении из училища по малоуспешности и по другим причинам;

в) обсуждение методов преподавания по музыкальным и научным предметам;

г) рассмотрение расписания спевков и уроков по классам, составляемого к началу учебного года директором;

д) рассмотрение предположений об изменениях в программах по указаниям опыта;

е) изыскание способов к предупреждению малоуспешности учащихся и к надежнейшему усвоению преподаваемых им предметов;

ж) выбор книг для библиотеки училища и правильная организация внеклассного чтения, а равно и письменных работ учащихся;

з) рассмотрение правил и инструкций по разным частям управления училищем;

и) рассмотрение правил о дисциплинарных взысканиях с учащихся, а равно изыскание и обсуждение общих мер к охранению и утверждению доброй нравственности между учащимися;

к) постановление заключений по вопросам, предлагаемым к обсуждению управляющим.

Как упомянуто было выше, при училище учреждается Наблюдательный совет, в который к участию в занятиях приглашаются управляющим знатоки церковного пения в неограниченном числе, при этом одному из сих последних по избранию управляющего присваивается звание постоянного члена и председательство в собраниях. Он получает определенное содержание и пользуется правом во всякое время посещать классы и спевки и, не делая распоряжений, о всем замеченном доводит до сведения управляющего. Члены Наблюдательного совета собираются председателем по мере надобности, а также по приглашению управляющего, когда он находит нужным предложить на обсуждение Совета какие-либо вопросы. Дела в совете решаются, по возможности, единодушным соглашением, особые мнения членов прилагаются к протоколам заседаний, кои все представляются председателем на утверждение управляющего. Составление протоколов возлагается на директора хора и училища.

Наблюдательный совет имеет предметом своих занятий:

а) изыскание мер к возвышению церковно-музыкального дела в училище и хоре;

б) участие в рассмотрении программ, методов обучения и выборе учебников по музыкальным предметам, преподаваемым в училище;

в) обсуждение и выбор церковных гармонизаций для исполнения Синадальным хором при богослужениях;

г) обсуждение и изыскание мер к охранению и распространению древних напевов Православной русской церкви в их первоначальной чистоте и неповрежденности;

д) обсуждение вопросов и предложений по церковно-музыкальному делу, предлагаемых управляющим, а равно сообщений о положении сего дела в училище со стороны постоянного члена-наблюдателя.

Директор, инспектор, регент и его помощник, три воспитателя, эконо́м и доктор состоят на государственной службе по высочайше утвержденному штату, а все остальные служебные лица в хоре и училище и преподаватели приглашаются за вознаграждение.

При училище состоит кастелянша, на обязанности коей лежит наблюдение за сохранением и чистотою столового и постельного белья, а одному из служителей поручается наблюдение за одеждой и обувью воспитанников.

Во все классы, кроме восьмого, допускаются в училище ученики приходящие, вносящие плату за полгода вперед в размере по назначению Хозяйственного управления лишь за пользование учебными пособиями и музыкальными инструментами. При поступлении своем они обязываются удовлетворительно выдержать испытание по всем предметам, уже пройденным в училище, и подчиняться всем правилам училища. Взрослые певчие имеют право посещать классы, не внося никакой платы. В случае, если представится к тому возможность, в заведение могут быть принимаемы на полное содержание своекоштные воспитанники за плату, во что обходится училищу содержание малолетнего певчего.

На будущее время предполагается прекратить отпуск певчих Синодального хора по приглашениям частных лиц для участия при богослужениях, что может быть допускаемо в уважительных случаях лишь в виде исключения по особому разрешению каждый раз управляющего. Такое постановление необходимо как в видах сбережения большего времени для классных занятий, так и в нравственном отношении. Так называемая «халтура» хотя и составляет весьма значительное подспорье в содержании хора, но ведет к весьма нежелательным последствиям: получая плату, по большей части соразмеряемую со степенью удовлетворения прихоти плательщиков, хор вынуждается уклоняться от принципов и требований правильного церковного пения, он должен петь излюбленные приглашающими переложения, по большей части составленные чуть не из оперных мотивов. Притом в торжественных случаях редко служба начинается в указанное время, а певчим приходится иногда ожидать ее начала довольно долго, когда они, безразлично, большие или малые, нередко проводят время в трактирах, в настоящее время мало чем отличающихся от кабаков.

То же происходит, когда их приглашают петь при храмовых праздниках раннюю и позднюю обедни, в промежуток между которыми им неудобно возвращаться домой. Наконец, особенно отличившимся, независимо от так называемых «чайных денег», уплачиваемых певчим сверх уговоренного вознаграждения, даются любителями пения подарки, что побуждает их пренебрегать не только указаниями, но даже и требованиями регентов, только

чтобы заслужить одобрение нередко от совершенных невежд. Одним словом, при халтуре немыслима правильная постановка пения в хоре, и она ведет к развращению как взрослых певчих, так и малолетних.

При этом нельзя не иметь в виду, что одних обязательных служб у Синодального хора весьма много (до 280-ти в году, считая вечерни, заутрени и обедни), кроме крестных ходов, требующих на совершение их весьма значительного времени. Дни таких богослужений часто не совпадают с признанными праздниками для других учебных заведений, что все вместе и без халтуры уже достаточно отнимает времени от классных занятий.

Бесспорно, что отсутствие халтуры поведет к возвышению расхода на содержание хора и училища, но пред этим останавливаться не следует, если только желательно, чтобы хор и училище были поставлены на желаемой высоте совершенства, тем более, что хор имеет свои специальные доходы с принадлежащего ему недвижимого имущества, которыми, при известных условиях, может покрываться это усиление расхода. В настоящее время доходы хора от недвижимого имущества достигают 34 652 рубля, а как сумма эта не покрывает исчисленного расхода на содержание хора и училища, то потребуются заимствование из других источников. Последнее, хотя и было бы желательно его избежать, не представляет особого затруднения, так как по истечении срока аренды Теплых рядов, когда Синодальный хор начнет получать полный доход со своего имущества, накопившийся за это время долг свободно покроется в четыре или пять лет.

Штат хора предполагается установить следующий: 50 мальчиков и 30 взрослых певчих составляют хор; сверх сего допускается средним числом 15 учеников, хотя уже не участвующих в хоре по причине спада с голоса, продолжать образование свое в высших специальных классах. Число взрослых певчих назначается в 30 человек на том основании, что часть их ежегодно поет в храме Двенадцати Апостолов, причем, если б отделять человек пять для этих служб в дни, когда весь хор участвует в службах Успенского собора, а тем более при крестных ходах, когда хор разделяется на четыре отдела, именно: один в церкви Двенадцати Апостолов, один для Успенского собора, один для сопровождения крестного хода и один для пения в храме, куда направился ход, то настоящего штатного числа взрослых певчих, именно 24-х, было бы недостаточно; последнее подтверждается и тем, что в настоящее время хор нанимает 9 взрослых певчих, покрывая этот расход чрез уделение им части казенного содержания и из халтуры.

В училище принимаются ученики всех сословий, православного исповедания, удовлетворяющие требованиям вступительных экзаменов, которые в особенности необходимы для посторонних хору лиц, так как иначе без достаточной подготовки они напрасно отнимали бы время у преподавателей. При сем, при равных условиях подготовки и способностей, преимуществом в приеме в училище и хор пользуются лица, принадлежащие к духовному

сословию. При выпуске без различия всем выдержавшим испытание, как воспитанникам училища, так и приходящим, выдаются свидетельства на получение аттестатов, соответствующих их познаниям.

Прием как малых, так и взрослых певчих производится по предварительном испытании старшим регентом их голоса, а музыкального слуха экзаменационной комиссией, собирающейся под председательством директора. Старший регент наблюдает за благоповедением певчих в церкви и во время спевков. Он и его помощник руководят хором в церкви и производят ежедневно спевки как отдельно для малых и больших певчих, так и для всего хора в совокупности. Он поручает в случае надобности помощнику своему наблюдать за перепискою нот как малолетними, так и взрослыми певчими. Вообще о всех нуждах хора он обращается к директору для доклада управляющему.

Все чины управления и хора получают содержание по утвержденному штату и расписанию, причем взрослые певчие, сообразно с древле установленным порядком, составляют две станицы (разряда) с двумя подразделениями в каждой, с различным содержанием, соразмеренным с их способностями и искусством. Кроме сего, они пользуются даровой квартирой с отоплением. Из одной станицы в другую певчие переходят: за отличие — в высшую, а за провинности — в низшую по утверждению управляющего.

Размер содержания для взрослых певчих исчислен по соображению с настоящим их вознаграждением, как казенным, так и получаемым от халтуры, с присовокуплением и денег, выдаваемых любителями на чай прямо им на руки. Если же при этом прослужившие в хоре 25 и 15 лет будут получать пожизненное вознаграждение хотя бы в умеренном размере, а более усердные будут удостоиваться почетных наград (медалей, звания почетного гражданина), то можно надеяться, что в хоре не откажутся служить певчие, обладающие хорошими голосами и при отсутствии халтуры.

В видах доставления развлечения воспитанникам в свободное от классных занятий время предполагается устраивать чтения, сопровождаемые теневыми картинками, и концерты, в коих могли бы участвовать наиболее успевающие воспитанники. Библиотеку имеется в виду снабдить как книгами специальными по всем преподаваемым в училище предметам, так и сочинениями выдающихся русских авторов духовно-нравственного и литературного содержания.

За сим было бы весьма желательно, чтобы установилось некоторое общение и связь училища и хора с существующими в Москве частными обществами церковного пения. Для сего по мере возбуждающихся вопросов относительно церковного пения при училище могли бы быть открываемы совещания, состоящие из лиц, компетентных в этом деле, любителей церковного пения и членов хора и училища, для разработки вопросов, относящихся до сего предмета. В таких собраниях звание председателя могло бы быть

возлагается на лицо, избираемое членами, а обязанности секретаря — на одного из преподавателей музыкальных предметов. При этом Синодальным хором могли бы исполняться подвергаемые оценке вновь составленные переложения.

В заключение позволю себе высказать мнение, что училище церковного пения, организованное на изложенных основаниях, по крайнему убеждению моему должно обладать всеми необходимыми данными к своему преуспеянию и развитию. Доставляя своим воспитанникам основательные знания по церковному пению, при тесной связи с церковью, училище обладает всеми способами образовать у нас в России новую школу церковного пения, с одной стороны, опирающуюся на завещанные нам предками предания, а с другой — не чуждую развития родных церковных мелодий сообразно с требованиями искусства и более утонченного современного образования. Нет причины сомневаться, чтобы среди получивших образование в училище не нашлось со временем талантливых композиторов, которые перенесут в свои переложения начала и направление, коими они прониклись с ученической скамьи. Наше народное церковное пение есть по преимуществу выражение чувствований, овладевающих молящимися от глубины души, когда забывается все человеческое и искусственное, но остается одно чувство смирения и сознания своей греховности. Посему и самый склад напевов принимает характер умиления и задушевности, так способный трогать наше сердце, чем объясняется то обстоятельство, что древнее церковное пение поражает наши чувства и при малоискусном исполнении, если только певцами сохраняется истинный его характер. Вместе с тем становится понятным, почему нам чужды переложения, хотя весьма талантливые, но не обладающие вышеуказанными свойствами: они тешат слух, они в состоянии возбуждать в нас удивление и доставлять удовольствие, но не располагают к молитве, к чему, однако, все должно быть направлено при богослужении.

Подлинную подписал управляющий А. Шишков¹.

Комментарии

1. Не вызывает сомнения, что данный проект, подписанный управляющим Московской Синодальной типографией А. Н. Шишковым, вообрал в себя идеи и проекты многих людей, принимавших участие в реформах училища. Двое из них — Д. В. Разумовский и Н. А. Губерт — упомянуты в «Пояснительной записке» как консультанты по составлению учебных программ. Однако Шишков забыл назвать имя еще одного известного московского музыканта — С. Н. Кругликова, также принимавшего самое активное участие в подготовительных работах (см. раздел «Семен Николаевич Кругликов» в первом томе). Именно Кругликов неоднократно высказывал мысль, что Синодальное училище должно стать центром подготовки духовных композиторов нового национального направления.

**Письмо управляющего Московской Синодальной типографией
А. Н. Шишкова к П. И. Чайковскому. 28 августа 1886 года***

Милостивый государь!

Извещаем Вас о том, что проект и штаты училища церковного пения при Синодальном хоре удостоились высочайшего утверждения 8 июня сего года и по распоряжению высшей духовной власти введены в действие с 15 августа 1886 года. Согласно подлежащим параграфам временных правил для управления Московским Синодальным хором и состоящим при нем училищем церковного пения, для наблюдений за благоустройством церковно-музыкальной части училища и для преуспевания Синодального хора в духе древнего православного церковного пения при хоре и училище учреждается Наблюдательный совет, в состав коего, кроме директора хора и училища, инспектора, регента и его помощника и преподавателей музыкальных предметов, входят знатоки древнего православного церковного пения, приглашение коих предоставлено управляющему.

Цель учреждения Наблюдательного совета:

- а) изыскание мер к возвышению церковно-музыкального дела в училище и хоре;
- б) обсуждение и выбор церковных гармонизаций для исполнения Синодальным хором при богослужениях;
- в) обсуждение и изыскание мер к охранению и распространению древних напевов православной русской церкви в их первоначальной чистоте и неповрежденности;
- г) обсуждение вопросов и предложений по церковно-певческому делу, предлагаемых управляющим, а равно сообщение о положении сего дела в училище со стороны членов-наблюдателей.

Наблюдательный совет собирается по назначению председателя оного или по приглашению управляющего, когда он находит нужным предложить на обсуждение совета какие-либо вопросы.

* Писарская копия. На бланке управляющего Московской Синодальной типографией.

Дело о приглашении о. протоиерея Разумовского на должность председателя Наблюдательного совета при хоре и училище, а гг. Чайковского и Губерта на должности членов того же совета — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 56 за 1886 год, л. 1—2.

В деле находятся три приглашения: на имена П. И. Чайковского, Н. А. Губерта и Д. В. Разумовского. Последнему предлагалась должность председателя Наблюдательного совета с гонораром в 500 рублей ежегодно. Ответных писем не обнаружено. В архиве Московской Синодальной конторы сохранились также письма А. Н. Шишкова к В. И. Сафонову, С. И. Танееву и А. С. Аренскому, датированные 28 ноября 1889 года: они приглашались на должности членов Наблюдательного совета вместо выбывших Разумовского, Губерта и Чайковского (см. ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 46 за 1889 год). В 1894 году на эту же должность был приглашен Николай Карлович фон Мекк — железнодорожный магнат, благотворитель Синодального хора и училища (пожертвовал 1000 рублей), старший сын Н. Ф. фон Мекк (см. ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 34 за 1894 год; № 37 за 1897 год).

Дела в совете решаются, по возможности, единодушным соглашением, особые мнения членов могут быть прилагаемы к протоколам заседаний Совета, кои все представляются председателем на утверждение управляющего. Составление протоколов возлагается на директора хора и училища. Члены и председатель Наблюдательного совета посещают училище, присутствуют на спевках и музыкальных классах и о всем замеченном, не делая лично никаких распоряжений, доводят до сведения управляющего.

Сообщая о вышесказанном, честь имею известить Ваше высококорodie, что я полагал бы большим приобретением для хора и училища, если бы Вам угодно было принять на себя звание члена Наблюдательного совета.

**Представление исполняющего должность директора
Синодального хора Н. Ф. Добровольского
управляющему Синодальным хором и училищем церковного пения
А. Н. Шишкову о распределении взрослых певчих Синодального хора
по станицам. 31 августа 1886 года***

На основании § 100 временных правил для управления Московским Синодальным хором имею честь представить на утверждение Вашего превосходительства распределение взрослых певчих по станицам и разрядам, составленное мною совместно с регентом Синодального хора губернским секретарем В. С. Орловым¹. <...>

Станица 1

Разряд 1

Разумов Иван, Беляев Алексей, Добровольский Павел

Разряд 2

Андреев Михаил, Стрельцов Василий, Беляев Виктор, Сперанский Михаил, вакансия, Лепехин Василий

Станица 2

Разряд 1

Тимофеев Дмитрий, Розов Иван, Демьянов Иван, Смирнов Евгений, Гунькин Федор, Смирнов Алексей, Пальшков Лука, Журавлев Петр, Протасов Модест, Беляев Николай

Разряд 2

Ярославов Петр, Дмитриевский Сергей, Власов Василий, Новиков Сергей, Шагеев Василий, Смыслов Александр, Демокритов Гавриил.

Певчих Резвикова Алексея и Протасова Сергея оставить за штатом ввиду слабости их голосов. Садикова Андрея, до сих пор состоявшего в штате певчих и не несшего обязанностей певчих, кроме чтения и пения в церкви

* Писарская копия. *О распределении певчих по станицам* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 42 за 1886 год, л. 1—2.

Двенадцати Апостолов, я полагаю бы справедливым за ненадобностью его для хора исключить из состава певчих Синодального хора; ввиду долголетней службы его (22 года) и многосемейности считаю своим долгом просить Ваше превосходительство о ходатайстве ему пожизненной пенсии.

Исполняющий должность директора Н. Добровольский.

Комментарии

1. Принцип организации Синодального хора по станицам восходит к Средневековью. Как и тогда, принадлежность певчих к высшим или низшим станицам определялась их опытностью и качеством голоса; это отражалось и на окладах. По всей видимости, во время богослужений певчие первой станицы, как и в старину, составляли хор правого клироса, а второй станицы — хор левого клироса. Схему расположения полного состава Синодального хора за воскресными и праздничными богослужениями в Успенском соборе см.: *Смирнов А. П.* Церковный календарь Синодального хора // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. I. С. 573.

Распоряжение А. Н. Шишкова Н. Ф. Добровольскому. 2 сентября 1886 года*

Предлагаю Вам объявить взрослым певчим Синодального хора, что новые штаты о хоре вводятся с 1 сентября сего года¹, с какого числа они начинают получать содержание свое согласно утвержденному положению с вычетом 2% в пенсионный капитал. Кроме положенного по штату жалованья взрослые певчие пользуются казенной квартирой и отоплением. Утвержденное мною распределение их по станицам и разрядам объявить певчим.

Управляющий А. Шишков.

Комментарии

1. По всей видимости, в связи с введением нового штатного расписания менялся и состав хора. Приведем для сравнения данные о Синодальном хоре за февраль 1886 года: 1-я станица, 1-й разряд — Куницын, Разумов, Сперанский, Андреев (оклад по 16 рублей 66 копеек); 1-я станица 1-й разряд половинного оклада — Смирнов Алексей, Крюков, Протасов, Побединский (по 8 рублей 32 копейки); 1-я станица, 2-й разряд — Михайловский, Лепехин, Беляев Алексей, Розов, Стрельцов, Гунькин (по 14 рублей 99 копеек); 2-я станица, 1-й разряд — Дмитриевский, Пальшков, Журавлев, Резвиков, Демокритов, Тимофеев (по 12 рублей 49 копеек); 2-я станица, 2-й разряд — Демьянов, Смирнов Евгений, Власов, Беляев Николай, Новиков, Садиков (псаломщик собора Двенадцати Апостолов) (по 11 рублей 24 копейки); сверхштат-

* Писарская копия. *О распределении певчих по станицам* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 42 за 1886 год, л. 3.

ный — Шагеев (жалованье из частных доходов) (РГАДА, ф. 1183, оп. 1, ч. 1, № 36 за 1886 год, л. 2—2 об.).

**Представление исполняющего должность директора
при Синодальном хоре Н. Ф. Добровольского управляющему
Синодальным хором и училищем церковного пения А. Н. Шишкову
о преподавателях и учащихся.
2 сентября 1886 года***

Вследствие предписания Вашего превосходительства от 13 августа сего года за № 5156 мною объявлено об открытии училища церковного пения. <...> Согласно высочайше утвержденному штату и постановлению Св. Синода в училище должно быть 50 учеников, количество же учеников за выходом и окончанием курса достигло 35-ти; посему принято в настоящее время еще 15 учеников, из них десять в 1-й и пять во 2-й классы. До настоящего времени состав преподавателей был следующий: законоучитель священник А. Н. Суходский, учитель церковнославянского языка кандидат Соловьев, учитель греческого языка священник И. Д. Арбеков, учитель латинского языка кандидат Покровский, учитель географии и арифметики кандидат И. Ключарев, учитель церковного пения А. Г. Полуэктов, учитель чистописания М. Ключарев. Я ходатайствовал бы пред Вашим превосходительством об утверждении вновь всего бывшего состава учителей с производством вознаграждения за уроки учителям, преподающим в 1-м и 2-м классах по 40 рублей за годовой час (§ 55 Временных правил по управлению Синодальным хором и училищем церковного пения), учителям 3-го и 4-го классов оплачивать уроки на прежних основаниях, то есть производить расчет из годового оклада по сметному расписанию на 1886 год. Класс сольфеджио поручить регенту Синодального хора В. С. Орлову с платою 40 рублей за годовой час (§ 55 Временных правил и § 61). При сем представляю составленное мною распределение уроков как вновь открытого училища, так и прежнего.

И. д. директора Н. Добровольский.

* Писарская копия. Представление исполняющего должность директора при Синодальном хоре Н. Добровольского — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 43 за 1886 год, л. 1—2.

**Отношение управляющего
Московским Синодальным хором и училищем церковного пения
А. Н. Шишкова в Хозяйственное управление при Св. Синоде
о разрешении использовать 200 рублей на приобретение нот.
20 ноября 1886 года***

Большинство духовно-музыкальных вокальных сочинений по мелодиям своим имеют характер, весьма мало приличествующий требованиям православного богослужения, почему весьма было бы желательно, чтобы в распоряжении Синодального хора имелось возможно большее число сочинений и переложений вполне церковного характера. Для сего необходимо приобретать и списывать издавна существующие в разных обителях (Глинской, Софроновской, Екатерининской и других пустынях, Троице-Сергиевой лавре, Киеве и проч.) напевы, а также переложения на несколько голосов молитвословий, помещенных в нотных синодальных изданиях. Это настолько бы обогатило репертуар Синодального хора, что дало бы ему возможность избегать исполнения в Успенском соборе иностранного характера музыкальных сочинений, заменив их более приличествующими древности храма сего и преданиям старины им представляемым.

Но как на предмет сей требуется производить некоторые затраты, то имею честь ходатайствовать о разрешении управлению Синодальным хором расходовать на приобретение древнего характера нотных сочинений и вновь составляемых переложений ежегодно до 200 рублей из сумм певческого капитала.



* Писарская копия. *О приобретении для Синодального хора древнего характера нотных сочинений* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 58 за 1886 год, л. 1—3. Помимо публикуемого документа в деле находится писарская копия предписания Хозяйственного управления при Св. Синоде от 23 декабря 1886 года, из которой следует, что Синодальному училищу было разрешено внести в смету на 1887 год статью о расходе 200 рублей из певческого капитала на приобретение и переписку древних сочинений и вновь созданных переложений.

1887 год

**Отзыв директора Московской консерватории С. И. Танеева
о духовно-музыкальных сочинениях Н. А. Римского-Корсакова,
Е. С. Азеева, А. А. Копылова и Г. Я. Ломакина.
30 октября 1887 года***

При бедности нашей духовно-музыкальной литературы представленные к одобрению членов Св. Синода управлением Императорской Придворной капеллы духовно-музыкальные сочинения и переложения гг. Римского-Корсакова, Азеева, Копылова и Ломакина представляют по своему содержанию вклад, хотя не в одинаковой степени ценный.

Первое по достоинству место в ряду представленных сочинений принадлежит, бесспорно, Римскому-Корсакову. Пользующийся известностью в музыкальном мире, г. Корсаков хотя и начинающий композитор духовно-музыкальных сочинений, тем не менее его сочинениями открывается совершенно новое и желательное направление нашей церковной музыки. При простой и в тоже время изящной гармонии, строгом соответствии текста и музыки материалом его сочинений служат как наши церковные мелодии, так и мотивы религиозных песен простого народа, сопровождаемые соответствующей их духу гармонизациею. Ко всему следует прибавить еще одно важное преимущество сочинений г. Римского-Корсакова — легкость исполнения их: они одинаково доступны как малому по составу, так и большому хору, как для опытных, так и для малоопытных певцов. Рекомендовать сочинения г. Римского-Корсакова для употребления при церковном богослужении весьма желательно.

Сочинения г. Азеева — почтенный труд и вклад в нашу церковно-музыкальную литературу. Его сочинения представляют труды двоякого рода: переложение мелодий Обихода и собственно сочинения. В своих трудах г. Азеев, так сказать, двоится: некоторые из представленных им сочинений по своему содержанию и характеру относятся к типу тех духовно-музыкальных сочинений, представителями которых служат Бортнянский, Львов и другие. В другой части своих сочинений у г. Азеева видно стремление к изобретению новых способов гармонизации: мелодии, сопровождающие главный голос, имеют с ним тематическое сродство, что заслуживает особенного внимания и похвалы. Г-н Азеев — знаток музыки и, еще больше того, знаток состава хора, что проглядывает во всех его сочинениях и пере-

* Писарская копия. *Дело с мнением относительно достоинств музыкальных сочинений* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 86 за 1887 год, л. 1—2.

ложениях; и это весьма важно для исполнителей и руководителей хоров. Все его сочинения могут быть одобрены к употреблению при церковных богослужениях.

Относительно сочинений г. Копылова можно сказать следующее. У г. Копылова с музыкальной стороны есть погрешность; в песнопении «Покаяния отверзи ми двери» на слог «ни» (у тенора) является синкопа, неудобная для исполнения в ритмическом отношении, далее на слове «благотутробною» встречается ряд звуков, нисходящих по ступеням гаммы в пределах децимы. Желательно было бы, чтобы каждый отдельный голос по возможности не имел таких мелодических ходов, которые не могут встретиться в церковных мелодиях. В общем труды г. Копылова могут быть допущены к употреблению в церковном богослужении.

Оригинальные сочинения г. Ломакина в смысле музыки не представляют чего-либо выдающегося. Ломакин — подражатель Бортнянского, Турчанинова и др., а потому препятствий к употреблению в церковном богослужении не имеет. Следует, впрочем, заметить, что во «Всенощном бдении знаменного распева» знаменного очень мало, а потому следовало бы при втором издании (если оно повторится) слова «знаменного распева» не печатать, дабы не вводить в заблуждение лиц, не имеющих знакомства с этим распевом.

**Письмо А. Н. Шишкова
обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву
с дополнениями к отзыву С. И. Танеева.
31 октября 1887 года***

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Константин Петрович.

Мнение относительно достоинств представленных музыкальных сочинений составлено по указаниям директора Московской императорской консерватории г. Танеева. При сем, согласно желанию его, в записке умалчивается о встречающемся недостатке в сочинениях Римского-Корсакова, состоящем в том, что разными голосами хора одновременно произносятся неодинаковые слова, что необходимо ведет к затемнению смысла исполняемых песнопений. Г-н Танеев сознавал этот недостаток, тем не менее посчитал возможным, по временам, прибегать к сему музыкальному приему как почти единственному украшению, допускаемому в духовно-музыкальных сочинениях.

С совершенным уважением и преданностью имею честь быть Вашего высокопревосходительства почтительный слуга А. Шишков.

* Черновой автограф. *Дело с мнением относительно достоинств музыкальных сочинений* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 86 за 1887 год, л. 3—3 об.

1888 год

**Письмо управляющего Московской Синодальной конторой
А. Н. Шишкова действительному статскому советнику Ф. Н. Плевако.
8 апреля 1888 года***

Милостивый государь Федор Никифорович! Считаю приятным долгом засвидетельствовать Вам мою глубокую признательность за пожертвованные Вами Московскому Синодальному училищу крюковые нотные рукописи, которые оказываются прекрасным пособием к осуществлению хором его задачи изучать и сохранять древние мотивы церковной музыки. Примите уверение в совершенном моем к Вам почтении и преданности.



* Писарская копия. *О пожертвованиях в библиотеку училища* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 33 за 1888 год, л. 3—3 об. Помимо представленного документа в деле находится письмо священника А. Свирелина о пожертвованиях в библиотеку Синодального училища церковных книг.

1889 год

Доклад обер-прокурору К. П. Победоносцеву «О московских частных духовно-певческих хорах». [Около 1889]*

Исторически установившееся за Москвой и донныне ей принадлежащее высокое значение в религиозной жизни русского народа проявляется, между прочим, и в беспрецедентном размножении здесь духовно-певческих хоров. Ревность москвичей к вере создала сорок сороков храмов московских и благолепно украсила их, то же духовное настроение требует, чтобы богослужение в них совершалось истово и торжественно. А так как ничто не содействует подобной торжественности в такой мере, как сладкогласное и благочинное пение, то в Москве с давних лет существует спрос на искусных духовных певцов; также издавна спрос этот нашел себе удовлетворение в двоякой форме: любительских и профессиональных певческих хоров. Хоры первого вида группируются обыкновенно около одного известного храма и прежде состояли по преимуществу из взрослых прихожан последнего, руководимых причетниками; ныне к участию в них привлекаются и малолетние из церковно-приходских школ или городских училищ; дело ведут здесь учи-

* Писцовая копия. *О московских частных духовно-певческих хорах* — РГАДА, ф.1183, оп. 4, № 565, л. 1—23. В деле находится также фрагмент инструкции Синодальному училищу по составлению отчета.

Публикуемый документ был, по всей видимости, составлен по просьбе К. П. Победоносцева, о чем свидетельствует непосредственное обращение к нему в тексте. Можно предположить, что оригинал документа хранился в Св. Синоде и в Синодальное училище его копия поступила во второй половине 1890-х годов в связи с подготовкой нового училищного Устава. Отчет не содержит подписи его автора. Некоторые сведения о нем удается установить на основе помещенной в журнале «Музыкальный труженик» (1909, № 7) заметки, которая посвящена общему собранию регентов московских частных хоров. В заметке процитированы некоторые положения публикуемого документа, а также сказано, что отчет был составлен 20 лет назад, то есть в 1889 году, предварительно посетившим все московские хоры «г-ном В. Д., сотрудником “Голоса Москвы”, для покойного К. П. Победоносцева» (С. 12). Примечательно, что примерно в то же время инспекцией московских частных церковных хоров занимался Д. В. Разумовский, в личном фонде которого в РГБ (ф. 380, № 4/23) сохранился черновой текст под названием «Московские хоры певчих» (около 1888), не законченный, по-видимому, за смертью автора. (Обзор материалов Разумовского на эту тему, а также некоторые другие сведения о московских частных хорах приводятся во вступительной статье к разделу концертных программ Синодального хора во второй книге данного тома, а также во вступительной статье к разделу «Общество любителей церковного пения» в третьем томе.)

теля пения этих школ, избираемые главным образом из бывших певчих. Чаще всего подобные хоры находятся под покровительством церковных старост, которые оказывают им и некоторую материальную поддержку. Иногда эти хоры возникают вполне по почину старост и составляются ими всецело из лиц, служащих в их торговых и промышленных заведениях или же из этих лиц выбираются только малолетние, а взрослых нанимает староста на свой счет, точно так же, как и регентов, которыми являются в большинстве случаев прежние певчие. Число подобных хоров в Москве простирается в настоящее время до 26-ти, но так как устройство и поддержание таких хоров вполне зависят от усмотрения старост, то число это постоянно изменяется.

Профессиональных певческих хоров в Москве ныне насчитывается до 19-ти, в них состоит до 512-ти мальчиков от 8-ми и до 14-ти лет и столько же взрослых от 16-ти до 50-ти лет. Впрочем, цифры эти нельзя признать совершенно точными, так как при собирании о сем сведений, как чрез полицию, так и при посещении хоров, показания о численности последних, даваемые их содержателями, постоянно клонились к тому, чтобы уменьшить число лиц, состоящих в хорах. Есть полное основание предполагать, что певческим трудом промышляет в Москве не менее 1200 человек. Такое количественное развитие певческого промысла в столице главным образом принадлежит последнему десятилетию, так как хоров, возникших ранее, в Москве не более восьми, из которых хор Лебедева по своему происхождению относится к 1849 году, Постникова — к 1854 году и Знаменского основан в 1860 году. Спрос на певчих, легкость собрать хор даже при весьма незначительных средствах со стороны предпринимателя, почти полное отсутствие регламентации певческого дела, а отсюда неограниченный простор для каждого содержателя хора вести в нем дело по собственному усмотрению, — вот причины, по которым беспрерывно возникают в Москве все новые и новые хоры, являющиеся конкурентами прежних, понижая заработную плату, следствием чего являются также нередкие в Москве случаи закрытия хоров.

При таком положении певческого дела последнее должно представляться одним из видов промышленности, правда — своеобразным по своему существу, но ничуть не отличающимся от других ремесел ни по характеру своих предпринимателей, ни по положению самих певчих. Ниже изложены будут подробные сведения о содержателях хоров; теперь же достаточно сказать, что они в подавляющем большинстве происходят из бывших певчих, для которых, как сказано, главным мотивом открыть свой хор было стремление добывать средства к жизни промыслом им знакомым и не стесненным притом же никакими законодательными нормами. Дело облегчается постоянно тем, что благодаря относительной давности развития в Москве певческого дела в ней составилась известный контингент певчих, правда, очень

невысокий по степени своих знаний и искусства в пении; из него-то и вербуются новый хор; при этом заботиться об обучении кого-либо даже элементарным приемам в пении не представляется никакой надобности: дети точно так же, как и взрослые, прямо «переманиваются» из ранее существовавших хоров. Вследствие такого приема в составлении хора последний начинает действовать с первых же дней своего возникновения. Большинство хоров, появившихся за последние десять лет, начинали дело именно так и до сего дня держатся главным образом на певчих, поступивших из других хоров, — таковы хоры Быкова (основан в 1887 году), Быстрова (основан в 1880 году), Веселова (хотя и давний, с 1870 года), Грязева (1881), Иванова (1886), Макеева (1879), Молодцова (1887), Озерецковского (1882), Скворцова* (1888) и Швецова (1889). Чисто промышленный характер этих хоров ясно сказывается на положении здесь малолетних: не обученных пению здесь принимают неохотнее, чем побывавших ранее в каком-нибудь хоре, и заботам об обучении детей уделяется возможно менее времени и средств. Пению обучают здесь главным образом только при разучивании пьес, а «словесности», то есть Закону Божию, русскому языку и арифметике только между прочим, в свободное время. У Грязева и Макеева — самые небольшие хоры — даже вовсе ничему не учат, и кроме спевков не бывает совершенно никаких занятий. У содержателей хоров этого типа коммерческие соображения выступают вполне осязательно, и прикрытые более широкими и гуманными притязаниями, как, например, в хоре Васильева — учреждение министерской начальной школы, не может скрасить истинного здесь положения дела. Эти же промышленные стремления характеризуют и жизнь прочих певческих хоров с тою только разницею, что здесь не только эксплуатируют лиц уже умеющих петь, но и готовят таковых: с голоса приучают детей к пению. Главным из таких рассадников певческого искусства, далеко, конечно, не соответствующего истинным требованиям, считается в Москве хор Васильева, в котором по частным сведениям состоит до 100 малолетних (официально заявлено лишь 50). Здесь, как и в других перечисленных хорах, принимают детей для обучения пению, наиболее способных обучают даже игре на скрипке, с декабря 1888 года учреждена начальная министерская школа, отсюда, как говорят, вышло много регентов в провинцию и в московские любительские хоры. Благодаря такому положению дела хор Васильева пользуется среди певчих известностью, но, к сожалению, результаты этой широкой деятельности хора оказываются крайне нежелательными. Научившись петь по общему певческому методу — с голоса, во время службы в хоре с голоса же составивши известный репертуар, вполне проникну-

* Теперь г-н Скворцов принимает детей, не обученных пению, но и до настоящего времени хор его как новый все же состоит главным образом из мальчиков, ранее бывших в других хорах.

тые ложными воззрениями на пение, которые сложились среди московских певчих, — более способные из певчих Васильева в качестве регентов разносят и в провинции и в любительских хорах эти же превратные воззрения на пение и первобытные грубые методы обучения ему. Это регенты-самоучки, и, конечно, не г-н Васильев повинен в их появлении, так как основным мотивом существования его хора, в жертву которому приносятся всякие чисто учебные соображения, являются все-таки халтуры: хор Васильева поет отделениями почти ежедневно, не стесняясь никакой даже самой низкой платой. Из остальных хоров — Андреева, Бажанова, Воздвиженского, Галичникова, Знаменского, Лебедева, Постникова, Шокорова — только в одном есть официально поставленная школа, в остальных же обучение происходит более или менее первобытным способом, в большинстве случаев с очень незначительными успехами. Только что поименованные хоры в большинстве принадлежат к старейшим по времени и более крупным по численности; этим объясняется, вероятно, что коммерческие чисто мотивы их существования проявляются не только в эксплуатации лиц уже привыкших петь, но и в подготовке таковых.

Взгляд на певческое дело как на промысел подтверждается возникновением в Москве за последнее время особого типа хоров, которые прикрываются названием любительских, но совершенно не подходят к этому виду хоров, как он охарактеризован выше. Впервые подобный, ложно называемый любительским, хор основан был московским купцом А. П. Поповым, который, пригласивши регента Федотова, обучил пению детей, служащих при его торговом предприятии; взрослых певчих он набрал из других хоров и стал отпускать составленный таким образом хор по найму, сделавши певческое дело одной из отраслей своей очень разнообразной торговли; теперь хором этим, как и всем торговым делом А. П. Попова, заведует брат его И. П. Попов. По примеру Попова и на таких же, как у него, основаниях на днях составил хор у купца Николаева; так как у подобного рода лиц певческое дело является только особой отраслью их торгового дела и требует для своего поддержания далеко не таких расходов, как содержание исключительно [любительского] хора, то можно предполагать, что пример Попова и Николаева найдет себе подражателей.

При многочисленности певческих хоров господствующее в них чисто промышленное направление вызывает самую горячую конкуренцию, которая ведет, впрочем, не к усовершенствованию в Москве церковного пения, а скорее к его упадку и к извращению церковно-музыкального вкуса публики. Репертуар частных певческих хоров составляется не по усмотрению содержателей хоров, между которыми есть все-таки и лица с музыкальным образованием; он всецело зависит от желания лиц, приглашающих хор, и чем более удастся содержателю хора угодить часто дурно воспитанному вкусу какого-нибудь любителя-старосты, тем для него выгоднее. Вследствие этого-

то московские храмы при торжественных богослужениях постоянно оглашаются наиболее вычурными произведениями русской церковной музыки, причем недостатки исполнения наверстываются шумностью пения с различными выкрикиваниями и solo. Не говоря уже об обычном средстве конкуренции — сбивании цены, среди содержателей хоров практикуется за последнее время особый способ привлекать к себе внимание публики. Парадные кафтаны Синодального и Чудовского хоров, придающие последним особое значение в глазах публики и являющиеся одной из подробностей обстановки в торжественном богослужении, подали некоторым из содержателей частных хоров мысль одеть подобным же образом и своих певчих. Такая затея, к сожалению, нашла средства к своему осуществлению в содействии военного ведомства. Трем хорам — Андреева, Быстрова и Галичникова — удалось приобрести звание полковых певчих: первому при Гренадерском Несвижском полку, второму при Гренадерском же Ростовском и третьему при Сумском Драгунском; по такому своему званию они пользуются правом носить парадные кафтаны. Право это за хорами Андреева и Быстрова утверждено особыми свидетельствами от управлений упомянутых полков. Так, командир 4-го Гренадерского Несвижского полка удостоверяет свидетельством от 3 января 1887 года за № 58, выданным содержателю духовного хора певчих Андрееву, что он, командир, предоставляет певчим Андреева [право] именоваться певчими 4-го Гренадерского Несвижского полка с правом ношения присвоенной парадной церковной певческой формы означенного полка. Подобным же образом и командир 2-го Гренадерского Ростовского полка в свидетельстве от 14 декабря 1888 года за № 6716, выданном содержателю духовного певческого хора Быстрову, удостоверяет, что певческому хору последнего как состоящему при указанном полку главным священником Гвардии и Гренадер, Армии и Флота от 2 декабря 1888 года за № 2098 разрешено иметь и носить при богослужениях, как в полковой церкви, так и в приходских церквях, парадные певческие кафтаны, сделанные по форме полка. Состояние певчих Быстрова в качестве полкового хора основано на письменном договоре Быстрова с полковым священником Ростовского полка от 14 декабря 1888 года, в коем между прочим изложено: 1) что Быстров обязуется в течение шести лет петь в полковой церкви все воскресные, праздничные, двенадцатые дни, все полковые службы и требы полка бесплатно, получая только в течение года чайных 100 рублей; 2) певческий хор Быстрова со времени заключения настоящего условия и утверждения его г-ном командиром полка получает название «духовный певческий хор, состоящий при 2-м Гренадерском Ростовском полку под управлением Н. П. Быстрова»^{*}; 3) сему хору как состоящему при Ростовском полку присваивается

^{*} Между тем Быстров как не имеющий диплома из Придворной капеллы не должен бы быть и содержателем даже хора, а тем более управлять им.

ношение парадных певческих кафтанов по форме полка, в коих Быстров имеет право петь не только в полковой церкви, но и во всех приходских церквях, на что полк выдает Быстрову отдельное свидетельство. На договоре этом после подписи заключающих его лиц значится: «Условие сие утверждаю. Командир полка флигель-адъютант полковник Худяков». На таких же основаниях, хотя и без письменного удостоверения, носят парадные кафтаны певчие Галичникова как состоящие при Сумском полку и певчие Знаменского, который состоит учителем церковного пения в Александровском военном училище. Последний объяснил, что он присвоил своему хору парадные кафтаны на основании словесного разрешения директора этого училища генерала Шванебаха, который будто бы испросил на это согласие у бывшего директора Придворной капеллы Бахметева. Благодаря склонности московской публики ко всякому внешнему проявлению торжественности в богослужении, форменные одеяния означенных хоров являются для них очень солидной рекомендацией и серьезным подспорьем в их промышленной деятельности.

Ввиду действительности такого средства, как парадные кафтаны, содержатели хоров не затрудняются приобретать это право даже путем бесплатной работы в полках, хотя, казалось бы, присвоение полковыми певчими права петь в парадных кафтанах и в приходских церквях не принадлежит компетенции военного ведомства. Таким же в сущности способом рекламы должно признать и присвоенное Ивановым своему хору название «Певческая капелла», красующееся крупными золотыми буквами на вывеске над помещением хора.

Вызывая эту широкую и неразборчивую на средства конкуренцию, господствующее в частных хорах промышленное направление имеет своими результатами как ненормальные условия в организации хоров, так и крайнюю неприглядность их быта.

Для организации певческих хоров до настоящего времени установлены законом очень льготные нормы. Духовно-певческий хор может открыть всякий желающий, лишь бы только он объявил, что у него заведовать обучением церковному пению будет лицо, имеющее аттестат из Придворной капеллы. Вследствие этого из 21-го московского хора только 8 содержатся лицами, имеющими такие аттестаты*, содержателями же остальных являются лица разных званий, не получившие систематического образования в церковной музыке. Так, Постников и Бажанов — московские псаломщики, Галичников — артист императорских театров; Андреев, Быстров, Молодцов — мещане; Швецов — крестьянин; Озерецковский — потомственный почетный гражданин, Макеев — запасный батальонный каптенармус; Шокоров — московский цеховой ленточного цеха, Грязев — сын артиста; все эти лица

* Сворцов и Иванов имеют дипломы 1-го разряда, Воздвиженский и Лебедев — 2-го, а Быков, Веселов, Васильев и Знаменский — 3-го разряда.

раньше сами были певчими. Те из них, которые получили на содержание хоров свидетельства из канцелярии московского обер-полицмейстера, официально содержат при своих хорах учителями пения лиц, имеющих аттестаты. Так, у Постникова состоит Белов, у Быстрова — Нешумов, у Галичникова — Сорокин, у Андреева — Преображенский, у Шокорова — Сахаров; Лебедев числится учителем пения при двух хорах — Бажанова и Молодцова, а Мечев даже при трех — Озерецковского, Макеева и Швецова. Из респонсов во время посещения хоров выяснялось всегда, что эти официальные учителя пения в хорах или вовсе не бывают или же приходят очень редко; так как эти же лица состоят учителями в монастырских и в любительских хорах и школах, малолетних приучают к пению везде так называемые «помощники учителей», другими словами, большие певчие тех же самых хоров. Общие спевки происходят здесь *всегда* под руководством хозяев, которые, как сказано выше, музыкального образования не получили. В указанных 8-ми хорах, содержимых лицами, имеющими аттестаты, занятия с малолетними поручаются также «помощникам» из певчих. Наконец, существуют в Москве хоры, на содержание которых у их хозяев не имеется даже разрешения полиции: таковы — Молодцова, Быкова, Грязева, Воздвиженского и Веселова, а также псевдолобительские — Попова и Николаева. Трое из этих лиц указаны в числе держателей, имеющих дипломы из Придворной капеллы, у Молодцова числится учителем пения Лебедев также с аттестатом, а для Грязева единственным основанием содержать хор, правда, всего в 10 человек, служит то обстоятельство, что и отец его содержал таковой же. Самый факт существования семи хоров, в коих состоит до 250-ти человек, без надлежащего разрешения достаточно характеризует положение в Москве певческих хоров со стороны их организации.

Обращаясь к бытовой стороне этих хоров, должно принять во внимание, что таковая является до настоящего времени предметом заботливости правительства лишь с точки зрения соблюдения хозяином правил гигиены в отношении к малолетним певчим. Привожу дословно текст свидетельства, выдаваемого из канцелярии обер-полицмейстера на право содержания «хора певчих для отправления церковных служб в Москве»; свидетельство это выдается «с тем, чтобы помещение для учеников, как равно и пища и одежда, вполне соответствовали предписанным в законе условиям гигиены, за чем местная полиция наблюдает, и за несоблюдение их, в особенности же за нарушение общих мер предосторожности против распространения прилипчивых и повальных болезней, виновные предаются судебному преследованию по ст. 102 Устава о наказаниях, налагаемых мировым судьей». Устанавливая таким образом надзор за бытом певчих только со стороны содержания детей согласно правилам гигиены, правительство все остальные ее стороны предоставляет на полное усмотрение держателей хоров; эти лица и устанавливают нормы этой жизни, исходя прежде всего из личных и ком-

мерческих соображений, в зависимости от которых и стоит судьба 1200 лиц, промысляющих в Москве певческим трудом.

Что касается взрослых певчих, контингент которых составляется из лиц разных сословий, по преимуществу же из крестьян, еще детьми отданных в певчие, то их отношения к хозяину исчерпываются участием в общих спевках и в церковных службах, за что они и получают жалованье, размеры которого, сообразно достоинству певцов, колеблются между 15 и 40 рублями в месяц; лучшие певчие в больших городах получают от 50 и до 70 рублей, но таких немного. Сверх жалованья взрослые певчие получают еще так называемые «чайные» деньги, выдаваемые всегда лицами, приглашающими хор, на руки самим певчим не в счет договорной платы с хозяином; соответственно своему положению в хоре каждый певчий зарабатывает таким образом ежемесячно от 10 и до 20 рублей. Взрослые певчие живут обыкновенно на частных квартирах; невысокая степень нравственного развития и большое количество свободного времени в связи с получаемыми разновременно «чайными» деньгами, уже самым своим названием как бы определенными не на прожитие, а на увеселенье после работы, — все эти обстоятельства являются причиной, почему большинство певчих отличаются распущенностью в образе жизни, чем и объясняется их недолговечность, — очень немногие из них доживают до 50 лет.

Для характеристики отношений, которые установились в Москве между держателями хоров и взрослыми певчими, приводится печатный текст обязательства, отбираемого в хоре Иванова, носящем громкое название капеллы, от каждого вновь поступающего певчего. «Поступая в певческую капеллу Ф. А. Иванова, я обязуюсь: 1) Исполнять все церковные службы, репетиции, спектакли и концерты, на которые буду назначаем. 2) Служить честно интересам капеллы и устранять себя от всего того, что может вредить как нравственному, так и материальному ее благосостоянию. 3) К исполнению своих обязанностей являться всегда в трезвом и приличном виде; в противном случае подлежу штрафам в следующем размере». Следует перечисление всевозможных случаев, когда берутся штрафы, суммою от 1 рубля до двух третей месячного жалованья. В других хорах письменных условий со взрослыми певчими не практикуется, но основания службы те же, что и сформулированные у Иванова. Обязывая певчего к точному исполнению им своих обязанностей даже путем штрафов, хозяин в то же время не дает ему со своей стороны никаких гарантий на то, что заработная плата будет выдаваема ему сполна и своевременно, следствием чего бывают очень обычные в жизни хоров случаи недоплаты или даже вовсе неуплаты жалованья, почему певчие постоянно перекочевывают из одного хора в другой. Для хозяина оставление его хора тем или другим певчим не влечет обыкновенно никаких затруднений, так как на место выбывшего всегда найдется несколько бедняков-претендентов.

На положении малолетних певчих личное и бесконтрольное усмотрение содержателей хоров в устройстве их внутренней жизни проявляется особенно выразительно. Дети по преимуществу живут в помещении хозяев, хотя в некоторых хорах, как у Галичникова, Шокорова, Швецова, Макеева и Веселова, есть приходящие малолетние певчие, которые проживают на квартирах у родителей и за пение в хоре получают жалование от 4 и до 12 рублей в месяц. В квартирах хозяев проживает 477 детей, распределенных на 19 хоров, из которых в самом большом — у Васильева — проживает свыше 50 человек, а в незначительных хорах, каковы Грязева, Макеева и Веселова, от 3 до 6. По происхождению малолетние певчие распределяются приблизительно таким образом: крестьянских детей 59,8%, мещанских и цеховых 29,5%, солдатских детей 6,4%, купеческих детей и разночинцев 2,3% и духовного звания 2%. Контингент их пополняется главным образом из уездов Московской и прилегающих к ней губерний, а также из самой Москвы. В хоре Знаменского дети главным образом из сел Алексина и Дворников Рузского уезда, а у Лебедева из Бронницкого и Коломенского уездов, что объясняется происхождением содержателей этих хоров из упомянутых местностей. К Шокорову поступают дети из подмосковного села Всехсвятского по рекомендации монахинь Головинской общины, где Шокоров был учителем пения. При помощи таких и подобных им связей и вербуются дети в частные певческие хоры.

Дети принимаются в хор обыкновенно 8-ми лет и поступают на полное содержание хозяев, от которых получают квартиру, стол и верхнюю одежду; что касается носильного белья, то таковое лежит на заботливости родителей, причем в большинстве хоров на белье выдается хозяином от 3-х до 5-ти рублей в год. После того как хозяин ознакомится с мальчиком и признает его для хора полезным, он заключает с родителями письменное условие, большею частию домашнее, в котором устанавливается, что родитель отдает сына своего содержателю хора для обучения нотному и партесному пению и русской грамоте (иногда также письмоводству и счетоводству) на известный срок. Прочие пункты условия те же, что употребляются в договорах на отдачу в ученье всякому ремеслу. В некоторых хорах, как у Галичникова, Быкова, Грязева, Андреева, Молодцова и Швецова, подобных письменных условий вовсе не практикуется; в большей части других, наряду с законтрактрованными, держат мальчиков и по словесным только договорам, — вследствие чего детям предоставляется свобода переходить из одного хора в другой; хотя, впрочем, и письменные условия являются к этому слишком слабым препятствием.

Во время посещения мною хоров представлялась полная возможность убедиться, как относятся содержатели хоров к принятой ими на себя обязанности содержать учеников во всем согласно требованиям гигиены. Чрез грязный вход я проникал обыкновенно в помещение хора. Более или менее

обширная и почти всегда грязная комната, лишенная обыкновенно всякой мебелировки, рекомендовалась как «класс», где происходят спевки и учебные занятия, иногда здесь же по стенам стояли постели. Далее следовали спальни, иногда в подвале, низкие, плохо вентилируемые, в которых кровати расставлены как можно теснее; за недостатком места детские кровати стоят в разных темных тесных чуланчиках, а иногда даже в кухне; за теснотой дети часто спят по двое на одной постели, матрацы и постельное белье почти везде оказывались крайне грязными; в спальнях же происходят иногда спевки по отделениям. Столовою почти везде служит кухня; отдельные помещения часто расположены в разных этажах, а иногда даже в разных зданиях, так что сообщение между ними происходит или чрез холодные грязные деревянные лестницы, или прямо через двор. Комната, где спят певчие у Грязева, помещается в мезонине, так что потолок ее устроен в форме двускатной крыши; даже в середине комнаты человек среднего роста не может выпрямиться, а в этой комнате помещается шесть человек, из них четверо детей. Что касается одежды малолетних певчих, то в большинстве случаев она состояла из грязного белья, сверх которого зимой надеты были изорванные блузки, — летом дети ходят даже босиком. Как кормят детей в некоторых хорах, можно заключать из того, что о Бажанове не раз приходилось слышать, что он «морит мальчиков голодом», а вследствие жалобы, поданной певчими из «капеллы» Иванова по этому же поводу на имя обер-полицмейстера, недавно подтверждено было участковым приставам наблюдать за исполнением содержанием хором их обязанностей относительно учеников. Когда я приезжал во время, свободное от хоровых занятий, то находил детей или бегающими во дворе без всякого присмотра или же играющими в спальнях. Правда, во всех хорах при детях имеются дядьки из отставных солдат или из певчих, но деятельность их мало заметна.

Наблюдая, насколько исполняются хозяевами их обязательства пред родителями состоящих в хорах детей — обучать последних нотному и партесному пению, а равно и грамоте, нельзя не согласиться, что обязательство это в практическом применении далеко не ведет к тем результатам, которых можно было бы от него ожидать. В тех хорах, где детей принимают прямо от родителей, не существует никакой школы пения. Кое-как приучают детей к нотной азбуке, наскоро сообщают самые элементарные сведения по части чтения партитур и прямо переходят к разучиванию пьес. Заученные часто с голоса партии и составляют весь запас познаний ребенка, с которым он и начинает свое скитание, переманиваемый теми хозяевами, которые не берут на себя даже и этого небольшого труда — приучить ребенка к пению. Занятия на скрипке являются делом очень немногих из наиболее способных детей и происходят по их личному желанию то без всякого руководства, то при случайных указаниях со стороны хозяина или кого-нибудь из взрослых певчих. Следствием такой постановки дела познания взрослых певчих в пении крайне неудовлетворительны. Большинство из них не умеют читать нот

и поют всегда на память, исполнение при этом бывает всегда грубое и крикливое. Постановка обучения грамоте, или, как выражаются певчие, «словесности» в хорах оказывается столь же слабою, хотя и обнаруживается некоторое стремление упорядочить это дело устройством при хорах правильно поставленных начальных школ, как у Быкова, Васильева, Воздвиженского и Иванова, но это пока еще отдельные явления, в основе которых лежит исключительно стремление исполнить требование родителей о доставлении детям льготы по отбыванию воинской повинности, что ставится часто необходимым условием при отдаче ребенка в хор. Правда, при каждом хоре числится учитель «словесности» или из лиц духовного звания, или из семинаристов, но систематических занятий почти нигде не существует; учатся в свободное от хоровых занятий время и не каждый день, всюду наблюдается недостаток учебных пособий; этим объясняются крайне слабые познания детей в Законе Божиим и первоначальных даже правилах грамматики и арифметики, которые обнаруживались из ответов на предложенные детям самые простые вопросы, — так, дети, пробывшие в хоре Шокорова уже три года, не знают даже таблицы умножения.

В очень малой степени сообщая детям даже профессиональные познания, слабо развивая их умственные способности, настоящий строй жизни хоров не способствует развитию в мальчиках и добрых нравственных правил. Вне хоровых занятий у детей остается довольно свободного времени, которое не наполняется какими-нибудь полезными упражнениями, а предоставляется на их свободное распоряжение, что приучает детей к праздности. Кроме того везде в хорах существует обычай между ранней и поздней обеднями водить мальчиков в трактиры, где они пьют чай, так как храм, где поет известное отделение хора, бывает иногда очень удален от места жительства хозяина хора; с другой стороны — трактиры служат пунктами, где собирается отделение хора, здесь ожидают взрослых, которые сходятся прямо с квартир; благодаря этому дети с ранних лет привыкают к трактирной обстановке и бывают свидетелями грубых сцен, в ней происходящих. А так как здесь малолетние бывают со взрослыми певчими, о распущенности которых уже сказано, то допускаются иногда к участию в питье водки, игре на бильярде, за каковыми занятиями и коротают время ожидания. Подобные привычки, приобретаемые с ранних лет, накладывают на певчих печать, которая поддерживает их дурную репутацию в Москве.

Крайне вредное влияние на нравственность малолетних оказывают «чайные» деньги. Наравне со взрослыми певчими после служб к приглашавшему хор лицу подходит и кто-нибудь из детей и требует на чай мальчикам; в силу обычая такое требование удовлетворяется. Получивши известную сумму, дети или по своему усмотрению делят ее между собой, причем лучшие получают до 10 копеек каждый раз, а более слабые и по 3 копейки, или же отдают хозяину, который собирает их в «кружку»; скопившиеся в ней деньги разделяются в известные сроки и выдаются родите-

лям — на долю более способных детей, таким образом, выпадает до 8 рублей в месяц, слабейшие зарабатывают рублей до трех. И тот и другой распорядок в чайных деньгах ведет одинаково к печальным результатам. В первом случае, получивши деньги на руки, дети истрачивают их на лакомства, на табак, а иногда даже и на водку и игру на бильярде. Поступая к хозяину в «кружку», чайные деньги являются причиной также нежелательных явлений. Не говоря уже о постоянных пререканиях с родителями о размере выдачи чайных денег, подобное распоряжение не нравится детям, которые знают, что в других хорах чайные раздаются на руки. Поэтому дети, немного научившись пению, оставляют хоры, где заведены «кружки», и переходят к хозяевам, которые, как они выражаются, не вступаются в чайные деньги. Со стороны родителей препятствий к этому не встречается, ибо мальчик, умеющий петь, поступает уже на жалованье, которое и получают родители, а чайные, иногда за выделением чего-нибудь матери или отцу, все-таки остаются у малолетнего. Ввиду подобных явлений некоторые хозяева чайные деньги от ранней обедни отдают детям, а остальные берут в «кружку» для выдачи родителям. Знаменский, впрочем, эту «кружку» обращает на приобретение учебных пособий; Быстров же, собирая деньги в «кружку», оставляет их в своем распоряжении, выдавая из них пособия детям по окончании контрактов. От самих содержателей хоров часто приходится слышать, что чайные деньги ведут только к неприятностям и дурно влияют на детей. Не меньшее зло приносит и существующий во многих хорах обычай держать малолетних на жалованье, что практикуется в отношении к детям, живущим у хозяев без условий. Как бы незначительно это жалованье ни было (3—6 рублей), оно является причиной, по которой дети, мало научившись пению, но с хорошими голосами, часто перемещаются из одного хора в другой, где им предложат жалованье рублем больше. Родители, принадлежащие обыкновенно к беднейшему классу, даже поощряют такие перемещения и часто нарушают условия, лишь бы получить что-нибудь от своего ребенка, не принимая во внимание вреда подобного поведения. При развивающейся подобным образом вольности в детях является отсутствие возможности обучить их хотя тому немногому, что может дать содержатель хора; один хозяин говорит, например: «Чем я могу заставить мальчика учиться: не хочет — и не учится».

Таково настоящее положение частных московских певческих хоров. Вестрой их жизни обусловлен тем же промышленным духом, который лежит в основе их происхождения, подобный строй сложился сам собою, и до сих пор не предпринято было ни одной меры, которую хоры были бы введены в круг благоустроенных учреждений. Поэтому-то певческие хоры в Москве и не являются в настоящее время учреждениями правильно организованными, обеспечивающими за лицами, в них состоящими, известную степень умственного развития или материального благосостояния и потому полезными для государства. Певческое дело стало в Москве только ремеслом, и притом

таким, которое не дает лицам, посвятившим себя ему, никаких гарантий за то, что в случае потери голоса, явления далеко не редкого, лица эти не останутся безо всяких средств к жизни, вынеся из прежней своей профессии только любовь к праздности, а часто и к разгулу, и равно никаких полезных знаний. Подобные следствия ненормального положения певческого дела в Москве сказываются на судьбе так называемых «спадышей». При временной потере голоса, сопровождающей переход от детства к юности, дети остаются обыкновенно в хорах до появления голоса вновь. За это время они за стол и квартиру у хозяина или служат в качестве дядек для малолетних, или переписывают ноты, или же исполняют черную работу в хозяйстве, фигурируя иногда «для счета» в отделениях при пении в храмах, а особенно во время проводов на кладбище. Если по истечении известного периода голос возвращается, то подростки эти начинают деятельность в качестве взрослых певчих, сначала от жалованья 6—10 рублей; в случае же если голос пропадет, то юноша должен приискывать себе какое-нибудь другое занятие, поступать в услужение сидельцем, лакеем и т. п. Впрочем, привычка считать себя по прежней профессии чем-то прикосновенным к миру артистов и усвоенные в певческой жизни взгляды и склонности редко позволяют юноше примириться с трудовой долей, и из него вырабатывается человек, берущийся за все и за вся, ни к чему не годный и всего чаще очень дурно кончающий. Судьба певчего, потерявшего голос в более зрелом возрасте, еще плачевнее: неспособность ни к какому труду в связи с выработанными певческим бытом чертами характера ведет обыкновенно бывшего певчего в кадры того пролетариата, который влачит жалкое существование в притонах нищеты и разврата.

При том сильно прогрессирующем росте числа певческих хоров, который замечается за последнее время, указанные явления, ныне пока немногочисленные, угрожают принять широкие размеры, а потому признавалось бы благовременным поставить певческое дело в Москве в более нормальные условия. Как указывалось выше, до сих пор это дело развивалось вне всякой регламентации, в формах, какие приданы были ему личным усмотрением содержателей хоров; ныне формы эти до известной степени представляются уже освященными давностью, наряду с этим певческие хоры существуют по инициативе частных лиц, для которых это дело дает средства к существованию, в большинстве случаев очень скромные. Случайность денежных поступлений, их ненадежность и постоянное колебание размеров заработка имеют здесь своим последствием то, что содержатели хоров, как они выражаются, обыкновенно сводят лишь концы с концами. Ввиду всего этого при урегулировании певческого дела в Москве необходимо иметь в виду, чтобы принимаемые к сему меры служили к деятельному улучшению положения дела, а вместе с сим не были бы чрезмерно обременительными для лиц, имеющих хор, так как предъявление к содержателям хоров больших требований, связанных с денежными затратами и со стеснением деятельности хо-

ров, может повести лишь к ослаблению певческого дела в Москве и к закрытию многих хоров, что представлялось бы нежелательным, так как существование правильно поставленных певческих хоров далеко не бесполезно для церкви.

Что касается вопроса, какому правительственному учреждению принадлежит заведование частными певческими хорами, каковой вопрос до сего времени оставался открытым, то представлялось бы, что это заведование всецело должно принадлежать церковной власти. Церковное пение признавалось всегда органической частью православного богослужения, его судьба всегда была предметом заботливости церковного правительства, а посему и лица, посвящающие себя этому церковному искусству и во время богослужения входящие до известной степени в состав клира, лица эти в своей церковной деятельности должны состоять под ведением церковной власти. Признавалось бы весьма желательным, чтобы церковные певческие хоры как можно более проникались сознанием своего церковного служения, чтобы состоящие в них лица соответствовали достоинству этого служения и по нравственным своим качествам, и по степени умственного развития, и по знанию своего дела. Позволительно думать, что такая постановка дела может осуществиться только по введении певческого дела в круг деятельности церковного правительства. А так как при этом весьма желательно, чтобы улучшение положения певческих хоров в Москве шло в связи с общими для всей империи мероприятиями по церковному пению центрального духовного правительства, то признавалось бы наиболее удобным сосредоточить наблюдение за хорами в руках не епархиальной московской, а синодальной власти. Посему представлялось бы весьма целесообразным поставить певческие хоры под главное наблюдение Вашего Высокопревосходительства, ближайшее же заведование оными могло бы быть поручено одному из штатных лиц, состоящих при особе Вашего Высокопревосходительства; таким образом, учреждение управления частными певческими хорами не потребовало бы особого штата и лишних расходов со стороны духовного ведомства; при сем для нужного письмоводства лицо, назначенное Вашим Высокопревосходительством для заведования хорами, могло бы пользоваться канцелярией Московской Св. Синода конторы по соглашению с ее прокурором. Тогда под ведением Вашего Высокопревосходительства состояла бы как организация хоров, так и все стороны их внутренней жизни и внешней обстановки¹. Лицо же, назначенное Вашим Высокопревосходительством для непосредственного заведования хорами, могло бы руководствоваться правилами, которые с высочайшего Его Императорского Величества соизволения будут издаваемы Вашим Высокопревосходительством и проект которых мог бы быть составлен этим же лицом по ближайшем ознакомлении с положением певческого дела в Москве и в ближайшем соответствии с его потребностями. На тот же случай, если кто-либо из содержателей хоров отказывался вести дело сообразно изданным Вашим Высокопревосходительством прави-

лам, то по отношению к таковым могли бы быть применяемы меры взыскания в форме замечаний, выговоров и предупреждений, причем в случае недействительности этих мер, хотя бы при трехкратном их применении, как высшая мера взыскания могло бы быть употребляемо воспрещение лицам неисправным содержать в Москве певческий хор.

По принятии частных певческих хоров в свое ведение церковная власть будет, конечно, иметь первым предметом своего попечения поднятие нравственного и умственного уровня лиц, состоящих в хорах, а равно и возвышение их познаний в области их специальности. Исполнение такой задачи может быть достигнуто путем систематического обучения детей как Закону Божию и грамоте, так и началам певческого искусства. Так как хоры существуют единственно благодаря халтурам, которые случаются в разное время, причем и спевки к ним происходят иногда не в урочные часы, то нет возможности требовать, чтобы содержатели хоров посылали детей в школы. Вместе с тем, к хозяевам хоров со стороны родителей малолетних певчих предъявляется требование доставить детям льготу по исполнению воинской повинности; поэтому при всех почти хорах номинально или действительно существуют школы. Ввиду этого не было бы мерою новой и обременительной для содержателей хоров, если бы при хорах были организованы начальные училища — по типу церковно-приходских школ при больших хорах и школ грамотности при менее многочисленных; в таком случае общежития малолетних получили бы характер ночлежных приютов при школах. Тогда и учебная часть в хорах и внешняя обстановка жизни малолетних певчих вошли бы в круг ведомства Кирилло-Мефодиевского братства, вследствие чего и независимо от Вашего Высокопревосходительством назначенного особого чиновника, о. о. наблюдатели за московскими церковно-приходскими школами получили бы право и возможность следить и за образом жизни малолетних певчих. Что же касается искусственной части, то признавалось бы необходимым установить в хорах обучение детей нотной азбуке до степени свободного чтения нот с листа и православному церковному пению в основных чертах его осмогласия и древних напевов. Подобная постановка учебного и церковно-певческого дела в хорах дала бы возможность детям, выходящим из хоров за потерей голоса, со временем поступать на псаломщические места в селах или же определяться трапезниками при московских церквях, где бы они с пользой могли бы приложить знания, приобретенные во время пребывания в хорах. Подробные правила о постановке учебного и музыкального дела в хорах, о распределении предметов и учебных часов могли бы быть выработаны одновременно с изданием вышеупомянутых правил для частных певческих хоров.

По положению частных певческих хоров, насколько оно выяснилось в настоящее время, признавалось бы целесообразным урегулировать певческое дело в Москве на вышеизложенных основаниях, посему и представлялось бы благовременным испрашивать высочайшее Его Императорского

Величества соизволение на приведение в действие нижеследующих общих оснований по заведованию московскими частными певческими хорами, каковые основания и могли бы послужить почвой для издания подробных правил для этих хоров. Эти главные основания, которые должны быть таким образом изданы в законодательном порядке, могли бы быть сформулированы следующим образом:

1. Московские частные духовно-певческие хоры подчиняются обер-прокурору Св. Синода.

2. Обер-прокурор Св. Синода разрешает открытие частных духовно-певческих хоров и закрывает оные, когда признает это нужным, а равно ему же принадлежит высшее наблюдение за тем, чтобы лица, открывшие хоры, в содержании и деятельности оных строго соблюдали существующие по сему законоположения и особо издаваемые для сего в установленном порядке правила.

3. Обер-прокурор Св. Синода в потребных случаях своей властью подвергает содержателей хоров дисциплинарным взысканиям, а при более важных нарушениях лишает виновных права содержать певческий хор в Москве на известный срок, а при повторении таких нарушений и навсегда.

4. Обер-прокурору Св. Синода предоставляется издать подробные правила касательно открытия хоров, их содержания, отношения содержателей хоров к певчим, а равно предметов, которым должны обучаться малолетние певчие, и объема преподавания. Вместе с тем обер-прокурору предоставляется разъяснять существующие по певческому делу законоположения и дополнять изданные им для хоров правила в пределах их главных оснований.

5. Для ближайшего заведования московскими частными певческими хорами особого штата не учреждается; заведование это поручается обер-прокурором Св. Синода чиновникам духовного ведомства по его усмотрению. Для потребного же в кругу деятельности сих чиновников письмоводства они пользуются канцелярией Московской Св. Синода конторы с ведома ее прокурора.

6. Для частных духовно-певческих хоров учреждается особая форменная одежда, которую лица, состоящие в хорах, носят во время богослужений².

Комментарии

1. В конце концов наблюдение за московскими частными церковно-певческими хорами было возложено на Наблюдательный совет Синодального училища, о чем появилась запись в Уставе училища 1897 года.

2. В некотором смысле подобные рекомендации могут считаться прообразом Устава частных церковно-певческих хоров г. Москвы, впервые обнародованного Наблюдательным советом в 1906 году (см. публикацию с. 474—479).

1894 год

**Ходатайство директора Синодального училища С. В. Смоленского
перед прокурором Московской Синодальной конторы
А. А. Ширинским-Шихматовым об официальном признании курсов
для взрослых певчих Синодального хора.
18 февраля 1894 года***

Его сиятельству, господину управляющему Синодальным хором и училищем церковного пения князю А. А. Ширинскому-Шихматову.

Я уже имел честь словесно докладывать Вашему сиятельству, что с 4 ноября 1889 года в вверенном мне Синодальном училище церковного пения были заведены курсы музыкальных наук и церковного пения для взрослых певчих Синодального хора. Первоначальным поводом к заведению таких курсов, ныне существующих уже пятый год и вполне необходимых на будущее время, была крайне малая музыкальная компетентность Синодального хора, хорошо певшего тогда лишь потому, что хор был достаточно сложен и удовлетворителен только с внешне показной стороны, но не был тем образцово интеллигентным в музыкальном отношении и первоклассным учреждением, каким Синодальный хор должен быть непременно и к чему он приближается в настоящее время хотя и медленными, но верными шагами.

С самого начала курсов для взрослых певчих было принято за правило, что программа преподавания ограничится лишь сообщением тех элементарных и непосредственно надобных для всякого хорошего певчего сведений из церковного пения и музыкальных наук, которые образовали для Синодального хора хотя бы певчих, твердо знающих гласовые напевы и музыкальные ноты. Но уже к концу первого учебного 1889/90 года в среде молодых взрослых певчих проявился неудержимый порыв к учению, подтверждавшийся самыми неожиданными успехами и самым удивительным прилежанием.

Эти успехи и прилежание неожиданно оказавшихся учеников в то время так возбудили меня, регента В. С. Орлова и покойного преподавателя А. Г. Полуэктова, что мы, считая это явление временным благородным ув-

* Автограф. *Переписка об организации курсов хорового пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 121, л. 1—4 об. В деле представлены автографы Смоленского, связанные с учреждением курсов для взрослых певчих Синодального хора, писарская копия ответа обер-прокурора Победоносцева, проект свидетельства об окончании курсов для взрослых певчих, а также заявление (автограф) А. В. Никольского.

лечением, решили попытаться расширить программу предположенных курсов и ввели с начала 1890/91 учебного года уже два курса взрослых певчих, старший и младший. Оказалось, что младший курс сформировался сам собою из вновь поступивших в хор молодых людей и из певчих, не доверявших нашему начинанию в предшествовавшем году. Успехи этого года были столь же отличны. В 1891/92 учебном году, точно так же вполне добровольно, составилось три курса взрослых певчих, и мы, руководители этих занятий, вполне убежденные уже в отличной пользе и полной жизненности наших курсов, стали настойчивее вести занятия, план которых еще тогда сложился в пятилетние курсы и ныне вполне оправдался на деле. Таким образом, это утешительное явление должно считать ныне уже прошедшим достаточный искус, на основании которого можно говорить о надобности открытия при Синодальном училище курсов для взрослых певчих Синодального хора с достаточною положительностью и совершенным ручательством за полный успех и отличную пользу этого дела.

Отличное прилежание и совершенно неожиданная благоуспешность взрослых певчих в усвоении даже высших музыкальных познаний заставили меня вдуматься в причины этого явления и обсудить те результаты занятий, которые ныне совершенно изменили дисциплину Синодального хора до неузнаваемости к лучшему, изменили самое пение этого хора и даже поведение и образ жизни взрослых певчих. Позволяю себе кратко доложить Вашему сиятельству некоторые части моих по сему наблюдений.

Все певческие хоры России, начиная от Императорской Придворной капеллы и Синодального хора и кончая любым хором в уездном городе, состояются (исключая весьма редких «любителей церковного пения») из неудачников в школах, из людей, не выучившихся какому-либо мастерству, не успевших пристроиться куда-либо на службу и т. п. Все эти люди, как показали многочисленные наблюдения, почти поголовно не имеют о музыке и пении никакого понятия и взялись за свой голос как за последнюю счастливую возможность добыть хотя какой-нибудь кусок хлеба, иметь труд, хотя бы напоминающий собою не ремесло, а труд художественный, интеллигентный. В то же время все эти люди, в большинстве от 20 до 25 лет, когда избирается певческая профессия, уже успели испытать иногда очень горькие неудачи, большую нужду, успели понять свою неподготовленность ни к какому труду, успели иногда увидеть всякую степень падения от праздности и от напряженно нервного певческого труда. Неожиданно оказавшийся хороший голос и, иногда, некоторая с юных лет наметка в клиросном пении являются этим людям спасительными для них соломинками, за которые они хватаются со всею силою. Но практика указывает еще на одну грустную для многих из этих людей подробность, заставляющую огромное большинство людей с отличными голосами навсегда отказаться от профессии певчего или усвоить себе множество печальных пороков, с которыми, к стыду нашему,

так неразлучно понятие о певчем. Невозможность где-нибудь выучиться хотя сколько-нибудь церковному пению и музыке, необходимость возвысить свой заработок заставляют людей, посвящающих себя певческой профессии, собрать все силы ума и музыкального дарования, дабы быстро усвоить себе множество богослужебных текстов и напевов, множество разных композиций и тем удержаться в избранной профессии. Можно сказать с уверенностью, что из ста таких людей едва ли 10—15 человек остаются певчими на многие годы, несмотря на весьма высокий процент между ними вполне способных людей.

Причина этого явления заключается в том, что при изумительной, ставшей иностранцев в тупик способности русских людей к многоголосному пению, к совершенно точному запоминанию на слух огромного числа труднейших по своей сложности композиций, к усвоению их и пониманию без малейшего музыкального образования, во всей России выработались по отношению к церковным хорам певчих такие непомерно высокие требования, например, вроде пения концертов, удовлетворить которые при отсутствии правильного музыкального образования могут только люди с отличной памятью, с отличной музыкальной восприимчивостью, одаренные притом если не музыкальным талантом, то по крайней мере хорошими способностями к музыке. Эти же требования, как выше указано, делают то, что огромное большинство желавших быть певчими скоро бросают это занятие по недостатку памяти и дара музыкальной интерпретации. Зато небольшая кучка людей, оставшихся певчими и привыкших к этому искусству и его обстановке в России, должна быть, несомненно, отлично способна к музыке и пению в частности. По этой же причине мы часто слышим в наших церквях глубочайшие музыкальные вдохновения, исполненные самими заурядными певчими с удивительною законченностью, и тут же, немедленно, во время нашего душевного умиления, оскорбляемся грубейшими ошибками неуча-регента. Явление это, к сожалению, так обычно, что не вызывает ни удивления, ни даже размышления о его причинах и о средствах к его посильному ослаблению. Однако это явление в своей сущности чрезвычайно просто: регент-неуч (коим несть числа) очень талантлив; певчие у такого регента даровиты не менее своего хозяина. Простое упорядочение знаний этих певцов сделает хор их отличным, и это дело в своей сущности чрезвычайно легко и удобоисполнимо.

Я докладываю эти соображения Вашему сиятельству столь убежденно именно потому, что синодальные певчие доказали их на самом деле. Среди разных неудачников, бывших у нас [и] ранее и среди вновь поступивших, оказались люди с совершенно неожиданными способностями к пению и музыке. Прежняя практика этих певцов выработала из них хороших знатоков множества произведений певческой литературы; участие в Синодальном хоре и ознакомило этих певцов с художественным, тонко изящным испол-

нением тех произведений, образовало их вкус и приучило различать дрянные, крикливые пьесы и всякую безграмотную дрянность от истинно вдохновенных произведений; наконец, пройденные этими певцами научно-музыкальные курсы объяснили им с научной стороны все то, что они смутно и давно предполагали, сознавали по догадкам и что они поняли теперь во всем свете художественной красоты.

Понятно, что при такой постановке дела, ныне уже утвердившегося, стали уже невозможны печальные атрибуты понятия о певчем, и потому пьянство, грубость, азартные игры и пение из-за рубля в чужих хорах и из-под палки в Синодальном хоре ныне бесповоротно и сами собою отошли в область наших грустных преданий и заменились совершенною трезвостью, тихой трудовой жизнью, благовоспитанно-сдержанным поведением и самым утешительным прилежанием в ученье и службе. Понятна также сила увлечения высшими музыкальными познаниями, очевидными и отличными успехами, неслыханными в кругу рядовых певчих. Понятна, наконец, и сила возродившейся надежды вырваться из ряда неудачников и проложить себе дорогу в люди, к труду более обеспеченному и вполне интеллигентному.

С другой стороны, Синодальному хору отныне уже нельзя бросить обучение взрослых певчих, так как стремление к ученью уже вкоренилось в их среде, и кроме того каждый молодой человек, вновь принятый в хор, прежде всего стремится у нас скорее выучиться, чтобы не быть смешным и не затруднять весь хор своим незнанием. Главная масса взрослых певчих (исключая, конечно, стариков, дослуживающихся до пенсии), уже прослушала обязательные для всех младшие курсы, и таким образом в настоящее время в каждом из наших курсов имеется лишь по два-три человека, не считая, конечно, младшие курсы, где с вновь поступающими число слушателей доходит до пяти—семи человек. Опыт всех последних лет убедил меня и всех моих сотрудников, что совместное обучение взрослых певчих в таком числе с мальчиками старших классов Синодального училища (также весьма малолетних) нисколько не вредит ни училищной дисциплине, ни общей благоуспешности и на самом деле даже весьма удобно и полезно для наших мальчиков.

Наконец, нельзя не обратить внимание и на экономическую сторону этих курсов. Получаемое взрослым певчим музыкальное образование достается ему совершенно бесплатно, что в кругу этих бедняков и неудачников есть сущее благодеяние, имеющее притом столь высокую цену, что у нас, несмотря на наши весьма низкие оклады жалованья певчим, несравненно меньшие, чем во всех московских хорах, получается возможность иметь в числе певчих людей с отличными голосами, людей молодых, энергичных, даровитых, готовых за малое жалованье и ученье вытерпеть весь поистине тяжкий труд синодальных певчих, столь мало урегулированный в отношении к Успенскому собору. Ныне курсы для взрослых певчих Синодального

хора, необходимые сами по себе и уже существующие пять учебных годов, проверенные ежегодными экзаменами, представляются отличным средством для поддержания благосостояния Синодального хора и снабжения его наилучшими голосами.

Излишне затем прибавлять, что эти курсы не стоили Св. Синоду и впредь не будут стоить ни одной копейки.

В настоящее время программы курсов для взрослых певчих установились в следующем виде:

Первый курс: первоначальные голосовые упражнения; 1-й курс сольфеджио; изучение всех гласовых напевов; изучение всех главнейших богослужебных текстов: стихир, тропарей и канонов воскресных и праздничных; элементарная теория музыки.

Второй курс: 2-й курс сольфеджио; древне-одногласное церковное пение всех роспевов по изданиям Св. Синода и 1-й курс гармонии.

Третий курс: 3-й курс сольфеджио; продолжение изучения древне-одногласного церковного пения с анализом роспевов; 2-й курс гармонии.

Четвертый курс: контрапункт строгого стиля; ознакомление с крюковой нотацией, история церковного пения в России; чтение певческой партитуры; практические занятия по управлению хором при исполнении простого пения.

Пятый курс: контрапункт свободного стиля; формы музыкальных сочинений; история церковного пения в России; чтение более сложных партитур; управление хором при исполнении сложных многоголосных композиций; постановка детских голосов и методика.

Все эти предметы проходятся сполна по программам, принятым в Синодальном училище церковного пения¹.

В настоящее время из взрослых певчих Синодального хора обучаются в первом курсе 9 человек, во втором курсе — 4, в третьем курсе — 5 человек, в четвертом курсе — 2 человека и в пятом курсе также 2, всего же 22.

Независимо от изучения вышеупомянутых предметов обязательно требуется игра на фортепиано в объеме возможностей исполнить любой гласовый четырехголосный напев и любую хоровую партию какого-либо партесного сочинения. Так как Синодальное училище не имеет возможности предложить взрослым певчим уроки на фортепиано, то изучение этой игры, как выяснил опыт, достигается при помощи частных уроков преподавателей училища, оплачиваемых певчими по самой дешевой цене. В случае, когда кто-либо из взрослых певчих играет на скрипке, изучение фортепианной игры все-таки остается обязательным.

Для утверждения этих курсов, как несомненно полезных и надобных для Синодального хора и правильного развития певческого дела вообще, необходимо соединить их официальное существование с тем нравственным удовлетворением, которое вознаграждало бы каждого взрослого певчего и

подкрепляло в нем энергию в труде. Я полагаю, что интерес к учению и вознаграждение за труд были бы вполне прочно и заслуженно уставлены, если бы наши взрослые певчие, прошедшие с успехом вышеизложенные курсы, могли быть удостоены права управлять церковными хорами, преподавать пение в учебных заведениях и содержать собственные хоры. Такой выход в люди, без всякого сомнения, навсегда обеспечил бы отличное состояние Синодального хора и навсегда обеспечил бы образование из певчих отличных регентов, которыми мы так бедны, начиная от столиц.

Так как было бы неосновательно сравнивать учеников Синодального училища церковного пения с учащимися взрослыми певчими, ибо первые получают систематическое общее и музыкальное образование, вторые же изучают только предметы, имеющие непосредственное отношение к обязанностям регента и преподавателя церковного пения, то я полагаю, что было бы вполне справедливо по достоинству знаний, получаемых взрослыми синодальными певчими на их курсах, вполне целесообразно ввиду повсеместной нужды в регентах и преподавателях церковного пения дать педагогическому собранию правления Синодального училища церковного пения и Синодального хора дозволение удаивать взрослых певчих выдачи им особых *удостоверений* (но не дипломов или аттестатов) в том, что им дозволяется быть регентами церковных хоров, преподавателями церковного пения в учебных заведениях и содержателями собственных хоров. Такие удостоверения, служащие не более как рекомендациею Московского Синодального хора и училища церковного пения, отнюдь не имеющие характера дипломов или аттестатов и отнюдь не соединенные с приобретением гражданских прав и привилегий, давали бы нашим певчим вполне справедливо и заслуженно возможность достойно трудиться и приносить пользу нашему искусству и святой Церкви.

Жизненность обучения наших взрослых певчих, кроме отличных их успехов и благодетельных для Синодального хора результатов в художественном и дисциплинарном отношениях, доказываются еще и тем, что Москва уже успела оценить успехи этого обучения. Наши взрослые певчие потихоньку, как не имеющие никаких аттестатов и прав на преподавание, все-таки преподают во множестве здешних городских школ, в полковых хорах, даже в гимназиях, лучших женских пансионах (например, Магá и т. п.); и бывший певчий Солнцев в течение лета 1892 и 1893 годов был вызываем в село Ильинское для управления хором по личному усмотрению его высочества великого князя Сергея Александровича, не пожелавшего иметь иного регента, кроме певчего Солнцева. Высоко ценя такое внимание к нашему рядовому певчему, я все-таки могу утверждать, что ныне Синодальный хор может выставить таких отличных регентов, как певчий Солнцев, добрый десяток, за который я поручусь во всем, касающемся церковного клиросного пения.

Полагая, что мое ходатайство об учреждении курсов для взрослых певчих Синодального хора и об удостоении успешно кончивших те курсы вышеизъясненных удостоверений может быть утверждено и разрешено определением Св. Синода, честь имею ходатайствовать перед Вашим сиятельством дать настоящему надлежащий ход².

Общие правила курсов, по моему мнению, должны заключаться в следующих немногих параграфах:

§ 1. Прохождение курсов для взрослых певчих Синодального хора обязательно для всех поступающих в хор.

§ 2. Платы за обучение не полагается.

§ 3. Преподаватели Синодального училища, кроме преподавателей игры на инструментах, обязаны заниматься на курсах бесплатно.

Директор Степан Смоленский.

Комментарии

1. Свои занятия на курсах для взрослых певчих Синодального хора, учрежденных Смоленским, описывает в письмах 1894 года А. В. Никольский (см. публикацию в первом томе серии). Сохранились также составленные им конспекты лекций по истории церковного пения, теории музыки, сольфеджио и контрапункту; эти предметы будущий композитор посещал вместе с учениками Синодального училища (ГЦММК, ф. 294, № 379).

2. 2 апреля 1894 года на основе ходатайства Смоленского был составлен запрос в Св. Синод; 6 мая того же года пришел ответ Победоносцева, в котором обер-прокурор подчеркнул важность и полезность курсов, однако официальное их признание, в силу отсутствия соответствующей статьи в Уставе училища, счел невозможным. Вместе с тем он одобрил выдачу свидетельств, в которых содержалось бы указание, что выпускнику курсов *дозволяется* исполнять обязанности регента церковного хора и учителя церковного пения.

**Рапорт директора Синодального училища С. В. Смоленского
прокурору Московской Синодальной конторы
А. А. Ширинскому-Шихматову о недопустимости присутствия
посторонней публики на училищных всенощных.
27 августа 1894 года***

Ввиду приближающегося со второй половины сентября месяца начала служения домашних всенощных в Синодальном училище церковного пения, честь имею представить на благоусмотрение Вашего сиятельства нижеследующие мои соображения, на основании которых я считаю необходимым

* Автограф. *Дело о недопущении посторонней публики ко всенощным бдениям, совершаемым в зале Синодального училища церковного пения* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 58 за 1894 год, л. 1—2.

ходатайствовать о недопущении впредь на наши домашние всенощные посторонних посетителей.

Наши всенощные начались с осени 1889 года¹, и первоначальною их целью, кроме религиозного назидания наших учеников, было предположено стремление избегнуть замеченного между менее опытными мальчиками-певчими запамятования порядка и напевов этой самой трудной по своему разнообразию службы, а также и стремление обратить некоторое внимание московского общества на преобразованные Синодальное училище и Синодальный хор. В частности было предположено, чтобы, по мере возможности, старшие ученики, управляя в удобных случаях хором и читая положенное, приобрели бы соответствующую их образованию и назначению опытность в управлении хором, в обращении с церковными книгами и чтобы Синодальный хор, исполняя за теми всенощными некоторые песнопения древним роспевом, приобрел бы некоторую опытность в унисонном пении.

Опыт пяти лет показал, однако, что, по причине доступности наших всенощных для посторонних посетителей, достижение вышеуказанных столь ограниченных, хотя и насущных, для училища целей совершенно недостижимо и что продолжение искусственно созданного порядка наших всенощных совершенно не соответствует ни возвышенно-трогательному содержанию этих служб, ни задачам училища, ни нашим удобствам, ни, наконец, нашим настоятельнейшим нуждам. Принимая на себя смелость откровенно доложить Вашему сиятельству, что, благодаря установившейся репутации нашего хора и отличным удобствам нашего училищного зала, огромное большинство посетителей интересовалось не службою Божиею с ее простыми гласовыми напевами, а так называемыми «партесными» сочинениями, изредка исполнявшимися за нашими всенощными; то же большинство очень скучало за пением многих стихир, ирмосов, выражая даже претензии, почему не поются «нотные» ирмосы, и, наконец, или сидело большую часть службы, или уходило из залы при продолжительных чтениях кафизм, паремий и т. п., выражая между собою мнения, что «не стоило приходить, чтобы слушать ненотное пение», и тому подобное.

При таком вынужденном у нас подчинении требованиям публики наши старшие воспитанники, конечно, еще малоопытные в управлении хором, очень стеснялись петь и управлять хором при посторонних посетителях, стеснялись управлять взрослыми певчими Синодального хора, в свою очередь стеснявшимися петь под управлением малоопытного ученика вместо регента. Нельзя не сознаться еще и в том, что, стесняясь присутствием публики и сберегая репутацию Синодального училища и хора, мне и регенту, невольно и скрепя сердце, приходилось сокращать число случаев, когда управление хором поручалось отчасти даже самым способным ученикам. Менее способным ученикам, застенчивым, робким, которым бы следовало всего более управлять хором, по самой постановке наших всенощных при-

шлось наоборот совсем устранился от управления хором за этими службами. Таким же путем сократилось у нас и церковное чтение, ставшее обязанностью двух-трех бойких чтецов, освоившихся с этим делом, ибо неопытность, неразвязность, робость, недостаточно окрепшие мужские голоса мальчиков препятствовали нам образовать правильное очередное чтение для всех старших учеников. Точно так же под влиянием мнений посетителей сократилось и число песнопений, исполнявшихся древним напевом, число стихир на «Господи воззвах», на стиховне, на хвалитех, число ирмосов, значительно ослабляя в наших учениках знание многих богослужебных текстов, роспевов и саму твердость в соблюдении церковного устава.

Таким образом, наши домашние всеобщие, будучи направлены именно присутствием посторонних посетителей лишь к доставлению публике музыкально-эстетического удовольствия, оставляли неудовлетворенными наши самые настоятельные нужды. Мы тратили на эти службы наши самые лучшие певческие силы, ибо за откомандированием к заутреням в Успенский собор значительного числа взрослых певчих приходилось уравнивать остальное число взрослых певцов незначительным числом малолетних певчих, конечно, самых лучших и опытных. По этой причине мы сами невольно лишали возможности петь всеобщие тех мальчиков, которым это пение было очень нужно, и заставляли идти самых опытных мальчиков, чтобы не произвести невыгодного впечатления на публику, привыкшую к постоянно отличному пению Синодального хора, и не повредить репутации Синодального училища. Между тем именно в приучении вновь поступивших и менее опытных мальчиков к труднейшему для них речитативному пению стихир, ирмосов, тропарей на гласовые напевы, — именно в приучении к церковному чтению, к пользованию церковным уставом и в приучении управлять хором состояла и должна впредь состоять цель наших домашних всеобщих, ныне не дающих нам не только возможности достигнуть этих целей со всеми удобствами домашнего богослужения, но даже не дающих и надлежащего религиозного назидания именно по присутствию посторонних посетителей.

Устранив от наших домашних всеобщих эту стесняющую нас публику, со вкусами которой нельзя не считаться, если мы хотели бы сохранить прежний искусственно созданный характер тех служб, я полагаю вполне возможным и настоятельно надобным придать нашим всеобщим более строгий порядок и воспользоваться при том всеми имеющимися у нас средствами, чтобы ежегодно выпускать из училища вполне опытных регентов и чтецов, твердо знающих церковный устав в самом трудном приложении его к всеобщей службе, — чтобы действительно изучить с малоопытными начинающими мальчиками эту службу и чтобы дать нашим ученикам возможность слушать несравненно более назидательное богослужение.

Посему я полагаю целесообразным устроить пение за нашими всеобщими на два хора под управлением двух очередных старших воспитанников

и под наблюдением г. регента, составленных из всех вновь поступивших мальчиков, учеников 1-го и 2-го классов и из всех старших мальчиков, переживших уже *mutatio vocis*. В помощь такому хору мы будем присоединять по несколько взрослых певчих, свободных от заутрени в те дни в Успенском соборе. Управление хорами (правым и левым) вверяется только ученикам 7-го и 8-го классов, чтение же — ученикам 6-го и 5-го классов по заранее установленной очереди. Пение — только простое.

Директор Ст. Смоленский.

Комментарии

1. Обычай приглашения на училищные всенощные посторонней публики был введен прокурором Московской Синодальной конторы А. Н. Шишковым. В 1894 году, воспользовавшись уходом Шишкова с этой должности, Смоленский предпринял попытку изменить подобную ситуацию. (См. описание училищных всенощных, превратившихся в светские рауты, в Воспоминаниях С. В. Смоленского в первом и четвертом томах серии.)

Ответ А. А. Ширинского-Шихматова С. В. Смоленскому. 17 сентября 1894 года*

Милостивый государь Степан Васильевич!

Канцелярия г. обер-прокурора Св. Синода в отношении от 12 сего сентября за № 4860 сообщает, что его высокопревосходительство изволил признать справедливым не допускать постороннюю публику ко всенощным бдениям, совершаемым в зале Синодального училища церковного пения, с целью возвратить сказанным службам тот воспитательный характер, который имелся в виду при их учреждении.

Уведомляя, при этом Вас прошу принять уверение в совершенном моем почтении.

* Писарская копия с редакционной правкой на бланке прокурора Московской Св. Синода конторы. *Дело о недопущении посторонней публики ко всенощным бдениям, совершаемым в зале Синодального училища церковного пения* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 58 за 1894 год, л. 6—6 об.

Рапорт С. В. Смоленского
управляющему Синодальным хором и училищем церковного пения
о певчем И. Г. Сугробове.
[Первая половина 1890-х]*

Певчий Сугробов¹ за службой сего числа в Успенском соборе наговорил г. регенту Орлову самых невозможных дерзостей. Имея в виду кроме такого нетерпимого поведения взрослого певчего Сугробова еще и полную неискренность его по службе, почтительнейше ходатайствую об удалении Сугробова из Синодального хора.

Директор Степан Смоленский.

Ваше превосходительство! Сугробов божится, клянется, кланяется, просит и обещает смириться совсем, лишь бы только умереть в числе синодальных певчих. Посылаю его к Вашей милости, меня же он совсем растрогал своим простодушием. Хоть бы и простить!

Ваш преданный слуга Ст. Смоленский.

[Резолюция:] По распоряжению его превосходительства оставить без последствий.

Комментарии

1. И. Г. Сугробов принадлежал к числу легендарных московских октавистов. Он состоял в Синодальном хоре с перерывами с 1873 по 1895 год, когда вследствие расстроенного здоровья в возрасте 47-ми лет был отставлен от хора с назначением за его заслуги пожизненной пенсии в размере 160 рублей в год. Заступничество Смоленского за покаявшегося Сугробова объясняется следующими строками его воспоминаний об этом певчем: «Я не слышал за всю мою жизнь лучшего голоса и не видал лучшего дарования. <...> Сугробов был сущий артист в душе, горчайший пьяница, величайший чудака и самодур, человек с самой ангельской, самой кроткой душой, с самым отзывчивым сердцем» (Г. I. С. 74).



* Автограф Смоленского. *О принятии в Синодальный хор взрослого певчего Ивана Сугробова* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 83 за 1887 год, л. 2—3. В деле: прошение Сугробова о зачислении на службу в Синодальный хор, рапорт Смоленского управляющему Синодальным училищем и хором, рапорт обер-прокурора Св. Синода о назначении Сугробову пенсии по его выходе из хора.

1895 год

**Докладная записка помощника регента Синодального хора
А. Д. Кастальского директору Синодального училища С. В. Смоленскому.
17 сентября 1895***

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Во время сегодняшней утрени в Успенском соборе певчий Лазарев, а вместе с ним Смыслов, Лебедев, Галявкин, да, кажется, и остальные, кроме Марева, позволили себе неудержимый смех, который при моем негодовании даже усилился так, что я принужден был бросить управление и уйти из собора. Лазарев в особенности много позволял себе разговаривать и смеяться, несмотря на мои многократные замечания. Отсутствовали Орловский и Курский. Считаю для себя тяжелым лично передавать Вам об этом. Извините, что причиняю Вам такую неприятность.

Ваш А. Кастальский.

Один из посторонних богомольцев также был возмущен поведением певчих, что и высказал мне лично.

Высказывание В. С. Орлова в связи с обсуждением проекта Устава Синодального училища. [1895]**

Преувеличенное знание теории музыки отнюдь не служит гарантией к успеху дела, во всяком случае не может быть дипломом на звание хорошего музыканта и совершенно легко может оказаться пустым местом у человека без идеи в голове. Мы в качестве Синодального училища церковного пения должны щегольнуть не столько знанием теории музыки, сколько возможностью внести новый луч света в область церковного пения Православной церкви, доселе почивающего на чуждых нам законах. Пускай свободный

* Автограф. *Письма А. Д. Кастальского к С. В. Смоленскому* — РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 146, л. 1.

** Автограф. *О переработке Устава Синодального училища церковного пения* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 71 за 1895 год, л. 217—218. В деле: комплект официальной документации, посвященной выработке Устава Синодального училища церковного училища (в окончательной редакции) Устав высочайше одобрен 19 января 1897 года).

Публикуемый документ представляет собой ответ В. С. Орлова неизвестному оппоненту во время спора, который, по всей видимости, возник во время обсуждения проекта нового Устава.

стиль музыки выродится из старого стиля... Но поскольку же касается это сообщение регента, понимаю в нашем смысле.

Руководителям подобает отнестись с уважением и благоговением к представителям стилей — в размере силы, действующей в них, насиловать же учеников к пониманию Баха и Палестрины — преступление. Знакомство с этими основами для нас, само собою разумеется, необходимо (но скажу по секрету: больше для того, чтобы не показаться невеждами пред профессорами теории музыки) и для учеников, поскольку оно может относиться к живому делу.

Что мы может заимствовать у них? Ловкое проведение мотивов на все сочинение по всем голосам, чем особенно замечательны Бах и Палестрина, едва ль применимо у нас. Мы, народ православный, пока еще не выросли до того, чтобы задохнуться от восторга перед такого рода сочинениями.

Смешно также, чтобы с нашей стороны изучать законы привитого нам уродства как бы для того, чтобы и впредь быть в состоянии самим производить это уродство или, по крайней мере, относиться с преувеличением к тем, которые считают еще это нужным делать. Не нам считаться с семинариями, а семинарии пусть считаются с нами. Равно и Придворная капелла нам не пример. Синодальное училище — маяк, пока еще тускло освещенный, но и теперь долженствующий указывать путь. Хороша церковная музыка на Западе, но там она развивалась столетиями, пускай и у нас *наше* развивается тоже столетиями. Мы не желаем насиловать себя.

В. Орлов.



1896 год

Соображения и замечания С. В. Смоленского по поводу проекта нового Устава Синодального училища. 16 января 1896 года*

В § 1 положено, что Синодальное училище служит указанной ему цели «усовершенствованием образцового Синодального хора (п. «в») и (п. «г»), надзором за частными хорами в России и особенно в Москве». Слово «образцового» мне представляется излишним. Затем во всем дальнейшем изложении проекта нет ничего, что выясняло бы средства и пределы надзора Синодального училища за частными хорами в России, его направление и правоспособность¹.

[Запись на полях рукой А. А. Ширинского-Шихматова] *С своей стороны полагаю напротив, а именно, что Синодальное училище обязано иметь хор образцовым, для чего имеет и возможность, и что, между прочим, должно быть одной из целей этого специального учебного заведения.*

В § 5 мне представляется необходимым указать, что регентское отделение училища разделяется на младшее (VI—VII классы) и старшее (VIII—IX классы), так как этим вполне соответственно программам музыкальных предметов устанавливается возможность удостоения степеней помощника регента для кончивших курс в V классе (что много выше у нас, чем приготовительный регентский курс в Певческой капелле), регента — для кончивших курс в VII классе и учителя церковного пения и теории музыки — для кончивших полный курс. Степени эти высочайше утверждены и потому должны быть оставлены и для Синодального училища (см. § 85)².

* Автограф С. В. Смоленского с замечаниями на полях А. А. Ширинского-Шихматова. *Замечания на проект Устава Синодального училища* — РГАДА, ф. 1183, оп. 4, № 645, л. 1—28. На заголовке дела надпись рукой Смоленского: «Секретно».

Поводом для написания Смоленским данной рецензии послужил составленный прокурором Московской Синодальной конторы А. А. Ширинским-Шихматовым проект нового Устава Синодального училища. Как писал Смоленский, Ширинский-Шихматов в этом проекте показал свое непонимание «педагогического дела и всю ширину его мечтаний о будущем существовании, так сказать, Синодального училища при прокуратуре, а не наоборот» (Т. I. С. 93). Большая часть замечаний Смоленского была посвящена доказательствам неприемлемости и необоснованности амбиций прокурора. Однако многие другие замечания касались непосредственно задач и внутреннего устройства училища и хора. Именно эти фрагменты рецензии Смоленского, а также реплики на них Ширинского-Шихматова приводятся в данной публикации. (О том, какой сложной оказалась дальнейшая борьба за новый Устав, см. в Воспоминаниях Смоленского.)

§ 6 было бы удобнее изложить так: «При училище учреждаются: а) одно-классная церковно-приходская школа, предназначающаяся, кроме обучения мальчиков по программам этих школ, как для приготовления малолетних певчих Синодального хора, так и для практических в ней по пению занятий учеников регентского отделения Синодального училища и б) одногодичные церковно-певческие курсы, предназначающиеся для усовершенствования в церковном пении как для окончивших курс в духовных семинариях, присылаемых в Синодальное училище в качестве епархиальных стипендиатов, так и для взрослых певчих Синодального хора и посторонних слушателей».

Следующее затем изложение предметов обучения на церковно-певческих курсах мне представляется более удобным перенести гораздо далее (около § 79), так как в главе I «Общие положения» нет надобности указывать второстепенные подробности.

Согласен.

В этом изложении я считал бы надобным или отменить совсем или более развить последнее правило: «Программа этих курсов проходит в один год, но в особых случаях обнаружения стипендиатами-слушателями отличных способностей и успехов, таковые стипендиаты с согласия их епархиального начальства правлением училища могут быть оставляемы и на более продолжительное время для их усовершенствования». Здесь мне кажутся несколько преувеличенными требования «особых случаев» и «отличных» способностей и совершенно неопределенным указание: оставляются на «более продолжительное время».

Если в мальчиках училища в наши дни указываются не только «отличные» способности, но даже блещут «таланты», то почему у стипендиата не может оказаться «отличных способностей», дающих ему право надеяться на большее внимание к его способностям, к человеку, выдающемуся из среды стипендиатов?

Затем, в случае большего развития в Уставе этого параграфа, мне представляется надобным упомянуть здесь еще о взрослых певчих Синодального хора и посторонних слушателях, которые также могут обнаружить способности и успехи и, наконец, следует выяснить: где именно и каким способом может быть удобно устроено дальнейшее усовершенствование таких учеников.

О «посторонних» слушателях и речи быть не может, ибо цели училища, во-первых, создать регентов и, во-вторых, помочь юношам синодального ведомства, окончившим свое образование, расширить добытые собственным трудом познания в церковной музыке, тем более надо иметь в виду, что епархиальными стипендиатами должны быть семинаристы, уже сами певшие в хорах и даже ими руководившие.

Одногодичный церковно-певческий курс, предполагаемый проектом Устава, конечно, должен быть возможно поспешным и энциклопедически законченным, следовательно, совершенно несродным в своей сущности с сис-

тематическими курсами. Продолжение энциклопедического курса не вяжется ни с чем, кроме программы «регентских курсов», в которых энциклопедические курсы развиты безукоризненно, и я не считаю возможным никакое другое сколько-нибудь удовлетворительное решение этого вопроса, кроме уже выработанного на практике и доказанного в своей полезности и целесообразности.

*Продолжением «энциклопедического курса» может быть слушание предметов, изучаемых в старшем отделении училища (VII—IX классы)*³.

В § 7 мне казалось бы нелишним определить число поющих в хоре казеннокоштных воспитанников в 50 человек из общего числа 100 таких воспитанников.

*К чему это? Разве для того, чтобы, имея 50 малолетних певчих, не иметь права заменить нескольких мальчиков другими или прибавить нескольких сверх 50-ти?*⁴

Ограничение в примечании к § 7, что «своекоштные ученики принимаются во все классы, кроме VIII и IX» противоречит § 60, где ограничение указано только для IX класса, и представляется мне несколько не вытекающим из всех училищных программ и всего строя Синодального училища. Хорошо подготовленный молодой человек без всякого нарушения порядков училища может быть принят в VIII или в IX класс с такой же пользой для ученика, как и во все остальные классы, и мотивировать отказ в приеме достойного ученика было бы очень затруднительно.

*Такое ограничение необходимо для того, чтобы юноша, хотя бы и вполне подготовленный в IX класс (что почти невероятно и для VIII класса), прошел под руководством регента практический курс регентования и управления хором*⁵.

<...> В отделе III о Наблюдательном совете мне представляется необходимым сделать следующие поправки:

По изложению § 18: «Для содействия прокурору в неуклонном осуществлении целей, положенных в основание Синодального училища и хора... имеется Наблюдательный совет». Полагаю, что Наблюдательный совет должен содействовать Синодальному училищу и хору, так как ему именно, а не прокурору поставлены цели в § 1 и 2. В проекте Устава есть небольшая невыдержанность в том, что по § 18 «Наблюдательный совет имеется при училище и хоре», а по § 8 тот же Совет, равно как и правление (по педагогической части, ибо для хозяйственной части имеется присутствие), «состоят при прокуроре». Последнее, разумеется, неверно до очевидности.

В проекте Устава прибавлены новые члены, достаиваемые прав государственной службы и мундира VI класса «за любовь к церковному пению и усердие к делу его усовершенствования». Полагаю наилучшим восстановить для таких членов указания § 16 высочайше утвержденного и поныне действующего Устава училища и хора, что такие члены «приглашаются на три года», ибо кто же не знает, как иногда неудобны такие члены в своем усердии!

Пожалуй!

Если по каким-либо соображениям возможно оставить власть Наблюдательного совета над частными хорами в России (§ 1, п. «Г»), то лучше всего оговорить точно пределы такой власти, предоставив совету экспертизу и право делать по ней постановления, а прокурору обязанность провести постановление в исполнение (в § 18 и 23, п. 5).

Так как непременный член Наблюдательного совета (§ 20), как и все решительно члены Наблюдательного совета, пользуясь мундиром VI класса и правами государственной службы, нисколько не определены проектом устава ни в своих правах, ни в какой-либо ответственности по службе, существуя лишь «для содействия прокурору» (§ 18), или «состоя при прокуроре», то более чем желательно вполне точное изложение прав и полномочий Наблюдательного совета, так как установление дисциплины в церковном хоровом пении в России действительно надобно.

Члены совета несут обязанности коллегиально, а потому для каждого из них нечего и определять их обязанности, когда таковые предусмотрены в отношении самого совета.

Так как нет никаких оснований предполагать, что член (непременный) будет стоять к прокурору ближе директора, то нет нужды устанавливать какими-то намеками того члена (§ 15, 20) выше директора.

Этого и нет.

В некоторых параграфах директор поставлен выше этого члена; в § 15 прокурор передает свою должность или члену или директору; в § 20 указано право члена «вступать в управление училищем» и пр., а во многих других статьях высшее место за директором.

Мне кажется ненадобной для дела обязанность непременного члена заседать в «присутствии» (§ 12) для производства месячных и внезапных ревизий, для отдачи подрядов, поставок, для отдачи в аренду оброчных статей и пр.

Напротив. На случай замещения прокурора ему обязательно быть в курсе дел нынешнего управления.

Если в Наблюдательном совете, согласно общего характера программы его деятельности, непременный член ныне предполагается художником вроде имеющегося по ныне действующему штату (о чем в проекте умолчано) «лица, наблюдающего за правильною постановкою музыкального дела», то есть вроде инспектора музыки в Синодальном училище, то зачем привлекать его к участию в отдаче подрядов, арендных статей или производстве внезапных ревизий сумм и проч.?

Вовсе не художник, а человек, могущий в делах училища и нынешнего управления заступить прокурора.

Если, наоборот, такой член предполагается в помощь прокурору, действительно обремененному заботами о Синодальном училище и хоре, то ему, члену, незачем давать преобладающее значение в Наблюдательном совете как учреждению, несомненно, административно-художественном и научном.

Если принять затем во внимание, что непрременный член Наблюдательного совета обязательно участвует в заседаниях правления (то есть по учебно-воспитательной части), то трудно будет найти за 500 рублей в год лицо с такой массой работы, с такой всесторонней деятельностью. Такое лицо, неогороженное в пределах своей власти, своих обязанностей, будет или постоянно превышать свое положение, или вовсе не будет работать. В первом случае, особенно, если попадет энергичный человек, такой член будет прежде всего неудобен для прокурора как утверждаемый обер-прокурором; во-вторых, я не вижу у прокурора такой власти заставить члена работать! О смуте, которую непрременный член, ни в чем не ответственный, может внести в училище и хор, конечно, нечего особенно подробно и распространяться. Проект устава как бы не доверяет ни в чем ни директору, ни регенту, предпочитая уставить дело не настоящими силами знания и опытности, а властью прокурора и неясно очерченной деятельностью членов Наблюдательного совета.

Число членов Наблюдательного совета, состоящих на государственной службе и, может быть, даже (прим. 3 к «Штату») пользующихся казенными квартирами училища, определено цифрою 5 (§ 17 и «Штат»). Два из них уставлены: непрременный член и член-наблюдатель за частными хорами в г. Москве. Мне неясно, зачем нужны еще 3 члена и почему не 2 или 4? Если они будут ученые или почетные сотрудники Наблюдательного совета, то для того вполне удобно звание «членов-сотрудников» (прим. к § 19), устанавливаемое проектом Устава почему-то только для лиц, живущих вне Москвы (собственно, членов-корреспондентов). Если они, за неуказанием им другого дела, будут только «о всем замеченном в училище доводить до сведения прокурора» (§ 24), то кто пойдет в такие члены, да еще без жалованья?⁶

§ 21. Ввиду особой деятельности члена-наблюдателя за частными хорами в Москве мне представляется надобным дать этому лицу право официальной по службе переписки как лицу, заведующему отдельной частью.

Излишне.

По § 22 регент Синодального хора, помощник его и преподаватели музыкальных предметов «приглашаются в заседания Наблюдательного совета с правом совещательного голоса», а по § 35 регент и его помощник «состоят членами Наблюдательного совета». В этом противоречии мне кажется более справедливым изложение по § 35, ибо регент и его помощник могут быть самыми компетентными лицами в главном предмете ведения Наблюдательного совета среди членов, обладающих качествами, указанными в § 18, в сущности, ничего определенного не устанавливающими, ибо что в точном смысле значит: «известный своею опытностью в деле воспитания юношества»? Или «известный своим музыкальным образованием»? Или «известный своею любовью к церковному пению и усердием к делу его усовершенствования»? Что это за отличия, чтобы давать права государственной службы, VI класс должности, может быть, казенные квартиры? Не лучше ли устано-

вить какой-либо твердо и ясно определенный ценз, например, ученую степень, звание?

<...> В начале § 33 я считаю необходимым восстановить начало § 45 высочайше утвержденного, ныне действующего Устава Синодального училища: «Регент Синодального хора, избираемый из лиц, получивших высшее музыкальное образование, имеет своею обязанностью» etc. Этим восстановлением гарантируется надлежащий выбор лица и устраняется возможность появления на столь ответственной должности регента не самого лучшего. История Синодального хора ясно доказала падение его от регентов-дилетантов (Котельникова, Виноградова, Вигилева) и возвышение его при образованных регентах.

По тем же соображениям в § 34 следует добавить в начале: «Помощник регента, избираемый из лиц, получивших высшее музыкальное образование, непосредственно подчиненный регенту» etc.

В § 35, где говорится, что регент и помощник его «могут преподавать один из музыкальных предметов училищного курса», мне кажется более удобным изложить так: «Могут быть преподавателями Синодального училища». Полагаю, что оба эти лица должны быть из лучших музыкантов в Москве, знатоками церковного пения, теории музыки, чтения партитуры и проч., почему ограничивать их деятельность в училище нет нужды.

<...> § 59 представляется мне не соответствующим интересам Синодального хора и весьма неудобным в практическом отношении для учеников лично и для дисциплины Синодального училища. «Воспитанники низших двух классов, имеющие хороший голос и оказавшие хорошие успехи в научных предметах, но не обнаружившие надежных музыкальных способностей, освобождаются от классов музыкальных предметов (т. е. всех), кроме церковного пения, и взамен их проходят уроки по латинскому языку в пределах курса первого класса уездных духовных училищ; по успешном же выдержании экзамена в третий класс училища (т. е. Синодального) по общеобразовательным предметам, церковному пению и латинскому языку сии воспитанники переводятся без экзамена во 2-й класс уездных духовных училищ».

По точному смыслу этого изложения дело происходит так: мальчики, поступающие в Синодальное училище, не обнаруживают надежных музыкальных способностей в первый же год и при переходе во второй класс намечаются к направлению в духовное училище, для чего слушают во 2-м классе курс латинского языка, держат экзамены по указанным выше предметам и выходят из Синодального училища.

Я не думаю прежде всего, чтобы Синодальное училище когда-либо грубо ошиблось, приняв мальчика ненадежных способностей даже для участия в Синодальном хоре. Невозможно угадать во вновь поступающем регентские способности и вообще надежные способности к музыке, чтобы, руководясь их силою, направить человека по специально-музыкальной дороге. На-

сколько я опытен в этой части, настолько позволяю себе утверждать, что для избежания ошибки обыкновенно требуется 3—4-летний срок, ибо ранее 13—14-летнего возраста обнаруживаются вполне только самые блестящие способности, обыкновенные же, и все-таки вполне надежные, обнаруживаются именно в это время. С другой стороны, ученик 3—4-го классов есть самый лучший, самый опытный певчий в хоре, так что удалять его из училища было бы крайне убыточно для Синодального хора. Мы никогда не страдали от неспособности учеников в певческом отделении, но всегда затруднялись малым их числом и крайней трудностью привлечь в Синодальное училище детей духовенства, не отдающего нам их единственно по отсутствию прямой дороги в духовную семинарию в случае неудачи в Синодальном училище. Самое справедливое направление этого дела было бы то, при котором были бы соблюдены интересы всех и предоставлены всем же возможные удобства.

Интересы Синодального хора требуют оставления в хоре мальчиков по крайней мере до 15-ти лет, ибо чем далее, тем лучше поет всякий мальчик. Безошибочность выбора мальчиков в регентское отделение и надобная подготовка наших учеников к поступлению прямо в духовную семинарию вполне легко и удобно могут быть достигнуты к 15-летнему возрасту. Интересы духовенства, уверенного в возможности для его детей перехода в семинарию, будут, несомненно, соблюдены уже одною удовлетворительностью жизни учеников в Синодальном училище.

Интересы дисциплинарные и учебно-воспитательные встречаются: 1) с малым числом учеников, которые бы переходили в духовные семинарии; 2) с ненадобностью обрывать музыкальное образование у тех учеников, ибо даже и в случае необнаружения надежных способностей трудно предположить совершенную бездарность и по ней бесплодность и непригодность низшего музыкального образования для таких учеников; такое образование после практики в Синодальном хоре пригодится всякому; 3) с нетрудностью в Синодальном училище, взамен некоторых музыкальных предметов, ввести для небольшого числа совместный двухгодичный курс в 4-м и 5-м классах латинского и греческого языка в полном объеме программы духовных училищ. Малолюдность классов допускает их совмещение для занятий; более старший возраст дает полную надежду, что мальчики по 14-му и 15-му году с полным успехом пройдут в два года полную 3-летнюю программу духовных училищ по латинскому и греческому языку, проходимую в тех училищах в возрасте от 11-ти лет. Переход таких учеников прямо в духовные семинарии вполне возможен по совершенному соответствию всех остальных программ нашего училища программам духовных училищ. <...>

§ 73. Указание, что взрослые певчие Синодального хора наравне с епархиальными стипендиатами проходят «регентские курсы», неверно уже по одной только ссылке проекта на § 6, где указаны не «регентские курсы», а «одногодичный церковно-певческий курс». Выше в моих примечаниях к § 6

было указано о более уместном здесь, при § 73, помещении второстепенных подробностей проекта о «церковно-певческих курсах». Мои соображения по поводу трудности для Синодального училища устроить «дальнейшее усовершенствование» более успешных слушателей должны быть продолжены еще по поводу предположенной по § 73 выдачи взрослым певчим и епархиальным стипендиатам, успешно прошедшим церковно-певческий одногодичный курс, удостоверений, на основании коих окончившие курс могут быть регентами церковных хоров и учителями церковного пения в учебных заведениях.

Такое удостоверение я считаю вполне несправедливым. Было бы целесообразнее за окончание одногодичного церковно-певческого курса выдавать свидетельства в возможности допущения его обладателя к управлению церковным хором и к преподаванию церковного пения и не более, как в низших учебных заведениях. Употребление слов: регент, учитель церковного пения прямо указывает как бы на приравнение кончивших одногодичный курс к кончившим младший и старший регентские курсы, то есть 3-х и 5-тигодичные, и награжденным высочайше утвержденными званиями регента и учителя церковного пения. Не говоря о том, что прошедший одногодичный церковно-певческий курс отнюдь не может быть регентом и учителем церковного пения уже по незначительности программ одногодичного курса, я ставлю прежде всего всю несправедливость выдачи таких свидетельств, почти равносильных в практической жизни настоящим аттестатам, людям, которые работали для достижения своей цели несравненно менее других, а затем — весь вред таких людей для церковного пения в России.

Последние обстоятельства особенно важны. В нашем деле важно не знание музыкальных наук и всяких теорий, а умение вполне свободно и изящно прилагать к делу отлично усвоенные знания. Поэтому человек, выучивший сколько угодно музыкально-теоретических книг, церковных уставов и прочего, может очутиться в беспомощном положении, например, при управлении пения стихир или ирмосов на разные гласы, то есть в деле, в сущности ничего не стоящем для регента-практика, и в не менее беспомощном положении при виде какой-либо ошибки или музыкально нелепой вещи в партитуре, которую без всякого труда выправит всякий систематически выученный регент. Как обратный способ доказательства надобности практической выучки и долгосрочной научной подготовки укажу на всех регентов-самоучек, укоренившихся своею практикою в ряде продуманных ими для себя музыкально-теоретических положений, почти всегда и сполна ошибочных и чрезвычайно туго потому поддающихся систематическому курсу обучения.

Как бы ни сильна была программа одногодичного церковно-певческого курса, нельзя отрицать того, что опыт множества лет повсюду установил и доказал с непреложною истиною: 1) начальная музыкальная грамота — эле-

ментарная теория музыки — может быть усвоена только в течение одного года, 2) музыкальная этимология — учение о гармонии — только в два года, 3) музыкальный синтаксис — контрапункт — только в два года и 4) теория музыкальной словесности — формы музыкальных сочинений — проходит параллельно с гармонией и контрапунктом, требуя лишь немногих отдельных от этих наук указаний. Сроки эти установились именно в практических занятиях, которыми только и достигаются успехи в этих науках, не представляющих в своей теории ничего мудреного, но усвояемых только после отличного на практике ознакомления с курсом теорем, развязывающих руки для следующего шага. Если к этому прибавить, что регенты должны быть и церковными певцами, то нетрудно, вспоминая, например, только устав и общеизвестную певческую литературу, простое гласовое пение и методику преподавания пения, усомниться в возможности выучить человека в один год до возможности спокойно и вполне честно выдать ему удостоверение в способности быть регентом и учителем церковного пения.

Моя опытность в своем деле говорит мне, что мысль, будто бы взрослые певчие, епархиальные стипендиаты приедут на церковно-певческий курс готовыми регентами, которых знания надобно только упорядочить, не выдерживает никакой критики в смысле надежды получить из таких слушателей регентов и учителей церковного пения.

Начиная с того, что такие слушатели одногодичного церковно-певческого курса будут тем хуже для дела, чем более они практиковались, следует признать крайнюю шаткость начала программы таких курсов, особенно в смысле учительского курса для средних учебных заведений. Без сомнения всякий епархиальный стипендиат и всякое епархиальное начальство сочтут для себя чрезвычайно выгодным иметь для себя через год за 125 рублей своего избранного человека в качестве регента архиерейского хора или преподавателя церковного пения в духовном училище и духовной семинарии. Без сомнения, что при таких необычайно льготных условиях для епархиальных стипендиатов, узаконяемых, так сказать, в своей правоспособности еще выдаваемыми свидетельствами, у нас будет множество слушателей, жаждущих получить столь дорого достающиеся другим свидетельства в том, что они могут быть регентами и учителями церковного пения. Но чему могут выучить такие регенты и учителя? Откуда они получают тот широкий кругозор мыслей, столь надобный, например, для учителя церковного пения в духовной семинарии по одной обширности программы и по бедности учебных к ней пособий? По недостижимой в один год для таких слушателей возможности, например, понять теорию древнецерковных ладов и крюковой нотации, усвоить в надобной для учителя отличной ясности все правила гармонии, продумать в связи с историей русской церкви смысл всех стадий развития нашего древнего напева, — можно ли думать что-либо другое, кроме того, что такой преподаватель в 22—23-летнем возрасте не может

быть полезным делу, не может быть распространителем истинного знания? Как свой, излюбленный человек, еще молодой, не загородит ли он дорогу всякому другому систематически образованному учителю?

Как регент, слушатель одногодичных певческих курсов, конечно, убедится в том, что его познания были до того времени ничтожны и созданы усилиями собственного опыта и размышления. Руководство такими слушателями чрезвычайно задерживается этим тяжелым балластом и должно, большею частью, сначала вести борьбу с самоуверенностью таких учеников, только потом убеждающихся в отрывочности своих знаний и в несовершенстве своей регентской техники, до того же твердо уверенных в значительной цене своих знаний. Таковы все талантливые самоучки, которых только мы и можем получить в качестве епархиальных стипендиатов. В один год можно надеяться достигнуть только того, что самоуверенность будет расшатана, убеждение в надобности учиться будет утверждено, но нельзя надеяться на такую выучку, при которой этот человек будет в состоянии работать далее один, идти правильным путем и довершит свое самообразование, всего менее достигаемое без руководителя и без значительно обширного научно-музыкального основания. Посему и в качестве регента, не махающего руками, но толкователя художественных произведений и способного понять и выбрать лучшие из них, не имеется хорошей надежды на успешного слушателя одногодичных церковно-певческих курсов.

Как положивший много труда и любви в дело церковного пения в России, в устройство Синодального училища и хора, я не желал бы видеть при училище учреждение, выдерживающее сравнение с временными съездами учителей пения или с кратковременными курсами для учителей пения. Seriously поставленное дело, как Синодальное училище церковного пения, единственное в России и могущее давать отличных работников в области церковного пения, не может покрывать свою фирму и столь значительными удостоверениями, как указанные в § 73, такое малосостоятельное учреждение, как проектируемые одногодичные церковно-певческие курсы. Единственные в России регентские курсы, существующие при Придворной певческой капелле, не могут удовлетворить даже малой доли потребности России в хороших регентах. В Москве, несомненно носящей в этом деле особый отпечаток, на глазах всех подвигаются в качестве регентов сущие неучи и невежды, только поддерживающие грубейшие вкусы Замоскворечья в области церковного пения; в Москве до сих пор ежедневно расппеваются невозможные сочинения Багрецова, Феофана, «Отче наш — птичка», «Славословие — Безумного», «Херувимская — Гайдна» и прочая дребедень, твердо въевшаяся в плоть и кровь самых искренних и богобоязненных любителей церковного благолепия. Поэтому в Москве нужен член-наблюдатель за певческими хорами и наилучше поставленные регентские курсы. Очень может быть, что эти регентские курсы при Синодальном училище еще несколько лет не установятся в своей репутации, но если начинать дело,

то лучше поставить его сразу серьезно и для Синодального училища, и самого церковного пения, особенно в провинции.

Если почему-либо не устроятся регентские курсы и все-таки потребуются от Синодального училища влияние на церковное пение помимо своего непосредственного дела, то лучше открывать ежегодные в летнюю вакацию краткосрочные курсы для учителей церковного пения в духовных училищах, съезды этих учителей и т. п., но без всяких особых привилегий, единственно для пользы дела и самих слушателей. <...>

Программы научных предметов, преподаваемых в Синодальном училище церковного пения, соответственные программам духовных училищ, мне представляются весьма обширными и довольно трудными для успешного их выполнения, особенно при весьма значительных программах музыкальных предметов. Исходя из положения, что по достоинству программ научных только предметов предоставляются учебному заведению права по отбыванию воинской повинности, я полагаю возможным принять эти программы лишь ввиду § 26, п. «д».

Если возможно большие изменения программ неудобны, то мне кажется более выгодным поступиться даже правами училища, то есть решиться на самоограничение, лишь бы иметь вполне спокойно обставленное учебное заведение, иметь возможность воспитывать умных и здоровых работников, освобождаемых от воинской повинности по одной преподавательской деятельности. Во всяком случае было бы желательно удержать за кончившими курс в певческом отделении право быть штатными, без особого экзамена, псаломщиками и псаломщиками-регентами, равно и всех прав, предоставляемых кончившим курс в духовных училищах; за кончившими курс в младшем регентском отделении — прав и звания регента, в старшем регентском — учителя церковного пения и теории музыки и прав кончивших курс в духовных семинариях по отношению к правам при поступлении на службу по § 176, 177 и 178 устава духовных семинарий.

Директор Ст. Смоленский.

Комментарии

1. Из приведенных Смоленским строк предварительной редакции Устава выясняется, что деятельность по надзору за частными хорами виделась Шириному-Шихматову одной из основных задач училища. Если бы 1-й пункт проекта Устава в редакции прокурора был утвержден, то училищу пришлось бы отвечать за хоры не только Москвы, но и всей России. В окончательной редакции Устава наблюдение за частными хорами Москвы было возложено на Наблюдательный совет; о хорах России упоминание было снято вообще.

2. В Уставе 1897 года о разделении регентского отделения на младшее и старшее упомянуто не было. Соответствующий пункт Устава гласил о том, что пять младших классов составляют певческое отделение, а четыре старших — регентское.

3. В результате всех последующих обсуждений упоминание о каких бы то ни было курсах для взрослых слушателей — будь то певчие Синодального хора, семинаристы-стипендиаты или посторонние лица — было изъято из Устава.

4. Победила точка зрения Смоленского: в Уставе 1897 года было написано, что в состав Синодального хора входят 50 малолетних певчих.

5. В окончательной редакции указание класса, в который может поступать своекоштный ученик, опущено.

6. В Уставе 1897 года указано, что в Наблюдательном совете присутствуют: председатель — прокурор Синодальной конторы или директор Синодального училища, один неперменный член, четыре штатных члена и регент Синодального хора.

**Заявление действительного статского советника Г. Г. Солодовникова
прокурору Московской Синодальной конторы
А. А. Ширинскому-Шихматову о намерении пожертвовать
им на нужды Синодального училища 200 000 рублей.
Май 1896 года***

Сочувствуя просветительной деятельности Московского Синодального училища церковного пения как единственного в России и желая ознаменовать высокотожественный день коронавания Его Императорского Величества, честь имею заявить Вашему сиятельству, что я желаю сделать пожертвование на устройство новых зданий и приспособление старых к нуждам училища: сумму в двести тысяч рублей, условно с тем, что означенная сумма имеет быть мною пожертвована и выплачена в таком только случае, если начальство училища исходатайствует о награждении меня орденом Святого Станислава первой степени со звездой; по объявлении мне этой монаршей милости и напечатании о том приказа в «Правительственном вестнике» я жертвую и вношу в Московскую контору Святейшего Синода вышеуказанную сумму 200 000 рублей. Мая дня 1896 года.

Действительный статский советник
Гавриил Гаврилович Солодовников.

* Писарская копия с подписью-автографом Г. Г. Солодовникова. *О пожертвовании действительным статским советником Солодовниковым на нужды Синодального училища 200 000 рублей* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 37 за 1896 год, л. 1.

**Рапорт А. А. Ширинского-Шихматова
обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву
о намерении Г. Г. Солодовникова.
4 мая 1896 года***

Действительный статский советник Гавриил Гаврилович Солодовников ко дню священного коронования Их Императорских Величеств жертвует до шести тысяч рублей на нужды Синодального училища церковного пения.

Это учебное заведение по своей задаче является единственным в империи, и цель, положенная в его основание высочайше утвержденным Уставом в кругу вопросов воспитания русского народа в духе истинного православия, является существенно важной. Богослужбное пение в церковном обиходе занимает первое место; отчетливое (истовое) и согласное с уставом исполнение глубоких по смыслу церковных песнопений придает православному богослужению то религиозно-воспитательное и назидательное значение, при котором священная служба, являясь живым отображением исторических событий церкви Христовой, кладет непосредственный отпечаток в сердцах верующих посредством вдохновенных творений, облеченных в строгие и вместе задушевные созвучия.

К сожалению, в русской церковной жизни много уже десятилетий постепенно забывались те родные русскому православному сердцу музыкальные созвучия, которые перешли к нам от нашей матери греческой церкви и переработались в живом религиозном сознании русского народа, вошли в его плоть и кровь, питая и возвышая религиозное чувство наших предков. К печальной памяти этого малоразборчивого заимствования и в православный русский церковный обиход введены были чуждые народному религиозному сознанию музыкальные приемы, которые пустили глубокие корни в той части русского народа, который, почитая себя представителем духовной мощи русского народа, оказался чуждым истинных начал этой мощи, из коих первым является православие. Храмы русские огласились итальянскими и иными иностранными музыкальными переложениями церковных песнопений, ничего не говорящими православному религиозному чувству, но лишь ласкающими плотский слух изысканным течением созвучий. Лишь инде в великих лаврах и у старых певцов, священно- и церковнослужителей, сохранилось старое исконное древнее православное пение.

* Автограф. *О пожертвовании действительным статским советником Солодовниковым на нужды Синодального училища 200 000 рублей* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 37 за 1896 год, л. 2—4. В деле находятся: заявление Г. Г. Солодовникова, рапорт А. А. Ширинского-Шихматова К. П. Победоносцеву, сведения о Солодовникове, из которых явствует, что он широко занимался благотворительностью: был попечителем Серпуховского детского дома, участвовал в пожертвованиях на военные нужды во время Крымской войны.

Попечительными заботами Святейшего Правительствующего Синода и державною волею Государя, воздвигшего истинно русское сознание от векового сна, пробудился интерес и к родной церковной музыке, ради разработки и распространения которой в церковном обиходе и создано Синодальное училище церковного пения. Большая и многотрудная задача предстоит этому учреждению: воззвать к действенной на народное сознание жизни те родные, но много лет уже забытые созвучия, которые выработала истинно православная древность. Бог благословил это начинание: Большой Успенский собор, после многих лет огласившийся древним «простым» пением, преполнился православными и раскольниками, единодушно признавшими в пении Синодального хора свои родные музыкальные созвучия. То пение, которое нашло сочувствие в православной Москве, вызывает сердечный отзыв и духовное удовлетворение и по всему лицу земли русской. Надобны лишь люди, воспитавшие в себе дух этого пения и умеющие вдохнуть его в церковных певцов, хоры которых группируются при каждом храме православной России. Руководители этих хоров, начиная с сельских псаломщиков и кончая регентами архиерейских хоров, являются той нивой, на которой имеют быть посеяны семена истинно древней православной церковной музыки. Нива обширная, требующая делателей многих, усердных и знающих. Духовно-учебные заведения от высших до низших покажут в этом деле существенную пользу, но для этого им нужны учителя церковного пения, надлежаще образованные. И вот Синодальному училищу предстоит подготовить достаточное для всей империи количество и руководителей хорами, и учителей пения, дабы всюду по всему лицу земли русской раздалась те созвучия, которые ныне питают и возвышают религиозное чувство православных в первопрестольном российском храме.

Те денежные средства, которыми располагает духовное ведомство для содержания Синодального училища, малодостаточны для осуществления столь обширной задачи этого учреждения, — поэтому училище при значительных на него затратах ныне не имеет возможности выпускать большое число делателей на обширную ниву русской церковной жизни. Помещение училища едва помещает 65 штатных воспитанников, из которых на ежегодные выпуски приходится не более восьми человек; при этом заведение крайне стеснено в расположении необходимых класных принадлежностей, каковы библиотека древних певческих книг и музыкальные инструменты, весьма громоздкие и требующие при занятии особого помещения для каждого ученика. Расширение помещения Синодального училища стоит, таким образом, в непосредственной связи с увеличением числа обучающихся в училище, а, стало быть, и выпускаемых из него воспитанников, а посему и с осуществлением возложенной на это учреждение обширной задачи. Ныне пожертвованием действительного статского советника Солодовникова вопрос о таком расширении разрешается в самом благоприятном смысле.

По изложенным основаниям, почитая со своей стороны весьма желательным принятие пожертвования господина Солодовникова, я считаю своим долгом испрашивать ходатайства Вашего высокопревосходительства о награждении жертвователя за такую примерную благотворительную деятельность по духовному ведомству орденом Святого Станислава первой степени¹.

Комментарии

1. Ходатайство А. А. Ширинского-Шихматова было удовлетворено, а на перечисленные Солодовниковым деньги были произведены в 1897—1898 годах строительные работы на территории, занимаемой Синодальным училищем.



1897 год

Письмо С. В. Смоленского
редактору «Русской музыкальной газеты»
Н. Ф. Финдейзену с замечаниями на его статью
«Синодальное училище церковного пения в Москве».
3 ноября 1897 года*

Дорогой мой Николай Федорович! За милое Ваше письмо — спасибо. Отвечаю по пунктам. Синодальное училище основано в нынешнем его виде в 1886 году. До того при Синодальном хоре, промышлявшем кроме обязательного пения в Успенском соборе пением по церквам по приглашениям частных лиц, существовало училище, пользовавшееся правами духовных уездных училищ и, одно время, очень благоустроенное трудами незабвенного в стенах училища Ивана Дмитриевича Бердникова (19/IX 1827 — 7/I 1880), отдавшего училищу 25 лет своей трудовой и любвеобильной жизни. Надобность иметь умелых преподавателей в духовных училищах и семинариях, надобность иметь хоть один родник, откуда текла бы чистая вода вместо грязи, запакоствовавшей наши клиросы, и, кстати, полнейший упадок училища и хора после Бердникова, побудили устроить нынешнее Синодальное училище и реформировать хор. К несчастью (я имел глупость отказаться от места директора в 1886 году), преобразованные училище и хор остались в руках бывшего типично-директора Добровольского (еще здравствующего, почему о нем упоминать невозможно), доведшего хор и училище до окончательного расстройства, даже несмотря на то, что с 1886 года Чайковский посадил к нам регентом Василия Сергеевича Орлова**. Наконец, благодаря стараниям здешнего синодального прокурора Шишкова сплавил Добровольского и пригласили меня второй раз в июле 1889 года, с какого времени я и воюю здесь неустанно с теми же прокурорами, подчас вполне изнемогая в борьбе. Конечно, и хор и училище перевернуты вверх дном мною с помощью жес-

* Автограф. Письма С. В. Смоленского к Н. Ф. Финдейзену — РНБ, ф. 816, оп. 3, № 2678, л. 9—10 об.

Статья Н. Ф. Финдейзена «Синодальное училище церковного пения в Москве», в которой автор учел замечания С. В. Смоленского, опубликована в РМГ, 1898, № 4. Стлб. 343—349 (см. публикацию этой статьи в разделе «Статьи и заметки» данного тома).

** Приписка на полях: «Орлов — великолепный контрапунктист и еще лучший преподаватель строгого стиля. Он бывший дискант Синодального хора, затем свободный художник (фагот) Московской консерватории, регент Русского хорового общества и, наконец, Синодального хора. Мною содержится на наиабсолютнейшей свободе и от того работает вполне хорошо. Регент он первокласснейший».

точайшей и самой неумолимой борьбы с остатками бывшей старины-матушки.

Относительно деталей Вашей статьи прошу (и надеюсь на удовлетворение моей просьбы) не хвалить меня печатно, не поминать всеми буквами моего имени и отчества, а фамилию при повторениях обозначать «г. С.». Похвала мне совсем не по сердцу, а зло возбудит очень большое для меня в здешнем прокуроре, что крайне вредит ввиду его настойчивости и озорства.

Дополнить Вашу статью не решаюсь, но прошу принять в соображение следующее. Синодальное училище разделяется на два отделения: певческое (1—5 классы) и регентское (6—9), кроме того в нем есть «курсы для взрослых певчих», дающие нам образованных теноров и басов, а впоследствии и лишних регентов. Хор поет только в Успенском соборе, не промышляя пением на стороне. Мальчики, спадая с голоса, продолжают учење до окончания курса, когда получают звание регента и учителя церковного пения. Идея училищной жизни — продолжение чисто семейной трудовой жизни, без малейшей казенщины, с дисциплиною не от страха, а от чувства долга и благовоспитанности. Оттого эта жизнь складна, чиста и работяща; пакости — случайны; курят 3—4 ученика; нет вражды между учениками и учителями и у последних между собою. Певчие также работают, и оттого нет пьяниц, развратников; пакости — также случайны, ибо народ вообще хороший.

Палестрину, Лассо, Баха, Моцарта мы поем потихоньку, ибо то «неподобные вещи». Также секретны всякие транспозиции, детский (струнный) оркестр и прочее. О нем писать нельзя. Моя статья об Эрарском — пробный камень¹, ибо инструменты его оркестра официально бумагою прокурора предложено убрать из училища в 7-дневный срок, что, в связи с официально же объявленным мне «служебном значении» обучения в Синодальном училище на фортепиано и скрипке, понятно само собою.

К стр. 3. У нас решительно одинаковы по значению музыка и наука, устроенные вполне нераздельно.

К стр. 5: «лучших преподавателей» — неладно, ибо все мои товарищи очень хороши и работают очень усердно. К имени Металлова, вполне почтенного, не менее идут имена П. Г. Чеснокова (церковное пение), Кастальского*, Орлова, Кругликова (гармония), Корещенко (свободное сочинение), Крейна и Григорьева (скрипка), Комарова, Ладухина, Дубинина и Шаборкина (фортепиано).

* *Запись на полях*: Кастальский (Александр Дмитриевич) — свободный художник Московской консерватории (теоретик), помощник регента, начал писать только теперь, после многолетнего изучения древних напевов. Склад его русский, вполне оригинальный и хороший вообще. Отличный начитанный музыкант. Читает у нас сольфеджио и чтение простого напева².

Запись на полях: Прошу или совсем не упоминать или кратко мотивировать о «квартетном изучении управления хором и церковной музыки» — перл прокурора³.

Начальство очень не любит, когда что-нибудь делается без его позволения, а тут именно это и есть. Еще более по сердцу начальству сказать «я», загребая руками и даже уродуя дело, как то случилось с Историческими концертами, слава Богу, прекратившимися⁴.

Комментарии

1. *Смоленский С. В.* Памяти Анатолия Александровича Эрарского // РМГ, 1897, № 12.

2. Было проведено три Исторических концерта, которые состоялись в феврале и марте 1895 года; три других запланированных концерта были отменены в связи с кончиной императора Александра III. (Об Исторических концертах Синодального хора см. в 1-м, 4-м и 5-м разделах данного тома.)

3. Имеется в виду проходившийся в III—V классах предмет под названием «обычное хоровое пение в установленной гармонии за фортепиано».

4. В опубликованном варианте статьи Н. Ф. Финдейзен не только не обошел стороной это нововведение училищных программ, но и подверг его критике.

Письмо С. В. Смоленского архиепископу Тверскому и Кашинскому Димитрию с благодарностью за присылку певческих рукописей*

Ваше Высокопреосвященство, милостивый отец и пастырь.

Сейчас кончил разборку и запись в каталог первого тверского дара. По каталогу уместились все рукописи от № 720 до № 773 в 53-х названиях и 83-х томах. За этой работой я наслаждался частностями, преобильно имеющимися в рукописях, и уже отметил, где надо, будущие работы над ними. Некоторые рукописи прямо превосходны и многозначительны, особенно же из Ниловой пустыни, бывшие князя Урусова и некоего Писемского-Нижегородца: знаменная Триодь, Праздники с канонами греческого распева, седальными и ипакоями, удивителен совсем особый канон (нотный) преподобному Сергию и совершенно полная 17-я кафизма греческого распева, впервые так исправно найденная. Излишне говорить о важности в научном отношении таких документов, как уцелевшая в Ниловой пустыни «Азбука Мезенца» или автограф его, украшенный биографическими о себе данными, доньше совершенно неизвестными.

За все сие и за обещание следующего дара благодарю и с растроганным сердцем падаю Вам в ноги и душевнейше приветствую в Вашем лице мудро-

* Писарская копия. *О собирании древних нотных рукописей для библиотеки Синодального училища* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 38 за 1896 год, л. 64—64об.

го и доброго покровителя нашей науки и певческого искусства. Благодарю за себя, учеников, сотрудников моих и всех будущих учеников, имеющих насладиться Вашим даром.

Убедительнейше прошу Ваше преосвященство сделать «понуждение», на которое очень уповаю в будущем.

Сегодня же пишу отчет о тверских дарах К. П. Победоносцеву.

Прося пастырского Вашего благословения, честь имею быть Вашего преосвященства почтительным слугою.

Ст. Смоленский.



1899 год

**Ходатайство прокурора
Московской Синодальной конторы А. А. Ширинского-Шихматова
перед обер-прокурором Св. Синода К. П. Победоносцевым
о выдаче денежного пособия А. Д. Кастальскому.
10 февраля 1899 года***

Помощник регента Синодального хора Кастальский предпринял в литографии Гроссе печатание новых своих духовно-музыкальных сочинений и затрудняется в средствах на уплату. В видах поощрения трудов г. Кастальского я позволю себе ходатайствовать перед Вами об оказании ему на указанный выше предмет пособия до ста пятидесяти рублей из капиталов, находящихся в распоряжении Вашего превосходительства¹.

Комментарии

1. 23 февраля 1899 года Хозяйственное управление при Св. Синоде сообщило А. А. Ширинскому-Шихматову о распоряжении К. П. Победоносцева выдать А. Д. Кастальскому 150 рублей. На эти деньги были изданы следующие сочинения композитора, прошедшие духовную цензуру 15 октября 1898 года: «Святыи Боже», «Кресту Твоему», «Елицы во Христа крестистесея» (знаменного распева), «Старо-Симоновская» Херувимская песнь, «Софрониевская» Херувимская песнь (по напеву Глинской пустыни), Херувимская песнь «на разорение Москвы» (мелодия неизвестного автора), Херувимская песнь напева московского Успенского собора, «Милость мира» (сербского напева), «Милость мира» (ипатьевского напева), «Достойно есть» (киевское), «Достойно есть» (афонское), «Со святыми упокой», «Сам Един еси безсмертний».

* Черновой автограф. С ходатайством о назначении пособия помощнику регента Кастальскому на напечатание его духовно-музыкальных сочинений — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 28 за 1899 год, л. 1.

Особое мнение
члена Наблюдательного совета А. Д. Кастальского
по вопросу о рецензировании духовно-музыкальных сочинений.
20 мая 1899 года*

Согласно заявлению моему под протоколом означенного заседания имею честь представить Совету особое мнение. Я нахожу, что вся наша хоровая церковно-певческая литература при ее данном уровне совершенно не соответствует высоким требованиям истинно церковной музыки. При рассмотрении произведений церковной музыки, имеющей предметом выражение особенно возвышенных и глубоких настроений духа, при всем ее отличии от нецерковной музыки, по моему мнению следует предъявлять к композитору церковной музыки также особо высокие и строгие требования. Но при храбрости, с которою за нее берутся люди без достаточного общего музыкального образования (ибо знание гармонии, контрапункта и прочего не есть еще музыкальное образование), при легкомысленном отношении к глубоко проникновенному церковному тексту (не говоря уже об отсутствии таланта), наконец, при таком странном положении дела, когда даже наши выдающиеся в области церковной музыки композиторы позволяют себе поверхностно относиться к духовно-музыкальной композиции, — при таких обстоятельствах я иначе не могу смотреть на сочинения в области церковной музыки, как на забавные попытки смелых экскурсий в совершенно чуждую и непонятную этим авторам область, и серьезно относиться к их сочинениям я не в состоянии. Но число авторов растет вместе с желанием их скорей печатать и исполнять свои композиции; быть может, скорое переполнение рынка этими произведениями скорей вызовет во всех пресыщение и отвращение к подобному «церковному пению». Понятная после вышеизложенного досада, а отчасти и смешная развязность авторов рассмотренных сочинений, вызвали в моем письменном заявлении Наблюдательному совету некоторые возражения, вроде «по исправлении неловкостей», «по музыкальной безграмотности», «как образец грубейшей дилетантской работы» и прочие выражения, может быть, допустимые при неофициальном заявлении, но, на мой взгляд, не совсем удобные для помещения в офици-

* Автограф. *Письма музыкальных деятелей к С. В. Смоленскому* — РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 82, л. 5 об.

Докладная записка отражает начальный этап работы по рецензированию духовно-музыкальных сочинений, которая развернулась в Наблюдательном совете с 1899 года. В это время вырабатывались формы отзывов; первоначально не все шло гладко. Так, в Журнале Наблюдательного совета за 1899 год сохранилась запись от 24 мая о том, что Смоленский, Орлов и Кастальский были недовольны тем, как мнения рецензентов отражались в журналах Наблюдательного совета. В связи с этим прокурор Синодальной конторы постановил впредь редактировать постановления Наблюдательного совета в течение заседаний, а не по их завершении (РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 122, л. 14).

альном постановлении Совета. Равным образом и выражения члена Совета В. Ф. Комарова «много произвольной гармонии», «голоса движутся вынужденно механически», «механический способ гармонизовать» и прочие кажутся на мой взгляд не совсем понятными.

Член Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения

А. Кастальский.

**Отзыв члена Наблюдательного совета С. В. Смоленского
о бывшей у него на просмотре рукописи
«Ирмосы знаменного, или столпового роспева».
2 сентября 1899 года***

[По отзыву С. В. Смоленского] «Ирмосы знаменного или столпового роспева», о разрешении которых к напечатанию под фирмою «издания Н.П.К.» просит коллежский асессор Кучков, есть рукопись беспоповщинского федосеевского раскольничьего согласия, самого фанатичного и одного из наиболее упорных в невежестве даже между самыми непримиримыми раскольниками. Предисловие издателя (весьма малограмотное) рекомендует рукопись, писанную в половине XVIII столетия, одною из лучших. Насколько допустимо первое, настолько же малоправдоподобно второе, так как рукопись эта самая заурядная, не из плохих, обычного поморского письма. Подобных и гораздо лучших в библиотеке Синодального училища имеются десятки. То же предисловие, как мне кажется, довольно убедительно показывает, что цели издания, указанные г. Кучковым, в сущности совсем не те, о каких сказано, а совсем иные: г. Кучков, по всей вероятности, совершенно не участвует в издании, а есть не более как подставное лицо.

Беспоповщинское согласие, как известно, удержало все недостатки русского певческого текста начала XVII века, усилило их таким раздельноречием (хомонией), какого не было в самых дурных редакциях русского напева того времени, и упорно не восприняло никаких улучшений (например, при зна́ков), усвоенных даже [другими] старообрядцами. Издание «Круга церковного древнего знаменного пения» Обществом любителей древней письменности (т. LXXXIII, 1884), то есть, в сущности, издание всех певчих книг для старообрядцев австрийского согласия иждивением потомственного почетного гражданина Арсения Ивановича Морозова¹, уже несколько раз подвигало некоторых ревнителей-беспоповцев к попытке устроить такое же издание для своих единомышленников. К числу таких попыток, несомненно, следует отнести и желание г. Кучкова издать Ирмологий, мотивированное

* Писарская копия. *Журналы заседаний Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 122, л. 41—42.

так слабо и неумело, как можно ждать только от человека вполне заинтересованного вожделениями своих невежественных единомышленников, полагающих, что редакция таких памятников может иметь всякий интерес и для всех вообще. Политично умалчивая об издании вышеуказанного «Круга», г. Кучков в предисловии туманно указывает на то, что «настоящие знамена (?) давно интересовали наших знатоков церковного пения, любителей и ученых», и перечисляет затем труды о. Разумовского, мой и даже не объявленный еще в продаже и не вышедший еще в свет труд о. Металлова. Подобное маскирование издания продолжено и на странице 2 оборотной заявлением: «Некоторые из ирмосов издаваемой рукописи по своему напеву сходны с обиходным пением православной церкви». С не меньшею туманностью, вполне ясною при чтении между строк всякому беспоповцу, трактуется и особенность хомового пения с коварною ссылкой на сочинение о. Разумовского. Нетрудно после вышесказанного дать цену и последним строкам предисловия об ограниченном, возможно допустимом к печати числе экземпляров предпринятого было г. Кучковым издания. Полагаю надобным не допускать такие издания».

К изложенному отзыву сделано членом Совета священником Металловым прибавление: «Цель и надобность издания я не могу признать достаточно мотивированными, а план издания считаю ненаучным».

По обсуждении приведенных отзывов и отобрании голосов Наблюдательный совет мнением положил: «Ирмосы знаменного роспева» Н. П. К. ввиду того, что цель и надобность издания недостаточно мотивированы, а план совершенно не научен, признать нежелательными для печати.

Комментарии

1. Изданный Обществом любителей древней письменности «Круг церковного древнего знаменного пения» (СПб., 1884—1885) содержал песнопения Октоиха (ч. I), Всенощного бдения и Триоди постной и цветной (ч. II), Обихода (ч. III), Праздников (ч. IV), Трезвонов (ч. V) и Ирмология (ч. VI). Подготовленный для издания старообрядческим головщиком И. А. Фортовым, «Круг» был отредактирован Д. В. Разумовским. Изложенные крюковой пометной нотацией песнопения с текстами иосифовской редакции были отпечатаны в двух красках.

**Выписка из протокола Наблюдательного совета
с мнением его членов о сочинении свободных композиций
на тексты изменяемых песнопений.
2 сентября 1899 года***

Предложение члена Совета священника Металлова следующего содержания: «Ввиду присылки на заключение Наблюдательного совета свободно-музыкальных сочинений на те церковные песнопения, которые по Типикону положено в свое время и в определенных местах богослужения исполнять на один из восьми гласов, представляется желательным решить вопрос, могут ли быть допускаемы такого рода свободные сочинения на церковные песнопения вроде ирмосов в полном составе канона, стихир, тропарей, кондаков, прокимнов и прочего, положенных по уставу на один из восьми гласов».

Наблюдательный совет, приняв во внимание, что его задача состоит «в охране, распространении и научной разработке древнерусского церковного пения» и признавая со своей стороны появление каких бы то ни было свободно-музыкальных сочинений на песнопения, положенные Типиконом на гласы, совершенно нежелательным и противоречащим его указанной задаче, мнением положил: представить чрез г. председателя Совета возбужденный о. Металловым вопрос на благоусмотрение Св. Синода для получения руководственных указаний со стороны центрального органа русской церковной власти с тем, чтобы в особо уважительных случаях Наблюдательному совету предоставлена была возможность возбуждать пред Св. Синодом ходатайство о разрешении к печатанию и таких сочинений, которые, являясь исключением из этого правила, представляют собой значительный интерес в церковном и художественном отношении.

* Писарская копия. *Журналы заседаний Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 122, л. 43 об.—44 об. В деле представлены чистовые стенограммы десяти заседаний Наблюдательного совета, состоявшихся в 1899 году. Между листами 58 об.—59 вшит каталог духовно-музыкальных сочинений издательства П. Юргенсона за 1899 год.

Заседание 2 сентября 1899 года проходило под председательством прокурора Московской Синодальной конторы А. А. Ширинского-Шихматова, в присутствии директора С. В. Смоленского, регента В. С. Орлова, неперменного члена С. Н. Кругликова, члена-наблюдателя за частными духовными хорами В. П. Войденова, членов В. М. Металлова, В. Ф. Комарова и А. Д. Кастальского.

**Рапорт директора Синодального училища С. В. Смоленского
прокурору Московской Синодальной конторы
А. А. Ширинскому-Шихматову о практических занятиях учеников
регентского отделения с учениками церковно-приходской школы.
19 октября 1899 года***

Вследствие предложения от 16 октября сего года за № 2539 согласно словесному решению Вашего сиятельства представить сведения о практических занятиях учеников регентского отделения вверенного мне Синодального училища, в частности, и в церковно-приходской школе, честь имею доложить нижеследующее: новым Уставом Синодального училища утверждены практические занятия учеников регентского отделения, заведенные еще с 1891/92 учебного года. Занятия эти, как приуроченные к внеклассному времени, к наличному числу инструментов, к разнообразной возможности пользоваться теми или другими помещениями и, главное всего, за невозможностью приурочить в некоторых частях к определенным лицам и срокам, никогда не вносились в расписание классных занятий господ штатных преподавателей, а всегда исполнялись по частным расписаниям, примененным либо к комнатам, либо к роялям, либо к очереди того или другого ряда учеников.

Ввиду первоначально указанного Вашим сиятельством требования § 119 Устава честь имею доложить, что занятия в церковно-приходской школе преподаванием церковного пения, вполне заменившие бывшие занятия с учениками пригготовительного класса, выработались практически в двухлетний курс, который ведется по очереди в каждый день занятий учениками двух младших классов регентского отделения, проходящих с учениками школы самый элементарный курс музыкальной грамоты и курс изучения всех главнейших напевов и текстов литургии и всенощного бдения, молебна, панихиды и даже песнопений параклисиса. Из прилагаемого расписания уроков в церковно-приходской школе Ваше сиятельство изволите усмотреть, что ежедневно второй урок посвящается пению. Урок этот ведется одним из учеников шестого или седьмого классов в присутствии следующего по алфавиту практиканта, имеющего на другой день продолжить или повторить занятия нынешнего дня и приготовить содержанием своего урока занятия следующего по алфавиту практиканта. Всем этим занятиям ведется запись, и имеется наблюдение преподавателя церковного пения г. Чеснокова.

* Автограф. На бланке: «Директор Московского Синодального хора и училища церковного пения». *Дело с предложениями г. прокурора правлению Синодального училища церковного пения* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 1, № 12 за 1899 год, л. 6—7 об. В деле находятся: письмо А. А. Ширинского-Шихматова к С. В. Смоленскому с замечаниями по поводу организации занятий в Синодальном училище, расписание занятий в церковно-приходской школе при училище, а также документация, связанная с этой школой.

Другие занятия, как угодно будет усмотреть Вашему сиятельству из прилагаемого особого расписания, составляют также двухлетний курс практического участия, вроде репетиторства в преподавании сведений по постановке голосов у вновь принятых мальчиков. Этот курс, в сущности одногодичный, дважды проходится нашими учениками восьмого и девятого классов под руководством преподавателя В. Тютюнника. Практика семи лет выработала для этого предмета три рода занятий: 1) общие беседы преподавателя об устройстве горла, о регистрах, о различии голосов, о дыхании, о звуке, о методе обучения, о плане курса, о разных частных приемах в отдельных случаях и т. п.; 2) аккомпанемент в общем классе, когда сам преподаватель ставит голос у мальчика в присутствии его репетитора и 3) занятия по приготовлению заданного репетитором урока, который должен ответить вновь принятый мальчик, у которого преподаватель ставит голос при ежедневном содействии репетитора.

Третьи занятия также учеников VIII и IX классов находятся под наблюдением регента Орлова и составляют также двухлетний курс ведения спевков и управления ученическим хором при богослужении. Общий порядок этих занятий состоит в том, что ученики VIII класса управляют левою половиною хора, а ученики IX класса — правою и в надобных случаях обеими частями. Чередование учеников обычно недельное, но изменяется и по числу праздников и по числу великопостных служб. Службы эти поются начиная с 14 сентября и до 1-го дня Св. Пасхи включительно в церкви Малого Вознесения. Предварительного расписания занятий учеников за его ненужностью не имеется, но подробный журнал спевков и служб ведется по мере их исполнения неукоснительно.

Четвертые занятия учеников, указанные новыми программами, составляют четырехлетний курс преподавания игры на фортепиано и приучение младших учеников к пользованию этим инструментом для приготовления уроков сольфеджио и церковного пения. Практика Синодального училища выработала еще с 1891 года обычай, что старший ученик, приготовляя младшего по методе своего учителя, под его наблюдением, передает своего ученика как перешедшего в третий класс своему же учителю. Таким образом младший ученик избегает столь частой в других случаях ломки усвоенной постановки руки, дополнения или изменения в ряде пройденных упражнений, гамм и т. п., то есть того, что иногда самым вредным образом отзывалось на успешности учащегося на фортепиано. Так как из принятых в бывший приготовительный класс или в нынешнюю церковно-приходскую школу весьма значительное число мальчиков иногда остается на повторительный курс в первом или во втором классах, то весьма часты случаи четырехлетнего преподавания игры на фортепиано одному и тому же мальчику одним и тем же старшим учеником. Наблюдение за этим преподаванием утвердилось двойное: со стороны преподавателей, конечно, вполне живо и участливо

следящих за успехами своих учеников в качестве педагогов, и с моей стороны, преследующей всего более единство в занятиях по классам, внушения каким-либо малоуспешным мальчишкам и общий порядок собственно преподавания по отдельным часам и по отдельным помещениям. Отчетность в этих занятиях ведется также двойная: ежедневная, состоящая в ведении каждым старшим учеником своего журнала с баллами младшего ученика и с записями каждого заданного урока, и полугодовая, состоящая в подаче мне так называемых «характеристик» младших учеников и подробного отчета обо всем пройденном. Расписание занятий, составляемое по удобствам для каждого из старших учеников и его клиента и по имеющемуся числу свободных роялей, то и дело изменяется в подробностях, но имеется вывешенным в каждой комнате с указанием, кто, когда и в каком месте чем именно занимается. Расписание занятий по фортепиано и по скрипке, действующее в эти дни октября, при сем на благоусмотрение Вашего сиятельства, представляется.

Наконец, пятые занятия — преподавание игры на скрипке, составляя одногодичный курс для учеников, перешедших во второй класс, доверяется преимущественно ученикам VIII и IX классов и редко VII класса, так как первоначальная установка корпуса и рук у детей-скрипачей представляется делом весьма трудным, требующим большого умения, терпенья, не удающимся даже, смотря по устройству корпуса и рук ученика, самым лучшим преподавателям. С другой стороны, начало каждого учебного года невольно сводит счеты с разными упущениями, явившимися за летнюю вакацию, и задерживает начало скрипичного курса у учеников второго класса как трудностью разместить всех скрипачей, так особенно и желанием господ преподавателей ограничить этот курс таким временем, при котором усвоенные учеником некоторые неправильности могли бы быть скоро устраненными. Вот почему скрипичный курс, уставленный добросовестным опытом многих лет и вышепоказанными частностями, редко начинается в училище даже с конца октября месяца сполна всеми учениками и по большей части сформировывается в конце первого полугодия, так как к тому же неполный учебный год все-таки вполне достаточен для прохождения указанной программы и для возможности представить на экзамен в классе господина преподавателя хорошо подготовленного ученика.

Директор Степан Смоленский.

**Письмо директора Санкт-Петербургского Археологического института
Н. В. Покровского управляющему Московским Синодальным училищем
церковного пения А. А. Ширинскому-Шихматову
с просьбой о присылке певческих рукописей
для палеографической выставки.
19 октября 1899 года***

В декабре сего года Санкт-Петербургский Археологический институт предполагает устроить в своем помещении (угол Инженерного замка и Садовой, дом Музея имени императора Александра III № 1/4) палеографическую выставку.

На этой выставке желательно собрать: 1) рукописи до XVIII века включительно (датированные, преимущественно с орнаментом или с миниатюрами); 2) рисованные листы XVII—XVIII веков; 3) старопечатные книги русских и южно-славянских типографий; 4) фотографические снимки с рукописей и рисунков.

В ряду перечисленных экспонатов было бы в высшей степени желательно иметь на выставке образцы нотных рукописей и сборников, которые дали бы по возможности цельное впечатление о последовательном развитии русского церковно-певческого искусства.

Вследствие сего я позволяю себе обратиться к Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою оказать Ваше просвещенное содействие успеху предполагаемой выставки доставлением снимков с имеющихся в распоряжении Синодального училища наиболее важных в научном отношении нотных произведений и других вышеперечисленных предметов.

К сему считаю долгом присовокупить, что предназначенные для выставки предметы надлежит выслать в институт с таким расчетом, чтобы они прибыли в Петербург в конце ноября.

С совершенным уважением и искренней преданностью имею честь быть
Вашего сиятельства покорнейший слуга Н. Покровский.

* Машинопись с подписью-автографом Н. В. Покровского. На бланке: «Директор Археологического института в Санкт-Петербурге».

Ответ А. А. Ширинского-Шихматова см. в письме от 30 ноября 1899 года. *Об отсылке рукописей Синодального училища и Синодальной библиотеки директору Археологического института для палеографической выставки в Санкт-Петербурге* — РГАДА, ф. 1183, оп. 1, № 71 за 1899 год, л. 1—1 об.

**Выписки из протоколов заседания Наблюдательного совета
с мнением С. Н. Кругликова и В. П. Войденова
о духовно-музыкальных сочинениях Г. Я. Ломакина
и М. М. Ипполитова-Иванова.
26 октября 1899 года***

Ломакина Г. Я. «Полное собрание духовно-музыкальных сочинений» в трех частях. Новое исправленное издание, уже разрешенное Капеллой и бывшее в прежнем виде в продаже. Запретить при таких условиях печатать и петь в храме эти сочинения является невозможным, хотя они далеко не образцы того, как надо писать, чтобы Наблюдательный совет мог произнести свое одобрение¹. <...>

Ипполитова-Иванова М. М. два запричастных стиха для смешанного хора соч. 29: а) псалом 132 «Се что добро», б) псалом 133 «Се ныне благословите». Безупречные по музыке и настроению. Выдержанный церковный стиль, талантливый подбор диатонических гармоний, весьма приличествующих храму. Безусловно разрешить печатать и петь в церквях.

Комментарии

1. С началом активной цензорской деятельности Наблюдательный совет приступил к пересмотру уже напечатанных церковно-музыкальных произведений. При этом выяснилось, что большинство из них критики Совета не выдерживает. К числу подобных сочинений принадлежали и композиции Г. Я. Ломакина, которые поступили на рецензию в Наблюдательный совет в связи с намерением Придворной певческой капеллы осуществить их новое издание. Наблюдательный совет не запретил, но и не одобрил для переиздания хоры Ломакина, что вызвало недовольство в Синоде: членам Совета пришлось объяснять свою позицию (см. с. 394—397).

**Мнение В. С. Орлова и А. Д. Кастальского
о духовно-музыкальных переложениях С. В. Делищева,
священника Фролова и Н. И. Смирнова.
26 октября 1899 года****

Из доклада усматривается, что 1) рукопись Делищева «На реках Вавилонских» отличается обилием гармонических неловкостей, большой неопытностью в голосоведении; в общем довольно нескладная работа; 2) тропарь Кресту священника Фролова совершенно непонятная рукопись, хотя и с названием разных тетрахордов, пентахордов и прочего; в общем, что-то близкое к бреду; 3) рукопись Н. Смирнова «Достойно есть» № 1 и № 2

* Писарская копия. *Журналы заседаний Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 122, л. 48 и 49 об.

** Писарская копия. Там же, л. 54—54 об.

представляет собой попытку величить Богородицу шаблонными, грубыми, почти неприличными напевами с соответствующей гармонией; 4) его же «Пение великопостное» несколько лучше в музыкальном отношении, но написано, по-видимому, для фортепиано, хотя и с подписным текстом; при словах «Под Твое благоутробие» появляется отрывок из самого жестокого романа. В общем, кроме ектений переложение довольно сносное.

**Предложение заведующего частными церковно-певческими хорами
в Москве В. П. Войденова об избрании членом-сотрудником
Наблюдательного совета Н. С. Успенского.
26 октября 1899 года***

Не благоугодно ли будет Наблюдательному совету избрать в члены-сотрудники товарища прокурора пензенского окружного суда статского советника Николая Сергеевича Успенского. По заявлению В. Войденова, г. Успенский — любитель церковного пения и знаток его; он собственными силами организовал в Пензе хор из мужских и женских голосов в январе 1892 года, существующий и доселе. Среди женского персонала хора находятся ученицы гимназий, духовного училища или же окончившие курс девицы. В течение семи лет в составе хора перебивало до 150 человек. При этом же заслушано заявление Успенского о желании принять на себя должность члена-соревнователя совета по г. Пензе.

По выслушивании изложенного Наблюдательный совет постановил: статского советника Николая Успенского во внимание к его трудам по распространению и улучшению церковного пения, выразившимся в организации любительского хора из мужских и женских голосов в Пензе, избрать членом-сотрудником Совета по этому городу, о чем предоставить г. председателю известить избранного.

**Предложение члена Наблюдательного совета В. Ф. Комарова
об избрании членом-сотрудником Наблюдательного совета
А. Д. Ряжского.
26 октября 1899 года****

Не благоугодно ли будет Наблюдательному совету избрать в члены-сотрудники по г. Рязани преподавателя латинского языка в Рязанской духовной семинарии Александра Дмитриевича Ряжского как любителя и знатока церковного пения. Из ученых трудов Ряжского известен учебник цер-

* Писарская копия. *Журналы заседаний Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 122, л. 55—56.

** Писарская копия. Там же, л. 56—56 об.

ковного пения (части 1 и 2), введенный в духовных семинариях и удостоившийся премии высокопреосвященного Макария¹, а также ряд статей по церковному пению в духовных периодических изданиях.

По выслушании изложенного Наблюдательный совет постановил: избрать преподавателя латинского языка в Рязанской духовной семинарии Александра Ряжского во внимание к его ученым трудам по предмету церковного пения в члены-сотрудники Наблюдательного совета по г. Рязани, о чем предоставить г. председателю известить избранного.

Комментарии

1. «Учебник церковного пения» (в 2-х частях) А. Д. Ряжского до революции выдержал по крайней мере пять изданий (1-е — в 1890 и последнее — в 1911 году). В 1966 году пособие было переиздано Свято-Троицким монастырем в Джорданвилле.

**Выписка из протокола заседания Наблюдательного совета
с мнением членов Наблюдательного совета В. С. Орлова
и А. Д. Кастальского о духовно-музыкальных переложениях
Н. И. Компанейского.
8 ноября 1899 года***

В «Симфонии обиходных роспевов» [Компанейского] в довольно обширном предисловии приводится мысль о необходимости оставить обычные приемы гармонизации обиходных мелодий как совершенно своеобразных, а найти такой же особый стиль сопровождения и обработки их, как и самые знаменные мелодии. Мысль эта выражена хотя и понятно, но в некоторых подробностях не совсем ясно. В самых переложениях (лучшие номера — 1, 2, 6 и 9), названных «симфониями», несмотря на крайнее изобилие грамматических неправильностей и нескладностей, немало симпатичной внимательности к сохранению народной краски в подголосках и старания воспроизвести эту манеру подпевания нашими крестьянами, а отчасти и старообразцами. <...>

При этом был заслушан отзыв о рукописи Компанейского члена совета В. Ф. Комарова следующего содержания:

* Писарская копия. *Журналы заседаний Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 122, л. 62 об.—65.

Состав членов Совета на заседаниях 26 октября и 8 ноября: председатель — прокурор Московской Синодальной конторы А. А. Ширинский-Шихматов, директор С. В. Смоленский, регент В. С. Орлов, непременный член С. Н. Кругликов, член-наблюдатель за частными духовными хорами В. П. Войденов, члены — священник В. М. Металлов, В. Ф. Комаров и А. Д. Кастальский.

Предисловие представляет нечто новое в теоретически-историческом взгляде на обработку наших «уставных» (по выражению автора) напевов. Здесь есть верная мысль: православные уставные роспевы, резко отличаясь по характеру и конструкции от европейских мелодий, не могут сливаться в их форме. Они должны иметь свою грамматику, свою технику и собственный оригинальный стиль: «надо изыскать новый стиль, вытекающий из конструкции материала». Автор ищет этот стиль историко-теоретически и излагает его черты в предисловии и как разъяснение представляет образцы своей обработки обиходных мелодий (9 номеров). Автор и сам «далек от мысли, что ему удалось разрешить задачу удовлетворительно», но в сущности практическое применение его теории настолько неудовлетворительно во многих отношениях, что ни один из девяти номеров не может быть допущен к употреблению при богослужении без соблазна для слушателей. Он не признает правил гармонии, о чем и заявляется в предисловии; но должен принять, что никакая какофония неуместна в церковном пении, а у него таковой очень много как в последовании гармонических сочетаний, так, особенно, в самом ходе сопровождающих голосов. Движение последних во многих местах до того неуклюже, что служит не к украшению, а к обезображению основной мелодии. Особенно некрасивы почти постоянные тритоны, которых нигде нет в основной церковной мелодии; работа не окончена в том смысле, что назначенный тон совершенно невозможен для обыкновенных человеческих голосов. Докончить свою работу автор (в конце предисловия) предлагает регентам, которым он советует «при исполнении выбирать тон, соответствующий средствам хора». На основании вышеизложенного образцы «симфонической» обработки не могут быть допущены к употреблению при богослужении без нового радикального исправления; но ввиду того, что вся работа представляет нечто новое, хотя и неудачное практически, полезно разрешить к напечатанию, ибо без этого невозможно публичное обсуждение как этой, так и других подобных попыток.

Справка: по отзыву члена совета С. Н. Кругликова от 20 мая 1899 года, «Компанейский талантлив; у него есть фантазия, вымысел, но знания в зародыше, голосоведение почти сплошь невозможное».

По выслушании изложенного и отобрании голосов Наблюдательный совет положил своим мнением: «Симфонии обиходных распевов», вып. I Компанейского по неприменимости его теорий в церковно-певческой практике и бедности его музыкальных знаний признать не заслуживающими одобрения к печатанию¹, но ввиду замеченной в произведениях названного автора талантливости и желания проложить новые пути в области богослужебной музыки просить г. председателя предложить Компанейскому войти в сношения с Наблюдательным советом для выяснения целей, к которым он стремится, и средств, с помощью которых он может их достигнуть. Теперь

же препроводить в копии для руководства г. Компанейскому отзыв о его «Симфонии» члена совета Комарова.

Комментарии

1. Под таким названием сочинение Н. И. Компанейского опубликовано не было. Помещенные в этом сборнике обработки роспевов увидели свет в издании произведений Н. И. Компанейского «Русские церковные роспевы» (М.: Юргенсон, 1903—1909).

Ответ А. А. Ширинского-Шихматова Н. В. Покровскому на запрос о присылке рукописей для палеографической выставки. 30 ноября 1899 года*

Милостивый государь Николай Васильевич. Вследствие письма Вашего превосходительства от 19 октября сего года за № 377 имею честь препроводить при сем для палеографической выставки Санкт-Петербургского Археологического института 66 фотографических снимков с рукописей библиотеки Синодального училища церковного пения¹. Рукописи Синодального училища представляют собою в № 1—5 — пение греческое и греко-славянское, № 6—25 — пение знаменное в образцах от XV века по начало XVIII века, № 26—30 — пение знаменное старообрядческое и единоверческое иосифовского текста, № 31—34 — пение беспоповской секты так называемого поморского письма, № 35—38 — особенные нотации и криптография, № 39—43 — демественное пение разных видов, № 44—47 — образцы духовных стихов и кантов, № 41—49 — двознаменники, № 50—57 — образцы разноместного нотного письма, № 58—59 — знаменные партитуры, № 60—66 — хоровое нотное пение и снимки из «Муסיкийской грамматики» Н. Дилецкого.

Рукописи Синодальной библиотеки представляют собой в № 1—9 пение греческое XII—XVII веков, № 10—12 нотные знаки для церковного чтения Священного писания X—XIV веков, № 13—15 кондакарную систему нотных знаков XIII века, № 16—25 знаменный роспев XII—XVI веков.

По объяснению директора Синодального училища г. Смоленского², подлинные рукописи училища высылать было бы затруднительно, так как некоторые из них постоянно надобны для училищных занятий, а другие переданы в библиотеку училища лишь на хранение из Московской Епархиальной библиотеки; что касается подлинных рукописей Синодальной библиотеки, то они высылаются для пользования вне Москвы не иначе, как по особому

* Машинописная копия с рукописными правками. На бланке: «Прокурор Московской Синодальной конторы». *Об отсылке рукописей Синодального училища и Синодальной библиотеки директору Археологического института для палеографической выставки в Санкт-Петербурге* — РГАДА, ф. 1183, оп. 1, № 71 за 1899 год, л. 3—3 об.

на каждый раз и для каждой рукописи разрешению Святейшего Правительствующего Синода.

Примите уверение в совершенном к Вам почтении и преданности. Ноября 1899 года.

Комментарии

1. О подготовке снимков для экспозиции в Археологическом институте в Петербурге зимой 1899/1900 годов Смоленский пишет в своих Воспоминаниях. По сообщению публикатора Воспоминаний Н. И. Кабановой, эти фотографии частично сохранились в составе фонда Смоленского в РГИА.

2. В деле находится рукописный рапорт С. В. Смоленского от 22 ноября 1899 года, на который ссылается А. А. Ширинский-Шихматов. Из рапорта Смоленского следует, что именно он подготавливал материалы для выставки в Петербурге, завершая в связи с этим свой рапорт просьбой: «Полагая, что мне, как потрудившемуся над составлением этой коллекции снимков и как заведующему библиотекою рукописей, было бы полезно присутствовать на открытии палеографической выставки, я позволяю себе утрудить Ваше сиятельство моею просьбою о командировке меня к этому времени в г. Петербург» (РГАДА, ф. 1183, оп. 1, № 71 за 1899 год, л. 2 об.).



1900 год

**Выписка из журнала Наблюдательного совета
с отзывами членов Совета С. Н. Кругликова и В. П. Войденова
о бывших у них на рассмотрении духовно-музыкальных
произведениях А. А. Архангельского.
14 января 1900 года***

Архангельского А. [концерт] «Бог нам прибежище и сила», Херувимская № 8 *es moll*, «Милость мира» № 8, «Достойно есть» № 3, «Многая лета» — произведения музыканта знающего и опытного; звучать в голосах должно все хорошо, но стиль не строго церковный; имеются ходы голоса на увеличенную секунду, уменьшенные септаккорды; хроматизм — явление заурядное. Если и можно разрешить печатать, то без дозволения петь в храмах.

**Заключение С. Н. Кругликова
о сочинениях Г. Я. Ломакина на предмет их переиздания.
14 января 1900 года****

Среди членов Наблюдательного совета живет сознание, что русская духовная музыка чрезвычайно богата тематическим материалом, выражающим все обилие типических, оригинальных и полных истинного проникновения в церковный текст напевов Обихода, но что этот превосходный материал до сих пор еще почти в сыром виде, то есть, другими словами, наша духовная музыка пребывает в состоянии младенчества. Много причин, объясняющих такое грустное положение вещей. наших лучших музыкантов и композиторов влекло всегда сильнее в сторону светской музыки, инструментальных комбинаций, оркестровых красок, и потому их редкие попытки писать для православного храма и единственно допускаемого там человеческого хора большею частью носили характер чего-то мало решительного, недостаточно

* Писарская копия. *Журналы заседаний Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 123, л. 7—7 об.

** Писарская копия. Там же, л. 17—20 об.

Вопрос о достоинствах духовно-музыкальных сочинений Г. Я. Ломакина обсуждался в связи с запросом управляющего канцелярией Св. Синода от 15 декабря 1899 года, в котором он просил сообщить, «ввиду каких недостатков сочинения Г. Я. Ломакина признаны Наблюдательным советом явлением не вполне желательным и какие могли бы встретиться препятствия к разрешению их к печати без употребления в богослужении». 22 декабря 1899 года председатель Совета обратился к непременно члену С. Н. Кругликову с просьбой доставить письменное заключение по возбужденному Синодом вопросу.

уверенного и далеко не такого мастерского и образцового, как светские музыкальные творения тех же авторов. Вот главная причина, почему на ниве русской духовной музыки чаще всего трудятся люди или не вполне музыкально образованные, или совершенно в этом отношении невежественные. Ни первым, ни тем более последним не спасти русскую духовную музыку от рутинных дилетантских приемов, от того отпечатка чужеземных влияний, который со времен Сарти, Галуппи и тому подобных неразлучен с допущенными до православного клироса песнопениями, так как талантливейшие из русских, писавших духовную музыку, подражали или итальянцам, как это делал Бортнянский, или немцам, как это видим у Львова. А большинство композиторов наших дней дарят нашим церковным хорам сочинения, повторяющие в тысячный раз Бортнянского, Львова и т. д. Имеются, конечно, и более или менее счастливые исключения; но они единичны и только дают право надеяться, что может быть настанет скоро день, когда темы Обихода найдут наконец настоящего, вполне образованного, вдумчивого и даровитого музыканта для их самобытно-русской, истинно церковной обработки, а самостоятельные духовно-музыкальные сочинения приобретут свой тоже чисто русский стиль и дадут говорить нашему сердцу вдохновенным, безупречно музыкальным языком, чуждым всяких иноземных влияний и допускаемых в церковной музыке Запада пестроты общего склада и гармонической изысканности.

По самому духу своему православное пение должно быть просто и строго, ясно и умирительно, отнюдь не чувственно страстно. В нем текст молитвословия должен быть изложен внятно, без всяких затемнений. Отсюда русская духовная музыка обязана навсегда отказаться от энгармонических комбинаций, хроматических модуляций и хроматических проходящих; ее область — ничем и никогда не нарушаемый диатонизм и древние церковные лады. Интерес ее сочетаний имеет право выражаться не в диссонансах, ютящихся в самой природе того или другогопряного аккорда, а в умелом применении задержаний, диатонических проходящих и вспомогательных нот. Такое ограничение гармонических средств не может смутить образованного и даровитого музыканта, и в пределах таких рамок он в силах создать вдохновенные песни, не только отвечающие желанной церковности стиля, но и дышащие самобытностью музыки. Надо также стремиться к тому, чтобы хоровые голоса не произносили одновременно различных слов, чтобы по возможности слова текста повторялись только в таких молитвословиях, для которых текста дано мало, но которые тем не менее должны исполняться протяжно, как, например, Херувимские песни.

Такие требования Наблюдательным советом применяются при рассмотрении присылаемых ему Святейшим Синодом духовно-музыкальных сочинений во всей строгости, если это рукописи; с меньшей строгостью, если это сочинения, хотя теперешним требованиям Совета и не удовлетворяющие, но давно, в силу прежних воззрений на данный предмет, находящиеся в ре-

пертуаре церковных хоров. К таковым относятся и сочинения Ломакина, уже с дозволения Придворной капеллы изданные и теперь предложенные Совету на рассмотрение ввиду их нового издания. Эти сочинения вышеизложенных требований Совета не удовлетворяют благодаря частым случаям хроматических модуляций и хроматических проходящих нот, одновременного произношения различных слов текста и даже некоторой нечистоты голосоведения вроде противоположных и параллельных квинт. Все это на представленном экземпляре сочинений Ломакина отмечено синим карандашом. Если бы такие особенности письма Совет встретил при рассмотрении рукописи духовно-музыкального сочинения, он бы мнением положил подобное сочинение не печатать. Но поскольку сочинения Ломакина были уже напечатаны, то по поводу возобновления их издания Совет мог быть снисходительнее и выразить то, что он уже доложил Св. Синоду.

Отзыв В. Ф. Комарова о сочинениях Г. Я. Ломакина.

14 января 1900 года*

В дополнение к докладу С. Н. Кругликова о сочинениях Ломакина, заслушанному и принятому Советом в предыдущем заседании, имею честь сообщить следующее¹. Характерные черты того стиля, который ввели в русское церковное пение сочинения иностранных композиторов и их русских учеников: а) отсутствие связи их мелодий с напевами, существовавшими в церковном употреблении до введения новой музыки, б) введение мелодий оперного или маршевого характера, в) полное невнимание к тексту церковных песнопений, даже относительно грамматических ударений, свойственных славянскому языку, г) преобладание музыкального ритма над словесным. Все эти черты существуют и в произведениях Ломакина. <...>

В сочинениях Бортнянского и некоторых его современников вследствие их талантливости есть немало красивых мелодий, обуславливающих сравнительную простоту гармоний. Меньшая даровитость их подражателей заставляет, с целью скрыть недостаток мелодического творчества, прибегать к искусственному украшению мелодий в виде драматических ходов и к вычурным гармоническим сочетаниям. Произведения Ломакина могут служить типичными образцами подобного рода церковной (антицерковной) музыки. Появление подобных сочинений в печати и в певческой практике в свое время оказало плохую услугу русскому церковному пению; печальные результаты их влияния испытываются в настоящее время — в появлении и в печати, и в рукописях произведений и более низкого разбора. Появлению в печати вновь подобных произведений должен быть положен конец. Что же касается произведений Ломакина, то принимая во внимание, что некоторые

* Автограф. *Журналы заседаний Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 123, л. 30—32 об.

из них вошли в певческую практику более сорока лет назад и на законном основании, так как в свое время были разрешены к печатанию и к церковному употреблению, к ним едва ли может быть применена та же строгость, какая необходима для новых произведений того же достоинства. С этой целью предлагается перечень тех сочинений, в которых вышесказанные недостатки проявляются в меньшей степени. <...>

Член Совета Василий Комаров.

Комментарии

1. Экспертиза В. Ф. Комарова имела целью выявить сочинения Ломакина, наиболее соответствующие духу православного богослужения.

**Доклад членов Совета В. С. Орлова и А. Д. Кастальского
о сочинениях А. Фатеева, иеромонаха Германа
и священника М. Лисицына.
22 марта 1900 года***

Представляя при сем рукописи, переданные на наше рассмотрение, имею честь доложить Совету, что рукопись Фатеева, переложения киевского роспева, представляет из себя обыкновенную работу монастырских переложителей, не слишком грамотную, в общем сносную. Рукопись сочинения и переложения Германа (Иоанна Корнильева) безграмотна непоправимо от начала до конца; рукопись священника Лисицына «Милость мира» представляет собою какое-то блуждание аккордов, где, впрочем, видно старание избежать неправильностей в голосоведении (предназначена для помещения в журнале «Музыка и пение»).

По выслушании изложенного отзыва, ознакомлении членов Совета с рукописями и отобрании голосов Наблюдательный совет положил своим мнением: из бывших на рассмотрении членов Совета В. Орлова и А. Кастальского духовно-музыкальных переложений: 1) Фатеева богородичны на «Господи воззвах», именуемые догматиками, богородичны на стиховнах, антифоны и ирмосы воскресные всех восьми гласов киевского роспева, как в общем грамотные и не лишенные содержания, признать годными к печатанию и употреблению при богослужении; 2) [сочинения] Германа... как в высшей степени безграмотные считать не заслуживающими печатания; 3) Лисицына, священника «Милость мира» как произведение скромное и музыкально грамотное, но не отмеченное дарованием и настроением, считать пригодным для печатания в журнале под условием воспрещения делать особые отгиски и употреблять означенное песнопение при богослужении.

* Писарская копия. *Журналы заседаний Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 123, л. 57 об.—59.

**Сообщение прокурора Московской Синодальной конторы
А. А. Ширинского-Шихматова Наблюдательному совету о пении
Синодального хора в присутствии Государя Императора.
15 мая 1900 года***

...Во время пребывания в Москве Их Императорских Величеств Синодальный хор удостоивался неоднократных лестных отзывов со стороны Государя Императора. В рескрипте на имя митрополита Московского прямо и непосредственно хора касаются слова: «Величавая красота древних напевов в умильном исполнении их Синодальным, бывшим патриаршим, хором». 16 апреля в дворцовой церкви Спаса за Золотой решеткой по окончании литургии Государь Император изволил заметить: «Синодальный хор поет прекрасно и производит самое лучшее впечатление». 21 апреля полный состав хора (86 человек) пел в доме генерал-губернатора по предварительно представленной Его Величеству программе; исполнены были следующие песнопения: 1) подобны на «О преславнаго чудесе» киевского роспева, переложение Кастаньского, 2) «Свыше пророцы» сочинение Балакирева, 3) «Вечери Твоя тайныя» сочинение Львова, 4) ектения (по рукописи XVII века), 5) Херувимская песнь знаменного роспева, переложение Кастаньского, 6) «Тебе поем», сочинение Полуэктова, 7) Херувимская на «Радуйся», сочинение Чеснокова, 8) «Волною морскою», сочинение Гречанинова и 9) «Господи помилуй» на Воздвижение Креста Господня, сочинение Львовского. Перед третьим отделением концерта Его Величество изволил повелеть кроме вышеприведенной программы исполнить «Тебе поем» Чайковского, «Помощник и Покровитель» Бортнянского и песню Чайковского «Был у Христа младенца сад». В заключение концерта исполнен был Народный гимн.

Его Императорскому Величеству угодно было удостоить г. прокурора троекратной беседой в течение сего вечера, причем Государь Император каждый раз милостиво благодарил за доставленное истинное наслаждение. Монаршего одобрения удостоено было не только самое исполнение песнопений, но и те номера программы, которые являлись переложением старинных роспевов. Из таковых особой похвалы заслужили переложения помощника регента Кастаньского. По поводу гимна Его Величеству благоугодно было сказать: «Исполнен был гимн удивительно. Слушая голоса всего хора, кажется, что кроме него участвует еще целый оркестр». Перед началом концерта, встретив в зале и удостоив г. прокурора приветствием, Его Величество соблаговолил разрешить ему представить директора училища статского советника Смоленского. При этом Государь Император изволил предложить директору вопрос о том, сколько времени он заведует училищем. На ответ, что г. Смоленский состоит директором одиннадцать лет, Государь

* Писарская копия. *Журналы заседаний Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 123, л. 61—64 об.

Император удостоил вопросом: «Значит, при Вас уже хор достиг такого исполнения?». На это директор училища отвечал, что он не осмеливается высказать суждение о степени своего участия в достигнутых хорох результатах. По окончании концерта, подойдя к самому хору, Его Величество, обратившись ко всем певцам, произнес: «Благодарю вас очень». Затем, обратясь к регенту, надворному советнику Орлову, Его Величество удостоил его следующими словами: «До совершенства хор доведен, только бы вам остаться на этой высоте, дальше идти еще вперед нельзя. Одну вещь, третью в программе — “Вечери Твоя тайны”, вы пропели мою любимую, а последнюю (“Был у Христа младенца сад”) вы давно не пели, и сейчас пропели без репетиций». Отходя, Государь Император произнес: «Отлично, отлично... Сердечное вам спасибо». Перед уходом из зала Его Величество снова громко благодарил певцов.

Постановили: возбудить в установленном порядке ходатайство о представлении на высочайшее Его Императорского Величества благоволение, что Наблюдательный совет по выслушании высокомиловитой монаршей похвалы Синодальному хору единогласно решил повергнуть к стопам Его Императорского Величества выражение глубочайших верноподданнических чувств и горячей готовности его членов приложить все старания к разработке дорогого наследия родной старины — православно-богослужебных роспевов и их проведению в жизнь чрез исполнение Синодальным хором в духе и характере, соответствующем требованиям строго церковной музыки.

**Выписка из протокола Наблюдательного совета
об испытании голосов взрослых певчих Синодального хора.
1 ноября 1900 года***

В присутствии Наблюдательного совета на основании пункта 1 статьи 79 училищного Устава была произведена проба голосов у взрослых певчих Синодального хора, за исключением Лебедева, Кокина и Власова, не имевших возможности подвергнуться испытанию вследствие болезни. Каждый из членов Совета ставил свою частную отметку по трехбалльной системе, обозначая баллом 1 — слабый голос, 2 — удовлетворительный и 3 — хороший, и затем в собрании Совета была сделана сводка баллов по большинству голосов. В результате совещаний оказались следующие отметки, обозначающие голосовые средства каждого из взрослых певчих Синодального хора: Шульгин Алексей — 3, Марев Игнатий — 2, Лазарев Михаил — 2, Тимофеев Дмитрий — 2, Соколов Егор — 2, Кустов Алексей — 3, Макаров Алексей — 2, Агеев Степан — 2, Голявкин Сергей — 2, Макаренко Автоном — 3, Кур-

* Писарская копия. *Журналы заседаний Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 123, л. 118—119 об.

ский Иван — 3, Световидов Евгений — 3, Трыкин Николай — 2, Рязов Алексей — 2, Юханов Петр — 2, Свечников Николай — 2, Попов Александр — 2, Бульчев Дмитрий — 3, Рушманов Евгений — 2, Ситник Иван — 2, Поддубняк Роман — 2, Микулин Николай — 3, Якимов Василий — 3, Жилин Федор — 3, Ершов Андрей — 3 и Краснов Иван — 3.

Постановили: признавая, что первому опыту пробы голосов у взрослых певчих Синодального хора в полном присутствии Наблюдательного совета затруднительно придать такое значение, которое бы решало вполне вопрос о степени пригодности для хора каждого из подвергшихся испытанию и определяло его положение среди других, назначить в половине января будущего гражданского года вторую проверку голосовых средств у взрослых певчих и, по совершении ее, принять меры к поощрению наиболее способных и полезных работников для хора.

**Отзывы С. Н. Кругликова и В. П. Войденова
о духовно-музыкальных сочинениях А. Д. Кастальского
«Блажени яже избрал» и «Не имамаи иныя помощи».
1 ноября 1900 года***

Хорошая музыка, даровитая, чуждая пряности, молитвенно настроенная, оригинальная в обоих номерах. Но первый из них, на наш взгляд, сильнее и глубже по вдохновению. В нем и разновременного произношения слов меньше, чем во втором, и употреблен такой прием, по большей части преследуя цель не затемнять смысл текста: новые голоса, вступая, подхватывают те слова, которые поют прежде певшие, или одни голоса произносят текст, пока другие тянут одну ноту на одном слоге. Исключения редки, и то на таком слове, как «аллилуия» и его повторениях. Наше мнение — печатать и допустить к пению в храме.

* Писарская копия. *Журналы заседаний Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп.1, № 123, л. 119 об.—120. Дело содержит 8 журналов с чистовыми стенограммами заседаний Наблюдательного совета, которые проходили 25, 31 января, 22 марта, 15 мая, 10-го и 19 октября, 1 ноября 1900 года. Состав Наблюдательного совета в 1900 году: председатель — прокурор Московской Синодальной канцелярии А. А. Ширинский-Шихматов, директор Синодального училища С. В. Смоленский, регент Синодального хора В. С. Орлов, непреременный член С. Н. Кругликов, член Совета заведующий частными духовными хорами В. П. Войденков, члены В. М. Металлов, В. Ф. Комаров и А. Д. Кастальский.

С. В. Смоленский Сведения о взрослых певчих Синодального хора. [1900]*

Имя, фамилия, размер жалованья	Качество голоса и его объем	Слух	Отношение к делу	Значение в хоре	Поведение и отношение к товарищам	Степень музыкальных познаний	Владет игрой на инструменте	Умение управлять хором	Степень общего образования	Постоянные занятия и заработки	Возраст и давность службы	Семейное положение и степень зажиточности	Особые замечания
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Лебедев Павел. 53 руб. 8 коп.	Октава, отличный голос, опытный певчий.	Очень хороший.	Хорошее.	Очень полезен в хоре, участвует в рашае, выполняет мирнолюбив. своим участием.	Очень хороше, вполне мирнолюбив.	Для участия в хоре вполне достаточная.			Был в среднем учебном заведении.		С осени 1889.	Женат, имеет одну дочь, несколько зажиточен.	
Шульгин Алексей. 53 руб. 8 коп.	2-й бас, достаточный, объединяющий других поющих и бодрящий их. Очень опытный певчий.	Очень хороший.	Примерно.	Очень полезен, всегда служит хорошим примером.	Безукоризненное, пользуется общим уважением и любим товарищами за кропотливость и порядочность.	Знает достаточно гармоню.	Играет на скрипке.	Опытный регент.		Пишет ноты для Синодального хора и имеет посторонние заработки.	С 1890 года.	Женат, имеет при себе старую мать.	Уставщик пражского хора и заведующий библиотекой хора.

* Автограф. Дело о пробые голосов у взрослых певчих Синодального хора — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 3, л. 3 об.—10. В деле представлены рукописные и печатные материалы о пробые голосов взрослых певчих Синодального хора в 1899 и 1910 годах. Характеристики певчих хора, выполненные Смоленским, возможно, были сделаны в связи с проверкой их голосов членами Наблюдательного совета (см. опубликованную выше выписку из протокола Наблюдательного совета от 1 ноября 1900 года).

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Кокин Алексей. 44 руб. 91 коп.	1-й бас, голос по- степенно упадает, нередко отсутству- ет по бо- лезни гора. Прежде обладал превос- ходным голосом, был по- лезен как солист, ныне по- нет соло редко (облаче- нис).	Хоро- ший.	Очень вялое в послед- нее вре- мя.	Весьма незамет- ное.	Тихое, так как сознает упадок голоса. Ранее был излишне само- мненен.	Весьма слабая, но усвай- вает ра- зучивае- мое до- волью, особенно нетруд- чения.	Немного играет на скрипке и даже пытается по слуху записы- вать свои вдохно- вения.		Малогра- мотен, даже плохо читает, напри- мер, сти- хиры.	Прежде часто пел по при- глашени- ям в дру- гих хорах. Ныне почти не имеет пригла- шений.		Женат, имеет де- тей и мать. Нужда- ющийся особенно, долгое время в I-м обла- де, затем уволен из хора и вновь принят.	
Марев Игнатий. 44 руб. 91 коп.	1-й те- нор, го- лос до- вольно порядоч- ный, не- скольکو сдавлен- ный, иногда с носowym оттен- ком.	Нетвер- дый.	По большей части ле- нивое и вполне равно- душное.	Мало по- лезен.	Хорошее, человек сердеч- ный.	Знает гармо- нию и вообще опытен.	Играет на скрипке и фис- гармо- нии.	Опыт- ный ре- гент и учитель.	Доста- точно начи- танный, особенно по старо- обряд- честву.	Дает уро- ки во многих школах и ретенует.	С 1887— 1888 го- да.	Сам-друг с женой. Доволь- но зажи- точен.	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Лазарев Михаил. 44 руб. 91 коп.	2-й тенор, хороший сильный голос, опытный певчий.	Хороший.	Хорошее.	Очень полезен для хора.	Очень хорошо.	Для певчего театрические свежие деня отличные.	Немного владеет скрипкой и фортепиано.	Слабое.			1890	Многосемейный и весьма незажаточный.	
Тимофеев Дмитрий. 44 руб. 91 коп.	1-й тенор. Голос довольно порядочный, но в сравнении с прошлым находится в постепенном упадке.	Очень хороший.	Прекраснос.	Очень полезен.	Безуризное.	Для певчего вполне достаточная.				Имеет заработки в других хорах.	1884—1885	Имеет жену и дочь, не особенно нуждается.	
Соколов Егор. 44 руб. 91 коп.	1-й бас, голос так себе.	Очень хороший.	Прекрасное, последнее месяцы час-то болел.	Очень полезен.	Очень хорошо.	Читает ноты хороши, роши, опытен в пении.		Опытный режент.	Конча духовное училище.	Дает уроки в городских школах и ретентует.	С 1892 года.	Имеет жену и дочь, не бедствует.	Уставщик левого кларроса.
Кустов Алексей. [44 руб. 91 коп.]	2-й бас, очень хороший голос с широким объемом.	Очень хороший.	Хорошее вообще, так как любит пение, но часто манкирует занятиями.	Очень полезен.	Очень хорошо.	Читает ноты хороши, роши, опытен в пении.				Иногда поет по пригласениям.	С 1893 года.	Жена, не нуждается.	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Макаров Алексей. 36 руб. 75 коп.	2-й тенор, голос поядочный, твердый.	Отличный.	Очень хорошее.	Очень полезен.	Отличное, научное.	Отличный музыкант.	Хорошо играет на скрипке и фортепиано.	Опытный регент.		Дает уроки [пения] в школах и игры на скрипке.	1890	Женат, детей нет. Не нуждается.	
Агеев Степан. 36 руб. 75 коп.	1-й тенор, голос поядочный, хотя хуже, чем прежде.	Хороший.	Хорошее.	Полезен.	Очень хорошо.	Достаточно певчего.				Иногда поет по приглашениям.	1895	Женат, детей нет.	
Гольякин Сергей. 36 руб. 75 коп.	1-й бас, голос слабый.	Хороший.	Хорошее, но в последние время боленно влое.	Малозаметное.	Очень хорошо, но без сомнения.	Достаточно певчего.				Пишет в газетах.	1891	Многожен и сильно нуждается.	
Власов Петр. 36 руб. 75 коп.	1-й бас, голос хороший, но не сильный.	Очень хороший.	Очень хорошее.	Полезен.	Очень хорошо.	Отличный музыкант и теоретик.	Играет на скрипке и фортепиано.	Опытный регент и учитель.	Конча курс учительской семинарии и регентские курсы для взрослых певчих хора.	Дает уроки пения в городских школах и в реальном училище.	1895	Женат, не нуждается.	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Макаренко Автоном. 36 руб. 75 коп.	1-й тенор, голос очень хороший	Очень хороший.	Очень хорошее.	Очень полезен.	Отличное.	Вполне достаточная.			Кончила курс в учительской братской Лубенской школе.		1896	Холост, хотя и нуждается.	
Курский Иван. 36 руб. 75 коп.	1-й бас, порядочный голос.	Хороший.	Неровное, вообще порядочное.	Полезен.	Хорошее, отношение с товарищами отличные.	Достаточная для певчего.			Кончила курс в приюте царицы Марии.		1892	Много-семейно и сильно нуждается.	
Световидов Евгений. 36 руб. 75 коп.	Октава, отличный октавист.	Хороший.	Хорошее.	Весьма заметное.	Отличное.	Достаточная.			Не кончила курс духовного училища.		1896	Холост, не особенно нуждается.	
Трыкин Николай. 36 руб. 75 коп.	1-й тенор, голос слабый, много резковатый.	Хороший.	Порядочное, иногда вялое.	Мало заметное.	Очень хорошее.	Достаточная.				Занимается в собственной портновской мастерской белья и дамских нарядов.	1887	Женат, имеет детей.	
Рязов Алексей. 29 руб. 40 коп.	2-й тенор, голос порядочный.	Не твердый.	Иногда вялое.	Мало заметное.	Хорошее.	Достаточная для певчего, но слабее других, хотя и довольно опытен в пении.					1897	Женат, детей не имеет, нуждается.	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Юханов Петр. 29 руб. 40 коп.	1-й тенор, довольно слабый голос, достаточный для хора.	Отличный.	Вполне добросовестный.	Полезен.	Очень хорошо.	Пройдет второй курс гармонии и скрипки.	Играет на фортепиано и скрипке.	Опытный регент.		Дает уроки пения и на фортепиано.	1897	Женат и имеет детей, очень нуждается.	Заведует составлением значений на службы.
Свечников Николай. 29 руб. 40 коп.	2-й тенор, голос довольно вольнопорядочный.	Хороший.	Не всегда похвален, иногда манкирует.	Довольно полезен, хотя и менее других.	Хорошее, хотя иногда легкомысленное.	Вполне достаточная.	Играет на фортепиано.		Кончил курс учительской семинарии.		1894—1895	Холост, нуждается.	
Попов Александр. 29 руб. 40 коп.	1-й тенор, голос довольно хороший.	Иногда не твердый.	Старательное.	Довольно полезен.	Безукоризненное.	Достаточная, для певчего мажорно-дискорден.				Изредка пишет ноты.	1897	Недавно женат.	
Бульчев Дмитрий. [29 руб. 40 коп.]	2-й (1-й) бас, очень хороший голос.	Хороший.	Старательное.	Полезен.	Очень хорошо.	Достаточная для певчего, учится.					1900	Женат, детей не имеет, содержит мать.	
Рushmanов Евгений. 29 руб. 40 коп.	1-й тенор, хороший голос.	Хороший.	Старательное.	Полезен.	Очень хорошо.	Достаточная для певчего, учится.					1900	Женат, имеет детей, нуждается.	
Ситник Иван. 29 руб. 40 коп.	1-й бас, довольно хороший голос.	Хороший.	Старательное.	Полезен.	Очень хорошо.	Достаточное.					1897	Много семени, сильно нуждается, недавно тяжело хворал.	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Поддубняк Роман. 29 руб. 40 коп.	2-й бас, довольно хороший голос.	Хороший (?).	Старательное.	Полезен.	Хорошее.	Достаточное.					1899	Женат, имеет детей, нуждается.	
Микულიн Николай. 29 руб. 40 коп.	2-й (1-й) бас, довольно хороший голос.	Хороший.	Старательное.	Полезен.	Хорошее.	Достаточное.						Холост.	
Якимов Василий. 29 руб. 40 коп.	1-й бас, малый, но довольно хороший голос.	Отличный.	Очень старателься.	Очень полезен.	Примерное.	Отличный музыкант и теоретик.	Играет на фортепиано.		Кончат курс в консерватории.		1897	Женат.	
Жилин Федор. 29 руб. 40 коп.	2-й бас, очень хороший голос.	Хороший.	Старательное.	Полезен.	Очень хорошо.	Достаточное, учится.							
Ершов Андрей. 25 руб.	2-й тенор, небольшой, но чистый голос.	Хороший.	Довольно старательное.	Довольно полезно.	Очень хорошо.	Достаточное, учится.			Кончат курс в духовной семинарии.			Холост, нуждается.	
Краснов Иван. 25 руб.	1-й тенор, хороший голос, хотя не достаточный окрепший.	Хороший.	Очень старателься.	Полезен.	Безуризен.	Достаточное, учится.						Холост.	

1901 год

Выписка из протокола заседания Наблюдательного совета с постановлением, сделанным на основе доклада С. Н. Кругликова и В. П. Войденова о сочинениях протоиерея М. А. Лисицына «Великая ектения» (с moll), «Господи, спаси» и «Святый Боже» № 1 (е moll) и № 2 (G dur) и др. и А. Т. Гречанинова «Благослови, душе моя, Господа» и «Свете тихий».
6 февраля 1901 года*

Наблюдательный совет положил своим мнением: ...Сочинения Лисицына М. А. обнаруживают мало знания, плохое и неуверенное голосоведение, мутно намеченный модуляционный план, слабую ритмику со слабыми временами такта, отдельными слогами с большим ударением, обыденность и пестроту изложения, частое употребление неодновременного произношения слов и отступление от гласового напева. Признаны не заслуживающими разрешения к печати.

Гречанинова «Благослови» и «Свете тихий», хотя и имеющие нежелательные повторения текста и неодновременные произношения слов, но несомненно талантливые, показывающие проникновение в смысл религиозного текста и понимание православного церковного склада, а также удачное отыскание приемов, которые при всей простоте были бы интересными, чуждыми ремесленности и рутины. Признаны заслуживающими разрешения к печатанию и употреблению в храмах.

Вынесенный членами Совета С. В. Смоленским и А. Д. Кастальским отзыв о рукописи Н. С. Кленовского «Песнопения на Литургии Св. Иоанна Златоустаго грузинского (кахетинского) роспева».
6 февраля 1901 года**

Рукопись Кленовского представляет собой прекрасную гармонизацию талантливого музыканта, написанную вполне удобно для голосов и в высшей степени желательную в качестве употребления при богослужении. В печати подобные работы появляются очень редко.

* Писарская копия. *Журнал заседаний Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения за 1901 год* — РГАЛИ, ф. 662, оп.1, № 6, л. 8—8 об.

** Писарская копия. Там же, л. 15—15 об.

**Предложенные членами Совета В. С. Орловым и В. Ф. Комаровым
отзывы о бывших у них на рассмотрении
переложениях А. Д. Кастальского.
23 марта 1901 года***

«Гармонизации А. Д. Кастальского “Господи воззвах” и “Да исправится молитва моя” знаменного и обычного киевского роспева и догматиков знаменного роспева я считаю вполне удовлетворительными, к напечатанию и употреблению при церковных богослужениях пригодными».

В. Орлов.

«Соглашаясь с отзывом В. С. Орлова, считаю долгом заметить, что в гармонизации обычного напева желательнее менее видеть отступлений от гармонии, выработанной для него непосредственным слухом русских церковных певцов и дошедшей до нас по преданию. Гармония эта иногда однообразна, ограничиваясь аккордами тоники и доминанты, но тем не менее натуральна. Как на пример отступления могу указать на 3-ю строку 1-го гласа, в которой слышится аккорд соль мажор, а не ре минор, на 3-ю строку 2-го гласа, где слышится ре минор или соль мажор, но не фа мажор. Есть у автора несходство с прежними гармонизаторами и в знаменном напеве, но здесь по отсутствию гармонического предания трудно сказать, кто ближе к естественности. Во всяком случае, гармонизация автора более разнообразна и музыкально более интересна, чем предшествующие. Обиходная мелодия везде выдержана, хотя и не остается в одном и том же голосе, чего нельзя и требовать, не стесняя свободы голосоведения».

В. Комаров.

**Вынесенный членами Совета В. С. Орловым и В. Ф. Комаровым
отзыв на нотные приложения к «Руководству для лиц,
отправляющих церковные службы при участии митрополита
и епископа» протоиерея Н. Розанова.
6 сентября 1901 года****

Приложения содержат запись некоторых песнопений и возглашений Успенского собора в Неделю Православия и на «царских часах» (одноголосно). Некоторые ритмические неточности в записи легко могут быть исправлены, поэтому к печатанию препятствий не имеется, а в церковном употреблении записанное существует по преданию.

* Писарская копия. *Журнал заседаний Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения за 1901 год* — РГАЛИ, ф. 662, оп.1, № 6, л. 42 об. — 43 об.

** Писарская копия. Там же, л. 50 об. — 51. Точное название труда, составленного ключарем храма Христа Спасителя Н. А. Розановым: «Песнопения, поемые сослужащими при архиерейском служении». Приложение к «Руководству для отправляющих церковное богослужение при участии митрополита, епископа и всего Собора». М., [1902].

**Сообщение прокурора Московской Синодальной конторы
А. А. Ширинского-Шихматова о смерти В. Ф. Комарова.
27 ноября 1901 года***

3 ноября после продолжительной и тяжелой болезни скончался член Наблюдательного совета Василий Федорович Комаров¹; 5 ноября по совершении отпевания в церкви Московской духовной семинарии в сослужении обоих викариев Московской епархии преосвященных Парфения и Трифона и высокопреосвященного митрополита Московского Владимира почивший погребен на Миусском кладбище. Синодальный хор по моему распоряжению участвовал в совершении панихид при гробе покойного, в выносе тела из квартиры в храм и пел заупокойную литию с проводом. По желанию членов Совета и администрации Синодального училища были возложены на гроб почившего два металлических венка с надписями: «Защитнику древних преданий в богослужбной музыке — Наблюдательный совет Синодального училища» и «Борцу за православие в церковном пении — Синодальное училище». Первый венок возложен непременно членом С. Н. Кругликовым, членом заведующим хорами В. П. Войденовым и делопроизводителем совета Н. П. Поповым, а второй директором училища В. С. Орловым и старшим воспитателем А. В. Преображенским. О смерти В. Ф. Комарова мною донесено обер-прокурору Св. Синода и возбуждено ходатайство об усилении пенсии вдове покойного за заслуги, оказанные ее мужем духовному ведомству. В своем рапорте я доносил обер-прокурору, что почивший страстно был предан делу церковного пения и посвящал ему все досуги, которые оставались от исполнения им служебных обязанностей; он обыкновенно первый откликался на всякое начинание, клонившееся к улучшению любимого им дела; он был ревностным участником в обществах и кружках, которые ставили себе задачей попечение об улучшении церковного пения и прочего. При этом мною был сообщен список научно-педагогических и музыкальных произведений покойного, посвященных разработке богослужб-

* Писарская копия. *Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения за 1901 год* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 6, л. 92—94 об. В деле представлены журналы Наблюдательного совета за 1901 год, в которых находятся беловые стенограммы пяти заседаний Совета. Заседания 6 февраля, 23 марта 1901 года проходили под председательством прокурора Московской Синодальной конторы А. А. Ширинского-Шихматова в составе директора училища С. В. Смоленского, регента хора В. С. Орлова, постоянного члена Наблюдательного совета С. Н. Кругликова, члена заведующего частными духовно-певческими хорами В. П. Войденова и членов совета В. Ф. Комарова, В. М. Металлова и А. Д. Кастальского; заседание 6 сентября возглавлял исполняющий обязанности прокурора Московской Синодальной конторы Орлов при участии Кругликова, Войденова, Комарова, Кастальского и Металлова; заседание 27 ноября проходило под руководством Ширинского-Шихматова при участии Орлова, Кругликова, Войденова, Кастальского, Металлова.

ного пения. Сочинения В. Ф. Комарова по предмету церковного пения следующие:

- 1) Практическая школа хорового пения, издание 1875 и 1895 гг.
- 2) Средства к улучшению церковного пения, 1890 г.
- 3) Пение в начальной русской школе (методические указания), 2-е издание, 1899 г.
- 4) Пособие к преподаванию церковного пения, составлено для учителей начальных школ Богородского земства.
- 5) Молебен благодарственный для однородного детского хора.
- 6) Молебен пред началом учения, переложенный для однородного детского хора.
- 7) Песнопения литургии для однородного детского хора: ч. 1 — неизменяемые песнопения, ч. 2 — воскресны из Октоиха.
- 8) «Господи, спаси благочестивыя» и «Трисвятое» на Литургии древнего напева.
- 9) Вариант Херувимской Азеева для смешанного хора.
- 10) Стихира 6-го гласа знаменного роспева «Днесь происходит Крест Господень», переложение для 2-х голосов.
- 11) «Благослови, душе моя, Господа».
- 12) Подобны на Преображение.
- 13) Задостойник на Преображение для смешанного хора.
- 14) Тропарь на Крещение обычного роспева для смешанного хора.
- 15) Ирмосы канона на Воздвижение для смешанного хора.
- 16) Многолетие.
- 17) Великое славословие.
- 18) «О Тебе радуется».
- 19) «Кресту Твоему».
- 20) «О преславного чудесе».
- 21) «Тебе Бога хвалим»

Сообщив вышеизложенное, г. председатель предложил совету в благодарное воспоминание о заслугах покойного сочлена делу церковного пения поставить в одной из зал Синодального училища портрет В. Ф. Комарова.

Комментарии

1. Подробнее о трудах В. Ф. Комарова на ниве церковного пения, а также публикацию его работы «Средства к улучшению церковного пения» см. в третьем томе серии.



1902 ГОД

Выписка из протокола заседания правления об испытании

Н. М. Данилина на должность помощника регента

Синодального хора.

10 января 1902 года*

[А. А. Ширинский-Шихматов]: «С назначением в июне 1901 года регента Синодального хора В. Орлова на должность директора училища исполнение регентских обязанностей применительно к § 41 училищного Устава возложено на помощника регента А. Кастальского. Озабочиваясь приготовлением из питомцев Синодального училища достойных продолжателей того же дела усовершенствования Синодального хора, которое около 20-ти лет с общепризнанными честью и авторитетом вел г. Орлов, я пригласил к исполнению обязанностей помощника регента с 1 сентября 1901 года окончившего курс Синодального училища П. Чеснокова с производством ему содержания в половинном размере против штатного положения, другая половина этого содержания была оставлена для второго кандидата на должность помощника регента. По указанию и рекомендации г. Орлова я избрал таким кандидатом тоже питомца училища Н. Данилина. В декабре месяце с целью попробовать его силы и способности ему было дано разучить в четыре дня малоизвестный дотоле хору концерт Бортнянского, и он по окончании срока показал свое умение руководить певцами в присутствии моем, г. директора и исполняющего обязанности регента. В настоящее собрание г. Данилин приглашен для регентования без предварительной подготовки. Советом было назначено ему исполнение с хором (сперва под аккомпанемент фортепиано, а затем и без него) Херувимской Бортнянского № 4, последней части концерта «Скажи ми, Господи, кончину мою» и 7-й воскресной евангельской стихиры 7-го гласа (большого знаменного распева)».

По выслушании прописанного предложения Наблюдательный совет постановил: находя, что г. Данилин управляет хором с умением и проявляет способности, необходимые для успешного регентования, что под ближайшим руководством столь опытного регента, как г. Орлов, он оправдывает доверие, которого удостоивается, — признать его пригодным для исполнения обязанностей второго помощника регента и копию с настоящего определения передать к делам училищного правления.

* Писарская копия. *Журналы заседаний правления Синодального училища церковного пения за 1901/02 год* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 5, л. 107—107 об.

**Постановление правления Синодального училища
о праздновании юбилеев В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя.
14 марта 1902 года***

Постановили:

1. Имея в виду, что в текущем учебном году исполняется 50 лет со времени кончины великих писателей земли русской В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя, сильно двинувших вперед историю русского самосознания и русской литературы своими высокохудожественными творениями, почтить память их особыми торжествами: Жуковского 21-го и Гоголя 23 апреля в стенах училища.

2. В дни торжеств утром совершить панихиды по усопшим писателям, а вечером (в 8 часов) устроить литературные чтения с туманными картинами и пением для ознакомления учащихся с жизнью и заслугами названных писателей.

3. Чтение о Жуковском поручить преподавателю словесности в училище Н. Попову, а о Гоголе — старшему воспитателю и преподавателю литературы А. Преображенскому, предоставив им привлечь к чтению образцовых произведений обоих авторов и учеников регентского отделения, кто окажется среди них способным к выразительному произношению.

4. Чтения закончить: первое — хоровым исполнением «Боже, царя храни», «Славы» Римского-Корсакова и «Ночного смотра» Глинки—Бларамберга — произведений, в которых слова принадлежат Жуковскому, а второе — «Песнею парубков» Римского-Корсакова (из «Майской ночи») и финалом «Ночи перед Рождеством» того же музыканта.

5. Раздать ученикам регентского отделения по экземпляру полного собрания сочинений (в общедоступном издании) Гоголя, а воспитанникам певческого отделения брошюры о Гоголе и Жуковском, подходящие по своему содержанию к степени развития каждого класса на благодарное воспоминание об училищном празднике и почивших русских писателях.

6. Просить г. прокурора конторы открыть кредит на удовлетворение расходов по устройству праздника, которые сведутся к приобретению упомянутых изданий и платы за пользование картинами для волшебного фонаря.

* Машинописная копия. *Журналы правления Синодального училища церковного пения за 1901/02 учебный год* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 5, л. 120—121.

В течение данного учебного года состоялось 20 заседаний правления, стенограммы которых помещены в деле. Протокол заседания 10 января подписан В. С. Орловым, А. В. Преображенским и И. И. Серебренницким; протокол 14 марта — теми же и А. Д. Кастальским. На л. 33 — рапорт А. В. Преображенского, где он излагает свое «особое мнение» по поводу введения коллективных занятий с учениками по чтению партитуры и совместной игры струнными квартетами.

**Сообщение Наблюдательному совету
«О церковно-певческих хорах и церковном пении в г. Рязани»
члена-сотрудника Совета Н. Е. Вифляева.
31 декабря 1902 года***

Всех певческих хоров в г. Рязани около 15-ти, считая в этом числе хоры учебных заведений и полков; все они по составу своему, за исключением немногих, смешанные и состоят от 10-ти до 35-ти человек. Если из вышеуказанного числа хоров выключить хоры учебных заведений и полков (полковых хоров — три), то профессиональных хоров будет не более четырех, из которых видное место занимают: хор архиерейский и хор при церкви Бориса и Глеба. В профессиональных хорах большой певчий получает от 8-ми до 20-ти рублей в месяц, а мальчик — от 3-х до 6-ти рублей. При сравнительно дорогой здесь жизни такое маленькое содержание делает певческий труд приватным, а потому профессиональных певчих почти нет, а занимаются этим делом большею частью с небольшим окладом чиновники, народные учителя и т. п., мальчики же в хорах — ученики городских училищ, дети небогатых родителей. Учителя церковного пения и регенты получают также небольшое содержание, и потому немногие из них занимаются пением специально.

Приблизительный репертуар церковных песнопений, исполняемых хорами в г. Рязани, следующий:

Из литургии

«Единокродный Сыне»	Бортнянский, Чайковский
Херувимская	Бортнянский, Турчанинов, Львов, Виноградов, Чайковский, Римский-Корсаков, Малашкин, Фатеев
«Милость мира»	Виноградов, Фатеев, Архангельский, Римский-Корсаков, Львов, Жданов, Турчанинов, Вифляев, Аренский («Тебе поем»).
«Достойно есть»	Бортнянский, Львов, Архангельский, Балакирев, Кастальский
Задостойники	Турчанинов
«О Тебе радуется»	Турчанинов, Виноградов, Бортнянский
«Отче наш»	Бортнянский, Львов, Римский-Корсаков, Климов

* Автограф. Дело об избрании членов-сотрудников Наблюдательного совета и их сообщения — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 1, л. 23— 24 об. В деле представлены материалы 1900—1914 годов, связанные с избранием членов-сотрудников Наблюдательного совета: списки получивших соответствующие дипломы членов-сотрудников, их благодарственные письма, а также несколько отчетов с мест. В числе последних — отчеты Н. Е. Вифляева, посланные из Рязани и Ташкента (см. с. 425—426).

Причастные Бортнянский (некоторые концерты), Архангельский («Господи, услыши молитву мою»), Виноградов, Бахметев, Львовский

Из всенощного бдения

Предначинательный псалом	Львов, Ломакин
Догматики	Виноградов
«Свете тихий»	Львов, Чайковский, Воротников
«Ныне отпускаеши»	Турчанинов, Архангельский, Вифляев
«Хвалите имя Господне»	Львов, Беневский, Григорьев
Ирмосы	Львов
Великое славословие	Архангельский
«Взбранной воеводе»	Виноградов
Канон первой седмицы	Бортнянский, Турчанинов, Архангельский
«Ныне силы небесныя»	Бортнянский, Виноградов
«Вкусите и видите»	То же
Страстная седмица	Турчанинов
«Плотию уснув»	Климов

Кроме того, любимыми песнопениями у публики, нередко и у исполнителей, являются рукописные под названиями «полтавских», «тамбовских», Веделя, Соколова, Васильева и др.¹ Все эти песнопения, очень часто написанные безграмотно в музыкальном отношении, отличаются отсутствием церковности. С такими вкусами публики и исполнителей трудно бывает подчас бороться регентам и учителям церковного пения, где главными затруднениями представляются — низкий уровень вообще здесь музыкального образования и в некоторых случаях материальная зависимость от этой публики. В этом случае большую пользу оказал бы контроль, который, следя за репертуаром песнопений, вместе с тем мог бы служить и авторитетом как для регентов и учителей пения, так и для публики.

1902, 31 декабря. Н. Вифляев.

Комментарии

1. Очевидно, В. С. Орлов обратился к Вифляеву с просьбой разъяснить происхождение таких названий песнопений, как «тамбовское» и «полтавское». В ответном письме Орлову от 17 января 1903 года Вифляев пишет: «Названия эти, как я думаю, произошли по большей части таким образом. Положим, из Рязани по своим делам отправился любитель церковного пения (вроде церковного старосты, попечителя и т. п.) или регент в Тамбов, где и услышал какое-нибудь церковное песнопение, которое ему понравилось, и захотелось, чтобы это песнопение также исполнил и его хор в Рязани. По просьбе ему списали это песнопение или сам он списал его; но это песнопение рукописное, и автор его, что бывает очень часто, неизвестен, или просто позабыли при переписке поместить автора. Приехав обратно в Рязань, он отдает это песнопение разучить своему хору. Но это песнопение, однако, нужно же как-нибудь на-

звать! Хотя бы для своего каталога нот... То невольно и дают этому песнопению название «тамбовское», так как оно привезено из Тамбова и т. п. Поэтому такого рода песнопение не есть тамбовского напева, а просто духовно-музыкальное сочинение неизвестного или забытого автора. Немало рукописных песнопений неизвестных или забытых авторов поются также под именем Веделя и других, но чаще Веделя, ибо он здесь более всех известен в рукописной церковно-певческой литературе» (РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 1, л. 25—26).



1903 год

**Выписка из протокола Наблюдательного совета
с отзывами С. Н. Кругликова и В. П. Войденова о сочинениях
В. И. Ребикова, М. М. Ипполитова-Иванова и С. В. Панченко.
16 сентября 1903 года***

По выслушании отзывов, ознакомлении членов Совета с рукописями и отобрании голосов Наблюдательный совет положил своим мнением: из бывших на рассмотрении членов Совета С. Кругликова и В. Войденова духовно-музыкальных композиций признать: *не заслуживающими печатания*: <...> Ребикова Литургию Св. Иоанна Златоустаго вследствие хроматичности общей манеры, малой проникновенности автора в сущность текста, а также встречающихся в «Единородном», «Отче наш» и «Да исполнятся уста» ритмических странностей, которые заставляют произносить слова вопреки их значению и принятому в богослужебном языке чтению, хотя Ребиков, несомненно, талантливый музыкант и коренная переделка его труда могла бы открыть для него доступ в храм¹. <...> *Заслуживающими печатания*: ...Ипполитова-Иванова Литургию Св. Иоанна Златоустаго для четырехголосного смешанного хора и пять Херувимских песней (2 для женского и 3 для смешанного хора) как безусловно диатоничных по гармонии и обнаруживающих в выборе аккордов вкус, а в их общем плане настоящего музыканта. Заслуживает внимания, что автор, видимо, углубляется в сущность и характер церковного пения². <...> Панченко, Херувимскую песнь (E dur) как сочинение даровитое, изложенное с хорошим настроением и знанием дела (а по местам даже вдохновенно), но при этом представляется совершенно необходимым переделать среднюю часть, где заметно злоупотребление хроматическими движениями, рискованный прием излагать мотив в более и более мелких длительностях и не подходящая к церковному песнопению инструментальность, в силу которой альт с тенором в унисон выделывают бессодержательные фигурации. Величание (C dur) как торжествен-

* Машинописная копия. *Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения за 1903 год* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 8, л. 25 об.—29. Данный документ включает протоколы четырех заседаний Наблюдательного совета: 18 февраля, 16 мая, 16 сентября и 2 декабря 1903 года. Заседание 16 сентября 1903 года проходило под председательством исполняющего обязанности прокурора Московской Синодальной канторы В. С. Орлова в составе непременного члена С. Н. Кругликова, члена заведующего частными духовными хорами В. П. Войденова, членов В. М. Металлова, Н. Д. Кашкина и А. Д. Кастальского.

ное, прочувствованное и безусловно диатоничное; «Кресту Твоему» (fis moll) как сильное и строгое по музыке и выдержанное в церковном стиле; многократное «Господи помилуй» (A dur) как прочувствованное, хотя и заключающее в себе редкие и сравнительно невинные хроматические движения; ектению после славословия и конец утрени (e moll, C dur) как строго диатоничные и музыкально грамотные и «Великое славословие» (A dur) как содержащее вместе с прекрасным началом красивые и оригинальные сочетания, но ввиду склонности автора к хроматическим модуляциям не возбуждающее молитвенного настроения³. Следовало бы назначить произведения [Панченко] лишь для концертного исполнения.

Комментарии

1. Литургия св. Иоанна Златоуста В. И. Ребикова несмотря на отрицательную резолюцию Наблюдательного совета была опубликована в издательстве П. Юргенсона в 1911 году.

2. Речь идет о Литургии св. Иоанна Златоустаго, ор. 37 (П. Юргенсон, 1903) и Пяти Херувимских песнях, ор. 38 (П. Юргенсон, 1903) М. М. Ипполитова-Иванова.

3. Упомянутые хоры С. В. Панченко ор. 24 и ор. 25 опубликованы в 1903—1904 годах издательством П. Юргенсона.



1904 год

**Выписки из протокола заседания Наблюдательного совета
с отзывами С. Н. Кругликова и В. П. Войденова
о сочинениях А. А. Ильинского и А. Т. Гречанинова.
30 января 1904 года***

[Сочинения] Ильинского «Се ныне благословите Господа» (a moll), «Отче наш» (E dur) и «Всякое дыхание да хвалит Господа» (a moll) — произведения отличного музыканта; много мастерства, знания; прекрасная fuga в концерте; представляются в Совете вторично в несколько измененном виде, и теперь сочинения упрощены настолько, что оставшиеся невинные случаи хроматизма не могут воспрепятствовать дозволению печатать и петь в храмах¹. <...>

[Сочинения] Гречанинова — два хора из всеобщего бдения «Ныне отпускаеши» (E dur) и «Хвалите имя Господне» (A dur) — вполне диатонически изложенные композиции; музыкальные церковные цели вполне осознанные; чувствуются талант, вдохновение, изучение стиля; последнее особенно ясно в № 2; если в силу этого № 1 безусловно может войти в круг желательных церковных песнопений, то № 2 для храма решительно рекомендуется².

Комментарии

1. Упомянуты сочинения А. А. Ильинского ор. 15 «Се ныне благословите Господа», «Отче наш» и «Хвалите Господа с небес», опубликованные в издательстве П. Юргенсона в 1904 году. Последнее сочинение известно также под названием «Всякое дыхание да хвалит Господа»; С. В. Смоленский охарактеризовал его как «труднейший мотет с самыми запутанными по мелодической трудности темами, с самыми сложными фигурированными изложениями» (см.: Т. I. С. 107).

2. Два хора А. Т. Гречанинова ор. 34 опубликованы в издательстве П. Юргенсона в 1904 году.

* Машинописная копия. *Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 125, л. 6 об.

**Сообщение прокурора Московской Синодальной конторы
А. А. Завьялова о концертах Синодального хора в Твери.
27 февраля 1904 года***

С разрешения г. обер-прокурора Св. Синода и по приглашению тверского губернатора Синодальный хор в составе 22-х малолетних и 20-ти взрослых певцов ездил в Тверь для двух духовных концертов, из которых 1-й состоялся 25 февраля в зале тверского Благородного собрания в 8 часов вечера, а второй во дворце — квартире начальника губернии в 12 часов дня 26 февраля для особо приглашенной и виднейшей части тверского общества¹. Программа концертов была следующей:

1-й [концерт]: Херувимская № 2 Львова, «Волною морскою» Гречанинова, «Свете тихий» Чайковского, Херувимская № 7 Бортнянского, «Виждь твоя пребеззаконныя дела» Львова.

2-й [концерт]: Херувимская Музыкаску, «Отче наш» Копылова, Херувимская № 7 Бортнянского, «Свыше пророцы» Балакирева и «С нами Бог» Кастальского².

Управлявшему хором В. С. Орлову был поднесен на концерте в Благородном собрании роскошный венок, а всем участникам хора розданы губернатором изготовленные на память о поездке в Тверь жетоны. Концерт в Собрании дал сбору 1700 рублей — цифру для Твери весьма внушительную; сбор за покрытие необходимых расходов поступает на нужды Красного Креста. Хор и сопровождавшие его лица были приняты начальником Тверской губернии весьма внимательно и любезно.

Комментарии

1. Приглашение Синодального хора в Тверь состоялось по инициативе бывшего прокурора Московской Синодальной конторы А. А. Ширинского-Шихматова, который в 1903 году был переведен на должность тверского губернатора.

2. Обнаружен также другой вариант программ выступлений Синодального хора в Твери (см. раздел «Концертная деятельность»).

* Машинописная копия. *Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 125, л. 11 об.—12. В деле представлены журналы Наблюдательного совета с протоколами заседаний от 30 января, 27 февраля, 16 апреля, 7 мая, 23 сентября, 19 октября 1904 года. Заседание 30 января проходило под председательством прокурора Московской Синодальной конторы А. А. Завьялова в составе директора Синодального училища В. С. Орлова, неперменного члена совета С. Н. Кругликова, члена заведующего частными духовно-певческими хорами В. П. Войденова, членов Наблюдательного совета А. Д. Кастальского, В. М. Металлова и Н. Д. Кашкина; на заседании 27 февраля присутствовали те же, за исключением Н. Д. Кашкина.

**Письмо прокурора Московской Синодальной конторы А. А. Завьялова
протопресвитеру Большого Успенского собора В. С. Маркову.**

3 марта 1904 года*

Досточтимый отец протопресвитер Владимир Семенович.

По словесному нашему соглашению сегодня за вечерней спевкой в Синодальном училище произведено было испытание диакону Костромской епархии Ризположенскому. Возглашение ектений и многолетия, а равно чтение Евангелия о. кандидатом признается удовлетворительным, голос хорошим. По мнению производивших в моем присутствии испытание гг. директора, регента и его помощника, а равно и по отзыву старших певчих, диакон Ризположенский мог бы с честью служить в Успенском соборе, конечно, если будет внимательно прислушиваться к служению опытных отцов диаконов и возьмет несколько уроков у специалистов по обработке голоса и выразительному чтению¹. <...>

Алексей Завьялов.

Комментарии

1. Диакон единоверческой церкви с. Гольчихи Костромской епархии В. П. Ризположенский проходил испытание голоса в Синодальном училище перед его приемом в штат Успенского собора. Перемещен в собор 27 марта 1904 года, победив в «состязании» с протодиаконом кафедрального собора Пензы Никольским (см. ниже).

**Письмо В. С. Орлова, А. Д. Кастальского и Н. М. Данилина
протопресвитеру Успенского собора В. С. Маркову.**

5 марта 1904 года**

Глубокоуважаемый Владимир Семенович! Присланный Вами на испытание о. Никольский из Пензы прочитал ектенью, Евангелие, многолетие и показал достаточно хороший голос с довольно приятным тембром, хотя в выговоре был замечен небольшой посторонний звук несколько свистящего или шипящего оттенка. По сравнению с предшествовавшим, бывшим у нас на пробе третьего дня, о. Никольский слабей несколько.

Директор Вас. Орлов.

А. Кастальский.

Н. Данилин.

* Автограф. На бланке: «Прокурор Московской Синодальной конторы». *Входящие бумаги* — Музей-заповедник «Московский Кремль», отдел рукописных, печатных и графических фондов, ф. 4, № 85, л. 30.

** Автограф А. Д. Кастальского. Там же, л. 32.

**Выписка из протокола заседания Наблюдательного совета
об обмене мнениями с Д. Н. Соловьевым.
16 апреля 1904 года***

...По прочтении записки [С. Н. Кругликова с требованиями к новым духовно-музыкальным сочинениям] г. Соловьев¹ обратил внимание на требование от церковной музыки строгого диатонизма, которое выставляется автором записки как основное и самое необходимое для оздоровления богослужебного пения и для придания ему строго церковного направления в отличие от изысканной и пряной гармонии, преобладающей в светских песнопениях; начал проводить ту мысль, что такого требования нельзя предъявлять всюду и всегда, что могут быть произведения, не отвечающие этому требованию и все же возбуждающие молитвенное настроение.

В последовавшем обмене мнений со стороны членов Совета было выяснено, что они понимают требование от музыкальных произведений строго диатоничной гармонии не как неизменное правило для всех, а как указание наиболее правильного пути для тех, кто желает работать в духе и смысле церковно-богослужебной музыки и в строгом соответствии с задачами и идеалами церкви, исключаящими всякую изнеженность и вычурность в выражении чувств, и что для аскетических стремлений церкви должна быть найдена соответствующая гармоническая одежда, какую Совет и считает строгий диатонизм.

Но как церковь не всегда и не для всех настаивает на исключительной строгости своих аскетических идеалов, снисходя или к слабости человеческой, или к наличности высоких религиозных стремлений неаскетического характера, так может поступать она и в области богослужебной музыки: при наличности дарований в художнике и при искренности и задушевности его настроения она может поступаться требованиями строгого диатонизма. Равным образом может быть сделана уступка и в том случае, когда красота музыкальной формы в значительной мере искупает недостаток строгости и религиозности в произведении. <...>

Комментарии

1. Директор канцелярии обер-прокурора Св. Синода Д. Н. Соловьев, присутствовавший на заседании, известен также как автор духовно-музыкальных композиций и составитель Церковно-певческого сборника (в 5-ти томах), изданного Учебным комитетом при Св. Синоде. Приезд Д. Н. Соловьева в Синодальное училище был связан с проектом Министерства императорского двора организовать при Синодальном училище курсы для регентов и учителей церковного пения. (Соловьев являлся председателем комиссии по этому вопросу.) Более поздние документы показывают, что проект остался неосуществленным.

* Машинописная копия. *Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 125, л. 19 об.—20.

**Речь прокурора Московской Синодальной конторы А. А. Завьялова
по случаю смерти члена Наблюдательного совета В. П. Войденова.
23 сентября 1904 года***

«Милостивые господа! И закон, и обычай обязывают председателя перед открытием заседания всякой коллегии осмотреться, все ли господа члены налицо и подождать случайно запоздавших. Следуя этому требованию, мы с искренней грустью отмечаем, что среди нас нет и не будет больше В. П. Войденова. 15 сентября он умер и 18-го погребен. Не признавая за собою нравственного права открыто учитывать, как много потерял наш Совет в лице почившего всеми любимого усердного соратника и всегда благожелательного сослуживца, мы находим справедливым засвидетельствовать здесь как выражение единодушного тяжелого сознания понесенной нами утраты, что по возможности все, что только предсказала нам сердечная расположенность к почившему и христианское понимание нами данного положения, нами исполнено.

В день смерти Василия Петровича члены Совета собрались в этом зале для первого молитвенного его поминовения при участии всего Синодального хора и всех воспитанников училища. Отец В. М. Металлов отслужил торжественную панихиду, предварив ее теплым церковным словом о почившем, г. директор В. С. Орлов лично управлял пением хора за панихидою, после которой мы составили небольшое собрание, поделились друг с другом воспоминаниями о Василии Петровиче и грустными сведениями о последних минутах жизни нашего общего друга. На другой день наш хор пел панихиду в квартире покойного, а в день его погребения литургию и отпевание в церкви духовной семинарии под управлением г. директора. От имени Наблюдательного совета на гроб Василия Петровича возложен был венок с надписью «Человеку труда и долга». Оказана возможная денежная помощь вдове: 22-го числа от имени бывшего председателя Совета, ныне тверского губернатора, получена телеграмма на имя г. директора: «Прошу передать вдове почившего чувства живейшего соболезнования по поводу безвременной кончины В. П. Войденова». Содержание телеграммы немедленно было сообщено г-же Войденовой. В состав Совета войдет в свое время на место Василия Петровича новое лицо. Будем надеяться, что оно принесет в нашу общую работу новый элемент прекрасного, но хотелось бы, чтобы следы деятельности Василия Петровича не были запорошены. И мы, пережившие его товарищи его и свидетели его трудов, усилий и начинаний, окажем памяти его наилучший почет... Предлагаю почтить его память вставанием».

Присутствующие встали, а отделение Синодального хора, приглашенное к началу собрания, пропело «вечную память» почившему члену Совета.

* Машинописная копия. *Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 125, л. 33—34.

**Отзыв С. Н. Кругликова
о сочинениях В. С. Калининкова, П. Г. Чеснокова и Э. Ф. Направника.
23 сентября 1904 года***

... [Духовно-музыкальные сочинения] В. С. Калининкова: Херувимская песнь (C dur) для дисканта, альты, 2-х теноров и 2-х басов — аскетична, пустынно сурова и очень музыкальна, можно рекомендовать в храмы; «Тебе поем» (d moll) для дисканта, альты, тенора и баса — несколько более сложный гармонический строй музыки не может и этот номер удалить от церковного употребления; «Достойно есть», переложение — спокойно, стильно, строго и оригинально; вне сомнения годится, как и предыдущие два номера, в печать и на клирос.

П. Г. Чеснокова — духовно-музыкальные сочинения и переложения ор. 3: Херувимская песнь на «Радуйся» (F dur), «Милость мира» киевского роспева (C dur) и «Славословие великое» знаменного роспева (двухорное B dur) — очень интересные, талантливые сочинения, искусно рассчитанные на большие хоровые средства; стиль, близкий Кастаньскому; имеются кое-где угловатости, но они тонут среди возвышенных, вдохновенных тактов; следует не только напечатать, но и рекомендовать клирошанам православного храма.

Э. Ф. Направника — три духовных хора для смешанных голосов ор. 73, посвящаются Церковно-певческому благотворительному обществу и его основателю и руководителю Александру Андреевичу Архангельскому¹: «Отче наш» (F dur), «Иже херувимы» (Es dur) и «Верую» (B dur) — мастерские, очень интересные по своей музыкальной сложности и отличной фактуре хоры. Их следует напечатать, но их писал человек, не знающий значения этих молитвословий в нашем богослужении, что особенно сказалось в распределении текста по протяжению Херувимской, которая таким образом сама собою уходит из области церковно-музыкальной практики. Место этой Херувимской — эстрада духовного концерта; но «Отче наш» и «Верую» я бы не отлучал от храма.

Комментарии

1. Петербургское Церковно-певческое благотворительное общество было образовано в 1902 году известным церковным композитором и дирижером А. А. Архангельским, который руководил устраиваемыми Обществом благотворительными концертами сводного хора петербургских певчих («концерты 500»). Общество пользовалось поддержкой императора, располагало хорошими финансовыми средствами. По его образцу были открыты подобные общества в Харькове, Ростове-на-Дону и других городах.

* Машинописная копия. *Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 125, л. 40—40 об.

**Постановление Наблюдательного совета
о сочинениях С. В. Панченко.
23 сентября 1904 года***

Из бывших на рассмотрении члена Совета А. Кастальского духовно-музыкальных сочинений признать: <...> Панченко — сборник песнопений из литургии (от «Приидите поклонимся» до ектении об усопших), панихиды и всенощного бдения, его же сборник, начиная с «Господи воззвах» знаменного роспева и кончая «Во царствии Твоем», его же «Единородный» (F dur — d moll), «Милость мира» (киевское), «Достойно» (знаменное), как написанные вполне грамотно, с несомненным знанием дела, допустимыми к печатанию и пению в храмах¹; при этом Совет обратил внимание на то, что сборники, вроде принадлежащих г. Панченко, дополняя один другой и представляя целые литургии, всенощные и панихиды, идут вразрез с синодальным постановлением, которое воспрещает авторам издавать на свет цельные круги песнопений на тот или иной отдел православного богослужения.

Комментарии

1. Обсуждались духовно-музыкальные сочинения С. В. Панченко ор. 30, 33, 45, 47, опубликованные в издательстве П. Юргенсона в 1905—1908 годах.

**Отчет Н. Е. Вифляева
«О церковно-певческих хорах в г. Ташкенте».
29 декабря 1904 года****

Перейдя на службу из г. Рязани в г. Ташкент преподавателем пения Кадетского наследника цесаревича корпуса, я решаюсь хотя за краткое время моего пребывания и наблюдения здесь за церковно-певческим делом представить Наблюдательному совету этот отчет. В г. Ташкенте кроме хоров учебных заведений насчитывается четыре хора — при соборе и при церквях Иосифо-Георгиевской, вокзальной и Сергиевской. Из них первые три хора смешанные, а последний — однородный из мужских голосов. Самый боль-

* Машинописная копия. *Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 125, л. 45 об.

В заседании 16 апреля 1904 года участвовали: председатель — прокурор Московской Синодальной конторы А. А. Завьялов, директор Синодального училища В. С. Орлов, члены совета — А. Д. Кастальский, В. М. Металлов, директор канцелярии обер-прокурора Св. Синода Д. Н. Соловьев; 23 сентября — А. А. Завьялов, В. С. Орлов, С. Н. Кругликов, член-сотрудник Наблюдательного совета Д. И. Зарин, регент А. С. Фатеев и помощник регента Синодального хора П. В. Власов.

** Автограф. *Дело об избрании членов-сотрудников Наблюдательного совета и их сообщения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 1, л. 31—33 об.

шой из этих хоров — соборный, который состоит из сорока человек, и самый маленький — Сергиевский, который состоит из 15-ти человек. Так как край довольно богатый и управление военное, то мужские голоса почти все военные нижние чины, а дисканты и альты — девушки. Это объясняется тем, что русского невоенного элемента очень мало, поэтому в певчие приходится брать военных нижних чинов, а другие за небольшую плату не идут. (Только в вокзальной церкви басы и тенора — служащие на железной дороге.) Точно так же не идут в хор и мальчишки, потому что родители не нуждаются в их заработке. Девушки же среднего сословия, окончившие городские школы, до своего замужества хотя и не нуждаются в заработке, но от нечего делать участвуют в хорах за небольшую плату, а именно, от 2-х до 10-ти рублей в месяц. Кроме того старосты церковей для поощрения их к Рождеству и Пасхе дарят им вещи, как то платья, шляпы и т. п.

Репертуар здесь неважный, исполняются все больше песнопения вроде «московских», «тамбовских» и других. Вообще пение нестройное, крикливое. Судя по пению и репертуару можно заключить, что для церковной музыки здесь мало сделано.

Что касается до светской музыки, то здесь еще сделано кое-что, так как существует несколько музыкальных обществ и кружков, хотя действуют они вяло. Жители Ташкента называют этот город столицей Туркестана и говорят, что он растет не по дням, а по часам. Оренбургской железной дорогой он значительно приближен к центру, и мне думается, что здесь возможно было бы устроить отделение Синодального училища церковного пения. В самом деле, ведь есть же отделения Русского музыкального общества, тем более интеллигенция и простой народ любят церковную музыку не менее светской. Или по крайней мере открыть общество любителей церковного пения, которое я и думаю со временем учредить и попросить Наблюдательный совет не отказывать мне в устройстве этого общества в своем покровительстве, помощи и советах.

Ташкент. 1904 год, 29 декабря. Н. Вифляев.

**Краткий официальный отчет
о деятельности Синодального училища церковного пения
за 1903/04 учебный год***

Московское Синодальное училище церковного пения, имеющее своим главным предметом теоретическое и практическое изучение церковного пения в самых широких размерах и готовящее из своих питомцев специально регентов и учителей церковного пения, 20 мая торжественно закончило

* РМГ, 1904, № 27/28. Стлб. 645—647.

свой учебный год, шестой со времени введения новых программ, штатов и Устава.

Училище в истекшем году с великим сожалением рассталось со своим начальником, десять лет стоявшим во главе училища в крайне сложный для него период внутреннего переустройства и коренных реформ, князем А. А. Ширинским-Шихматовым, высочайшею волею призванным на пост тверского губернатора. С 1 января 1904 года училище перешло в заведование вновь назначенного прокурора Московской Синодальной конторы А. А. Завьялова.

В истекшем учебном году в училище обучалось 106 воспитанников: 27 в специальном регентском отделении (6—9-е классы) и 70 воспитанников в младших классах, так называемом певческом отделении; среди последних 12 воспитанников ввиду некрупных их музыкальных дарований проходили курс классических языков для поступления в духовную семинарию. Окончили полный курс училища семь воспитанников: четыре по первому разряду — Цымбал Иван, Шведов Константин (с записью на Золотую доску училища), Пузырев Александр, Зайцев Филарет и три по второму разряду — Бодров Василий, Григорьев Александр и Калмыков Борис.

Все более и более возрастающая в русском обществе потребность поставить церковное пение на надлежащую высоту и нужда в музыкально образованных руководителях церковно-певческого дела привлекает в стены училища немалое число так называемых вольнослушателей, которые по собственному выбору и по указанию училищного начальства проходят исключительно только музыкальные предметы. В истекшем году правление училища установило взимать с таких вольнослушателей 50 рублей за право вступления в училище и особую плату (не свыше 35-ти рублей в год) за каждый из предметов одиночных занятий — фортепиано, скрипку, гармонию и контрапункт. Несмотря на эту довольно высокую плату, в истекшем году курс регентских классов в училище проходили 12 вольнослушателей.

В ответ на непрерывные запросы относительно музыкально образованных регентов в конце учебного года пронеслись настойчивые слухи, нашедшие отголоски и в печати, о возможности учреждения при училище особых регентских курсов для лиц разного образования. Нельзя не приветствовать этой мысли, так как Синодальное училище поставлено на страже церковно-певческого дела и доселе с честью выполняет эту задачу.

Синодальный хор, выполняя принятую им на себя роль руководителя художественных вкусов в публике в области церковного пения и толкователя новейших духовно-музыкальных композиций, в истекшем году дал 8 духовных концертов, частью из обычного репертуара хора, частью из совершенно новых вещей, между которыми были исполнены песнопения из новых Литургий Панченко и Ипполитова-Иванова, новые произведения Кастальского, Чеснокова, Калининкова, Компанейского, Аллеманова и других.

По случаю исполнившегося 10-летия со дня кончины П. И. Чайковского два концерта были посвящены его произведениям; на этих концертах исполнено все, что написано Петром Ильичем для духовной музыки. Кроме духовных концертов в течение истекшего года в училище было устроено четыре музыкально-литературных ученических вечера, между прочим один посвящен памяти П. И. Чайковского и один памяти М. И. Глинки.

Работа училища и хора по-прежнему привлекала к себе внимание высоких лиц. В течение учебного года училище в разное время посетили обер-прокурор К. П. Победоносцев, товарищ обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблер, директор Канцелярии обер-прокурора Св. Синода Д. Н. Соловьев, начальник Придворной певческой капеллы граф А. Д. Шереметев и другие; для всех гостей Синодальным хором были исполнены концерты из обычного репертуара.

В области учебного дела следует отметить введение как особого предмета теории музыки, которая раньше проходила на уроках сольфеджио и фортепиано¹. Новостью является также первоначальное совместное обучение скрипичной игре учеников 2-го класса под руководством воспитанников 6-го класса и первоначальные уроки сольфеджио под руководством воспитанников 9-го класса для учеников церковно-приходской школы, находящейся в Синодальном училище.

Комментарии

1. Как самостоятельный предмет, изучаемый в V и VI классах училища, теория музыки значилась в расписании Синодального училища 1886 года. Согласно программам Синодального училища, принятым в 1897 году, элементарная теория музыки изучалась вместе с теорией гармонии в VI классе. (см. раздел «Учебные программы и Устав»).



1905 год

**Письмо А. Д. Городцова к В. С. Орлову
о церковном пении в Пермской губернии.
19 апреля 1905 года***

Христос Воскресе, глубокоуважаемый Василий Сергеевич!

Простите за несвоевременное поздравление с праздником, примите запоздавшие, но искренние пожелания всего лучшего Вам, Елене Николаевне и всей Вашей семье.

Постом очень много ездил по селам, старался навещать главным образом регентов-крестьян. Может быть к ним предъявляются мною чересчур малые требования, но из поездок возвращался удовлетворенным. В некоторых местах посещение спевков стало любимым занятием в долгие зимние вечера. Одни поют, другие слушают, при этом кто-нибудь прочитает последние известия с войны; вечер-то и хорошо проходит. За последнее время был занят рассылкой нот, выписанных в библиотеку только по утверждению сметы в феврале месяце. Поэтому и запоздал с поздравлениями.

Вновь прибывший архиерей — сторонник общего пения и смотрит на это дело как на совсем простое: стоит только священнику распорядиться, чтобы певчие замолчали, сказать несколько слов находящимся в церкви, пригласить спеть с собой — и сейчас же дело и пойдет¹. Пробы такие бывали раньше в Пермской губернии. Мне приходилось петь обедню вместе с другими; эти старания поющих — можно выслушать, [хотя и] тяжело. Не могу сказать, чтобы такое распоряжение архиерея было на пользу нашему делу. За последнее время во всех тех местах, где прежде находилось общее пение, перешли на пение более согласное хотя бы небольшого, но сколько-нибудь дисциплинированного хора. Теперь снова будут производиться опыты над тем, что уже признано трудноисполнимым при настоящих условиях, когда во многих школах нет обучения пению. Откуда же такие знания явятся у всех взрослых?

Из светского попечительства должен был выйти А. Н. Карасев, не поладивший с Певческой комиссией губернского комитета. Подробностей не знаю, но все же обидно за человека, много работавшего, прошедшего успешно в течение двух лет певческие курсы в Вятке, в Яранске и в Глазове (в уездных городах той же губернии). Могу почитать себя счастливым, что ни-

* Автограф. Дело об избрании членов-сотрудников Наблюдательного совета и их сообщения — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 1, л. 34—35.

какой особой комиссии по певческому делу не существует при Пермском комитете.

Нынешним летом снова будут курсы в Перми. Так как с каждым годом на курсы являются все больше и больше крестьян, то приходится позаботиться о возможно раннем открытии курсов, чтобы к сенокосу все были уже дома. До сих пор еще не приискал такого помещения, в котором можно было начать занятия с 27 мая, так как к этому времени не будут закончены экзамены. Чувствую, что становлюсь уже большим рутинером. Привязался к «Школе хорового пения» покойного В. Ф. Комарова². Ежегодно выходят новые руководства, а меня все тянет на старое. На предстоящих курсах снова примусь за нее, ознакомивши, конечно, и с другими руководствами. Курсисты тоже привязываются к ней и обучают по ней своих певцов. Поэтому книжек этих в настоящее время почти совсем не осталось в библиотеке. Адреса г-жи Комаровой не знаю. Не найдете ли Вы возможным попросить о высылке в Пермский губернский комитет попечительства о народной трезвости двухсот экземпляров «Школы хорового пения». Переслать лучше всего через конторы пароходства Любимова или же братьев Каменских.

Прошу извинения за беспокойство. Не надумали ли Вы просветить наши страны своим художественным исполнением дивных переложений древних напевов и сочинений в духе песнотворчества? Ведь светильник должен освещать возможно большее пространство. Поездка по Каме до Перми с остановкою в попутных больших городах, от Перми на Урал с остановкою в Кушве, Нижнем Тагиле, Екатеринбурге, Челябинске, Златоусте, Уфе, отсюда вниз по Белой для вас всех могла бы быть отдыхом и удовольствием. До сих пор с удовольствием вспоминаю летние поездки по Волге до Астрахани, в Крым, в западный край (окрестности Вильны — чудо).

Будьте здоровы, от всей души желаю всего хорошего.
Ваш покорнейший слуга А. Городцов.

Комментарии

1. Материалы дискуссий об общенародном пении см. в третьем томе серии.
2. Работа В. Ф. Комарова «Практическая школа хорового пения» была опубликована в 1875 году (2-е издание — 1895). Подробно о трудах В. Ф. Комарова в области церковного пения, а также публикацию его работы «Средства к улучшению церковного пения» см. в третьем томе.

**Постановление правления Синодального училища
об участии Синодального хора в службах в храме Двенадцати Апостолов.
2 сентября 1905 года***

По предложению директора В. С. Орлова постановили:

Признавая желательным ввиду исторической связи Синодального хора с прежнею патриаршею крестовою церковью, чтобы синодальные певчие пели в храме Двенадцати Апостолов всенощные бдения и ранние литургии по праздникам и воскресным дням, и в то же время находя затруднительным посылать в этот храм весь ученический хор ввиду отдаленности церкви от здания училища: а) разделить ученический хор на две равные части, и одну часть по-прежнему посылать на богослужения в церковь Малого Вознесения, а другую в собор Двенадцати Апостолов, б) подчинить певчих во время исполнения ими служб на клиросах надзору и руководству синодального ризничего с тем, чтобы об уклонениях певчих от требований дисциплины и благоговейного отношения к святыне ризничий доводил до сведения директора училища для надлежащих распоряжений и в) о таком направлении дела поручить г. директору сообщить ризничему.

**Постановление правления Синодального училища
по случаю всеобщей политической забастовки.
8 декабря 1905 года****

Имели суждение о том, что объявление 7 декабря 1905 года вечером общей политической забастовки заметно взволновало учеников Синодального училища, особенно старших классов. Электрическое освещение в училищных зданиях перестало действовать, и потому наскоро были приспособлены керосиновые лампочки для подания света. Картина училищной жизни благодаря этому изменилась, и перемена не могла не повлиять известным обра-

* Машинописная копия. *Журналы правления Синодального училища за 1905/06 год* — РГАЛИ, ф. 662, оп.1, № 12, л. 10—10 об.

** Машинописная копия. Там же, л. 38—39. В деле находятся 13 журналов с протоколами заседаний правления Синодального училища, которые состоялись между 1 сентября 1905 и 26 августа 1906 года.

Заседание правления 2 сентября 1905 года проходило в составе: председатель — директор Синодального училища В. С. Орлов, члены — И. Н. Строганов, И. И. Серебrenицкий, А. Д. Кастальский. В заседании правления 8 декабря 1905 года принимали участие: прокурор Московской Синодальной конторы А. А. Завьялов, директор В. С. Орлов, старший воспитатель И. Н. Строганов, преподаватели священники Феодосий Никольский, Иоанн Строганов, Василий Металлов, П. В. Власов, Н. Н. Толстяков, В. Н. Якимов, Н. Н. Сокольский, А. Ю. Осберг, Д. И. Кокорин, С. И. Покровский, К. Н. Шведов, В. П. Приклонский, А. Д. Кастальский, И. И. Серебrenицкий, А. И. Цвирко, П. А. Строганов, Н. М. Данилин, Н. А. Видман.

зом на нервы учеников, всегда приподнятые от продолжительных занятий музыкой. Явилось опасение у преподавателей и воспитателей, что при возбуждении учеников может возникнуть и обнаружиться какая-нибудь неприятная демонстрация, как это имело место в некоторых других школах. Обращено было внимание и на то, что тревожное настроение мешает вдумчивости и сосредоточенности, какие необходимы для плодотворных классных занятий. Директор доложил о настроении учеников и наставников г. прокурору Московской Синодальной конторы, который, явившись в училище, вступил в беседу с учениками 8-го класса: ученики объяснили ему, что не в состоянии прилично заниматься, испытывая страх за участь родных и близких людей и невольно поддаваясь нервному возбуждению, которое царит вообще у жителей Москвы. Кроме того они, ученики, опасаются, что явятся представители каких-либо школьных групп и организаций и сделают попытку «снять» их с занятий в видах изъявления сочувствия политической забастовке и таким образом училище будет как-то втянуто в политическую борьбу.

После переговоров с учениками г. прокурор приступил вместе с преподавателями и воспитателями к обсуждению положения училища и уяснению мер, какие необходимо принять для предотвращения возможных осложнений и участия воспитанников в политической борьбе. По обмену мнениями постановили:

1. Не находя полезным и плодотворным продолжать классные занятия при том возбуждении, какое овладело учениками вместе со всеми другими жителями города по случаю политической забастовки и во избежание насильственного вовлечения воспитанников Синодального училища в политическую борьбу со стороны школьных групп и организаций, немедленно приостановить занятия в заведении.

2. Так как до отпуска на рождественские каникулы остается весьма немного учебного времени и нет серьезных препятствий пожертвовать этим сроком в целях устранения возможного расстройтва училищной жизни, отпустить воспитанников училища на рождественские вакации 8-го сего декабря и выдать им билеты на проезд в дома родителей.

3. Установить самый бдительный надзор за теми учениками, кто или не может воспользоваться отпуском по разным семейным обстоятельствам, или должен остаться в городе для участия в работах Синодального хора, и допускать им выходить за ворота училища лишь в случаях самой неотложной нужды, чтобы они никоим образом не могли принять участие в предполагаемых митингах или уличных демонстрациях и оказаться прикосновенными хотя бы даже чисто внешним образом к политическим брожениям.

1906 год

Выписка из протокола Наблюдательного совета с суждениями его членов о критериях оценки духовно-музыкальных сочинений. 22 марта 1906 года*

Имели суждение о том, что г. обер-прокурор Святейшего Синода князь Оболенский в бытность свою в Москве 2 марта сего года посетил Синодальное училище¹ и особо беседовал с составом Наблюдательного совета для выяснения тех оснований, в силу которых духовно-музыкальное произведение должно быть признано церковным и найти доступ в православный храм. Почетный посетитель выразил желание, чтобы принципы, которыми Совет руководится при оценке духовно-музыкальных сочинений и переложений, были изложены письменно и направлены к нему для предложения Св. Синоду. Делопроизводитель Совета объяснил г. обер-прокурору Св. Синода, что такие принципы Советом в общих чертах были высказаны в 1902 году, 16-го июля, и за № 1383 представлены в узаконенном порядке чрез председателя на благоусмотрение высшей церковной власти. Тем не менее, идя навстречу означенному желанию, Наблюдательный совет счел нужным пересмотреть и дополнить высказанные в 1902 году положения и посвятил этому два специальных собрания 15 и 22 марта 1906 года.

Постановили: представить на благоусмотрение и зависящее распоряжение центральной власти по управлению Русской церковью нижеследующее.

Высочайше утвержденным 19 января 1897 года Уставом на Наблюдательный совет при Синодальном училище церковного пения кроме надзора за собственно училищной жизнью возложена обязанность: а) «принятия надлежащих мер к охранению, распространению и научной разработке древнерусского церковного пения, его памятников, теории и истории» (§ 79, п. 2); б) «рассмотрения по поручению высшего духовного начальства цер-

* Машинописная копия. *Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 16, л. 12—18 об. В деле представлены протоколы заседаний Наблюдательного совета от 27 февраля, 10 мая, 11 сентября и 31 октября 1906 года, а также «Устав церковно-певческих хоров г. Москвы» в редакции 1906 года (л. 35—38 об., машинопись с рукописными правками) и «Список № 1 церковно-певческих произведений, допущенных к исполнению при богослужении» (л. 39—50 об.).

Заседание Наблюдательного совета 22 марта 1906 года проходило в составе: директор В. С. Орлов, неперменный член С. Н. Кругликов, заведующий частными духовно-певческими хорами в Москве священник Д. В. Аллеманов, члены А. Д. Кастальский, Н. Д. Кашкин, В. С. Калинин и священник В. М. Металлов.

ковно-музыкальных и других сочинений, имеющих ближайшее отношение к церковному пению» (§ 79, п. 4) и в) «обсуждения докладов члена-наблюдателя за частными церковно-певческими хорами в Москве о характере их деятельности, а равно и прочих членов Совета по различным вопросам, касающимся церковно-певческого дела» (§ 79, п. 5).

С самых же первых шагов Наблюдательного совета на пути к осуществлению этой задачи и точному исполнению законодательных требований, к нему предъявленных, обнаружились условия, которые мало благоприятствовали исполнению возложенных на Совет обязанностей. Со стороны высшей церковной власти Наблюдательный совет не получил никаких указаний в деле оценки духовно-музыкальных сочинений, передаваемых Св. Синодом на его заключение. Необходимо было выработать в самом Совете общие положения, которыми могли бы руководствоваться члены-докладчики при оценке поступающих на их заключение духовно-музыкальных сочинений. Имелось в виду затем предложить эти положения как указания для авторов духовно-музыкальных сочинений, в особенности начинающих...

Когда с конца 1900 года синодальная канцелярия начала извещать Наблюдательный совет о судьбе его отзывов, из полученных копий синодальных определений Совету выяснилось, что установленные им основания для оценки духовно-музыкальных произведений весьма часто не имеют заметного влияния на решения Святейшего Правительствующего Синода. Так, Совет одобрил произведение Маренича «Отче наш» для употребления в храмах, а Св. Синод только разрешил его к печатанию (определение 16—22 сентября 1899 года), смешав с другими значительно меньшего достоинства произведениями; Давидовского «Тебе поем», сочинения Архангельского, Дегтярева и Бортнянского Советом признаны допустимыми к печати без разрешения исполнять в храмах, а Св. Синод разрешил их и к печатанию, и к употреблению в церквях (определения 15—22 сентября, 7—16 февраля и 26 мая — 31 июня 1900 года); Покровского «От юности моя», «Приидите поклонимся» и «Святыи Боже» были признаны желательными в храме (причем «От юности» лишь для концертного исполнения), остальные «Слава... Единородный», Херувимская, «Милость мира», «Достойно» только для внебогослужебного употребления, но Св. Синод одинаково разрешил их и к печатанию, и к употреблению в церквях (определение 19—24 мая 1900 года) и прочее.

Из решений Св. Синода Совет убедился, что высшая духовная власть не находит нужным делать какие-либо более частные подразделения в обширной церковно-певческой литературе, ограничиваясь или одним разрешением к печати, или одним запрещением и не допуская ни одобрения выдающихся творений для исполнения в храмах, ни разрешения менее даровитых работ только для употребления в церквях, ни назначения других исключительно для внебогослужебного исполнения.

Чтобы согласовать свои действия с волей Св. Синода, Совет, естественно, должен был отказаться от установленных им раньше основоположений и остановился только на двух формах заключений, принятых в синодальном делопроизводстве, высказываясь или за допущение произведения в печать, или за его запрещение. При этом помня указанную выше задачу, что он обязан принимать меры к охранению и распространению древнерусского церковного пения и желая оберечь православный храм от внесения в него нежелательной музыки, Совет, очевидно, должен был оценивать музыкальные сочинения много строже, чем полагал раньше. Этой строгости могло бы и не существовать, если бы вообще были допущены отделы духовно-музыкальных произведений для частного или внебогослужебного употребления, куда свободно поместилось бы очень многое из того, что нежелательно слышать в храме. Попутно с этим Совету пришлось неоднократно убеждаться, что некоторые духовно-музыкальные произведения (например, обширный сборник, изданный при училищном совете) получили разрешение Св. Синода на печатание и употребление в храмах уже без всякого заключения со стороны Наблюдательного совета. Насколько невыгодно отразилось на составе и характере сборника то, что он не был просмотрен Наблюдательным советом, можно видеть из представленного в копии при рапорте председателя Совета от 16 июля 1902 года № 1383 отзыва о сборнике, данного священником Металловым, немало потрудившимся в разработке древнерусского церковного пения².

Тем не менее, несмотря на малоблагоприятные условия деятельности, Совет с усердием, добросовестностью и обстоятельно трудился над рассмотрением и обсуждением духовно-музыкальных произведений, по коим от Святейшего Синода требовалось его заключение. Не довольствуясь этим, Наблюдательный совет находил необходимым подробно ознакомиться с существующими в изданиях и исполняемыми по писанным нотам духовно-музыкальными сочинениями, дабы разобраться во всем этом материале, распределить его по категориям в зависимости от достоинства и недостатков этих сочинений и, наконец, ради создания списка сочинений, особенно рекомендуемых к исполнению в храмах. В этих видах совет обратился с просьбою к известному торговцу нотными произведениями Юргенсону выслать его издания для просмотра и обсуждения, и большая половина громадного количества изданных г. Юргенсоном нотных сочинений и переложений прочитана Советом и распределена по различным категориям.

Затем Совет получил от частных певческих хоров в Москве немалое количество рукописных нот, по которым обыкновенно исполняются ими службы, и намерен в непродолжительном времени подвергнуть их обсуждению и разверстке по отделам с целью уяснения их допустимости и пригодности или запрещения для исполнения в храмах. Рассмотренное Советом частью по поручению Св. Синода и московского митрополита, частью по

собственному побуждению, представляет обширный материал, который, рисуя в ярком свете положение нотной церковно-певческой литературы на Руси, вместе с тем дает ряд ценных указаний на недуги, самые обычные в современной духовно-певческой литературе, если не считать отдельных выдающихся деятелей.

Таковыми болезнями современной церковно-певческой литературы следует признать:

1. Неуважение к богослужебному тексту, который лишь в редких случаях не затемняется разновременным произношением одних и тех же слов или нелепой расстановкой музыкальных ударений, не говоря о разных пропусках, урезываниях или прямых искажениях, переходящих в ересь и кощунство. Например, в одном из сборников, рассматривавшихся Советом, встречаются выражения «сугуб естеством, да не ипостасию», «мироносицам плач приложил еси», «по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие Твое»; в одном рассмотренном Символе веры слова «прежде всех век» изменены в «прежде во век», и это далеко не единственное явление.

2. Наклонность к оперно-сентиментальной музыке, выражающаяся в стремлениях к пению соло с замираниями и завываниями и в непонятном прочтении хроматической гаммы, с искусственными повышениями и понижениями звука, [вместо] строго диатонической, которая исключительно господствует в древних греческих и русских церковных ладах.

3. Полнейшее отсутствие вдохновения и религиозной настроенности, сказывающееся в чисто ученических вариациях к давным-давно известным мелодиям вроде «Помощник и Покровитель» Бортнянского или в простом перенесении мелодии из одного церковного песнопения в другое (например, мелодия «Вечери Твоя тайныя» прилаживается к Херувимской и последняя представляется к разрешению в печать как оригинальное произведение).

4. Наконец, четвертый недуг современного церковно-певческого творчества — это пренебрежение к принятым церковью гласовым роспевам.

Указанное положение дела вынудило Наблюдательный совет при оценке духовно-музыкальных произведений принять к руководству следующие основные положения:

1. Не допускать в храм нотных композиций и переложений, искажающих и затемняющих текст священных песнопений.

2. Высказываться за разрешение к исполнению в храмах лишь тех духовно-музыкальных сочинений, кои проникнуты строгим диатонизмом и чужды хроматических модуляций в оперно-сентиментальном направлении.

3. Стоять лишь за разрешение тех духовно-музыкальных произведений, которые вносят что-либо разумное, живое, вдохновенное в существующую музыкально-певческую литературу.

4. Одобрять к печатанию лишь те духовно-музыкальные переложения, которые своей гармонизацией не уничтожают и не забывают обиходных мелодий, глубоко вошедших в жизнь и сознание Церкви.

Что приведенные положения не представляют собой каких-нибудь излишних притязаний Совета, но вытекают из самого существа дела и выражают настоятельнейшие потребности истинно русского духовно-музыкального творчества, видно из следующего факта. Один из современных русских композиторов, любитель духовной музыки Гречанинов, не имеющий никакого отношения к Наблюдательному совету, в своей статье «О “духе” церковных песнопений», которая помещена в «Московских ведомостях» за 1900 год (№ 53), предъявляет к русским духовно-музыкальным произведениям почти те же требования, каких задолго до Гречанинова в своих отзывах держался и Наблюдательный совет. Подобных же взглядов придерживается на столбцах той же газеты и г. Григоров, большой знаток и ценитель древнего церковного пения³. Правда, на страницах тех же «Московских ведомостей» помещена была и статья Витошинского с жалобами на стеснительность цензуры нот, но в этой стеснительности менее всего повинен Наблюдательный совет, который еще в самом начале своей деятельности предполагал разбивать духовно-музыкальные творения на предназначенные для исполнения в храмах и на пригодные лишь для внебогослужебного употребления. Введение по крайней мере этих двух подразделений, несомненно, уменьшило бы неудовольствие композиторов, хотя, считаясь с авторским самолюбием, обыкновенно очень щекотливым, трудно надеяться на полное примирение с цензурой авторов духовно-музыкальных сочинений.

Наблюдательный совет, многократно обсуждавший вопрос о способах осуществления возложенных на него по Уставу задач, пришел к заключению, что для упорядочения церковно-певческого дела и для водворения в русской духовной музыке строго церковного направления представляется необходимым нижеследующее:

1. Для придания всему делу рассмотрения и обсуждения духовно-певческой литературы единства и последовательности необходимо, чтобы все без исключения духовно-музыкальные произведения передавались на предварительное заключение Совета.

2. Для избежания упреков в стеснении свободы творчества желательно установить следующие подразделения: одни произведения «одобряются», другие — «допускаются» для употребления в храмах, третьи, не подлежа исполнению при богослужении, могут быть употребляемы для внебогослужебных целей.

3. Поручить Наблюдательному совету составление списка духовно-музыкальных сочинений с распределением их по указанным выше категориям. После одобрения Св. Синодом такого списка опубликовать во всеобщее сведение чрез пропечатание в «Церковных ведомостях» о сочинениях

лишь первых двух рубрик с пояснением, что остальные духовно-певческие произведения предназначаются для частного употребления или для исполнения при общественных собраниях и концертах. Дважды в год список этот мог бы пополниться особыми объявлениями в «Церковных ведомостях».

4. Предписать настоятелям церквей и не имеющих местных напевов монастырей, чтобы они наблюдали за пением на клиросе, требовали исполнения церковных песнопений исключительно по печатным изданиям и прежде, чем дозволить исполнение в храмах известного произведения, удостоверились, разрешено ли Св. Синодом исполнение такового в церквях.

5. Раза четыре в год или как будет признано удобным печатать в «Церковных ведомостях» свод постановлений Наблюдательного совета, получивших синодальное утверждение, для того чтобы музыканты были осведомлены с целями и стремлениями, которыми руководится церковное правительство при допущении известного произведения в храм и, сообразно с ними, направляли свои композиторские или гармонизаторские дарования.

Предпослать этим публикациям общее указание такого рода.

Русское церковное пение имеет ближайшей задачей удовлетворение религиозной потребности православных христиан Восточной церкви, посещающих храмы для молитвенного общения с Богом и усвоения Его заветов. Отвечая этой цели, православное русское песнотворчество должно стремиться к полному и совершенному выражению на музыкальном языке идей, стремлений и чувств, одушевляющих Православную церковь и ее верных сынов.

Носителями богослужебного духа Православной церкви являются тексты священных молитвословий и устав, определяющий их порядок и последования. Песнотворец, желающий быть верным слугою родной церкви, обязан в высшей степени бережно относиться к тому и другому. Строго держась богослужебного текста, вдумчиво вникая в его смысл, стараясь понять красоту его формы, церковный музыкант обязан иллюстрировать его звуками, которые бы укрепляли, а не ослабляли религиозное впечатление. Недопустимы, поэтому, с одной стороны, искажение и урезывание слов священных песнопений, с другой — привнесение в храм музыки светской, употребляемой вне церкви, в особенности проникнутой страстью и низменными впечатлениями. Такие явления, как музыка Херувимской, напоминающая арию жреца из оперы «Весталка», должны быть признаны профанацией святыни.

Богослужебный устав со своей стороны точно определяет, когда и какие песнопения должны быть исполняемы на один из принятых церковью восьми гласов, и появление в местах богослужения указанных уставом стихир, тропарей, прокимнов и ирмосов с напевами сочиненными должно быть признано безусловно нежелательным. Гласовые песнопения допускают гармоническую и контрапунктическую обработку, причем желательно, чтобы сопровождающие голоса уподоблялись мелодически гласовой мелодии, во всяком случае обиходная мелодия не должна исказиться. К достижению

этой цели может служить изучение древнейших напевов православного богослужения — большого и малого знаменного, киевского, греческого, болгарского и позднейшего, так называемого обычного. Напевы лавр и соборов, как видоизменения древнейших церковных, в равной мере могут быть пригодны для указанной цели. Свободные композиции на песнопения, приуроченные к одному из церковных гласов, могут быть дозволяемы лишь для исполнения вместо причастия (или концерта), и то при условии, если высота техники и художественность замысла достаточно оправдывают появление на свет подобных сочинений. Оставляя неприкосновенными гласовые песнопения и в то же время идя навстречу современным потребностям молящихся, можно использовать для концертного исполнения в храме богатейший материал, который содержится во вдохновенных писаниях пророка Давида. Его псалмы — неисчерпаемое сокровище религиозных образов и идей, и самый изысканный художник всегда обретет здесь величавый материал для применения своих композиторских дарований.

Желательно, чтобы при музыкальной интерпретации текст произносился одновременно и без повторений. Повторения фраз и даже отдельных слов допустимы только в том случае, если от них не страдает смысл текста и музыка становится более выразительной. Разновременное же произношение слов иногда прямо необходимо, например, при имитациях и других контрапунктических формах.

Киевские, греческие, болгарские и знаменные роспевы древнерусской церкви диатоничны. Во избежание их искажений и в целях сообщения этим мелодиям присущей им древней гармонической одежды напевы нашей церкви настоятельно требуют строго диатонической гармонизации, и только таким путем может создаться истинно русский церковно-музыкальный стиль, как создался уже, опираясь на русскую народную песню, стиль русской светской музыки. Поэтому являются совершенно нежелательными хроматические движения, сообщающие церковной музыке излишнюю изысканность, пригодную для целей оперных, инструментально-симфонических, а не богослужебных; храм должен не удивлять и поражать молящихся эффектами пестроты и вычурности, а умилять и настраивать к молитве, усугублять сознание чистоты и святости того или иного момента в богослужении. Допустимы только такие хроматические ходы, которые не придают музыке пряности и дряблой сентиментальности. В качестве технического указания можно заметить, что позволительны хроматизмы исключительно для модуляционных целей в не очень отдаленные строи и при условии помещения хроматических ходов не в верхнем голосе. Желательно, чтобы и в этих случаях не нарушался строго церковный характер гармонии и не сообщалось ей «светской пряности».

В тех же видах придания музыке строго церковного характера представляется нежелательным частое употребление диссонирующих аккордов не-

подготовленных, то есть взятых самостоятельно, а голосоведение должно быть по возможности плавным, и мелодические фигуры голоса не должны представлять нот разбитого аккорда. Было бы полезно в тех же видах исключать ходы на увеличенные интервалы.

Наконец, сочинение или переложение, ищущее доступа в храм и распространения на клиросе, помимо музыкальной грамотности не должно быть общим и бессодержательным местом или слабым подражанием слабым образцам в итальянском и немецком стиле. Другими словами, нежелательны: а) обилие параллелизмов терций и секст между голосами, уничтожающее самостоятельность их мелодического движения, б) частое симметричное чередование параллельных мажора и минора, в) гармония, основанная исключительно на аккорде тоники и обеих доминант, г) движение басового голоса по основным тонам аккордов.

При соблюдении вышеозначенных предосторожностей Придворная капелла может давать разрешение на печатание любого произведения, и, тем не менее, Св. Синод не будет нести тяжкой ответственности за наводнение православных храмов чуждыми вере Христовой звуками и песнопениями.

Комментарии

1. Новый обер-прокурор Св. Синода А. Д. Оболенский вступил на эту должность вместо ушедшего в отставку 19 октября 1905 года К. П. Победоносцева. Оболенский был активным сторонником церковной реформы, и его приезд в Москву был связан с подготовкой Предсоборного присутствия, целью которого являлось формирование программы будущего Поместного Собора. Посещение Синодального училища, возможно, объяснялось тем, что в заседаниях присутствия должна была обсуждаться и реформа духовных школ.

2. Многие помещенные в Церковно-певческом сборнике хоры (Д. С. Бортиянского, М. С. Березовского, Г. Я. Ломакина, М. А. Виноградова, А. А. Архангельского, Д. Н. Соловьева, М. П. Строкина, священника В. Ф. Старорусского и др.) не соответствовали тем требованиям, которые Наблюдательный совет предъявлял к рекомендуемым для употребления за богослужением произведениям.

3. Точное название упомянутой статьи А. Т. Гречанинова — «Несколько слов о “духе” церковных песнопений». Полемика по вопросам церковного пения в «Московских ведомостях», в которой, наряду в Гречаниновым, приняли участие и другие упомянутые в публикуемом документе авторы — А. П. Григоров и Е. М. Витошинский, помещается в третьем томе серии.

**Предложение директора Синодального училища В. С. Орлова
о преждевременном прекращении занятий
в связи с выборами в Государственную Думу.
20 апреля 1906 года***

...Ввиду тревожного времени, переживаемого нашим отечеством и действующего на нервы учеников самым неблагоприятным образом в смысле их способности к правильному и точному исполнению обязанностей, ввиду того, что по мере приближения дня открытия Государственной Думы беспокойство в обществе и неразрывно связанной с ним школе все более и более усиливается, что возбуждение, которое охватит население с открытием Думы, может повести к манифестациям и втянуть в них Синодальное училище, было бы желательно закончить учебные занятия ко дню открытия Государственной Думы, именно 26 сего апреля¹. В этих видах необходимо в текущем году совершить перевод учеников по годовым баллам, а для проверки познаний учеников устроить годовые репетиции, как это было допущено в виде опыта в прошлом учебном году по музыкальным предметам и совершалось в текущем году, начиная с 10 апреля. По отобранным мною от гг. преподавателей сведениям, положенные по программам курсы научных и музыкальных предметов частью в целом виде пройдены, частью будут пройдены к означенному числу, и учебное дело от преждевременного прекращения занятий не пострадает, особенно ввиду того, что и в прежние годы занятия в училище обычно прекращались около 20-го апреля, а все остальное время уходило на экзамены.

Комментарии

1. Открытие I Государственной Думы состоялось 27 апреля 1906 года.

* Машинописная копия. *Журналы правления Синодального училища за 1905/06 год* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 12, л. 62—62 об.

На заседании присутствовали: В. С. Орлов, А. Д. Кастальский, И. И. Серебrenицкий, И. Н. Строганов, А. И. Цвирко, Н. М. Данилин, Н. Н. Толстяков, П. В. Власов, С. И. Покровский, В. П. Приклонский, В. Н. Якимов, Н. Н. Сокольский, М. А. Шимановский, А. К. Метнер, А. Я. Дубинин, К. Н. Шведов. Правление поддержало предложение В. С. Орлова.

**Представление священника В. М. Металлова
об описании рукописного собрания училища.**

25 октября 1906 года*

«Согласно с пунктом 2 § 79 высочайше утвержденного Устава и штата Московского Синодального училища церковного пения и Синодального хора, который в числе обязанностей Наблюдательного совета указывает «принятие надлежащих мер к охранению, распространению и научной разработке древнерусского церковного пения, его памятников, теории и истории», — считаю долгом обратить внимание Совета на крайнюю необходимость составления описания рукописей библиотеки при Синодальном училище для удобнейшего научного и практического пользования рукописями как для посторонних, занимающихся изучением рукописного материала лиц, так и для старших учеников Синодального училища в целях более полного и обстоятельного прохождения курса истории церковного пения. Имея основания полагать, что Наблюдательный совет при своем наличном составе вполне в состоянии выполнить эту налагаемую на него Уставом обязанность, беру на себя решимость начертать для общего совместного обсуждения проект того, как можно было бы наиболее удобным образом осуществить эту задачу.

1. Описание рукописей должно быть выполнено на месте, при самой библиотеке, чтобы не нанести ущерб практическим занятиям старших учеников Синодального училища по ознакомлению с рукописями и не лишить возможности тотчас же по первому требованию удовлетворить любознательности посторонних, особенно приезжих посетителей библиотеки.

2. Выполнение задачи научного описания рукописей должно подлежать компетенции Наблюдательного совета, призываемого к тому самим Уставом. Из наличных членов Совета я мог бы предложить для описания нотнопевческого отдела рукописей о. Аллеманова, а описание крюковых рукописей мог бы взять на себя, — с правом тому и другому пригласить себе под свою ответственность помощников не из членов Совета.

3. Наименьшим сроком выполнения описания, в целях скорейшего и удобнейшего удовлетворения любознательности занимающихся рукописями лиц, должно быть признано не менее трех лет со дня начала работ.

4. На выполнение описания в течение трехлетнего срока потребно будет не менее 3000 рублей, считая за каждую описанную рукопись средним числом не менее двух рублей, при размере описания каждой рукописи не менее

* Машинописная копия. *Журналы Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 16, л. 58—61.

Представление В. М. Металлова рассматривалось на заседании Наблюдательного совета 31 октября 1906 года под председательством прокурора Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанова в составе директора училища В. С. Орлова, непременного члена С. Н. Кругликова, члена совета заведующего частными духовно-певческими хорами в Москве Д. В. Аллеманова, членов А. Д. Кастальского, В. С. Калинникова и В. М. Металлова.

страницы печатного листа и обычной стоимости печатного листа литературной работы около 32-х рублей заработка, при счете рукописей по названиям и номерам каталога (1350 номеров), а не по составляющим их частям.

5. Общая работа членов Совета по описанию рукописей и приглашаемых ими помощников должна подлежать окончательной общей редакции для придания описанию единства и полноты. Таковую окончательную редакцию общей работы я мог бы взять на себя при остающемся от общей суммы 3000 рублей вознаграждении в 300 рублей.

6. Описание должно обнять: а) внешнюю сторону рукописи: размер, формат, материал, количество листов, сохранность или целость рукописи, переплет; б) содержание рукописи: количество книг или частей (тетрадей) с их названиями (иногда вязями, миниатюрами и заставками), статьи отсутствующие или дополнительные в сравнении с обычным составом книги, особенности в напевах и певческих знаках, приписи или подписи певцов, писцов или владельцев рукописи; в) давность или век рукописи в связи с семиграфией и текстом рукописи и палеографическими особенностями ее письма.

7. Составленные и окончательно отредактированные части описания передаются в Наблюдательный совет для хранения при делах его впредь до напечатания описания.

8. Составители описания, получив условленное вознаграждение за свой труд, никакими дальнейшими выгодами от издания описания не пользуются и никаких прав на него не имеют».

При обмене мнениями по поводу изложенного представления выяснилось, что в описании нотно-певческих и крюковых рукописей библиотеки Синодального училища заинтересованы представители высшей церковной администрации. Так, товарищ обер-прокурора Святейшего Синода при посещении Синодального училища 23 октября сего года предъявил словесное требование, чтобы к описанию рукописей приступлено было как можно скорее, в противном случае церковно-правительственными властями будет использовано предложение действительного статского советника Смоленского, который изъявил готовность заняться описанием, если ему на неопределенное время положат три тысячи рублей в год содержания при казенной квартире.

Справка: в журнале правления от 26 марта 1899 года № 18 записано, что г. Смоленский, в то время директор Синодального училища, испрашивал на описание нотно-певческой библиотеки единовременный кредит в 1000 рублей. Резолюцией прокурора этого кредита в особом виде решено не отпускать, а выдавать вознаграждение авторам по мере выхода описания из обычных сметных сумм. При таких условиях бывшим старшим воспитателем А. Преображенским и описано 33 рукописи, каковое описание хранится при делах училищного правления.

Постановили:

1. Признавая, что описание нотно-певческих и крюковых рукописей библиотеки Синодального училища должно быть совершено под непосред-

ственным смотрением Наблюдательного совета, на обязанности которого по пункту 2 § 79 училищного Устава лежит разработка древнерусского церковного пения с его памятниками, поручить ведение описания специалисту по истории церковного пения и чтению крюковых рукописей члену совета о. Металлову с назначением ему в качестве помощника по исследованию отдела нотных рукописей члена же совета о. Д. Аллеманова и с предоставлением о. Металлову права, если признает это необходимым, приглашать со стороны сведущих лиц для второстепенных деталей в работе, а также пользоваться услугами старших воспитанников училища.

2. Исходя из мысли, что кредит в 1000 рублей, проектированный в свое время бывшим директором училища Смоленским на составление описания, оказался недостаточным и не способствовал появлению на свет литературного труда по части этого описания, возбудить в установленном порядке ходатайство об ассигновании нового кредита в увеличенном против прежних соображений размере.

3. Полагая средним числом литературного гонорара по 32 рубля за лист (обычная плата за ученые статьи) и предусматривая, что каждый из 1350 номеров рукописей, внесенных в каталог, займет в общем одну страницу печатного листа, определить требуемый на описание всех рукописей училищной библиотеки кредит в 2700 рублей и 300 рублей сверх того назначить за общую редакторскую работу в смысле приведения отдельных частей описания в стройное целое.

4. Признавая, что описание будет достигать практических целей всего легче с помощью подробного и обстоятельного указателя, определить за редактирование его особый гонорар в размере 500 рублей и вменить в обязанность составителю указателя поместить в нем точное (без пропусков) обозначение всех нотных и крюковых произведений, как бы малы они ни были, и всех личных имен, встречающихся в рукописях.

5. На бумагу для черновиков с другими канцелярскими принадлежностями, на перебелку всего описания на пишущей машине проектировать особый кредит в 500 рублей, а всего, в окончательном подсчете на составление описания с полным приготовлением его к печати и пользованию в самом помещении библиотеки, просить кредит в 4000 рублей¹.

6. Признать, что такой кредит более, чем скромн, особенно если сравнить его с желаниями г. Смоленского получать по 3000 рублей в год с квартирой в натуре, то есть, не менее 4000 рублей в течение неопределенного времени. <...>

Комментарии

1. Каких-либо свидетельств о выделении Синодальному училищу кредита в 4000 рублей в более поздних документах не обнаружено.

**Выписка из протокола собрания Синодального хора
с правилами о «чайных» деньгах.
1 декабря 1906 года***

Взрослые синодальные певчие на общем собрании своем, происходившем 1 декабря 1906 года в числе двадцати человек, имели суждение о «чайных» деньгах, получаемых за разные требы. Вопрос этот возник вследствие участвовавших за последнее время недоразумений при разделе этих денег между товарищами. Бывали случаи, когда в один и тот же день при нескольких службах одни товарищи получали «чайные» и при разделе их между собою обделяли частью или совсем других товарищей, также несших в этот день службу. Такой парадокс получил на собрании почти единогласное осуждение (за исключением двух голосов), и решено было для «чайных» денег образовать «кружку» с периодическим разделом поровну между всеми товарищами, зачисленными в хор на жалованье. Соображения в пользу такого решения были высказаны следующие.

Все товарищи, как певчие Синодального хора, несут почти совершенно одинаковую службу. Между ними, в отличие от других хоров, вовсе нет той большой разницы в качестве голосов и в опытности пения, которая создает класс так называемых солистов и вожаков с одной стороны и прочих простых певчих с другой. И самое участие в пении различных служб, вознаграждаемых «чайными», также является почти вполне равномерным ввиду того, что за известный период времени каждому товарищу приходится в равном числе нести эти службы. Допуская, наконец, исключение, что некоторые из товарищей, почти всегда назначаемые на такого рода службы, в результате несут труд по этим службам несколько более прочих, собрание певчих примиряет этот факт с равномерным участием всех товарищей в «кружке» вследствие таких соображений; что на будущее время нарядчик должен в таких случаях более заботиться о равномерном распределении участия товарищей при назначении на такого рода службы, причем о таковом желании певчих может быть доведено до сведения г. регента, и едва ли с его стороны может встретиться какое-либо препятствие, так как во многих службах решительно всегда можно заменить другим подходящим голосом всякого товарища.

С другой стороны, если в конечном результате иногда и может случиться то, что несмотря на все старания о равномерном распределении труда некоторым товарищам (головщикам) придется на одну-две службы пропеть более прочих, то такую незначительную разницу едва ли стоит в данном случае принимать во внимание ввиду того, что за свое такого рода преимущество они между прочим имеют большую разницу сравнительно с другими в размере оклада жалованья.

Секретарь А. Зверев.

* Автограф. Дело с правилами о чайных деньгах взрослых певчих Московского Синодального хора и об их служебных обязанностях — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 21, л. 3—3 об.

Проект устава Синодального хора «о кружке».**11 декабря 1906 года***

1. Все так называемые «чайные» деньги должны быть вносимы в «кружку».

Примечание. Виновные в утайке и самовольном разделе таких денег подлежат каждый штрафу в полтора раза более той части, которая ему досталась при самовольном разделе. Штрафы вычитаются при разделе «кружки» из причитающейся виновнику суммы и разверстываются на остальных.

2. Деньги, состоящие в «кружке», хранятся в сберегательной кассе по книжке на предъявителя.

3. Хранение книжки и прочие сопряженные с этим действия возлагаются общим собранием певчих на одного или нескольких выборных лиц.

4. «Кружка» делится дважды в год по определению общего собрания.

5. Участие в «кружке» имеют все взрослые певчие Синодального хора, состоящие на жаловании.

6. «Кружка» делится между всеми участниками поровну с нижеуказанными исключениями.

7. При выбытии кого-либо из Синодального хора до раздела «кружки» ему тотчас же выдается из «кружки» причитающаяся ему в данный момент сумма.

8. Новые члены участвуют с момента вступления в хор на равных основаниях, но участвовать в разделе «кружки» могут лишь при том условии, если они хоть раз были в такого рода службах.

9. При манкировках в такого рода службах, какого бы характера они ни были (уважительные или неуважительные), товарищ штрафуетя при разделе «кружки» в размере той части, которая бы досталась ему за ту службу, на которую он не явился.

10. Для записи нарядов к службам певчие имеют особую книгу за установленной скрепой и подписью директора и с нею соотносятся в случае каких-либо недоразумений.

11. Подходить с поздравлениями и получать «чайные» от имени всего хора имеет право только следующий за регентующим взрослый певчий или выборный из товарищей.

Директор Московского Синодального хора В. Орлов.



* Машинописная копия. *Дело с правилами о чайных деньгах взрослых певчих Московского Синодального хора и об их служебных обязанностях* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 21, л. 4—6.

1907 год

Представление В. С. Орловым
«Правил служебной дисциплины для взрослых певчих
Московского Синодального хора».
23 февраля 1907 года*

Упадок служебной дисциплины среди взрослых певчих Синодального хора дошел до крайних пределов. Пропуски спевков, служб, и даже целыми партиями сделались, наконец, обычным явлением. Интересы частного дела некоторыми из вас ставятся выше интересов коронной службы в Синодальном хоре. Положение тем прискорбней с нравственной точки зрения, что певчие Синодального хора и заработки имеют главным образом благодаря славе, которой пользуется наш хор; без этого условия, давшего возможность таким людям, как Архангельский, Макаров, Краснов, и другим устроиться в жизни в высшей степени хорошо¹, вы, гг. певчие, может быть не имели бы доброй половины, если не всех своих частных доходов. Далее это терпимо быть не может. Синодальный хор по своему официальному положению стоит слишком высоко. Он у всех на виду, для всех образец, с которого должно брать пример. Добрая слава Синодального хора далеко несется пока, — даже за пределами России. Лучше не жить, чем быть свидетелем стыда потери этой славы. Чтобы отстоять честь его, дружными усилиями помешать во что бы то ни стало всем тем, коим славное имя Синодального хора звук пустой, в мучительной борьбе с самим собой выработаны совместно в руководство дальнейших мероприятий следующие правила:

1. Денежные награды, прежде выдававшиеся к праздникам Рождества Христова и Св. Пасхи, в будущем управление хором будет распределять по числу посещений каждым взрослым певчим обязательных спевков и служб.

2. О пропуске спевков и служб, если бы для него представилась крайняя необходимость, должно быть сделано предварительное извещение на имя заведующего назначением певцов к службам помощника регента и обязательно в письменной форме.

3. Пропуски без упомянутого извещения с указанием причин неявки к службе штрафуются первые три раза в размере от одного до пяти рублей по усмотрению администрации хора, а после четвертого раза певчий увольняется из хора.

* Машинопись с подписью-автографом В. С. Орлова. *Переписка о выработке правил для взрослых певчих Синодального хора. 23 февраля 1907 года* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 19, л. 2—2 об.

4. Ложные сведения, представленные в оправдание неявки к исполнению служебных обязанностей хотя бы один раз, наказываются сперва смещением на низший оклад, а при повторении увольнением из хора.

Директор Московского Синодального хора В. Орлов.

Комментарии

1. Певчий Синодального хора А. М. Архангельский в 1899 году получил место регента русской посольской церкви в Вене. Судьбу двух других упомянутых В. С. Орловым певчих проследить не удалось.



1908 год

**Отношение прокурора Московской Синодальной конторы
Ф. П. Степанова к митрополиту Московскому и Коломенскому Владимиру
с просьбой не допускать на клирос недипломированных регентов.
19 января 1908 года***

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший владыко и архипастырь!

Наблюдательный совет при Синодальном училище церковного пения в заседании своем 26 ноября 1907 года постановил обратиться к высокому пастырскому авторитету Вашему в деле упорядочения жизни и деятельности церковных певческих хоров г. Москвы. Проводя в жизнь идеалы художественного клиросного пения, Наблюдательный совет ведет второй год борьбу с невежественными регентами и руководителями хоров, преследующими только свои личные выгоды и обставляющими жизнь своих певчих невозможными условиями. Деятельность такого рода хоросодержателей должна быть парализована, и только известный музыкально-образовательный ценз может дать права на содержание и руководство хором. Наблюдательный совет установил экзамены знаниям этих руководителей и будет выдавать свидетельства лицам, выдержавшим испытания на звание регента.

Теперь настало время услышать пастырское слово Вашего высокопреосвященства, обращенное к духовенству г. Москвы, которым бы рекомендовалось не допускать на клиросы церковей хоры, у руководителей которых нет свидетельств от Наблюдательного совета или из Придворной певческой капеллы и разрешения на содержание хора. Только духовенство может помочь в этом высоком деле поднятия уровня церковно-клиросного пения. Одно уже распубликование в печатных органах духовенства фамилий лиц, получивших право на руководство частным хором, может принести свои плоды и подвигнуть остальных регентов добиваться этих прав, а категорическое недопущение на клирос церковей регентов недостойных этого права заставит изменить в корне частное церковно-певческое дело. Наблюдательный совет поручил мне, владыко, у Вас просить помощи и поддержки в этом деле, которому Совет ревностно и бескорыстно служит, и тем самым принести великую пользу не только Москве как хранительнице всех чистых идеалов, но и всей Руси, со всех сторон которой идут жалобы на упадок цер-

* Незаконченная машинописная копия с рукописной правкой. *Переписка Наблюдательного совета с митрополитом Московским и обер-прокурором Св. Синода по поводу частных духовно-певческих хоров г. Москвы* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 36, л. 1—1 об.

ковно-певческого дела, тем более, что указом Св. Синода от 15 июня 1906 года обусловлен двухлетний срок для введения в жизнь нового устава, и срок этот кончается 15 июня 1908 года¹.

Комментарии

1. Выработанный в Наблюдательном совете Устав церковно-певческих хоров г. Москвы был опубликован в «Московских церковных ведомостях» (1906, № 39, Официальный отдел. С. 123—128), а также отдельным оттиском в количестве 600 экземпляров. Вторая редакция этого Устава (1911 года) публикуется ниже.

Ответ митрополита Московского и Коломенского Владимира прокурору Московской Синодальной канторы Ф. П. Степанову. 26 января 1908 года*

Милостивый государь Филипп Петрович!

Вследствие отношения Вашего от 19 января сего 1908 года за № 173 об упорядочении жизни и деятельности церковных певческих хоров в г. Москве, долг имею уведомить Вас, милостивый государь, что я со своей стороны приветствую мысль об объявлении имен регентов, выдержавших испытание, в «Московских церковных ведомостях», но больше никаких распоряжений по сему делу пока не решаюсь делать, чтобы не оставить богослужения без хорового пения и не вызвать возбуждения страстей.

Призывая на Вас, милостивый государь, благословение Божие, с совершенным почтением имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Владимир, митрополит Московский.

Повторное отношение председателя и членов Наблюдательного совета к митрополиту Московскому и Коломенскому Владимиру. 4 марта 1908 года*

Наблюдательный совет при Синодальном училище церковного пения имеет честь беспокоить Ваше высокопреосвященство просьбой не отказать выслушать объяснения по поводу проведения в жизнь Устава церковно-певческих хоров и упорядочения церковно-певческого дела в Москве. В течение двухлетней своей деятельности Наблюдательный совет успел подготовить достаточное число лиц, удовлетворяющих требованию Устава по руководительству церковными хорами. Это количество правоспособных ре-

* Машинопись с подписью-автографом митрополита Владимира. *Переписка Наблюдательного совета с митрополитом Московским и обер-прокурором Св. Синода по поводу частных духовно-певческих хоров г. Москвы* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 36, л. 2.

* Машинописная копия с рукописной правкой. Там же, л. 3—4.

гентов будет постепенно увеличиваться выдержавшими при Синодальном училище установленное на звание регента испытание. Просимое у Вашего высокопреосвященства распоряжение о недопущении на церковный клирос неправоспособных регентов наилучшим образом поспособствует этому увеличению. К тому же на первое время хоры тех лиц, кои признаны правоспособными регентами, могут иметь большие составы, нежели в настоящее время они имеют. Так что те певчие, которые поют теперь под руководством часто случайных регентов, войдут в хоры признанных руководителей. Поэтому весьма желательно, чтобы с будущего сезона (с августа) духовенство не допускало к пению в церкви регентов без надлежащего разрешения.

Наблюдательный Совет имеет честь представить при сем список регентов, имеющих установленное свидетельство на руководство и содержание частных церковно-певческих хоров для распоряжения Вашего высокопреосвященства о напечатании его в «Московских церковных ведомостях» к сведению духовенства г. Москвы.

Список регентов, выдержавших испытание на звание регента частного хора при Синодальном училище церковного пения*

Оболенский Алексей Иванович, Яснев Лев Николаевич, Платонин Александр Васильевич, Протопопов Александр Владимирович, Серединский Михаил Михайлович, Кондратьев Иван Евдокимович, Лавров Василий Николаевич, Макаров Иван Михайлович, Молодцов Алексей Алексеевич, Гуреев Павел Аверьянович, Сорокин Яков Кондратьевич, Марков Василий Васильевич, Полетаев Петр Михайлович, Русанов Петр Яковлевич, Гуськов Иван Гаврилович, Архангельский Александр Павлович, Юхов Иван Иванович, Андреев Алексей Андреевич, Белов Андрей Тимофеевич, Варгин Константин Константинович, Васильев Леонид Сергеевич, Терещенко Владимир Яковлевич, Цветков Николай Иванович, Соколов Николай Николаевич, Соколов Георгий Афанасьевич, Якимов Василий Никанорович, Рычагов Александр Павлович, Веселов Илья Савельевич, Иванов Федор Алексеевич, Зайцев Филарет Афанасьевич, Солнцев Сергей Антонович, Галичников Василий Сергеевич, Петров Александр Петрович, Артемов Никита Петрович, Александров Василий Алексеевич, Булыгин Алексей Тимофеевич¹.

Комментарии

1. Вскоре после того, как данный список был опубликован в «Московских церковных ведомостях», в Наблюдательный совет пришло письмо регента К. К. Варгина, который указывал, что его имя попало в список ошибочно и что он сдавал экзамен не

* Машинописная копия. *Переписка Наблюдательного совета с митрополитом Московским и обер-прокурором Св. Синода по поводу частных духовно-певческих хоров г. Москвы* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 36, л. 5—5 об.

в Синодальном училище, а в Придворной певческой капелле; подобное же заявление поступило и от регента А. Т. Белова. Зато ряд московских регентов, сдавших экзамен в училище, в список не попали; в их числе Г. Ф. Кузнецов, также обратившийся с жалобой в Совет.

Особое мнение В. М. Металлова
по поводу сдачи экзаменов по истории, теории
и семиографии церковного пения учениками Синодального училища.
23 апреля 1908 года*

Предполагаю освободить всех учеников 6, 7 и 8-го классов от экзаменов по преподаваемому мной предмету история, теория и семиография церковного пения (знаменный распев). Я считаю возможным мотивировать это предположение, во-первых, тем, что ученики, по моему мнению, оказали надлежащие успехи в этом предмете, имея не ниже 4-х. Во-вторых, тем, что в Синодальном училище порядок переводить успевающих учеников без экзамена совершенно обычен, независимо от практики семинарий и всех вообще духовно-учебных заведений. И, в-третьих, тем, что преподаваемый мною предмет совершенно своеобразен, представляя собою специальную область, главным образом технического устройства знаменного распева и его семиографии. И, наконец, в-четвертых, тем, что ученики вообще весьма обременены бывают экзаменами и переутомляются.

Священник В. Металлов.

Постановление правления Синодального училища
об организации ученической музыкально-хоровой библиотеки.
30 мая 1908 года*

Помощник регента Н. Н. Толстяков обратился в управление с просьбой о разрешении устройства особой ученической музыкально-хоровой библиотеки для нужд классных занятий. Для этого необходимо приобрести особый вместительный шкаф, озаботиться о каталоге этой библиотеки и назначить лицо, заведующее библиотекой, из числа преподавателей музыкальных предметов или помощников регента.

Правление, соглашаясь с доводами Толстякова, признало желательным иметь классную библиотеку и постановило: просить г. Толстякова взять на себя устройство библиотеки. Помещением под книги приспособить шкаф в приемной комнате училища; приобрести до 30-ти замков хорошей конст-

* Автограф. Журналы заседаний правления Синодального училища — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 18, л. 110.

* Машинописная копия. Там же, л. 152.

рукции как для вышеупомянутого шкафа, так и для других шкафов училищной библиотеки, приобрести два каучуковых штампа с надписями «Певческая библиотека Синодального училища» и «Ученическая музыкальная библиотека». Для обеих библиотек составить каталог, для чего отпечатать потребное количество бланков. После оборудования ученической классной библиотеки просить помощника регента Данилина принять ее в свое заведение.



1909 год

Выписка из протокола заседания правления Синодального училища с программой чествований памяти С. В. Смоленского. 19 сентября 1909 года*

19 сентября 1909 года комиссия по увековечению памяти покойного Степана Васильевича Смоленского¹, собравшись в зале Синодального училища в 8 часов вечера, постановила:

1. 28 октября в день Ангела покойного Степана Васильевича отслужить заупокойную литургию в церкви Св. Вознесения (Большого), что на Малой Никитской улице.

2. В полугодовой день кончины Степана Васильевича возложить от Синодального училища венок на могилу покойного в г. Казани. Для сего организовать подписку между преподавателями училища и сослуживцами его; возложить венок поручить г. И. И. Серебrenицкому.

3. В полугодовой же день (20 января 1910 года) или в ближайшее к нему воскресенье, то есть 17 или 24 января, дать концерт Синодального хора исключительно из сочинений покойного Степана Васильевича². Перед каждым отделением концерта о. протоиерей Металлов и о. Аллеманов возьмут на себя труд прочесть публике краткую биографию покойного с разъяснением его заслуг как собирателя древних рукописей, как педагога, композитора, исследователя и знатока крюкового пения³. Таковые же комментарии будут предпосланы и некоторым песнопениям его, исполняемым в этом концерте, программу которого поручается выработать А. Д. Кастальскому совместно с о. Аллемановым. Просить С. Н. Кругликова исхлопотать безвозмездно зал консерватории для этого концерта. Для наибольшего распространения в публике сведений о концерте просить редакции московских газет поместить заметки и сочувственные статьи через сотрудников этих газет гг. Н. Р. Кочетова, С. Н. Кругликова, Н. Д. Кашкина и о. Д. В. Аллеманова.

Если Большой зал консерватории имеет приспособление для волшебного фонаря, то в таком случае во время концерта демонстрировать наиболее замечательные и драгоценные открытия Степана Васильевича в области старинного русского церковного пения (крюковые записи, заставки, автографы и пр.).

4. Ко дню концерта издать книжку-брошюру, в которой собрать воедино биографию Степана Васильевича и все, что относится к его жизни и дея-

* Машинописная копия. *Журналы заседаний правления Синодального училища церковного пения за 1908—1909 год* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 22, л. 39—39 об.

тельности, воспоминания его сослуживцев, характеризующие личность покойного, газетные статьи, перечень трудов Степана Васильевича и разбор его замечательных открытий в области древнерусских рукописей и т. п. Редактирование этой книжки поручить комиссии из С. Н. Кругликова, протоиерея о. В. М. Металлова и о. Д. В. Аллеманова⁴.

5. Поставить в концертном зале училища гипсовый бюст Степана Васильевича⁵.

6. Под имеющимися уже в Синодальном училище портретами Степана Васильевича прибить медные доски с краткой биографией покойного. Составление текста надписей поручить И. И. Серебреницкому.

7. Ходатайствовать в установленном порядке о наименовании библиотеки при Московском Синодальном училище старинных рукописей «Библиотекой имени Степана Васильевича Смоленского»⁶.

В том случае, если для осуществления вышепоименованных пожеланий комиссии не хватит средств, комиссия имеет вновь собраться для обсуждения мер, которые будут приняты для пополнения этих средств.

Комментарии

1. В комиссию по увековечению памяти умершего 19 июля 1909 года С. В. Смоленского входили: С. Н. Кругликов, В. М. Металлов, К. А. Никольский, Д. В. Аллеманов, А. Д. Кастальский, А. Н. Гладкий и др.

2. Концерт памяти С. В. Смоленского состоялся 24 января 1910 года. См. о нем в 4-м и 5-м разделах.

3. Речь Д. В. Аллеманова «С. В. Смоленский как церковно-певческий деятель» напечатана в журнале «Музыкальный труженик», 1910, № 4. С. 4—11.

4. Сборник «Памяти Степана Васильевича Смоленского» [Музыкальная старина. Вып. 5] был опубликован в 1911 году.

5. 28 октября 1913 года в Синодальном училище был установлен бюст С. В. Смоленского работы Н. А. Андреева. Перед церемонией преподавателем Синодального училища протоиереем В. И. Кедровым в сослужении протодиакона Успенского собора К. В. Розова при пении Синодального хора была отслужена панихида (см.: «Хоровое и регентское дело», 1913, № 5. С. 114—118).

6. А. Д. Кастальский сообщал в 1911 году в Петербург А. И. Смоленской, что для увековечения памяти ее супруга над дверями училищного древлехранилища появилась украшенная древнерусским орнаментом надпись: «Библиотека нотных рукописей имени С. В. Смоленского»; на ней были изображены вещие птицы Сирин и Алконост, а также икона Романа Сладкопевца (письмо А. Д. Кастальского к Х. Н. Гроздову — ГЦММК, ф. 370, № 582).



1910 год

**Отношение Наблюдательного совета
к митрополиту Московскому и Коломенскому Владимиру
с ходатайством об увеличении полномочий Наблюдательного совета
и о необходимости выработки нового Устава
церковно-певческих хоров г. Москвы.
13 марта 1910 года***

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший и милостивейший архипастырь и отец!

Наблюдательный совет в последние годы своими мероприятиями достиг некоторых улучшений в церковно-певческом деле в Москве. Так, теперь создана многочисленная (до 60-ти человек) корпорация музыкально грамотных регентов; повышен интерес со стороны народа к древним, исконно русским напевам; в значительной степени углублены и расширены художественные запросы в среде самих деятелей по певчеству. Наряду с этим и моральная и материальная стороны жизни хоров начинают весьма занимать внимание не только передовых, но и рядовых регентов и певчих. Показателем этого служит возникновение в последнее время певческих обществ, имеющих целью или упорядочить вообще внутреннюю жизнь хоров, искоренить вековые привычки к пьянству и разврату и развить грамотность и доброе воспитание среди невежественной и грубо разнузданной большой и малой певческой братии, или же положить предел эксплуататорству хоросодержателей и всякого рода беззастенчивости регентов и певчих.

Наблюдательный церковно-певческий совет, на который хоросодержатели и певчие смотрят как на правительственный авторитетный орган, могущий оказать не только нравственную, но и фактическую поддержку во всех благих начинаниях и самостоятельности церковных хоров, за последнее время получает просьбы оказать то или другое содействие в сфере певческой деятельности. Мало того, гражданские власти также обращаются в Совет с просьбами сделать распоряжения по таким вопросам внутренней жизни хоров, которыми только и может ведать Наблюдательный совет, полагая, что у Совета имеется надлежащая власть и сила фактически вмешаться и принять меры воздействия, чтобы заставить членов певческой корпорации подчи-

* Машинописная копия. *Переписка Наблюдательного совета с митрополитом Московским и обер-прокурором Св. Синода по поводу частных духовно-певческих хоров г. Москвы* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 36, л. 21—23 об.

ниться тому или другому постановлению Совета или выбранных из певческой же среды членов.

У Наблюдательного совета такой власти нет, и благодаря этому всякие попытки ввести порядок и законность в певческую среду являются тщетными, так как есть случаи, когда одни увещания не помогают и необходимо бывает принять более действительные меры воздействия. Правда, в некоторых случаях Устав дает право Наблюдательному совету на закрытие хора, но на практике закрытый хор всегда может продолжать существовать и проявлять свою деятельность, ни на йоту не изменяя ни своего состава, ни своей внутренней жизни, так как духовенство и староста не интересуются, разрешен ли этот хор, состоит ли под наблюдением Совета и его члена-наблюдателя, и спокойно продолжают приглашать этот хор на церковный клирос, особенно же на частные требы. К Наблюдательному совету сами певческие деятели стремятся как к авторитету, признанному Св. Синодом, как органу, могущему вполне беспристрастно решать самые жизненные, самые существенные большие и малые вопросы их певческой корпорации, а Наблюдательный совет должен конфузливо сторониться, сознавая в своем бессилии что-либо сделать.

Существование в Москве многих хоров, не разрешенных к деятельности духовной властью, за которыми отсутствует какой-либо надзор, — первая причина, парализующая все благие мероприятия Наблюдательного совета. Необходимо, чтобы само духовенство шло рука об руку с Советом в этом отношении и не допускало бы на церковный клирос лиц, часто совершенно случайных и мало знающих церковное пение и, главное, интересующихся лишь материальными выгодами от занятия им.

Вторая причина бессилия Наблюдательного совета в борьбе с недостатками пения хоров даже разрешенных и зарегистрированных — это недостатки самого Устава церковно-певческих хоров: Устав дает минимальную власть Наблюдательному совету в смысле надзора за художественным и грамотным исполнением на церковном клиросе песнопений, а также почти лишает возможности на вмешательство во внутреннюю жизнь хоров и совершенно не затрагивает вопроса об ответственности перед Наблюдательным советом хоросодержателей, регентов и певцов, кроме случаев закрытия хоров по § 30 Устава.

Вполне сознавая дефекты существующего Устава, Наблюдательный совет решил переработать его, более приспособив к жизни и условиям дела, и в недалеком будущем представить, с благословения Вашего высокопреосвященства, на благоусмотрение Святейшего Синода. Что же касается до распоряжения по епархии о недопущении духовенством на клирос хоров не зарегистрированных, то Наблюдательный совет уже дважды обращался с своей почтительнейшей просьбой к Вам, высокопреосвященнейший владыко, прося Вашего распоряжения. И теперь, понуждаемый крайней необходимостью и с глубоким убеждением в пользе такого распоряжения для дела,

снова просит о том же. Церкви без певчих остаться не могут, так как сейчас имеется разрешенных уже 60 хоров; эти хоры следует поддержать, выделяя их, а не ставя на одну доску с безграмотной дешевой анонимных певцов, до которой столь падки многие старосты и отцы настоятели. Без распоряжения Вашего, владыко, об ответственности настоятелей и старост вся деятельность Наблюдательного совета сводится к нулю; недалеко то время, когда подтянувшиеся было хоросодержатели и регенты ясно увидят бессилие Наблюдательного совета, и начавшееся упорядочение и оживление хорового дела снова замрет... Признаки недоверия к авторитету Совета уже проявляются. Доверие же это можете поддержать только Вы, высокопреосвященнейший владыко, со своим архипастырским попечением о хоровом церковном пении в Москве, в этом некогда бывшем центре истового православного церковного пения.

Свое почтительнейшее обращение к Вашему Высокопреосвященству от 7 ноября 1909 года за № 3068 Наблюдательный совет заключил покорнейшей просьбой о сделании распоряжения московскому духовенству и церковным старостам о неперменном соблюдении содержателями хоров Устава и о том, чтобы впредь отцы настоятели церковей не допускали к пению на клиросе лиц, не получивших для организации хора разрешения от духовной консистории, что вполне согласуется с § 22 Устава и резолюцией на нее Вашего Высокопреосвященства от 4 сентября 1906 года за № 4048, а также вменить в обязанность кафедральному, Чудовскому и не частным хорам подчиняться требованиям, предъявляемым Уставом церковно-певческих хоров, когда названные хоры поют вне своих церковей.

Повторяя ныне эту свою просьбу, Наблюдательный совет вполне уверен, что такое распоряжение в значительной степени облегчит Совету проведение в жизнь сделанных в Уставе предначертаний Св. Синода.

**Послание митрополита Московского и Коломенского Владимира
прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову
об образовании при училище комиссии для выработки
«Списка сочинений русских духовных композиторов,
могущих быть допущенными на клиросы монастырских храмов».
10 сентября 1910 года***

Указом Св. Синода от 12 июля сего 1910 года за № 19 о мерах к благоустройению мужских монастырей¹ поручено мне образовать при Московском Синодальном училище церковного пения комиссию из сведущих лиц при участии, по возможности, специально знающих церковное пение представи-

* Машинописная копия с подписью-автографом. *Дело об образовании при училище комиссии для выработки списка сочинений русских духовных композиторов для монастырских храмов* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 30, л. 2—2 об.

телей от монастырей, для составления списка сочинений русских духовных композиторов, которые могут быть признаны по своему характеру не нарушающими молитвенного настроения и допустимыми к исполнению в монастырских храмах. Сообщая о вышесказанном, долгом считаю покорнейше просить Вас, милостивый государь, указать лиц сведущих, которые могли бы войти в состав названной комиссии, присовокупляя при этом, что со своей стороны я признавал бы желательным, чтобы в состав той же комиссии представителями от монастырей были внесены наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандрит Товия, ректор Московской духовной семинарии архимандрит Борис и настоятель Покровского московского монастыря архимандрит Аристарх.

Владимир, митрополит Московский.

Комментарии

1. Синодальному указу предшествовал соответствующий указ императора Николая II, появившийся после ознакомления императора с постановлениями съезда монашествующих (5—13 июля 1909 года, Троице-Сергиева лавра).

**Из журнала № 1 заседания комиссии
по составлению «Списка сочинений русских духовных композиторов,
могущих быть допущенными на клиросы монастырских храмов».
8 октября 1910 года***

1910 года, октября месяца 8 дня в 6 часов вечера в актовом зале Синодального училища собрались: наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандрит Товия, ректор Московской духовной семинарии архимандрит Борис, архимандрит Аристарх, архимандрит Модест, иеромонах Свято-Троицкой Сергиевой лавры Нафанаил и члены Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения: директор А. Д. Кастальский, протоиерей о. В. М. Металлов, о. Д. В. Аллеманов и регент Н. М. Данилин при делопроизводителе А. Н. Гладком. Назначенный его высокопреосвященством монах Покровского монастыря о. Феодосий отсутствовал по болезни. Председательствовал прокурор Московской Св. Синода канторы.

Председательствующий комиссии прокурор Московской Св. Синода канторы Ф. П. Степанов ознакомил господ членов с отношением владыки митрополита Московского от 10 сентября 1910 года № 343 и с указом Св. Синода от 12 июля 1910 года № 19, в коем перечислены положительные меры к возвышению иноческой жизни в монастырях, и в числе этих мер нижеследующие, касающиеся непосредственно обсуждения комиссии:

* Машинописная копия. *Дело об образовании при училище комиссии для выработки списка сочинений русских духовных композиторов для монастырских храмов* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 30, л. 9—9 об.

«В монастырях, имеющих достаточный личный состав братии, запретить держать наемных регентов и наемные хоры. Исключение допускается только для мест постоянного пребывания преосвященных митрополитов, архипастырскому усмотрению коих предоставляется, содержать ли такие хоры или обходиться без них; в состав монастырских хоров включать только взрослых послушников и монахов обители, причем иеромонахи, свободные от других послушаний, обязательно должны участвовать в пении за богослужением. В монастырях, в коих имеются школы и приюты, дети могут петь на ранних литургиях в праздничные дни, образуя хор отдельно от хора монастырского. Напевы в монастырях принять по возможности те, которые изложены в Обиходе синодального издания¹, а также древние местные и предложить настоятелям вводить постепенно знаменный распев, исполняя этим распевом догматики, подобны, антифоны на утрене, прокимны на утрене и вечерне, ирмосы. Исполнение партесного пения итальянского стиля, как носящего светский характер, воспретить; поручить преосвященному митрополиту Московскому образовать при Московском Синодальном училище церковного пения комиссию из сведущих лиц при участии, по возможности, специально знающих церковное пение представителей от монастырей для составления списка сочинений русских духовных композиторов, которые могут быть признаны по своему характеру не нарушающими молитвенного настроения и допустимыми к исполнению в монастырских храмах».

Обсудив детально пункты указа, комиссия в своем первом заседании наметила следующий план работы: сначала выработать одnogолосные напевы для всех монастырских храмов Руси, далее рекомендовать Обиход и выработать список хоровых обиходных переложений для однородного и смешанного хоров и, наконец, выработать список свободных сочинений для однородного и смешанного хоров, для чего постановили:

1. Сохранив древние местные напевы для одnogолосного пения в тех епархиях, в каковых они имеются, рекомендовать для всех монастырских храмов Руси синодальное издание [Обихода] и Обиход Московской епархии (издание Общества любителей церковного пения)², признав таким образом московский напев общероссийским.

2. Для выработки списка Обихода и списка песнопений для однородного хора выделить подкомиссию в составе о. ректора архимандрита Бориса, протоиерея Металлова и иеромонаха Нафанаила.

3. Для выработки списка сочинений для смешанного хора выделить подкомиссию в составе архимандритов Аристарха, Модеста и о. Аллеманова. При выборе духовных песнопений руководствоваться указаниями Св. Синода и обратить особое внимание на то, чтобы песнопения были проникнуты духом древних напевов монастырей. Подготовительные работы отцов членов подкомиссии желательно окончить ко дню следующего заседания, а именно 9 ноября 1910 года.

Комментарии

1. Под Обиходом синодального издания имелись в виду певческие книги на квадратной ноте, впервые изданные Московской Синодальной типографией в 1770-х годах, то есть Обиход, Октоих, Ирмологий и Праздники (М., 1772), а также сокращенный Обиход нотного пения (М., 1778), вобравший наиболее употребительные песнопения из этих четырех книг.

2. Речь идет о Круге церковных песнопений обычного роспева Московской епархии, который начал издаваться в Москве с 1882 года Обществом любителей церковного пения. Вышли в свет следующие тома: Т. I. Песнопения Всенощного бдения; Т. II. Ирмосы Господским и Богородичным праздникам, последование во Святую и Великую неделю Пасхи, тропари Господским и Богородичным праздникам; Т. III. Песнопения Св. Четыредесятницы и Страстной седмицы; Т. IV. Божественная литургия Иоанна Златоустаго, Василия Великаго и Преждеосвященных даров, пение при архиерейском служении. (Подробно о деятельности этого Общества см. в третьем томе.)

**Из журнала № 2 заседания комиссии по составлению
«Списка сочинений русских духовных композиторов, могущих быть
допущенными на клиросы монастырских храмов».
9 ноября 1910 года***

1910 года ноября 9 дня в 7 часов вечера в актовом зале Синодального училища собрались: наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандрит Товия, ректор Московской духовной семинарии архимандрит Борис, архимандрит Аристарх, архимандрит Модест, иеромонах Нафанаил и члены Наблюдательного совета при Синодальном училище: директор А. Д. Кастальский, протоиерей о. В. Металлов, священник о. Д. Аллеманов, регент Н. М. Данилин при делопроизводителе А. Н. Гладком. Отсутствовали: члены Наблюдательного совета Н. Д. Кашкин, В. С. Калинин, С. Н. Василенко, монах Покровского монастыря Феодосий и Д. И. Зарин. Председательствовал прокурор Московской Синодальной конторы.

1. Отцы архимандриты Товия и Аристарх обратили внимание комиссии, что по точному смыслу указа Св. Синода № 19 наемные регенты и смешанные хоры допускаются лишь в тех монастырях, где постоянно жительствоуют преосвященные епископы, между тем как большинство русских обителей не служит местопребыванием епископов, а некоторые из монастырей, находящихся в больших центрах и привлекающие массы богомольцев благолепием своей службы, имеют свои школы для мальчиков и смешанные хоры, отличающиеся стройностью пения и способствующие этому благолепию.

* Машинописная копия. *Дело об образовании при училище комиссии для выработки списка сочинений русских духовных композиторов для монастырских храмов* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 30, л. 10—11.

Указ Св. Синода комиссия понимает в том смысле, что эти хоры недопустимы и школы при таковых обителях (как, например, московские монастыри Покровский и Спасо-Андрониев и др.) следует уничтожить. Хотя указом Св. Синода обсуждение сего вопроса и не поручается комиссии, однако, признавая высокую важность его и полную нежелательность уничтожения смешанных хоров и школ в тех обителях, где оные имеются, архимандриты Товия и Аристарх просили комиссию обсудить этот вопрос с целью восполнения мероприятий Св. Синода, направленных к надлежащей постановке и правильному ведению церковно-певческого дела в монастырях.

Комиссия, присоединяясь к мнению отцов архимандритов Товии и Аристарха, постановила: выразить пожелание, чтобы впредь сохранено было бы право за некоторыми большими обителями, имеющими надлежащие средства, иметь школы для мальчиков и смешанные хоры и под ответственностью настоятелей разрешать этим хорам петь не только на ранних литургиях, но и на поздних, а также на всенощных бдениях под праздничные дни.

2. Комиссия по тщательном рассмотрении утвердила список русских композиторов и их произведений, могущих быть допущенными на монастырский клирос. Вместе с тем комиссия сочла необходимым выяснить ту точку зрения, которой члены ее придерживались при составлении этого списка.

Русское церковное пение в течение двух последних веков проникалось духом итальянской музыки. Не одно поколение русских людей выросло в атмосфере этого пения. В настоящее время с уверенностью можно сказать, что не строгие, величавые и простые старинные русские напевы, содержащиеся в нотных богослужебных книгах синодального издания, почитаются у нас истинно церковными, но именно эти мелодии итальянского стиля. Более того, гармонизации старинных русских напевов, делаемые композиторами (как, например, Римским-Корсаковым и Кастальским) признаются как частью общества, так и некоторыми служителями церкви, не исключая и высших чинов, новаторскими затеями вообще или же произведениями упадочного стиля.

Хотя сам Св. Синод полагает помочь освободиться от итальянского стиля в партесном пении, что видно из строк его указа № 19, тем не менее комиссия, зная существующие взгляды на пение, равно принимая во внимание и то, насколько песнопение с явно выраженным итальянским стилем внедрилось в обиходы православных церквей, не исключая и монастырских, находит невозможным совершенно исключить произведения таких авторов, как Бортнянский, Турчанинов, Львов и многие другие, до Архангельского включительно, — по сущей привычке к ним русских людей и главным образом потому, что заменить полностью их в настоящее время трудно, ибо произведений, написанных в традициях старинного русского церковного пения, существует очень незначительное количество.

Веря, что освобождение национального православного церковного пения от иноземного влияния идет хотя медленными, но верными шагами и совершится само собой, комиссия, во избежание мер насильственного искоренения этого влияния, в списке песнопений для монастырских хоров допускает авторов, следующих традициям итальянской школы, исключив произведения, обнаруживающие вычурность, изысканность и вообще сложность музыкального построения (концерты). Точно так же с большим разбором допущены авторы, гармонизирующие древние напевы, причем обращено особое внимание на то, чтобы форма содержания сочинений не исключала простоты и строгости церковного стиля. Список духовных сочинений, допущенных на клирос в монастырских храмах, при сем прилагается.

**Список церковных песнопений для однородного мужского хора,
допустимых к употреблению в русских монастырях***

Азеев Е. С.	Софрониевская Херувимская (3-хгол.) «Душе моя» (4-хгол.) «Да исправится» (греческого роспева, 4-хгол.)
Архангельский А. А.	«Крест хранитель всея вселенная» «Милость мира» № 1, 2, 3 Пение церковных служб: Вып. I. Великий пост Вып. II. Вход Господень во Иерусалим и Страстная неделя Вып. III. Пасха Вып. IV. Вознесение и Пятидесятница Вып. V. Преображение, Успение, Рождество Богородицы, Воздвижение Вып. VI. Введение, Рождество Христово, Богоявление, Сретение, Благовещение Вып. VII. Ирмосы двенадесятых праздников, первой и Страстной седмиц Вып. VIII. Праздники не двенадесятые. Херувимская № 6

* Черновая рукопись с подписями-автографами. *Дело об образовании при училище комиссии для выработки списка сочинений русских духовных композиторов для монастырских храмов* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 30, л. 12—15.

В деле имеется еще несколько списков духовных сочинений: на л. 16—23 — не содержащий подписей составителей пространный список сочинений для смешанных хоров; на л. 23 об.—25 — списки духовно-музыкальных произведений Д. В. Алеманова, Г. Ф. Львовского и В. М. Металлова.

- Аллеманов Д. В. Осмогласие. II выпуск
«Благослови, душе моя, Господа» на всеощной (4-х гол.)
- Афанасьев Н. Я. Литургия св. Иоанна Златоуста (подражание древнему напеву)
- Балакирев М. А. Херувимская (переложение)
- Беневский В. Д. «Благослови, душе моя, Господа»
«Хвали, душе моя»
«Приидите поклонимся»
«Господи, спаси благочестивыя»
Херувимская № 1 (обычного распева)
Херувимская (вятского распева)
Херувимская (киевского распева)
Херувимская (московского распева)
Херувимская (старинного распева)
«О Тебе радуется» (греческого распева)
Херувимская (киевского лаврского распева)
«Милость мира» (обиходное)
«Милость мира» C dur
«Милость мира» a moll
«Милость мира» (ярославского распева)
«Милость мира» (старинного распева)
«Милость мира» из Литургии Василия Великого
«Достойно есть» (греческого распева)
«Достойно есть» (киевского распева)
«Достойно есть» (по Потулову)
«И всех и вся» (киевского распева)
«Единородный Сыне» (киевского распева)
- Березовский М.С. «Верую»
- Бортнянский Д.С. Херувимские № 2, 5, 6, 7
«Единородный Сыне» (киевского распева)
«Под Твою милость» (греческого распева)
«Вкусите и видите»
«Приидите убожим» (киевского распева)
«Помощник и Покровитель»
«Архангельский глас»
«Ангел вопияше» (греческого распева)
«Ныне силы небесныя» (киевского распева)
«Чертог Твой» (киевского распева)
«Дева днесь» (болгарского распева)
Многолетие
«Да исправится молитва моя» № 2

- Викторин, иеромонах Великопостные прокимны (3-хгол., киевского роспева), № 22
- Войденов В. П. Евангельские стихирьы 1-го и 2-го гласов (4-хгол.)
- Георгиевский М. И. «Разбойника благоразумнаго» № 3 (3-хгол.)
- Зайцев С. А. «С нами Бог» (знаменного роспева)
Херувимская песнь
Литургия св. Иоанна Златоуста (роспева Ниловой пустыни)
Ирмосы (роспева Ниловой пустыни)
Причастны (роспева Ниловой пустыни)
Литургия св. Иоанна Златоуста (киевского роспева)
«Тебе поем»
«Под Твою милость»
Херувимские № 1, 2, 3
«Да молчит всякая плоть» (киевского роспева)
«Свете тихий»
Херувимская
«Хвалите Господа с небес»
«О всепетая Мати»
- Ипполитов-Иванов М. М. Херувимские № 1, 2 (для женского хора)
- Израилев А. А. Херувимская по напеву св. Димитрия Ростовского (4-х гол.)
- Кастальский А. Д. Херувимская Старо-Симоновская
Херувимская «на разорение Москвы»
«Милость мира» (невская)
«Достойно есть» (афонское)
«Благослови, душе моя, Господа» (знаменного роспева)
«Блажен муж» (малого знаменного роспева)
Херувимская Софрониевская
«Милость мира» Ипатьевская
«Достойно» (киевского роспева)
«Святый Боже», «Кресту Твоему», «Елицы во Христа крестистесь»
«Благослови, душе моя, Господа» (греческого роспева)
«Блажен муж» Успенского собора
«Ныне отпускаеши» (для однородного хора)
- Курлов Н. И. Круг священных песнопений на 2 и 3 голоса. 1—6-й выпуски (для школ)
- Львов А. Ф. «Милость мира» (старо-ярославского роспева), № 46

- Львовский Г. Ф. «Покаяния отверзи ми двери» (знаменного роспева)
Херувимская (знаменного роспева)
«Да исправится» (греческого роспева)
«На реках Вавилонских» (киевского роспева)
Прокимны Великого Поста
«Милосердия двери»
«Никто же притекай к Тебе»
«Утоли болезни»
Подобны 8-ми гласов
«Благослови, душе моя, Господа» (греческого роспева)
Херувимская (древнего роспева)
«Ныне силы небесныя» (древнего роспева)
«Объятия Отча», стихира на пострижение
Степенна 6-го гласа (знаменного роспева)
Херувимская № 8 (сербского роспева)
«Милость мира» № 3 (знаменного роспева)
«Вкусите и видите»
Догматики 1, 2, 3, 6, 8-го гласов (3-х и 4-х гол. для однородного хора)
«Блажен муж»
- Малашкин Л. Д. Круг церковных песнопений по напеву Киево-Печерской лавры. Вып. I—X. Полный обиход Киевской лавры для 4-х мужских голосов
- Мироносицкий П. П. Круг богослужбных песнопений. Вып. 1—4.
- Нешумов А. И. Литургия св. Иоанна Златоуста
- Орлов В. М. Непорочны в Великую Субботу (3-хгол.)
- Парфений, иеромонах Всенощное бдение и Литургия св. Иоанна Златоуста (напевом Киевской лавры, для 3-х гол.)
- Римский-Корсаков Н. А. «Отче наш» С dug (4-хгол.)
- [Автор не указан] Симоновская Херувимская
- Смоленский С. В. Переложения песнопений литургии, всенощного бдения, молебна и панихиды. Вып. 1—3.
- Соловьев Д. Н. «Разбойника благоразумнаго» (знаменного и киевского роспевов)
Догматики (знаменного роспева, в «Церковно-певческом сборнике»)
- Соломин И. П. «Тебе одеющагося» (для однородного мужского хора)
- Ставровский А. Е. Пение на всенощном бдении двенадцатых праздников (древним напевом)

Турчанинов П. И.	Херувимские № 1, 2, 3, 4, 5 «Сподоби Господи» «Днесь спасения» «Слава в вышних Богу» Задостойник в Лазареву субботу Задостойник в Великий Четверг «Да молчит всякая плоть» Трипеснец в Великий Пяток «Се Жених грядет» «Ныне отпускаеши» «Воскрес из гроба» «С нами Бог» Задостойник в Неделю Ваий Задостойник в Великую Субботу «Вечери Твоя тайныя» 17-я кафизма «Егда славнии ученицы»
Фатеев А. С.	Переложения из Киево-Печерского Обихода № 1—6: «Благослови, душе моя, Господа», «Блажен муж», «Свете тихий», «Ныне отпускаеши», «От юности моя», Херувимская; богородичен, антифоны, ирмосы 8-ми гласов (киевского роспева)
Яичков Д. М.	Школьная церковно-певческая хрестоматия

Настоящий список составляли: ректор Московской духовной семинарии архимандрит Борис, протоиерей Василий Металлов, Троице-Сергиевой лавры иеромонах Нафанаил, священник Димитрий Аллеманов.

**Доклад директора Синодального училища А. Д. Кастальского
прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову
о проверке голосов взрослых певчих Синодального хора.
20 сентября 1910 года***

Во исполнение постановления Наблюдательного совета от 31 августа 1910 года имею честь доложить Вашему превосходительству, что по проверке голосов взрослых певчих Синодального хора, происходившей 31 августа, выяснились следующие результаты:

* Машинописная копия с рукописной правкой А. Д. Кастальского. *Дело о пробе голосов у взрослых певчих Синодального хора* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 3, л. 19—19 об.

1. По случаю упадка голоса гг. Быстров и Парфенов подлежат увольнению из хора, Трыкин по той же причине подлежит увольнению, но как прослуживший 23 года с назначением пенсии.

2. Гг. Голявкин, Лазарев и Попов по слабости голоса признаны малопригодными для хора. Но ввиду их долголетней службы в Синодальном хоре решено предупредить, что если к следующей проверке голосов голоса их ухудшатся, то всем троем грозит увольнение из хора.

3. Г-ну Саратовскому за отсутствие знаний жалованье вместо 34 руб. 40 коп. понизить до 30 руб.

4. Повысить в окладах: Калугина (45 руб. с квартирными), Королева (45 руб.), Соколова (45 руб.), Молочкова (40 руб.), Данченко (34 руб.), Синицына (30 руб.), Папиашвили (34 руб.).

5. Просить г. прокурора установить следующие размеры жалованья взрослым певчим за вычетом процентов на пенсию: 25, 30, 35, 40, 45 и 50 рублей.

Кроме того, согласно желанию Вашего превосходительства, имею честь представить распределение занятий между регентами.

Регент: хоровые спевки, пение всего хора, заведование кафтанами.

Старший помощник (г. Чумаков): наряды певчих, левый клирос при пении всего хора (меняться со свободным младшим помощником), обедни и утрени отделениями при 4-х очередях по 2 очереди.

Первый младший помощник (г. Толстяков): ученический хор, одна очередь обеден, библиотеки певческая и фундаментальная музыкальная.

Второй младший помощник (г. Голованов): одна очередь обеден и две очереди утрень. Летом должны быть в деле всегда два регента.



1911 год

Протокол пристава Рогожской части г. Москвы о содержании малолетних певчих в хоре В. С. Галичникова. 7 марта 1911 года*

Старший помощник пристава 2-го участка Рогожской части Ильинский по поручению г. пристава совместно с врачом Рогожской части Красновским и в присутствии двух нижепоименованных понятых произвел осмотр помещения и пищи мальчиков хора Галичникова в доме № 32 Кукуева по Дурному переулку, причем оказалось: всех мальчиков 19, размещены они в 2-х спальнях, комнаты большие, светлые и по кубическому содержанию воздуха соответствуют своему назначению. Одна спальная комната на улицу отапливается голландской печкой; в другой же печь испорчена и отапливается маленькой переносной чугунной печью, которая и при хорошей топке не может нагреть этой комнаты, во время же осмотра печка эта была совсем не топлена. Для каждого мальчика имеется отдельная железная койка — постельные принадлежности грязны и переполнены паразитами, по заявлению мальчиков никаких мер к истреблению паразитов не принимается и постельные принадлежности никогда не проветриваются.

Кухня совершенно темная, днем освещается лампой, от кухни отделен угол для ватер-клозета с застекленным потолком, но стекла эти все повыбиты и запах из ватерклозета распространяется по кухне. Ватерклозет содержится весьма неопрятно, стульчак сломан и человеческие экскременты лежат по всему полу. К обеду мальчикам приготовлен картофельный суп с селедкой и жареный картофель. Суп издает какой-то посторонний неприятный запах. Готовятся кушанья на столе, стоящем вплотную к пропитанной керосином скамье, на которой хранятся и заправляются лампы. Вода для питья и пищи хранится хотя и в закрытой кадке, но кадка покрыта зловонной слизью. Громадный самовар грязный.

На мальчиках грязное и часто рваное белье. У некоторых от чулок остались лохмотья, и нога в сапоге почти голая, калош нет. В белье кишат паразиты, тело исчесано. В баню они ходят в две недели раз. Мальчики жалуются на помощника Галичникова Василия Васильевича Маркова, который на спевках бьет их.

Поют мальчики: на Арбате, у Серпуховских ворот, на Ордынке, на Ильинке, в Кремле и в других ближайших церквах. Ранняя служба в церквах начи-

* Автограф помощника пристава с подписями врача и двух дворников. *Дело с перепиской о работе Наблюдательного совета училища за 1911 год* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 37, л. 22—23.

нается в 6 часов утра, так что мальчики должны вставать около 4-х часов утра, не пивши чаю идут к месту назначения пешком, и только тем мальчикам, которые поют на Арбате, дается на извозчика. Служба в церквах кончается в 12 часов, после чего мальчики возвращаются в квартиру обедать. Затем в три с половиной часа дня идут петь вечерню, а под праздники поют всюнощную до восьми с половиной часов вечера. Кроме того, по будням ежедневно спевки в квартире. Жалованье мальчики получают от 2-х до 5-ти рублей в месяц; по их заявлению, никаких письменных условий у них с Галичниковым нет.

Во время осмотра на квартиру мальчиков случайно явился Михаил Николаевич Должник, который отдал своего сына в хор Галичникова; жаловался на плохую жизнь мальчика, на плохие для них харчи и на совершенное отсутствие заботы о них; говорил, что его сын, пробывши в общежитии Галичникова четыре дня, вернулся домой и у него в белье мать сняла 60 паразитов. Мальчик совершенно переменялся и имеет вид заневоленного ребенка, о чем и постановил записать в сей протокол.

**Письмо из канцелярии Московского градоначальника
в Наблюдательный совет с просьбой рассмотреть протокол
об условиях содержания малолетних певчих в хоре В. С. Галичникова.
31 марта 1911 года***

Канцелярия, по приказу градоначальника и помощника его, препровождает при сем на зависящее распоряжение Совета протокол от 7-го сего марта, составленный ввиду поступления словесной жалобы о крайне плохом содержании Галичниковым певчих, просит о последующем уведомлении управляющего канцелярией.

**Ответ Наблюдательного совета
в канцелярию Московского градоначальника.
9 июля 1911 года****

По постановлению Наблюдательного совета от 31 мая сего года канцелярия Совета имеет честь сообщить доклад заведующего частными духовно-певческими хорами в Москве о. Д. В. Аллеманова о частном певческом хоре В. С. Галичникова следующего содержания:

В помещениях хора В. Галичникова производится капитальный ремонт (делаются канализация и водопровод). Белье сделано новое по три пары от

* Машинопись. На бланке: «Канцелярия Московского градоначальника; отделение хозяйственное». *Дело с перепиской о работе Наблюдательного совета за 1911 год* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 37, л. 21—23.

** Машинописная копия. Там же, л. 29—29 об.

хоросодержателя. Делаются новые матрацы (несколько уже изготовлены). На время ремонта певчие помещены в квартире регента (6 человек) и на даче регента (8 человек); всего малолетних певчих на лето осталось 14 человек. К 1 августа будет окончен ремонт квартиры певчих.

**Ответ Наблюдательного совета
на запрос журнала «Хоровое и регентское дело»
об условиях сдачи испытательных экзаменов
на звание регента частного хора.
5 сентября 1911 года***

Вследствие запроса в письме от 25 августа сего года канцелярия Наблюдательного совета при Синодальном училище имеет честь сообщить следующее:

1. К экзаменам допускаются лица обоего пола православного исповедания, совершеннолетние. Образовательный ценз не требуется.

2. Правила утверждены Наблюдательным советом в порядке Устава Синодального училища, высочайше утвержденного.

3. Ввиду того, что от получающих свидетельства на звание регента частного хора не требуется образовательного ценза и программа ниже полного курса специальных музыкальных предметов Синодального училища, поэтому лица, имеющие означенные свидетельства, не могут занимать штатных мест с правом государственной службы и вследствие того им усваивается звание регента частного хора.

4. Имеются печатные программы испытаний, которые можно получить в канцелярии Синодального училища; высылаются почтой за одну семикопеечную марку.

5. Испытание производится во весь учебный год (с 1 сентября по 1 июня).

**Программа музыкально-учебных предметов
для испытания на звание регента частного хора****

1. Теория музыки

1. Нотная система. Ключи *соль*, *фа* и *до*. 2. Размеры и группировка. 3. Тоны и полутоны. 4. Диатоническая гамма мажорная и минорная (натуральная, гармоническая и мелодическая). 5. Хроматическая гамма. Энгармо-

* Машинописная копия. *Дело с перепиской о работе Наблюдательного совета за 1911 год* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 37, л. 50—50 об.

** Типографски отпечатанный экземпляр с рукописной правкой А. Д. Кастальского. Там же, л. 55—56.

низм. 6. Интервалы и их подразделения. 7. Интервалы на ступенях мажорной и минорной гаммы. 8. Разрешение диссонансов. 9. Определение строя мелодии или пьесы (по отрывку). 10. Транспортировка. 11. Итальянская музыкальная терминология (по мелодии, строю, ритму, силе, выражению и движению). 12. Образование аккорда: трезвучия и их обращения. Трезвучия на ступенях натуральной мажорной и минорной гармонической гаммы. 13. Движение голосов и четырехголосное сложение. 14. Трезвучия главных ступеней и их сочетания. 15. Каденции. 16. Трезвучия побочных ступеней и их сочетания. Секвенции. 17. Доминантсептаккорд и его обращения (с разрешением). 18. Септаккорд второй ступени и уменьшенный септаккорд и их обращения (с разрешением). 19. Модуляции в строи первой степени сродства. Простые задержания, проходящие и вспомогательные ноты, аккорд с увеличенной секстой.

От испытуемого требуется: а) уставные ответы с примерами на доске, б) игра секвенций и каденций на фортепиано, в) письменные задачи: гармонизация хоральной мелодии с проходящими нотами, задержаниями и каденциями; г) модуляционная задача — переход в тональность первой степени сродства и возвращение.

2. Сольфеджио

1. Пение гамм, начиная с различных ступеней. 2. Пение и угадывание интервалов и их разрешение. 3. Пение трезвучий и доминантсептаккордов с обращениями в тесном расположении. 4. Чтение с листа во всех ключах примеров средней трудности с транспортировкой в другие строи. 5. Пение и угадывание аккордов, последований. 6. Ритмическо-мелодическая диктовка (одноголосие).

3. Игра на скрипке

1. Гаммы мажорные и минорные до четырех знаков включительно на первой позиции и доминантсептаккорд. Чтение с листа примеров первоначальной трудности во всех ключах (по сочинениям духовных композиторов). Пение и игра на скрипке (в сопровождении голоса) с голосовых партитур гласовых напевов и сочинений средней трудности по возможности соответственно проведению главных мотивов сочинения.

4. Церковное пение

1. Пение на память гласовых напевов, употребляемых в Московской епархии. 2. Распевание на гласы текстов священных песнопений. 3. Деление напевов на строки. 4. Ритм церковных мелодий. 5. Строй церковного звукоряда. 6. Пение по цефалтному ключу. 7. Общие понятия о составе певческих хоров и распределение гармоний на хор. 8. Знание общепринятой гармонии

зации местного роспева. 9. Игра на скрипке и фортепиано гласовых мелодий. Употребление гармонизаций в тесном и широком расположении голосов. Переложение духовных четырехголосных песен со смешанного хора на однородный и обратно.

5. Управление хором

1. Задавание тона. Дирижировка размеренных и неразмеренных церковных песнопений. 2. Дирижировка нотных пьес с листа.

6. Церковный устав

1. Воскресная всенощная. 2. Литургии Иоанна Златоуста, Василия Великого и Преждеосвященная. 3. Молебны благодарственный и святому. 4. Панихида, погребение мирских человек, венчание. 5. Великое повечерие. 6. Служба 1-й седмицы Великого поста. 7. Служба Страстной седмицы. 8. Служба Святой Пасхи.

7. История церковного пения в России

1. Начало мелодического пения Русской церкви. 2. Знаменный распев и его история. 3. Исполнение богослужебного пения по церковному уставу. 4. Начало партесного пения в России. 5. Пение партесное концертное (итальянское). 6. Русские композиторы концертной эпохи: Ведель, Дегтярев, Давыдов и Березовский. 7. Новый период в истории гармонического пения. Бортнянский. Труды Бортнянского по переложению древних церковных мелодий для хора. 8. Труды Турчанинова. 9. Композиторы: Львов, Глинка, Потулов, Архангельский, Львовский, Чайковский и Кастальский.

8. Методика начального обучения пению

1. Музыкальный слух и его развитие (диктанты по слуху). 2. Голос и его развитие (общие понятия о регистрах, об органах, участвующих в образовании звука). 3. Дыхание при пении. 4. Длительность звука (ритмическая), упражнения. 5. Высота звука (изучение интервалов). 6. Пение по слуху. 7. Пение по нотам. 8. Цифирная и линейная системы при обучении начальному пению.

Учебники и учебные пособия

По методике пения: *Н. Ерошенко*. Методические заметки о преподавании классного и хорового пения; *А. Пузыревский*. Методические заметки по преподаванию пения в народных школах.

По истории церковного пения: *М. Коневский*. Краткая история церковного пения в церкви Вселенской и мелодического пения в церкви Русской; *его же*. История гармонического пения в Русской церкви.

По сольфеджио: *К. Альбрехт*. Сольфеджио; *Н. Ладухин*. Примеры для диктанта.

По церковному пению: Священник *Д. Аллеманов*. Теория и практика церковного осмогласия; *Н. Ковин*. Обычный распев; нотные книги издания Св. Синода.

Скрипка: *К. Хеннинг*. Практическая школа. *Ж. Мазас*. Школа для скрипки.

По фортепиано: *Либерт и Штарк*. Школа, ч. 1.

Устав церковно-певческих хоров г. Москвы. 1911 год*

Общие положения

§ 1. Частными церковно-певческими хорами называются общества певцов, составленные для пения за богослужениями в православных храмах и церковными требами вне храмов.

Примечание: наименование «частные» усваивается таким хорам в отличие от хоров Синодального, архиерейских, монастырских, училищных, а также составленных из военнослужащих, поющих в церквях военного ведомства. Если перечисленные хоры поют вне своих церквей, они подчиняются всем требованиям, предъявленным к частным церковно-певческим хорам.

§ 2. Частные церковно-певческие хоры своим назначением призываются к восполнению сил церковного клира (Лаодикийский Собор, 15) и состоят в ведении духовного начальства (Указ Св. Синода по высочайшему повелению 22 декабря 1804 года).

§ 3. Органами церковной власти в наблюдении за открытием и деятельностью частных церковно-певческих хоров служат: настоятели церквей (указы Св. Синода от 22 декабря 1804 года, 23 июня 1853 года), Духовная

* Типографски отпечатанный экземпляр. *Переписка Наблюдательного совета с митрополитом Московским и обер-прокурором Св. Синода по поводу частных духовно-певческих хоров г. Москвы* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 36, л. 39—42.

Вторая редакция устава церковно-певческих хоров г. Москвы была утверждена Св. Синодом 11—16 ноября 1911 года и 21 декабря того же года получила высочайшее одобрение. В основе редакции Устава 1911 года лежит редакция 1906 года. За истекшее время возникла необходимость внести в текст первой редакции устава ряд изменений, направленных в первую очередь на усиление юридических полномочий Наблюдательного совета в деле контроля за частными церковными хорами. В новую редакцию были добавлены также пункты, связанные с защитой прав малолетних и взрослых певчих. Например, в § 21 появилась фраза о том, что детям не разрешается петь в домах после венчания и ходить по домам для славения Рождества Христова; в интересах взрослых певчих была добавлена фраза, что хоросодержатель не имеет права задерживать их зарплату более, чем на семь дней, и др.

консистория (Устав Духовной консистории, ст. 1; указ Св. Синода 14 февраля 1816 года), Наблюдательный церковно-певческий совет при Синодальном училище в Москве и член Совета, наблюдающий за частными хорами (высочайше утверждено 19 января 1897 года, Устав Московского Синодального училища церковного пения, § 78).

§ 4. Частные церковно-певческие хоры разделяются на платные и бесплатные: первые получают положенное вознаграждение за участие в церковных богослужениях, вторые такого вознаграждения не получают.

§ 5. Те и другие хоры одинаково подчиняются распоряжениям духовного начальства, предусмотренным настоящим Уставом; платные профессиональные хоры, сверх того, в отношении денежных повинностей подведомы непосредственно финансовым учреждениям, а по устройству певческих общежитий, в части санитарной, городской полиции.

Примечание: профессиональными называются хоры, поющие за вознаграждение, в каком размере и форме бы оно ни выражалось.

Об открытии хоров

§ 6. Право на составление частного духовно-певческого хора представляется исключительно лицам, имеющим свидетельство об успешном окончании курса или Московского Синодального певческого училища, или Придворной певческой капеллы (1-го и 2-го разрядов), или же регентских классов Капеллы (указ Св. Синода 31 сентября 1849 года), или получившим, по особому испытанию, соответствующее свидетельство от Наблюдательного совета (высочайше утвержденный Устав училища).

§ 7. Прошение об открытии хора подается на имя высокопреосвященного митрополита Московского в Наблюдательный совет при Синодальном училище (§ 3) с приложением свидетельства о певческом образовании, копии оно и краткой записи о прежних занятиях пением. Совет собирает справки о благонадежности просителя и представляет прошение его со своим заключением высокопреосвященному митрополиту. В случае утверждения его высокопреосвященством согласительного заключения Совета Духовная консистория по настольному реестру выдаст просителю под его расписку о подчинении сему уставу удостоверение о разрешении с возвращением свидетельства о полученном образовании.

Примечание: прошение, а равно и удостоверение консистории, оплачиваются установленным гербовым сбором.

§ 8. Хор считается открытым не прежде, как по личном удостоверении наблюдателем в правильном устройстве хора (§ 10—15) и составлении соответствующего акта в двух экземплярах, из коих один хранится у хоросодержателя, а другой передается для сведения в Наблюдательный совет.

§ 9. Правильно, в порядке сего устава устроенный хор может быть одет при отправлении церковных богослужений в присвоенную певчим форму.

Об устройстве хоров

§ 10. Приступить к приглашению или найму певчих для устройства церковного хора на основании сего устава может только лицо, получившее соответствующее разрешение (§ 7).

§ 11. Размер платы хоросодержателя певчим определяется взаимным их соглашением, но должен быть точно указан в расчетной книге каждого платного певчего.

Примечание 1. Хоросодержатель обязан выдавать взрослым певчим жалование в условленные сроки, не задерживая выдачу ни в каком случае более семи дней после срока.

Примечание 2. Взаимоотношения хоросодержателей и взрослых певчих определяются обязательным письменным условием.

§ 12. Вознаграждение малолетним певчим зависит от соглашения хоросодержателя с их родителями или опекунами, каковое должно быть написанным. На этом условии ведется счет денежного вознаграждения малолетним.

§ 13. Содержание малолетних определяется особыми правилами (§ 17—22).

§ 14. Хоросодержатель может, если пожелает, под своей ответственностью иметь для заведования хозяйственной частью хора особое лицо.

§ 15. Хоросодержатель обязан иметь в исправности и предъявлять по требованию надлежащих властей: а) список наличных певчих, б) расчетные книжки, в) подлинные соглашения о малолетних, г) в случае имени общежития — санитарную тетрадь, д) разрешение на открытие хора, е) экземпляр настоящего устава и списки одобренных песнопений и обязан ежемесячно представлять наблюдателю за певческими хорами следующие сведения:

а) о переменах в составе хора, прибыли и убыли певчих с обозначением имени и фамилии прибывших и ушедших, б) сведения о церквях, в которых хор исполняет годовые службы.

Примечание: разбор денежных претензий, возникающих из-за нарушения условий между хоросодержателем и певчими, подлежит ведению судебных установлений.

О малолетних певчих

§ 16. Малолетними признаются певчие мальчики, исполняющие в хоре партии дисканта и альта в возрасте до перелома голоса.

§ 17. Хоросодержатели обязываются устраивать для малолетних отдельные от взрослых певчих общежития со столом, одеждою и обучением как церковному пению, так и другим предметам начальной школы (§ 18).

§ 18. Хоросодержатель обязан давать малолетним певчим обучение по программам не ниже одноклассной церковной школы. Обучение это производится под наблюдением и указанием Епархиального училищного совета, коему сведения о хорах с малолетними сообщаются Наблюдательным советом. Независимо от этого хоросодержатель обязан дать малолетним певчим элементарное музыкальное образование по программам, утвержденным Наблюдательным советом. Рекомендуются также обучение малолетних ремеслам, дабы по спадении голосов певчие не оказались беспомощными.

§ 19. Ответствуя за благосостояние хора во всех частях, содержатель не должен терпеть в хоре певчих сомнительного и неодобрительного поведения.

§ 20. Малолетние отправляются к церковным службам не иначе, как в сопровождении взрослого, на которого и возлагается в случае необходимости питание малолетних вне квартиры их, но не в таких заведениях, где продаются спиртные напитки.

§ 21. Участие малолетних певчих в проводах умерших на кладбище не допускается. Исключение из этого на каждый отдельный случай, но по особо уважительной причине, может быть допущено только наблюдателем. Равным образом не допускается без особого приглашения прихожан и пение хоров в доме после венчания, а также хождение по домам для «славления» на праздниках Рождества Христова и Пасхи.

О пении за церковными службами

§ 22. Настоятель церкви не может допускать к участию в пении за богослужениями в храме и вне храма хоры и лиц, не имеющих надлежащего разрешения на право содержания хора.

§ 23. Вознаграждение певчих за участие в пении за богослужениями предоставляется соглашению хоросодержателей с заведующими церковным хозяйством. При этом выпрашивание, с одной стороны, и награждение, с другой, так называемыми «чайными» деньгами не допускаются.

Примечание 1. Об условиях службы хора при данной церкви заведующий церковным хозяйством и хоросодержатель составляют письменный договор по форме, приложенной к сему уставу.

Примечание 2. О певчих, выпрашивающих и получающих «чайные» деньги, хоросодержатель обязан доводить до сведения наблюдателя.

§ 24. Певчие хора, допущенного к участию в пении за богослужениями, входят в храм и занимают свои места до начала богослужения и выходят из храма только по окончании богослужения с соблюдением полного благочиния.

§ 25. Церковное пение исполняется по тем нотным книгам, которые изданы и впредь будут издаваться Св. Синодом (цирк. указ Св. Синода 1892 года № 9, п. 6д), а для нотных переложений и сочинений церковных компо-

зитором поставляется правилом: можно петь исключительно по изданиям, одобренным в установленном порядке к печатанию и исполнению за церковными богослужениями (указы Св. Синода 22 декабря 1804 года, 14 февраля 1816 года, 19 апреля 1850 года, 20 августа 1852 года, цирк. указ 21 декабря 1892 года, № 9).

§ 26. Многолюдные хоры, разделяемые для пения в разных церквах, готовятся к церковным службам заблаговременно, дабы ни одно из отделений хора не являлось в церковь без должной подготовки.

§ 27. Пение крикливое и бесчинное ни в каком случае терпимо быть не может (VI Вселенского Собора пр. 75; указ Св. Синода 22 декабря 1804 года, п. 1).

§ 28. В предупреждение недоразумений служащие священники требуют от содержателей наряда песнопениям, предположенным к исполнению, сообразуясь со списками одобренных изданий (§ 26, см. указ Св. Синода 23 июня 1853 года), каковые должны быть при каждой церкви в распоряжении настоятеля.

§ 29. Надзор за правильностью церковного пения возлагается на особливую заботу наблюдателя, действующего по данной ему инструкции (Устав Синодального училища, § 77).

Об устранении нарушений устава и закрытии хоров

§ 30. Нарушение хоросодержателем правил сего устава, отмеченное наблюдателем, должно быть немедленно устранено; в противном случае наблюдатель представляет Наблюдательному совету о закрытии хора. Такими нарушениями признаются:

- а) нарушение установленных санитарных требований,
- б) нерадивое обучение малолетних,
- в) несоблюдение членами певческого хора церковного благочиния (§ 22 и 24),

Примечание: неблагочинное поведение в церкви отдельных участников хора по заявлениям настоятеля или наблюдателя влечет за собою за прещение виновным участвовать в пении за богослужениями.

- г) неприличное храму пение (§ 25—27),
- д) отказ хоросодержателя (без предварительного за три недели заявления) от продолжения пения в церкви в дни великих праздников или вымогательство повышенной платы, поставляющее заведующих церковным хозяйством в затруднение в приискании другого хора (например, перед Св. Пасхою).

§ 31. Лица, хоры коих закрыты ввиду нарушения сего устава, не могут получить права на образование нового хора ранее истечения двух лет.

§ 32. Постановление Наблюдательного совета о закрытии хора представляется на утверждение высокопреосвященного митрополита Московского, и

консistorией сообщается полиции, которой надлежит отобрать у хоросодержателя в свое время полученное им письменное разрешение. Об открытии и закрытии хоров печатается в «Московских церковных ведомостях» для сведения причтов.

§ 33. При закрытии хора распоряжением начальства хоросодержателю, если у него в хоре не менее 16-ти певчих, дается льготный месяц для сокращения занятий и роспуска певчих; если певчих меньше 16-ти, хор признается закрытым через 7 дней по объявлении распоряжения о закрытии.

§ 34. Хоросодержатель, закрывающий хор по собственному желанию, обязан объявить об этом наблюдателю за месяц, дабы составляющие хор певчие имели время для устройства своей дальнейшей судьбы.

О духовных концертах

§ 35. Частные церковно-певческие хоры могут исполнять церковные песнопения в общественных собраниях по предварительным разрешениям духовного начальства и полиции.

§ 36. Духовному начальству, действующему в сем случае через Наблюдательный совет, принадлежит предварительное рассмотрение программы концерта, причем песнопения, не разрешенные духовной цензурой к печатанию, для исполнения в общественных собраниях не допускаются.

§ 37. Запрещается исполнение в одном собрании церковных и светских песнопений (указ Св. Синода 30 июня 1853 года) за исключением Народного гимна.

§ 38. Печатные программы духовных концертов высылаются устроителями оных по два экземпляра в Наблюдательный совет при Синодальном училище церковного пения.

§ 39. Недоумения, возникающие из применения сего устава, рассматриваются Наблюдательным советом, куда поступают и жалобы на действия наблюдателя.

§ 40. Изменение, исправление и дополнение устава зависит от Св. Синода.



1912 год

**Отчет директора Синодального училища А. Д. Кастальского
прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову
о состоянии Синодального училища и хора в 1911 году.
17 февраля 1912 года***

Согласно § 3 Устава и распоряжению Вашего превосходительства имею честь представить отчет за 1911 год о состоянии вверенного мне Синодального хора и училища церковного пения.

I. По Синодальному хору и по музыкальной части училища

За отчетный год в составе Синодального хора произошли изменения: выбыли из басов Соколов (на место псаломщика), Молочков (на место протодиакона в Смоленск), Бойченко (учителем в Баку), Голявкин, Пивиков за упадок голоса, Лихов. Выбыли из теноров Лазарев (на место псаломщика), Синицын и Попов за упадок голоса и Головкин. Приняты вновь басы Иванов, Соколов, Веревкин, Кондратьев, Шишлов и Сильванов; теноры Андреев, Новоженин, Филюков и Скрябин.

Состав хора и число обязательных церковных служб приблизительно таково же, как и в прошлом году. Служб по приглашению частных лиц — 8, кроме того были пропеты литургии в Риме 6 мая и в Вене 14 мая в посольских церквях.

Концерты Синодального хора в истекшем году состоялись: в Санкт-Петербурге 10 марта и в Курске 15 марта. Во время заграничной поездки (с 22 апреля по 23 мая) были даны концерты: в Варшаве 2, в Риме 3, Флоренции 1, Вене 1 и Дрездене 3, всего 10¹. (Об этой поездке имеется специальный подробный отчет.) 6 ноября — юбилейный концерт в зале Синодального училища из сочинений бывших учеников; 29 и 30 ноября — в Варшаве; кроме того, состоялся вечер, посвященный памяти С. В. Смоленского. Ученических музыкальных вечеров в 1911 году было 3: на Рождестве (с елкой), Масленице (исполнялась детская опера Кюи «Снежный богатырь») и юбилейный вечер 7 ноября.

16 сентября 1911 года на совещании моем с регентами и преподавателем постановки голоса по вопросу об улучшении качества голосов взрослых пев-

* Машинописная копия. *Отчет по Синодальному училищу* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 39, л. 11—12 об. Помимо отчета в деле представлены подготовительные к нему рукописные материалы.

цов Синодального хора решено ходатайствовать перед начальством об изыскании средств для увеличения окладов певцам, так как на последнем приеме новых певцов именно обнаружилось, что хорошие певцы в частных хорах получают большие оклады, чем в Синодальном хоре. Не совсем удовлетворительный результат приема в последние годы малолетних привел к решению устроить агентуру на этот предмет в провинции, почему мною разослано большинству бывших учеников приглашение принять участие в этом деле для своей alma mater. Впрочем, заявлений о хороших голосах от них пока еще не поступало. Для той же цели предполагается командировать весной помощников регента для прослушивания голосов в церковно-приходских и духовных училищах Москвы.

Для скорейшего развития у учеников 1-го класса необходимого умения владеть голосом приглашен в виде опыта на один год преподаватель М. Д. Домарко, метода которого основывается главным образом на развитии дикции, что особенно важно для церковных певцов. На этот предмет употребляется сумма 300 рублей, освободившаяся за прекращением платы горловому врачу Малютину, так как оперированные им ученики совершенно не обнаружили улучшения своих голосов.

Вследствие желания дать детям достаточный послеобеденный отдых решено в виде опыта изменить распределение уроков в 1911/12 году таким образом, чтобы классные занятия были по возможности окончены к 12-ти часам (с 8-ми часов утра), а послеобеденное время до 2-х часов было бы совершенно свободно для поющих учеников. Вследствие такого распределения времени спевка хора перенесена с 5—7-ми часов вечера на 3¹/₂—5¹/₂ часов, после чего происходят одиночные (не классные) занятия учеников с преподавателями фортепиано, скрипки и виолончели. Но так как одного вечернего времени (6—8 часов) для занятий не хватает, то пришлось в некоторые дни давать преподавателям музыки часы послеобеденные (от 1-го часа до 5-ти) преимущественно для старших учеников, не поющих в хоре. <...>

II. По Наблюдательному совету

В нынешнем году состав Наблюдательного совета был следующий: председатель — прокурор Синодальной канцелярии Ф. П. Степанов и члены — директор Синодального училища А. Д. Кастальский, регент Н. М. Данилин, непреременный член — протоиерей В. М. Металлов, Н. Д. Кашкин, В. С. Калинин и С. Н. Василенко. По случаю тяжелой болезни В. С. Калинин не мог ни одного раза присутствовать на заседаниях Совета, по той же причине также редко приходилось видеть профессора Кашкина. Число заседаний Совета было 12.

В одно из заседаний Совета, где обсуждался вопрос о праздновании 25-летнего юбилея Синодального училища, были приглашены воспитатели, регенты и старейшие из преподавателей училища. Кроме того, в заседании

12 сентября, где рассматривалась (не в первый раз) просьба Общества духовных певцов г. Москвы о выдаче им денег, хранящихся в канцелярии Синодальной конторы, вырученных за концерты в 1902 и 1903 годах, были приглашены хоросодержатели А. А. Андреев, А. П. Архангельский, Л. С. Васильев, С. А. Солнцев и Ф. А. Иванов².

За истекший год Наблюдательным советом, неразрывно связанным с Синодальным училищем, отмечено два события, выходящие из ряда обыденной жизни: это состоявшаяся в мае месяце заграничная поездка хора и 25-летний юбилей училища как духовно-педагогического и музыкального учреждения. Что касается поездки хора в Италию, то более или менее подробное описание ее издано училищем отдельной брошюрой³, причем в делах училища сохраняются все отзывы печати как заграничной, так и нашей о выдающемся успехе Синодального хора. Отчет по поездке был своевременно представлен Вашему превосходительству, и в общем выступление нашего хора в далеких католических и протестантских странах вписало блестящую страницу в историю училища и хора.

Тот почет и уважение, какими пользуется училище, директором коего я имею честь состоять, ясно определился при праздновании юбилея Синодального училища. Инициатива празднования и разработка программы шли из Наблюдательного совета. Средства же на это были ассигнованы почетным блюстителем хозяйства училища А. А. Субботиным, и в начале ноября (5, 6 и 7-го) училище отпраздновало свой 25-летний юбилей в присутствии Ее Императорского Высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны. К этим дням был составлен и отпечатан протоиереем о. Металловым «Исторический обзор Синодального училища в его прошлом и настоящем». Подробное описание чествований училища имеется в журнале Наблюдательного совета от 26 ноября 1911 года.

Затем нельзя не отметить в деятельности Наблюдательного совета обсуждения проекта нового Устава общества вспомоществования бывшим воспитанникам Синодального училища и отзыв Совета касательно материальной поддержки со стороны Св. Синода Регентскому училищу, учрежденному С. В. Смоленским в Санкт-Петербурге.

В январе месяце в состав Наблюдательного совета по единогласному желанию членов его вошел известный деятель консерватории композитор и дирижер С. Н. Василенко. В апреле состоялось утверждение на новое трехлетие в должности члена Наблюдательного совета священника о. Д. В. Аллеманова.

Во всей своей остальной деятельности Наблюдательный совет продолжал рассматривать разные сочинения, присланные различными авторами, прошедшие духовную цензуру, причем нельзя не отметить очень низкий уровень музыкальной грамотности, чутья и, главное, церковности стиля присылаемых произведений.

Кроме того, в области надзора за деятельностью частных церковно-певческих хоров г. Москвы Совет обсуждал доклады члена заведующего ими

о. Аллеманова и по мере данной ему власти боролся с эксплуатацией хоро-содержателями служащих, в особенности малолетних.

В отчетном году при Наблюдательном совете выдержали испытание на звание регента частного хора 12 человек.

Заканчивая свой отчет, имею честь обратить внимание Вашего превосходительства на заботливое отношение к нуждам училища потомственного почетного гражданина Андрея Андреевича Субботина. Щедрая его денежная помощь (пожертвовано за четыре года около 20 тысяч рублей), мне кажется, должна быть отмечена перед высшим начальством ходатайством о награждении его очередной наградой.

Комментарии

1. Программы концертов Синодального хора и отзывы о них см. в соответствующих разделах данного тома.

2. Синодальный хор участвовал в четырех совместных с московскими частными церковно-певческими хорами концертах: 17 ноября 1902 года, 20 апреля 1903 года, 13 марта 1905 года и 19 ноября 1906 года. (Концерты 1903 и 1905 годов были благотворительными.) Претензия со стороны частных хоров возникла по поводу гонорара за первый концерт, который проходил в Манеже под управлением В. С. Орлова. Выручка за этот концерт предназначалась исполнителям, однако по не выясненным причинам осталась в Московской Синодальной конторе.

3. Имеется в виду брошюра делопроизводителя Синодального училища А. Н. Гладкого «Поездка Синодального хора за границу в 1911 году» (М., 1911).

**Выписка из протокола Наблюдательного совета
о поручении протоиерею В. М. Металлову составить доклад
в Св. Синод о привлечении в библиотеку Синодального училища
крюковых и нотных рукописей.
18 сентября 1912 года***

Поручить протоиерею о. Василию Металлову составить доклад в Св. Синод с просьбой послать циркулярное распоряжение по всем монастырям и церквам земли Русской собрать и прислать в Наблюдательный церковно-певческий совет при Синодальном училище имеющиеся у них древние рукописи крюкового пения, в каком бы виде они ни были, а также посетить известного собирателя рукописей о. диакона Разумовского с целью ознакомления с его книгохранилищем и приобретения от него особо ценных и интересных рукописей.

* Машинописная копия. План восстановления древнерусского церковного пения и переписка о работе Наблюдательного совета — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 43, л. 54—54 об.

Доклад

**непременного члена Наблюдательного совета протоиерея В. М. Металлова
прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову.
28 сентября 1912 года***

В 1902 году 8 июня мною был представлен Наблюдательному совету доклад, в котором указывалось на настоятельную надобность привлечения в Москву и сосредоточения здесь в библиотеке Синодального училища всех крюковых и нотных рукописей, где бы они ни находились, исключая лишь такие ученые учреждения, как Академия наук, Императорская Публичная библиотека, музеи и частную собственность, равно библиотеки и книгохранилища, неподведомые Св. Синоду¹. Весь же рукописный певческий материал, находящийся в ведении Св. Синода, испрашивалось позволения сосредоточить в Москве, в Синодальном училище под заведованием Наблюдательного совета в целях централизации этих научных церковно-певческих материалов как для удобнейшего их нахождения и сосредоточения в работах над ними, так и особенно ввиду того, что Наблюдательный совет — единственное в России компетентное в разработке этого рода материалов учреждение, всегда имеющее в среде своей членов, подготовленных к этого рода работам, имеющее большой запас сил и работников в лице выпускаемых ежегодно из училища, насчитывающее около сотни своих учеников и адептов, всегда готовых прийти своими силами на помощь центральному учреждению в научной работе. Таких работников вот уже скоро пятьдесят лет ежегодно дает и Московская консерватория, где зачастую проходят курсы те же окончившие Синодальное училище ученики. Поэтому Москва с Наблюдательным советом вправе считаться существенным средоточием ученых сил, необходимых для разработки церковно-певческих рукописных материалов, и центральным местом их собрания, тем более, что такое собрание в количестве более 1000 номеров рукописей уже есть в библиотеке Синодального училища, для которого составляется уже мною необходимое описание. Ныне, по истечении десяти лет после первого доклада, осмеливаюсь

* Автограф. План восстановления древнерусского церковного пения и переписка о работе Наблюдательного совета — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 43, л. 80—81 об. В деле находятся документы, связанные со сдачей экзаменов на звание регента частного хора, рецензированием церковно-певческих рукописей, а также доклад “К восстановлению церковно-певческой старины”, представленный Наблюдательному совету его членом Д. В. Аллемановым (см. этот текст в третьем томе).

Публикуемый документ был отредактирован директором училища Кастальским и направлен обер-прокурору Св. Синода. (Машинописная копия рапорта с правкой Кастальского находится в этом же деле, л. 77—78 об.) Руководство Синодального училища просило обер-прокурора издать указ, обязывающий подведомственные Синоду церкви и учреждения направлять имеющиеся в их распоряжении певческие рукописи в Синодальное училище. Ходатайство Св. Синодом было поддержано.

вновь поднять свой голос в защиту надобности указанного ранее сосредоточения церковно-певческих рукописей в Москве при Наблюдательном совете и Синодальном училище. Назревает надобность основательно пересмотреть весь церковно-певческий рукописный материал как в целях основательной научной постановки его в школьном преподавании, так и в целях ознакомления с этой великой областью церковной жизни широких слоев публики, так, в частности, и в видах упорядочения клиросной практики и богослужебного храмового пения, до крайности пестрого, разнохарактерного, безыдейного, нередко причудливого и, чтобы не сказать больше, бессмысленного и противоцерковного, или грубо избитого, или чересчур искусственно модного.

Между тем должен быть один определенный тип, выработанный в недрах Русской церкви веками и традицией, записанной в летописях ее истории, помимо произвола и вмешательства в эту вековую народную работу отдельных лиц и случайных направлений. Такая работа — не одного лица, не одного года и, пожалуй, не одного поколения, но все же она должна быть начата, и, кажется, время теперь для нее благоприятное, когда и в других областях науки и жизни заключается желание возвратиться к исконным народным историческим устоям.

Известно, что собрания церковно-певческих рукописей находятся в духовных академиях: в Петербургской — софийские новгородские рукописи, Московской — волоколамские, Казанской — соловецкие, Киевской — южнорусские, затем в лаврах: Троице-Сергиевской и Киево-Печерской, в старых монастырях, консисториях, приходских церквях, нередко в заброшенном виде, в сырых и грязных помещениях, подвергаясь порче, тлению и почерновению, без пользы для обладателей и в явный вред для церковно-певческой науки, православного клироса и богослужебного храмового пения Русской церкви. Русские академии духовные, не имея соответствующих предмету кафедр, совершенно равнодушны к этого рода материалам; лавры и монастыри ни в каком отношении не заинтересованы в них; для приходских же церквей и разных случайных книгохранилищ этот материал является совершенно не нужным и лишним балластом. Ввиду такого положения дела было бы крайне полезно и благоразумно весь этот разбросанный и ненужный на местах церковно-певческий материал собрать воедино и устроить в безопасном от порчи и уничтожения месте и, что главнее всего, дать ему разумное употребление и в научно-педагогическом, и в церковно-практическом смысле. А этого можно достигнуть лишь собравши весь этот разбросанный материал в Москве, в Синодальном училище, в ведении Наблюдательного совета, компетентного разобраться в нем, осмыслить его и добиться определенных осязательных результатов для науки и жизни, для школы и храма православного, на пользу и в интересах русского православного общества.

Ввиду изложенного выше почтительнейше прошу Ваше превосходительство ходатайствовать пред Святейшим Синодом о том, чтобы все учреждения, ему подведомые, были циркулярно извещены о важности для Наблю-

дательного совета и Синодального училища сосредоточия всех где бы то ни было имеющихся и каковых бы то ни было церковно-певческих крюковых и нотных рукописей и о необходимости возможно скорейшей доставки их в библиотеку рукописей при Синодальном училище для ученых, учебных и практических целей по разработке православного русского церковного пения, особенно же старинного и древнего. Таковыми учреждениями, обладающими запасами таковых рукописей, должно назвать, как сказано выше, духовные академии, лавры, старые монастыри, консистории, архиерейские дома и приходские церкви с их книгохранилищами, причем весьма важно, если вместе с рукописями будут присылаемы и их описи или, по крайней мере, поименные реестры, чтобы иметь представление об их поместном нахождении и, может быть, происхождении в целях первоначальной классификации по местностям и краям обширной и разнохарактерной России.

Предполагаемое их описание, как продолжение уже начатого из запаса рукописей библиотеки Синодального училища, и предполагаемое печатание этого описания, помимо официального уведомления о получении тех или других рукописей, будет для владевших такими рукописями учреждений первоначальным отчетом о мере их использования Наблюдательным советом в ученых, учебных и церковно-практических целях. Польза же обращения с ними обучающихся в Синодальном училище будущих регентов, учителей церковного пения и церковных композиторов, равно и любознательных посторонних посетителей рукописного собрания, предоставленного публичному пользованию, даже не подлежит и приблизительному учету. Должно признать, что польза такого собрания рукописей в одном центральном месте, как Москва, и в авторитетном ученом учреждении, как Наблюдательный совет с Синодальным училищем, и в такое благоприятное время, как нынешнее, когда интерес к церковным и церковно-богослужбным вопросам сильно возрос, эта польза для церковной и историко-археологической науки, для церковной и духовной школы и церковного богослужения и клироса, а равно и в целях удовлетворения духовных запросов и нужд православного русского общества будет неизмерима. На нас и наших современниках лежит неотложный священный долг удовлетворить этим пользам и духовным потребностям времени, пока еще не поздно.

Непременный член Наблюдательного совета
при Синодальном училище протоиерей Василий Металлов,
профессор Московской консерватории
и Императорского Археологического института.

Комментарии

1. Доклад Металлова 1902 года помещен в его работе «Синодальное училище церковного пения в его прошлом и настоящем» (см. в настоящем томе).

1913 год

**Отчет директора Синодального училища А. Д. Кастальского
прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову
о состоянии Синодального училища и хора в 1912 году.
16 мая 1913 года***

Согласно § 33 Устава и распоряжений Вашего превосходительства имею честь представить отчет за 1912 год о состоянии вверенного мне Синодального хора и училища церковного пения.

I. По Синодальному хору и по музыкальной части училища

За отчетный год в состав хора входило 30 взрослых певцов и 50 малолетних певчих. Из взрослых певчих в 1912 году выбыли: Есипов, Вережкин, Пересыпкин, Сильванов, Соколов и Филюков. Приняты вновь: Бочкарев, Камнев, Крылов, Кученков, Мошнов и Радченко.

Ввиду недобора мальчиков с хорошими голосами при приеме в хоре осталось свободных 4 вакансии.

Количество обязательных служб было приблизительно такое же, как и в прошлом году (311). Кроме того, Синодальный хор участвовал в пении в высочайшем присутствии на торжестве открытия памятника императору Александру III (в мае) и Музея имени императора Александра III, а также в юбилейных торжествах в память 1812 года в Бородине и в Москве, причем хор и администрация получили юбилейные медали и высочайшие подарки (часы). По поводу тех событий, а также юбилея памяти патриарха Гермогена хор участвовал в торжественных заседаниях в Епархиальном доме.

Служб по приглашению частных лиц было в 1912 году 11.

Концерты Синодального хора в истекшем году состоялись: 18 ноября и 16 декабря в Большом зале консерватории (два раза исполнялась Всенощная Гречанинова) и 11 марта в Большом зале Российского Благородного собрания, а также в конце сентября месяца в училище для членов берлинской Придворной капеллы.

Выбыл старший помощник регента И. С. Чумаков, на место которого приглашен Н. С. Голованов (бывший младший помощник). Место младшего помощника занял В. П. Степанов (бывший ученик Синодального училища и помощник регента хора храма Христа Спасителя).

* Машинописная копия с рукописной правкой. *Отчет по Синодальному училищу* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 39, л. 24—26.

Окончено печатание партитуры 1-й части (Всенощная) Обихода Синодального хора, которая хорошо раскупается.

В преподавании музыкальных предметов произошли следующие перемены: 1) метода постановки голоса г. Домарко с учениками I класса не дала ожидаемого результата улучшения их голосов, поэтому г. Домарко прекратил свои занятия с настоящего 1912/13 года; 2) преподавание предметов, относящихся к регентскому делу, решено передать в руки регентов, вследствие чего вновь принятому Степанову передано преподавание музыкальной части устава в V классе (2 урока), оставив один урок на изъяснение богослужения в руках законоучителя священника о. В. И. Кедрова. Кроме того, Степанову поручено преподавание сольфеджио и церковного пения в przygotowительном классе (6 уроков). Класс регентования и совместной игры, перейдя от преподавателя В. Н. Якимова в руки регентов, распределен таким образом, что уроки в V классе по этим предметам переданы В. П. Степанову, а в VI—IX классах — Н. С. Голованову, причем обращено особое внимание на практическое прохождение церковного устава, которому уделена половина уроков (то есть по одному уроку в каждом классе), а уроки совместной игры (преимущественно партесного пения, 2 урока в неделю) сделаны общими для учеников VI—IX классов, причем в дирижировании упражнялись ученики VII—IX классов. Ученики последнего практиковались также по обыкновению в ведении ученических спевков и всенощных бдений с ученическим хором. Преподавание уставного пения в IX классе перешло от А. Д. Кастальского также к Н. С. Голованову.

По случаю болезни регента Н. М. Данилина его уроки (по сольфеджио в I и II классах и чтению партитуры в VI—IX классах) были переданы временно бывшему ученику Синодального училища П. А. Ипполитову, а ведение спевков и служб — старшему помощнику регента Н. С. Голованову.

Занятиями старших учеников с младшими по фортепиано и скрипке руководили преподаватели А. Я. Дубинин, Д. Г. Григорьев и А. К. Метнер.

Ученических вечеров в 1912 году было 2 — на Рождестве и Масленице, причем были исполнены кроме концертного отделения: 1) басни Крылова с музыкой Ребикова, 2) детская опера «Репка» Сокальского, 3) драматические отрывки.

II. По педагогической и учебной деятельности училища

Окончили курс и выпущены со званием регента и учителя церковного пения: Александров Петр, Моригеровский Павел, Петров Константин и Шляпников Василий; первые два с причислением к 1-му разряду.

К 1 сентября 1912 года после окончания приемных испытаний и переэкзаменовок воспитанники распределились по классам следующим образом: в przygotowительном классе — 23, в I — 16, во II — 16, в III — 11, в IV — 15, в V — 9, в VI — 14, в VII — 8, в VIII — 6 и в IX — 7.

Порядок дня таков. Ученики встают в 6 часов 15 минут. До 7-ми часов утренняя молитва и чай. В 8 часов повторение уроков и занятия в музыкальных комнатах. С 8-ми до 12-ти часов уроки по музыкальным и общеобразовательным предметам. Все одиночные занятия по фортепиано, скрипке и виолончели выделены на послеобеденное время и на вечер. После чаю с 3½ до 5½ часов — хоровая спевка. После вечернего чаю с 6½ до 8½ часов — приготовление уроков к следующему дню. Занятия по фортепиано и скрипке идут по специальному расписанию для каждого ученика в отдельности. День заканчивается вечерней молитвой в 9½ часов вечера.

В свободное от уроков время преподается гимнастика, и желающим — рисование и виолончель. С сентября месяца в виде опыта введено обучение сокольской гимнастике¹. Остальное время ученики употребляют на игры, чтение книг и подготовку к ученическим вечерам. 31 января были исполнены некоторые басни Крылова с музыкальным сопровождением Ребикова, сцена из поэмы «Полтава» Пушкина «Кочубей в темнице» и драма Пушкина «Скупой рыцарь»; 21 декабря — «Репка», детская опера Сокальского. Раз в неделю воспитателем А. Н. Спасским устраивались чтения с туманными картинами.

Лето отчетного года ученики, участвующие в хоре, проводили в Новом Иерусалиме, где им было предоставлено помещение монастырской церковно-приходской школы.

Чтобы дать возможность ученикам VIII и IX классов иметь баллы в выпускных свидетельствах по всем предметам новых программ, введенных полностью в прошлом учебном году, в этих классах при двух уроках в каждом преподавался французский язык.

III. По Наблюдательному церковно-певческому совету

В отчетном году состав Наблюдательного совета был следующим: председатель — прокурор Синодальной канцелярии Ф. П. Степанов и члены — директор Синодального училища А. Д. Кастальский, регент Н. М. Данилин, непреременный член — протоиерей о. В. М. Металлов, Н. Д. Кашкин, С. Н. Василенко и заведующий певческими хорами священник о. Д. В. Аллеманов.

В сентябре месяце по случаю болезни регента Данилина его обязанности как члена Наблюдательного совета исполнял помощник регента Н. Н. Толстяков и в одном из заседаний, именно — 18 сентября, старший помощник его Н. С. Голованов.

В деятельности Наблюдательного совета 1912 года следует отметить поднятие вопроса о возрождении старинного церковного пения в нашем отечестве по докладу члена Совета священника о. Д. В. Аллеманова, причем обращено внимание на пополнение рукописной библиотеки Московского Синодального училища древнерусскими книгами (хотя бы копиями их) и

приспособление этой библиотеки для публичного пользования. Сделаны шаги по собиранию древних рукописей крюкового пения по русским монастырям.

Приступлено к печатанию «Обихода Синодального хора» под редакцией А. Д. Кастальского.

Поднят вопрос об увеличении содержания взрослым певцам Синодального хора и исходатайствована пред Св. Синодом прибавка к ранее получавшемуся ими жалованью в 3 600 рублей.

Наконец, во всей своей остальной деятельности Наблюдательный совет продолжал рассматривать духовно-музыкальные сочинения, присланные различными авторами и прошедшие духовную цензуру, производил испытания лиц на звание регента частного хора и обсуждал доклады заведующего частными церковно-певческими хорами г. Москвы в области надзора за их деятельностью и исполнения ими Устава.

V. По хозяйству училища

Отчетный год правлению училища не удалось свести без дефицита, который к 1 января 1913 года выразился в цифре 1 627 рублей 75 копеек. Постоянное возрастание цен на продукты и топливо было причиной перерасхода по § 2 (причем в отдельных частях своей сметы училище больше всего перерасходовало по § 2, пункт «а»), по столу и экипировке воспитанников, особенно на обуви, что объясняется увлечением мальчиков игрой в футбол, далее по ученическим пособиям, на баню и другое.

Кроме дороговизны съестных продуктов в отчетном году очень дорого обошлось лето, когда на дачу были взяты 50 мальчиков, в прошлом же году на даче кормилось всего 30 человек, при этом весь май месяц и начало июня Синодальный хор в полном своем составе оставался в Москве по причине приезда Их Императорских Величеств и обслуживания всем хором Успенского собора.

Наконец, следует отметить, что заботливое отношение почетного блюстителя Андрея Андреевича Субботина к нуждам училища и в этом году выразилось присылкой более 3 000 рублей на обновление мебели и издание «Обихода Синодального хора».

Комментарии

1. Название этого вида гимнастики происходит от названия спортивного общества «Сокол».



1914 год

Особое мнение регента хора Н. М. Данилина по поводу проступков учеников Синодального училища. 2 апреля 1914 года*

О проступках воспитанников Синодального училища Садикова Сергея и Вихрева Василия мною было заявлено дежурному воспитателю, старшему воспитателю, директору училища и, наконец, в заседании правления училища в присутствии всех поименованных в этом протоколе членов правления училища.

Несмотря на мои многократные пересказы, в настоящем протоколе даты и факты проступков воспитанников училища Садикова и Вихрева переданы не совсем правильно. Прежде всего, печальный случай произошел в стенах училища не 25-го сего марта, как написано в протоколе, а 23 марта. Воспитанник училища Садиков сперва из окна показывал мне язык, а через полчаса назойливо стучал в окно, видимо для того, чтобы я не пропустил случая вторично увидеть его глупую выходку. Вихрев Василий свою фразу «все равно ничего не будет» сказал собравшимся воспитанникам разных классов, преимущественно из певческого отделения. Через день после этого случая, то есть 25 марта, Вихрев Василий во время литургии без видимой причины уклонился от пения стихир и за это был мною удален с клироса. Видя со стороны воспитанника Вихрева Василия небрежное отношение к певческому делу и принимая во внимание его дурное влияние на окружающих его участников хора, я просил директора училища и дежурного воспитателя освободить Вихрева от участия в пении церковных служб и спевков, идущих под моим управлением¹.

Н. Данилин.

Комментарии

1. В итоге разбора поступков Садикова (I класс) и Вихрева (IV класс), принимая во внимание их неуспеваемость и плохое поведение, правление Синодального училища постановило обоих учеников из училища исключить.

* Автограф. *Журнал заседаний педагогического совета Московского Синодального училища* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 138, л. 7—7 об. В деле помещены: журналы Наблюдательного совета от 7 февраля и 17 декабря 1914 года, журналы правления училища от 20 февраля, 28 марта, 19 мая и 4 сентября 1914 года, посвященные педагогическим вопросам, отчет А. Д. Кастальского об инспекционной поездке в петербургское Регентское училище, учрежденное С. В. Смоленским, в конце 1914/15 учебного года, а также рукописные заявления учеников Синодального училища и их родителей.

1915 год

**Рапорт прокурора Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанова
обер-прокурору Св. Синода о проекте периодического издания
«Труды Наблюдательного церковно-певческого совета».
3 февраля 1915 года***

В заседании 17 декабря 1914 года Наблюдательный совет при Синодальном училище церковного пения, обсуждая представленные членом-наблюдателем о. Аллемановым соображения об упорядочении церковно-певческого дела в Москве, находил между прочим необходимым основать повременной печатный орган, издаваемый при Совете под названием «Труды Наблюдательного церковно-певческого совета при Синодальном училище церковного пения». <...>

Во исполнение сего постановления имею честь представить Вашему высокопревосходительству: 1) программу проектированного повременного издания, 2) объяснительную записку к ней, 3) условия издания с покорнейшей просьбой ходатайства разрешения Св. Синодом открытия сего издания.

**Программа исторического и научного повременного издания
по церковному пению «Труды Наблюдательного церковно-певческого
совета при Синодальном училище церковного пения в Москве».
1915 год****

1. Отдел официальный

- а) Указания и распоряжения правительства и определения Св. Синода.
- б) Извлечения из журналов заседаний Наблюдательного совета.

2. Отдел неофициальный

- а) История: исследования и критика — в виде монографий, очерков и статей.
- б) Теория: семиография, лады и звукоряды, роспевы, формы, стиль, техника и т. п. искусства древнего пения — в виде трактатов и эскурсов.

* Машинописная копия. *Дело об основании повременного печатного органа «Труды Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения»* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 2, № 22 за 1915 год, л. 1—1 об.

* Машинописная копия. Там же, л. 2.

в) Палеография: описания, комментарии, снимки и проч. по части письменных памятников старины — в виде монографий и очерков.

г) Формы богослужебного пения: характеры, настроения богослужебных чинов и их музыкальные выражения, эстетика, стилистика, техника и т. п. богослужебного пения в связи с основоположениями литургики — в виде трактатов и статей.

**Объяснительная записка к программе издания
«Труды Наблюдательного церковно-певческого совета».
1915 год***

Издание служит Наблюдательному совету печатным органом при выполнении Советом одной из своих функций, определенных Уставом Синодального училища, § 79, п. 2: «Принятие надлежащих к мер к охранению, распространению и научной разработке древнерусского церковного пения, его памятников, теории и истории». В нем помещаются литературные материалы или по заданиям, или в целях Совета, при его помощи, смотрении и ответственности, и поэтому оно именуется «Труды Наблюдательного совета». Главной целью издания является опубликование мероприятий центральной власти, постановлений Совета и литературных работ, содержащих материалы к установлению общих и основных положений для курса церковного пения. В силу этого оно заключает в себе отделы официальный и неофициальный.

Отдел официальный содержит подлежащие узаконения и распоряжения правительства: высочайшие повеления, уставы и штаты церковно-певческих учреждений, программы научных предметов, положения и правила о школах и хорах, о службе лиц, ведении дела пения в церквях и учебных заведениях и т. п.; определения Св. Синода, распоряжения Учебного комитета, Училищного совета и других центральных учреждений касательно пения, церковно-певческих изданий и прочего; извлечения из журналов заседаний Наблюдательного совета, кои могут представить общий интерес и значение. Сведения этого отдела помогут подлежащим учреждениям и лицам ориентироваться в сфере законоположений и правил о распорядке и службе, в делах и вопросах по части церковно-певческой.

В отдел неофициальный входят литературные работы по истории, теории, палеографии и формам богослужебного пения в целях, главным образом, установления общих основных положений для курса церковного пения. На первом плане стоят работы по вопросам истории церковного пения, ведомые в форме исследований; они клонятся к уяснению исконных идеалов

* Машинописная копия. *Дело об основании повременного печатного органа «Труды Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения»* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 2, № 22 за 1915 год, л. 3—4 об.

пения, к точнейшему определению всегдашних требований церкви к этому искусству. Коренным вопросом является восстановление давно утраченной преемственности в трудах песнотворцев и песнорачителей и подведение под здание пения церковно-исторического фундамента, дабы новые строители продолжали дело старых мастеров и здание церковного пения являлось деянием как бы единого собора певцов; дабы пение приобрело ясный облик, устойчивый характер и каждый церковно-певческий работник удовлетворялся сознанием, что он разделяет общие стремления, стоит на прямом пути, что труды его составляют часть общего потока трудов.

Дополнительно к этим исследованиям ведется историческая критика. Она переоценивает решения вопросов истории и иногда указывает необходимость в новых работах там, где все представлялось законченным; определяет степень устойчивости и значения давних исторических критериев и авторитетов, укрепляя одни и устраняя другие и в последнем случае очищая место для новых критериев и авторитетов.

Чтобы сообщить литературным работам исторического отдела наибольшую капитальность, они ведутся предпочтительнее в форме обстоятельных монографий. За отсутствием монографий дается место очеркам и статьям.

Научные труды по теории древнего пения редки и весьма слабы. Во всяком случае они не предоставляют средств к чтению певчих книг XI—XVI веков. Чтение книг позднего времени, XVII и XVIII веков, ныне также небеспогрешительно, если принять в расчет, что в пометных рукописях мы не различаем мастеров пения основного знаменного, усольского, московского (Христианинова) и других. Это обстоятельство составляет, конечно, прямое препятствие к восстановлению преемства в трудах песнотворцев. Для устранения его требуются работы по вопросам древней семиографии (нотописанию) в связи с учением о ладах и звукорядах древнего пения, которое (учение) само собой станет возникать при открытиях в области семиографии и одновременно являться необходимым средством как для закрепления достигнутых позиций, так и для движения вперед в этих самых открытиях, ибо в крюковой нотации, по отсутствию других указаний на интервальный расчет, помощь учения о гласах как ладах и звукорядах совершенно неизбежна. По этому отделу требуются обширные трактаты, и лишь по новости работ этого рода можно на первых порах ограничиваться учеными экскурсами.

В зависимости от этих работ будут, во-первых, выясняться церковные роспевы как особые манеры строения напевов или характерные обороты мелодий, во-вторых, раскрываться формы старинного пения, или станет возможным различение частей напева и условия сочетания их в целое, в-третьих, вырисовываться стиль пения как выражение духа церковности и настроения сонма песнотворцев, а после того определятся и техника песнотворчества и приемы исполнения древнего пения. Всеми перечисленными работами достигнется возможно полная реставрация картины пения Русской церкви от первых проблесков до зенита его развития на Руси.

Издание дает большое место для работ по формам богослужебного пения, так как эти работы в сущности непосредственное прочих относятся к практике пения. Если же они ставятся в хвост других работ, то потому именно, что основываются на последних и являются завершением их.

Главной целью их поставляется согласование положений литургических с положениями музыкально-певческими, начиная от простейшего совпадения выражений текстов с выражениями напевов и кончая самыми полными и глубокими проникновениями всего пения духом, чувствами и мыслями богослужебных чинов. Для этого богослужебные чины рассмотрятся со стороны своего исторического развития: как зарождались и росли основные замыслы их и какими мотивами вызывались дополнения или сокращения в них, — получают определения для своих взаимоотношений, как они дополняют друг друга, развивают, представляют под различными образами единую общую им мысль, как проникаются одними стремлениями и узнаются в истинных их характерах и настроениях, какими чувствами они исполнены и в каких степенях и сменах эти чувства проявляются в них. Все это для того именно, чтобы найти каждому моменту чина его части и всему целому соответственные музыкальные выражения, и не только тому и другому чину отдельно, но и в связи с другими чинами, то есть малым и большим циклом чинов и всему кругу богослужения.

Предшествующие работы этого отдела дадут основание и материал для правильного развития учения об изящном в богослужебном пении и вместе с тем обусловят стилистические правила для произведений, как и предпрешат приличествующие способы и приемы исполнения пения.

Условия издания сборника

«Труды Наблюдательного церковно-певческого совета при Синодальном училище церковного пения в Москве». 1915 год*

Издание «Труды Наблюдательного совета» находится в ведении Совета, которое состоит в том, что Совет делает прямые постановления по всем делам и вопросам издания. Ответственное редакторство и исполнение постановлений Совета по изданию поручается Советом избранному им и надлежаще утвержденному лицу. Члены Совета состоят обязательными сотрудниками издания или заведая отделами его, или делая для него литературные работы по заданиям Совета. Редактор и заведующие отделами издания — члены Совета несут свои обязанности безвозмездно.

* Машинописная копия. *Дело об основании повременного печатного органа «Труды Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения»* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 2, № 22 за 1915 год, л. 5.

Книги издания выпускаются в виде сборников и выходят в свет по мере накопления материалов. Формат книг принимается в 32 x 23 см, дабы возможно было печатание больших снимков и таблиц. Бумага употребляется глянцевая средней плотности в целях большей ясности снимков. Книги печатаются в количестве не менее 500 экземпляров, чтобы издание было возможно доступно по цене и пользовалось распространенностью.

По одному экземпляру книг представляется г. обер-прокурору Св. Синода, высокопреосвященнейшему митрополиту Московскому, Учебному комитету при Св. Синоде и выдается библиотекам Синодальной (Патриаршей), Типографской (Московской Синодальной типографии), Синодальному училищу, всем членам Совета и авторам помещенных в книге литературных работ.

Книги поступают в продажу по цене, состоящей из стоимости всех расходов по изданию, и 20%, определяемых в возмещение потерь от нераспроданных экземпляров. К расходам по изданию относятся: типографские расходы, авторский гонорар от 20-ти до 50-ти рублей за печатный лист в 8 страниц 32 x 23 сантиметра, почтовая пересылка книг, канцелярские мелочные расходы редактора. Затраты на издание делаются из средств, находящихся в распоряжении Совета, с утверждения последнего.

**Письмо из канцелярии Московской Синодальной конторы
в Наблюдательный совет при Московском Синодальном училище
с сообщением о разрешении Св. Синодом издавать
«Труды Наблюдательного церковно-певческого совета».
10 июля 1915 года***

Св. Синод определением от 1—16 июня сего года за № 4373 постановил: разрешить Наблюдательному совету при Московском Синодальном училище церковного пения издавать на состоящие в его распоряжении средства печатный орган под названием «Труды Наблюдательного церковно-певческого совета при Синодальном училище церковного пения» по представленной программе под редакцией избранного Советом и надлежаще утвержденного лица с выпуском издания в свет по мере накопления материала в количестве 500 экземпляров по цене за экземпляр, какая определится расходами по изданию с начислением 20%.

* Машинописная копия. Дело об основании повременного печатного органа «Труды Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения» — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 2, № 22 за 1915 год, л. 15—15 об.

На первом листе документа надпись карандашом: «Заслушано 19 августа. Избрать редактором о. Аллеманова, предложить ему теперь же озаботиться собиранием материалов для первого выпуска, который издать при первой возможности. 30 октября».

**Циркуляр Министерства внутренних дел
губернаторам и градоначальникам об устройстве духовных концертов.
29 сентября 1915 года***

Святейший Синод, признав делом неотложной важности принятие некоторых мероприятий в вопросе о порядке и устройстве публичных духовных концертов, представил обер-прокурору просить Министерство внутренних дел сделать зависящие распоряжения:

1) чтобы означенные духовные концерты не были устраиваемы в театрах, цирках, кинематографах и тому подобных помещениях, назначенных для сценических представлений (ст. 148 Устава о предупреждении и пресечении преступлений);

2) чтобы в этих концертах не было допускаемо смешение светской и духовной музыки, и это не только в отношении отделений концертных программ, но и целых концертов, то есть чтобы в одном и том же концерте не было отделений светской и духовной музыки (ст. 147 того же Устава) с исключением только лишь в пользу гимнов отечественного и иностранных держав, а также песнопений, имеющих своим содержанием прославление родины, каковые гимны и песнопения могут быть исполняемы и в духовных концертах;

3) чтобы в программы духовных концертов, согласно указаниям ст. 148 того же Устава, не были включаемы песнопения Литургии верных, как то: «Иже херувимы», «Милость мира», «Тебе поем», «Ныне силы небесныя», «Да молчит всякая плоть человека» и «Вечери Твоя тайныя», а также «Да исправится молитва моя» на литургии Преждеосвященных даров и вообще все те песнопения, которые, по возвышенному содержанию их или в связи с богослужебными действиями, признаны будут местным преосвященным недопустимыми к исполнению в концертной обстановке;

4) чтобы программы духовных концертов представлялись на предварительный просмотр епархиальных преосвященных или лиц, особо на сие от

* *Переписка о духовно-музыкальных концертах Синодального хора* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 67, л. 23—23 об.

31 декабря 1915 года Св. Синод вынес на основе данного циркулярного распоряжения следующее постановление: «Копию циркуляра Министерства внутренних дел губернаторам и градоначальникам от 29 сентября 1915 года за № 32889 о порядке устройства публичных концертов препроводить преосвященным, поручив им, если они признают затруднительным для себя личный просмотр программ публичных духовных концертов, избрать для себя определенных лиц и список этих лиц сообщить местной гражданской власти, дабы последняя во избежание нежелательных задержек при разрешении духовных концертов могла непосредственно к этим лицам направлять на просмотр программы означенных концертов, о чем для должных к исполнению распоряжений послать епархиальным преосвященным и синодальным конторам печатные циркулярные указы» (*Переписка о духовно-музыкальных концертах Синодального хора* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 82, л. 8).

них уполномоченных, для разрешения вопроса о соответствии этих программ указанным в предшествующем пункте пожеланиям церковной власти;

5) чтобы публичные духовные концерты предварялись и оканчивались молитвою, которую присутствующие должны выслушивать стоя, и чтобы не было допускаемо на сих концертах рукоплесканий.

Об изложенном во исполнение просьбы обер-прокурора Синода сообща Вашему превосходительству для соответственного исполнения.

Подписал за управляющего Министерством внутренних дел
директор департамента полиции Моллов.



1916 год

**Отчет А. Д. Кастальского
прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову
о состоянии Синодального училища и хора в 1915 году.
[Начало 1916 года]***

I. По Синодальному хору и музыкальной части училища

За отчетный 1915 год в состав Синодального хора входило: 29 взрослых и 53 малолетних певца. Из числа взрослых певцов призваны в действующую армию: Корбут, Скрябин, Кудрин, Степанов и Бочкарев, жалование которых выдается полностью и после их отсутствия из хора.

Ввиду недобора в предшествующие годы мальчиков с хорошими голосами в отчетном году в Синодальное училище принято было: в подготовительный класс 27 мальчиков и в I класс — 3 мальчика. Количество обязательных служб было приблизительно такое же, как и в прошлом 1914 году (317). Служб по приглашению частных лиц в отчетном 1915 году было 7. Концертов Синодальным хором в 1915 году дано 8. Ученическим хором за всеобщими беднями и на спевках в отчетном году руководили ученики VIII и IX классов Синодального училища под непосредственным наблюдением старшего помощника регента Синодального хора Н. С. Голованова. В состав преподавателей музыкальных предметов в 1915 году входили следующие лица: П. В. Власов (элементарная теория музыки, постановка голоса и теория постановки голоса), А. Д. Кастальский (формы музыкальных сочинений, методика церковного пения, народная музыка), Н. Р. Кочетов (история музыки, история искусств и методика — отдел эстетики), В. С. Калинин (гармония и формы музыкальных сочинений), В. Н. Якимов (гармония), Н. М. Данилин (чтение хоровых партитур), Н. Н. Толстяков (сольфеджио и церковное пение), священник Д. В. Аллеманов (история церковного пения), Н. С. Голованов (уставное пение, совместная игра и занятия с ученическим хором), В. П. Степанов (церковное пение, сольфеджио, совместная игра и церковный устав), Г. И. Шаборкин (фортепиано), А. Я. Дубинин (фортепиано), Д. Г. Григорьев (скрипка), Н. П. Осин (скрипка), А. И. Вилкомирский (скрипка), Ю. А. Лазарев (виолончель). Причем вместо преподавателя

* Машинописная копия. *О состоянии Московских Синодальных училища церковного пения и хора и Наблюдательного церковно-певческого совета при Синодальном училище за 1915 год* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 78, л. 3—5. В деле: отчет и документы, связанные с подготовкой отчета.

К. Н. Шведова, который выбыл из Синодального училища с сентября отчетного года, приглашен свободный художник А. В. Никольский.

В 1915 году на святках при училище был устроен ученический вечер, на котором, между прочим, были исполнены и гимны союзных с нами государств.

В конце ноября месяца отчетного года Синодальное училище посетил высокопреосвященнейший Макарий, митрополит Московский и Коломенский, который присутствовал на уроке Закона Божия в I классе, а по окончании урока слушал пение ученического хора, исполнившего с листа несколько номеров песнопений из сборника «Лепта» по указанию его высокопреосвященства.

II. По учебно-административной части училища

Из состава лиц администрации и преподавательского персонала Синодального училища, ввиду призыва в действующую армию, в отчетном году отсутствовали: смотритель и делопроизводитель А. Н. Гладкий, вместо которого обязанности делопроизводителя исполнял письмоводитель училища И. М. Харитонов, а должность смотрителя по Синодальному училищу возложена была на члена хозяйственного правления училища Д. И. Кокорина; преподаватель географии П. А. Строганов, уроки которого были временно переданы приглашенному преподавателю Д. Т. Яновичу; врач И. П. Рождественский, должность которого временно исполнял доктор С. С. Преображенский, а уроки его по физике и природоведению временно были переданы преподавателю П. Н. Лепешинскому; младший воспитатель и преподаватель русского языка, арифметики, алгебры и геометрии А. А. Петров, вместо которого должность воспитателя временно была возложена на его преемника И. В. Ющенко, а уроки его распределены были так: по русскому языку занимался Н. С. Ермонский, по арифметике В. Н. Якимов и по алгебре и геометрии П. Н. Лепешинский; исполняющий обязанности эконома А. А. Рыжков, обязанности которого исполняла жена его О. С. Рыжкова. Что же касается старшего воспитателя училища К. П. Успенского, регента Синодального хора Н. М. Данилина и помощников его Н. Н. Толстякова, Н. С. Голованова и В. П. Степанова, то эти последние, как прикомандированные военным начальством в г. Москве (Успенский — к Московскому окружному военно-медицинскому управлению, а Данилин, Голованов, Толстяков и Степанов — к Канцелярии управления воинского начальника), имеют возможность исполнять свои обязанности по Синодальному училищу и хору. В сентябре месяце отчетного года скончался письмоводитель Синодального училища В. Е. Карабанов, должность которого заместил канцелярский служитель Московской Синодальной конторы И. М. Харитонов.

Окончили курс Синодального училища в 1915 году и выпущены со званием регента и учителя церковного пения: Блохин Григорий, Кондратьев

Александр, Пузенкин Николай, Смыслов Иван, Филиппов Константин и Щеглов Николай. Причем Смыслов и Щеглов причислены к 1-му разряду.

В 1915 году по окончании училища ученики старших классов Синодального училища Костромитин, Яхонтов, Кусков, Назаров, Голявкин и Лазарев по примеру прежних лет были командированы в провинцию для организации церковных хоров и упорядочения вообще церковного пения. К 1 сентября отчетного 1915 года после окончания приемных испытаний и переэкзаменовок воспитанники училища распределились по классам таким образом: в пригготовительном классе — 30, в I классе — 23, во II классе — 21, в III — 9, в IV — 11, в V — 10, в VI — 11, в VII — 12, в VIII — и в IX — 6.

Порядок дня в отчетном году был таков: ученики утром вставали в 6 часов 15 минут, в 7 часов — утренняя молитва и чай. До 8-ми часов повторялись уроки и производились занятия в музыкальных комнатах. С 8-ми до 12-ти часов продолжались уроки по музыкальным и общеобразовательным предметам. Одиночные же все занятия по фортепиано, скрипке и виолончели выделены были на послеобеденное время и на вечер. После чая, с 4-х до 6-ти часов, назначалась хоровая спевка. После же спевки, от 6.30 до 8.30 часов, приготавливались уроки к следующему дню и затем — ужин. Занятия по фортепиано и скрипке шли по специальному расписанию для каждого ученика в отдельности. День заканчивался вечерней молитвой в 9.30 часов вечера.

III. По Наблюдательному церковно-певческому совету

В отчетном 1915 году состав Наблюдательного церковно-певческого совета был следующим: председатель — прокурор московской Св. Синода конторы Ф. П. Степанов и члены — директор Синодального училища А. Д. Кастальский, регент Синодального хора Н. М. Данилин, непрременный член протоиерей о. В. М. Металлов, заведующий церковно-певческими хорами священник Д. В. Аллеманов, В. С. Калининков, С. Н. Василенко и А. В. Никольский.

Кроме текущих дел, как-то рассмотрение духовно-музыкальных сочинений и переложений со стороны допустимости их к исполнению при церковном богослужении, присылаемых Петроградским и Московским духовно-цензурными комитетами, в Наблюдательном совете в 1915 отчетном году подвергались испытанию лица, желающие получить звание регента частного хора, коим были выданы свидетельства. В отчетном году директор училища, член Наблюдательного совета, давал сведения о результатах посещения им Регентского училища имени Смоленского в Петрограде и представил Наблюдательному совету о сем отчет.

Новая программа на звание регента частного хора, одобренная Наблюдательным советом, в отчетном году выпущена в продажу. От продажи Обихода Синодального хора, части 1 и 2, в период 1915 года выручено 470 рублей 14 копеек.

По хозяйству училища

Отчетный 1915 год не представлялось возможным свести без дефицита, а в особенности по § 2. Главной причиной перерасхода послужила дороговизна на продукты и топливо по случаю военного времени.

**Рапорт председателя Наблюдательного совета
при Синодальном училище церковного пения Ф. П. Степанова
обер-прокурору Св. Синода о награждении
хоросодержателя и регента И. И. Юхова.
1 марта 1916 года***

Наблюдательный церковно-певческий совет при Московском Синодальном училище церковного пения в заседании своем от 30 октября сего 1915 года за № 2 слушали письменный доклад члена сего Совета, заведующего церковно-певческими хорами в Москве священника Димитрия Аллеманова о том, что регент и хоросодержатель Иван Иванович Юхов в течение 15-ти лет работает со своим хором в Москве. Хор Юхова сразу занял выдающееся положение. Пением в храмах и многочисленными духовными концертами хор привлек общее внимание и расположение москвичей. О том, сколь основательную подготовку имеет хор, можно судить по тому, что он подряд несколько сезонов выступал с весьма ответственными вещами на симфонических концертах, устраиваемых в Москве Кусевецким. В течение последнего года хор дал 14 концертов с выручкой более 5 000 чистого дохода в пользу раненых и жертв войны. Своим выдающимся положением и ценной работой названный хор всецело обязан мастерскому ведению дела и предприимчивости своего регента И. И. Юхова. Ввиду 15-летней весьма полезной деятельности г. Юхова о. Аллеманов и просит Наблюдательный совет удостоить его награждения званием потомственного почетного гражданина.

Наблюдательный церковно-певческий совет при Синодальном училище церковного пения, признавая доклад священника Д. Аллеманова вполне заслуживающим уважения, постановил: ходатайствовать от имени Совета о награждении регента И. И. Юхова званием потомственного почетного гражданина.

Соглашаясь с вышеизложенным постановлением Наблюдательного совета, имею честь ходатайствовать перед Вашим превосходительством о награждении Юхова званием потомственного почетного гражданина. Наградной список Юхова при сем представляется.

* Машинописная копия. Дело с представлением от Наблюдательного совета о награждении разных лиц — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 71, л. 7—7 об.

**Рапорт протопресвитера Большого Успенского собора Н. А. Любимова
прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову.
16 апреля 1916 года***

Ваше превосходительство, глубокочтимый Филипп Петрович!

Считаю долгом довести до Вашего сведения о нижеследующем:

1. В Великий Понедельник за литургией Преждеосвященных даров певчими Синодального хора под управлением г. Голованова пропето было только три стихиры с повторением каждой до трех раз вместо положенных шести стихир, из которых первые четыре положено петь по два раза. Хотя общее количество пропетых хором стихир сократилось только на одну стихиру (пропето девять вместо положенных десяти), но грустно то, что трогательные по своему содержанию песнопения совсем не были петы хором, о чем сетует одна из богомолиц, приславшая мне письмо на другой же день.

2. То же почти повторилось и в Великую Среду за литургией, совершенной архиерейским служением: певчие под управлением того же г. Голованова пропели только первые три стихиры, каждую по три раза вместо положенных в этот день десяти стихир. Кроме того, певчие упорно хранили молчание во время пения «Свете тихий» при входе архиерея в алтарь. Вызванный мною в диаконник г. Голованов извинился в том, что не пропел всех положенных стихир, но причину этого объяснить не мог; по поводу же молчания певчих при пении «Свете тихий» заявил, что певчие не могут петь сей песни, так как они якобы не знают того напева, которым поют ее священнослужители. Данное объяснение признано совершенно произвольным и не соответствующим действительности, так как за все время моего служения в соборе это первый случай молчания певчих в сие время при пении входного «Свете тихий», всегда неизменно исполнявшегося одним и тем же напевом как священнослужителями, так и хором (так же было это и в Великий Четверг, и в первый день Пасхи).

3. В понедельник Святой Пасхи певчие под управлением г. Голованова с самого начала полунощницы обнаружили стремление к такому поспешному и прямо неблагоговейному пению, при котором невозможно даже разобрать слова песнопения, и стали даже прямо пропускать таковые (вместо трех раз «Воскресение Христово видевше» пропето было только единожды). По мо-

* Автограф. На бланке: «Протопресвитер московского Большого Успенского собора». *Дело с разнородной перепиской* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 2, № 10 за 1916 год, л. 17—18 об.

На верхних полях 1-го листа рапорта резолюция Ф. П. Степанова: «Господину директору хора. Прошу передать от моего имени Н. С. Голованову строгий выговор за такое частое неисполнение своих обязанностей, весьма точно указанных Уставом училища. Больно получать такие упреки Синодальному хору. Письмо это прошу предъявить гг. регенту Синодального хора и всем его помощникам под расписку в прочтении его и вернуть мне. 16 апреля Ф. Степанов». Записи там же: «Читал Данилин, читали Голованов, Н. Толстяков, В. Степанов».

ему предложению о. сакелларий Пшеничников вышел к певчим из алтаря пред началом утрени и просил их от моего имени петь неспешно и не делать никаких пропусков. Несмотря на это во все время утрени неблагоговейная спешность пения продолжалась, продолжались и пропуски (на 4-й песни канона «Богоотец убо Давид», на 8-й «Яко воистину священная», на 9-й — оба богородична, экзапостиларий «Плотию уснув» совсем не был пет на клиросе). Возмущенный таким неблагоговением и небрежностью певцов, я через того же о. сакеллария во время пения первого часа просил г. Голованова взойти ко мне в алтарь, но он заявил прямо: «Не пойду».

4. Очевидно, пример г. Голованова действует заразительно и на самих певчих, так как при начале литургии в тот же понедельник, уже без всякого отдельного регента певчие так невозможно стали частить антифоны Пасхи, что я просил о. сакеллария тотчас же выйти к ним и заявить, что если они не станут петь благоговейнее и реже, то я попрошу их совсем замолчать и заставлю петь на левом клиросе одного дежурного о. диакона всю литургию. Только после этого пение на клиросе упорядочилось.

Донося о вышеизложенном Вашему превосходительству, усерднейше прошу принять зависящие от Вас меры к недопущению подобных непорядков на будущее время.

Знаю, как близко Вашему сердцу дело благолепия соборной службы и потому очень смущаюсь тем, что вышеизложенным сообщением причиняю Вам огорчение в светлые дни Святой Пасхи; но к тому вынуждаюсь крайней необходимостью, ибо собственные меры воздействия на певчих, как усматривается из предыдущего, иногда оказываются бессильными восстановить порядок.

Примите уверения в моем глубочайшем уважении и совершенной преданности. Вашего превосходительства покорнейший слуга и смиренный богомолец протопресвитер Николай Любимов.

**Ответное письмо Ф. П. Степанова протопресвитеру Н. А. Любимову.
20 апреля 1916 года***

Выше Высокопреподобие, досточтимый о. протопресвитер Николай Александрович.

Вследствие письма Вашего от 16 сего апреля о действиях старшего помощника регента Синодального хора Голованова имею честь известить Вас, что ни сокращение стихир или канона, ни поспешность в пении под управлением Голованова — совершенно недопустимы в Успенском соборе. По-

* Автограф черновой. *Дело с разнородной перепиской* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 2, № 10 за 1916 год, л. 19—20 об. В деле: переписка по вопросам личного состава хора и училища, а также хозяйственным проблемам.

этому я предложил директору хора передать от моего имени Голованову строгий выговор за такое исполнение им своих обязанностей, весьма точно указанных в Уставе училища (§ 42). Письмо Ваше было предъявлено регенту Синодального хора и его помощникам под расписку их в прочтении. Голованов объясняет, что стихиры в понедельник и в среду на Страстной Седмнице были пропеты по три раза, что «Свете тихий» со второй половины в Великую Среду не было пропето Синодальным хором по той причине, что священнослужители случайно начали петь «Свете тихий» на целую терцию выше обычного — в *d moll*, что две стихиры в каноне «Богоотец убо Давид» и «Яко воистину» всегда пропускались и прочее. Все его объяснения я признаю неосновательными.

Но в одном случае его объяснения заслуживают внимания: Голованов пишет, что экзапостиларий «Плотию уснув» не был пет на клиросе исключительно по вине диакона (о. Ходни): «У хора были развернуты ноты, и я задавал тон, но чтущий, не дав нам запеть, возгласил: «*Всякое дыхание*», глас 2-й», после чего мы начали петь стихиры хвалитны. Регентующим неоднократно делались указания внимательно слушать диакона в запевках и при пении стихир».

Так как подобные пропуски по вине о. диаконов не единичны и Синодальный хор в таких случаях принужден принимать на себя чужой грех, то я позволяю себе ради общего всем нам дорогого дела Божия покорнейше просить Ваше Высокопреподобие обратить внимание и на о. диаконов, возглашающих запевы раньше времени или с пропусками.

Испрашивая Ваших молитв в совершенном почтении и преданности, имею честь быть Вашего Высокопреподобия [покорнейший слуга].

**Ответ прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову
на его ходатайство перед Св. Синодом о некоторых изъятиях
из установленных Св. Синодом в 1915 году правил,
касающихся духовных концертов.
24 июня 1916 года***

Милостивый государь Филипп Петрович!

Выше превосходительство в рапорте от 10 декабря 1915 года за № 2827 возбудили ходатайство о допущении для московского Синодального хора некоторых изъятий из установленных Св. Синодом в 1915 году (определение от 20 ноября — 19 декабря за № 9662) правил, касающихся духовных концертов, в смысле разрешения названному хору давать в зале Синодального училища духовные концерты с занесением в программу их тех песно-

* Машинописная копия. *Переписка о духовно-музыкальных концертах Синодального хора* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 82, л. 19—19 об.

пений, какие изъяты из концертов указанными правилами. Означенный рапорт предложен был Св. Синоду. Обсудив этот рапорт и приняв во внимание: 1) что распоряжение Св. Синода о запрещении исполнения на публичных концертах некоторых церковных песнопений, связанных в богослужении с определенными священнодействиями, полными великого таинственного смысла и значения, вызвано тем соображением, что исполнение в концертах указанных песнопений может оскорблять религиозное чувство верующих и унижать значение связанных с ними песнопениями богослужebных действий, 2) что приводимые в Вашем рапорте соображения не дают основания к тому, чтобы делать в пользу Синодального хора какие-либо изъятия из установленных Св. Синодом правил общего порядка, 3) что распоряжение Св. Синода касается только публичных духовных концертов, но не может иметь отношение к концертам, устраиваемым с учебной целью и доступных только определенному кругу лиц, например, учащимся Синодального училища церковного пения.

Св. Синод по определению от 3 июня сего года за № 3730 не нашел возможным удовлетворить изъявленное ходатайство Ваше и постановил сохранить и для Синодального хора установленный Синодом порядок о недопустимости исполнения в публичных духовных концертах церковных песнопений, поименованных в приложении к циркулярному указу Св. Синода от 31 декабря 1915 года.

О таком определении Св. Синода имею честь уведомить Ваше превосходительство вследствие означенного рапорта за № 2827.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

24 июня 1916 года.

Московской Св. Синода конторы
исполняющий обязанности секретаря
А. Кариганов.

**Ходатайство протоиерея В. М. Металлова
перед митрополитом Московским и Коломенским Макарием
о восстановлении его в должности неперменного члена
Наблюдательного совета.
26 октября 1916 года ***

Ваше Высокопреосвященство изволили выразить свою волю, чтобы я, исполняя возложенные Вашим Высокопреосвященством на меня обязанности наблюдателя за церковно-певческими хорами г. Москвы, вместе с тем оставался неперменным членом Наблюдательного совета при Синодальном училище, член же наблюдатель за певческими хорами при Наблюдательном совете о. Аллеманов, как неисполнительный, был совершенно отставлен от должности члена этого Совета, о чем изволили своевременно уведомить письмом г. председателя Наблюдательного совета, прокурора Синодальной конторы.

Ныне мне стало известно, что о. Аллеманов, несмотря на истекшее трехлетие его назначения, не выбыл из состава Наблюдательного совета согласно выраженной Вашим Высокопреосвященством воле, между тем как я, вопреки выраженной Вашим Высокопреосвященством воле, должен оставить службу в Наблюдательном совете только потому, что последнее трехлетие моего служения здесь ныне истекло и г. председатель Наблюдательного совета, прокурор Московской Синодальной конторы, обойдя мою кандидатуру, ходатайствует о назначении другого лица. Находя такое отношение г. прокурора ко мне несправедливым, так как я честно служил членом Наблюдательного совета с самого его основания в продолжение 17-ти лет, причем последние 6 лет в должности неперменного члена Совета, и, следовательно, имею право быть предпочтенным в назначении на следующее трехлетие, и так как я не был спрошен о моем желании дальнейшей службы в той же должности, чего требовал простой долг вежливости, а между тем я и впредь желаю служить на пользу отечественного православного церковного пения, для которого я уже положил более 25-ти лет своих непрерывных трудов и здоровья, причем первые 11 лет обязанности члена Наблюдательного совета бесплатно исполнял и 14 лет заведовал библиотекой рукописей при Синодальном училище по поручению Наблюдательного совета также бесплатно, — посему я почтительнейше прошу Вас, Ваше Высокопреосвященство, в силу представленной Вашему Высокопреосвященству как попечителю Синодального хора и училища власти на основании § 3, 14 и 76 высочайше утвержденного Устава и штата Московского Синодального училища церковного пения и Синодального хора сделать зависящее распоряже-

* Автограф. Доклад протоиерея В. М. Металлова митрополиту Московскому и Коломенскому Макарию о восстановлении его в должности неперменного члена Наблюдательного совета — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 88, л. 1—1 об.

ние о восстановлении меня в должности неперменного члена Наблюдательного совета и в случае надобности довести изложенное до сведения г. обер-прокурора Св. Синода и настоящее мое ходатайство представить на рассмотрение Св. Синода¹.

Протоиерей Вас. Металлов.
26 октября 1916 года.

Комментарии

1. В должности члена Наблюдательного совета В. М. Металлов так и не был восстановлен. Однако митрополит Московский Макарий продолжал обращаться к Металлову с просьбами, связанными с наблюдением за церковно-певческим делом в Москве (см. ниже).

Выписка из журнала Наблюдательного совета по поводу надзора за Петроградским Регентским училищем, учрежденным С. В. Смоленским. Ноябрь 1916 года*

Слушали: отношение Хозяйственного управления при Св. Синоде от 24 октября 1916 года за № 33251 следующего содержания:

В 1911 году при возобновлении производившейся с 1908 года субсидии Петроградскому Регентскому училищу имени Смоленского определением Св. Синода от 26—28 марта того же года за № 2293 постановлено было субсидию на поддержание и развитие названного училища продолжить на три года под тем условием, чтобы за деятельностью этого училища был учрежден надзор со стороны Наблюдательного совета при Московском Синодальном училище церковного пения как авторитетного и компетентного органа, ведающего вопросами церковно-певческого дела. С таким же точно условием субсидия Училищу имени Смоленского была продолжена еще на три года и по синодальному определению от 2—13 сентября 1913 года за № 7981, о чем Хозяйственное управление уведомило Наблюдательный совет отношением от 9 октября 1913 года за № 35827. Между тем в центральных учреждениях Св. Синода до сих пор не имеется никаких сведений о том, выполнялось ли двукратное постановление Св. Синода о надзоре со стороны вышеназванного Наблюдательного совета за деятельностью Петроградского

* Машинописная копия. *Журналы заседаний Наблюдательного совета и правления училища по хозяйственной и педагогической части* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 77, л. 3—4. В деле представлены журналы Наблюдательного совета от 28 мая и 25 октября 1916 года, журналы правления по хозяйственной части от 4 апреля, 9 марта, 10 октября, 2 ноября 1916 года, документы об инспекционной поездке А. Д. Кастальского в Регентское училище, учрежденное С. В. Смоленским.

Регентского училища имени С. В. Смоленского. Открытым остается для Св. Синода вопрос и о том, представляется ли настоятельная нужда в особом регентском училище при существовании, во-первых, регентских классов при Придворной певческой капелле и, во-вторых, Московского Синодального училища церковного пения, одной из задач коего, согласно действующему Уставу училища, также является приготовление руководителей церковно-певческих хоров.

Ввиду сего и принимая во внимание, что в настоящее время заведующим Петроградским Регентским училищем имени Смоленского Петровым вновь возбуждено ходатайство о продлении на будущие годы сему училищу субсидии из специальных средств Св. Синода, Хозяйственное управление при Св. Синоде имеет честь покорнейше просить Наблюдательный совет при Московском Синодальном училище церковного пения уведомить управление, какие меры принимались Наблюдательным советом для выполнения двукратно возложенного на него Св. Синодом поручения — наблюдать за деятельностью Петроградского Регентского училища имени Смоленского и какое мнение, на основании сего надзора, составил Совет о деятельности означенного училища, а также сообщить, представляется ли необходимым, по мнению Совета, оказывать названному училищу субсидию из средств Св. Синода при существовании регентских классов при Придворной капелле и Московского Синодального училища церковного пения.

Справка 1:

В журнале от 29 мая 1914 года за № 3, ст. 5 имеется доклад директора Синодального училища А. Кастальского о том, что в марте месяце 1913/14 учебного года он присутствовал на уроках церковного пения, сольфеджио, управления хором, гармонии и чтения хоровых партитур на всех курсах (приготовительном, 1-м и 2-м) в Регентском училище имени Смоленского в Петрограде, будучи командирован туда Наблюдательным советом. В первых числах мая того же года г. Кастальский второй раз был в Петрограде и присутствовал на экзаменах по управлению хором, чтению партитур и церковному пению на подготовительном курсе и по церковному пению и управлению хором на 1-м и 2-м курсах. Общее впечатление от ведения дел в этом училище, как доложил Совету директор, самое благоприятное. Подбор преподавателей в сем училище вполне удачный. Отношение и интерес к делу как учащихся, так и учащихся не оставляет желать лучшего. Количество слушателей в 1913/14 учебном году распределилось по курсам следующим образом: на подготовительном курсе 14 человек, на 1-м курсе 10 человек и на 2-м курсе 8 человек, а всего 32 человека. На курсы в Регентское училище поступают преимущественно взрослые молодые люди, из которых многие состоят певцами в хорах церквей Петрограда и некоторые даже имеют регентскую практику. В училище есть и лица женского пола. По окончании

курса училище выдает временные (до утверждения) свидетельства на звание регента и помощника регента. Так как большинство слушателей курсов днем занято различными служебными своими делами, то часы занятий в Регентском училище выбираются вечерние (от 4-х до 10-ти часов). Помещением училище пользуется чужим (гимназия Минцловой), которое к 4-м часам освобождается для Регентского училища. За помещение училище платит 600 рублей в год. Кроме того, ежегодно с 1911 года училищем имени Смоленского устраиваются летние регентско-учительские курсы, на которых каждый год обучается около 100 человек (93—118).

Справка 2. В прошлом 1915 году, мая 4-го, директор Кастальский докладывал в заседании Наблюдательного совета следующее:

«Возвратившись из командировки на экзамены настоящего 1914/15 учебного года в Регентском училище имени Смоленского в Петрограде, имею честь доложить Совету, что хотя военное время и оказало влияние на контингент учащихся в училище, сократив их число на одну треть (к концу года), и хотя часть преподавателей тоже должна была некоторое время отбывать повинность, но занятия (вечерние) протекали в общем нормально. Программы, судя по экзаменным результатам, были пройдены удовлетворительно. Следует отметить письменные работы на экзаменах по церковному пению, состоящие в распевании неразмеченных текстов (стихир, ирмосов) для разных составов хора, причем на старшем (2-м) курсе предлагается, кроме обычной гармонизации, написать эти задачи и в своей гармонии. Таким образом, гармонические знания получают здесь прямой практический смысл. Эти задачи разнообразятся назначением ученикам для распевания разных роспевов (киевского, греческого и др.). Класс управления хором имеет ту хорошую сторону, что в нем уделяется достаточно внимания как на регентование обиходным хоровым пением (движения руки, пользование камертоном, транспонировка для однородных хоров и пр.), так и на гармонический анализ и разбор характерных особенностей изучаемых сочинений. В классах сольфеджио обращает внимание система прохождения (или, вернее, повторения) гармонии: имея в руках камертон, учащиеся исполняют гармонические задачи в разных тонах, фигурируя голосом аккорды и производя таким способом различные гармонические последования (сочетания аккордов, каденции, модуляции, секвенции и проч.). Такая система отлично развивает слух и музыкальную сообразительность. Самые упражнения в сольфеджио проходятся главным образом по руководству Драгомирова, составленному из сочинений русских и иностранных авторов. В классе скрипки под руководством выдающегося педагога Аникина обращается особое внимание на чистоту интонации и хорошее ведение смычка, что дает в результате правильный и мягкий звук. Фортепиано в руках преподавателей Бармотина и Спиридонова поставлено вполне удовлетворительно. На экзаменах от каждого ученика требуют знания гамм (в разных интервалах), ар-

педжио, исполнения этюда и пьесы. На втором курсе ученики играют, например, «Песни без слов» Мендельсона, сонату Бетховена ор. 10, этюды Геллера, Бургмюллера и проч. Следует также отметить деятельность училища по организации (в продолжение пяти лет) летних регентско-учительских курсов».

О сем докладе председателем Наблюдательного совета было сообщено канцелярии Св. Синода 12 июня 1915 года за № 415.

Постановили: О вышеприведенных докладах директора А. Кастальского сообщить Хозяйственному управлению при Св. Синоде и присовокупить, что Регентское училище имени Смоленского крайне необходимо в смысле приготовления молодых людей к правильному ведению регентского дела, так как главным побуждением к открытию этого училища в 1907 году было прекращение приема посторонних слушателей в регентские классы при петроградской Придворной капелле, где курс этот решено было сохранить только для учеников Капеллы. Между тем эти классы, существуя при Придворной капелле с лишним сорок лет, посильно удовлетворяли насущные потребности русских церковных хоров, как частных, так и училищных, иметь подготовленных руководителей в этом деле. Но постоянных специальных методических регентских курсов для взрослых слушателей до настоящего времени не имеется, если не считать Придворной капеллы в Петрограде и Московского Синодального училища церковного пения, то есть закрытых учебных заведений, недоступных для посторонних лиц, желающих посвятить себя регентской деятельности. Что касается случайных отделений по регентскому делу, открываемых в некоторых частных музыкальных школах, или кратковременных летних курсов, то эти последние не могут дать серьезной подготовки к этому нелегкому делу. Таким образом, потребность, которая удовлетворялась регентскими классами Капеллы, осталась бы неудовлетворенной без поддержки Регентского училища имени Смоленского. В настоящее время только это училище можно считать специально занимающимся подготовкою взрослых слушателей к регентскому искусству, обзор деятельности которого, как видно из приведенных выше справок, свидетельствует о серьезном отношении к делу его руководителей, которые, не задаваясь широкими планами учебного дела, имеют в виду дать слушателям лишь самые необходимые сведения и в возможно короткий срок. Посему Наблюдательный совет при Синодальном училище и признает необходимым оказывать Регентскому училищу имени Смоленского возможную денежную поддержку.

**Доклад в Московскую Синодальную контору
ее члена, протопресвитера Большого Успенского собора Н. А. Любимова.
3 декабря 1916 года***

В заседании Московской Святейшего Синода конторы 29 ноября сего 1916 года поручено мне представить свое заключение по поводу сделанного в сем заседании словесного заявления г. прокурора о предполагаемом закрытии Синодального училища на два-три месяца за невозможностью содержания учеников в пределах сметного назначения вследствие крайней дороговизны всех продуктов первой необходимости.

Ввиду того что с вопросом о возможности закрытия Синодального училища (хотя бы и временно) неразрывно связывается вопрос о возможности (тоже хотя временного) прекращения в Успенском соборе пения Синодального хора, я осмеливаюсь как по тому, так и по другому из данных вопросов высказать следующие соображения, которые и представляю на благовоззрение Московской Св. Синода конторы.

I. Закрытие Синодального училища церковного пения по образцу других общеобразовательных духовно-учебных заведений на два-три месяца является делом совершенно невозможным по нижеследующим основаниям:

а) если вызванный крайней необходимостью роспуск по домам воспитанников семинарий и училищ и происходящий отсюда перерыв их школьных занятий до некоторой степени может быть восполнен их домашней работой, приготовлением ими известных урочных работ по книгам и учебникам, выданным той же школой, то по отношению к ученикам Синодального училища такое восполнение пропущенных ими школьных уроков их домашними во время отпуска занятиями является делом совершенно невозможным, так как дело обучения пению и музыкальному искусству, безусловно, требует постоянного руководства и зоркого наблюдения над учащимися со стороны опытных и специально подготовленных к делу учителей и руководителей, а таковых, без сомнения, не найдется в тех местах, куда будут отпущены воспитанники;

б) с другой стороны, обучение музыке и пению немислимо без необходимых музыкальных инструментов, нот, обиходов и других пособий, которые и сосредоточены только в училище и совершенно не могут быть розданы по рукам учеников, разъезжающихся по домам родителей и родственников. Отсюда ясно, что если и для воспитанников всех духовно-учебных заведений отпуск на два-три месяца — явление прискорбное, так как несомненно принесет немалый ущерб их развитию и образованию (чего, кажется, никто и не оспаривает), то для учеников Синодального училища такой двухмесячный или трехмесячный перерыв в занятиях равносителен потере целого

* Автограф. *О сокращении занятий в Синодальном училище в 1917 году* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 2, № 36 за 1916 год, л. 5—6 об.

года, ибо несомненно, что во время такого перерыва при отсутствии возможности продолжить свои занятия дома они потеряют и то, что приобрели в первые три месяца школьного учения. Вот почему следует ни в коем случае не просить Святейший Синод в изъятие его состоявшегося уже по отношению к другим духовно-учебным заведениям решения дать Синодальному училищу возможность продолжать учебные занятия без всякого перерыва.

II. Далее — роспуск Синодального училища неизбежно повлечет за собою и прекращение пения Синодального хора в Успенском соборе. Допустимо ли такое явление, особенно в настоящее время? Ведь теперь, в тяжелые дни военной невзгоды, верующие люди усиленно стремятся в храм Богоматери, и наш собор во все воскресные и праздничные [дни] до необычайной тесноты переполняется богомольцами, ищущими духовного утешения в молитве, а такое молитвенное настроение несомненно возбуждается и благолепным совершением богослужения в нашем соборе и умирительно прекрасным пением Синодального хора. Даже и в обычное-то время Святейший Синод не допускал возможности продолжительного (более или менее) перерыва в хоровом пении за воскресными и праздничными службами в Успенском соборе, а потому во все время поездки Синодального хора за границу, имевшей место с высочайшего на то соизволения в 1911 году, делал распоряжения о замене этого хора другим, наемным. Тем более, по моему мнению, невозможно допустить, чтобы хоровое пение в Успенском соборе прекратилось, хотя бы и временно, в настоящие дни скорби народной, особенно в наступающие великие праздники Рождества Христова, Новолетия, Крещения Господня, Сретения, а также и в дни Великого поста. Можно было бы, конечно, при роспуске по домам маленьких певчих Синодального хора петь в Успенском соборе одними большими певцами, но обстоятельства военного времени не допускают и такой возможности: одни из взрослых певчих уже призваны в действующую армию (из 30-ти человек призвано 11), а других ожидает призыв в ближайшем будущем, так что всех взрослых певчих может остаться в хоре только 5—6 человек. При таком положении вещей скорее придется поневоле допустить пение в Успенском соборе одних мальчиков, и уже совсем не наоборот. Ученики Синодального училища и теперь одни поют всенощные в училищном здании накануне воскресных и праздничных дней, и поют прекрасно.

На основании всех изложенных соображений я, как настоятель Успенского собора, обращаюсь к Московской Синодальной конторе с нижайшей просьбою — возбудить пред Святейшим Синодом надлежащее ходатайство о даровании Синодальному училищу, а, следовательно, и Синодальному хору, возможности бесперывного продолжения своей работы.

3 декабря 1916 года.

Член Московской Святейшего Синода конторы
протопресвитер Николай Любимов.

**Выписка из протокола заседания правления Синодального училища
в связи с сокращением 1916/17 учебного года.**

12 декабря 1916 года*

Слушали: предложение г. прокурора Московской Св. Синода конторы от 5 декабря 1916 года за № 2749 следующего содержания:

«Препровождая при сем отношение Хозяйственного управления при Св. Синоде от 24 ноября сего года за № 36372 предлагаю Вам внести это отношение на обсуждение правления Синодального училища в видах выяснения, каким образом привести в исполнение определение Св. Синода о сокращении занятий в нынешнем учебном году с таким расчетом, чтобы учебный год мог быть закончен при тех ассигнованиях на содержание сего училища, какие назначены по утвержденной Св. Синодом смете певческого капитала на 1916 год, с наименьшим ущербом для учебно-воспитательного дела училища и без расстройства его жизни и назначения».

По обсуждении изложенного предложения был возбужден вопрос о закрытии училища на неопределенно долгое время.

Постановили: закрытие Синодального училища невозможно по следующим соображениям:

В годы, когда гибнет и так много культурных ценностей, весьма желательно сохранить единственное в России учреждение — Синодальное училище, где могут получить музыкальное образование талантливые дети из простого русского православного народа при совершенной недоступности для них консерваторского образования. Мы не говорим уже о том моральном вреде, который произойдет вследствие лишения наших учеников воспитательного воздействия со стороны училища, так как все они — дети бедных родителей и сразу же подпадут по закрытии училища влиянию улицы.

Так как закрытие училища диктуется главным образом хозяйственными соображениями, то необходимо уяснить, действительно ли закрытие его поведет к такой экономии в средствах, которая даст возможность свести концы с концами в этом отношении. Синодальный хор, как обслуживающий Успенский собор и необходимый для пения в присутствии высочайших особ, не может быть распущен. Следовательно, все равно необходимо довольствоваться пищей в стенах училища сто человек, необходимо отапливать все зда-

* Машинописная копия. *О сокращении занятий в Синодальном училище в 1917 году* — РГАДА, ф. 1183, оп. 9, ч. 2, № 36 за 1916 год, л. 10—11. В деле находятся: письмо из Св. Синода прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову с решением о сокращении занятий, выписка из хозяйственного журнала Синодального училища, финансовые документы и др.

Правление Синодального училища церковного пения и хора 12 декабря 1916 года заседало в составе: директор училища А. Д. Кастальский, регент хора Н. М. Данилин, старший воспитатель училища К. П. Успенский, преподаватели Н. Н. Сокольский и А. А. Петров, заведующий хозяйством училища Д. И. Кокорин.

ние (все три этажа, так как в нижнем этаже без отопления сырость причинит большие убытки, чем расходы на дрова), необходимы расходы всем на одежду, как оставшимся в хоре, так и ученикам регентских классов, отпущенным по домам. Из 139-ти человек многие не имеют родителей, так что разве только одна четверть указанного числа может быть отправлена домой. Таким образом, экономия создается лишь в расходах на пищу, именно в 6000 рублей в год, что при бюджете училища в 180 000 рублей окажется незначительной суммой. Можно разве только без существенного нарушения интересов училища и хора несколько ранее устроить отпуск воспитанников на летние каникулы. Именно, закончить учебный год 18 марта, что даст сокращение в пребывании учеников в течение двух с половиной месяцев. Для пения в хоре в летнее время можно оставить в училище из учеников певческого отделения не более 25-ти человек, которых вполне достаточно для пения в Успенском соборе. Указанные меры поведут, конечно, к сокращению расходов в 1917 году, определить степень которых при быстро растущих ценах на продукты и на все вообще предметы первой необходимости представляется невозможным. Что же касается предложения закончить текущий год при ассигнованиях, положенных по смете на этот год, то вследствие произведенного уже перерасхода это невозможно. Чтобы покрыть существующий дефицит, пришлось бы закрыть училище на неопределенно долгое время, невозможность чего указана выше.

**Выписка из определений
Московского столичного совета оо. благочинных.
14 декабря 1916 года***

Статья 4.

Слушали: составленную священником Д. В. Аллемановым записку «О мерах к возвышению уровня знаний по церковному пению у православных священнослужителей».

Находя вообще вопрос о мерах к возвышению благолепия в пении и чтении годового круга богослужений в храмах г. Москвы заслуживающим особого внимания и необходимым для практического осуществления, ввиду замеченного понижения искусства и знания церковного пения среди низшего клира в г. Москве, определили:

* *Московские церковные ведомости, 1917, № 5/6, 4 февраля. Официальный отдел. С. 31—32.*

Хотя данный и следующий документы не относятся непосредственно к архиву Синдального училища, составители включают их в данный раздел, поскольку тексты принадлежат авторам из среды Синодального училища, и в них поднимаются проблемы, ранее привлекавшие внимание Наблюдательного совета.

а) ходатайствовать пред его высокопреосвященством о разрешении войти в Наблюдательный совет церковного пения при Московском Синодальном училище с особым представлением об организации и инструкторовании фактического контроля за церковно-певческими хорами в г. Москве;

б) просить владыку-митрополита о назначении в Наблюдательный совет особого представителя от духовенства из состава совета благочинных г. Москвы с правом хотя бы совещательного голоса;

в) разрешить открыть в будущем 1917 году в г. Москве после Пасхи шестинедельные церковно-певческие и вместе миссионерские курсы для псаломщиков и диаконов г. Москвы с обязательным преподаванием церковного чтения;

г) организация церковно-певческих курсов, составление программы и условий приема; заведование [курсами] возложить на протоиерея И. И. Восторгова;

д) просить разрешения его высокопреосвященства войти в Московскую Духовную консисторию с ходатайством об отпуске на расходы по организации церковно-певческих курсов потребной суммы 3500 рублей, ежегодно отпускаемых в распоряжение Московского Епархиального совета на епархиальные миссионерские курсы и значащиеся ежегодно в смете;

е) в целях возвышения уровня знаний по церковному пению и чтению у священно- и церковнослужителей и поднятия пения и чтения в храмах г. Москвы на должную высоту образовать особое церковно-певческое общество с постоянным хором диаконов, псаломщиков, а также, если на то последует согласие Епархиального Училищного совета, из учителей и учительниц церковно-приходских школ г. Москвы;

ж) составление устава вышеназванного общества; представление его на благоусмотрение и утверждение его высокопреосвященства возложить на председателя Совета протоиерея И. И. Восторгова по соглашению с протоиереем Металловым, священником Аллемановым и другими осведомленными лицами.

Статья 5.

Заслушав заявления некоторых оо. благочинных о возрастающем и учающемся произнесении в некоторых храмах г. Москвы ектений Чеснокова, напоминающих театральные песни, лишенных молитвенного характера и вообще чуждых православно-церковного строя, определили: довести чрез оо. благочинных до сведения настоятелей церквей, что произнесение таких ектений должно быть совершенно воспрещено.



1917 год

Доклад протоиерея В. М. Металлова митрополиту Московскому Макарию о состоянии церковно-певческих хоров Москвы.

3 января 1917 года*

Обозрев по поручению Вашего Высокопреосвященства многие церкви г. Москвы в отношении состояния церковного пения и церковных хоров, имею долг доложить нижеследующее:

1. В отношении внешнего благоустройства смешанных хоров из мужчин и женщин и благоповедения их в храме принятыми по указанию Вашего Высокопреосвященства мерами достигнуто благоприличное стояние певчих в храме, на виду у молящихся, обыкновенно за клиросом, где устраняется тем самым возможность певчим сидеть, разговаривать между собой и нарушать благоприличие в храме поведением своим, а затем достигнуто единообразие в костюмах женщин, теперь повсюду скромных, закрытых, темного цвета, и в головных уборах, темных или белых, по тому образцу, как у сестер милосердия.

2. В отношении исполнения песнопений замечается улучшение в примерах пения, более скромных, церковных, чем раньше, и старании ввести в хорах более стройное и более строгое выполнение предписаний церковного устава и установленных церковных традиций, а также указаний в отдельных случаях оо. настоятелей и распоряжений епархиального начальства.

3. В выборе песнопений более строгая разборчивость в духе церкви и церковного богослужения и установившихся старинных местных традиций при более строгом и осмотрительном отношении к новым произведениям церковно-музыкального искусства, преследующим обыкновенно более музыкальные и художественные цели, в ущерб духовным потребностям церкви и молящихся, для коих новаторские опыты этого рода часто совсем не понятны, для коих важнее текст священных песнопений, а не музыкальные украшения в напеве.

Для усовершенствования дальнейшего состояния церковного пения в исполнении церковно-певческих хоров, как показало наблюдение, следует обратить внимание на то:

1) чтобы гласовое и негласовое пение употреблялось предпочтительно перед партесным в употребительных издавна напевах церковных: обычном, знаменном или столповом, киевском, греческом, болгарском и других местных, монастырских;

* *Московские церковные ведомости, 1917, № 3—4. С. 19—22.*

2) чтобы эти напевы как в отношении священного текста, так и в отношении мелодий и ритма исполнялись тщательно, неторопливо, отдельно, внятно и благоговейно, без всяких признаков небрежности или попыток изменений, дополнений, сокращений и ненужных повторений в тексте, как, например: «Тебе Господи, Господи», — «Аллилуйя 3-жды, Слава тебе, Боже, Слава Тебе, Боже» (как в «Блажен муж»); «Яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил, сотворил еси», «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние, достояние Твое», «Величит душа моя Господа и возрадовался дух мой о Бозе, о Бозе Спасе моем»; «Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом, уповахом на Тя»; «Уста моя возглаголют премудрость и поучение сердца моего разум, сердца моего разум»; «Аминь, Аминь» и проч. Все это легко может быть пропето без ненужных повторений текста, как и в песнопении «Единородный Сыне» конец: «Спаси нас, спаси нас»; в «Видехом свете истинный» конец: «Та бо нас спасла есть, спасла есть». Также должна быть избегаема неправильная расстановка текста, особенно в часто употребляемых песнопениях, как «Святых лик обрете источник жизни (остановку делают) и дверь райскую, да обрящу и аз путь покаянием», — тогда как правильная расстановка слов такая: «Святых лик обрете источник жизни и дверь райскую (остановка), да обрящу и аз путь покаянием»; в 9-й песни ирмосов 7-го гласа в конце: «Село Невместимаго (делают остановку) Зиждителя Твоего Тя величаем», тогда как следует «Село Невместимаго Зиждителя Твоего (остановка) Тя величаем»; в тропаре на Введение в конце: «Радуйся, смотрения (делают остановку) Зиждетелева исполнения», тогда как следует: «Радуйся (остановка), смотрения Зиждетелева исполнения»;

3) чтобы из хоровых изложений на священный текст были предпочтительны переложения с церковных напевов собственным сочинениям композиторов, а из сочинений сих последних были избираемы более соответствующие духу и характеру православного богослужения, с исключением из обращения в клиросной практике всех произведений с отпечатком светского хорового и концертного пения, с преобладанием сольных выступлений и приемами новаторскими в композиции и исполнении, рассчитанных на драматизм впечатления, а не на создание благоговейного настроения в слушателях, что составляет самое существенное для стоящих при богослужении;

4) чтобы пение хоров было согласовано с возгласами, молитвами и действиями священнослужущих, не ускорялось и не замедлялось, чтобы в первом случае не получалось от этого моментов непонятного стоящим во храме молчания, а во втором — не подвергаться вынужденному молчанию самим священнослужущим, для достижения чего руководители певцов должны тщательно знать устав и порядок богослужения и сознательно участвовать в богослужении, а не выполняя только механически известные певческие номера по своему личному музыкальному пониманию, имея в виду, что пение предназначается для храма и богослужения, а не наоборот;

5) чтобы во всех случаях, где это возможно по усмотрению оо. настоятелей, и даже при архиерейских служениях общеизвестные песнопения исполнялись всенародно под руководством кого-либо из клириков;

6) чтобы по возможности при церквах, особенно где есть школы, [создавались] свои собственные церковно-певческие хоры, взамен хоров профессиональных, исполняющих свои обязанности нередко небрежно, являющихся на клирос часто в минимальном количестве 8, 7, 6 и даже 5 человек и дающих самое жалкое пение при значительных требованиях денежного вознаграждения, которое с успехом могло быть обращено на организацию своего приходского хора, управителями которого могли быть сведущие в деле клирики;

7) чтобы поддержать старинные традиции в составе церковно-певческих хоров, куда исстари входили певцы-мужчины и мальчики, при торжественных службах, особенно архиерейских и в особо старинных и видных храмах, как Покровский или Василия Блаженного собор, собор Казанский и другие, весьма желательно в исполнении пения участие только хоров одного мужского состава, из мужчин и мальчиков. Участие женских хоров при архиерейском служении является вполне уместным в женских монастырях и женских учебных заведениях, приютах;

8) чтобы облегчить возможность организации церковно-приходских хоров, полезно способнейшим в пении приходским псаломщикам посещать регентские курсы, существующие при московском Обществе любителей церковного пения, где они могли бы твердо усвоить и правила с примерами регентования хором, и правила музыкально-теоретические, равно и улучшенные способы пения осмогласных песнопений обычного напева и напевов старинных, сохраняемых в изданных Обществом нотно-певческих книгах на все случаи обычным московским напевом, содержащих Всенощное бдение, Литургию, песнопения Праздников, Постной и Цветной триоди и проч.;

9) почин в организации церковно-приходских хоров, содействие устройению церковно-приходского пения, тщательность выбора церковных песнопений для богослужения, наблюдение за исполнением церковных песнопений при богослужении, наблюдение за благоповедением певческих хоров при богослужении, согласно существующим законоположениям, лежит на оо. настоятелях церквей, и только в случаях затруднительных им на помощь приходят особо назначаемые епархиальным начальством лица наблюдателей за церковно-певческими хорами.

Протоиерей Василий Металлов.

**Постановление Наблюдательного совета Синодального училища
церковного пения о мерах по улучшению надзора
за частными церковно-певческими хорами.**

30 января 1917 года*

Наблюдательный церковно-певческий совет при Московском Синодальном училище в заседании от 30 января сего 1917 года, заслушав доклад члена-наблюдателя А. В. Никольского, заведующего частными духовно-певческими хорами в Москве¹, постановил опубликовать к сведению отцов настоятелей, церковных старост, хоросодержателей и певцов нижеследующее²:

1а) Исходя из мысли о том, что взаимоотношения сторон — храмовой администрации и духовных хоров — регулируются специальным Уставом церковно-певческих хоров г. Москвы, утвержденным определениями Св. Синода 15 июля 1906 года и 12 декабря 1911 года и в свое время напечатанным в «Московских церковных ведомостях» по резолюции высокопреосвященнейшего митрополита Владимира, «на тот предмет, чтобы московское духовенство содействовало проведению в жизнь сделанных в Уставе предначертаний Св. Синода»;

1б) вместе с тем, констатируя как факт довольно частое с обеих сторон нарушение этого Устава (например, в вопросе об открытии хоров и др.), Наблюдательный совет вынужден заявить, что так как упорядочение церковного хорового пения немислимо направить по должному пути при наличности вышеуказанного фактора, то члену-наблюдателю вменяется в особливую заботу следить за точным исполнением требований Устава обеими сторонами и о всех случаях нарушения его, ставших члену-наблюдателю известными, немедленно доводить до сведения Наблюдательного совета для соответствующих с его стороны распоряжений и мероприятий.

Ввиду вышеизложенного Наблюдательный совет считает необходимым обратить особое внимание храмовой администрации и хоросодержателей на следующие параграфы Устава церковно-певческих хоров³. <...>

* Машинописная копия. *Протоколы заседаний правления и Наблюдательного совета* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 94, л. 2 об.—5. В деле представлены: журналы Наблюдательного совета от 4 и 19 декабря 1912 года, 25 октября 1916 года, 30 января и 6 октября 1917 года, а также хозяйственный журнал правления с протоколом от 21 марта 1917 года (среди документов — письмо прокурора Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанова к училищной корпорации от 12 октября 1917 года).

Заседание 30 января 1917 года проходило под председательством прокурора Московской Св. Синода конторы Ф. П. Степанова в присутствии директора училища А. Д. Кастальского, регента хора Н. М. Данилина, неперменного члена священника Д. В. Аллеманова и членов Совета В. С. Калининкова, М. М. Ипполитова-Иванова, священника А. И. Речменского и заведующего духовно-певческими хорами в Москве А. В. Никольского.

3а) Надзор за пением частных хоров в приходских храмах в высшей степени затруднен отсутствием определенных и точных сведений в распоряжении члена-наблюдателя о том, чей хор, под чьим управлением, с какого времени и какие именно службы (всенощное бдение и раннюю обедню только или сверх того позднюю литургию) поет в данной церкви. Ввиду этого Наблюдательный совет настойчиво предлагает не только хоросодержателям, но и лицам храмовой администрации обязательно сообщать члену-наблюдателю А. В. Никольскому (Синодальное училище) вышеупомянутые сведения. (Двухсторонние сведения нужны потому, что хоросодержательские сведения не касаются церкви, обслуживаемых самостоятельными церковно-певческими организациями.)

3б) Так как личная ревизия хоров во всех московских приходских храмах — постоянная и непосредственная — крайне затруднительна для одного члена-наблюдателя, то Наблюдательный совет предлагает отцам настоятелям, церковным старостам и хоросодержателям (как бы мал хор последних ни был) войти в сношения с членом-наблюдателем по собственному почину указанных лиц, чтобы установить связь с представителями надзора и сделать таковой более своевременным в потребных случаях (§ 15, прим. 2 к § 23, § 30, 34—39).

4) Борьбу с репертуаром, не подходящим к церкви, с недочетами самого исполнения и прочими дефектами хоров (§ 25—28) Наблюдательный совет предлагает храмовой администрации не ограничивать мерами непосредственного воздействия и внушения на хороуправителей, а непременно сообщать о недочетах хора члену-наблюдателю. В частности, относительно пьес, исполнение которых признается в данной церкви почему-либо особенно желательным или, наоборот, совсем нетерпимым и на этой почве возникают трения между администрацией храма и хором, следует обеим сторонам сообщать члену-наблюдателю название и имя автора спорной пьесы для установления через Наблюдательный совет степени допустимости данной пьесы к богослужебному применению. Наблюдательный совет надеется таким путем достичь постепенного оздоровления певческого репертуара, так как для составления устойчивого и вполне исчерпывающего перечня допустимых песнопений имеются совершенно непреодолимые препятствия. Вообще же в отношении к вопросу о репертуаре должно руководиться точным смыслом § 25 Устава [церковно-певческих хоров].

5) Во устранение часто наблюдаемой манерности пения, театральности и страстности в самом давании звука, а также увлечения пьесами с solo на фоне аккомпанирующего хора хороуправителям вменяется в обязанность бороться с указанными явлениями всеми мерами регентского воздействия на хор и стремиться к исполнению скромному, изящно простому и вполне безыскусственному по духу и общим приемам пения. (Песнопения с канонархом или написанные в стиле близком к таковым не только не исключаются настоя-

щим пунктом, но и должны быть признаваемы наиболее уместными для богослужебного применения.)

б) Ввиду крайней необходимости поднять уровень музыкального образования и церковно-певческого вкуса и понимания среди хороуправителей Наблюдательный совет, согласно § 6 Устава, заявляет, во-первых, что по истечении 1917 года разрешение на управление отделениями больших хоров будет даваться только тем лицам, кои получат по испытанию в особой комиссии Наблюдательного совета свидетельство на звание «регент частного хора» или представят другое свидетельство, соответствующее по правам, и, во-вторых, что дробление больших хоров на отделения будут допущены только при условии, если эти хоры обеспечены достаточным кадром дирижеров, имеющих установленный § 6 Устава ценз.

Комментарии

1. Рукописный автограф доклада А. В. Никольского (в плохой сохранности) находится в деле: *Переписка Наблюдательного совета по упорядочению церковно-певческого дела в Москве* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 100, л. 3—4 об.

2. Постановление Наблюдательного совета от 30 января 1917 года было опубликовано в «Московских церковных ведомостях», 1917 год, № 13/14. С. 76—78.

3. В опущенном фрагменте документа цитируются § 3—6, 7 и 22 Устава церковно-певческих хоров г. Москвы (см. выше).

**Докладная записка члена Наблюдательного совета А. В. Никольского
«Об учреждении постоянной репертуарной комиссии для отбора
духовно-музыкальных композиций, допускаемых к применению
за богослужением и внехрамовыми требами».
20 февраля 1917 года***

Известно, что количество духовно-музыкальных произведений печатных очень велико, достигло 10—12-ти тысяч отдельных номеров. Наряду с этим

* Автограф. *Дело о рассмотрении Наблюдательным церковно-певческим советом нотных духовно-музыкальных сочинений и переложений, поступивших от духовно-цензурных комитетов в 1917 году* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 99, л. 41—43 об.

Помимо доклада А. В. Никольского в данном деле содержатся письма авторов духовно-музыкальных сочинений в Наблюдательный совет, рецензии Никольского на вновь присланные произведения. Здесь же помещено письмо Никольского к прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову от 20 февраля 1917 года, в котором он просит рассмотреть доклад об учреждении репертуарной комиссии на ближайшем же заседании. Какие-либо свидетельства того, что подобное обсуждение состоялось, в архиве не обнаружены. Однако основные мысли доклада Никольского вошли в проект резолюций по церковному пению Поместного Собора 1917—1918 года (см. публикацию материалов Поместного Собора в третьем томе).

в клиросном употреблении наших духовных хоров имеется не одна сотня нотных песнопений, не изданных в печати и расходящихся повсюду в рукописях. При обилии количественном церковно-хоровая литература наша крайне разнообразна и в качественном отношении, причем перевес оказывается на стороне таких произведений, которые или совсем не удовлетворяют самым скромным требованиям, могущим быть предъявленным к ним как с музыкальной точки зрения, так особенно с церковно-богослужебной, или же стоят на границе едва терпимого церковно-музыкального искусства; и только сравнительно небольшая часть из того, что поется в храме или предназначено к тому, заслуживает действительное право на богослужебное применение. Разобраться в этом пестром и безбрежном мире духовно-музыкальных сочинений чрезвычайно трудно, а в то же время и безусловно необходимо. Необходимо потому, что одна из самых существенных причин к недовольству хорами лежит именно в том, что ими за богослужением исполняется много такого, слушанию чего противится религиозно-эстетическое сознание молящихся. Выбор нотных песнопений, предоставленный разумению и вкусу в одних местах регента, независимо от его ценза, в других — вкусу членов причта или старосты или же влиятельных прихожан, любителей и «знатоков» пения, приводит нередко к полному извращению задач и целей церковно-хорового пения, к искажению самого богослужения и вместе с этим служит нескончаемым источником к всевозможным столкновениям храмовой администрации с хоросодержателями и регентами. Вполне понятным становится поэтому часто высказываемое пожелание заинтересованных сторон о том, чтобы такое компетентное учреждение, каким является Наблюдательный церковно-певческий совет при Московском Синодальном училище, взяло на себя труды по изданию для руководства в репертуаре церковном специального перечня нотных песнопений, допустимых при богослужении. Этого пожелания нельзя не разделять, так как зло, проистекающее от вышеописанной «автономности» репертуарного вопроса, действительно велико и долее терпимо быть не должно. А какое средство, кроме издания каталога допустимых нотных песнопений, можно еще предложить для врачевания этого несомненно больного места в нашем церковно-певческом деле?! Скажут: «Таких средств имеется два. Во-первых, духовно-музыкальная цензура, во-вторых, надзор члена-наблюдателя». Остановимся на этом возражении:

а) Для того, чтобы не допустить появления на свет духовно-музыкальных произведений, не соответствующих своему назначению, цензура, конечно, является действенным средством. Но область ее действенности весьма ограничена. В цензурный комитет представляется за последние 10—12 лет лишь очень небольшая часть сочинений, при этом, главным образом, только такими авторами, которые, заметно, видят в цензурном разрешении «одобрение» их творчества, на признание которого без этого условия авторы,

очевидно, сами часто не рассчитывают. Большая же часть издаваемых пьес обходится совершенно без цензуры и, стоит отметить, чаще всего произведения этой категории принадлежат к разряду лучших в нашей духовно-музыкальной литературе, то есть, по крайней мере, наиболее удовлетворяющих музыкальным требованиям, хотя нередко и спорных с точки зрения церковно-богослужебной. Таким образом, помешать просачиванию не всегда желательных произведений в область клиросной литературы цензура не в силах. А тем более она бессильна относительно рукописных сочинений, то и дело распеваемых в церквах за богослужением. Следовательно, певческий репертуар в большей своей части остается совершенно вне пределов досягаемости для духовно-музыкальной цензуры.

б) Еще того менее действен в смысле оздоровления певческого репертуара надзор члена-наблюдателя. Дело в том, что проследить, что поется в церквах московских частными хорами, одному лицу физически невыполнимо, и в лучшем случае член-наблюдатель может обнаружить лишь отдельные случаи в пользовании со стороны хоров недозволенным репертуаром. Запрещение одного-двух десятков номеров, вне сомнения, есть не более как паллиатив, и притом крайне слабый, и это там, где нужны меры радикальные и в широком масштабе.

Можно сказать по поводу самого перечня-каталога, что для пресечения зла в репертуарном вопросе важна не столько наличность такого перечня, сколько его обязательность, а особых надежд на то, чтобы указания каталога осуществлялись, нельзя питать, как это уже доказано опытом ранее бывших попыток Наблюдательного совета в этом направлении.

В этом возражении безусловно убедительным аргументом является указание на необходимость обеспечения перечню его обязательности, без которой перечень окажется неспособным заметно повлиять на оздоровление репертуара. Действительно, каталог допустимых к богослужению пьес может иметь свое значение только при условии его обязательности для хороуправителей и лиц храмовой администрации. Вследствие этого соображения составление и издание такого каталога должно быть организовано таким образом, чтобы авторитетность его и сама по себе не могла быть заподозрена и, кроме того, чтобы высшая церковная власть санкционировала руководственное назначение каталога и тем самым придала ему характер обязательности.

На вопрос — как этого достичь? — можно предложить следующее.

Прежде всего нельзя смотреть на работу по составлению каталога иначе, как на имеющую огромное принципиальное значение. Поэтому для ее исполнения недостаточно просто избрать комиссию из нескольких лиц и поручить ей действовать. При таком условии работа явилась бы отражением лишь тех личных взглядов, вкусов и разумения, какие окажутся у избранных членов. Надо, чтобы работа комиссии опиралась на основательно про-

думанные и научно выработанные общие положения, которые служили бы критерием при суждении о достоинстве пьес и, насколько можно, исключали бы опасный для дела субъективизм в расценке, а это предупреждало бы такие тормозы, как расхождение взглядов.

Само собой понятно, что предварительная выработка принципов, долженствующих лечь в основу работы, может потребовать для себя очень большого количества совещаний и, следовательно, стать трудом весьма значительным и длительным. Это обстоятельство получает особое значение при решении вопроса о том, должна ли комиссия быть временной или постоянной, а также труд членов ее может ли оставаться безвозмездным или должен быть оплачен? Но об этом ниже.

Общие положения должны быть внесены комиссией на рассмотрение Наблюдательного совета *in concreto* и только после одобрения их советом приняты в основу дальнейшей комиссионной заботы. Таким образом, первым этапом в деле составления каталога должно быть установление принципиальных оснований для него, каковая работа должна пройти чрез комиссию в своей подготовительной стадии и чрез Совет для окончательного утверждения.

Саму работу по составлению списков допускаемых и недопускаемых пьес не следует делить между членами, как это часто практикуется. Такая работа свелась бы к ряду единоличных отзывов, сообщаемых то одним, то другим членом к сведению прочих членов комиссии, и не была бы в действительности трудом и мыслью коллективными. Необходимо, чтобы суждения о каждой пьесе велись комиссией непременно сообща, при одновременном ознакомлении с нею всех членов в самом заседании и чтобы одобрение или неодобрение было результатом голосования. Важность от последствий того или иного суждения обязывает комиссию к вящей осмотрительности в ее решениях, почему и нужен именно тот порядок работы, который указан выше, а не иной.

Ввиду чрезвычайно большого количества пьес, подлежащих рассмотрению комиссии, ее заседания должны быть сколь возможно часты (например, еженедельно по 2—3 раза), иначе работа никогда не будет завершена. При вышеописанном порядке занятий комиссии надеяться на большое число просмотренных сочинений едва ли возможно, и не будет ошибкой определить это число тремя-четырьмя десятками отдельных пьес.

Ясно, что при таких условиях работа комиссии не может рассчитывать на окончание в точно определенный срок и должна поэтому рассматриваться отнюдь не как временная, а как постоянная. Это вытекает как неизбежный результат из вышеизложенного.

Не следует бояться того, что проектируемые занятия комиссии, хотя бы и не временной, а постоянной, окажутся чрезмерно затяжными и что при возможности рассмотрения в заседании 3—4-х десятков номеров полный

каталог всей духовно-музыкальной литературы, насчитывающей свыше 10 тысяч пьес, не выйдет в свет ранее, чем через 10 лет, за какое время литература, постоянно пополняемая новинками, численно возрастет не менее как на половину теперешнего количества, требующего нового пятилетия для своего рассмотрения, и т. д. Эти опасения отпадают сами собой, если допустить, что результаты трудов комиссии будут печататься в форме ежемесячных бюллетеней. Это дает возможность лицам, заинтересованным в личности списка дозволенных песнопений, опираться сперва на сравнительно небольшой перечень, а с течением времени на все более и более обширный. Ясно, что в конце концов в репертуарном вопросе постепенно достигнется известное улучшение, которого, по сравнению с настоящим положением, нельзя не считать шагом вперед. Как ни медленна будет работа комиссии, но признать ее бесплодной все же не будет возможным. Тем более, что в первый бюллетень войдут пьесы, цензурой разрешенные и одобренные, причем работа комиссии не окажется длительной, потому что она сведется к составлению почти уже готового списка: частью по официальным объявлениям, помещаемым в последние годы в «Церковных ведомостях» (синодских) почти ежемесячно, частью по титульным страницам самих нотных изданий, где всегда имеются указания цензуры на разрешение к печатанию. Этот бюллетень не будет излишним хотя бы потому, что в настоящее время под руками регентов совершенно нет целого списка дозволенных цензурую пьес, а имеются лишь разрозненные указания на это, да и их приходится искать в отдельных выпусках «Церковных ведомостей».

Учреждение постоянной репертуарной комиссии при Наблюдательном совете с ее полномочиями и инструкцией деятельности надо провести чрез высшее духовное начальство с тем, чтобы это было опубликовано как определение Св. Синода, причем было бы упомянуто, что ежемесячные бюллетени работ комиссии имеют значение официальное и подлежат обязательному проведению в жизнь и практику церковных хоров.

Труд членов комиссии должен быть платным, так как этот труд имеет быть вполне регулярным и достаточно интенсивным. Обязательная работа не менее двух—трех раз в неделю продолжительностью от 2—3-х часов, конечно, не может быть иною, как за вознаграждение. Количество членов комиссии должно быть не более четырех—пяти человек, так как более численные коллегии всегда угрожают отсутствием кворума, отчего работа стала бы только тормозиться. Комиссия должна быть составляема из членов Наблюдательного совета и лишь в крайнем случае из приглашенных со стороны лиц по избранию того же Совета. (NB. Бюллетени комиссии проходят чрез одобрение Совета.)

Размер вознаграждения членов комиссии устанавливается в равной для каждого члена сумме, а именно, в 900—1200 рублей годового содержания исходя из расчета поурочной оплаты преподавательского труда. <...> Та-

ким образом, содержание комиссии из четырех лиц обойдется в год от 3600 рублей до 4900 рублей, из пяти — 4500—6000 рублей.

Работа комиссии будет обслуживать не одну Москву, а всю Россию. Поэтому считать расход по ее содержанию чрезмерным никак нельзя, тем более что от этой работы имеются все основания ожидать крайне благоприятных последствий. Вне сомнения, репертуар церковных хоров настойчиво требует оздоровления. Это большой вопрос не только для одной Москвы. А что от него страдают и прочие стороны церковно-певческого дела — это ясно всем, кто стоит близко к этому делу.

В случае согласия Наблюдательного совета с вышеизложенными основаниями проектируемой комиссии надо приступить к составлению Устава репертуарной комиссии и инструкции для нее.

А. Никольский.

**Приветственная телеграмма
директора Синодального училища А. Д. Кастальского
в связи с назначением В. Н. Львова обер-прокурором Св. Синода.
27 февраля 1917 года***

Московское Синодальное училище церковного пения и Синодальный хор радостно приветствуют в Вашем лице новое правительство, твердо веря, что новый строй дает возможность осуществить задачи свободного народного искусства церковного пения, к чему училище и хор постоянно стремились, не встречая должной поддержки.

Директор Кастальский.

**Ответная телеграмма обер-прокурора В. Н. Львова А. Д. Кастальскому.
[Март] 1917 года****

Приношу Вам и Московскому Синодальному училищу церковного пения мою искреннюю благодарность за приветствие и благопожелание.

Владимир Львов.

* Автограф. *Приветствие обер-прокурору В. Н. Львову от Московского Синодального училища* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 151, л. 3.

** Телеграмма. Там же, л. 5.

**Обращение к обер-прокурору Св. Синода В. Н. Львову
прокурора Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанова,
директора училища А. Д. Кастальского, старшего воспитателя
К. П. Успенского и регента Синодального хора Н. М. Данилина
в связи с бедственным положением педагогической корпорации
Синодального училища и хора.
2 февраля 1917 года***

Управляющий синодальными имуществами, Синодальным училищем и хором, администрация и преподаватели Синодального училища и хора приветствуют в Вашем лице новый строй и заявляют о полнейшей своей готовности теперь же приступить к устройству жизни и управления училища и хора в духе новых начал. К этому мы безуспешно стремились долгое время, делая неоднократные представления о желательных и крайне необходимых преобразованиях строя Синодального училища и хора.

Помимо бесправия училища и персонала его, состоящего на положении не преподавателей, а забытых чиновников синодального ведомства, вопиющая материальная необеспеченность побуждает нас в настоящий момент, когда мы не получаем даже законных прибавок на дороговизну, выданных всем чиновникам, обратиться к Вам как члену Временного правительства с просьбой принять меры к улучшению нашего материального положения.

Желательно теперь же назначить оклады содержания по расчету таких в духовных семинариях, так как Синодальное училище церковного пения имеет 10-летний курс, соответствующий курсу общеобразовательных предметов духовного училища и духовной семинарии, с присоединением курса музыкальных предметов в объеме высшего музыкального учебного заведения.

Вместе с тем считаем неотложным обратить Ваше внимание на крайнюю материальную необеспеченность взрослых певчих Синодального хора, оклады и содержание [которых] необходимо повысить на 50%.

Для удовлетворения указанных в данной записке нужд к получаемому нами содержанию необходима в настоящее время субсидия в размере 50000 рублей.

Что же касается прибавок, выдаваемых всем чиновникам на дороговизну и не получаемых до сих пор нами, то просим Вас распорядиться о немедленной выдаче таких согласно положению Совета Министров о процент-

* Машинописная копия с рукописной правкой. *Приветствие обер-прокурору В. Н. Львову от Московского Синодального училища* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 151, л. 6—7. В деле находятся печатные, машинописные и рукописные статьи и документы, связанные со сменой власти в стране и приездом в Москву нового обер-прокурора Св. Синода.

ных прибавках к содержанию правительственных служащих по случаю вызванного войной вздорожания жизни (Собрание узаконений и распоряжений правительства от 27 октября 1916 года за № 297).

Управляющий Синодальным училищем и хором Ф. Степанов,
директор училища и хора А. Кастальский.
Представители училища и хора К. Успенский, Н. Данилин.

**Доклад директора Синодального училища А. Д. Кастальского
обер-прокурору Св. Синода В. Н. Львову
о сути деятельности Синодального училища и хора.
13 марта 1917 года***

В пояснение посланной Вам Синодальным училищем и хором телеграммы, в которой выражена твердая вера в осуществление при новом строе задач свободного народного искусства церковного пения, хотелось бы высказать Вам несколько слов.

Коренная основа нашего церковного пения, обычные напевы, являются вполне народным искусством, так как они вырабатывались столетиями и многими поколениями певцов. Эти напевы (главным образом гласовые) особенно крепко утвердились в центральной России с Москвою во главе. Но чистота их значительно поблекла от соприкосновения с безжизненным и бесцветным придворным напевом (особенно бессодержательны так называемые «простые» напевы литургии). Но еще более потеряло наше пение

* Машинописная копия с подписью-автографом Кастальского. *Дело о проекте нового Устава Синодального училища. 1914—1917 гг.* — РГИА, ф. 797, оп. 96, № 261, л. 51—51 об. На 1-м листе доклада печать Хозяйственного управления при Св. Синоде с датой 17 марта 1917 года.

Копия доклада хранится также в деле: *Приветствие обер-прокурору В. Н. Львову от Московского Синодального училища* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 151, л. 4—4 об. На 1-м листе этого экземпляра доклада рукой Кастальского красными чернилами написано: «Прочитано директором А. Кастальским при посещении В. Н. Львовым Синодального училища 13 марта 1917 года». На л. 4 об. рукой Кастальского приписано: «На собрании 11 марта корпорации Синодального училища и представителей хора выбрана комиссия для ознакомления с состоянием денежных сумм по содержанию училища и хора и ведению хозяйства. Избраны: о. Кедров, Данилин, Кокорин, Сокольский и от хора Кустов и Папашвили. Делегатами в бюро Союза духовных учебных заведений избраны: А. В. Никольский (заместитель Данилин) и Н. С. Ермонский. Делегатом в бюро Союза московского духовенства избран Н. М. Данилин (заместитель Никольский). Делегатом для выбора кандидатуры на кафедру Московского митрополита избран В. И. Кедров».

Высказанные в данном докладе мысли красной нитью проходят через письма А. Д. Кастальского 1917—1918 годов, а также его статьи «Из воспоминаний о последних годах» и «Церковное пение и Московское Синодальное училище» (см. первый том серии).

простоты и выразительности от неуместно слащавых партесов, толчок к чему дал придворный хор. Исполнение становилось вычурным, богослужебный текст отходил на второй план. Придворная капелла готовила регентов, усвоивших только искаженные напевы. Естественно, назрела потребность вернуться на прямую дорогу, выправлять напевы, выживать из русского храма неуместную музыку и неподходящее исполнение, готовить иной, отличный от Капеллы тип регентов.

Создалось Московское Синодальное училище; стараниями Смоленского стали собираться в его хранилище древние крюковые и нотные рукописи в качестве мелодического материала для расширения песнотворчества. Под руководством Орлова Синодальный хор стал отучаться от не подходящего храму репертуара и его исполнения; создалась на основе церковных напевов новая школа композиторов. В противовес придворному Обиходу издан Обиход Синодального хора. Но с закрытием регентских классов Капеллы кадр кончающих курс учеников Синодального училища не может (за малочисленностью) удовлетворять всех запросов на регентские места. Постоянные просьбы из провинции о регентах только отчасти удовлетворяются командировкой на лето учеников старших классов для организации хоров и упорядочения их. Организована при училище комиссия, выдающая достойным свидетельства на звание регента частного хора. Но все же специальность церковного пения и регентство до сих пор унижены перед другими музыкальными специальностями, по которым консерватории дают высшее звание свободного художника. Расширенные программы художественно-музыкальных предметов училища приравнивают его к типу высших музыкальных академий. Синодальный хор по поводу его концертной поездки в 1911 году признан в Западной Европе хранителем национальных традиций в своем искусстве и глашатаем новых в нем народных течений. Но в продолжение ряда лет Синодальное училище тщетно стучится в двери как законодательных палат, так и своего ведомства, добиваясь и прося признания и узаконения своих прав и штатов; а Синодальный хор за его, силою вещей, отличную и противоположную Придворной капелле деятельность как в выборе песнопений, так и в манере петь совершенно неожиданно и несправедливо удостоился порицания со стороны бывшего главы государства, что, конечно, не преминули злорадно отметить и в синодских сферах.

Таким образом, стремления и училища и хора все время находятся в стадии ожиданий поддержки и признания правильности их пути со стороны правящих кругов. А между тем новый демократический строй, давая полную свободу всем вероисповеданиям, открывает им и возможность широкой пропаганды, с которой бороться первенствующей Православной церкви придется во всеоружии не только красоты ритуала, но и самобытной красоты и выразительности народно-церковной музыки и ее исполнения. Недавно еще в печати возвещали о появлении у нас вагнеристов, даже и в церков-

ной музыке. Немецкое засилье грозит нам и здесь. Мы рискуем окончательно потерять связь со своим же народом. Как бы не наступило время, когда уже будет поздно возглашать евангельское изречение: «Толчите и отверзется...»

Директор училища и хора А. Кастальский.

13 марта 1917.

**Докладная записка А. Д. Кастальского
прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову
о необходимости сокращения количества богослужений
с участием Синодального хора.
5 апреля 1917 года***

...Так как очередные несоборные службы в Успенском соборе относятся к службам будничным и посещаются очень малым количеством богомольцев, а комплект взрослых певцов Синодального хора по случаю мобилизации сократился до двух третей его нормального состава, что сильно затрудняет правильное составление певческих очередей, то на совещании регентов постановлено предложить такое распределение служб от Пасхи до сентября текущего года, в которых хор работал бы только в службах соборных с участием о. протопресвитера Успенского собора. Поэтому обращаюсь с просьбой к Вашему превосходительству ходатайствовать перед Московской Св. Синода конторой о следующем:

1. Отменить участие хора в следующих очередных несоборных служениях: вечернюю всенощную 8 мая и литургию 9 мая в Гостунском соборе; литургию 15 мая Димитрия царевича; 19 мая отдание Вознесения и 27 мая отдание Святой Троицы; литургию 26 июня; 29-го утреню и 30-го литургию; в июле 27-го всенощную на Смоленскую Божию Матерь; в августе литургии в Успенском соборе от 8-го до 14 августа, а также утреню и литургию 10 августа в Гостунском соборе и, наконец, 18 августа всенощную. 28 августа отдание Успения желательно сохранить.

2. Кроме того, с отменой празднования «царских дней» отпадают всенощные 5 и 24 мая, 21 и 29 июля и литургии 6 и 25 мая и 22 и 30 июля.

3. На Пасхальной неделе с понедельника по субботу соединить утреню с литургиями, начав утреню позднее, чтобы не приходилось ходить к этим службам по два раза ночью и рано утром. Желательно также отменить участие хора в пасхальную субботу в Гостунском соборе.

* Машинописная копия. *Переписка по Синодальному училищу* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 101, л. 7—7 об. В деле представлены документы, связанные с хозяйственными и административными вопросами, а также печатные «Правила избрания на кафедру митрополита Московского».

**Выписка из протокола заседания правления
Синодального училища церковного пения и хора
с мнением регента Синодального хора Н. М. Данилина
о сокращении численности хора в период летних каникул.
20 апреля 1917 года***

При обсуждении вопроса о пении Синодального хора в Успенском соборе предстоящим летом в предлагаемом составе, то есть без участия мальчиков, правление заслушало заявление регента Синодального хора Н. М. Данилина, который высказался о крайней нежелательности этого по следующим соображениям.

Каждое лето в Москву съезжается масса лиц, весьма интересующихся уставной службой Успенского собора и пением в нем Синодального хора. Таким лицам, не говоря уже о москвичах, которые любят Успенский собор с его хором, нужно дать возможность, как и в предыдущие годы, послушать Синодальный хор в его надлежащем виде, а не при участии в нем только теноров и басов. Пение Синодального хора без мальчиков, только на одних мужских голосах, не дает никакого представления о хоре в его целом и тем самым не может заменить его. Далее, с половины мая в Москве уже объявлены всевозможные съезды: Всероссийский съезд объединенного духовенства, Всероссийский съезд деятелей духовной школы, Всероссийский съезд хоровых деятелей, съезд окончивших курс в Синодальном училище и т. д. Ввиду этого регент Данилин находит в такое время, в дни съездов, не только недопустимым отсутствие мальчиков в хоре, но и существенно необходимым желает видеть Синодальный хор даже в более увеличенном виде, доведя численность его почти до полного состава, хотя бы для этого пришлось созывать уволенных в отпуск и ранее срока.

Что же касается высказываемого предложения о возможности обслуживания Успенского собора в течение всего лета только лишь одной частью мальчиков — учеников хора, именно тех, которые живут в Москве, то г. Данилин, с одной стороны, находит несправедливым заставлять одних (москвичей) работать все время за других, тем более без надлежащего отдыха, а с другой стороны, считает совершенно недопустимым ради будущей деятельности хора оставлять около четырех десятков певчих без нужных упражнений в течение четырех месяцев.

* Машинописная копия. *Хозяйственные журналы Синодального училища за 1917 год* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 111, л. 21 об.—22 об. В деле — журналы семи заседаний правления Синодального училища, которые состоялись с 23 января по 30 сентября 1917 года.

Заседание правления 20 апреля 1917 года проходило в составе: председатель — директор училища А. Д. Кастальский, члены Н. М. Данилин, К. П. Успенский, Н. Н. Сокольский и приглашенный В. Н. Якимов.

Правление, вполне присоединяясь к мнению Н. М. Данилина, постановило: во-первых, пение служб в Успенском соборе в воскресные и праздничные дни предстоящим летом производить с участием малолетних певцов хора; во-вторых, во время Всероссийских съездов деятелей церкви и школы, то есть с 20 мая по 3 июня текущего года, вызвать из отпуска более интенсивных работников хора и тем самым увеличить состав хора.

При этом правление училища считает долгом довести до сведения г. прокурора Синодальной конторы, что взрослые певцы Синодального хора, по заверению Н. М. Данилина, ради достижения общей цели единодушно высказались за сокращение и перерыв своих летних отпусков.

**Ходатайство общего собрания преподавателей Синодального училища
перед Учебным комитетом при Св. Синоде
о принятии училища в его ведение.
29 апреля 1917 года***

Московское Синодальное училище церковного пения есть высшее специальное музыкально-учебное заведение, имеющее целью теоретическо-практическую подготовку преподавателей церковного пения и музыки вообще, руководителей церковно-певческими хорами и композиторов церковной музыки, научную разработку древнерусского церковного пения, а равно постоянное усовершенствование Синодального хора. Общеобразовательный курс училища соответствует в общих чертах такому же курсу духовных училищ и семинарий. Оно состоит из девяти классов и одного приготовительного. Первые пять классов составляют певческое отделение и соответствуют четырем классам духовного училища; четыре остальные представляют из себя регентское отделение. В Синодальное училище принимаются дети всех сословий не старше 10-ти лет, пригодные для Синодального хора. Окончившие курс Синодального училища получают звание регента и учителя пения. Администрация училища, преподаватели не пользуются правами, предоставленными другим учебным заведениям; например, от призыва в войска в военное время освобождается один только директор. В остальном педагогический персонал находится в положении чиновников синодального ведомства — без пятилетних прибавок, с правом на пенсию лишь за 35-летнюю службу в размере до 200 рублей в год. При отсутствии основного

* Машинописная копия. На бланке: «Прокурор Московской Синодальной конторы». На л. 1 — штамп Учебного комитета при Св. Синоде. *Дело о преобразовании Московского Синодального училища церковного пения* — РГИА, ф. 802, оп. 16, № 232, л. 61—62.

Судя по архивным документам, данное ходатайство училища перед Учебным комитетом при Св. Синоде последствий не имело.

оклада плата за уроки чрезвычайно низка (50 руб. годовой час); оклады лиц администрации тоже крайне незначительны. При всем этом никаких прибавок на дороговизну служащие училища не получают. Ассигновок из Государственного казначейства на содержание учеников и на вознаграждение педагогического персонала не отпускается. Синодальное училище пользуется неустойчивыми средствами на свое содержание из Управления синодальными недвижимыми имуществами в Москве. В настоящее время на содержание всех лиц педагогического персонала, служащих в Синодальном училище, расходуется из средств Управления московскими синодальными недвижимыми имуществами немногим более 30 000 рублей. Чтобы преподавателям Синодального училища в отношении получаемого ими содержания сравняться с духовными семинариями и училищами, на что они имеют полное право как преподаватели учебного заведения со средним общеобразовательным курсом и высшим церковно-музыкальным, потребуется прибавка к получаемому теперь содержанию около 35 000 рублей. Таким образом, труд преподавателей Синодального училища, по сравнению с духовными семинариями и училищами, теперь оплачивается в размере меньшем, чем в два раза, а именно: в размере 30 000 рублей с небольшим вместо 65 000 рублей. Если бы эта сумма (65 000 рублей) даже целиком была обращена на средства Государственного казначейства, то она была бы совсем незначительной, если принять во внимание общегосударственную просветительно-культурную деятельность Синодального училища.

По своему положению среди учебных заведений государства наше училище стоит особняком, вне живой связи с педагогическим духовно-учебным миром. Только в последние месяцы, благодаря новым условиям жизни, училище получило возможность войти в Союз деятелей духовной школы Московской епархии. Однако необходимость переустройства жизни училища на новых началах требует еще более тесной связи его с духовно-учебным ведомством. После долгого и всестороннего обсуждения этого вопроса в общем собрании преподавателей Синодального училища единогласно решено просить Духовно-учебный комитет принять училище в свое ведение наряду с духовными академиями, семинариями и училищами. Общее собрание преподавателей надеется, что Учебный комитет, обновленный в своем составе церковно-общественными и учеными деятелями, примет к сердцу нужды училища, имеющего своей задачей воспитание просвещенных церковно-музыкальных деятелей, в которых так будет нуждаться обновленная церковь, предоставленная своим собственным силам. Самый план, намеченный училищем для своего переустройства, в общих чертах сходен с планом переустройства духовно-учебной жизни, указанным на страницах «Всероссийского церковно-общественного вестника», что еще больше побуждает училище идти рука об руку с деятелями духовной школы. Так как все преобра-

зования духовно-учебной жизни будут иметь своим центром Духовно-учебный комитет, то вполне естественно для Синодального училища быть в ведении комитета. Под руководством его может быть образована комиссия, в которую должны войти деятели Синодального училища по вопросам общего и духовно-музыкального образования. Только при этих условиях, не теряя своей самобытности, Синодальное училище может пойти по пути самоопределения, не порывая связи с общецерковной жизнью.

В силу этих соображений общее собрание преподавателей Синодального училища просит Духовно-учебный комитет высказать свое отношение к Синодальному училищу, принять его в свое ведение и оказать необходимую поддержку. В случае положительного решения просим представить настоящий доклад о подчинении Синодального училища Духовно-учебному комитету на рассмотрение ближайшего заседания Святейшего Правительствующего Синода.

Приложение: 1) Устав и 2) новые действующие программы Синодального училища.

Управляющий московскими синодальными недвижимыми имуществами, Синодальным училищем и хором, прокурор Московской Св. Синода конторы Ф. Степанов. Директор училища и хора А. Кастальский. Уполномоченные общим собранием преподаватели: К. Успенский, Н. Сокольский, и. д. делопроизводителя И. Харитонов.

Постановление общего собрания взрослых певчих Синодального хора о разделении денег за требы.

20 мая 1917 года*

Общее собрание взрослых певцов Синодального хора от 16 апреля 1917 года постановило:

В случае отправления Синодальным хором частных служб деньги, полученные за требы, делятся так: 50% поступают в распоряжение взрослых певцов хора, остальные 50% — в распоряжение регента и малолетних певцов.

В дополнение к вышеприведенному постановлению экстренное собрание певцов 20 мая 1917 года постановило довести до сведения г. прокурора Московской Синодальной конторы и регента хора, что это решение входит в силу с 20 мая сего 1917 года.

Председатель А. Крылов.

* Писарская копия. *Дело с перепиской по Синодальному училищу церковного пения за 1917 год* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 101, л. 21. Дело посвящено хозяйственно-финансовым и административным вопросам.

Выписка из протокола заседания правления Синодального училища по поводу указа Св. Синода об освобождении здания училища для нужд Поместного Собора Русской Православной Церкви. 26 июля 1917 года*

Слушали: указ Святейшего Правительствующего Синода от 22 июля 1917 года за № 7859 следующего содержания:

Святейший Правительствующий Синод Российской Православной Церкви имели суждение об освобождении некоторых принадлежащих духовному ведомству помещений в г. Москве для нужд Всероссийского Поместного Собора. Приказали: признавая необходимым освобождение некоторых принадлежащих духовному ведомству помещений в г. Москве для нужд Всероссийского Поместного Собора, прекратить впредь до особых распоряжений занятия в высших классах Московского Синодального училища церковного пения и отложить учебные занятия в Московской Духовной семинарии также впредь до особых распоряжений, а освобождающиеся в означенных зданиях помещения предоставить для размещения в них членов Собора, о чем и уведомить указами архиепископа Московского, Московскую Синодальную контору и протопресвитера московского Большого Успенского собора.

Правление училища, принимая во внимание, что в старших классах, начиная с пятого, всех учеников обучается в училище приблизительно 35 человек и поэтому прекращение занятий в высших классах училища не даст возможности предоставить достаточного помещения в училище для членов Собора, постановило: во исполнение вышеприведенного указа Св. Синода о предоставлении помещения училища для членов Всероссийского Поместного Собора отложить учебные занятия во всех классах и содержать в училище только тех учеников, которые необходимы для Синодального хора и не имеют возможности проживать у своих родителей, о чем и донести обер-прокурору Св. Синода и сообщить также о сем члену Св. Синода протопресвитеру московского Большого Успенского собора.

* Машинописная копия. *Протоколы заседаний правления Синодального училища* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 95, л. 1—2. В деле представлены протоколы заседаний правления Синодального училища от 18 марта и 26 июля 1917 года.

Заседание правления училища 26 июля 1917 года проходило под председательством исполняющего обязанности управляющего Синодальным училищем директора А. Д. Кастальского в присутствии членов правления старшего воспитателя К. П. Успенского и преподавателей о. В. И. Кедрова, Д. И. Кокорина и Н. С. Ермонского.

**Доклад директора Синодального училища А. Д. Кастальского
министру исповеданий по поводу неявки певчих
Синодального хора на богослужения.
15 сентября 1917 года***

Имею честь доложить Вам, что опрометчивая манкировка взрослыми певцами Синодального хора литургий 12 и 13 сентября сего года вызвана, по их признанию, отчаянием, что Св. Синод как будто не откликнулся на их просьбу о помощи, обращенную в марте сего года к обер-прокурору В. Н. Львову. Последний действительно два раза (в марте и июне) торжественно объявил как всей корпорации Синодального училища, так и взрослым певчим отдельно, что он от лица Временного правительства дает слово министра нового режима удовлетворить их просьбу. Естественно, певцы питали твердую надежду получить просимое и никак не предполагали, что просьба их даже и не дошла до сведения Св. Синода, как разъяснилось только теперь.

Вполне признавая незаконность поступка певцов манкировать службами, тем не менее я, как директор хора, позволяю себе покорнейше просить Вас снизойти к их просьбе о пособии. Даже высший 60-рублевый певческий оклад дает ли возможность в настоящее время содержать и питать семью? А более низкие оклады? Жизнь дорожает с каждым днем, и только тяжелые условия ее подвинули певцов на их необдуманный поступок.

**Письмо директора Синодального училища А. Д. Кастальского
протопресвитеру Большого Успенского собора Н. А. Любимову
с опровержением слухов об участии педагогов
Синодального училища в забастовке.
15 сентября 1917 года****

Ваше высокопреподобие, глубокоуважаемый Николай Александрович. По поводу слухов, появившихся даже в газетах, о причастности к забастовке певцов Синодального хора и корпорации Синодального училища считаю своим долгом довести до Вашего сведения, что эти слухи приво-дят администрацию и преподавателей училища в большое недоумение. Возможность

* Машинописная копия. Доклады директора училища прокурору Московской Синодальной канцелярии по личному составу — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 103, л. 38. Дело содержит текущую документацию, посвященную хозяйственно-финансовым вопросам, а также призыву на военную службу.

** Машинописная копия. Дело с перепиской по Синодальному училищу церковного пения за 1917 год — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 101, л. 41—41 об.

подобных слухов они могут объяснить лишь духом настоящего времени, когда так распространены ложь и наветы. Преподаватели лишь из газет узнали о своем участии в забастовке.

Общее собрание преподавателей училища, экстренно по этому поводу созванное 14 сентября администрацией училища, считает необходимым заявить, что преподавательская среда по своему нравственному и культурному уровню не может допустить и мысли о возможности подкреплять свои просьбы такими средствами, как забастовка. Еще 11 сентября в беседе с министром исповедания представители администрации училища высказали свое полное осуждение забастовки.

О вышеизложенном покорнейше прошу Вас довести до сведения Св. Синода в целях восстановления чести корпорации Синодального училища.

**Доклад заведующего частными духовно-певческими хорами Москвы
А. В. Никольского Наблюдательному совету «О положении хорового дела
в Москве за шесть месяцев, протекших после переворота».
30 сентября 1917 года***

Революционный переворот 1 марта, всколыхнувший всю русскую жизнь от самого глубокого дна ее до верхов, разумеется, захватил собою и певческую среду г. Москвы, поставив ее лицом к лицу с рядом вопросов, требовавших разрешения немедленного и частью коренного. Это движение раньше и сильнее всего обнаружилось в Обществе духовных певцов г. Москвы, председателем правления которого издавна состоит П. В. Петерсон, всегда и неизменно ратовавший за интересы церковных хористов¹. Возбуждение певцов, вполне понятное в первые дни революции, когда всем классам русского общества казалось, что «счастье так близко, так возможно», выразилось в двух направлениях, сходящихся в своих конечных результатах, а именно, в немедленном разрыве с хозяевами-хоросодержателями с одной стороны, и с другой — в организации из всей массы хористов одного Всемосковского духовного хора на началах ведения дел его через выборных лиц, каковыми намечались: в качестве главного регента г. Рютов, в качестве заведующих хозяйственной и другой жизнью хора — правление общества певцов, пополненное вновь выбранными членами. Таким образом, хоровое пение г. Москвы оказалось стоящим пред перспективой полного крушения прежних форм соглашения храмовых администраций с церковными хорами

* Автограф без окончания. Доклад А. В. Никольского Наблюдательному совету о положении церковного дела в сентябре 1917 года — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 91, л. 1—2 об.

Доклад Никольского был заслушан на заседании Наблюдательного совета 6 октября 1917 года, одобрен и приложен к журналу Наблюдательного совета.

и необходимостью сразу перейти к формам новым, основы которых не успели еще ни сложиться, ни даже более или менее ясно наметиться.

В конце четвертой недели Великого поста вожди организующегося Все-московского духовного хора разослали многим старостам московским циркулярные извещения о том, что в воскресенье пятой недели (19 марта) прекращаются обязательства хористов петь службы от имени прежних их хозяев и что условия и соглашения должны быть заключаемы вновь и уже не иначе, как с представителями Всемосковского хора. Аналогичные заявления были сделаны и многим хоросодержателям их певцами в том смысле, что начиная с 19 марта они не считают себя состоящими на службе у прежних хозяев-предпринимателей и требуют окончательного расчета.

Зная обо всем вышеизложенном из газет и по слухам и вдобавок извещенный самим г. Петерсоном о чаяниях и намерениях Всемосковского хора, причем мне было вменяемо в обязанность в качестве официального руководителя церковными хорами г. Москвы поддержать начавшееся движение и его практические шаги, я нашел более удобным проявить свое вмешательство в начавшуюся разруху с другого конца: я созвал гг. регентов и хоросодержателей 10 марта на собрание в Синодальное училище и по выяснении общей картины заявленных певцами требований предложил регентам и хоросодержателям в ответ на организацию Всемосковского хора слиться в корпоративный союз регентов, дабы сообща выработать как меры борьбы, если таковая будет неизбежна в ближайшее время, так и условия новых соглашений с певцами, и провести их по возможности однообразно и дружно по всем хорам. Предложение это встретило полное сочувствие, и Союз регентов духовных хоров г. Москвы, куда вошел 31 член из присутствовавших хоросодержателей, был санкционирован тут же. Выработаны были наскоро некоторые общие контрпредложения для певцов-хористов и решено было 16 марта собраться вновь, чтобы обсудить, какой ответ дан был певцами хором на эти предложения. На собрании Союза регентов 16 марта выяснилось, что часть певцов склонна действительно перейти окончательно в организацию Всемосковского хора, но другая часть, и не меньшая, относится к последней несколько скептически и склоняется продолжить службу у хоросодержателей, хотя и не иначе, как на вновь выработанных условиях. Самые условия, какие были предложены хоросодержателям от имени Союза из намеченных 10 марта, оказались в общем не совсем приемлемыми и требующими коренного пересмотра. Что касается того, чтобы с 20 марта, то есть с понедельника шестой недели Великого поста, перестать певцам петь в церквах под фирмой хоросодержателей, то оказалось, что дело обстоит значительно проще и ничего ультимативного для обслуживаемых церквей оно пока не заключает.

Таким образом, с одной стороны открывалась возможность переговоров и выработки условий соглашения певцов с хоросодержателями, с другой —

отпадала тревога за нарушение правильного течения церковных служб на предстоящих Страстной и Пасхальной неделях, что было бы неизбежно при действительном выполнении певцами своих прежних заявлений насчет предсловутого 19 марта.

На собраниях Союза регентов в течение Пасхальной недели было выяснено, что в жизни хоров стало намечаться снова нечто иное, чем было Великим постом, а именно, что организация «Всемосковский хор», насчитывавшая вначале едва ли не 2000 членов-певцов, стала колебаться и мало-помалу таять и что какого-либо единства в самом плане этой организации пока не наблюдается, а наоборот, имеются признаки значительного охлаждения и даже прямого развала. И что вместе с тем певцы многих хоров усердно выработывают условия, на которых они готовы остаться на службе у своих прежних хозяев. Эти данные побудили и Союз регентов встать решительно и определенно на тот же путь выработки встречных условий, причем среди членов Союза чувствовалось стремление искать выход из сложившихся затруднений путем признания певческих интересов заслуживающими уважения. Заработок певцов решено было повысить посредством обязательной выдачи каждому из них сверх условленного и в свою очередь повышенного жалованья не менее 1 рубля 50 копеек за каждую службу или требу с упразднением при этом «чаевых». Кое-где эта норма была певцами принята, и те хоры вступили в спокойную жизнь; но в части хоров происходили торги из-за добавочных на трамвай, а также из-за нерушимости права на получение «чаевых». В последнем случае хоросодержатели, члены Союза, заняли очень твердую позицию полного отказа от выговаривания «чаевых» с представлением права давать или не давать их на усмотрение самих заказчиков. Все это постепенно вносило успокоение по хорам, и острота положения мало-помалу к началу летнего сезона исчезла. Одновременно с такой успокоительной и благожелательной по отношению к певцам тактикой Союз регентов выработал новую таксу за требоисправление, каковую и заявил от имени Союза всюду — и частным заказчикам, и храмовым администрациям. Такса легко привилась, хотя и временно, так как ею намеренно были обойдены условия службы, пригодные для осеннего и зимнего сезонов. Выработка постоянной, так сказать, сезонной таксы — вопрос ближайших работ Союза.

Итак, организация Союза регентов, несомненно, выполнила со значительным успехом ту задачу, которая была вложена в нее в самом начале ее образования: она в известной степени послужила к успокоению умов и привела к постепенному умиротворению певческой среды, сбитой с толку утопическими перспективами Всемосковского хора. И певцы, и хоросодержатели нашли общий язык, так как успели понять, что для осуществления широких целей могучей организации Всемосковского хора едва ли имеются налицо благоприятные условия в жизни наших дней. В то же время Всемосковский

хор хотя и был вынужден с самых первых шагов сильно сократить свой размах и с 2000 предполагаемых членов-сотрудников постепенно пойти в действительности на несколько, не более 2—3-х сотен, таковых, но не прекратил своего существования, невзирая на все трения при его дальнейшей организации и, можно сказать, выродился и принял формы, на которые не рассчитывал. Именно, его начала нашли себе наиболее благоприятную почву главным образом в хоре А. С. Иванова, который из положения хозяина был переведен певцами на роль регента за определенные вознаграждения. Причем главный регент Всемосковского хора г. Рютов, хотя и номинально, но также сохранил за собой звание главного регента. Управление делами хора, бывшей капеллы А. С. Иванова, перешло в руки особого правления того же Всемосковского хора. Одновременно с этим соединенный хор С. А. Солнцева с Чудовским объявил себя хозяином положения, предложил г. Солнцеву перейти на роль регента с жалованьем от хора. Автономный хор решил именоваться «Чудовским митрополичьим» и поставил задачей своей добиться от митрополичьего подворья признания за собой прав юридического лица с заключением нового контракта за несение службы при храме подворья и на право пользоваться помещением и имуществом прежнего Чудовского хора. Дела хора, по имеющимся сведениям, идут хорошо, но соглашение с подворьем еще тормозится и доселе не оформлено. Есть слух, что Чудовский хор намерен дать г. Солнцеву полную отставку, пригласив в руководители новое лицо, могущее поставить исполнение хора на былую высоту. Хор А. С. Васильева по собственному предложению последнего стал также «товариществом», причем г. Васильев оставил в его распоряжении весь инвентарь и все «годовые». Работа хора не прерывалась и идет вполне нормально. Таким образом, начавшееся в первый день революции движение среди московских духовных хоров после ряда недель, бурных и внушавших тревогу за нормальный ход церковных служб, [налаживается].

Комментарии

1. Общество хоровых певцов г. Москвы (председатель П. В. Петерсон) было образовано в 1909 году в противовес созданному в марте 1907 года московскому Обществу взаимопомощи регентов церковных хоров (организаторы — Д. В. Аллеманов, А. В. Никольский, Н. М. Данилин, А. Е. Ставровский и др.). При Обществе хоровых певцов существовало рекомендательное бюро по приисканию мест, председателем которого был П. Г. Чесноков. Сложность во взаимоотношениях этих двух обществ заключалась в том, что регенты рассматривались некоторыми певчими как эксплуататоры, в деятельности же Общества взаимопомощи регентов прослеживается тенденция к объединению регентов и певчих в единый союз.

**Прощальное послание Ф. П. Степанова
корпорации преподавателей и служащих Синодального училища.
12 октября 1917 года***

Указом Временного правительства от 22-го минувшего сентября я уволен от должности прокурора Московской Синодальной конторы согласно прошению, по болезни.

Мне нечего объяснять вам, какую мучительную скорбь переживает моя душа, от которой отрывается самое для нее дорогое, что было в последнее десятилетие моей продолжительной государственной службы, отрывается Синодальное училище, которому, худо ли, хорошо ли, я отдавал весь свой служебный опыт, все мое старание, всю любовь, на которые я только был способен.

Горечь оставления мной училища усиливается тою неопределенностью судьбы его, которая сейчас витает вокруг него. Вот почему я считаю своим правом и долгом передать вам, всей корпорации училища, мой прощальный завет; я вас прошу принять его так же чистосердечно, как чистосердечно он предлагается.

Какие бы перипетии ни пришлось переживать училищу — отстаивайте всегда от всяких покушений, с какой бы стороны они ни шли, главные устои его, это: 1) композиторство в духе А. Д. Кастальского и 2) регентование в духе В. С. Орлова.

Вспомните, что даже всемогущий бывший царь не смог сломить этих устоев, которые не нравились ему, но значение которых он не мог не признавать. Так отстаивайте их и впредь, и специфический характер школы Кастальского и Орлова поддерживайте все, и преподаватели, и регента. И пусть из поколения в поколение передается эта школа, не соблазняясь посторонними влияниями и не поддаваясь насилию ни сверху, ни снизу.

Не упускайте из виду того, что весь успех восприятия юношами идей этой школы лежит в их причастности к ней с малолетства. Эти идеалы внедрились в их натуру незаметно для них самих, и их уже ничто не свернет с них; поэтому никогда не соглашайтесь на выделение старших классов в отдельные курсы, которые пополнялись бы извне, — это было бы преступно. Пусть организуются при училище какие угодно курсы для желающих и могущих их слушать, но регентские классы училища должны составлять с певческими одно целое и пополняться исключительно переходящими в них из певческих классов. Я особенно останавливаю ваше внимание на этом факторе, ибо считаю его главнейшим в вопросе поддержания духа школы.

* Машинопись с подписью-автографом. *Протоколы заседаний правления Синодального училища церковного пения* — РГАЛИ, ф. 662, оп.1, № 94, л. 10—11. На 1-м листе документа, на верхних полях запись рукой А. Д. Кастальского: «Отставка прокурора Филиппа Петровича Степанова».

Второй мой завет: пусть руководит вами в вашем святом деле любовь к малым сим, вверенным вам Богом не только для образования, но и для воспитания. Я глубоко убежден, что в большей части случаев снисходительность, мягкость, а в деле служения церковному искусству даже нежность — дают лучшие результаты, чем жесткая требовательность, сухая муштровка и, Боже упаси, грубость. Любите детей не только во всей их массе, а каждого из них — и лучшего, и худшего; ведь и в наихудшем всегда можно откопать доброе; приблизьте их к себе, будьте им не только начальниками, но добрыми воспитателями-отцами.

Теперь, при автономии училища, не будет, вероятно, у детей попечителя, и вот я дерзаю передать мои бывшие функции попечителя вам самим — каждому отдельно и всем *in corpore*. Замените меня, так как я чувствую, что мой уход будет для них чувствителен, они могут потерять ту теплоту, которой я всегда старался согреть их юные души, быстро остывающие в холодной официальной обстановке. Дайте им по возможности этого тепла!

Я лишен возможности проститься с воспитанниками в их сборе, и отчасти я рад этому: мне было бы это слишком тяжело. Передайте им, когда они соберутся, что я их благословляю, как отец своих детей, что я всегда буду их любить, как любил и люблю, что я всегда, чем только могу, готов прийти им на помощь, чтобы они не забывали меня и всегда смело обращались ко мне во всех случаях, когда сердце их того потребует.

Я понимаю тяжесть обстановки момента, в который я вас покидаю; может быть, я был бы в чем-нибудь полезен вам в это переходящее время, но по совести скажу — я не могу оставаться дольше. Я совершенно определенно усматриваю, что по возрасту моему у меня не хватило бы ни моральных, ни физических сил нести тяготу служения хотя и любимому делу, но под переоценкой всех идеалов.

Дай вам Бог с прежним усердием и любовью к делу и к детям справиться с возложенными на вас задачами в новых условиях жизни. Простите меня, если я вольно или невольно поступил когда-нибудь несправедливо к кому-нибудь, кого-нибудь обидел. Не поминайте меня лихом, и прошу вас помнить всегда, что двери моей келии всегда открыты каждому из вас во всякое время и, чем могу, готов всегда служить дорогомому мне Синодальному училищу и вам — его управителям и руководителям.

Христос с вами!

Всегда всей душою ваш Филипп Степанов.
12 октября 1917 года. Москва.

Доклад Д. В. Аллеманова
«Соображения об упорядочении церковно-певческого дела в Москве».
[Ноябрь] 1917 года*

I. Выработка основных общих положений для курса церковного пения

В последние 20—30 лет особенно резко выразилась оторванность церковно-певческого искусства от его исторической почвы. В литературе предмета и в приемах исполнения хорового пения по сие время еще идут искания направления, не чувствуется устойчивого характера, отсутствуют определенные стремления и т. п. Дабы установить правильный курс для церковного пения, необходимо восстановить преемственность между старыми и новыми трудами в области этого искусства. Для сего требуется тщательно разработать вопросы истории церковного пения, уяснить исконные задачи последнего и точнее определить требования церкви к пению. Следовательно, необходимо предпринять как капитальные ученые, так и доступные литературные работы по истории церковного пения, по теории его на основании письменных памятников старины, равно как и по установлению формы пения соответственно положениям литургики.

Только заручившись материалами таких работ, можно начать учреждение доброго устава церковного пения и, вообще говоря, иметь надежную опору для правильных суждений о пении. Дотоле же все в этой области останется спорным; всякие начинания не будут достаточно планомерны и благоплодны. До окончания указанных работ, имеющих общее значение, и в качестве мер, ближайше относящихся до упорядочения церковно-певческого дела в Москве, можно предложить:

II. Уничтожение хоросодержательства

В Москве церковные хоры устраиваются не церквями, а частными предпринимателями. Московский хор — это певческая лавочка, чаще устраивающаяся при бюро похоронных процессий. Содержатель должен торговать

* Машинопись. *Соображения об упорядочении церковно-певческого дела в Москве* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 117, л. 1—8 об.

По всей видимости, данный материал предназначался Д. В. Аллемановым для обсуждения в Наблюдательном совете. В начале декабря 1917 года доклад был опубликован в виде статьи в газете «Московский церковный голос» (№ 40, 8 декабря. С. 4—7; № 41, 14 декабря. С. 4—6). В газетном варианте доклад подвергся незначительной литературной правке. Например, заголовок раздела доклада «Устранение из церковных хоров женских голосов» был заменен в газете на заголовок «Замена женских голосов детскими».

Доклад был представлен также на Поместный Собор (см.: *Протоколы заседаний Подотдела о церковном пении* — ГАРФ, ф. 3431, оп. 1, № 297, л. 133—140). Свидетельств об обсуждении доклада Аллеманова на Поместном Соборе не имеется.

своим хором, иначе он не только не получит от него выгод, но и не оправдает его материально. Следовательно, хор его должен быть всегда готовым, а петь там, куда позовут, и петь то именно, что закажут. Как поденщик хор недорог, в его интересы никто не входит, а сам он не может ни сжиться с окружающими, ни устроить интересов их. Даже и в том случае, когда отделение хора исполняет в храме так называемую годовую службу, певчие не бывают тесно связаны со всей обстановкой своей службы, ибо случайные требы, разные материальные и другие соображения хоросодержателя меняют составы отделений едва не на каждом богослужении. У духовенства и прихожан не может поэтому установиться с хором согласованной деятельности, взаимного понимания и иногда составиться простого знакомства друг с другом. Хор, делящийся на малые группы певцов, чтобы петь в нескольких церквях, вынуждается находиться под управлением многих дирижеров. И здесь опять нередки случаи, что одно и то же отделение хора за каждым новым богослужением находится под командой нового лица. И сами эти калейдоскопически сменяющиеся дирижеры часто поставляются в затруднительное положение тем, что не успевают достаточно ознакомиться с певческими силами данного им отделения хора, с его подготовкой к исполнению подлежащего богослужения или отдельного песнопения.

Постоянный состав певцов в том или другом храме есть всего чаще несуществимое желание как представителей церкви, так даже и самого хоросодержателя. Если еще к этому добавить то обстоятельство, что хоры, принимая иногда заказы, превышающие их исполнительские силы, прибегают к краткосрочному найму певцов из других хоров или приглашают так называемых солистов за разовую плату, делая это порой наспех по телефону перед исполнением заказа, — то отрицательное для церкви этой именно стороны хоросодержательства станет очевидным.

Между тем по существу своему хоросодержательство не может быть иным. Составляя круг пения для неизвестного потребителя последнего, певческая лавочка должна иметь про запас товары на разные вкусы и цены. Поэтому здесь неизбежно станут рядом произведения Строкина и Кастальского, Иванова и Гречанинова и т. д. Но кто хоть раз искусился в исполнении «Отче наш» для соло и хора Иванова, «Ныне отпускаеши» Строкина, «Вскую мя отринул еси» Рютова и т. п., тот уже певчески испорчен. Дурной пошиб этих произведений скажется у него в виде особого налета и при исполнении «Сам Един еси бессмертный» Кастальского и классического «Ангел вопияше» Бортнянского. Впрочем, о стильности вообще в пении хоросодержательских хоров говорить не приходится. Никакой хоросодержатель не волен в этой стороне своего дела: он исполняет то, что ему заказывается, и часто по списку произведений, составленному мнимым знатоком пения. В этом отношении все хоры неразличимы. Все же различие хоров заключается в степени их ремесленности: одни обладают лучшими голосами, поют

стройнее, исполняют более крупные произведения, другие же лишены хороших голосов, поют нескладно и охотнее исполняют произведения напечатанной певческой литературы. Эта сторона хоросодержательства наиболее отрицательна для церкви и наименее изменима.

Итак, хоросодержательство как вполне отрицательное явление в церковно-певческом деле должно быть уничтожено.

III. Устройство хоров при каждой церкви

Хоросодержательство процветает только в одной Москве, везде же церкви имеют собственные хоры. Если духовенство и церковные старосты Москвы немного позаботливее отнесутся к делу пения, то хоры при каждой церкви устроятся легче, чем в других местностях, потому что в Москве много всяких сил, в том числе и певческих, и Москва в состоянии привлечь отовсюду какие угодно силы.

Правда, хоросодержательство создало тип певчего профессионала, живущего от своего ремесла, и если бы сейчас перейти к устройению при церквях собственных хоров и для сего воспользоваться готовыми певчими такого типа, то, кроме нежелательности певчих именно этого типа, они оказались бы и дороги. Вообще-то певчий немного имеет для своего существования, но чтобы из церковного ящика обеспечивать и такое существование певца за его 8—10-часовой труд в неделю, значит до некоторой степени расточать достояние церкви. Но, во-первых, в последнее время этот тип певца стал менее распространен и, во-вторых, он вымрет тем раньше, чем скорее уничтожится хоросодержательство. А чтобы не налагать руки на остаток существования певцов и такого типа, можно что-нибудь сделать для инвалидов, например, кроме службы в хоре, доставить им работу при церкви или в приходе. Это нужно будет сделать только для немногих певцов старшего поколения. Новое же поколение таких певцов не народится без хоросодержательства.

Чтобы устроить при церкви собственный хор сейчас же, довольно в некоторых случаях то отделение хора, которое служит в настоящее время при церкви, изъять из попечения хоросодержателя, переведя его на попечение церкви: если церковь доселе мирилась со службой известной группы певчих, почему бы ей, особенно в чаянии усовершенствования дела, хотя бы на первое время не продолжать довольствоваться этой службой. Есть все данные за то, что с первых же дней введения новой хоровой организации ряды этих певчих в одном случае заменятся, а в другом пополнятся теми певцами, кои теперь остаются не у дел вследствие того, что никакие блага не могут привлечь их к работе в певческих лавочках. И теперь существуют такие хоры, в которых охотно участвуют председатели суда, инженеры, адвокаты, домовладельцы, учителя, ремесленники, купцы и т. д.

В настоящее время цена певчего вздута существованием певчего профессионала, а когда служба в хоре будет частным занятием по способности и любви к делу, то участник хора будет довольствоваться небольшим вознаграждением, которое все же составит для него приработок. Таким образом, церкви могут и не увеличивать теперешних ассигновок на содержание своих хоров хотя бы в тех составах, в которых они сейчас находятся. Приличной же организацией, интересным ведением дела привлекутся в хор и такие певцы, для которых вознаграждение не будет иметь никакого значения, или же самое ничтожное.

Что же касается опасений за то, что при новой организации хоров уничтожится их существующая многосоставность, что на первый взгляд может показаться лишением, то они излишни, ибо для некоторых церквей не исключается возможность содержать большие хоры при тех же материальных затратах; а затем, теперешняя многосоставность хоров при низкой их качественности малоценна, и если она будет заменена высокой качественностью (на что при предполагаемой организации хоров надежд во всяком случае больше), — то от этого получится один выигрыш для дела и материальных средств церквей. С другой стороны, во всех случаях, когда потребуется многосоставный хор, в Москве он найдется...

У малых же хоров будет развиваться здоровое соревнование в целях упрочения своего положения и привлечения внимания к себе для того, чтобы их не обегали приходскими требами, которые во всяком случае усилят материальные средства хоров, не составляя в то же время большого бремени для последних. Теперь же существует весьма дурная конкуренция, основанная на принципе «количеством побольше, ценою подешевле» и на угодничестве всяким вкусам заказчиков.

По вопросу о способе отчуждения церквами отделений хора у хоросодержателей должно сказать следующее: те хоросодержатели, кои втянулись в это дело из любви к нему, тратили на него много сил, стараясь — чаще всего безуспешно — возможно приличнее вести его, будут весьма довольны, что их любимое дело встанет в лучшие условия; если они дельные регента, то и при новой организации хоров найдут себе честь и место и станут спокойней и благотворнее трудиться, а деятельность тех, кои искали от дела пения только прибытков, нанося ему вред, должна быть прервана какими бы ни случилось мерами.

Устраивая свой хор, представители церкви войдут с певчими в более тесное единение: уже самая забота об устройении хора, стремление к его совершенствованию, успехи и неудачи дела будут волновать представителей церкви, и оттого хор и его дело будут все ближе и ближе к сердцу их. В свой черед и хор, находясь в атмосфере попечения и внимания представителей церкви, не останется глухим к этому, но выразит свою признательность в ревностном отношении к делу, а порой, может быть, и в сверхдолжных тру-

дах. Представители церкви всегда будут знать силы и средства своего хора, причины его недочетов, а потому станут предъявлять к нему приемлемые требования, иногда же проявлять благоразумную снисходительность. С таким хором лучше можно столкнуться, легче оказать на него влияние. А с другой стороны, такой хор будет чутче к запросам своих слушателей, больше способен освоиться со всей обстановкой и условиями своей службы. Каждый певец может быть лично известен представителям церкви, и обратно. Это обстоятельство будет иметь большое значение для поведения певцов в храме. Это не то, что группа из инкогнито, составляющих отделения хоросодержательские. При такой постановке дела станут невозможны случаи, что в самые торжественные праздники, в дни Страстной седмицы и Пасхи, когда хорошая работа певчих нужнее всего и когда хоросодержатели нахватывают служб выше меры, что в церковь явятся не певцы, а какие-то истязатели плоти.

Как бы то ни было — хоросодержательство есть зло в церковно-певческом деле Москвы. Его можно уничтожить, лишь заведя свои хоры при каждой церкви. Правда, со своим хором будет хлопот несколько более, чем, например, вызвать по телефону отделение хора от хоросодержателя, а в случае, если оно не придется по вкусу, во гневе позвонить по другому номеру телефона. Но отказываться от этих хлопот — отступать пред исполнением долга: благолепие службы церковной, как и весь порядок в церкви, составляет прямую обязанность представителей церкви, а не хоросодержателей или кого-либо другого.

IV. Устранение из церковных хоров женских голосов

Не касаясь всех сторон вопроса об участии женщин в церковном хоре, но обращая внимание лишь на практические стороны его, должно сказать следующее: те напевы церковного пения, кои искони были в русской церкви и отзвуки которых хотя бы в виде нынешних обычных напевов и теперь, точно бы отрадное воспоминание из лучшей поры, составляют утешение для верующих, — отличаются величавой простотой и бесстрастностью своего выражения, как, очевидно, создания кроткой, чистой, детской по вере души. Будучи восприняты и переданы соответственно своему выражению, то есть детски, напевы эти способны производить на слушателя неотразимое впечатление. И надо полагать, поэтому именно все старые песнотворцы наши, излагая эти напевы гармонически, неизменно поручали основные мелодии и их приголоски детским голосам хора, а мужские голоса, по загрубелости своей точно бы неспособные к такому восприятию и передаче, исполняли при детских голосах роль простейшего сопровождения. Так было и на Западе, когда *cantus firmus* (данная или неизменяемая мелодия), сначала находившийся в теноре, стал удваиваться детским голосом с целью, очевидно,

придать выражению напева детскость, — а потом и совсем переместился в него. Так было, как сказано, и у нас, когда после первых опытов гармонизации обиходных напевов и при отсутствии хоров смешанных основная мелодия, сначала находившаяся в теноре, стала исполняться детским голосом, преимущественно дискантом. Этот прием употреблялся не столько как простейшее средство сделать напев более выпуклым по звучанию, так как детский голос, особенно же дискант, благодаря высшему своему положению в хоре и наибольшей тонкости своей звучит ярче мужского голоса, — сколько именно как средство достигнуть той непорочности звука, которая должна быть наиболее прилична, чтобы не сказать присуща напевам церковным.

В женском хоре нет этой непорочности звука. И потому именно, что женский голос — голос взрослого человека, стало быть, прежде всего голос огрубевший. Надо заметить, что у детей, мальчиков и девочек, в известном возрасте голоса мужают и переходят в голоса взрослых. Это касательно звучания голоса. Касательно же выражения, взрослые люди нашего времени переживают религиозные чувства весьма сложно и не могут выражать их так спокойно, бесстрастно, как эти переживания выражались создателями наших исконных напевов. Следовательно, и современные женщины, разве за редким исключением, не способны передать этих напевов с тем настроением, в котором они создались и имеют свой смысл. Нужны другие напевы, характер которых подойдет к выражению женским голосом, станет в натуре женского голоса. А нужна ли такая эволюция напевов — совершенно иной вопрос. Дотоле же наиболее церковным хором будет хор из мужских и детских голосов, ибо теперь только дети еще могут быть способны к непосредственному восприниманию и передаче чувств и настроения коренных напевов нашей церкви, в натуре только их голосов напевы эти будут иметь свое звучание. Хор из мужских и женских голосов звучит «житейски», «мирски», не соответственно той отрешенности от житейского, от мирской атмосферы, которая должна приличествовать богослужению церковному. За участие женщин в церковном хоре говорит лишь то, что они могут дольше держаться в нем, чем дети, и, стало быть, при них репертуар пения может быть прочнее, реже возобновляться, чем при краткосрочной службе в хоре детей. И, наконец, женщина может быть в пении опытней дитяти, а потому позволит исполнение более сложных композиций.

О том, что существуют хоры с детскими голосами, исполняющие все существующие духовные композиции, говорить не приходится. Да и необходимо ли, допустимо ли даже в церкви виртуозное пение? Что же касается срока хоровой службы женщин, то и он далеко не так велик, как кажется: женский голос дотоле хорош, пока свеж; но когда он стареет и переходит в «бабий», в это отвратительное уродство, худшее, нежели спадение детского голоса, то становится нетерпимым. Несомненно, со взрослыми людьми легче вести дело, чем с малолетними. Но хор с детскими голосами желательнее, и

этого довольно, чтобы всячески стремиться к организации его в пользу церкви.

Вытеснив детей-мальчиков с клироса, женщина уничтожит школу мужских хоровых голосов. Негде уже будет вырабатываться ни тем типам, ни регистрам этих голосов, кои нужны для хорового пения вообще и преимущественно для хора церковного; не будет той манеры пения, которая нужна собственно для церковного пения, не будет и такого твердого знания обихода последнего, которое достигается длительным участием певчего в хоре — от детского до зрелого возраста. До сих пор все регента стали регентами только потому, что прошли школу певчего с детства. Чем теперь заменится эта школа для будущих регентов? Да и заменима ли она?

Все видные церковно-певческие деятели — историки, композиторы, писатели, теоретики — стали таковыми потому, что с детства попали на стезю певчества, вошли в интересы его, сжились с ним. Кто же, не втянувшись в дело церковного пения с малолетства, пришед в возраст, когда курс жизненной деятельности уже избран и, может быть, начат, определит себя в церковно-певческой деятельности, отдастся ему всецело: станет стремиться к регентству, работать в области истории пения, упражняться в церковных композициях и тому подобному? И отсутствие той школы, которая доньше проходила церковно-певческими деятелями, не скажется ли крупными недостатками в трудах таких поздно опознавших себя деятелей? Возможно, польза для хора от женских голосов и в малой доле не покроет ожидаемого вреда от вытеснения женщинами детей-мальчиков.

V. Устройство церковно-певческих школ

Духовно-музыкальные произведения нашего времени технически довольно сложны, требуют от исполнителей большой музыкальности, сознательности и т. д. Между тем, обучение пению детей-мальчиков занимает много времени, а голоса у них держатся недолго, равно как они и несознательны в нужной степени и т. д. И эти, и подобные резоны выставляются на защиту участия женщин в хоре и в примирение с недостатками их голосов. Уже сказано, что есть хоры из мужских и детских голосов, которым доступны все современные духовные композиции. Остается, таким образом, обсудить одно существенное соображение, именно — непрочность детского голоса и трудность обучения детей искусному пению. В хоросодержательских хорах голоса мальчиков держатся до 15-летнего возраста, и это при перегрузке их работой, когда дети в иные дни поют по две—три обедни и по несколько треб, находясь в очень малых составах — 8—10 человек со взрослыми. Так что при бережливом расходовании голосов, каковое вполне возможно, когда хор поет в одной церкви и в составе не менее 16-ти человек — сохранность их может быть увеличена по крайней мере на год.

Итак, певчий-мальчик может служить в хоре от 9-ти до 16-летнего возраста, то есть в течение семи лет. Допуская не совершенно специальную постановку дела, то есть, что ни регент, ни певчий не живут исключительно пением и на занятия по подготовке малолетних певчих не может тратиться много сил и времени, надо положить 2—3 года на образование певчего-мальчика. К этому надо прибавить еще год, когда у мальчика в конце периода его детского голоса теряется свежесть последнего. Таким образом, в силе знаний и цвете голоса певчий-мальчик может находиться 3—4 года. Это при лучших условиях; при неблагоприятных — меньше, и даже значительно. А вообще-то говоря, срок службы певчего-мальчика незначителен для приобретения большого опыта в пении и достижения прочности хорового репертуара пения. Наконец же, тратиться в течение семи лет на 2-, 3-летнюю полезную работу, значит допускать большую роскошь, а в этих случаях непозволительную нерасчетливость. Такой накладной расход из сил и средств или траты на содержание певческого балласта редко может быть по бюджету хора. Вследствие того представляется необходимым изыскать меры к увеличению срока полезности певчего-мальчика.

Одной из таких мер является учреждение церковно-певческих школ. На средства нескольких хоров*, примерно состоящих при церквях одного или двух благочиний, учреждается церковно-певческая школа с одногодичным курсом, в которую каждый хор помещает избранных им детей в возрасте 8—9 лет. В этой школе смогут производиться занятия учебными предметами по программам церковно-приходских школ за 1-й и 2-й год обучения, смотря по грамотности детей. Певческие занятия будут заключаться в постановке голоса, изучении нотной грамоты, сольфеджио и круга песнопений обычного роспева. Преподавателями певческих предметов должны быть специалисты по постановке голоса и по сольфеджио. И таким-то образом приготовительный певческий круг, проходимый в хорах 2—3, а иногда 4 года, сократится до одного года. От этого же весьма уменьшатся и расходы на содержание в хорах певческого балласта, как и увеличится срок полезности певчих-мальчиков. Кстати, сэкономятся у регентов время и силы.

Хорошая школа по сольфеджио, которую далеко не все регенты могут дать просто потому, что, будучи отличными регентами, они могут быть плохими учителями пения (для того и другого требуется разный талант) — увеличит грамотность хора, а чрез это возрастет его твердость в пении, сократится время и уменьшатся труды по подготовке к исполнению пения. Нако-

* Чтобы в этих случаях не нести расход на помещение для таких школ, их можно устроить при одной из центральных в данном районе церковно-приходских школ. Причем на занятия постановки голоса может отводиться один утренний час, а на занятия по сольфеджио и церковному пению час послеобеденный. Вообще же певческими предметами довольно заниматься один час в день.

нец же, правильная постановка голоса, редко кому из регентов доступная, усилит голосовые средства хора, даст ему лучшее звучание и поспособствует вообще сохранности голоса при каждом пении и, в частности, сохранности его по отношению срока пользования им. Организация такой школы проста и недорога. При комплекте учащихся в 40 человек плата за обучение не будет выше 40—50 рублей в год.

VI. Установление для хоров круга пения

До закона о свободе печати произведения певческой литературы санкционировались духовной цензурой в виде простого дозволения к печатанию их. В настоящее же время дозволение это оговаривает, что данное сочинение или разрешается к печатанию и употреблению при церковных богослужениях, или же — дозволяется печатать только текст. Это означает, что в одном случае допускаются на церковный клирос музыка и текст, а в другом — допускается текст, а музыка нет.

Фактически же дело обстоит так: до свободы печати сочинения, не дозволенные цензурой к печати, исполнялись по рукописям; равно и теперь исполняются все печатные и все рукописные сочинения. Словом, в церкви всегда пелось, что хотелось. Допущение на клирос того или иного певческого произведения зависело и зависит от решения исполнителя пения — регента. Но хотя бы все имеющие звание регента и все именующие себя регентами были в достаточной степени знающими свое дело и одушевленными наилучшими стремлениями в пользу церкви, все же такой порядок санкций певческих произведений по существу своему незаконен. Ничто не может быть внесено в богослужебный чин без благословения высшей церковной власти. Ни одно молитвословие не может быть введено вновь, несуществующее заменено новым. Стало быть и новые напевы, новая музыка к церковным текстам не может вводиться одной властью регентов. Тем более, что компетентность регентов и в этом деле, да и вообще-то в большинстве случаев остается недоказанной, ибо за полным почти отсутствием узаконенной церковно-певческой школы правомочных регентов у нас поразительно мало. Во всяком случае, здесь нужен какой-либо определенный порядок. Если дело санкции певческих произведений доверить регентам как специалистам, то надо дать им и все средства к наилучшему выполнению его, то есть предоставить им самое полное церковно-певческое образование.

Не признавая же регентский институт правомочным в этом деле, не должно его и допускать к нему. Следует же держаться общего положения о праве санкции по делам церковным, именно, все решения по этому делу должны исходить от Св. Синода. Официально дело это так и обстоит. Благословляя издания, содержащие старинные церковные напевы, и определениями своими с недавнего лишь времени разрешая новые духовные сочи-

нения к употреблению при церковном богослужении, Св. Синод принимает на себя трактуемую санкцию. Остается это законное положение дела утвердить фактическим признанием его таковым, то есть, допускать к употреблению при церковном богослужении певческие сочинения, содержащиеся в книгах, издаваемых по благословию Св. Синода (циркулярный указ Св. Синода от 1892 года, № 9, п. 6), а также допущенные к такому употреблению определениями Св. Синода (по силе указов Св. Синода 22 декабря 1804 года, 14 февраля 1816 года, 19 апреля 1850 года, 20 августа 1852 года), сочинений же, не получивших санкций Св. Синода, безусловно не допускать на церковный клирос. С этой целью следует обязать исполнителей пения петь только разрешенные в законном порядке сочинения и чтобы они по требованию подлежащей власти предъявляли печатный экземпляр исполняемого сочинения с цензурным дозволением «к печатанию и употреблению при церковном богослужении». Ответственность за соблюдение этого порядка возложить прежде всего на настоятелей церквей и вообще служащих священников, в присутствии которых исполняется хоровое пение.

Ввиду же того, что прежде цензурные разрешения певческих сочинений не опирались на определения Св. Синода, должно пересмотреть все такие сочинения и подвергнуть таковым определениям. Так как в настоящее время издаются и такие певческие сочинения, кои не допущены к церковному употреблению, а между тем почти все регента приобретают издания выпискою их из больших центров, часто не зная того, разрешено ли то или иное сочинение к названному употреблению, — необходимо или обязать издателей помещать в своих каталогах и объявлениях против названия каждого сочинения, имеет ли оно требуемое разрешение, или же снабдить все церкви списками разрешенных уже сочинений, дополняя эти списки хотя бы ежегодно новыми списками вышедших в свет разрешенных сочинений. Этими мерами можно достигнуть повсюду возможного единства пения.

Не должно опасаться, что при таком порядке могут парализоваться добрые стремления к новаторству в пении, к расширению горизонтов творчества и тому подобное, ибо оценка певческих произведений не может производиться механически, будет ли делаться самими регентами, высшей ли церковной властью. При одинаковых благопожеланиях делу со стороны регентской среды и церковной власти у последней имеется еще постоянный долг и никогда не слагаемая ответственность по отношению к нему. И потому самое осуществление этих благопожеланий является для церковной власти уже обязательным. <..> Санкция певческих произведений должна быть церковным деянием, то есть делом выдержанным. У регентов же это как было, так и будет по необходимости более личным, своего рода фельетоном на злобу короткого дня или откликом на временное и, может быть, случайное настроение.

VII. Учреждение наблюдения за деятельностью церковных хоров

Церковно-певческие хоры своим назначением призываются к восполнению сил церковного клира (Лаодикийский собор, правило 15) и состоят в ведении духовного начальства (указ Св. Синода, по высочайшему повелению, 22 декабря 1804 года). Органами церковной власти в наблюдении за деятельностью церковных хоров служат: настоятели церквей (указы Св. Синода от 22 декабря 1804 и 23 июня 1853 года), Духовная консистория (Устав духовной консистории, ст. 1; указ Св. Синода 14 февраля 1816 года), Наблюдательный церковно-певческий совет при Синодальном училище в Москве и член совета, заведующий церковно-певческими хорами (высочайше утверждено 10 января 1897 года, Устав московского Синодального училища церковного пения № 78 и Устав церковно-певческих хоров г. Москвы, утвержденный определениями Св. Синода 15 июля 1906 года и 12 декабря 1911 года, § 3, 8 и 29).

Ввиду того, что в церковно-певческом деле заключается много специальных частей, требующих технических знаний, кои в полном своем объеме не обязательно находятся в компетенции настоятелей церквей, то, чтобы оказать этому органу церковной власти помощь в наблюдении за деятельностью хоров, равно не оставить и хора без поддержки и надлежащего руководства, нужен достаточный состав специальных наблюдателей за хорами. Для осуществления фактического надзора за хорами в Москве необходимо иметь не менее 4—5 наблюдателей. Для единства в действиях наблюдатели за хорами должны составить одну корпорацию во главе с заведующим певческими хорами в Москве, подчиненную Наблюдательному церковно-певческому совету при московском Синодальном училище церковного пения и действующую по инструкции сего совета.

Устав Патриаршего хора. [Конец 1917 года]*

1. Патриарший хор предназначается для пения в московском Большом Успенском соборе.

2. Патриарший хор, состоя в ведении Верховного церковного совета¹, имеет своим попечителем патриарха.

3. Патриарший хор и училище содержатся на счет особых средств, получаемых из доходов певческих домов в Теплых рядах на Ильинке в Москве и от недвижимых имуществ упраздненных московских монастырей: Георгиевского, Ивановского и Крестовоздвиженского.

4. Все дела, касающиеся хора, состоят в ведении директора, регента, помощника и делегатов хора.

* Машинописная копия. *Устав Патриаршего хора* (Частное хранение).

5. Желаящие поступить в число взрослых певцов заявляют о том регенту Патриаршего хора, который совместно с делегатами хора подвергает их установленному испытанию.

6. Лица, удовлетворяющие требованиям предварительного испытания, определяются общим собранием регентов и певцов в Патриарший хор по представлению регента и делегатов.

Примечание: Каждый вновь поступивший числится один год на испытании, после чего его судьба решается собранием взрослых певцов и регента.

7. Для вновь поступающих певцов, числящихся на испытании, существует оклад, уменьшенный на 20% по сравнению с основным окладом. В основной оклад для всех рангов вводятся пятилетние прибавки.

Примечание: Исключительные случаи особо обсуждаются регентом и делегатами хора (октависты и другие исключительные голоса).

8. Взрослые певцы получают кроме денежного вознаграждения казенную квартиру с отоплением и освещением.

9. Взрослые певцы находятся в ближайшем заведовании регента и его помощника и беспрекословно исполняют все их требования, согласованные с особыми правилами, определяющими обязанности певцов и их служебные отношения. Правила эти составляются регентом хора и представляются на утверждение общему собранию хора.

10. В случае неуважительной неисправности певцов все дисциплинарные взыскания (выговоры, штрафы и увольнения) налагаются по требованию регента и его помощника собранием певцов.

11. В случае увольнения певца вследствие потери голоса, прослужившего не менее пяти лет, он имеет право на получение единовременного пособия в размере годового оклада жалованья.

12. Ежегодно каждый певец, прослуживший не менее года, имеет право на отпуск в летнее время не менее, чем на полтора месяца, с сохранением жалованья.

13. Певцы, прослужившие не менее 15-ти лет, пользуются правом получения пенсии в размере половины основного годового оклада, прослужившие 20 лет — в размере трех четвертей основного годового оклада.

Примечание: В исключительных случаях певцы, не дослужившие полутора лет до указанного в § 13 срока, считаются выслужившими установленную пенсию.

14. Вдовы певцов, а также и их дети, не достигшие 18-летнего возраста, не имеющие матери, пользуются правом на получение пенсии в размере половины основного годового оклада, получаемого мужем или отцом.

Примечание: В случае выхода замуж вдовы право на получение пенсии переходит к ее детям.

15. Для управления хором избирается Художественным советом и делегатами хора один регент.

16. Регент совместно с делегатами хора избирает себе помощника.

17. Певцы, поступившие в хор, малоопытные в церковном пении и чтении нот, обязаны посещать классы сольфеджио и церковного пения.

18. Состоящий при Патриаршем хоре врач обязан пользоваться как заболевших певцов, так и членов их семей, обратившихся к нему за помощью.

19. В хозяйственную комиссию по управлению имуществами и расходованию средств хора и училища входят делегаты от взрослых певцов на равных правах с представителями училища.

Комментарии

1. Имеются в виду органы Высшего церковного управления — Священный Синод и Высший церковный совет, при которых Поместным Собором планировалось учредить Патриаршую палату церковного искусства и древностей, ведающую церковными искусствами, а том числе и церковным пением (см. раздел «Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917—1918 годов. Материалы о церковном пении» в третьем томе серии).



1918 год

**Выписка из журнала № 35
Хозяйственно-распорядительного совещания
при Соборном Совете Поместного Собора
Русской Православной Церкви
с ходатайством родительского комитета Синодального училища.
9/22 февраля 1918 года***

Слушали:

а) Доклад (словесный) Н. М. Гринякина по поводу предъявленного со стороны родительского комитета при Московском Синодальном училище церковного пения чином духовного ведомства, проживающим в здании училища¹, требования немедленно очистить комнаты в нижних этажах, необходимых училищу для возобновления учебных занятий, и переселиться в 3-й этаж в помещение общих спален².

б) Дополнительные объяснения Д. П. Андреева по предмету постановления родительского комитета.

в) Сообщение Н. Ф. Шенца с предложением способов к разрешению возникшего вопроса об освобождении необходимых для учебных занятий учеников училища комнат.

г) Объяснение А. Д. Кастальского о возможности разрешения указанного вопроса³.

Постановили: Предоставить администрации училища принять меры к немедленному разрешению возникшего вопроса, приняв во внимание как учебные нужды учеников Синодального училища, так и интересы проживающих в училищном здании чинов духовного ведомства, уже очистивших необходимое количество комнат в нижнем этаже и переселившихся во 2-й этаж.

Комментарии

1. В Синодальном училище располагались многие члены Поместного собора, в числе министр исповеданий А. В. Карташев, товарищ министра исповеданий С. А. Котляревский, директор Департамента по делам Православной церкви В. И. Яцкевич, управляющий Контролем при Св. Синоде М. А. Дьяконов и др.

2. Дирекция училища предполагала во втором полугодии возобновить занятия с приходящими учениками, набрать детей в приготовительный класс и осуществить выпуск оканчивающих IX класс учеников.

3. А. Д. Кастальский являлся членом Хозяйственно-распорядительного совещания при Соборном Совете Поместного Собора.

* Машинописная копия. *Протоколы заседаний Соборного Совета за вторую сессию* — ГАРФ, ф. 3431, оп. 1, № 201, л. 70—70 об.

Выписка из журнала № 37
Хозяйственно-распорядительного совещания при Соборном Совете
с предложением о выселении чиновников духовного ведомства
из здания Синодального училища.
14/27 февраля 1918 года *

Слушали:

а) Доклад (словесный) Н. М. Гринякина о том, что проживающие в здании Синодального училища церковного пения на Б. Никитской улице чины духовного ведомства, обсудив вопрос о переселении в свободный дом бывшего прокурора Московской Синодальной конторы на Воздвиженке и приняв во внимание, что последние дни администрация Синодального училища уже не настаивает на освобождении верхних помещений училища и пока согласна довольствоваться очищенными в нижнем этаже пятью комнатами, пришли к решению оставаться пока в здании Синодального училища.

б) Предложение Л. К. Артамонова о необходимости совершенно освободить здание Синодального училища чиновникам духовного ведомства ввиду дороговизны содержания училищного здания и предоставить чиновникам право на получение квартирного пособия с размещением в частных домах и квартирах.

Постановили: Предложить проживающим в Синодальном училище церковного пения чиновникам по желанию переселиться в свободные помещения Духовной семинарии ввиду близости семинарии к Епархиальному дому и значительного удобства для чинов при исполнении ими обязанностей по обслуживанию нужд Собора, предоставив вместе с тем право на квартирное пособие тем из чиновников, которые пожелают разместиться в частных квартирах.

* Машинописная копия. *Протоколы заседаний Соборного Совета за вторую сессию* — ГАРФ, ф. 3431, оп. 1, № 201, л. 80—80 об.

Выписка из журнала № 39**Хозяйственно-распорядительного совещания при Соборном Совете
с обсуждением условий пребывания чиновников духовного ведомства
в здании Синодального училища.****22—24 февраля / 7—9 марта 1918 года***

Слушали: Отношение директора Московского Синодального училища церковного пения А. Д. Кастальского от 22 февраля с. г. за № 58, в котором сообщается, что стоимость отопления и освещения с расходом на прислугу, без включения в расценку стоимости помещений, отведенных в училище для членов Собора, чинов соборной канцелярии и походной канцелярии, выражается в сумме 1527 рублей 20 копеек. Если же считать стоимость училищных помещений, предоставленных для Собора, то по приблизительному подсчету, сделанному правлением училища, она выразится в сумме около 500 рублей в месяц. Никаких новых расходов, по заявлению А. Д. Кастальского, из соборных сумм по указанной статье более не потребуется.

Постановили: Принять условия, предложенные директором Московского Синодального училища церковного пения А. Д. Кастальским, ассигновав в уплату за квартиры для членов Священного Собора и чинов соборной и походной канцелярий 2000 рублей в месяц с разверсткой указанной суммы между Собором и Священным Синодом.

* Машинописная копия. *Протоколы заседаний Соборного Совета за вторую сессию* — ГАРФ, ф. 3431, оп. 1, № 201, л. 109—109 об.

6/19 марта 1918 года, вскоре после обсуждения вопроса о стоимости занимаемых соборными чинами помещений, здание Синодального училища было реквизировано большевиками для нужд военного комиссариата. «Церковные ведомости» откликнулись на это событие следующими строками: «Недавно было реквизировано здание Московского Синодального училища, в котором размещается теперь комиссариат по военным делам. В бывшем кабинете министра исповеданий А. В. Карташева расположился комиссар Троцкий со своей женой» (т. I, с. 311). Однако члены Собора, наряду с сотрудниками Отдела военных сообщений Главного управления Генерального штаба, продолжали жить в училище (см. ниже).

**Выписка из протокола заседания правления Синодального училища
об экстренном выпуске учеников IX класса.**

11/24 марта 1918 года*

Имели суждение по вопросу об экстренном выпуске учеников IX класса Синодального училища церковного пения ввиду реквизиции помещения училища.

Постановили: учеников Васильева Сергея, Дорохова Павла, Киута Эраста, Макеева Семена, Обвивальнева Бориса, Орла Ивана, Попандопуло Петра, Ромашкова Евгения, Степанова Александра и Шведова Дмитрия считать окончившими полный курс Синодального училища и выдать им свидетельства на звание регента I-го разряда и учителя церковного пения; причем Попандопуло Петру и Шведову Дмитрию в дополнение к свидетельству выдать удостоверение на право получения диплома на звание свободного художника по утверждению Устава училища. Окончившим выдать иконы и камертоны, а Попандопуло кроме того дать в награду еще скрипку за № 81 ввиду отсутствия у него средств к приобретению сего инструмента.

**Отношение комиссара по народному образованию
Московского учебного округа в Синодальное училище церковного пения.
9/22 апреля 1918 года****

Предлагаю коллегии в составе Кастальского, Успенского и Сокольского приступить к исполнению обязанностей по управлению бывшим Синодальным училищем церковного пения.

Комиссар по народному образованию
Московского учебного округа М. Паушкин.
Заведующий отделом А. Изюмов.

* Машинописная копия. *Журнал правления Синодального училища* — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 113, л. 1—1 об. В деле — педагогический журнал правления училища от 11/24 марта 1918 года.

Заседание проходило под председательством директора училища А. Д. Кастальского в составе старшего воспитателя училища К. П. Успенского и преподавателей Н. Н. Сокольского, В. Н. Якимова и протоиерея В. И. Кедрова.

** Писарская копия. Частное хранение.

По всей видимости, Синодальное училище перешло в ведомство комиссариата по народному образованию в силу декрета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской области о духовных учебных заведениях от 22 марта / 4 апреля 1918 года (см. ниже).

**Ходатайство родительской организации
при Московском Синодальном училище
перед комиссаром по народному образованию
Московского учебного округа о сохранении училища.
[Весна 1918 года]***

Прилагая при сем копию ходатайства в президиум Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Московской области, просим Вас содействовать в интересах просвещения трудящегося народа сохранению Московского Синодального училища. Приложение: 1) копия ходатайства, 2) список учеников, обучающихся в училище, с указанием их происхождения, 3) программы преподаваемых в училище предметов.

Члены родительской организации, представитель училища.
Адрес родительской организации при училище:
Б. Никитская, д. 11, кв. 7.

**Запрос члена Московской Синодальной конторы
протопресвитера Н. А. Любимова
к директору Синодального училища А. Д. Кастальскому.
12/25 апреля 1918 года****

Синодальная контора просит Вас, милостивый государь, немедленно сообщить ей к 13/26 апреля для доклада Его Святейшеству о том, было ли возбуждено ходатайство со стороны педагогического персонала училища о приеме училища в ведение комиссариата просвещения и к какому результату пришло это ходатайство.

Член Синодальной конторы протопресвитер Н. Любимов.

**Ответное письмо А. Д. Кастальского
в Московскую Синодальную контору с опровержением предположения
о ходатайстве персонала училища перед комиссаром просвещения.
[Апрель 1918 года]*****

На отношении Московской Синодальной конторы от 25 (12) апреля за № 559 имею честь уведомить, что ходатайства со стороны педагогического персонала училища о приеме училища в ведение Комиссариата народного

* Машинописная копия. Доклады директора училища прокурору Московской Синодальной конторы по личному составу — РГАЛИ, ф. 662, оп. 1, № 103, л. 64 об.

** Машинопись за подписью-автографом Н. А. Любимова. Там же, л. 63.

*** Черновая рукопись, карандаш. Там же, л. 64.

На обороте листа запись рукой Кастальского: «1-е заседание коллегии было 24/11 апреля 1918 года».

просвещения, как указано в означенном отношении, не было. Синодальное училище находится в настоящее время в ведении Комиссариата в силу декрета Народного комиссара по просвещению Луначарского от 11 декабря 1917 года¹ и постановления Московского совета народных комиссаров, опубликованного в качестве обязательного декрета духовным учебным заведениям в «Известиях Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской области» от 4 апреля (22 марта) 1918 года за № 63.

При сем считаю долгом довести до сведения Синодальной конторы, что с потерей последней надежды на возвращение отобранных недвижимых имуществ, на доход с которых содержались Синодальное училище и хор², и заявления церковной власти о неимении иных средств на их содержание³ Синодальное училище и хор оказались в безвыходном положении.

Комментарии

1. 11 декабря 1917 года вышел декрет Народного комиссариата по просвещению о передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата (Собрание узаконений Рабоче-Крестьянского правительства, № 9, ст. 126). Духовные учебные заведения должны были перейти в ведомство Комиссариата с их инвентарем и имуществом.

2. Об изъятии у синодального ведомства недвижимого имущества в Москве и о последствиях этой акции см. в публикуемой во второй книге данного тома заметке «Судьба Синодального (патриаршего) училища и хора» (раздел «Статьи и отклики»).

3. Из письма А. Д. Кастальского к Х. Н. Гроздову от 5/18 апреля 1918 года следует: на совещании с протопресвитером Н. А. Любимовым руководство Синодального училища было оповещено о том, что духовная власть не располагает финансовыми возможностями для содержания училища и его служащим надлежит самостоятельно изыскивать средства к существованию. По всей видимости, это сообщение и определило решение руководства Синодального училища о переходе в ведение Комиссариата по народному образованию.

Выписка из журнала № 50—51
Хозяйственно-распорядительного совещания при Соборном Совете.
17—30 апреля / 1—14 мая 1918 года*

Слушали: Доклад Н. Ф. Шенца по вопросу об оставлении чиновников соборной и синодальной канцелярий в Синодальном училище церковного пения, которое Отдел военных сообщений предполагает реквизировать в части, занятой чиновниками.

Постановили: Просить В. П. Шеина и В. И. Яцкевича лично обратиться в Отдел военных сообщений Главного управления Генерального штаба с заявлением о необходимости оставления для нужд Собора и Высшего церковного управления Синодального училища церковного пения.

Журнал № 1 заседания коллегии
по управлению бывшим Синодальным училищем церковного пения.
24/11 апреля 1918 года**

I. Было заслушано отношение Комиссариата по народному образованию при Московском совете рабочих и солдатских депутатов от 22/9 апреля 1918 года <...>¹.

Постановили: принять к сведению и исполнению.

II. При обмене мнений по поводу предстоящей училищу работы по формированию строя училищной жизни коллегия прежде всего констатировала полное отсутствие денежных средств у училища, требующихся для покрытия самых необходимых текущих расходов.

Постановили: немедленно принять меры для получения училищем денежных средств, назначив для обсуждения этого вопроса специальное заседание коллегии с участием членов административной хозяйственной комиссии Кокорина, Петрова и Харитонова.

А. Кастальский, Н. Сокольский, Д. Кокорин.

Комментарии

1. В опущенном фрагменте — Отношение комиссара по народному образованию Московского учебного округа в Синодальное училище церковного пения от 9/22 апреля 1918 года (см. выше).

* Машинописная копия. *Протоколы заседаний Соборного Совета за вторую сессию* — ГАРФ, ф. 3431, оп. 1, № 201, 178 об.

** Писарская копия. *Журналы заседаний коллегии по управлению бывшим Синодальным училищем церковного пения* (Частное хранение). В коллегии по управлению бывшим Синодальным училищем церковного пения входили А. Д. Кастальский, Н. Н. Сокольский и К. П. Успенский; Д. И. Кокорин, А. А. Петров и И. М. Харитонов являлись членами административно-хозяйственной комиссии училища.

**Журнал № 2 заседания коллегии
по управлению бывшим Синодальным училищем церковного пения.
25/12 апреля 1918 года***

I. Обсуждали вопрос о размере жалования служащих при училище.

Постановили: ввиду крайне низкой платы, получаемой до сих пор служащими за их труды в училище, сделать представление в Комиссариат по народному образованию Московского учебного округа о повышении всем служащим вознаграждения применительно к установленной Комиссариатом труда норме начиная с мая текущего года, а за апрель месяц просить для служащих соответствующей добавки к полученному ими от училища жалованию всего в размере 625 рублей.

II. Обсуждали вопрос, возможно ли и нужно ли, как было до сих пор, продолжать снабжать лиц, которым по Уставу училища полагается стол натурой (прислуга, воспитатели и эконом), готовым бесплатным столом от училища или перевести всех вместо натурального на денежное довольствие.

Постановили: ввиду того, что помещение училища реквизировано и пансион для учеников закрыт, а также вследствие непреодолимой трудности добывания продуктов, прекратить выдачу от училища готового стола натурой всем поименованным лицам, переведя их на денежное довольствие.

III. Был поднят вопрос о сокращении количества училищной прислуги, воспитателей в связи с реквизицией училища и закрытием пансиона для учеников.

Постановили: оставить при училище следующих служащих: двух швейцаров, одного дядьку, кастеляншу, портного, двух дворников, одного рассыльного, двух классных и одного помощника швейцара, а остальных уволить со службы, сделав представление в Комиссариат по народному образованию о выдаче им денежного вознаграждения в следующем размере: 1) поварихе за 1½ месяца из оклада в 288 р. — 423 р., 2) двум судомойкам из оклада в 216 р. — 648 р., 3) двум классным из оклада в 240 р. — 720 р., 4) сиделке при лазарете из оклада в 216 р. — 324 р., 5) дворнику из оклада в 288 р. — 432 р., всего 2556 р.

IV. Слушали заявление исполняющего обязанности эконома училища о том, что в его распоряжении совершенно не имеется денег на текущие расходы по довольствию столом лиц, получающих от училища стол натурой.

Постановили: Обратиться в Комиссариат по народному образованию с представлением о выдаче денег на этот предмет в размере 3000 рублей.

А. Кастальский, Н. Сокольский,
Д. Кокорин, А. Петров, И. Харитонов.

* Писарская копия. Журналы заседаний коллегии по управлению бывшим Синодальным училищем церковного пения (Частное хранение).

**Журнал № 3 заседания коллегии
по управлению бывшим Синодальным училищем церковного пения.
26/13 апреля 1918 года***

I. Обсуждался вопрос о времени закрытия училищной кухни и прекращения выдачи стола натурой прислуге, воспитателям и эконому.

Постановили: не находя возможным ввиду наступающих праздников немедленно прекратить выдачу стола вышеупомянутым лицам, продолжить эту выдачу до середины пасхальной недели (приблизительно) в зависимости от того, в каком количестве удастся приобрести продукты.

II. Обсуждали вопрос об обеспечении административно-педагогического персонала училища жалованьем за май месяц текущего года.

Постановили: сделать представление в Комиссариат по народному образованию Московского учебного округа об ассигновании средств на уплату всем означенным лицам жалованья за май месяц в существовавшем до сих пор размере, не исключая преподающих церковное пение. О выдаче содержания служащим в хоре (регентам и певчим) как вспомогательном учреждении при училище сделать особое представление. Вместе с тем, ввиду крайне незначительного содержания, получаемого всеми означенными лицами за свой труд, коллегия постановила просить Комиссариат по народному образованию выдать, начиная с января 1918 года, хотя бы те процентные надбавки, которыми пользовались все состоящие на государственной службе.

Кроме того, коллегия постановила обратить внимание Комиссариата на то обстоятельство, что по вопросу о выдаче процентных прибавок административно-педагогическому персоналу училища составилось постановление Св. Синода о выдаче таковых прибавок с 1 октября 1916 года по 1 января 1918 года, на что была ассигнована необходимая сумма в размере 28 988 рублей и 81 копейки. Административно-педагогический персонал училища не получил этой прибавки исключительно потому, что все капиталы Синода были конфискованы. Поэтому коллегия постановила просить Комиссариат по народному образованию принять зависящие от него меры к тому, чтобы училище получило означенную сумму в 28 тысяч рублей.

**Журнал № 5 заседания коллегии
по управлению бывшим Синодальным училищем церковного пения.
6 мая/23 апреля 1918 года****

I. Обсуждали сообщение отдела военных сообщений Главного управления Генерального штаба, помещающегося в здании училища, о том, что

* Писарская копия. *Журналы заседаний коллегии по управлению бывшим Синодальным училищем церковного пения* (Частное хранение).

** Писарская копия. Там же.

служащие училища Шилов, Громов, Чубаринова, Павлова, Мозжухина и Александрова зачислены в штат служащих отдела и все они получили от отдела за апрель месяц жалованье, каждый по 275 рублей.

Постановили: Шилова, Громова, Чубаринову, Павлову, Мозжухину считать оставившими службу в училище, не выдавая им по общему положению ни расчетных денег, ни предназначенного им добавочного вознаграждения за апрель месяц. Что касается Александровой, то постановили не выдавать расчетных денег и ей, так как она, как и Шилов, Громов, Чубаринова, Павлова, Мозжухина, получила и будет получать жалованье из Казначейства, то есть оттуда, откуда будут получать и служащие в училище.

II. В связи с оставлением службы в училище Шиловым, Громовым, Чубариновой, Павловой и Мозжухиной вновь обсуждали вопрос о количестве служащих для училища <...>.

III. Слушали заявление исполняющего обязанности эконома училища Харитонов о том, что приобретенных им продуктов для удовлетворения пользующихся от училища столом хватит только до 8 мая / 26 апреля включительно.

Постановили: 8 мая / 26 апреля закончить выдачу стола натурой и тогда же произвести установленные денежные выдачи.

IV. Обсуждали вопрос об ученике Жолткевиче, который находится в училище и как уроженец из Волынской губернии не может быть отправлен к родителям.

Постановили: Сделать представление в Комиссариат по народному образованию об ассигновании необходимых средств на содержание Жолткевича.

А. Кастальский, Н. Сокольский,
Д. Кокорин, А. Петров, И. Харитонов.

Выписка из журнала № 54

Хозяйственно-распорядительного совещания при Соборном Совете о положении Синодального училища и находящихся в нем чиновников духовного ведомства. 23 мая / 6 июня 1918 года*

1. Слушали: Отношение директора Московского Синодального училища церковного пения А. Д. Кастальского от 18/31 мая 1918 года за № 95 по вопросу об условиях, на которых могли бы оставаться в здании училища члены Собора и чиновники соборной и Высшего церковного управления канцелярий. Стоимость помещений в здании Синодального училища, согласно расценке, установленной правлением училища 22 февраля 1918 года и приня-

* Машинописная копия. *Протоколы заседания Соборного Совета за вторую сессию* — ГАРФ, ф. 3431, оп. 1, № 201, л. 192—193 об.

той Хозяйственно-распорядительным совещанием, за время с 1 февраля по 1 мая выражается в сумме 4608 рублей 93 копеек. Названная сумма почти полностью погашена израсходованными в Синодальном училище соборными дворами. Что же касается вопроса об условиях, на которых чиновники могут помещаться в училищном здании, то г. Кастальский доводит до сведения Хозяйственно-распорядительного совещания, что училище не может взять на себя каких-либо обязательств для возможно лучшего устройства жизни чиновников в училище. В настоящее время училище само находится в крайне тяжелом положении и, не являясь притом хозяином училищного здания, реквизированного для нужд Отдела военных сообщений, совершенно не в состоянии будет выполнить взятых на себя обязательств. Училище в необходимых случаях готово только оказать гг. чиновникам свою помощь и содействие, представляя им устраиваться в училище самим как они найдут для себя более удобным и лучшим. Училище готово отказаться от взывания какой-либо платы за занимаемое гг. чиновниками помещение, лишь бы только не быть в ложном положении в случае невозможности устранения жилищных и всякого рода хозяйственных неудобств для гг. чиновников.

Постановили: Выдать члену совещания Н. Ф. Шенцу на покрытие неотложных расходов по содержанию общежития для членов Собора и членов соборной и Высшего церковного управления канцелярий в доме Синодального училища церковного пения аванс в 1200 рублей. Суждение же об источниках на покрытие расходов по указанной статье иметь особо; вместе с тем просить указаний Соборного Совета по вопросу об условиях, на которых могли бы оставаться чиновники соборной и Высшего церковного управления канцелярий в зданиях, предоставленных для нужд Собора. <...>

3. Слушали. Доклад члена совещания Н. Ф. Шенца о проверке соборной мебели, находящейся в доме Синодального училища церковного пения. Часть мебели оказалась реквизированной Комиссариатом по военным делам и находится ныне в помещениях, занимаемых Отделом военных сообщений управления Генерального штаба. Мебель реквизирована согласно словесному распоряжению военных властей, причем значительная часть мебели для конторских целей совершенно непригодна.

Постановили: Просить члена совещания директора Синодального училища А. Д. Кастальского сделать распоряжение о составлении в установленном порядке реквизиционного акта, причем часть мебели, необходимой для кабинета Святейшего Патриарха, изъять из реквизиции.



III

Богослужебная
деятельность



Вступительная статья

Успенский собор и Синодальный хор

Устав Большого Успенского собора Московского Кремля восходит к Средневековью, но составители этого тома ставили своей целью не исследование древних источников, а воссоздание некоторых сторон жизни собора в XIX — начале XX столетия. Поэтому открывается часть достаточно пространным и ярким текстом под названием «Извлечение из устава Московского верхового Большого Успенского собора с предисловием и с показанием, в какие дни положено быть в нем патриаршим и архиерейским служениям по древнему патриаршему чину». Текст этот был опубликован без подписи в 1909 году в газете «Русский стяг», а в 1910 году вышел отдельным изданием. При сопоставлении «Извлечения» с серией брошюр «Из московской церковной старины. На память о Московском Большом Успенском соборе» протопресвитера В. С. Маркова выяснилось, что «Извлечение» бесспорно принадлежит его перу.

Владимир Симеонович Марков, протопресвитер Успенского собора в 1900—1911 годах (а затем — настоятель Храма Христа Спасителя), имел степень магистра богословия и был достаточно плодовитым писателем. Работа Маркова «Из московской церковной старины», выходявшая отдельными выпусками в 1902—1907 годах, рекомендует его как историка, тщательно изучавшего документы в Успенском соборе, в Синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеке и в архиве Московской Синодальной конторы. В некоторых разделах работы использованы те же данные, что и в публикуемом ниже «Извлечении», но, в соответствии с просветительской задачей серии, они даются более полно. Кроме того, «Из московской церковной старины» не несет в себе полемического, критического оттенка, характерного для «Извлечения» с его постоянным противопоставлением «тогда» и «сейчас», не в пользу «сейчас».

Как на достойные подражания образцы уставного богослужения автор указывает прежде всего на торжественные службы в эпоху патриарха Никона; с похвалой отзывается он также о строгом исполнении устава митрополитом Филаретом (которого в Москве едва ли не почитали как патриарха всероссийского), а также о попытках восстановления древних обычаев митрополитом Сергием (Ляпидевским; 1893—1898); с некоторым осуждением — о деятельности преемника Сергия, митрополита Владимира (Богоявленского; 1898—1912), не следовавшего в точности предписаниям устава. Но работа Маркова, конечно, не сводится к обсуждению действий конкретных лиц.

«Извлечение» содержит множество интересных исторических сведений. Опорой для рассуждений о восстановлении истинного Типикона собора служит автору ряд печатных и рукописных источников, перечисленных в начале его статьи. Центральный же для Маркова документ, как в «Извлечении», так и в книге «Из московской церковной старины» — это «Чин священнослужения и обрядов, наблюдаемый в Большом Успенского соборе», впервые изданный церковной печатью Синодальной типографией в Петербурге в 1795 году, а затем переизданный в том же виде в Москве в 1822 и, с добавлением Чина мирования, 1827 годах. Этот источник используется и нами в данном разделе — в частности, в комментариях к текстам А. Н. Муравьева, описывающим типичные именно для Московского Кремля службы Страстной седмицы и Пасхи и октябрьский Большой Кремлевский ход в память освобождения Москвы от галлов. Оттуда же извлечены публикующиеся ниже Устав о звоне и Чин мирования. Такое внимание к данному источнику не случайно: хотя «Чин священнослужения» появился в эпоху после отмены патриаршества, он, с одной стороны, воспроизводит более древнюю богослужебную практику, а с другой, является хронологически последним уставным документом Успенского собора, которому должен был следовать этот храм в XIX—XX столетиях (разумеется, относительно краткий «Чин» мог служить только самым общим руководством; все остальное либо извлекалось из других письменных источников либо передавалось по преданию). Вообще же Марков преследовал цель собрать воедино все сведения об архиерейских служениях в Успенском соборе, начиная с патриарших служб XVII века и кончая службами митрополитов начала XX века, прослеживая при этом происходившие изменения.

История «Чина священнослужения» сама по себе в высшей степени любопытна; она освещает и некоторые факты из жизни Успенского собора в XVIII столетии. Как показывают документы, воспроизведенные в книге Маркова, появление «Чина» связано с ситуацией развала, которая возникла в соборе после упразднения патриаршества. В Москве тогда зачастую не бывало постоянно присутствовавшего архиерея, причт собора забывал предания, дисциплина и нравы соборян и певчих оставляли желать много лучше-

го (во всяком случае, в 1729 году указом Синода под угрозой телесного наказания предписывалось соборным священникам и диаконам «житие иметь постоянное и от хмельного неумеренного питья воздерживаться и шумным в тое соборную церковь ни к какому божественному пению не приходить»^{*}; аналогичный указ вышел и в 1754 году). «Вплотную» Св. Синод занялся Успенским собором только во второй половине столетия. По предложению преосвященного Самуила, архиепископа Ростовского (впоследствии митрополита Киевского) было направлено обращение в Московскую Синодальную контору, и она указами от 24 сентября и 16 октября 1772 года предписала соборным ключарям представить обстоятельное изложение всех особенностей обрядов богослужения, соблюдаемых в Успенском соборе, а также сведения о процессиях и крестных хождениях, «с какими оныя и все ли с одинаковыми или некоторыя с отличными и в чем именно исправляются обрядами» (С. 13). Синод потребовал также от Московской конторы достать в соборе его «Типик» и изготовить копию, однако соборные ключари отвечали, уже в 1776 году, что подобного документа не имеется. Тем не менее синодальный ризничий Киприан через некоторое время отыскал какой-то «Типик» и отослал его в Петербург, но в Синоде не удовлетворились присланным и потребовали копию с такого «Типика», «из которого бы можно было видеть отправляемые в том соборе церемонии, того ради какие есть установления, касающиеся того Успенского собора, по коим, сверх Устава церковного, отправляются крестные ходы и прочие церковные церемонии, с показанием, что, где и кем установлено...» (С. 15). К июню 1776 года соборные ключари Никита Осипов и Александр Афанасьев сообщили Московской конторе, что нашли «установления» в двух томах; копирование выписок из рукописи длилось долго, около двух лет, поскольку книги были «самого старинного связного письма, и притом во многих местах почернели» (Там же). Однако и эти выписки показались в Петербурге недостаточными, и в сентябре 1778 года Московская контора повторила распоряжение ключарям: «...собрав из древних того собора записок, сочинить вновь выписку и по сочинении оной прислать к рассмотрению в Святейший Синод» (С. 16). Синодальный ризничий Киприан в октябре 1778 года представил в контору целый реестр книг по церковным церемониям собора, и на основании этого реестра было велено составить выписку «ясную и порядочную, по числам, и притом всемерно им, ключарям, наблюдать, дабы в той выписке ни малейшего от древнего, установленного в том соборе порядка отмены не было» (С. 18). Ключари закончили свою работу лишь к началу 1783 года и 31 января представили ее в Московскую Синодальную контору; там выписку

^{*} *Марков В. С.* Из московской церковной старины. На память о Московском Большом Успенском соборе. Вып. 3. М., 1905. С. 37. Далее все ссылки приводятся по этому изданию, в скобках после цитат.

скопировали, а подлинник послали в Св. Синод. Но и это не решило проблемы соборного «Типика».

В такой безнадежной ситуации за дело взялся известный архиерей того времени — высокопреосвященный Гавриил, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. За основу была взята рукопись середины XVII века из Московской Синодальной библиотеки (под № 697); в ней были произведены, по словам В. С. Маркова, некоторые сокращения и изменения, а также добавлены расписание времени церковных служб и, при третьем издании, Чин мирования. Что касается изменений, то они были вызваны условиями времени, «когда уже не стало патриарха в Русской церкви, когда архиерея заменил протопоп; архиерей же служил вместо патриарха» (С. 22). Митрополит Гавриил закончил работу в 1794 году, и на следующий год был напечатан «Чин священнослужения», который лег в основу работы В. С. Маркова.

Кроме старых русских богослужебных образцов, на которые Марков часто ссылается, идеалом для него является богослужение Великой Церкви Константинопольской — Святой Софии: указания на величественные обряды византийской церкви проходят через весь текст «Извлечения», так же, как мотив недовольства современным положением дел. Автор недоволен как московскими церковными властями, не выполняющими в должной мере уставные требования и тем нарушающими торжественный строй соборной службы, так и конкретно — пением в соборе, причем и клира, и хора. По его мнению, и голоса в этом клире, так восхищавшие современников, — уже не те, что прежде, и поют соборяне не все положенное по уставу, перелагая это на певчих. Хор же поет вовсе «не то», и притом не участвует в ряде служб, в которых обязан участвовать (в частности, посылает на утрени лишь небольшую группу «ночников», а в храм Двенадцати Апостолов посылает певцов по найму).

Это можно было бы счесть за бесосновательные претензии, по крайней мере, относительно хора — ведь речь идет об эпохе его общепризнанного расцвета и эпохе воскрешения древности в репертуаре хора, в творчестве связанных с ним композиторов. Однако Марков как соборный протопресвитер говорит главным образом о другом — о древней и широко развитой традиции пения причта, состоянием которой он не удовлетворен настолько же, насколько исполнением соборного устава в целом. Возможно, в этом вновь проявляется конфронтация пресвитера с митрополитом — недаром в своей книге Марков нарочито подчеркивает: главный в Успенском соборе — именно пресвитер, а не архиерей, и ссылается при этом на указ Св. Синода еще от 22 января 1768 года, где предписывается всем служащим в соборе, в том числе и архиереям, «оказывать [соборному протопопу] должный респект и ничего без ведома и сношения с ним не чинить» (С. 39).

Очевидно, здесь не место обсуждать вопрос, насколько был прав или насколько заблуждался протопресвитер Марков. Очевидно также, что в начале XX столетия соборный устав не мог исполняться так, как он описывался в чиновниках XVII столетия. Наверное, предъявляемые Марковым требования чрезмерны, однако трудно пройти мимо того прекрасного образа «идеальной службы» и «идеального храма», который предстает внутреннему взору автора «Извлечения».

В первом томе серии «Русская духовная музыка в документах и материалах», среди прочих мемуаров о Синодальном хоре и училище, были опубликованы воспоминания В. И. Воздвиженского и Н. С. Ермонского, сыновей пресвитеров Большого Успенского собора, которые знали богослужение этого храма с детства (кроме того, оба они пели в Синодальном хоре, а Воздвиженский два года занимался в Синодальном училище), а также очерк бывшего ученика Синодального училища А. П. Смирнова «Церковный календарь Синодального хора». В этих работах, среди прочего, довольно подробно говорилось о своеобразных чертах богослужебной практики в кремлевском Большом Успенском соборе: об особом расписании служб, об огромном значении пения за службами не только хора, но и соборного причта, состоявшего исключительно из басов, и о репертуаре пения как хора, так и причта — в последнем случае главным образом одноголосного и основанного на традиционных роспевах. Напомним вкратце, о чем идет речь в воспоминаниях, которые отражают практику начала XX века:

Основными ежедневными богослужениями являлись: утренняя — в будние дни в четыре часа утра, литургия — в девять часов утра, вечерня в воскресные и праздничные дни — в три или в четыре часа (в зависимости от времени года). Под воскресные и праздничные дни вместо утрени служилась всенощная: в летний период (от Пасхи до Воздвижения) — в шесть или семь часов вечера, в осенне-зимний период (от Воздвижения до Пасхи) — в два часа ночи на праздничный день. <...>

...Численность соборного причта и самый подбор его членов, пресвитеров и диаконов, определялись отсутствием в его составе псаломщиков: чтение и пение на богослужениях в будние дни, а частично и в праздники, было возложено на самих соборян. <...>

В будние дни в соборе пели только соборяне, обычно шесть—семь человек: сакелларий, два—три пресвитера, два диакона и иподиакон. Без облачений, только в рясах, становились они не на клиросе, а посередине собора, между двумя передними столпами, в один ряд лицом к алтарю. Перед ними располагались раскладные аналои (разножки), а позади — большая дубовая скамья со спинкой, которая отгораживала поющих соборян от рядом стоявших молящихся.

Пение велось по напевам Успенского собора; оно было одноголосным, в басовом регистре. Такое пение — столбовое — создавало особенную выразительность; им как бы подчеркивалась преемственность нынешнего соборного богослужения от богослужения во времена «истинных хранителей

апостольских преданий» (из тропаря московским святителям), чьи мощи лежали здесь же, близ поющих.

Каждый член причта должен был обладать хорошим голосом (басом) и музыкальным слухом. Поэтому каждое освободившееся место заполнялось только после проб кандидата в пении и в чтении. <...>

В воскресные и праздничные дни всенощную и литургию пел Синодальный хор, и его пение, в отличие от пения соборян, было многоголосным. <...> Но и в присутствии Синодального хора значительное место на всенощной занимало пение самих соборян: ими исполнялась вся лития (стихиры и «Господи помилуй»), а также антифоны перед Евангелием, «Воскресение Христово видевше» (в алтаре). После Великого славословия соборяне в алтаре пели «Воскрес из гроба» или «Днесь спасение». На всенощной под обычное воскресенье соборяне пели также антифоны перед Евангелием. Стоя посередине собора, без облачений, они делились на два лика, каждый во главе с сакелларием, и пели антифоны попеременно.

Поскольку в осенне-зимний период всенощная под воскресные и праздничные дни служилась не накануне вечером, а в ночь (в 2 часа), Синодальный хор пел на всенощной в сокращенном составе — только мужскими голосами, басами и тенорами. Исключением являлись молебен под Новый год, а также богослужения в ночь на Великую Субботу и Светлое Воскресение (Т. I. С. 600—603).

Другой мемуарист, С. А. Шумский (выпускник Синодального училища и участник Синодального хора), вспоминал:

...Все священники и диаконы Успенского собора были только басы, центральные и профундовые, великой мощности звука, глубины и широты диапазона от *do-re* большой октавы до *do* первой октавы. <...> Хор духовенства Успенского собора был грандиозным басовым ансамблем, сверхмощным по силе, массивности звука. Таких басов не было ни в Большом театре... ни в других оперных театрах. Певчие Синодального хора каждый раз с профессиональным любопытством ждали их выступления, каждый раз изумляясь, восторгаясь лавиной басового звука этого вокального чуда (Там же. С. 621).

Кроме литературных существует и нотный источник, отразивший в определенной мере певческую практику именно причта собора в XIX веке, — это вышедшее в 1882 году «Собрание церковных песнопений напева Московского Большого Успенского собора», кстати, хронологически первое в истории отечественного церковно-певческого искусства издание *живого, современного пения, записанного с голоса его знатоков* (подробнее см. в разделе «Общество любителей церковного пения» в третьем томе настоящей серии). Таким знатоком в данном случае выступает сакелларий Петр Ильич Виноградов, член причта собора с 1847 года, то есть прослуживший там ко времени записи более тридцати лет. Известно, что в детстве Виноградов был певчим знаменитого Чудовского (митрополичьего) хора. Опытность Виноградова как в соборном уставе, так и в певческом деле подтверждается еще одним дошедшим до нашего времени документом — составленным им в

1866 году «Расписанием с указанием дней, в которые богослужения в Успенском соборе совершаются с полиелеем или со всенощным бдением и в которые должны петь вместо братии синодальные певчие», — этот материал публикуется в Приложении к настоящей части. Завершается же часть извлеченным из архива «Календарем служб Синодального хора за 1856—1857 годы, или Ведомостью о церковных служениях, при которых совершенно пение Синодальным певческим хором по назначению начальства», составленным регентом Иваном Виноградовым, певчим Синодального хора в детские годы и потом учителем малолетних певчих, получившим регентский диплом от Придворной капеллы и звание регента Синодального хора в 1855 году.

Этот документ, вместе со сделанными И. В. Виноградовым пометами об исполненных в той или иной службе некоторых песнопениях, до известной степени дает представление о репертуаре хора во второй половине 1850-х годов. Эти пометы позволяют утверждать, что в данный период в Синодальном хоре использовались издания Придворной капеллы, в соответствии с регламентом, весьма жестко насаждавшимся тогдашним директором А. Ф. Львовым, и лишь ирмосы и некоторые другие песнопения исполнялись «по преданию». Кроме того, «Календарь» отражает весьма напряженный ритм жизни синодальных певчих, особенно в праздники, в период Великого Поста и Пасхи: не редкость, когда хор, разбившись на группы, пел в такие дни до пяти—шести служб; обязательные — в Успенском соборе и церкви Двенадцати Апостолов, а также за архиерейскими служениями в Чудовом монастыре и других соборах Кремля; по приглашению — в приходских и домовых храмах.

*

Особый мир Московского Кремля и его соборов раскрывается и в печатаемых ниже Уставе о звоне и Чине мирования.

В цитированных выше воспоминаниях Воздвиженского и Ермонского указано время совершения основных служб в Успенском соборе в начале XX века. Оно не во всем совпадает с данными, которые можно извлечь из печатаемого ниже «Благовеста на весь год». Дело в том, что в древности не существовало точно установленного времени начала служб; при патриархах, как указывает Марков, к службе приступали «по докладу», то есть по повелению служащего архиерея. В 1722 году Св. Синод издал «Устав благовеста к церковному пению во весь год», которым должен был руководствоваться и Успенский собор. Однако в 1764 году Московская Синодальная контора обратила внимание на то, что предписанный «Уставом» звон ко всенощным бдениям в воскресные и праздничные дни — в зимнее время невыполним, потому что в 1-м часу пополуночи «и народного собрания не бывает», и свя-

щенникам трудно прибыть в собор; в результате всенощные стали начинаться в 3-м часу пополуночи. В «Благовест» 1795 года (в составе «Чина священнослужения») были внесены дополнительные изменения, а в 1850 году Московская Синодальная контора издала особый указ о пасхальном звоне в Кремле, по которому перед праздничной утреней «все прочие церкви должны выслушать первый удар Ивановской колокольни и по второму начинать свой благовест». В дальнейшем в расписании звона (то есть и в расписании служб) происходили дальнейшие перемены унифицирующего, «уравнивающего» характера. К началу XX века закрепилось то расписание, о котором пишут Воздвиженский и Ермонский, что подтверждается и свидетельством В. С. Маркова в книге «Из московской церковной старины» (см.: Вып. 3. С. 23—30).

Традиционный кремлевский звон, как отмечали многие слышавшие его, был необычным — по выражению большого знатока московской церковности писателя А. М. Ремизова, «века выговаривали на колоколах»:

Ударят на Иване-великом в Реут-колокол ко всенощной — ручьями побегут ревучие звоны над Москвой, над седьмихолмием, по Кремлю, по Китаю, по Белому, по Земляному за ворота и заставы. На соборной площади колокольный шум — ничего не слышно (из цикла «Неугасимые огни»).

Похожие впечатления отразились и в публикуемом во второй книге данного тома очерке М. А. Лисицына:

Вдруг грянул трезвон на колокольне Ивана Великого к Евангелию. Что за прелесть этот трезвон! В разных этажах колокольни ударяют в кампаны звонари. Звонят беспшабно, бессистемно, безалаберно. Да и какая тут может быть система, когда они друг друга не слышат. Шести- и четырехтысячепудовые ревуны висят в отдельном помещении, и там ударяют в них вовсю. Маленькие колокола чуть слышно врываются в этот львиный хор меди. Безалаберно все это, бестолково, но какая получается дивная гармония, какой дивный хор! Не записать его никакими нотами.

Менее красочно, но более профессионально пишут о кремлевском звоне упомянутые выше Воздвиженский и Ермонский:

Звон Ивановской колокольни отличался от других московских звонов... Начинали малые колокола, но за ними почти сразу вступала группа колоколов средних (которые по своим размерам не уступали большим колоколам московских церквей), а потом и ведущий большой колокол. В результате звон сливался в единое мощное звучание, на фоне которого лишь изредка выделялись малые колокола. И несмотря на некоторую хаотичность ивановского звона, он был гармоничен и впечатлял своей массивностью (Т. I. С. 605).

Древняя традиция кремлевского колокольного звона прослеживается по опубликованным чиновникам Успенского собора. И что важно, эта коло-

кольная «симфония» находилась в каком-то неуловимом, но ощущаемом всеми соответствии не только с внешним обликом Кремля, но и со звучащим в его соборах пением, о чем написал тот же Лисицын:

Подойдите к Синодальному хору с аршином западного хорового органного пения или с масштабом пения петербургской Придворной капеллы, которой подражают все петербургские церковные хоры, и пение Синодального хора можно разнести в пух и прах <...> Потом начинаешь понимать и осваиваться. «Да, это так здесь нужно. Это здесь стильно. Иначе было бы нехорошо, нестильно, нехудожественно. Запой здесь Капелла, можно было бы повторить слова патриарха Гермогена: “Не могу слышать латинского пения”».

Что касается мироварения, то оно начиналось в Мироваренной палате церкви Двенадцати Апостолов в понедельник утром и заканчивалось в среду вечером с освящением мира на следующий день. В продолжение трех дней священники московских храмов, сменяя друг друга, читали Евангелие, а диаконы перемешивали кипевшие в благовонных маслах ароматические травы. В Великий Четверг миро относилось в Успенский собор для освящения на литургии и возвращалось затем в храм Двенадцати Апостолов на хранение. В этом обряде издревле участвовал Синодальный хор (он пел в первый день мироварения — в понедельник); по воспоминаниям А. П. Смирнова, в его время, в 1910-е годы, исполнялись знаменные догматики в переложении А. Д. Кастальского. Сам текст Чина мироварения столь красочен, что способен воссоздать то впечатление, которое со дней детства и до старости хранил А. М. Ремизов как «сияющее воспоминание»:

Помню годы с Великого Понедельника, когда в Кремле в Мироваренной палате у Двенадцати Апостолов миро варят и иеродьяконы под Евангелие мешают серебряными лопатками серебряный чан с варом из душистых трав и ароматных масл Аравии, Персии и Китая. Первые солнечные дни — весна — (а что про дождик, про холод — все забыл!) — весенний воздух и ватка, которой обтирали лопатку или край чаши.

И дальше, уже не о мироварении, а о всей Страстной Седмиче в Кремле:

Незабываем в Великую Среду (после исповеди) «Чертог Твой»; в Великий Четверг — «Благоразумный разбойник»; в Великую Пятницу — «Благообразный Иосиф».

Сокровенен на стихирах знаменный догматик — песнь Богородице, кровной стариной веет литийный стих «Подобаше самовидцам» — выйдут на литию соборяне к облачальному амвону, да в голос: «Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй...»

А когда за архиерейской обедней мальчики альтами затянут «Святый Боже», и вправду не знаешь: ли на земле ты, ли на небе!

Тот же восторг перед древней святыней Кремля и его древними «чинами» запечатлели превосходно написанные очерки известного в свое время церковно-общественного деятеля Андрея Николаевича Муравьева,

который подробно и с глубоким знанием дела описал кремлевские службы Страстной седмицы и Пасхи, а также один из крестных ходов, на которых присутствовал в 1849 году: служение тогда возглавлял митрополит Филарет. Среди этих служб — столь редкостные и проводившиеся только в Успенском соборе, как всенародное елеосвящение пред началом Страстей Христовых в Великий Четверг, в тот же день — чин омовения (у Муравьева — умовения) ног, в Великую Пятницу — чин омовения мощей, приносимых из кремлевских соборов, крестный ход на погребении Плащаницы. Еще один очерк Муравьева посвящен крестному ходу в память освобождения в 1812 году Москвы от французов. В этом ходе, проводившемся во второе воскресенье октября, участвовало все московское духовенство, и вокруг Кремлевских стен обносились иконы Богоматери Иверская и Владимирская.

[В. С. Марков]

Извлечение из устава московского верхового Большого Успенского собора с предисловием и с показанием, в какие дни положено быть в нем патриаршим и архиерейским служениям по древнему патриаршему чину

По примеру Великой Церкви Константинопольской, в которой для Софийского Патриаршего Собора издан был особый Типикон, московские патриархи выработали таковой же и для своего верхового Успенского собора. Этот Типикон в сокращенном виде был напечатан в Московской Синодальной типографии и известен под именем «Чин священнослужения и обрядов, наблюдаемый в Большом Успенском соборе, по древнему патриаршему уставу». В этом чине показаны и часы, в которые производится на Ивановской колокольне благовест на весь год: к вечерни, утрени, всенощной, литургии и часам. На день и в день Благовещения Пресвятой Богородицы звон производится от Благовещенского собора, в дни Архангела Михаила, св. благоверных князей Михаила Черниговского и боярина его Феодора и св. царевича Димитрия, а также в дни царских панихид — звон от Архангельского собора и наконец 12 февраля и 20 мая, в дни святителя Алексия митрополита Московского — от Чудова монастыря¹.

В Патриаршей библиотеке сохраняются: «Чиновник соборный, или Устав совершения церковной службы в Успенском соборе, за весь год» (№ 695)²; «Чиновник церковный о благовесте и о звону, за весь год» (№ 696); «Устав священнослужения в Успенском соборе, составленный в 1627 году по повелению патриарха Филарета Никитича» (№ 910), отпечатанный в сокращении в VI части «Древней российской вивлиофики», и «Устав Успенского собора», относящийся к 1634 году, отпечатанный в Исторической библиотеке, том III и в Чтениях Императорского общества истории и древностей российских, 1907, книга IV. Из пяти книг патриаршего служения и патриарших выходов только одна, веденная певчим Феодором Константиновым (№ 423), годы 1666—1669, 1671, 1672 и 1674, напечатана в V томе прибавлений к Актам историческим, № 26, прочие же до сего времени не изданы, а именно: Чин патриаршего служения и патриарших выходов 1675—1682 годов, в том числе Чин патриаршего служения в Страстную и Светлую неделю (№ 425), то же (№ 428) 1682—1684, то же (№ 426) 1684—1687, то же (№ 93) 1655—1658 и 1691—1693³. В Чтениях Общества истории и древностей рос-

сийских, 1869, книга II помещены извлечения из патриарших выходов (Книга записная облачениям и действию № 93, 1655—1658 и 1691—1693). В них помещена служба Страстной недели, служба на Сырной неделе и некоторые другие. Самое отправление описано до мельчайших подробностей и служит руководством в эти дни архиереям, управляющим священнослужением в соборе⁴.

Московские патриархи, заимствовавшие от Великой Церкви Константинопольский устав, старались во всем ему подражать. В Константинопольском Софийском соборе церковное богослужение отличалось необыкновенною церемониальностью и торжественностью благодаря многочисленному его клиру и состоящим при патриаршей кафедре чинам, исправлявшим те или другие должности. Пение, ввиду прекрасных певцов, преобладало над чтением, что сохранено и доныне в Греческой церкви. То же прежде было и в Успенском соборе.

Большой Успенский собор, некогда один из обширнейших храмов в России, удивлявший современников, в настоящее время своими размерами далеко уступает многим церквям Москвы, не говоря о новом московском соборе Христа Спасителя, вдвое его превышающим своею вместительностью.

В Успенском соборе как в верховом венчаются на царство русские монархи, восходят на престол московские первосвятители со времен святителя Феогоста; в нем совершается освящение св. мира, елеосвящение, хиротония епископов, омовение ног; из него же совершаются крестные ходы на Москва-реку для водоосвящения и в некоторые соборы, монастыри и церкви, а также крестный ход вокруг Кремля в ближайший воскресный день к 12 октября. Клир Успенского собора никогда не отличался многочисленностью, в особенности если сравнить его с клиром Константинопольского Софийского собора, который установил в VI веке император Юстиниан I. 103-я новелла императора определила при нем 60 пресвитеров, 100 диаконов, 90 иподиаконов, 110 чтецов и 25 певчих. Император Иракий увеличил число пресвитеров до 80, диаконов до 150, чтецов до 160, иподиаконов сократил до 70*. При Константинопольском патриаршем дворе определен был значительный штат должностных лиц из монашествующих: протосинкел, эконо, сакелларий, скевофилакс, хартофилакс, сакеллий, протэкидик, протонотарий, номофилакс, ритор, иеромнимон и др. Старший из пресвитеров носил звание архипресвитера, или протопресвитера. При московском патриаршем дворе, за исключением эконома, казначея, ризничего (скевофилакса) и четырех крестовых иеромонахов, никаких других чинов не было. При патриарших крестовых церквях кроме них находились: 1 архидиакон, 2 иеродиакона и 4 иподиакона. Последние, как и архидиакон и ризничий-

* См.: *Du Cange Ch. Constantinopolis christiana...* // *Historia Byzantina duplici commentario illustrata*. Paris, 1680. P. 71.

иеродиакон, участвовали при служении патриарха в Успенском и других соборах и монастырях, а иподиаконы, кроме того, правили должность канонархов и чтецов как в соборе, так и в крестовой церкви. При патриархах клир собора состоял из одного протопопа (с 1801 — протопресвитера), 2 ключарей (с 1801 — сакеллариев), 5 священников (с 1801 — пресвитеров), 1 протодиакона, 5 диаконов и 2 пономарей. Кроме того, при придельных церквях Петропавловской, Похвалы Пресвятой Богородицы, великомученика Димитрия Фессалоникского⁵ и преподобного Иоанна Лествичника под Ивановскими колоколами состояло 5 придельных священников и 2 диакона⁶. В настоящее время штат Успенского собора остается почти тот же; добавлено в 1894 году лишь два пресвитера и оставлен один придельный священник при церкви св. Иоанна Лествичника; закрытыми остаются вакансии четырех придельных священников и двух диаконов. Хор патриарших певчих доходит ныне до 32-х больших и до 100 малолетних⁷.

Устав Успенского собора несколько разнится с общепринятым в Русской церкви. Кроме Успенского собора в России свои уставы имеют лавры — Киево-Печерская, Троице-Сергиева, соборы — Новгородский Софийский, Ростовский Успенский, Нижегородский Спасо-Преображенский, Холмогорский Преображенский, монастыри — Воскресенский Новоиерусалим (в нем иеродиаконы по примеру Греческой церкви носят большие орари), Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Новгородский Юрьев, Валаамов, Волоколамский Иосифов, Антониев Сийский, Гелсимаанский скит и другие; некоторые пустыни, как Саровская, Белобережье, Югская Дорофеева, Оптиная, Калужская Тихонова, Площанская, Николо-Песношская и другие, отправляют богослужение по уставу Афонской горы.

В Типиконе Великой Христовой Церкви Константинопольской, которым руководствуются церкви преимущественно мирские (то есть приходские), говорится, что в монастырях древние уставы их основателей и отцов по причине особых условий монашеской жизни должны быть *неизменяемы, нефикосновенны и неподвижны*. Приходские церкви Константинополя, Афин и всех прочих городов и селений регулируются при отправлении богослужения особым уставом, в последний раз изданным в 1888 году с благословения вселенского патриарха всесвятейшего Дионисия V в Константинополе под именем Типикона Великой Церкви, в новой значительно исправленной и дополненной редакции.

Чин богослужения в Успенском соборе был в значительной степени схож с Типиконом Великой Церкви Св. Софии.

«Из этого божественного храма, — говорит св. Симеон Фессалоникский, — как потоки потекли по всей земле иерархи, орошая и оживляя

* В Новгородском Софийском соборе в XVII веке были 2 ключаря и 18 иереев, а в Ростовском Успенском — ключарь и 10 иереев.

церкви и души верующих». В то время как в Киеве архиереи по тамошнему обычаю, отчасти сохраненному от униатов, выходят в полном облачении (саккосе) на величание (во время всенощных и утрень), в Успенском соборе они, по обычаю Греческой церкви, надевают лишь на мантию большой омофор и митру.

В патриаршем соборе имя архиерея, служащего литургию, на выкличке не выкликается*; диаконы при возгласах «оглашении, изыдите» обращаются лицом к народу. Стихиры на литии и антифоны на воскресных утреньях и всенощных, также «Воскресение Христово» и псалом «Помилуй мя, Боже» поют соборяне.

Во весь год во все воскресенья протопопу с братией в соборе облачение и выход; в праздничные дни и черным властям. На литию непременно облачался и выходил протопоп с братией; на праздничных вечернях принимали участие, при служении патриарха, архимандриты и игумены. На первом выходе протопоп с братией выходят северными дверьми и идут между амвоном и столпом и становятся против первого, ожидая пока протодиакон окадит всех, потом, пришедши по два, поклоняются патриарху, стоящему на патриаршем месте.

До 1725 года диаконы кадили патриаршему месту даже в отсутствие патриарха, как принято на православном Востоке. На молебствиях припевы святым, «Слава и ныне», «Достойно есть», как и молебен перед крестными ходами, поют одни соборяне. Что положено петь соборной братии и что певчим, можно видеть как из самого Чина Успенского собора, так и из вышеназванных записных книг патриаршего служения. Прежде канон, вместе с ирмосами и катавасией, на утреньях и всенощных пели весь, как поют ныне на Пасхе, а иногда и на день Успения Пресвятой Богородицы. Пение канона доньше сохранено в церквях православного Востока: в греческих, румынских, сербских, болгарских, а в России в Киево-Печерской лавре, где по примеру Греческой церкви на первой неделе Великого поста поется канон св. Андрея Критского, как и на утрени службы в честь преподобной Марии Египетской (5-я неделя Великого поста), и в некоторых монастырях, в которых соблюдается афонский устав. По поводу обычного пения канона в греческих церквях летописцы сообщают: «В праздничные и воскресные дни перед началом пения канона храмы Константинополя переполнялись народом, в особенности собор Св. Софии, где на троне Златоуста стоял патриарх. Патриарший трон окружали чины патриаршего двора: протосинкел, эконо, сакелларий, скевофилакс, хартофилакс, сакеллий, протэдик и прочий неслужащий клир. К пению канона часто являлся император, окруженный

* В 1721 году повелено было выкликать лишь при служении членов Св. Синода. В 1884 году по распоряжению митрополита Московского Иоанникия на выкличке стали многолетствовать каждого служащего епископа.

придворною свитою. Народ, переполнявший громадный храм, с нетерпением ожидал исполнения канона, обращая внимание на протоканонарха, руководившего певческим хором. Как только начиналось пение, во храме воцарялась полная тишина; все богомольцы молитвенно сосредоточивались, слушая чудное пение. Стихи, строфы и припевы следовали одни за другими, сопровождаемые приятною для слуха мелодиею. Гармонические звуки ирмосов и тропарей канона вливались в душу богомольца, и вместе с ними доходили до его сердца и ума возвышенные мысли песнотворца». В верховом Успенском соборе «в старину и духовные и миряне», по словам одного духовного писателя, «с особенною любовью и благоговением внимали пению канонов, вынося от слушания их бездну религиозно-нравственного назидания и умственного просвещения». В настоящее время эта часть утрени проходит без внимания со стороны богомольцев, часто от плохого и невнятного чтения и частых пропусков...

Русские паломники, посещавшие Константинополь до падения Византии и присутствовавшие за богослужением в Софийском соборе, чувствовали себя как бы находившимися в раю. «Кий ум и какова душа, иже не помянет тогда о царствии небеснем и о жизни бесконечной», — восклицает Антоний Ядрейкович, впоследствии архиепископ Новгородский, в своем «Путешествии в Царьград»⁸, о совершении великого выхода с его блестящей обстановкой в Софийском соборе*. «Пение же воспоют калуфоны, аки ангелы, и тогда будет стояти в церкви той, аки на небеси или аки в раи; дух же святыи наполняет душу и сердце радости и веселия правоверным человеком».

Подобно кафедральным и другим храмам православного Востока московские патриархи, присутствуя за службой в Успенском соборе, стояли на своем патриаршем месте, или троне. Иногда они, подобно восточным иерархам, восходили на это место по вступлении во храм, перед совершением литургии или всенощной; иногда они облачались на патриаршем месте; с него же они преподавали благословение народу, возглашая «мир всем», и т. д. Вход на патриаршее место в Успенском соборе, как и на митрополичьи места в соборах Новгородском Софийском, Ростовском Успенском и других, устроен с запада, причем сидение патриарха обращено к иконостасу; на Востоке же входы на патриарший и архиерейский троны, обязательно имеющиеся во всех церквях, устроены с севера, причем святители стоят лицом к народу и со своего места читают Символ веры и «Отче наш», на литургии —

* В настоящее время в греческих церквях православного Востока, даже не при служении архиерейском, выходы малый и большой обставлены торжественно: шествие открывает диакон или иерей с кадилом, за ним следует примикирий, за которым несут запрестольный крест, двое доместиков несут рипиды, в Великой Церкви в воскресные и праздничные дни, когда присутствует патриарх на троне, шесть доместиков в стихарях, с малым орарем, надетым на правое плечо и связанным лепитами на левом бедре (подобно орденским лентам 1-й степени), несут зажженные свечи.

«Благословение Господне на вас» и другие положенные молитвы; со своих же тронов они говорят народу поучения. Так до XVIII века было принято и в России.

На утрнях и всенощных перед канонами в алтаре читается первое Евангелие храму Богородицы, после чего священник в предшестве диакона со свещою подносит Евангелие к целованию святителю; на 9-й песни канона архидиакон подносит патриарху, возжегши, свещу витуую, а прочему духовенству свещи подносят диаконы.

В воскресные утрени по 6-й песни сакелларий читает толковое Евангелие, а с Недели Фоминой до Пятидесятницы — синаксарий. На тех же утрнях все духовенство выходило на Великом славословии в преднесении креста и Евангелия. Подобный выход совершался от Недели всех святых до Недели мытаря и фарисея. В прочие воскресные дни выходов с крестом по Великом славословии не было и евангелия читали не два, а одно воскресное пред канонам в алтаре.

В Святогробском храме при пении «Свете тихий» на вечернях на воскресные дни все духовенство облачается, выходит на вход и поет громогласно и продолжительно, после чего священники попарно подходят к служащему святителю, испрашивают благословение и разоблачаются по входе в алтарь. Вместо «Господи, спаси благочестивыя» в церквах греческих, румынских, сербских и на Афоне архидиакон или диакон возглашают «Господи, спаси царей», что сохранялось и в Грузии до 1811 года.

На выкличке многолетствия патриарху возглашаемо было, по примеру Греческой церкви, до возгласа «Господи, спаси благочестивыя» так: «Никону (или иному), святейшему отцу нашему, архиепископу Московскому и патриарху всея Руси многая лета», подобно тому как в Константинополе возглашают многолетие патриарху: «Иоакиму (или иному), всесвятейшему вселенскому патриарху многая лета». Многолетствования на православном Востоке происходят до возгласа диакона «Господи, спаси благочестивыя». Во время Трисвятого патриарх выходил из алтаря и возглашал вместо «призри с небесе, Боже» — «Господи, Господи, призри с небесе и виждь» и т. д. (как это значится в древних церковнославянских служебниках), после чего осенял народ дикирием и крестом, при пении подьяками «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас». После этого патриарх повторял тот же возглас, обращался на левую сторону и говорил то же в третий раз. Трое подьяков возглашали оба последние раза по-гречески многолетие владыке.

При патриаршем служении великий вход был особенно величествен. Его открывали патриаршие — примикирий с возжженной свещою, диакон с предносным Крестом, жезлоносец, четыре диакона с кадилами, четыре с рипидами, четыре с трикириями и дикириями, двое с сионами, или иерусали-

мами*, в которых заключался ароматический ладан; священники с покровами от мощей московских первосвятителей, на престольными плащаницами, крестами, копием и проч., далее шли протопопы, игумены, архимандриты. При приближении к патриарху архиереи на православном Востоке сходят со своих стасидий и вместе с клиром принимают участие в пении «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу»...

Ни на православном Востоке, ни в России певчие не пели одновременно с клиром, а ожидали окончания, чтобы повторить оное. Введенные с 1898 года новшества в богослужебную практику Успенского собора противоречат не только Типикону Успенского собора, но и уставу Греческой церкви. При принятии дискоса и Святых Даров на православном Востоке, согласно древнему уставу, царей не поминают, что наблюдается и в русских единоверческих и старообрядческих церквах, а возглашают: «Всех вас да помянет Господь Бог во Царствии Своем», — то же делают и пресвитеры, когда обходят со Святыми Дарами народ.

Московские патриархи имели выход в Успенский собор через патриаршие сени, у крестовой, ныне дворцовой церкви Ризположения⁹ и входили в собор в западные двери, сопровождаемые из крестовой палаты (в которой был трон патриарха) архиереями, архимандритами, игуменами и прочим назначенным к служению духовенством, в преднесении патриаршего креста и лампы и в предшествии певчих, диаконов с четырьмя кадилами, четырьмя дикириями и трикириями, четырьмя рипидами и прочим, при торжественном колокольном звоне. При входе в собор патриарха встречали два диакона с кадилами и соборяне; певчие пели входное. Патриарх, приложившись к местным иконам и святым мощам, входил непосредственно в самый алтарь, прикладывался к св. Престолу и Евангелию, благословлял крестом себя, властей и священников и, вышед из алтаря, восходил среди церкви на святительское место и здесь облачался. На облачальном месте на православном Востоке, как и в некоторых епархиях России, ставится высокое кресло с подушкой. При служении с патриархом архиереи на Востоке вместо митр надевают камилавки, а в России слагали с митр кресты и посохов не имели. Право ношения креста на митре было впоследствии сохранено за митрополитами Киевским и Тобольским и за всеми архиереями южных и западных епархий России; с 1900 года право ношения креста на митре предоставлено митрополитам Московскому и Петербургскому.

В настоящее время московские митрополиты при служении в Успенском соборе восходят на первую ступень горнего места, перед которым ставят кресло (ныне без спинки), прочие же архиереи стоят ниже. Присутствуя на церковных службах в соборе, патриарх стоял на патриаршем месте в ман-

* Сионы при архиерейских служениях употребляются ныне на Афоне и при архиерейских служениях в Румынии.

тии, причем подъяки держали перед ним примикирий, предносный крест и посох. Ныне митрополит и прочие архиереи слушают утреню или все-нощную у правого заднего столпа. Облачался московский патриарх на особом патриаршем амвоне, который в 1721 году был заменен обыкновенным архиерейским, на котором архиереи становятся в ряд с первенствующим в священнослужении, но не по сторонам, как это принято на православном Востоке. Там в торжественные дни патриархи, митрополиты и прочие архиереи облачаются на середине церкви, на амвоне, который много длиннее, чем в русских церквях. При служении патриарха на Востоке архиереи стоят на своих стасидиях по епаршеским степеням, по правой стороне, лицом к народу. Стасидии следуют от патриаршего трона до западных врат. В Москве при служении патриарха архиереи становились по обеим сторонам, рядом со священнослужителями.

Особенною торжественностью отличались служения в соборе Московского патриарха Никона, который в большие праздники совершал богослужение с большим числом архиереев и прочих священнослужителей. Служение его отличалось необычайною торжественностью. Во время нахождения в Москве патриархов Макария Антиохийского и Гавриила Сербского патриарх Никон приглашал и их к совокупному священнослужению с собою, при этом Антиохийский уступал первенство Московскому. Число служащих с патриархом Никоном, с включением и диаконов, начиналось с 30-ти, доходило до 40, 50-ти и даже до 75-ти. В 1655 году 21 декабря, на праздник святителя Петра митрополита Московского, и в 1656 году, на праздник Богоявления Господня, служащих было 42; в неделю пятую по Пасхе (хиротония архиепископа в Астрахань) — 54; то же бывало в Неделю Православия. В 1648 году, кроме многочисленного собора архиереев, архимандритов, игуменов, соборных протопопов и других, одних диаконов с иподиаконами было 40*. Не раз патриарх Никон служил по-гречески, причем на молебнах канон пели по-гречески же успенские соборяне; воскресные тропари и седальны за всеобщей пели певчие дьяки и подъяки. В 1657 году на праздник Рождества Христова на всеобщей канон пели дьяки певчие по-гречески. И прочие московские патриархи в бытность в Москве восточных патриархов Паисия Александрийского, Макария Антиохийского, Феофана Иерусалимского, Гавриила Сербского приглашали их для священнослужения не только в Успенский собор, но и в другие соборы и монастыри.

После кончины в 1700 году патриарха Адриана московская епархиальная кафедра вдовствовала до 1742 года. До 1721 года патриаршею областью управлял местоблюститель патриаршего престола митрополит Стефан

* О числе лиц, служивших с патриархом Никоном в разные дни, см. книгу записи об-лачений и действ в Патриаршей библиотеке, № 93, л. 4—6, 13—14, 17, 19 об., 56—58, 66—68, 75 об.

Яворский, а затем Синодальная контора. Обязанность отправления в Успенском и других кремлевских соборах и монастырях богослужения была возложена на пребывающих в Москве архиереев, что происходило до замещения московской кафедры. Особенно уставно и торжественно архиерейские служения в Успенском соборе отправлялись при митрополитах Платоне и Филарете. Нарушение некоторых древних обычаев и самого устава началось при митрополите Иоаннии (1882—1891); митрополит Сергей (1893—1898) в значительной степени восстановил нарушенное и старался не допускать сокращений¹⁰. С 1898 года устав собора снова подвергся нарушению.

В господские и другие праздники митрополит Филарет совершал литургию в соборе большею частью в сослужении четырех митроносных священнослужителей и двух пресвитеров, иногда и в соучастии двух епископов; в день Успения Пресвятой Богородицы число священнослужителей доходило (с епископами) до 13-ти, а с диаконами до 25-ти.

В высокоторжественные царские дни на молебны в Успенский собор, а также и в дни поминовения почивших русских государей и государынь на царские панихиды в Архангельский собор, а иногда в Вознесенский девичий монастырь собирались все находившиеся в Москве архиереи, архимандриты, игумены, соборные протоиереи и братия собора. Все они обязаны были являться в собор на последование в Неделю Православия, к молебнупараklисису 14 августа, к вечерни в день Св. Пасхи, к молебствиям в дни Рождества Христова и в Новый Год*.

До 1881 года царские панихиды архиереи отправляли в Архангельском соборе и Вознесенском монастыре (в последнем по особам женского пола) до литургии. Для поминовения царских особ в Архангельском соборе с 1599 по 1742 год состояли особые архиереи. О времени совершения царских панихид сакелларии Архангельского собора извещали черные власти и соборных протопопов. На гробы царей и цариц в дни их поминовения полагались лучшие покровы и поставлялись на каждый из них свечи и кутья.

В Санкт-Петербурге в Петропавловском соборе царские панихиды и заупокойные литургии по-прежнему продолжают совершать архиереи, но в Москве с 1890 года последние совершают в Архангельском соборе не более четырех раз в год.

В Успенском соборе с особою торжественностью богослужения совершаются в следующие дни:

- 1) в Неделю Православия,
- 2) в Великий Четверг, в год мирования,
- 3) утренняя в Великую Субботу,
- 4) утренняя в неделю Св. Пасхи,
- 5) литургия в первый день Св. Пасхи.

* С 1881 года в собор к царским молебствиям приглашаются и благочинные церквей.

До 1899 года в чтении Евангелия наблюдался следующий порядок. В алтаре 1-ю статью св. Евангелия от Иоанна читал митрополит по-славянски, первый архиерей по-гречески, второй по-славянски. 2-ю статью — митрополит по-славянски, первый архимандрит по-гречески, второй по-славянски. 3-ю статью читали таким же образом третий архимандрит, протопресвитер, чередные сакелларий и пресвитер. В самом соборе 1-ю статью начинал на амвоне протодиакон, за ним следовали: первый диакон у западных врат, второй у северных врат и третий у южных врат, все лицом к ним; таким же порядком читались 2-я и 3-я статьи св. Евангелия, но при этом последнюю статью заканчивал протодиакон. Чтение Евангелия диаконами было исключительно на славянском языке.

6) На вечерни Св. Пасхи митрополит читал Евангелие лицом к народу в царских вратах*.

7) Молебен-параклисис на день Успения Пресвятой Богородицы — перед молебствием малую вечерню поют все соборяне древним знаменным напевом с канонархом (из иподиаконов). Канон прежде пели соборяне, а ныне поют певчие.

8) Всенощная на день Успения Пресвятой Богородицы совершается по особому чину с большою торжественностью, при участии нескольких архиереев и архимандритов. На литургии 15 августа (так же, как и в другие большие праздники) на великом выходе носили 4 трикирия и дикирия, как это принято при служении патриарха, 4 рипиды, 4 кадила, сионы, жемчужные плащаницы, покровы на святые мощи и прочее**.

9) Молебен Пресвятой Богородицы — параклисис [совершался] на дни Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, а также и московским перво-святителям Петру, Алексию, Ионе и Филиппу, а с 1906 года и св. Киприану.

10) Празднование дня священного коронования их величеств отличалось значительным числом священнослужителей. В прежнее время кроме Успенского собора архиерейские служения были отправляемы в этот день, как и накануне всенощные, в соборах Архангельском и Благовещенском, откуда архиереи к молебствию собирались в Успенский собор.

* В Константинополе патриарх с архиереями, облачившись в крестовой патриаршей и синодальной палате, в предшествии архидиаконов и всего патриаршего клира входит в Великую Церковь и затем в алтарь, где перед престолом говорит начало вечерни. Во время стихир на «Господи возвах» патриарх кадит весь храм и народ, после чего входит на кафедру. Евангелие «Сущу позде...» читается по частям на греческом, славянском, румынском, грузинском, турецком, латинском, а иногда и других языках всеми служащими: патриархом, митрополитами, архимандритами, пресвитерами, архидиаконами.

** В Киево-Печерской лавре всенощная совершается по особому чину, а в Гефсиманском скиту по уставу Иерусалимской Церкви. В службе имеются непорочны по образцу Великой Субботы и особые тропари, называемые «cologitaria».

11) В ближайший к 12 октября воскресный день митрополит совершает литургию, как и сослужащий с ним клир, в малиновых бархатных ризах, с надписью на оплечьях вокруг креста «сим победиши», устроенных в воспоминание изгнания галлов из России. (Эти же облачения с 1813 года употребляются и в день Рождества Христова.) По литургии крестный ход вокруг Кремля при участии всего духовенства города.

При патриархах в Москве всенощные с вечера не совершались, а вместо них были утрени. При императрице Елисавете Петровне всенощные начинались с 25 апреля и продолжались до 15 августа. Ныне они начинаются с Недели св. Фомы и кончаются 14 сентября.

Патриархи в Успенском и других соборах служили в следующие дни*.

Сентябрь

Новолетие. В 1700 году перенесено на 1 января.

5-го. На день Чуда Архистратига Михаила вечерня в Чудовом монастыре: патриарх облачался на молебен со властями в соборной Михайловской церкви; на утрени 6-го выход имел на величание, также совершал литургию.

7-го. На день Рождества Пресвятой Богородицы после вечерни молебен в Рождественском соборе на Сениях. 8-го утрению и литургию совершал патриарх, если не служил в Успенском соборе.

13-го. Патриарх совершал литургию в Воскресенском соборе (ныне придворная церковь во дворце).

14-го. В день Воздвижения Креста Господня всенощную (ныне с вечера с 6-ти часов) совершал патриарх, выходявший на величание; Евангелие читал протопоп в алтаре. Крест выносил патриарх, поддерживаемый двумя митрополитами. Архидиакон и протодиакон кадят кресту, диаконы и иподиаконы идут с четырьмя подсвечниками и с четырьмя ослопными свечами, иподиаконы с четырьмя трикириями и дикириями, четырьмя рипидами и т. д. Крест патриарх воздвигал на амвоне перед царскими вратами, при пяти осенениях, обливаемый гуляфною водой¹¹. Соборяне при воздвижении креста, при осенениях поют по 100 раз «Господи помилуй», то повышая, то понижая голос^{**}. Положив крест на аналое, патриарх кадил его крестообразно, а затем всю Великую Церковь. Соборяне же поют «Спаси, Господи,

* Преосвященные не только русские, но греческие и грузинские, прежде жившие в Москве, участвовали в соборном служении и в крестных ходах (см. *Н. П. Розанова* «Историю московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода. 1721—1821». Ч. 1—3. М., 1869—1871). При митрополите Филарете крестные ходы в монастыри и в церковь пророка Илии большею частью сопровождали, как видно из записей, архиепископ Досифей Алавердский (до 1828 года), бывший Пермский епископ Дионисий (1828—1845), Фаворский архиепископ Иерофей (1833—1839), митрополиты Неофит Илиупольский (1844—1852), Никанор Фивадский (1853—1865), Кирилл Пальмирский (1871—1872).

** С 1907 года по распоряжению митрополита Владимира повелено петь певчим.

люди Твоя» и «Кресту Твоему покланяемся, Владыко» по трижды. Облачение зеленое.

В соборе Христа Спасителя и в некоторых кафедральных соборах архиереи воздвигают Крест на амвоне облачальном.

В самый день праздника 14-го литургию патриарх совершал со властями в соборе.

15-го. Сретение Владимирской иконы Пресвятой Богородицы. Власти на вечерни на выход облачались; после вечерни молебн Пресвятой Богородицы — параклисис. Патриарх выходил на литию. Ныне этот день не празднуется.

20-го. Празднование Черниговским чудотворцам князю Михаилу и боярину его Феодору; в Черниговском соборе утреню и литургию совершал патриарх. В 1770 году собор разобран, а святые мощи перенесены в Сретенский собор, из которого в 1774 году святые мощи перенесены в Архангельский собор, в котором с тех пор положено праздновать архиерейским служением.

24-го. На день преподобного Сергия игумена Радонежского вечерня большая с литией; в день праздника 25-го патриарх совершал литургию*, на аналой ставится ковчег с мощами преподобного.

26-го. В день св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова всенощную (то есть утреню) с выходом на величание и литургию совершал патриарх.

Октябрь

1-го. В крестном ходу в Покровский Василия Блаженного собор участвовал патриарх, который и совершал литургию. Он же отправлял и утреню со властями.

4-го. После вечерни молебн трем московским первосвятителям Петру, Алексию, Ионе служил патриарх. На молебн собирались архиереи, черные власти и соборные протопопы. Праздник этот установлен подобно празднику 30 января трем вселенским святителям. В 1870 году добавлено празднование и святителю московскому Филиппу.

С этого года приносится к молебствию из Чудова монастыря, с малым крестным ходом, икона святителя Алексия и ставится перед патриаршим местом. Ныне накануне праздника совершается всенощная с 6 часов вечера архиерейским служением. 5-го в день праздника литургию совершал патриарх.

6-го. В соборе совершает архиерей заупокойную литургию и панихиду по патриархе Филарете. Прежде в этот день службы совершали сами патриархи, поминая на них всех московских митрополитов и патриархов.

16-го. Совершается панихида по патриархам.

19-го. Св. благоверного царевича Димитрия; патриарх накануне этого дня совершал в Архангельском соборе после вечерни молебн; 19-го выходил на величание и свечи раздавал. Литургию совершал в том же соборе.

* Если не у праздника в лавре Сергиевой, что бывало весьма редко.

22-го. Патриарх сопровождал крестный ход в Казанский собор, в котором совершал литургию.

Вселенская суббота. Панихида большая; на все гробы покровы и кутия.

25-го. Накануне праздника св. великомученика Димитрия Фессалоникского, престол которого в соборе, патриарх после вечерни совершал молебен, а в день праздника 26-го на утрени выходил на величание и совершал литургию.

Ноябрь

1-го. Соборная панихида по боярине Илье Ивановиче Морозове.

7-го. В Архангельском соборе патриарх на вечерни стоял на патриаршем месте у правого столба (ныне его нет), на молебен св. Михаилу Архангелу патриарх облачался со властями. На утрени выходил на величание; Евангелие читал протопоп в алтаре. В день праздника 8-го литургию совершал патриарх.

13-го. Св. Иоанна Златоуста; на литию и величание выходил патриарх. Глава святителя поставлялась на аналой. Литургию совершал патриарх.

14-го. В крестовой церкви празднование св. апостолу Филиппу.

21-го. Если патриарх не служил в Новинском монастыре у праздника, то совершал утрению и литургию в соборе.

24-го. Всенощная [23-го] в церкви великомученицы Екатерины на Сениях. Литургию иногда совершал патриарх.

27-го. В день Знамения Пресвятой Богородицы вечерня в соборе большая, с литией. Патриарх служил в Знаменском монастыре.

30-го. В день св. апостола Андрея Первозванного патриарх на утрени выходил на величание и совершал литургию. Десная рука апостола ставляется на аналой. Ныне по литургии архиерей совершает молебен первозванному апостолу.

Декабрь

6-го. В этот день патриарх совершал утрению и литургию в Николо-Гостунском соборе. С перенесением его в 1817 году в Ивановскую колокольню архиерейские служения в нем совершаются редко¹². Ныне архиереи совершают литургию в Успенском соборе. Евангелие на утрени в алтаре читает протопоп.

В Неделю праотцев — Пещное действо.

20-го. На день святителя Петра митрополита Московского, после вечерни молебен-параклисис совершал патриарх со властями; поют канон Похвале Пресвятой Богородицы и святителю Петру; Евангелие на утрени читает протопоп в алтаре. Патриарх выходит на величание и на 3-й песни раздает свечи и кадит всю церковь. Целование праздничной иконе среди церкви на аналое. По отпущении заутрени совершалось помазание елеем. «Господи воз-

звах» поют предпразднству на глас, а чудотворцу на распев, стихиры на глас; литию протопоп с братией поют знаменную; на благословение хлебов тропарь предпразднству и святому.

21-го. Литургию совершал патриарх.

24-го. На царских часах присутствовал патриарх (ныне положено быть архиерею). Евангелие на всех часах протопоп чтет на амвоне, а псалмы перед образом говорит диакон; он же чтет Апостол и паремии. Многолетие возглашает архидиакон или протодиакон. Перед многолетием посреди церкви поставляется два подсвечника со свечами, певчие посреди собора поют тропарь и канон праздника греческого распева. Литургию большей частью совершал патриарх.

25-го. В день Рождества Христова утреню совершал патриарх. Стихиры на литии поют протопоп с братией. Каноны поют певчие дьяки и поддьяки греческого перевода и кондак; на 9-й песни патриарх раздавал свечи; светильен пели при патриархе Никоне по-гречески, а хвалитные стихиры и славник знаменный пели киевские певчие. Стихиры пели попы знаменного распева. Когда певчие начнут петь «Хвалите имя Господне», патриарх выходил со властями из алтаря и становился на свое место среди церкви, а власти по обе стороны. Патриарх раздает свечи, берет кадило, кадит всю церковь по обычаю, целует праздничную икону, после чего прикладываются власти и народ. Славословие на амвоне поют певчие. Литургию патриарх совершал с особою торжественностью.

С 1813 года по литургии молебен в память избавления России от нашествия галлов и с ними дванадесяти язык.

Январь

1-го. Обрезание Господне и св. Василия Великого. Патриарх выходил на утрени на величание и литургию совершал. С 1700 года по литургии молебен по случаю наступления нового года. На аналой поставляется ковчег с частию мощей св. Василия Великого.

5-го. У царских часов бывал патриарх в соборе (ныне положено быть архиерею). Навечерие, литургию и освящение воды совершал патриарх со властями, после чего был крестный ход на крестильню (на воду), в котором участвовало все кремлевское духовенство, патриарх нес крест. В самый день праздника Богоявления Господня патриарх до литургии сопровождал крестный ход на Москва-реку для водоосвящения, затем совершал литургию. В 1685 году патриарх Иоаким указал совершать крестный ход после литургии. В нем участвуют архиереи, архимандриты, игумены, соборное и городское духовенство.

8-го. На день святителя Филиппа митрополита Московского после вечерни молебствие Пресвятой Богородицы совершал патриарх, а 9-го, в день святителя, утреню и литургию.

24-го. На день святителя Григория Богослова, архиепископа Константинопольского, и 26-го, на день св. Иоанна Златоуста, вечерня большая, без литии; на аналой в день праздника поставляются 25-го ковчег с главою св. Григория Богослова, а 27-го ковчег с главою св. Иоанна Златоуста.

29-го. На день трех вселенских святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста вечерня с литией; 30-го на утрени на величание выходил патриарх, который благословлял и хлебы. Литургию совершал патриарх.

Февраль

2-го. В день Сретения Господня утрени и литургию совершал патриарх в Сретенском соборе во дворце. В 1801 году собор разобран. Ныне архиерей совершает литургию в Успенском соборе.

11-го. На день святителя Алексия митрополита Московского после вечерни в Алексеевском соборе Чудова монастыря патриарх совершал молебн-параклисис и читал канон святителю. 12-го патриарх выходил на утрени на благословение хлебов и на величание и совершал литургию.

14-го. Празднуется перенесение в Москву мощей св. благоверного князя Михаила Черниговского и боярина Феодора. Патриарх бывал в соборе на вечерни; на утрени выходил на величание, а в день праздника совершал литургию.

В Неделю мясопустную, на вечерни, на выход и литию выходят соборяне в облачении. Было действие Страшного Суда.

В среду на той же неделе патриарх совершал панихиду по московским архипастырям. Кутия на гробницах и среди церкви. В четверг литургию совершал патриарх. В воскресенье, в Неделю сыропустную, патриарх служил литургию.

В воскресенье Сырной недели патриарх совершал литургию в соборе. К великой вечерни в соборе собирались власти. Ризы белые. Вечерню патриарх слушал стоя на патриаршем месте; поют соборяне; служит протопоп. По окончании вечерни патриарх знаменуется у святых мощей и целует их. Когда патриарх обойдет всю Великую Церковь с клиром, то надевает омофор и говорит с амвона поучение; после сего патриарх благословлял крестом протопопов и попов всех соборов, которые сходились в Великую Церковь без фелоней, прощения ради, затем разоблачался в алтаре. Во время каждения певчие поют «В рождестве девство сохранила еси», а затем «Покаяния отверзи ми двери», соборяне же поют «Не отврати лица Твоего». О чтении на первой недели Великого поста канона преподобного Андрея Критского в патриарших выходах не говорится. Патриарх мезимоны большею частью слушал в крестовой, где поют певчие дьяки и подьяки, а в соборе канон поют соборяне.

На православном Востоке и в тех монастырях, которые руководствуются уставом Афонской горы, также и в Киево-Печерской лавре, великий канон

поется после «Слава в вышних Богу»; после же заключительной молитвы повечерия «Упование мое Отец» пресвитер возглашает: «...и о сподобится нам слышания святого Евангелия...» Чтение Евангелия на повечериях в первые пять дней 1-й седмицы Четыредесятницы ведется в греческой церкви с древних времен*. В настоящее время великий канон в Успенском соборе читают протопресвитер и сакелларии, а ирмосы и припевы к ним поют с 1867 года певчие. Прежде ирмосы пелись по единожды, а тропари все в песни, их сказывали по клиросам и после канона покрывали ирмосом.

В пятницу 1-й недели Великого поста литургию патриарх большею частью служил в крестовой церкви. К молебну облачение архиерею, архимандриту и братии — ризы панихидные, обьяринные [шелковые муаровые]. Коливо на стол ставится в три блюда, по сторонам 4 подсвечника малые со свечами.

В Константинополе чин освящения колива в честь и память св. Феодора Тирона совершается в субботу на литургии, после заамвонной молитвы.

По уставу Успенского собора, если архиерей не совершает литургии, то он по заамвонной молитве входит в собор и, облачась в малое облачение, молебствует над коливом.

В субботу 1-й недели Великого поста литургию в соборе совершал патриарх.

В Неделю Православия перед литургией чин, или последование (действие) Православия, то есть возглашение анафемы отступникам, еретикам и государственным изменникам, вечной памяти православным царям, патриархам, архиереям и православным ревнителям благочестия и многолетие царю, царствующему дому, патриархам, архиереям, властям, христолюбивому воинству и всем православным христианам.

Ради действия в собор собираются все находящиеся в Москве архиереи, архимандриты, игумены и соборные протопопы. Ризы зеленые. На аналое полагаются образа Святой Троицы, Спаса и Богоматери Одигитрии Пречистой, да крест большой золотой. «Бог Господь» на распев поют соборяне, также и тропарь «К Богородице прилежно» и псалом 50-й. По окончании канона поют певчие дьяки с поддьяками тропарь «Пречистому Твоему образу». После протодиакона читает синодик, а затем, взяв благословение у патриарха, восходит на уготованное высочайшее место о трех высоких ступенях и кликает по Троице вечную память, анафему и многолетие; поют соборяне по трижды; после чего многолетие поют «большое» певчие. Амвон для протодиакона поставляется между царским местом и патриаршим, поодаль.

* См. у преподобного Симеона Фессалоникского «Разговор о святых священнодействиях и таинствах церковных» // Писания св. отцев и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. 2. СПб., 1856; у профессора А. Дмитриевского — «Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц в св. Иерусалиме IX и X веков». Казань, 1894. С. 309.

До 1767 года чин Православия совершался в России по уставу Великой Церкви Константинопольской; в 1767, 1852 и 1869 годах он подвергся значительному сокращению¹³.

В Константинопольской Церкви действие Православия не совершается с 1455 года (то есть со времени занятия Константинополя турками), но из устава Великой Церкви оно не исключено. В настоящее время патриарх с архиереями, по литургии, совершает заупокойную литию по патриархам, греческим царям и прочим, также поминает всех от века усопших православных христиан. В Румынии обряд православия совершается в кафедральных соборах по Типикону Великой Церкви.

Март

24-го. После вечерни патриарх совершал молебствие в Благовещенском соборе. Вечерню слушал с патриаршего места, которое стояло рядом с царским. Патриарх на вечерни выходил на литию, а на всенощной на величание. В день праздника совершал литургию.

30-го. После вечерни молебствие святителю Ионе, Московскому митрополиту, совершал патриарх. Если день 31 марта приходился в Великом посту, то утреню и литургию патриарх совершал в субботу, а иногда в воскресенье. Величание по 6-й песни.

В Неделю крестопоклонную ко всенощной облачение постное. По 9-й песни приготавливаются 4 подсвечника, 4 кадила, 4 свечи ослопных. Патриарх облачается на утрени по 9-й песни во все облачение для выноса креста. Впереди идут с кадилами архиерей, протоиерей и два диакона, 4 диакона с рипидами, 4 с трикириями и дикириями, 4 со свечами, 4 с подсвечниками и т. д. Патриарха поддерживают два митрополита. Патриарх поставляет крест на аналой, кадит его крестообразно, а затем всю церковь. Тропарь «Спаси, Господи» поют соборяне, также «Кресту Твоему» все служащие и затем певчие. В пятницу, по отпусте часов, бывает крестопоклонение.

В субботу 5-й недели Великого поста празднование Похвалы Пресвятой Богородицы, на аналой поставляется икона Пресвятой Богородицы Влахернской; протопоп кадит с протоиереем всю церковь. Облачение красное. По 1-й кафизме патриарх (или архиерей) входит в алтарь и, облачась в мантию и омофор, раздает свечи архимандритам и пресвитерам. Патриарх, архиереи, архимандриты, протопоп читают кондаки и икосы на амвоне. «Канон поют только Похвале на 12-ть, а ирмосы по дважды, а покрывают тем же ирмосом на сходе; трипеснь [трипеснец] поют по обычаю и покрывают ирмосом праздника; певчие поют кондак и покрывают ирмосом праздника; певчие поют кондак “Возбранной воеводе” на оба клироса и концы у икосов». В субботу литургию совершал патриарх.

В патриаршей Великой Церкви Константинополя акафист читается в пятницу на малом повечерии. Начало полагает великий архиерей; сам

патриарх, стоя на кафедре, читает «Слава Тебе, Боже наш» и далее. Трисвятое и прочее повечерие — чередной иеромонах. При пении, после «Достойно есть», тропаря «Повеленное тайно» выходят из алтаря архиереи и становятся по степеням на своих стасидиях. Патриарх сходит со своего трона и, в предшествии примикирия, еkkлесиарха и архидиаконов, входит в алтарь и, надев на мантию епитрахиль и омофор, исходит к иконе Влахернской Божией Матери и читает первую стадию акафиста; во время чтения он кадит сам. По прочтении первой стадии акафиста патриарх поклоняется святой иконе, осеняет народ трикирием и дикирием и при пении хора «Исполла эти деспота» входит в алтарь, где, сняв омофор и епитрахиль, возвращается в мантии на свою кафедру. Прочие стадии акафиста читают митрополиты, по степеням, перед иконою Богоматери, в мантии, епитрахили и омофоре, предварительно взяв благословение у патриарха и поцеловав его руку. По окончании чтения архиереи остаются в алтаре.

Апрель

В Неделю ваий патриарх совершал утреню с особою торжественностью. По прочтении Св. Евангелия среди собора поставлялась верба, по левую сторону аналая. После молитвы патриарх раздавал вербу с патриаршего места; свечи же раздавал духовенству, боярам и народу с места, как начнут петь 8-ю песнь.

В воскресенье, после крестного хода на Лобное место, патриарх входил в Покровский собор, читал там св. Евангелие и после малой ектении возвращался в Успенский собор для совершения литургии.

В понедельник пресвитеры прочитывают Евангелие от Матфея и Марка, во вторник от Луки, в среду от Иоанна Богослова.

В среду Страстной недели патриарх совершал литургию.

В Великий Четверг патриарх совершал елеосвящение. Поют соборяне. Патриарх же совершал литургию и омовение ног 12-ти священнослужачим архимандритам. Через два года после омовения ног совершается освящение мира.

В Константинопольском соборе Св. Софии омовение ног совершалось перед литургией, в притворе. Последование омовения ног, изданное в 1885 году, по благословию патриарха Иерусалимского Никодима, весьма значительно отличается от подобного чина, существовавшего в древности на Востоке, а также и от практиковавшегося в России.

В Великую Пятницу утреню, в присутствии патриарха, совершал протопоп. Патриарх не всегда принимал участие в чтении и слушал св. Евангелие, стоя на патриаршем месте. Читают и поют соборяне. К евангелиям кадят до 8-го пресвитеры. Ныне по уставу собора в этот день положено читать Евангелие архиерею (не соблюдается ныне), а за ним архимандритам и братии с аналая, который поставляется против царских врат.

В Константинополе в патриаршей церкви 1-е Евангелие читает патриарх, прочие — синодальные митрополиты, а иногда и чины патриаршего двора — великий протосинкел, великий архимандрит, великий эконо́м и др. После 5-го Евангелия великий архимандрит совершает вынос креста при пении «Днесь висит на древе, иже на водах землю повесивый», после чего этот стих повторяют певцы и затем начинают петь следующие стихи 15-го антифона — «Не якоже иудеи празднуем». Обычай творить на утрени Великой Пятницы поклонение кресту относится к глубокой древности*. В патриаршей церкви утреню начинает великий архимандрит; начальные псалмы читает пресвитер, Шестопсалмие и в конце утрени Великое славословие — патриарх.

В Великую Пятницу перед царскими часами патриарх (а ныне архиерей) идет из Успенского собора с крестным ходом в Благовещенский собор за святыми мощами. Носятся из собора запрестольный образ Богородицы, два креста хрустальных, 4 рипиды. Омовение мощей совершал патриарх с архиереями, архимандритами и соборянами успенскими, благовещенскими и архангельскими. По окончании царских часов и молебна патриарх кропит церковь и народ, после чего св. мощи с крестным ходом, в сопровождении архиерея, возвращаются в Благовещенский собор. Патриарх разоблачался в алтаре Успенского собора.

Вечерню с выносом Плащаницы совершал патриарх. Перед началом вечерни патриарх в полном облачении шел в шатер, устроенный над ризой Господней, и, благословив пресвитеров взять гроб Господень (на который полагается Плащаница), сопровождал его на средину собора; 4 подсвечника поставляются к Плащанице, над которою соборные диаконы держат все время 4 рипиды. Прежде для этого назначались диаконы от соборов Архангельского, Благовещенского, Спасоборского и других**.

В Великую Субботу патриарх совершал утреню, вечерню и литургию. Первая была отправляема с большим собором священнослужащих. После Шестопсалмия патриарх входит в алтарь и облачается, после чего выходит из царских врат со властями и соборянами и становится перед Плащаницей, затем раздает свечи властям и начинает кафизму петь «Блажени непорочнии». По 9-й песни входит патриарх в алтарь и раздает новые свечи духовенству. Тогда готовят 4 подсвечника, 4 ослопных свечи и 4 кадила. По окончании крестного хода вокруг собора патриарх входит в алтарь и полагает Плащаницу на престоле.

В прочих российских соборах, монастырях и церквах Плащаница вносится в алтарь перед Светлой утреней.

* См.: Православный Палестинский сборник. Т. VII. Вып. 2 — Паломничество по св. местам конца IV века. СПб., 1889.

** Диаконы Архангельского и всех соборов бывали в пятницу на вечерни и в субботу на утрени, «с четырьмя рипидами осенение творяще над гробом Господним».

В патриаршей церкви в Константинополе Плащаницу обносят при пении Трисвятого кругом церкви, и по возвращении крестного хода во храм она вносится в алтарь при пении тропарей «Егда снизшел еси», «Мироносцам женам», «Благообразный Иосиф». Последние в Успенском соборе поет братия в алтаре, в то время как патриарх трижды кадит, обходя престол. На Востоке на Великом славословии совершается выход, подобно бываемому на вечерни, при пении священным клиром «Препоблагословенна еси Богородице Дево», причем впереди священников, со свечами, несется крест. При входе служащих в алтарь поется ими внутри его Великое славословие, после чего читается Евангелие. В некоторых церквях и монастырях Евангелие на утрени читается после 8-й песни канона.

В неделю Св. Пасхи на утрени ставят сосуды с фимиамом по обеим сторонам царских врат. Утреню, литургию и вечерню с особою торжественностью совершал патриарх. Полунощница говорилась во время благовеста. Ирмосы «Волною морскою» поют на левом клиросе соборяне*. В крестном ходе 4 подсвечника, 4 ослопных свечи, 4 кадила, 4 рипиды, 4 трикирия и дикирия. На литургии Евангелие читалось на греческом и славянском языках (так было до митрополита Иоанникия). Патриарх читал Евангелие на горнем месте.

К вечерни в собор собираются архиереи, архимандриты, игумены, соборные протоиереи.

В Константинополе, в патриаршей церкви, по возвращении на утрени крестного хода, в притворе храма патриарх читает Евангелие от Матфея, главу 28 — «В вечер субботний...» до 11-й статьи — «...ту Мя видят» и от стиха 16-го — «Единии же надесеяте...» до конца. После Евангелия начинается утреня.

Как в Константинополе, так и на всем православном Востоке архиереи и священники во всю Светлую седмицу при каждении держат крест с примикирием, но не с трисвечником, или трикирием, который введен в Успенский собор в употребление с 1899 года. Так мало-помалу древний устав Успенского собора, так бережно хранимый и соблюдаемый митрополитом Филаретом, нарушается и изменяется¹⁴.

В светлые дни седмицы утреню поют соборяне, а литургию певчие. Крестные хода после утрени сопровождает протопресвитер с братией: в понедельник в Благовещенский собор (прежде в Архангельский), во вторник в Архангельский (прежде в Вознесенский монастырь), в среду в Чудов монастырь (прежде к Спасу на Бору), в четверг в собор Спасу на Бору (прежде в Николо-Гостунский), в пятницу в Вознесенский монастырь (прежде в Сретенский собор), в субботу в Николо-Гостунский собор (прежде в Верхоспасский).

* Ныне по распоряжению митрополита Владимира поют певчие.

В прежнее время в крестных ходах в Светлую седмицу принимало участие духовенство Москвы. Иногда крестный ход в соборы Архангельский и Благовещенский сопровождал сам патриарх.

Клир того сорока, которому предстояло совершить крестный ход, соби-рался в свою сороковую церковь и в сопровождении поповского старосты (то есть благочинного) с крестом и иконами шел в Успенский собор. Очередь сороковых крестных ходов была следующая: Китайский, Ивановский, Сре-тенский, Никитский, Пречистенский, Замоскворецкий. Некоторые из мос-ковских архипастырей в дни Светлой седмицы совершали литургию в тех соборах и монастырях, в которые был крестный ход.

В субботу Светлой седмицы в соборе служил литургию патриарх и после литургии раздавал артос.

В Неделю св. Фомы патриарх совершал всенощную и литургию. К величанию собирались власти, патриарх облачался и раздавал свечи.

Во вторник литургию и панихиду по исповеднике священномученике патриархе Гермогене и по убиенным от поляков и литовцев совершал пат-риарх со властями.

22-го. На день св. великомученика Георгия Победоносца — вечерня большая с литией.

25-го. Архиерей после вечерни совершал молебен святителю Стефану епископу Пермскому в соборе Спаса на Бору, а также всенощную. В самый день праздника литургию иногда совершал патриарх.

Май

Патриарх совершал литургию в следующие дни в Успенском соборе:

в Неделю Жен Мироносиц,

в Неделю о Расслабленном,

в среду преполовение праздника; после литургии крестный ход на Мо-сква-реку с участием городского духовенства,

в Неделю о Самаряныне,

в Неделю о Слепом.

В среду той же недели — отдание Пасхи^{*}. После вечерни патриарх слу-жил молебен в Вознесенском девичьем монастыре, там же на всенощной вы-ходил на благословение хлебов и величание, а в самый день праздника слу-жил литургию.

8-го. Св. апостола Иоанна Богослова; патриарх на утрени выходил на ве-личание, на литию выходил протопоп с соборянами; литургию совершал патриарх.

^{*} В Константинопольской Церкви в отдание праздника утреня и литургия совершаются, подобно первому дню Св. Пасхи, при открытых царских вратах. Вместо «Святый Бо-же» поется «Елицы во Христа крестистесь».

9-го. В день перенесения мощей святителя Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бар-град утреню и литургию патриарх служил в Николо-Гостунском соборе.

14-го. На день убиения св. благоверного царевича Димитрия патриарх со властями бывал на вечерни у праздника в Архангельском соборе, а в день праздника, 15-го, на утрени выходил на величание и совершал литургию.

19-го. На день святителя Алексия митрополита Московского после вечерни патриарх совершал в Чудовом монастыре, при мощах, молебен святителю, а в самый день праздника, 20-го, утреню и литургию.

20-го. На день Владимирской иконы Пресвятой Богородицы на вечерни в Успенском соборе на выход облачаются черные власти, после вечерни молебен; соборяне поют канон Богоматери.

21-го. Перед литургией патриарх сопровождал крестный ход в Сретенский монастырь, где и совершал литургию. Ныне крестный ход совершается к Владимирской церкви Заиконоспасского монастыря, что у Никольских ворот.

26-го. На день обретения мощей первосвятителей московских Киприана, Фотия и Ионы после вечерни патриарх совершал молебен-параклисис, а в самый день праздника, 27-го, утреню и литургию.

Июнь

В день Св. Троицы утреню, литургию и вечерню совершал патриарх. Если же он бывал у праздника в лавре Сергиевой, то один из митрополитов. Евангелие на утрени читает протопоп в алтаре; на величание выходил патриарх. К вечерни в собор собирались черные власти.

15-го. Святителя Ионы митрополита Московского; накануне после вечерни патриарх совершал молебен-параклисис, а в самый день праздника утреню и литургию.

20-го. Панихида по патриархам: кутия ставится на всех гробах.

22-го. Вечерня большая с литией: после нее патриарх совершал молебен-параклисис Владимирской иконе Пресвятой Богородицы. К молебствию собираются черные власти и соборные протопопы. Поют соборяне канон Богоматери и святителю Петру.

23-го. Патриарх, а иногда чередной митрополит сопровождал крестный ход в Сретенский монастырь, где совершал литургию.

24-го. В день Рождества св. Иоанна Предтечи патриарх на утрени выходил на величание и совершал литургию.

28-го. После вечерни патриарх совершал молебен св. первоверховным апостолам Петру и Павлу по случаю престольного праздника; на молебен выходили черные власти и протопопы. В самый день праздника, 29-го, патриарх совершал литургию и на утрени выходил на величание.

В этот же день, 29-го, после вечерни патриарх совершал молебен в крестовой Дванадцяти Апостолов соборной церкви, а 30-го, в день праздника, и литургию.

Июль

2-го. По случаю престольного праздника в крестовой (ныне придворной) церкви Положения Ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне, что на Патриарших Сениях, патриарх совершал литургию.

В тот же день, после вечерни, патриарх совершал в Успенском соборе молебствие по случаю празднования святителю московскому Филиппу, а в день праздника, 3 июля, выходил на утрени на величание и совершал литургию.

8-го. Патриарх сопровождал крестный ход в Казанский собор, где и совершал литургию.

9-го. На день Положения Ризы Господней в Успенском соборе патриарх, после малой вечерни, в предшествии 4-х кадил, 4-х подсвечников, 4-х ослонных свечей, 4-х рипид, 4-х дикириев и трикириев «ходил по ризу»: трижды кадит ее в ковчеге, затем вынимает, кладет на жемчужную пелену и на голове несет ее к амвону, поставляет против патриаршего места при валовом звоне; литию на роспев поют соборяне. На величание патриарх перекладывает ее собственноручно на другой аналой, а ключарь выносит аналой на средину церкви, где происходит целование Ризы. После целования Риза кладется в ковчег и запирается на ключ. Канон поет протопоп с братией. 10 июля после литургии снова происходит целование Ризы, после чего она относится патриархом в шатер обратно. На молебствии накануне праздника, после вечерни, бывали черные власти и протопопы.

17-го. Св. Филиппа митрополита Московского; утрению и литургию служил патриарх (ныне не празднуется).

20-го. В день св. пророка Илии патриарх сопровождал крестный ход в крестовую Ильинскую церковь, что на митрополичьем Новгородском подворье (бывший монастырь) на Ильинке, где совершал литургию. Ныне крестный ход бывает в церковь того же святого на Воронцовом поле.

27-го. Патриарх в соборе выходил на величание.

28-го. Крестный ход из Успенского собора в Новодевичий монастырь, по случаю праздника Смоленской иконы Пресвятой Богородицы, сопровождал один из архиереев, сам же патриарх встречал крестный ход и совершал литургию в соборе Новодевичьего монастыря.

29-го. Рождество святителя Николая Чудотворца, крестный ход в Покровский Василия Блаженного собор, в котором патриарх или архиереей совершал молебен и литургию¹⁵.

Август

1-го. Патриарх перед литургией совершал крестный ход на воду, а затем, по возвращении в собор, совершал литургию. С 1728 года — крестный ход по литургии.

2-го. Патриарх совершал литургию в соборе св. Василия Блаженного по случаю престольного праздника.

4-го. Проявление святых мощей святителя Петра митрополита Московского. Накануне праздника патриарх после вечерни совершал молебен с акафистом святителю, на утрени выходил на величание и литургию совершал (ныне не празднуется).

5-го. На день Преображения Господня патриарх слушал вечерню в соборе Спаса на Бору, по окончании которой совершал молебен, а в самый день праздника утрени и литургию, по окончании которой благословлял освящение плодов. В некоторые годы патриарх совершал литургию в Ново-спасском монастыре.

Перед днем Успения Пресвятой Богородицы, после утрени (а в субботу после всенощной) бывают в Успенский собор крестные хода: 8-го из Чудова монастыря (прежде с Троицкого в Кремле подворья); 9-го из собора Двенадцати Апостолов (прежде из Чудова); 10-го из Николо-Гостунского собора; 11-го из Вознесенского девичьего монастыря; 12-го из собора Спаса на Бору; 13-го из Архангельского собора; 14-го из Благовещенского собора.

14-го. После литургии постигалось в соборе в алтаре сено. После малой вечерни, которую с канонархом поют большим знаменным напевом соборяне, молебен-параклисис; канон Богородицы нараспев поют соборяне (ныне певчие). К молебствию в собор собираются все находящиеся в Москве архиереи, архимандриты, игумены и соборные протопопы. На всенощной литию поют на роспев соборяне, стиховны — певчие на глас, славник — на роспев; на величание аналой с иконой Успения Богоматери не поставляется; протопоп с протодиаконем кадит всю церковь по чину. Евангелие читает протопоп в алтаре, канон поют певчие, а пресвитеры и диаконы на клиросе запевают песни канона*; по 6-й песни читают Пролог; патриарх облачается с властями и по чтении выходит из алтаря и становится перед иконою праздника, которую выносят ключари и кладут на аналой среди церкви. Певчие становятся на протодиаконском клиросе (за левым передним столпом**) и поют ублажение Пресвятой Богородицы на три статьи, а подъяки говорят среди церкви кафизму «Блажени непорочнии»***, причем патриарх раздает духовным властям и народу свечи, а затем кадит всю церковь. Славословие поют певчие на амвоне.

15-го. Перед литургией молебен с водоосвящением. Литургию патриарх совершает с особою торжественностью, со значительным числом архиереев

* См. книги записей о службах в Успенском соборе с 1667 по 1691 год.

** Протодиаконский клирос находился за левым столпом, в виде амвона, с которого прежде читалось Евангелие (а ныне читается протодиаконом последование Православия и т. д.). Место уничтожено в 1721 году. Во всех церквях православного Востока Евангелие читается с особой кафедрой; в Москве такая кафедра имеется лишь в Заиконоспасском монастыре, в Санкт-Петербурге — в соборах Исаакиевском, Казанском и других.

*** См.: Русская историческая библиотека... Т. III. СПб., 1876. Стлб. 108—110.

и прочего клира. На большом выходе диаконы несут два сиона*, а пресвитеры жемчужные плащаницы, малые покровы на мощи святых, ризу Господню, Гвоздь, ризу Богоматери и другие святыни.

16-го. В день Спаса Нерукотворенного Образа патриарх совершал богослужение в Верхоспасском соборе.

19-го. Перед литургией архиерей сопровождает крестный ход в Донской монастырь, в котором служащий архиерей, по встрече крестного хода, совершает литургию по случаю празднования Донской иконы Пресвятой Богородицы.

23-го. Вечерняя большая с литией. Патриарх отправляет молебен первопрестольнику московскому святителю Петру; на утрени патриарх выходил на величание и в день праздника совершал литургию. Славословие поют на амвоне. Великий выход подобно 15 августа.

25-го. Патриарх, после большой вечерни с литией, совершал молебен-параклисис по случаю празднования иконы Владимирской Пресвятой Богородицы, на который собирались власти. Во время стиховни патриарх входит в алтарь и облачается к молебну.

26-го. Перед литургией архиерей сопровождает крестный ход в Сретенский монастырь. У монастырских ворот патриарх встречал крестный ход и совершал литургию, после чего с крестного хода возвращался в собор.

29-го. По случаю празднования Усекновения главы св. Иоанна Предтечи патриарх совершал литургию в Ивановском девичьем монастыре. С 1814 года в этот день митрополит совершает литургию, а [позже] перед ней панихиду по императорам Александре I, Александре II и Александре III и по другим царским особам, а равно и по православным воинам на брани убиенным, в Архангельском соборе, в который собираются архиереи, архимандриты и соборные протопопы¹⁶.

Вселенские панихиды по патриархам и митрополитам московским положено в Успенском соборе отправлять во вселенские родительские субботы; при этом на гробницы их в соборе поставляются кутьи и свечи. 1 ноября патриарх совершал литургию и панихиду по боярам Илье и Борису Ивановичам Морозовым, пожертвовавшим в собор паникадило в 60 пудов серебра.

Для служащих в соборе в Светлую седмицу литургию и соборной братии полагалось семь столов, также — 20 июня на память патриархов, 15 октября на память патриарха Адриана и в первый день Сырной недели на память патриархов и большой стол в крестовой палате в день Успения Пресвятой Богородицы. В 1729 году все эти столы отменены, за исключением последнего.

* Сионы Успенского собора изображают один — пятикупольный, другой — одноглавый храм; они хранятся в патриаршей ризнице.

Заключение

С восстановлением в 1894 году штата священного клира в Успенском соборе остаются до сего времени не замещенными вакансии состоящих при Синодальном хоре синодальных иподиаконов, которые при патриархах правили должности канонархов и чтецов (псаломщиков). Владыка московский приснопамятный Сергей, с такою ревностью занявшийся восстановлением древнего устава Успенского собора, скончался в 1898 году, не докончив восстановления ни древнего чина, ни штата. С его кончиною снова пошло нарушение соборного устава. Многие из того, что прежде пели соборяне, стали петь певчие; на диаконов возложены псаломщические обязанности, хотя число их осталось прежнее. Толковое Евангелие на воскресных утрнях и всенощных, как и катехизис перед воскресною литургией, не читается. Древние знаменные, греческие, болгарские, афоногорские и другие напевы часто заменяются итальянскими и вообще такими, которые развлекают богомольцев и лишают их возможности молиться. В великие Господние и Богородичные праздники архиереи не только не служат утрень и всенощных (даже на дни Богоявления Господня, Св. Троицы и другие), но иногда и литургии. Хор певчих, на содержание которого отпускается ежегодно 90 тысяч рублей, отряжает к воскресным и праздничным утрням всего 8 певчих для пения в собор¹⁷, а для пения в крестовой церкви Патриаршего дома, при которой он состоит¹⁸, нанимает от себя частных певчих. Только три раза в год (в дни Рождества Христова, Великой Субботы и Светлого Христова Воскресения) на утрнях поет весь хор певчих, и тогда собор бывает полон народа. Введенные с 1900 года молебствия в 12 часов ночи на новый гражданский год осуждаются многими благочестивыми людьми, которые справедливо возмущаются, что гражданский год, установленный Петром I, предпочитается Христову Рождеству и встречается повсеместным красным звоном, тогда как к утрени Рождества Христова (в 12 часов ночи) призывает лишь один Ивановский колокол, которому ни один колокол пятисот московских колоколен не откликается из опасения нарушить покой москвичей¹⁹. Не так было 40 лет тому назад. Не наступления нового года ждали древние христиане, а праздников в честь Господа и Его Пречистой Матери, чтобы украсить храм и видеть в нем торжественную и величественную службу. Нигде на православном Востоке новый, да еще не церковный, год церковью не празднуется и колокольным звоном не приветствуется.

Клир соборный, прежде обладавший прекрасными голосами и удивлявший современников, ныне далеко не тот...²⁰

Мало-помалу нарушается древний устав верхового патриаршего всероссийского Собора, а с ним и обычаи и чин древней Грековосточной церкви, принесенный всероссийскими митрополитами из Константинополя. До сих пор не может быть восстановлено пение певчими канона на всенощных и утрнях, хотя бы на великие Господние и Богородичные праздники. Не на-

прасно старообрядцы укоряют господствующую Церковь в небрежении и новшествах. Москва твердо хранила православие, не имела с Римом никаких сношений, тогда как в Киеве были униатские митрополиты и из киевской церкви и сейчас не исчезли униатские обычаи и порядки. А между тем киевские новшества уже вторым московским архипастырем, несмотря на протест благочестивых москвичей, продолжают вводиться в московскую церковь.

Комментарии

Публикуется по тексту в газете «Русский стяг» (Москва), 1909, № 28—31, 33—38.

Все указания на архивные и печатные источники были проверены, дополнены и уточнены составителями.

1. В упоминаемый автором «Чин» были включены следующие службы: 14 сентября, 24 и 25 декабря, 5 и 6 января, в Неделю сырную, в пяток первой недели Св. поста, в неделю 1-ю Св. поста, в Неделю крестопоклонную, 25 марта, в субботу 5-ю Св. поста, в Неделю ваий, в Страстную неделю, в Неделю Св. Пасхи, в неделю 8-ю по Пятидесятнице, 1 и 6 августа. Основой издания «Чина» послужила рукопись Патриаршей библиотеки под № 697 конца XVII века, в которой были сделаны незначительные сокращения и изменения; кроме того, в издание были включены Устав о звоне и Чин мирования (в 3-е издание).

2. Номер рукописи назван автором ошибочно, и эта ошибка идет от работы *архимандрита Саввы (Тихомирова)* «Указатель для обозрения московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки» (2-е изд. М., 1858). На самом деле рукопись под № 695 представляет собой Устав Новгородского Софийского собора.

3. Более подробное описание названных рукописных источников см. в кн.: *Марков В. С.* Из московской церковной старины. Вып. 3. М., 1905. С. 16—18.

4. Приведем перечень опубликованных уставов и чиновников Большого Успенского собора, патриарших выходов и описаний отдельных служб:

Сказание действенных чинов святяга соборныя и апостольския великия церкви Успения Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно Девы Марии (1621/22, сентябрь—август) // Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Ч. VI. М., 1788. С. 162—223;

Устав московских святейших патриархов российских от создания мира 7176, а от Рождества Христова 1668, индикта 6-го, хранимый и поныне в точности соблюдаемый в первопрестольном Московском Большом Успенском соборе (сентябрь—август, с многочисленными вписками по годам, вплоть до 1692 года, с одиночными вписками — до 1723 года) // Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Ч. X. М., 1789. С. 1—470;

Тредиион, с Богом Святым обдержай подобающее Ему последование от Рождества Христова 1668 (от Недели мытаря и фарисея до 1-й недели Петрова поста, с многочисленными вписками по годам до 1692 года, с одиночными вписками — до 1765 года) // Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Ч. XI. М., 1789. С. 1—160;

Устав церковных обрядов, совершавшихся в Московском Успенском соборе (1630-е) // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1876. Стлб. 1—156;

Сказание действительных чинов святых соборных и апостольских великия церкви Успения Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии (1621/22, сентябрь—август) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. М., 1907. С. 1—81;

Чиновник церковной о благовесте и о звону (1641/42—1670/71, с комментариями на полях, относящимися к разным годам) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. М., 1907. С. 147—213;

Чиновник. Указ о звону и о чину в Пост Великий и Пятидесятницу до Недели Всех Святых (1667, с многочисленными ссылками на более ранние годы) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. М., 1907. С. 81—146;

Чиновник соборный (1770-е, сентябрь—август) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. М., 1907. С. 214—232;

Выходы патриаршие (1666—1674) // Дополнения к Актам историческим... Т. 5. СПб., 1853. С. 98—154;

Выписки из патриарших выходов (1656, 1690, 1693—1694) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. М., 1867. С. 7—64 (в разделе «Смесь»);

Книга записная облачением и действию великаго государя святейшаго Никона, архиепископа царствующаго града Москвы и всеа Великия и Малыя и Белье Росии патриарха. 1655—1658 // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. М., 1907. С. 235—303;

О церемониях, отправляемых в Успенском соборе // *Левшин А. Г.* Историческое описание первопрестольного в России храма Московского Большого Успенского собора... М., 1783. С. 138—179;

Об особенностях богослужения отдельных служб // *Марков В. С.* Из московской церковной старины... Вып. 4. М., 1907.

5. Традиционно этот святой именуется — Димитрий Солунский.

6. Приписанная к собору церковь св. Иоанна Лествичника, «что под колоколами» располагалась в нижнем этаже колокольни Ивана Великого и содержалась в XIX веке за счет московского Общества хоругвеносцев.

7. Эти цифры сильно преувеличены: в действительности по уставу и штату 1886 года и 1897—1898 годов в Синодальном хоре полагалось 80 певчих, из них 50 малолетних и 30 взрослых. Максимальная численность хора, указанная в архивных материалах, относится к 1910-м годам — 93 певчих, из которых 63 малолетних и 30 взрослых.

8. Имеется в виду издание: *Антоний (архиепископ Великоновгородский и Псковский)*. Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872.

9. До 1656 года церковь Ризположения считалась крестовой (домовой) церковью московских патриархов, впоследствии стала называться дворцовой, с прибавлением — «верховой».

10. О митрополите Московском Сергии (Ляпидевском) один из жизнеописателей говорит: «Подобно митрополиту Филарету он хранил церковность как святыню. Во имя церковной правды он старался поддержать и возвысить высокий дух в служителях Церкви, памятуя, однако, и границы человеческих сил, а потому, не впадая в обманчивую строгость непримиримого ригоризма, он охранял права Церкви с тою же осмотрительностью...» (*Митрополит Мануил (Лемешевский)*). Русские православные иерархи // *Игумен Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 5. М., 2001. С. 263).

11. Гуляфная вода — вода, перегнанная из лепестков шиповника.

12. Этот собор был построен в 1506 году близ Ивановской колокольни; в 1816 разобран за ветхостью, а чудотворный образ Николы Гостунского и утварь перенесены в новостроенную церковь во втором ярусе Ивановской колокольни; в 1849—1852 было пристроено высокое крыльцо по проекту К. А. Тона. Здесь каждое воскресенье и накануне праздничных дней служил причт Успенского собора, в праздничные дни им совершалась литургия, а накануне дней святителя Николая (6 декабря и 9 мая) также всенощная с акафистом.

13. О совершении этого чина в Успенском соборе в Средневековье см. современное исследование: *Саенкова Елена*. Чин Торжества Православия по текстам XVI—XVII веков // *Искусствознание* 1/01. М., 2001. С. 463—479.

14. О внимании митрополита Филарета к уставности богослужения в соборе может свидетельствовать хотя бы одно из его писем, направленное в Синодальную контору в связи с устройством в соборе зимнего отопления. Нетрудно заметить, что ряд замечаний митрополита по поводу упущений и небрежностей в служении совпадает с таковыми же замечаниями автора «Извлечения...»:

Предложение митрополита Филарета Московской Синодальной контофе о порядке совершения богослужения в Успенском соборе, 1858, 18 декабря

Устроение Успенского собора теплым приближается к совершению.

Будет ли от сего только та польза, что не будет зябнуть тело? В церкви все должно быть направляемо к пользе духовной.

Ревнителю строгого соблюдения церковных чиноположений нередко замечали, что в первенствующем храме древней столицы богослужение совершается с поспешностью и с несовершенною полнотою. Зимую служил некоторым в сем оправданием холод в храме. Привычка переносила сие несовершенство от зимы на лето.

Теперь причина сего несовершенства устраняется и прежнего оправдания оно не будет.

Не сомневаясь, что о. протопресвитер с братиею расположены к усовершению по отъятии препятствия, тем не менее почитаю благовременным подкрепить начальственную силу настоятеля и усердие братии следующим напоминанием.

1) Первенствующий храм должен представлять назидательный пример прочим.

2) Должно наблюдать, чтобы в нем служение вечерни, утрени и божественной литургии совершалось по уставу церковному, с непрерываемым вниманием и благоговением.

3) Чтение и пение должно совершаться всевозможно вразумительно и без поспешности. Голос должен открывать, а не закрывать слово. Пение клироса не должно начинаться ранее последнего слова диакона, произносящего ектению, или чтеца, читающего псалом.

4) Во время богослужения никакое произвольное слово не должно исходить из уст священно- и церковнослужителей, от одного к другому или к посторонним.

5) Желательно, чтобы соборяне поревновали восстановить на утрених чтение благовестника и пролога и другие чтения в указанные уставом времена.

6) Как собор имеет некоторые подробности чиноположений, собственно ему принадлежащие, то не бесполезно протопресвитеру с сакеллариями обратиться к соборной библиотеке и архиву, не откроется ли некоторых чиноположений, временем и произволом оставленных, которые следовало бы привести в древнюю силу.

7) Охранение святыни священнослужителями должно быть неопустительное и не должно быть слагаемо на причетников.

8) Достоинству храма приличествует, чтобы и церковнослужители его имели одежду, присвоенную духовному званию, и чтобы власострижение и брадобритие не было между ними допускаемо.

Долгом поставляю предложить сие на рассуждение Синодальной конторы, полагая, что усовершенания могут послужить к назиданию православного народа.

Филарет, митрополит Московский

(Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского... Т. 3. СПб., 1885. С. 374—375).

15. В более позднее время этот крестный ход не совершался.

16. Сначала совершалась панихида по павшим воинам; после 1825 года эта служба являлась панихидой по императору Александру I и павшим воинам; с 1881 года — также по Александру II, с 1895 — также по Александру III.

17. Приведенная сумма — 90 000 рублей на содержание Синодального хора не соответствует тому, что записано в штате Синодального училища и хора 1898 года: на содержание 30-ти взрослых певчих отпускалось 14 000 рублей в год, а вместе с училищем — 42 490 рублей. Об описке или ошибке автора говорит и тот факт, что на более привилегированный Санкт-Петербургский Митрополичий хор по сведениям «Русской музыкальной газеты» за 1905 год тратилось 30 000 рублей.

18. Церковь Двенадцати Апостолов располагалась на втором этаже Синодального дома, напротив северной стены Успенского собора, рядом с крестовой палатой и ризницей. О пении Синодального хора в этом храме в середине XIX века см. публикуемые в этом разделе записи регента И. В. Виноградова.

В 1910 году из документа «О суммах малолетних певчих» следует, что отделение Синодального хора за участие в службах в церкви Двенадцати Апостолов получало плату сверх жалованья от синодального ризничего; он, в свою очередь, получал деньги из Синодальной конторы на наем певчих. За месяц отделение получало 40—45 рублей, из которых десять процентов шло в пользу малолетних певчих.

19. Судя по сообщениям прессы, церковное празднование Нового года вовсе не вызывало протестов богомольцев. Так, в 1904 году (год русско-японской войны) «Московские церковные ведомости» писали:

Накануне Нового года уже с 10 часов вечера можно было наблюдать громадные толпы народа в Кремле. Все кремлевские соборы и монастыри были переполнены богомольцами до такой степени, что, по народному изречению, «негде было и яблоку упасть».

В Успенском соборе к 11 часам вечера в алтаре собралось многочисленное духовенство. <...> На клиросах поместился полный хор синодальных певчих. Началась торжественная панихида по православным воинам, за веру, царя и отечество живот свой положившим на поле брани; при пении «Вечная память» все встали на колена. После панихиды начался на Ивановской колокольне торжественный звон, которому вторили колокола всех московских церквей. Ровно в 12 часов владыка митрополит [Владимир] произнес глубоко прочувствованное слово, а затем начал совершать «молебное пение», положенное на Новый год. За ектениями были возглашены моления о даровании русскому воинству победы над врагами. После чтения положенной молитвы с коленопреклонением была воспета песнь «Тебе Бога хвалим», а затем о. протодиаконом Румянцевым были провозглашены многолетия. Богослужение закончилось во втором часу ночи, и большинство богомольцев осталось в соборе слушать утреню (Московские церковные ведомости, 1905, № 2).

20. Это замечание об ухудшении качества певческих голосов по сравнению с веком минувшим находит подтверждение в свидетельствах двух других современников — австрийского музыковеда Е. Мандычевского, признавшего состав Синодального хора 1911 года уступающим составу 1899 года (см. заметку Н. Караваева в разделе «Периодика»), и А. В. Неждановой, пораженной качеством певческих голосов в год своего вступления в труппу Большого театра (1902): «Таких голосов уже больше не было» (по воспоминаниям М. И. Голгофской).

А. Н. Муравьев

Пасха в Кремле

«Доколе стоит Капитолий, будет стоять Рим; доколе стоит Рим, будет стоять и вселенная!» — так выражалась древняя пословица о всемирной державе Римской. Столь же пламенное, но освященное верою Христовою, чувство любви к земной своей родине невольно наполняет сердце и, от избытка сердца, изливается устами русского: «Доколе стоит Кремль, будет стоять Москва; доколе стоит Москва, будет стоять святая Русь, а с нею и Православие!». И не напрасно еще древние летописцы наши назвали первопрестольную столицу, наследовавшую славу Царьграда, третьим Римом. Стоит только ступить на священную высоту Кремля и окинуть изумленным взором живописную окрестность, дабы не только чувствовать, но и видеть, что здесь воистину сердце Руси, ибо от сего дивного средоточия разбегаются, во все ее оконечности, благословенные ее пути, из-под соборной сени древних святилищ, и сюда опять стекаются они, от всех неизмеримых ее пределов, как обращение крови в теле человеческого жилами сосредоточивается в сердце. Потому так сильно и бьется оно, когда приближается к сему заветному сердцу всея Руси, которое само с нежностью материнскую бьется для каждого из сынов своих и всегда готово отозваться на каждый зов их, приемля живое участие в их сердечной радости и горе.

И этот Кремль, столько раз виденный мною и в красноречивом его безмолвии, и в благолепии духовных его торжеств, теперь впервые случилось мне видеть в священные дни Страстной недели и Пасхи, когда он облекается всем своим заветным величием и еще сильнее говорит душе, потрясенной воспоминаниями о распятом и воскресшем Господе. Еще исполненный сих впечатлений пишу тебе, любезный друг, чтобы передать их тебе во всей свежести и вместе с тем пожалеть, что до сих пор ты добровольно лишал себя сего наслаждения духовного; и сколько из нас, проведя всю свою жизнь подле своей родной святыни, так и сойдут в могилу, не полюбобпытствовав даже: что совершается внутри сего дивного Кремля в священную ночь Пасхи? И о чем так торжественно гласит он стоязычным звуком своих колоколов? А между тем мы стремимся в дальнюю чужбину, в иноверный Рим, посмотреть там на служение папское во всех его подробностях. Там мы не боимся ни толпы в базиликах и крестных ходах, ни духоты в Сикстинской капелле для слышания *Miserere*. Всеми средствами стараются добыть туда билеты, чтобы слушать два и три дня сряду, по несколько часов, крикливое пение кажеников [кастратов], и только на конце вечерни нечто более благо-

лепное, но далеко отстоящее от наших церковных хоров. Совершенная драка возникает в ложе ватиканской в ожидании трапезы нищих, угощаемых Папою, и несмотря на то самые почетные дамы, которые так боятся многолюдства в наших соборах, туда теснятся, можно сказать, с опасностью жизни. «Как не посмотреть? — говорят они. — Мы для того и приехали в Рим». — «Как же вы ничего не смотрите здесь? — можно отвечать им. — Неужели обряды чуждые, в земле отдаленной, ближе для вас своих единоверных, в сердце родины?» — «Но мы о них не знали», — говорят они себе в оправдание. Сожалею, и для того, чтобы не было сей последней, хотя весьма слабой, отговорки, постараюсь изложить здесь то, что наиболее поразительно в великолепных службах Страстной и Светлой недели под священною сению Кремля так, как я уже описал римские обряды сих великих дней¹.

Начну с Великого Четверга, потому что богослужение первых трех дней Страстной седмицы более или менее можно видеть в других церквях; но в последние дни и на Пасхе совершаются особенные торжества, соответствующие величию времени и места; даже те, которые положены в обыкновенном чине всех церквей, восходят там до чрезвычайной степени благолепия, так что при зрелище оных невольно умиляется сердце и чувство благоговения обращается в невыразимый восторг. Весеннее полнолуние, всегда неразлучное со Страстною седмицею по самому времени, определенному для празднования Пасхи, и ранняя весна, теплая, растворенная всеми своими ароматами, благоприятствовали на сей раз наружному величию церковных служб; ибо летняя теплота заменила обычный сему времени холод в соборах, и сильные грозы с громом и молниею, какие только бывают посреди не лета, сделали воздух даже душным; теплые ночи сменяли жаркие дни, как будто пламенный июль внезапно заступил место холодного апреля.

Скажу тебе еще нечто близкое не только моему сердцу, но и сердцу каждого москвитянина, и ты поймешь, почему радость наша была совершенна в сии торжественные дни: благоприятная погода поддержала слабые силы нашего Владыки и позволила ему совершить почти все возвышенные службы; они получали особенное выражение от духа молитвы, его проникающего и невольно вселяемого им в тех, которые созерцают его благоговейное служение. «Завидую вам, — писал ко мне накануне Пасхи благочестивый экарх Грузии, — что вы проведете праздники в Москве и разделите радость с Ангелом Церкви Московской, которому так легко усугублять радость радующихся о Господе»; и я на самом деле испытал истину сих выражений².

Первое и единственное в целой России зрелище представляет нам в Великий Четверток собор Успенский, ибо в нем совершается, в память жены, помазавшей на смерть Господа Иисуса, всенародное елеосвящение пред началом Страстей Христовых, как бы во исполнение слов Его: «Аминь, глаголю вам, идеже аще проповедано будет Евангелие сие во всем мире, речется и еже сотвори сия, в память ея» (Матф., XXVI, 13). Каким глубоким, истинно

христианским смыслом проникнуто сие таинственное действие елеосвящения! Что сказал Господь о жене? — «Еже име, сия сотвори: предвари помазати тело мое на погребение» (Марк, XIV, 8). Верные же, образуя собою духовное тело, которого глава есть Господь, и приемля молитвенное участие в страданиях Его, приготавливаются также к сему высокому подвигу чрез таинство елеосвящения, дабы не оскудели их душевные и телесные силы при многотрудном служении. Торжественное действие сие совершается только в Иерусалиме, Царьграде и Москве, хотя могло бы повторяться и во всех соборных храмах; но как нечто необычайное оно положено только при патриарших кафедрах, и утешительно видеть, как верно перешел весь священный чин Великой Церкви Константинопольской, заимствованный из святого града, в первопрестольную Москву.

Архиерей, облачившись в черные ризы внутри алтаря, идет с шестью пресвитерами на средину собора, где приготовлен елей со свечами, и во время чтения канона елейного кадит всю церковь. Потом начинается умиленное чтение семи посланий апостольских и семи евангелий, из коих первое и последнее читает на своем амвоне преосвященный. Так премудро собраны и расположены сии различные чтения, что внимательному слушателю представляется в них и самое учреждение спасительного таинства, и духовный плод его; особенно трогательны молитвы, которые после каждой ектении, следующей за чтением Евангелия, возглашают по порядку все священнослужители, начиная с Владыки. Нельзя без глубокого чувства внимать их изречениям, которые мы обыкновенно слышим только при одре болящих, наипаче умирающих, будучи сами проникнуты горем угрожающей нам потери. Здесь же, со свечами в руках, мы стоим все здоровые, заблаговременно приготавливая себя к исшествию из сего мира по милости Господа, еще терпящего нас во грехах наших. О, если бы мы всегда так готовились к вечности! После окончательной молитвы над елеем архиерей разливает его в три сосуда для удобнейшего помазания многочисленного народа и, начав с самого себя, помазывает священнослужителей и весь клир, а потом они, в свою чреду, помазывают всю паству, и трогательно видеть стремление православных к восприятию сего спасительного залога³.

Час спустя после елеосвящения, в полдень начинается литургия Великого Четверга, которая напоминает нам, преимущественно пред всеми ежедневными литургиями, божественное установление Вечери Тайной и проникает сердце, вместо Херувимской песни, умилительною стихирюю: «Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими; не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем». Всякие три или четыре года, судя по необходимости в святом мире, торжественное его освящение знаменует сию литургию; оно заблаговременно приготавливается в крестовой палате Патриаршего дома, при непрестанном чтении Евангелия, в течение

первых трех дней Страстной седмицы и пред началом литургии Великого Четверга в двенадцати серебряных сосудах приносится пресвитерами в собор Успенский. Там совершается над ним освящение: на великом входе пред дискосом и чашею несут от жертвенника в царские двери так называемый алавастр, малый сосуд с преждеосвященным миром, а за ним большие серебряные сосуды с миром, приготовленные к освящению. Алавастр поставляется на престоле, а прочие сосуды по обеим сторонам его; по освящении даров открываются сосуды; архиерей благословляет мир с троекратным крестным знамением и произносит молитву освящения. Часть прежнего мира вливается в каждый сосуд нового, а потом дополняется опять алавастр, чтобы Церковь имела всегда одно непрерывное миро, как непрерывен в ней дар Святого Духа.

Не без глубокой мысли освящение мира, чрез которое мы все принимаем духовное помазание при самой купели, с именем христианина, положено совершать в тот великий день, когда апостолы, начальники нашей веры, сделались первыми общниками тела и крови Христовой. Не без высокой цели и самое миро истекает на всю Россию из двух только первопрестольных соборов Киева и Москвы, дабы сим духовным единством содержать ее в союзе Православия и чтобы освящение верховных архиереев распространялось на действия каждого пресвитера, помазывающего святым миром крещаемых младенцев. Мне не случилось видеть ни освящения мира, ни торжественного его приготовления, когда пред началом литургии в Великий Понедельник архиерей благословляет ароматные травы и зажигает огонь для их варения в устроенной на сие печи посреди Крестовой палаты, под наблюдением диаконов; в этот год не было необходимости в освящении мира. Но вместо того я имел утешение созерцать другой возвышенный обряд, который хотя и совершается повсеместно там, где есть архиерейские кафедры, однако производит более впечатления посреди древней святыни московской, ибо там все уже заблаговременно располагает сердце к умилению самым многообразием священных предметов и воспоминаний; один только Киев может сравниться в этом с Москвою.

Митрополит совершал литургию и потом умовение ног двенадцати архимандритам и пресвитерам на возвышенном амвоне посреди собора, при чтении Евангелия от Иоанна, которое громко возглашал протодиакон, так что каждое слово его представлялось в самом действии, и даже слова Господни и Петровы повторялись священнодействующими. При чрезвычайном стечении народа благоговейное молчание водворилось в соборе; некий таинственный страх проникал душу: ждали слов и деяний как бы от самого Господа, хотя и в лице его служителя. И вот, вместе с возвышенными словами Евангелия: «Ведый Иисус, яко вся даде ему Отец в руце и яко от Бога изыде и к Богу грядет, встав от вечери и положи ризы и, прием лентион, препоясая» (Иоанн, XIII, 3—4) — тихо поднялся Святитель с кресел, на ко-

их сидел посреди двенадцати учеников; хотя окруженный сонмом своих диаконов, сам он, без помощи их, начал слагать с себя облачение: митру и палицу, омофор и саккос; но сохранил служебное знамение ига Христова, епитрахиль поверх подризника, и надел опять митру, подобие венца Христова, в знак того, что власть имеющий Господь, хотя и воспринял зрак раба, владычественно однако совершил свое служение. Между тем протодиакон непрестанно повторял с амвона: «и положи ризы и, прием лентион, препоясая», доколе не исполнил сего Святитель и не опоясался крестообразно лентионом для отирания ног.

Митрополит, следуя во всем возглашенному Евангелию, «влия воду во умывальницу и начат умывати ноги учеником и отирати лентием, им же бе препоясан» (Иоанн, XIII, 5). Он действительно, преклонив колено, омывал и отирал их и потом целовал руку у омываемого с подобающим смирением, не так, как я видел в Риме умовение, которое совершал Папа, и не двенадцати пресвитерам, а тринадцати нищим: ибо все отзывается в Риме своевольным испровержением древнего чина церковного и даже слов евангельских. Едва наклонялся Папа к ногам сих мнимых нищих или странников, весьма мало проникнутых важностию обряда, и кардиналы, следовавшие за первосвященником, гораздо более его служили, вручая им после омовения по медали с букетом цветов. У нас же, напротив, во всем было строгое исполнение текста Иоаннова, так что кто смотрел на совершение обряда, будто бы читал в лицах Евангелие, а кто читал оное, созерцал самый обряд.

Впечатление слышанного и виденного еще усилилось, когда Владыка, приблизившись к последнему ученику, сидевшему с правой стороны, услышал от него самые слова Петровы, благоговейно произнесенные архимандритом Новоспасским, старшим из всех, как подобало быть Петру: «Господи, Ты ли мои умыеши нозе?» Едва слышным голосом отвечал Владыка: «Еже аз творю, ты не веси ныне, уразумеши же по сих». Вся возвышенная беседа Господа с апостолом произнесена была представлявшими их лицами, и только возгласы диаконов: «глагола Ему Петр», «отвеща ему Иисус» — знаменовали речь каждого и придавали еще более торжественности сей беседе, повторяемой чрез осьмнадцать столетий со всею яркою существенностию настоящего. Когда же заключил Владыка, в лице Господнем: «и вы чисти есте, но не вси», и объяснил диакон, почему он это сказал: «ведяше бо предающего Его, сего ради рече, яко не вси чисти есте», — невольный ужас пробежал по членам, ибо совесть возбуждала в каждом страшный вопрос: «еда аз есмь, Господи?» Совершив таинственное омовение, Святитель по глагу диакона «прият ризы своя», опять без помощи служителей церковных; он воссел между учеников своих и прочел из книги Евангелия изъяснение высококой цели сего обряда, дабы не только они, но и народ уразумел всю премудрость установления церковного из самых слов Спасителя (Иоанн, XIII, 12—17): «Весте ли, что сотворих вам? Вы глашаете мя Учителя и Господа и

дobre глаголете: есмь бо. Аще убо аз умых ваши нозе, Господь и Учитель, и вы должны есте друг другу умывати нозе; образ бо дах вам, да якоже аз сотворих вам, и вы творите. Аминь, аминь глаголю вам: несть раб, болий Господа своего, ни посланник, болий пославшаго его; аще сия весте, блажени есте, аще творити я»⁴.

Есть и в Великий Пяток, ознаменованный столькими возвышенными священнодействиями, одно исключительно совершающееся в Успенском соборе на царских часах, и весьма трогательное, хотя мало кому известное: это омовение мощей, которые торжественно для сего приносятся в главный собор из Благовещенского, где наиболее их хранится; ибо в сию домашнюю сокровищницу собрало их из дальнего Востока благочестие царей наших и в Великий Пяток предлагало их благоговейному лобзанию народа или, можно сказать, отечески с ним делилось своим духовным богатством. И этот возвышенный чин перешел к нам из Византии, исполненный таинственного смысла, каким Православная Восточная Церковь умела проникать и облачать свои возвышенные обряды. Действительно, если вникнуть в сие последнее учреждение, то обнаружится нечто более нежели одно благоговейное желание: сохранить в чистоте священные залогов, вверенные хранению Церкви. Накануне архиерей, в лице Господа, омывал ноги иереям, представлявшим лице Его учеников: не должны лишиться сего молитвенного омовения и ближайшие последователи Христовы, положившие за Него кости свои в основание Церкви, которые прославили Его на земле, хотя отчасти, тою славою, какую Он прославил их на небесах. Посему и им воздается та же смиренная почеть: они уже наслаждаются в невечернем свете Царствия Божия, вечной Пасхи Христа, но доколе еще соблюдаются на земле их нетленные остатки к последнему дню общего воскресения, сами они делаются участниками таинственного омовения, которое предшествовало Вечери Тайной. Здесь, как и во всех священнодействиях наших, является непрестанный союз Церкви видимой и невидимой, воинствующей и торжествующей.

Пред началом царских часов архиерей, облеченный в черные ризы, с духовенством Успенского собора идет в Благовещенский при звуке колоколов Кремля, и ход сей имеет ту особенность, что он как бы погребальный. В углообразной паперти Благовещенской, куда вступает церковное шествие, внезапно открывается во внутрь собора умиленное зрелище: там, в черных облачениях, стоят двадцать священников вокруг накрытого парчю длинного стола в виде гроба, на коем лежат двадцать серебряных ковчегов с мощами внутри их и с ликами изваянных на них угодников Божиих. Явление сие поражает своею неожиданностию. Архиерей, окадив святыя мощи, подает каждый кивот священникам, которые возлагают его на главу свою; сам он, поддерживаемый двумя архимандритами, подымает с наоя Животворящий Крест царя Константина, и таким образом весь прежний соборный ход, умноженный двадцатью пресвитерами с кивотами на главе, воз-

вращается в собор Успенский, возбуждая невольное умиление своею погребальною торжественностию. Мнится видеть древнее шествие Израиля с кивотом Завета и прочею ветхозаветною святынею, несомую левитами в землю обетованную, ибо здесь и свещники, и херувимы, осеняющие в виде рипид Животворящий Крест, заменивший преобразовательный кивот; но вместо костей Иосифа, сопутствовавших сынам Израиля из Египта, здесь кости пострадавших за Христа мучеников. Кто не видал сего зрелища, поистине лишился себя чрезвычайного утешения.

Кто же сии, в частях токмо несомые угодники Божии? Здесь и первоуказанный апостол и евангелист Марк, и архидиакон Стефан, и богоносец Игнатий, великомученики Георгий и Федор с сорока севастьянскими и другими именитыми страдальцами, Пантелеймоном, Варварою и двумя перскими; здесь и святитель Василий с Ефремом Сирским, и святые бессребренники, и богословствовавший Дамаскин, и еще много иных, имена коих не могу перечислить. Все они полагаются на приуготовленный стол промежду двух соборных столбов, от царского к патриаршему месту. Тогда начинается служение царских часов, в котором участвует сам архиерей, ибо он читает первое и последнее Евангелие Страстей. Это было впервые, что я мог видеть сию возвышенную службу с подобающею ей торжественностию, так как она знаменует самый час Распятия. Обыкновенно ее совершают без особенного благолепия и даже при малом стечении народа, потому что все готовится к вечерней службе, для целования Плащаницы; но Плащаница знаменует только положение во гроб, собственно же Распятие выражается на часах свидетельством четырех евангелистов о страшном и спасительном для нас событии. После царских часов освящается вода посреди собора, и архиерей начинает омыwać ею на аналое Животворящий крест и гвоздь Господни, послужившие к Его Распятию, и ризу Его, о коей метали жребий, и ризу Богоматери, изнесенные из алтаря Успенского. И какие еще сокровища там хранятся, едва ли ведомые благоговейно целующим их при посещении храма? Тут и локоть Андрея Первозванного, с частями мощей Предтечи и великомученика Георгия, черепы Григория Богослова и Златоуста, и перст Василия Великого, и ручка всехвальная Евфимии, и челюсть другого просветителя Руси, благоверного князя Владимира⁵. Все сие омывает также Владыка и потом идет в сопровождении диаконов, несущих святую воду, отирать чело святителей Петра и Филиппа и руку святителя Ионы, открытые целованию народа и потому более требующие омовения. Трогательно видеть чрез столько веков сие братское дело любви над усопшими в Бозе пастырями и отцами, совершаемое теми, кто исполняет чреду их пред лицом их московской паствы. Тем же порядком и столь же торжественно возвращается крестный ход в собор Благовещенский с драгоценными кивотами, которые полагаются там для благоговейного их чествования во весь день Великого Пятка⁶.

Не стану описывать вечерней службы, которая всегда и везде совершается с одинаковою торжественностию; я присутствовал при служении митрополита в Заиконоспасском монастыре и сожалел, что не видал оное в Успенском соборе или в Чудове, ибо все такие действия имеют гораздо более торжественности внутри священных стен Кремля. Обычай совершать вечернюю службу в Заиконоспасском, вероятно, начался с того времени, когда там учреждена была духовная академия, при царе Феодоре Алексеевиче, и ректоры ее говорили на сей день назидательное слово, привлекавшее православных своею необычайностию. Но теперь, когда уже духовная академия перенесена в лавру Троицкую и самая семинария помещается в другом здании, не время ли возратить Кремлю торжество сей вечерни, которому не благоприятствует теснота Заиконоспасской обители?

Настала ночь Великой Субботы, ознаменованная погребальною утренею, с которою может сравниться одна только воскресная. Какое страшное слово: «люди погребают Бога»! Какой ангельский лик был бы того достоин? Но умаливший Себя ради человеков и зрак раба принявший мертв зрится и, плащаницею обвитый, ею знаменуется, предавая Себя в руки человеческие для таинственного погребения! Здесь Церковь исполнилась всем своим плачем, чтобы выразить на языке смертных тайну, в которую и ангелы желают проникнуть: «Горé Ты на престоле и доле во гробе премирная и подземная помышляющая, Спасе мой, зыбляхуся умерщвлением Твоим, паче ума бо виден был еси мертв, Живоначальниче».

Уже совершились похвальные песни исходу Богочеловека, прерываемые жалобными псалмами, и мертвенный над ним канон, проникнутый ужасом ада и чаянием вечной жизни; ангельский гимн «Слава в вышних Богу», огласивший рождение Вифлеемского Младенца, повторился и над гробом Голгофского Страдальца. Началось тихое «Святый Боже», сопровождающее каждого мертвеца человеческого к его последнему жилищу, и при этом торжественном пении руками архиерейскими поднят был с престола соборного Божественный мертвец. Погребальное шествие северными дверьми алтаря, мимо мощей святителя Петра, двинулось внутрь храма к западным вратам, со свещниками и кадильницами, под сению рипид, при веянии хоругвей. Ночь встретила во вратах из ярко освещенного храма, как бы тот подземный мрак, который снизшел рассеять Усопший, когда в одно и то же время был «во гробе плотски, во аде с душею яко Бог, в раю же с разбойником и на престоле со Отцем и Духом, вся исполняя неописанне». Медный рев колоколов кремлевских потряс воздух, как бы страшный голос неба и земли, слитый вместе, ибо воистину «ужаснися бояйся небо и да подвижутся основания земли: се бо в мертвецах вменяется в вышних живый и во гроб мал странно приемлется».

Вместо благообразного Иосифа и мироносиц погребателем шел народ московский около Плащаницы своего Господа со свечами в руках, с умиле-

нием в сердце, чающий Воскресения. В величественном сумраке стояли свидетелями таинственного погребения три священных собора, как бы тройной образ храма Иерусалимского, отколе просияло нам единство Божие в новозаветном исповедании трех Божественных лиц. Грановитая палата, престольная сень всяя Руси, и вещей исполин, прогнавший столько веков русской славы, выступили из мрака, когда из-за позлащенных глав Благовещенского собора выкатилась полная луна и небесным светом затмила земные погребальные огни. Когда же чудное шествие сие обошло собор и опять возвратилось в его заветную внутренность, — мы поспешили в дальнюю обитель Донскую, чтобы там еще раз слышать повторение той же возвышенной утрени и насладиться ангельским пением погребальных гимнов, которое там исполнено всею торжественностью великого события⁷.

В домовой церкви митрополита слушал я литургию Великой Субботы, полупогребальную, полувоскресную по изменению черных риз на светлые и возглашению первого Евангелия о восстании Господа еще над Плащаницею, где Он видимо покоится пред всею Церковию. Это уже была заря той царственной Субботы, которая, как торжество из торжеств, долженствовала воссиять нам на следующее утро, и в этот день сподобился я быть участником божественной вечерни от руки священнодействовавшего митрополита. Потом все умолкло, по заповеди, до радостного утра, как некогда и благочестивые жены, приготавлившие ароматы для Божественного мертвеца; они пошли искать Его рано во гробе и поклонились, радуясь, живому Богу и Пасху тайную возвестили Его ученикам, — и нас в ту же ночь ожидала радость мироносиц, и действительно, некое таинственное ожидание, но не земного, а небесного, исполняло всех. Невыразимое чувство говорило сердцу, что наступавший день выходил из числа дней человеческих необъятностию самого события, и глубокая тишина водворилась не только в сердце каждого, но и в целом городе, чающем вечной Пасхи Господа своего. Первопрестольная столица готовилась встретить Воскресшего внутри своих храмов; там только видно было некое движение: церковнослужители читали книгу Деяний Апостольских над Плащаницею; благочестивые стояли вокруг и безмолвно внимали.

Вот приблизилась заветная полночь! Я желал насладиться ею во всем ее величии, внешнем и духовном, и поспешил в Кремль. Вместе с бывшим владельческим князем Сербским, который посетил древнюю столицу нашу с тою же церковною целию и утешался в ней торжеством Православия, мы взойшли на балкон Малого дворца, чтобы отколе окинуть взорами все Замоскворечье. Картина сия была достойна изумления. Багровая луна, только что подымавшаяся из-за небосклона, висела, как яблоко, слабо освещая обширную панораму, которая развивалась перед нами; в сумраке нельзя было ясно различить предметов, но темные бойницы обозначали Кремлевскую ограду. На бесчисленных колокольнях Замоскворечья начинали мало-помалу загорать-

ся огни, знаменовавшие светлое торжество; на каждой из них, даже до дальней колокольни Симонова, сияли пасхальные венчики, своенравно рассеянные в воздухе по разнообразной высоте башен. С того возвышения, где мы стояли, глаза наши разбегались во все стороны, и нельзя было определить: какая собственно стихия колебалась пред нами в сумраке, вся проникнутая яркими огнями? Казалось, еще тысячи звезд зажглись в воздухе, и только багровый огонь отличал их от небесного света настоящих светил; казалось, звездное небо отразилось в некоем море, внезапно подступившем к священной ограде Кремля на место убогой его реки. Исполин Кремлевский уже был увенчан огненным двойным венцом, освещающая вокруг себя обступившие его соборы.

Посреди таинственной тишины сей многоглагольной ночи внезапно с высоты Ивана Великого, будто из глубины неба, раздался первый звон благовеста — вещий как бы зов архангельской трубы, возглашающей общее воскресение, но теперь она возвещала только восстание одного Божественного мертвеца, который попрали смертию смерть. И вот, при первом знаке, данном из Кремля, мгновенно послышались тысячи послушных ему колоколов. И медный рев их исполнил воздух, плавая над всею столицей; она была объята сим торжественным звоном, как бы некоей, ей только свойственной атмосферою, проникнутою священным трепетом потрясаемой меди и радости благовестуемого торжества. Слышало ухо и не могло насытиться сею дивною гармониею будто бы иного, надоблачного мира; смотрело око и не могло наглядеться на зрелище священных огней, горевших в небе, а сердце человека не могло вместить в себя всей духовной радости — примирения неба и земли.

Но время было спешить в Успенский собор для божественной службы. Уже внесена была мертвенная Плащаница в алтарь при пении погребального канона Великой Субботы, и вот исходит из алтаря Святитель в светлых ризах, с сонмом священнослужителей, поющих: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». Ангелы уже поют воскресение, земля же еще безмолвствует, ибо к нам позже пришла сия радостная весть от ангелов. Как бы исполненные их видением в алтаре, где положена Плащаница вместо нового гроба на престол, исходят в чине ранних мироносиц священнослужители; вне храма разрешится устами их великая тайна, ибо теперь еще знаменуется во мраке таинственное сошествие во ад Господа для изведения душ праотцев. При глазе всех колоколов Кремля, со всею заветною святынею собора и с Животворящим крестом в руке митрополит обошел соборный храм, и вся площадь кругом его, исполненная народом, обратилась в один храм: как будто раступились вековые стены трех смежных соборов, и они соединились в одно святилище, осененное вместо купола звездным небом. В ту же минуту совершалось шествие вокруг Архангельского и Благовещенского соборов, на

той же площади, горевшей бесчисленными огнями, и не погасла ни одна свеча в руках народа: такая тишина царствовала в воздухе. Нет слов на языке человеческом, чтобы выразить сие таинственное безмолвие, исполненное чаянием оживающей земли. Когда же в знамение Светлого Воскресения Владыка раздал свечи своим сослужителям у западных врат и, осенив врата знамением креста, впервые возгласил «Христос воскрес!» и при громком пении сего торжественного гимна отверзлись заключенные врата, — казалось, Восток свыше осиял всех изнутри ярко освещенного храма; все устремились вовнутрь его, как бы в тесные врата небесного царства, уже отверстого для нас на земле; немой восторг проговорил слезами, и два только божественных слова «Христос воскрес» могли выразить тайну неба и земли⁸.

Кто не видал пасхальной утрени в Кремлевском соборе, не может представить себе всего величия сей церковной службы, сколь ни возвышенна она сама по себе и при малейшем благолепии; Кремль для нее создан и она для Кремля, ибо здесь благоприятствуют и местность, и святыня, и самый глас Ивана Великого, звучащий неземным. Торжественны были каждения митрополита и после него двенадцати архимандритов и пресвитеров при каждой песни Пасхального канона, с неперменным приветствием «Христос воскрес»; умилительно целование их с властями и народом и назидательно слово Златоуста, приглашавшего к общей радости, которое произнес Владыка вместо самого Иоанна: «Аще кто благочестив и боголюбив, да насладится сего доброго и светлого торжества; аще кто раб благоразумный, да увидет, радуясь, в радость Господа своего». Где, в какой Церкви есть что-либо подобное торжеству сему, вполне достойному дивного события? Бледен Рим с его внешнею картинностью папских служений, из числа коих исключена пасхальная утренья! И протестанты, чуждающиеся всего внешнего в церкви, чувствуют сиротство свое в сию великую ночь Пасхи и притекают в наши храмы искать того утешения, которого сами себя лишили.

Три часа спустя после утрени началась литургия, не менее торжественная по благолепию утвари церковной и числу священнослужителей и усердию народа, наполнявшего храм. При звуке колокола Евангелие возглашалось в алтаре всеми архимандритами и пресвитерами и четырьмя диаконами в церкви, по четырем странам света, как бы во услышание всяя Руси из ее первопрестольного собора; оно читалось на языках греческом и славянском в знамение родственного союза церквей⁹. После божественной службы в скромных покоех настоятеля Чудовского, ибо митрополит есть вместе и архимандрит сей кафедральной обители, все духовенство, предстоявшее с ним у алтаря, соединилось, чтобы разговеться вместе со своим Владыкою. К вечеру опять собрались в Успенском храме, и служба была еще торжественнее по числу архимандритов, ибо все находящиеся в Москве соединились, чтобы участвовать в общей радости великого дня. Великолепно было зрелище сего митроносного сонма, когда обступил он амвон, с которого Святи-

тель лицом к народу читал Евангелие от Иоанна о явлении воскресшего Господа ученикам своим. Трогательно было видеть и всенародное его христосование со всею паствою, ибо несмотря на слабость и утомление от тройной службы — утрени, литургии и вечерни, Владыка не лишил братского целования ни одного из предстоявших в храме, и все стремились лобзать своего архипастыря. Спрошу опять: где, в какой Церкви можно найти такой умилительный обычай, соединяющий во Христе пастыря с пасомыми истинным братством, основанным на благоговейной любви? Может ли с этим сравниться холодное коленопреклонение римлян пред их первосвященником, несомом на троне над головами народа, которому он недоступен?

Вот я описал тебе, любезный друг, сколько мог, все торжества Страстной и Светлой седмиц посреди заветной святыни Кремля, где я был столько же поражен величием богослужения, сколько и благоговением народа к своей древней родовой святыне. Здесь истинная твердыня Руси — ее незыблемое Православие, и с ним устоит она против всех внешних бурь, ибо Церковь ее основана на твердом камени веры. Скажу в окончание то же, чем начал: «Доколе стоит Кремль, стоит Москва; доколе стоит Москва, будет стоять Русь, а с нею Православие».

Комментарии

Текст воспроизводится по изданию: «Пасха в Кремле» — *Муравьев А. Н.* Путешествие по Святым местам Русским. 4-е изд. СПб., 1846. С. 297—323; «Большой Кремлевский ход...» — *Муравьев А. Н.* Дополнение к Письмам о богослужении Восточной католической Церкви. СПб., 1883. С. 73—77.

Автор «Пасхи в Кремле» и «Большого Кремлевского хода...» Андрей Николаевич Муравьев (1806—1874) был плодовитым писателем и видным церковно-общественным деятелем. Он принадлежал к весьма известной в русской истории семье: отец, Н. Н. Муравьев — генерал, основатель московской Школы колонновожатых; один брат, Александр — декабрист; другой, Николай — выдающийся военачальник, герой Карса; третий, Михаил — генерал-губернатор Виленский. Получивший превосходное домашнее образование, Андрей Муравьев в молодости писал стихи и драмы в стихах (одна из них даже ставилась в театре). В 1830 году, в возрасте 24-х лет, он, находясь на Востоке на дипломатической службе, совершил поездку в Святую Землю, которую описал в книге «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» (СПб., 1832). Ее издание вызвало одобрительный отзыв самого А. С. Пушкина: «С умилением и невольной завистью прочли мы книгу г-на Муравьева. <...> Молодой наш соотечественник привлечен туда не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного. Он посетил святые места как верующий, как смиренный христианин, как простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться в прах пред гробом Христа Спасителя» (цит. по: *Пушкин А. С.* Мысли о литературе. М., 1988. С. 196).

В 1831 году Муравьев стал столоначальником Азиатского департамента Министерства иностранных дел, но уже в 1833-м перешел в Св. Синод, где исполнял обязанности секретаря обер-прокурора. В 1846 году, после серьезных столкновений с новым обер-прокурором Н. А. Протасовым, вернулся на дипломатическую службу. В 1836 году Муравьев был избран членом Академии наук.

Своеобразная личность Андрея Николаевича Муравьева ярко охарактеризована близко знавшим его Н. С. Лесковым, в частности, с некоторой иронией, в «Мелочах архиерейской жизни»:

...Андрея Николаевича Муравьева... как известно, звали в шутку то «несостоявшимся обер-прокурором», то «генерал-инспектором пономарства»... Андрей Николаевич был знаток церковных уставов и порядков и мог в них наставить иного настоятеля... [Он] дерзал произносить осуждение не только священникам и священноинокам, но даже преосвященнейшим владыкам и всему их святейшему собору. <...> Целую жизнь инспектируя священнодействия, он умер в этих же самых занятиях. Накануне смерти он пожелал оспориться. Таинство это, во главе других лиц, совершал Филарет (Филаретов), бывший викарий Уманский, ныне епархиальный архиерей Рижский. Больной во время соборования был уже так слаб, что не подавал голоса. Но когда служба была окончена и архиерей стал разоблачаться, умирающий, ко всеобщему удивлению, совсем неожиданно произнес: «Благодарю, таинство совершено по чину». Таковые были его последние слова на земле.

Этот, как нельзя более отвечающую всегдашнему его настроению фразой Муравьев окончил свою генерал-инспекторскую службу русской церкви и доказал, что он был один из редких, типических, последовательных и вполне законченных характеров (Лесков Н. С. Полн. собр. соч. Т. 35. СПб., 1903. С. 30—31).

При всем том Лесков отдавал должное деятельности Муравьева:

Как бы там ни было, а все-таки он первый из светских людей начал вещать о таких вопросах, которыми до него «светские» люди не интересовались и не умели за них тронуться (Там же. С. 406).

Более подробно пишет об этом первый биограф Муравьева П. С. Казанский:

Главное достоинство и заслуга А. Н. как духовного писателя заключается... в том влиянии, какое имели эти сочинения на русского общество. Некоторое время его сочинения были самыми любимыми книгами в дворянстве, особенно среди женского общества, также среди духовенства и купечества. Он заставил высшее общество читать книги духовного содержания, писанные по-русски. Он познакомил это общество с учением Православной церкви, объяснил дух ее богослужения, что совершенно было неведомо значительному большинству (Казанский П. С. Воспоминание об Андрее Николаевиче Муравьеве // Душеполезное чтение, 1877, март. С. 8).

Литературное наследие Муравьева чрезвычайно велико, в него входят, в частности, переведенные на многие языки книги «Письма о богослужении Восточной католической Церкви», «История Российской Церкви», а также обращенные к митропо-

литу Филарету «Письма с Востока в 1849—1859 годах» (второе паломничество автора к Святым местам), «Жития святых Российской Церкви, также Иверских и Славянских и местнотимых подвижников благочестия» и др. Среди этих трудов особое место занимает пользовавшееся очень большой известностью «Путешествие по Святым местам Русским» в двух частях, впервые изданное в Петербурге в 1836 году. В обеих частях книги Муравьев пишет о Кремле, его монастырях, соборах и церквях, причем во второй части как сопровождавший посещавшего Москву наследника престола. Публикуемый очерк «Пасха в Кремле» был написан в 1846 году и присоединен к книге при четвертом ее издании (СПб., 1846; дата написания очерка указана в пятом издании — СПб., 1863).

Муравьев пользовался дружеским вниманием митрополита Московского Филарета и в свои приезды в Москву жил на подворье митрополита, что позволяло ему наблюдать весьма близко церковную жизнь города, и в частности кремлевских соборов.

Очерк о крестном ходе вошел в дополнительный раздел к посмертному изданию «Дополнение к Письмам о богослужении...» (1883), наряду с извлечениями из «Путешествия по Святым местам Русским», из «Писем с Востока» и «Римских писем».

1. Речь идет о книге А. Н. Муравьева «Римские письма» (второе, дополненное издание — СПб., 1847), описывающей обряды Страстной седмицы в католической столице. Там, в частности, говорится об исполнении «Miserere» и о пении папской капеллы.

С вечера Великой Среды начался духовный церемониал римский в придворной церкви Ватиканской, сохраняющей имя своего основателя папы Сикста VI; туда устремилось в 4 часа пополудни высшее общество римское и все иностранцы для слушания знаменитого Miserere, или псалма «Помилуй мя, Боже», который поют певчие папские на конце всенощной. Музыка сия точно умилительна и достойна внимания как одно из лучших произведений Аллегри; но надобно много терпения, чтобы ее дожидаться и в продолжение полутора часов слушать пронзительные речитативы, восходящие и нисходящие весьма неестественными гаммами, которые раздирают слух. Если же опоздать приехать к началу, то уж нет никакой возможности проникнуть в церковь, где теснота и духота подавляют всякое внимание. Вся служба разделена на три статьи, и каждая состоит из чтения трех псалмов и пения антифонов между ними, которые выражают события сего дня. <...> Вся сия служба должна изображать предание и Страсти Господни; но как далеко отстоит она от нашей православной службы Страстной недели, где так премудро расположены все чтения и обряды, что каждый даже несведущий христианин, только слушая и зирая, может иметь пред собою всю евангельскую повесть последних дней Господа. Здесь же, с книгою в руках и при самом напряженном внимании, невозможно следить за ходом службы, и мало кто знает ее символику. Собираются только для одного Miserere, как бы в концерт (С. 117—119).

О папской капелле Муравьев пишет:

Впрочем, нельзя похвалить хора папского, от пронзительности некоторых голосов, весьма неестественных и не соответствующих достоинству церковному.

Хор сей всегда заменяет орган при служении или присутствии папы, и это свидетельствует в пользу вокальной музыки, что она и на Западе признается более приличною для богослужения, нежели орган; но всякий у нас хор архиерейский как по своим церковным напевам, так и по стройности, казался мне приятнее, нежели папский (С. 101—102).

2. Здесь и далее речь идет о служениях митрополита Московского Филарета. Владыка, с его любовью к уставному служению, стремился по возможности точно следовать древним образцам.

Пасха в 1846 году приходилась на 7 апреля.

3. Вот как представлен этот обряд в «Чине священнослужения и обрядов, наблюдаемом в Большом Успенском соборе».

К елеосвящению благовест час дни, и пришед архиерей в церковь, стоя на орлеце покланяется трижды, и осеняет на все страны, и облачается в олтарь в малое облачение, и вышед из олтаря восходит на место среди церкви, по сем начало по требнику и канон, а в канон архиерей свечи раздает, таже кадит всю церковь, а говорит канон диакон, и апостолы чтут диаconi ж, а молитвы «Отче святыи» — шести не говорит, только говорит седмую со властми, на Евангелии и на молитвах снимает шапку, когда архиерей читает, по сем помазует властей и всех ту предстоящих, а для поспешения раздает стаканчики стеклянные властем; по помазании ж архиерей снимает шапку и говорит молитву «Царю святыи», а власти держат, разгнув над главою архиереа, Евангелие и говорят тихо ту ж молитву, по сем отпуст по требнику (л. 8 об).

4. Из «Чина священнослужения и обрядов»:

К вечерни и к литургии благовест 6 часов дни, и пришед архиерей в церковь, входное поют по чину, и целовав святыя иконы, облачается среди церкви по чину во все облачение постное, и облачась, возьмет посох, идет в олтарь и оmyвает святыи престол по требнику, и оmyв раздает губы властем в олтаре, а в то время говорят часы, таже протодиакон: «Благослови, владыко», архимандрит: «Благословено царство». Начинают вечерню; начало вечерни и псалом говорит архиерей сам; после паремий ектения малая; таже «Господи, спаси благочестивыя» и прочее Божественная литургия великаго Василиа, а вечерних молитв не говорит, токмо входную «Господи, низпосли», да предложенную «Боже, Боже наш», да входную «Вечер и заутра и полудне»; по заамвонней молитве оmyвает ноги по чину Вселенских Патриархов, напечатанному в особливой книжице (л. 9—9 об.).

5. Протопресвитер Успенского собора В. С. Марков в книге «Из московской старины...» перечисляет священные реликвии собора: часть ризы Господа Спасителя, часть ризы Божией Матери, гвоздь Креста Господня, десная рука по локоть св. апостола Андрея Первозванного, нижняя челюсть св. равноапостольного великаго князя Владимира, глава св. Григория Богослова, глава св. Иоанна Златоуста, глава св. мученика Аксентия, длань левой руки св. Евфимии всехвальной, части св. мощей — Предтечи и Крестителя Иоанна, св. страстотерпца Георгия Победоносца,

св. Василия Великого, святителя Петра митрополита Московского, преподобного Сергия игумена Радонежского (Вып. 1. М., 1902. С. 11—12).

6. Приводим обряд омовения мощей по «Чину священнослужения и обрядов»:

В той же пяток благовест к часам царским и к выносу мощей пол три часа дни; архиерей, пришед в церковь и став на орлеце среди церкви и сотворя три поклоны, осеняет руками на все страны и, вшед в алтарь, облачается во все облачение постное, и облачась идет со кресты из соборныя церкви по мощы, и пришед в тую церковь, идеже мощы уготовлены, знаменуется у святых икон, и возьм кадило кадит мощы кругом, и святыя иконы, и властей, и отдает мощы властям, и раздав мощы и сам возьмет что ему нести, и несет на голове, а под руки поддерживают диаконы, а кадят в два кадила, над главою архиереа несут две рипиды, посох и митру несут наперед. И пришед в соборную церковь принимает у властей мощы и ставит на стол, и отходит на место облачальное, воду освящает, тут же стоит, и начинают часы по чину. Псалмы говорит диакон, тропари сказывает канархист, поют протопоп с братиею, по отпущении часов святит архиерей воду августовым освящением по требнику и погружает честный крест в чаше, таже омочив губу во святую воду, верхнюю часть мощей отирает, и отпуст по требнику ж. По отпущении бывает целование мощем, архиерей кропит святою водою церковь на четыре страны, и себя, и властей, и всех ту предстоящих; по целовании ж паки относят мощы по тому ж чину, якоже и прежде, и пришед в церковь, таже кадит мощы и святыя иконы и властей, и идет в соборную церковь и разоблачается в олтаре пред престолом (л. 10—11).

7. Приводим обряд погребения Плащаницы по «Чину священнослужения и обрядов»:

В той же пяток благовест к вечерни за 4 часа, архиерей, вшед в церковь, становится на орлеце и сотворя три поклоны осеняет, певчие поют «испола эти деспота», и возшед на место облачается в постное облачение среди церкви, и облачась идет по гроб Спасов с рипиды и со свечами, и пришед кадит гроб трижды, таже властей, и сняв шапку подымлет гроб со властями на ramo, и несут на уготованное место пред царския двери, и поставляют. Таже входит в алтарь и кадит на престоле святую плащаницу точною со преди трижды, и несут из олтаря царскими дверми, и кладут на гробе, и кадит круг гроба трижды, а иподиаконы с подсвещниками ходят кругом, таже протодиакон: «Благослови, владыко», архимандрит: «Благословен Бог», начинают вечерню. Архиерей стоя на месте и власти, начало вечерни и псалом сам говорит, таже поют стихиры по чину, вечерних молитв не говорит; как запоют «славу», поклоняются власти архиерею и входят в алтарь к выходу. В ход архиерей идет сам, и власти поют «Свете тихий»; архиерей кадит, иподиаконы поют «испола эти деспота», и чтут паремии, таже апостол, архиерей от престола идет на горнее место с трикириями и отдает с себя омофор. По апостоле протодиакон чтет святое Евангелие за плащаницею. И егда архиерей проговорит главопреклонную молитву, тогда паки налагают на него омофор, а в стиховну бывает целование и отпуст вечерни по чину с трикириями, а целует архиерей язву в ребре и руке, по сем в но-

гах, таже паки в руке, а власти точию целуют язву ножную, такожде и вси прилучившийся (л. 11—12).

8. Из «Чина священнослужения и обрядов»:

Арихерей пришед к утрени в соборную церковь без звону, и ставится среди церкви на орлеце и покланяется трижды, осеняет на все четыре страны, а к утрени бывает провождение, и вшед в алтарь облачается во все облачение, и облачась кадит около престола трижды обходя. А кадя поет «Воскресение Твое» со диаконы, иподиаконы ходят с четырьмя подсвещники по чину, и покадя престол и по обе страны властей, и отдает кадило протодиакону, и возьмет крест в правую руку, а в левую посох, и идет из царских дверей в северные двери, а пред ним несут образ Богородицын да крест запрестолные, да образ Воскресения, да Евангелие, и пришед к западным дверем осеняет крестом на все четыре страны, и отдав крест на блюдо раздает свещи властям, и раздав кадит образ и крест, и приняв с блюда крест в левую руку, кадит властей и всех ту предстоящих, и покадя, не отдав кадила, говорит: «Слава святей». Певчие: «Аминь». Таже архиерей поет со диаконы «Христос воскрес» трижды. Таже певчие поют трижды. По сем архиерей говорит стихи, певчие ко всякому стиху поют «Христос воскрес». Архиерей: «Слава, и ныне». По сем архиерей поет «Христос воскрес» до полу. Певчие: «И сущим во гробех». По сем идет в церковь держа святой крест в руке, и возшед на место, отдает крест на мису, протодиакон говорит ектению «Миром Господу помолимся». Архиерей, проговоря возглас, начинает первую песнь сам со диаконы... (л. 14—15).

9. Из «Чина священнослужения и обрядов»:

К литургии благовест час дни; архиерей пришед в церковь с провождением, по чину входное, и облачается на месте. Проговоря часы, начало «Христос воскрес» по чину архиерей поет трижды со диаконы, а в алтаре архимандрит первый говорит стихи, держа свещу в руке и кадило без креста; и егда придет время чести Евангелие, архиерей сходит с горняго места, и став пред престолом на восток лицом, отдает диаконом четверем Евангелиа всем вкупе, первый диакон на амвоне на восток лицом, второй на запад лицом, третий на юг, четвертый на север. Архиерей же чтет «Премудрость, прости», протодиакон и диаконы тож. Архиерей: «Мир всем»; певчие: «И духови твоему». Архиерей: «От Иоанна святаго Евангелиа»; протодиакон и диаконы тож; таже певчие: «Слава Тебе, Господи»; архиерей «Вонмем»; протодиакон тож. А егда архиерей прочтет и возгласит конец, тогда меньших станиц подъяки поют «испола эти» за престолом, а протодиакон и диаконы дочитают после и подносят те все Евангелиа целовать архиерею. По отпусе ж Божественныя литургии архиерей провождает артос в крестовую палату, и говорит над брашном молитву, и кропит святою водою, и со властми в крестовой хлеба вкушает (л. 15 об.—16).

А. Н. Муравьев

Большой Кремлевский ход в память освобождения Москвы от галлов¹

Какое торжество готовит древний Кремль? О чем гласит медный хор его колоколов? Высоко горят древние хоругви, двойным рядом златокованных щитов подвигаясь от собора Успенского к Спасским воротам; попарно тянется за ним непрерывающаяся цепь священнослужителей в светлых ризах от всех сорока сороков первопрестольной столицы и весь митроносный сонм настоятелей обителей московских. Вот и священные иконы, озаменованные неоднократным спасением Земли Русской: Корсунская Божия Мать времен равноапостольного Владимира между двух ее кристалловидных крестов; икона Благовещения преподобного Прокопия, отстранившая некогда страшную каменную тучу от Великого Устюга, и Владимирская, кивот спасения всея Руси, удержавшая грозного воителя Тамерлана. Пресвитеры благоговейно несут сию заветную святыню, как некогда жрецы и левиты во исходе Израилеве из Египта, дому Иаковля от людей варвар, когда, по громкому выражению псалма, «море виде и побеже, Иордан возвратися вспять». Тихо и величаво шествует, вслед за ближайшею сердцу русскому святынею, близкий сердцу своей паствы первосвятитель столицы, со всеми знаменами своего духовного сана, а позади и вокруг него тысячи народа, унижавшего обе стороны стесненного крестного пути.

Что же знаменует торжественное шествие? Это память судеб Божиих, над нами бывших: ибо, хотя на сей раз не побежало море и не возвратился вспять Иордан, как во дни исхода Израилева из Египта, но и мы видели, видели шествия Твоя, Боже, при изгнании от нас мышцею Твоею людей варвар и нового фараона: полчища его погрязли в снегах северных, как бы в пучине Чермной! Сорок дней тяготела рука его над градом святыни и гробов отцев наших, и вот совершается как бы торжественный сорокоуст от лица всея Церкви Московской в память сорокадневного ее плача. Это и последний отголосок славной, но вместе горькой битвы Бородинской, здесь отозвавшейся в сердце всея Руси!

Куда же направляется крестный ход с древнею своею святынею? Он идет кругом священного кивота, искони охраняющего в заветных стенах своих все сии сокровища — вокруг Кремля, который отстоял их и во дни сорокадневного плена, не подвигшись с вековой своей основы. Напрасно желал надменный завоеватель, чтобы взлетел он на воздух со всею его святынею и чтобы пал вещий столп Ивана Великого, сзывающего к ней на молитву. Пал

один только угол стены с вершиною одной лишь башни, и то во свидетельство немощи человеческой и силы Божией, ибо уцелела на сокрушенной башне икона Святителя Николая, давшего ей свое имя, и самое стекло пред иконою не повредилось². Как же не обойти с глубоким благоговением вокруг столь заветной святыни и не воздать на каждом шагу благодарной молитвы Богу отцев наших, показавшему и на нас милости свои древние! «Обыдите, людие, и обымите Сиона!» — восклицал Давид, исполненный любви к сей матери градов Израилевых, и мы с любовию обходим и как бы объемлем всенародными объятиями Сион Московский, основание коего также на горах святых.

У Спасских ворот Кремля весь сонм инокинь вознесенских встретил и проводил пением мимоидущего владыку. На Красной площади Китай-города священнослужители Покровского и Казанского соборов поднесли ему для благоговейного целования чудотворные иконы своих храмов, сооруженных в память взятия Казани и освобождения Москвы; и так вот еще два великих воспоминания присоединились к третьему, не менее главному. Мимо памятника Минину и Пожарскому протянулся крестный ход, не прерываясь на пространстве всей площади, так что когда уже хоругви преклонялись под своды Иверские, святитель только что выходил из-под Спасских. У часовни Иверской Богоматери остановился крестный ход для всенародной литии, чтобы поднять из ее келии чудотворную пришелицу Афонских гор и украсить ее присутствием столь светлое торжество. Около ступеней стали прочие священные иконы в ожидании небожественной спутницы: пред ними выстроились золотые хоругви, указывая блестящий путь. С возвышения часовни видны были только человеческие головы, покрывавшие живым помостом все пространство вокруг, и они благоговейно преклонились, когда взошедший на ступени Владыка после чтения Евангелия в честь Пресвятой Девы осенил их Животворящим Крестом. Тогда из глубины ярко освещенной часовни показалась во всем блеске своих драгоценных камней Иверская икона, и молитвенный шепот пробежал от края площади и до края: «Владычица идет с нами!»

Двинулся опять крестный ход при пении ликов; уже не останавливаясь, обогнул он поэтический сад Кремля, зеленью холмов и дерев своенравно прильнувший к вековым стенам, как те мшистые травы, что обвивают утесы, о которые с шумом разбиваются валы. Много бурных волн разбилось и о седую грудь старого Кремля, но не морских, а человеческих волн, воздвигаемых бурями Орды и Литвы, и над всеми ими посмеялся зубчатый старец. Вот и последний исполинский натиск целого Запада отхлынул от него с шумом, и с шумом погибла в волнах океана память завоевателя: «мимо идох — и се не бе!»

И вдоль живописного берега Москвы-реки, под южным навесом Кремлевского холма, увенчанного здесь всею красотою своих храмов и палат, идет

церковное шествие, объемля таким образом с трех сторон весь священный треугольник летописных стен и башен. Тогда опять подымается крестный ход от реки к Спасским вратам, мимо восточной громады Василия Блаженного; но прежде нежели взойти в заветную святыню Кремля, останавливается у лобного места; золотой ряд хоругвей обозначает опять священный путь от сей Русской Голгофы к царственным вратам Кремля: это второй торжественный отдых уже в конце шествия. Святитель восходит на ступени всенародного амвона, с которого провозгласилось столько летописных речей в слух всея Руси; вокруг владыки стоит весь митроносный сонм и вся древняя святыня, исшедшая во свидетельство нового чудного спасения Земли Русской. Митрополит подымается еще выше, на свое горнее место посреди Лобного и оттоле, при гуле колоколов, осеняет весь град и мир Животворящим Крестом, на все четыре страны света, дабы во все концы его паствы распространилось пастырское благословение и во всю вселенную спасительная сила Святого Креста, из самого сердца Православия. Вот истинное *utibi et tibi* [граду и миру], которому далеко уступает римское!

Комментарии

1. Описываемый Муравьевым крестный ход входил в число главных среди довольно многочисленных крестных ходов, типичных именно для Москвы. Как утверждает неизвестный автор брошюры «О московских крестных ходах, совершаемых из Успенского собора, с показанием времени и причины их учреждения» (М., 1879), «подобных крестных ходов и той торжественности и благолепия, с какими они совершаются в Москве, в пределах России более нигде нет».

Перечислим все крестные ходы из Успенского собора и в Успенский собор, проводившиеся в конце XIX века:

6 января, в день Преполовления Пятидесятницы и 1 августа — на Москва-реку;

1 октября — в Покровский собор;

в дни Чудотворной Владимирской иконы Божией Матери — 21 мая в церковь Владимирской Божией Матери у Никольских ворот, 23 июня и 26 августа — в Сретенский монастырь;

в дни Чудотворной Казанской иконы Божией Матери — 8 июля и 22 октября — в Казанский собор;

20 июля, в день пророка Илии — в церковь Илии Пророка на Воронцовом Поле;

28 июля, в день Чудотворной Смоленской иконы Божией Матери — в Новодевичий монастырь;

19 августа, в день Чудотворной Донской иконы Божией Матери — в Донской монастырь;

во второе воскресенье октября, в память освобождения Москвы от французов — вокруг Кремля;

в Светлую седмицу, начиная с понедельника после утрени и кончая субботой — из Успенского собора в кремлевские храмы и монастыри;

в Успенский пост, с 8 по 14 августа, после утрени — из кремлевских храмов и монастырей в Успенский собор;

4 октября, перед вечерней — крестный ход во время переноса иконы святителя Алексия из Чудова монастыря в Успенский собор (к празднику святителей московских), после вечерни икону переносили обратно в Чудов монастырь;

Страстная седмица: Великий Четверг в год мирования — крестный ход из Успенского собора в церковь Двенадцати Апостолов с освященным миром, Великий Пяток — крестный ход из Успенского собора в Благовещенский и обратно (омовение св. мощей);

Пасхальный крестный ход вокруг Успенского собора.

Что представлял собой московский крестный ход, можно судить по следующему описанию: впереди несут попарно из всех кремлевских соборов и монастырей, а также из Храма Христа Спасителя массивные хоругви, числом около 90; за хоругвями следуют церковно- и священнослужители из московских храмов, начиная с младших; за ними следуют святыни Успенского собора — два хрустальных креста (корсунских), запрестольная икона Божией Матери, иконы святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, Ильи Пророка, Варлаама Хутынского, Димитрия царевича и Нерукотворного Спаса; далее следуют в парадной форме синодальные певчие, поющие установленные песнопения, из каковых в большинстве случаев бывает канон молебный ко Пресвятой Богородице, поемый во всякой скорби душевной и обстоянии; потом священники несут ризу Спасителя и Петровскую икону Божией Матери (взамен иконы Петровской в большие крестные ходы носят чудотворную Владимирскую икону Божией Матери — драгоценнейшую святыню Земли Русской). Во главе крестного хода шествуют архиереи, благословляя народ на обе стороны (см.: О крестных ходах, совершаемых из Московского Успенского собора. М., 1893).

По поводу описываемого Муравьевым хода в брошюре «О московских крестных ходах...» говорится: «12 октября. Сего числа, если оно случится в воскресный день, или же в ближайшее к нему воскресенье бывает крестный ход в память освобождения в 1812 году Москвы от французов. В этом крестном ходе участвует все московское духовенство, и в одном только из всех — этом ходе обносятся вокруг Кремлевских стен святые иконы Иверская и Владимирская и еще две обветшавшие хоругви, бывшие при московском ополчении во время 1812 года» (С. 26). Первым совершил этот крестный ход архиепископ Московский Августин.

Традиция полностью сохранялась вплоть до 1917 года. Приводим описание крестного хода 12 октября 1908 года:

...Крестному ходу предшествовала литургия в Успенском соборе, которую совершал преосвященный Трифон, епископ Дмитровский, соборне, при пении Синодального хора. <...> На Соборную площадь были принесены хоругви из кремлевских соборов и монастырей, храма Христа Спасителя, Казанского и Покровского соборов. Здесь же и далее, на Царской площади, были выстроены военные наряды от всех частей войск Московского гарнизона с хором музыки для участия в крестном ходе. <...> Крестный ход выступил из Успенского собора в первом часу дня, направляясь чрез Спасские ворота на Красную

площадь. Все многочисленное столичное духовенство было в одноцветном золотистом малиновом облачении. В шествии несли более ста хоругвей.

Во главе духовенства следовали преосвященные Трифон, епископ Дмитровский, Василий, епископ Можайский, и Анастасий, епископ Серпуховский. За преосвященным Трифоном следовали генерал-губернатор, градоначальник и начальствующие лица. Шествие замыкали войска с хором музыки. Войска двигались красивой вереницей. На Лобном месте было совершено молебствие, после чего преосвященный Трифон осенил народ св. крестом.

От Лобного места шествие направилось к Иверской часовне. По совершении молитвословия с чтением Евангелия крестный ход двинулся далее вокруг Кремля, причем отсюда была несена икона Иверской Богоматери. У кремлевских угловых башен преосвященный Трифон осенил народ св. крестом. В третьем часу дня крестный ход возвратился в Успенский собор (Московские церковные ведомости, 1908, № 12).

2. В результате мощного взрыва были полностью разрушены Филаретовская и Успенская звонницы, колокольня Ивана Великого почти не пострадала.

Приложение I

**В какие часы которого дня чрез весь год
к вечерням, утрениям, всенощным, литургиям и часам
благовест производится**

В Неделю Святыя Пасхи

- К утрени в час по полунощи.
- К литургии в шесть часов по полунощи.
- К вечерни в три часа по полудни.

В прочия дни Пасхи

- К утрени в три часа по полунощи.
- К литургии в семь часов по полунощи.
- К вечерни в четыре часа по полудни.

От Недели Фомины до 15 августа

- Ко всенощным в восемь часов по полудни.
- К утрениям в два или три часа по полунощи.
- К литургиям в восемь или девять часов по полунощи (когда ход со кресты, в семь часов по полунощи, в день Пятидесятницы в десять часов).
- К вечерням в четыре часа по полудни.

От 15 августа до Недели Пасхи

- Ко всенощным в двенадцать часов или в два часа по полунощи.
- К утрениям в два часа по полунощи (в зимнее время в три или четыре часа по полунощи).
- К литургиям в восемь или девять часов по полунощи.
- К вечерням в зимнее время в три часа по полудни.

В навечерии Рождества Христова и Богоявления

- К часам в девять часов по полунощи; когда же литургии не бывает, в десять часов.
- К литургии в двенадцать часов и в час по полудни.
- Ко всенощным в двенадцать часов или в час по полунощи.
- К литургиям в восемь или девять часов по полунощи.

На Сырной неделе

К часам в десять часов по полунощи.

В Четыредесятницу до Недели Пасхи

К утрени в понедельник первая недели в шесть часов по полунощи; в прочия дни в три часа по полунощи.

К часам в двенадцать или одиннадцать часов.

К повечериям в четыре часа по полудни.

На Страстной недели к часам

В понедельник в восемь часов по полунощи.

Во вторник в девять часов.

В среду в десять часов.

В Великий Четверток и в Великую Субботу

К литургии в двенадцать часов в четверток, а в субботу в час по полудни.

К елеосвящению в восемь часов по полунощи.

В Великий Пяток

К утрени в час по полунощи.

К часам в восемь или в девять часов по полунощи.

К вечерни в два часа по полудни.

В Великую Субботу

К утрени в час по полунощи.

К чтению Деяний в семь часов по полудни.

На день Благовещения, на Великий канон и на Субботу акафиста

К утрениям в два часа [по полунощи].

Комментарии

Приводится по изданию: Чин священнослужения и обрядов, наблюдаемый в Большом Успенском соборе. М., 1827. Л. 18 об.—20.

Более подробную роспись звона на год (с некоторыми изменениями времени звона) см. в изд.: Указание времен церковного богослужения по Уставу Московского Большого Успенского собора. М., 1850; также в книге: *Марков В. С.* Из московской церковной старины. На память о московском Большом Успенском соборе. Вып. 3. М., 1905.

Приложение II

Чин Мироварения Во Святыи и Великий Понеделник Страстных Недели

Заутро на уготованное для мироварения место приходит архиерей, архимандриты и игумены, священницы и диаконы, и облачаются в малое облачение, и творится начало сице.

Глаголет протодиакон: Благослови, владыко.

Архиерей же глаголет: Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков.

И глаголется от клира: Аминь.

Царю небесный. Трисвятое. Пресвятая Троице. Отче наш.

Архиерей: Яко Твое есть царство.

Чтец: Аминь. Господи помилуй, 12 [раз]. Приидите поклонимся, трижды. *И псалом 142-й* Господи, услыши молитву мою. Аллилуиа, трижды.

Потом поют певчие: Бог Господь и явился нам.

Та же тропарь, глас восьмой:

Благословен еси Христе Боже наш, иже премудры ловцы явлей, низпослав им Духа Святаго и теми уловлей вселенную, Человеколюбче, слава Тебе. Дважды.

Слава, и ныне. Глас первый:

В рожестве девство сохранила еси, во успении мира не оставила еси, Богородице, преставилася еси к животу, Мати сущи Живота, и молитвами Твоими избавляеши от смерти души наша.

Потом псалом 50-й Помилуй мя, Боже.

И бывает малое освящение воды, а по освящении молитва:

Господи Иисусе Христе, Сыне Единородный безначального Твоего Отца, Ты рекл еси пречистыми усты Твоими, яко без Мене не можете творити ничтоже. Господи мой, Господи, верою объем в души моей и сердце Тобою реченная, припадаю Твоей благодати: помози ми, грешному, сие дело, мною начинающееся, о Тебе самом совершити, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

И бывает отпуст. По отпусте же покрываются святою водою подлежащая к мироварению материалы. И вливает архиерей святыя воды мало в котлы мироварныя.

И потом вливают иереи деревянное масло, также и вино виноградное, а сколько, о том значит в приложенном при сем резефе.

А архиерей, благословя оное рукою, глаголет:

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

И подкладывается под котлы углие. И варится оно по разсуждению искусство ведущаго. И сколько всего масла имать быти, мало или много, по тому и вино церковное лити подобает, чтобы его в варении было на три дни, и низше бы масла вино всегда было на пять палцов. У того ж варения оставляются иереи и диаконы и чтут Святое Евангелие, прменяющися, в священных одеждах.

Во Святый и Великий Вторник

Синодалный ризничей с соборными ключарями, едино виноградное вино покроя святою водою, полагают оно в котлы, и варится, как выше показано, со чтением Евангелия ж.

Во Святую же и Великую Среду

Таковым же образом синодалный ризничей со соборными ключарями поутру все приуготованная к мироварению составы (а какия имянно, о том значит в приложенном при сем реэстре, и поставляются оные на особливом месте), покроя святою водою, полагают в оныя ж котлы, и вливают по пропорции вино виноградное, и варится в тот день до четвертаго часа по полудни. Потом сливают оно миро из котлов мироварных в особливо уготованной котел и промешивают; а когда остынет, тогда полагаются во оно миро благовонныя масла (а какия имянно, о том значит в приложенном при сем реэстре) и мешаются ж во оном котле, а перемешав разливается оно миро в сосуды для того уготованная, и оныя сосуды поставляются на уготованной и открытой в палате стол, и оставляются за печатью синодалнаго ризничего до Великаго Четвертка.

Во Святый же и Великий Четверток

Пред литургию вшед Архирей в соборную церковь, и облачась по обычаю изходит со всем собором, предноситому честному Кресту со свечами, рипидами и со звоном в палату, где стоит миро запечатано. И пришед раздает наполненные сосуды протопопом и прочым иереем, и несут оно миро оттуду в соборную церковь, предходящим же тому диаконам со свечами и кадалами; а окрест онаго сюду и сюду рипиды диаконами ж носятся со звоном же.

И поют вси тропарь, глас восьмой:

Благословен еси Христе Боже наш, иже премудры ловцы явлей, низпослав им Духа Святаго, и теми уловлей вселенную, Человеколюбче, слава Тебе.

А шедше в соборную церковь, поставляют оно миро в сосудех на жертвенник и окрест его на уготованных местах. По сем Архирей и прочие все, став на своих местах, начинают часы.

Егда же творится великий выход со святыми дары, абие носит первоиерей со алавастром, и прочие иереи несут же миро в сосудех пред Святыми Тайнами; его же провоздают диаконы отсюду и отонуду носяще рипиды, предидущим и диаконам с кадилами, а иподиаконам со свечами. И егда приидут пред святыя двери, две убо рипиды входят по

обычаю, иныя же спрѣженны стоят до святѣя трапезы от святыхъ дверей отсюда и отонуду. Первоиерей же, держа миро, ожидаетъ Архидіакона предъ святѣми дверми, и изшедъ Архидіакой, емлетъ отъ того алавастръ и поставляетъ на святѣй трапезе одесную, и тако входятъ святая по обычаю.

Таже диаконъ глаголетъ:

Исполнимъ молитву нашу Господеви, и прочая.

Егда же речетъ Архидіакой:

И даждь намъ единеми усты. И да будутъ милости великаго Бога.

Диаконъ убо стоитъ молча на амвонѣ. И бываетъ освящение мира, не затворяя царскихъ дверей, такъ какъ и Святѣя Дары въ служении Архидіакоимъ освящаются. Архидіакой открываетъ святое миро и знаменуетъ тоѣ трижды, глаголя:

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

И паки низходитъ, и протодиаконъ глаголетъ: Вонемъ. Другой же диаконъ: Господу помолимся. И вси во олтарѣ сущи: Господи помилуй.

Архидіакой же надъ святѣмъ миромъ молитву сию глаголетъ:

Господи милости и Отче светов, отъ Тебе всякое даяние благо и всякій даръ совершенъ дается; даруй намъ недостойнымъ благодать въ служение великаго сего и животворнаго таинства, яко далъ еси Моисею верному Твоему слуге, и рабу Твоему Самуилу, и святѣмъ Апостоломъ, и низпосли всесвятаго Твоего Духа на миро сие, сотвори е помазание царское, помазание духовное, жизни хранилище, освящение душъ и телес, елей радованія, предтекущій убо въ законѣ и возсіявшій въ Новомъ Заветѣ, имже мазаху царей, иереевъ, архидіакоимъ и пророковъ, и всехъ банею пакибытія возраждаемыхъ чрезъ апостоловъ и сущихъ по нихъ епископовъ и пресвитеровъ до днесь. Ей, Владыко Боже Вседержителю, покажи е нашествиемъ Святаго покланяемаго Твоего Духа Одежду нетленія, печать совершеннотворную, и на приемлющихъ святую Твою баню, воображающую Божественное Твое именованіе, и едиnorodнаго Твоего Сына, и Святаго Духа, во еже быти тымъ предъ Тобою знаемымъ, домовнымъ, гражданомъ, рабомъ Твоимъ и рабынямъ, освящаемымъ душею и теломъ, премеваемымъ всякія злобы и всякаго грѣха, избавляемымъ чрезъ покровъ одежды пречистыя Твоя славы и познаваемымъ чрезъ святое сие знаменіе отъ святыхъ Ангелъ и Архангелъ, и отъ всея небесныя силы, и страшнымъ противу всехъ лукавыхъ и нечистыхъ демоновъ, да будутъ люди избранны, царское священіе, языкъ святъ, запечатленный пречистымъ Твоимъ таинствомъ симъ, Христа Твоего въ сердцахъ своихъ носяще, во обиталище Тебе Богу и Отцу о Святемъ Дусѣ. Яко святъ еси Боже нашъ, и во святыхъ почиваеши, и Тебе славу возсылаемъ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно и во веки вековъ, аминь.

Таже Архидіакой: Миръ всемъ.

Певцы: И духови твоему.

Диаконъ: Главы ваша Господеви приклоните.

Певцы: Тебе Господи.

Архидіакой молится тайно и четъ молитву сию:

Тебе Богу всех и Царю व्यो сердца благодаряще приклоняем, яко достойных нас служителей быти Божественным сим сотворил еси тайнам, и милость проповедуем, юже на нас обилно излинял еси, и прияти освящение от Тебе, яко миро на главе, молим; зане миро излиянное, имя едиnorodному Твоему Сыну Христу Богу нашему, в нем же благоухается весь видимый и невидимый мир. Ты бо еси покланяемый и прославляемый, и Тебе славу и поклонение возсылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Таже знаменав паки тоє святое миро трижды, покрывает покровом в сосудех. Потом диакон глаголет ектению:

Вся святыя помянувшє.

Рипиды же стоят до Да исполнятся уста наша.

А после окончания литургии износят святое миро протопом со священниками в Синаодальную сосудохранилищу, и поставляется на уготованном месте.

И изходяще из собору поют псалом 44-й Отрыгну сердце мое.

А от Синаодального ризничего раздается оноє святое миро по приказаніям Святейшаго Правительствующаго Синода туне.

Реестр подлежащим к мироварению составам

Масла деревяннаго белаго, двадцать пуд.

Вина винограднаго белаго, два анкерка.

Стираксу каламиты, два пуда*.

Роснаго ладону, восемь фунтов.

Розовых цветов, десять фунтов.

Гумы ладону чернаго, пять фунтов.

Травы базилику, пять фунтов.

Травы маерану, пять фунтов.

Масла мушкатнаго густаго, восемь фунтов.

Масла мушкатнаго жидкаго, двадцать два золотника.

Масла коричневаго, четыре унца, да вместо корицы еще прибавить один унц с половиною.

Масла гвоздичнаго, полфунта.

Лигниродии, шесть унцов.

Масла помаранцоваго, шесть унцов.

Масла маераннаго, четыре унца.

Масла левендуловаго, двенадцать унцов.

Масла размариннаго, двенадцать унцов.

* Стиракс, стиракса — благовонное растение жарких стран, дающее смолу стираксу (или бензой).

Эссенции баргамот, двадцать золотников.
 Цедры, три ящика.
 Балсаму черного перуамского, десять фунтов*.
 Сандараку, три фунта**.
 Мастики самой белой, двенадцать фунтов***.
 Терпентину венецейского, пятнадцать фунтов****.

А каким порядком оное все составлять и что в которой день в мироварных котлы полагать, о том значит ниже сего.

А именно:

Первое

Из вышеписанного деревянного масла отделя шесть пуд, а из вина виноградного два ведра и положи во особливо уготованной котел, на Крестопклонной неделе сварить и простудя налить в банки, следующие составы истолчя мелко.

Стираксы, два пуда.
 Росного ладону, восемь фунтов.
 Розовых цветов, десять фунтов.
 Гумы ладону ж черного, пять фунтов.
 Да ладону простаго белаго, пять фунтов.
 Травы базилику, пять фунтов.
 Травы маерану, пять фунтов.

И потом поставя все оное в тех же банках в теплое место на две недели; а по прошествии дву недель оное масло из банок слить в сулеи, гущу выжав от стиракса, половину той гущи отделить, прочее все в тех же банках налить вином виноградным по препорции, и из них по прошествии четырех дней с одних только трав и цветов вино слить в сулеи, а стиракс и ладон в вине оставить в тех же банках.

Второе

В Великий Понеделник, при начинании мироварения в мироварных котлы влить все вышепоказанное оставшееся деревянное масло, четырнадцать пуд, да виноградного вина, как с трав и цветов слитаго, так и ненастоянного положить по пропорции, и варить.

* Натуральный перувианский или индийский бальзам, вытекающий из надрезов на стволе дерева *Mugoхyлон Toluifera Preigae*.

** Сандараковая смола добывается из определенного вида можжевельника.

*** Растительная серка, смолка, часто фисташковая.

**** Скипидар.

Третье

В Великий Вторник во оныя ж котлы полагается едино виноградное вино по пропорции ж, и варится.

Четвертое

В Великую Среду во оныя ж котлы полагается стиракс из банок с вином виноградным настоянной, и выжатая стираксовая из масла гуща, все без остатку, да к тому ж во время варения кладется, смотря по пропорции, и вино виноградное, и варится. А по слитии всего онаго из мироварных котлов во особливо уготованной котел и по простужении полагаются в тот свареной мир вышписанные благовонные масла, также балсам, сандарак, мастика и терпентин, роспущенные в настоянном стираксовом масле все без остатку.

Комментарии

Печатается по изданию: «Чин священнослужения и обрядов, наблюдаемый в Большом Успенском соборе». М., 1827. Приложение, л. 11—13.

Некоторые дополнительные сведения о том, как происходило мироварение в Москве начала XX века, дают следующие отрывки из «Московских церковных ведомостей»:

Великий Понедельник. Так как в текущем году в Великий Четверг во время божественной литургии в Большом Успенском соборе положено совершать чин освящения мира, то еще в Великий Понедельник началось в Мироваренной палате мироварение. В этот день рано утром в Мироваренную палату были принесены и положены на аналоях древние иконы Христа Спасителя и Феодоровской Божией Матери, а пред ними поставлен стол с принадлежностями для водоосвящения. Вокруг очага, в котором помещается три серебряных котла для варения мира, на серебряных тарелках были разложены ладаны, розовые цветы, корни и другие благовонные вещества, входящие в состав мира; двадцать один сосуд был наполнен маслом, а три — виноградным вином.

К восьми часа утра в Мироваренную палату собралось и облачилось в черные бархатные ризы духовенство. В исходе восьмого часа утра прибыл владыка митрополит Владимир, который вместе с прочим духовенством стал совершать молебствие с водоосвящением. После освящения воды митрополит прочел особую молитву и при пении Синодальным хором стихир окропил святой водой котлы, масло и благовонные вещества и, благословив малые сосуды с маслом и вином, влил содержимое в котлы, а потом всыпал благовонные вещества. Затем оо. диаконы подносили владыке митрополиту большие сосуды с маслом и вином и, получив благословение, сливали их в котлы. Когда все было сделано, владыка митрополит зажег пук лучины от восковой свечи и вложил ее в три печи, устроенные под котлами и наполненные углями. Когда уголь загорелся, владыка митрополит стал читать св. Евангелие от Иоанна; после него читали Евангелие непрерывно до Великого Четверга протопресвитер, архи-

мандриты и священники из московских церквей. Когда началось чтение св. Евангелия, то масло в котлах стали мешать особыми лопатками девять диаконов. <...>

Великая Среда. Утром в котлы с варившимся миром были влиты масло, настоящее на твердых благовонных веществах, а также распущенные в кипящем масле двадцать три фунта венецианского терпентина, двенадцать фунтов густого мускатного масла и пятнадцать фунтов перувианского бальзама. В восьмом часу вечера мироварение прекратилось, и богомольцы, все время переполнявшие Мироваренную палату, были удалены. Когда сваренное в котлах миро остыло, оно было слито в две серебряные кади, причем предварительно было пропущено через кисею. Поздно вечером в миро были влиты и смешаны розовое, лимонное и другие жидкие благовонные масла. Через несколько времени было разлито в тридцать шесть серебряных сосудов, которые были размещены в Мироваренной палате на скамьях, покрытых парчю... <...>

Великий Четверг. Торжество освящения мира. К десяти часам утра в Мироваренную палату собралось до 70-ти человек духовенства, назначенного для перенесения в Успенский собор мира. В двенадцатом часу дня в Успенский собор прибыл его высокопреосвященство владыка митрополит Владимир и облачился при пении тропаря «Егда славнии»; при колокольном звоне из собора в Мироваренную палату направился крестный ход с запрестольными корсунскими крестами, иконой Богоматери; во главе процессии шел владыка митрополит. Синодальный хор исполнял тропарь Успению Богоматери. По прибытии процессии в Мироваренную палату владыка митрополит окадил сосуды с новоприготовленным миром, которые затем были вручены священнослужителям для перенесения в Успенский собор. <...> Во время пения [за литургией в соборе] Символа веры синодальный ризничий о. архимандрит Палладий снял печати и открыл крышки сосудов с миром. После освящения Св. Даров по возгласе: «И да будут милости великаго Бога» владыка митрополит благословил трижды каждый сосуд с миром, прочел две особые молитвы и потом вновь благословил каждый сосуд; затем крышки сосудов были закрыты синодальным ризничим и вновь запечатаны, а возле сосудов стали диаконы с рипидами. По окончании литургии, при пении псалма «Отрыгну сердце мое», святое миро было вынесено с крестным ходом чрез царские врата из собора, и процессия направилась в алтарь синодальной церкви Двенадцати Апостолов, где святое миро было поставлено в правом отделении алтаря на особых скамьях (Московские церковные ведомости, 1901, № 16—17; по сообщению этого издания, количество священников, участвовавших в обряде мироварения, доходило до трех десятков, диаконов — до восьми десятков).

Календарь служб Синодального хора за 1856—1857 годы

Ведомость о церковных служениях, при которых совершено пение Синодальным певческим хором по назначению начальства*

1856 январь	Службы обязательные	Службы по приглашению
1 воскресенье Обрезание Господне, Василия Великого и царский день	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (16) Чудов монастырь лит. (архиер.) (18) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	дом. церковь Университета лит. (8) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (8)
2 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
3 вторник Царский день	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (25) Чудов монастырь лит. (архиер.) (16) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	
4 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
5 четверг Навечерие Богоявления	Успенский собор веч. с лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., веч. с лит. всен. (4)	дом. церковь Университета веч. с лит. (10) дом. церковь кн. Трубецкого веч. с лит. (8), всен. (8)
6 пятница Богоявление	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (архиер.) (34) крестный ход на Моск- ва-реку ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	дом. церковь Университета лит. (5) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (8)
7 суббота Собор Иоанна Предтечи	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (30)	
8 воскресенье	Успенский собор веч. (30) ц. 12 Апостолов утр., лит., всен. (4)	дом. церковь Университета лит. (10) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (8)

* В таблице приняты следующие сокращения: *лит.* — литургия, *всен.* — всенощная, *утр.* — утренняя, *веч.* — вечерняя; в скобках указывается количество певчих.

1856 январь	Службы обязательные	Службы по приглашению
9 понедельник Святителя Филиппа	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (архиер.) (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	
10 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
11 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	дом. церковь Университета всен. (16)
12 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	дом. церковь Университета лит. (20)
13 пятница Поминование императрицы Елизаветы Алексеевны	Вознесенский монастырь панихида и лит. (архиер.) (20) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
14 суббота Отдание Богоявления	Успенский собор лит. (16) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	дом. церковь Университета всен. (10) дом. церковь кн. Трубецкого всен. (10)
15 воскресенье	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (34) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	дом. церковь Университета лит. (10) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (8)
16 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Воскресения в Кадашах брак (12) ц. Воскресения на Остоженке брак (30)
17 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
18 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
19 четверг Поминование императора Петра II	Чудов монастырь панихида и лит. (архиер.) (20) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
20 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого панихида и лит. (10)
21 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	дом. церковь Университета всен. (10) дом. церковь кн. Трубецкого всен. (10)
22 воскресенье	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (30) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	дом. церковь Университета лит. (10) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (8)
23 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	Английский клуб молебен (16)
24 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	

1856 январь	Службы обязательные	Службы по приглашению
25 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
26 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
27 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Спаса на Сретенке брак (18)
28 суббота Поминовение императора Петра I и императрицы Анны Иоанновны	Чудов монастырь панихида и лит. (архиер.) (18) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	дом. церковь Университета всен. (10) дом. церковь кн. Трубецкого всен. (10)
29 воскресенье	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (32) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	дом. церковь Университета лит. (10) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (9)
30 понедельник Собор трех святителей	Успенский собор лит. (20) Вознесенский монастырь панихида и лит. (архиер.) (16) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	Данилов монастырь лит. (12)
31 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	

1856 февраль	Службы обязательные	Службы по приглашению
1 среда	Вознесенский монастырь панихида и лит. (архиер.) (19) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого всен. (10)
2 четверг Сретение	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (38) ц. 12 Апостолов лит., всен. (4)	ц. Всех Скорбящих на Б. Ордынке всен. (16), лит. (16) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (8)
3 пятница Симеона Богоприимца и царский день	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (29) Чудов монастырь лит. (архиер.) (18) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	ц. Рождества в Путинках брак (20)
4 суббота Отдание Сретения и царский день	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (20) Чудов монастырь лит. (архиер.) (18) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого всен. (10)

1856 февраль	Службы обязательные	Службы по приглашению
5 воскресенье	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (38) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
6 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
7 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
8 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Петра и Павла в Новой Басманной брак (28)
9 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
10 пятница Поминование императора Петра III	Чудов монастырь панихида и лит. (18) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
11 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого всен. (10)
12 воскресенье Святителя Алексия	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (25) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Спаса Преображения в Наливках лит. и отпевание (15) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (8)
13 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
14 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
15 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Георгия, что в Яндове брак (26)
16 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
17 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
18 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого всен. (10)
19 воскресенье	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (39) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Введения, что в Семенов- ском брак (15) ц. Параскевы на Ильинке брак (18) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
20 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
21 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
22 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
23 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	

1856 февраль	Службы обязательные	Службы по приглашению
24 пятница 1-е и 2-е Обретение главы Иоанна Предтечи	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (16) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
25 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит. веч., всен. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого всен. (10)
26 воскресенье	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (36) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Георгия на Всполье лит. (16) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
27 понедельник 1-я седмица Великого поста	ц. 12 Апостолов повечерие (весь хор)	дом. церковь кн. Трубецкого повечерие (10)
28 вторник	ц. 12 Апостолов утр. (4) часы (4) повечерие (весь хор)	
29 среда	ц. 12 Апостолов утр. (4) лит. (20) повечерие (весь хор)	дом. церковь кн. Трубецкого повечерие (10)

1856 март	Службы обязательные	Службы по приглашению
1 четверг	ц. 12 Апостолов утр. (4) часы (4) повечерие (весь хор)	дом. церковь кн. Трубецкого повечерие (10)
2 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
3 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4) всен. (16)	дом. церковь кн. Трубецкого всен. (10)
4 воскресенье Неделя Православия	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (20) Чудов монастырь лит. (архиер.) (18) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
5 понедельник 2-я седмица Великого поста	ц. 12 Апостолов утр., часы, веч. (4)	
6 вторник	ц. 12 Апостолов утр., часы, веч. (4)	
7 среда	Успенский собор лит. (10) ц. 12 Апостолов утр. (4) лит. (20) веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (8)

1856 март	Службы обязательные	Службы по приглашению
8 четверг	ц. 12 Апостолов утр., часы, веч. (4)	
9 пятница Сорок мучеников	Успенский собор лит. (10) ц. 12 Апостолов утр. (4) лит. (20) веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
10 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4) всен. (16)	дом. церковь кн. Трубецкого всен. (10)
11 воскресенье	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (30) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Всех Скорбящих Радости на Б. Ордынке лит. (10) дом. церковь кн. Трубецкого лит. ранняя (16)
12 понедельник 3-я седмица Великого поста	ц. 12 Апостолов утр., часы, веч. (4)	
13 вторник	ц. 12 Апостолов утр., часы, веч. (4)	
14 среда	ц. 12 Апостолов утр. (4) лит. (20) веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
15 четверг	ц. 12 Апостолов утр., часы, веч. (4)	
16 пятница	ц. 12 Апостолов утр. (4) лит. (20) веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
17 суббота	ц. 12 Апостолов утр. (4) лит. (16) веч. (4) всен. (14)	ц. Вознесения у Серпухов- ских ворот лит. (25) дом. церковь кн. Трубецкого всен. (8)
18 воскресенье	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (20) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Троицы в Сыромятниках лит. ранняя (25) ц. Екатерины на Б. Ордынке лит. ранняя (20) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
19 понедельник 4-я седмица Великого поста	ц. 12 Апостолов утр., часы, веч. (4)	
20 вторник	ц. 12 Апостолов утр., часы, веч. (4)	
21 среда	ц. 12 Апостолов утр. (4) лит. (20) веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
22 четверг	ц. 12 Апостолов утр., часы, веч. (4)	

1856 март	Службы обязательные	Службы по приглашению
23 пятница	ц. 12 Апостолов утр. (4) лит. (20) веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
24 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4) всен. (8)	ц. Николая Чудотворца, что в Кузнецкой всен. (12) ц. Иоакима и Анны на Б. Якиманке всен. (16) ц. Николая Чудотворца, что в Заяицкой всен. (12) дом. церковь кн. Трубецкого всен. (8)
25 воскресенье Благовещение	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (16) Благовещенский собор лит. (архиер.) (14) Чудов монастырь лит. (архиер.) (16) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца, что в Заяицкой лит. ранняя (20) ц. Иоакима и Анны на Б. Якиманке лит. ранняя (25) ц. Симеона Столпника на Поварской лит. ранняя (16)
26 понедельник 5-я седмица Великого поста	ц. 12 Апостолов утр., часы, веч. (4)	
27 вторник	ц. 12 Апостолов утр., часы, веч. (4)	
28 среда	ц. 12 Апостолов утр. (4) лит. (20) веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
29 четверг	ц. 12 Апостолов утр., часы, веч. (4)	
30 пятница Иоанна Лествичника	Успенский собор лит. (16) ц. 12 Апостолов утр. (4) лит. (16)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
31 суббота Похвала Пресвятой Бого- родицы	Успенский собор всен. (весь хор) лит. ранняя (20) лит. поздняя (25) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого всен. (10)

1856 апрель	Службы обязательные	Службы по приглашению
1 воскресенье	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (20)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)

1856 апрель	Службы обязательные	Службы по приглашению
1 воскресенье	ц. Спаса за Золотой решеткой (в Кремле) лит. (26) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	
2 понедельник 6-я седмица Великого поста	ц. 12 Апостолов утр., часы, веч. (4)	
3 вторник	ц. 12 Апостолов утр., часы, веч. (4)	
4 среда	ц. 12 Апостолов утр. (4) лит. (20) веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
5 четверг	ц. 12 Апостолов утр., часы, веч. (4)	
6 пятница	ц. 12 Апостолов утр. (4) лит. (20) веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
7 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Всех Скорбящих Радости на Б. Ордынке всен. (20) ц. Иоакима и Анны на Б. Якиманке всен. (18) дом. церковь кн. Трубецкого всен. (10)
8 воскресенье Неделя ваий и царский день	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (18) Чудов монастырь лит. (архиер.) (16) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Всех Скорбящих Радости на Б. Ордынке лит. ранняя (20) ц. Иоакима и Анны на Б. Якиманке лит. ранняя (25) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
9 понедельник Страстная седмица Чин мирования	ц. 12 Апостолов утр. (4) лит. (20) веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10) всен. (12)
10 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10) всен. (12)
11 среда	Успенский собор лит. (12) ц. 12 Апостолов утр. (4) лит. (20) веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10) всен. (12)
12 четверг	Успенский собор лит. (18) ц. 12 Апостолов	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (12) всен. (10)

1856 апрель	Службы обязательные	Службы по приглашению
12 четверг	утр. (4) лит. (16) веч., всен. (4)	
13 пятница	Успенский собор утр. (20) веч. (20) ц. 12 Апостолов утр., часы (4) веч. (8)	ц. Иоанна Предтечи, что в Старой Конюшенной веч. (12) дом. церковь кн. Трубецкого веч. (10) всен. (10)
14 суббота	Успенский собор утр. (весь хор) веч. с лит. (20) ц. 12 Апостолов веч. с лит. (4)	ц. Воздвижения Креста Гос- подня лит. и отпевание (архиер.) (20) ц. Иоанна Предтечи, что в Старой Конюшенной веч. с лит. (20) дом. церковь кн. Трубецкого веч. с лит. (10)
15 воскресенье Пасха	Успенский собор утр. (архиер.) (весь хор) лит. (архиер.) (весь хор) веч. (архиер.) (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит. (8) веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого утр. (10) лит. (10)
16 понедельник Светлая седмица	Успенский собор лит. (30) ц. 12 Апостолов лит., веч. (6)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
17 вторник День рождения императора Александра II	Успенский собор лит. (архиер.) (20) Чудов монастырь лит. (архиер.) (16) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (6)	
18 среда	Успенский собор лит. (25) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (6)	ц. Иоанна Предтечи, что в Старой Конюшенной лит. и отпевание (20)
19 четверг	Успенский собор лит. (30) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (6)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
20 пятница	Успенский собор лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (6)	ц. Параскевы в Охотном ряду лит. (весь хор)
21 суббота	Успенский собор всен. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого всен. (10)

1856 апрель	Службы обязательные	Службы по приглашению
22 воскресенье	Успенский собор лит. (весь хор) всен. (20) Чудов монастырь всен. (архиер.) (20) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	
23 понедельник Великомученика Георгия Победоносца и тезоименитство вдовствующей императрицы Александры Феодоровны	Успенский собор лит. (20) Чудов монастырь лит. (архиер.) (18) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Воскресения в Барашах брак (20)
24 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
25 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
26 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
27 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	Придворная ц. Благовеще- ния в Петровском парке брак (25)
28 суббота	Успенский собор всен. (30) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Вознесения у Серпухов- ских ворот всен. (20)
29 воскресенье	Успенский собор лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Трех Святителей, что в Кулишках лит. ранняя (весь хор) ц. Вознесения у Серпухов- ских ворот лит. (20) ц. Покрова в Левшине брак (20) ц. Покрова, что на Лыщико- вой горе брак (20) дом. церковь кн. Грубецкого лит. (10)
30 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	

1856 май	Службы обязательные	Службы по приглашению
1 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
2 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Космы и Дамиана на Мар- росейке лит. и отпевание (20)
3 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
4 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	

1856 май	Службы обязательные	Службы по приглашению
5 суббота	Успенский собор всен. (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
6 воскресенье	Успенский собор лит. (35) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	дом. церковь кн. Грубецкого лит. (8)
7 понедельник	Успенский собор всен. (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
8 вторник Апостола Иоанна Богослова	Успенский собор лит. (весь хор) всен. (20) Николо-Гостунский собор веч. (весь хор) всен. (12) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	ц. Николая Чудотворца, что в Заяицкой всен. (14) ц. Троицы в Б. Лужниках всен. (20)
9 среда Преполование Пятидесятницы и Перенесение мощей свя- тителя Николая	Успенский собор лит. (архиер.) (30) и крестный ход на Мо- сква-реку Николо-Гостунский собор лит. (10) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца, что в Заяицкой лит. ранняя (15) ц. Троицы в Б. Лужниках лит. ранняя (20) дом. церковь кн. Грубецкого лит. (8)
10 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	дом. церковь кн. Грубецкого лит. (10)
11 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
12 суббота	Успенский собор всен. (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Иоакима и Анны на Б.Якиманке лит. ранняя (30)
13 воскресенье	Успенский собор лит. (30) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Параскевы в Охотном ряду лит. и молебн (30) дом. церковь кн. Грубецкого лит. (8)
14 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
15 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Космы и Дамиана лит. (12)
16 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
17 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
18 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
19 суббота	Успенский собор всен. (весь хор)	

1856 май	Службы обязательные	Службы по приглашению
19 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
20 воскресенье Святителя Алексия	Успенский собор лит. (40) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (8)
21 понедельник Владимирской иконы Божией Матери и царский день	Успенский собор лит. (20) Чудов монастырь лит. (архиер.) (25) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	
22 вторник	Успенский собор веч. (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
23 среда Отдание Пасхи	Успенский собор лит. (20) всен. (20) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Вознесения у Серпуховских ворот всен. (25)
24 четверг Вознесение	Успенский собор лит. (20) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Вознесения у Серпуховских ворот лит. (40) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (8)
25 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
26 суббота	Успенский собор всен. (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
27 воскресенье	Успенский собор лит. (40) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	
28 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
29 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
30 среда Поминование императора Петра I	Архангельский собор лит. и панихида (20) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
31 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	

1856 июнь	Службы обязательные	Службы по приглашению
1 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
2 суббота	Успенский собор всен. (20)	ц. Троицы в Б. Лужниках всен. (18)

1856 июнь	Службы обязательные	Службы по приглашению
2 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Параскевы на Пятницкой всен. (12)
3 воскресенье Троицын день	Успенский собор лит. (архиер.) (30) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Троицы в Б. Лужниках лит. ранняя (16) ц. Параскевы на Пятницкой лит. ранняя (16) ц. Николая Чудотворца на Мясницкой всен. (весь хор)
4 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (30) лит. поздняя (40) ц. Вознесения у Серпухов- ских ворот брак (весь хор)
5 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
6 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
7 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
8 пятница Поминовение царей Феодора Иоанновича и Феодора Алексеевича	Архангельский собор лит. и панихида (архиер.) (20) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
9 суббота	Успенский собор всен. (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
10 воскресенье	Успенский собор лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	
11 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
12 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
13 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
14 четверг	Успенский собор веч. (весь хор) всен. (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
15 пятница Святителя Ионы	Успенский собор лит. (архиер.) (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
16 суббота	Успенский собор всен. (весь хор)	

1856 июнь	Службы обязательные	Службы по приглашению
16 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
17 воскресенье	Успенский собор лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	
18 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
19 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
20 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
21 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
22 пятница	Успенский собор лит. (30) всен. (16) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
23 суббота Владимирской иконы Божией Матери	Успенский собор лит. (16) и крестный ход в Сретенский монастырь Сретенский монастырь лит. (архиер.) (20) Успенский собор всен. (25) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	ц. Троицы в Б. Лужниках всен. (20)
24 воскресенье Рождество Иоанна Предтечи	Успенский собор лит. (35) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Троицы в Б. Лужниках лит. ранняя (35) лит. поздняя (12)
25 понедельник Поминовение императора Николая I	Успенский собор всен. (25) Архангельский собор лит. и панихида (архиер.) (20) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Николая Чудотворца в Голутвине всен. (20)
26 вторник Тихвинской иконы Божией Матери и царский день	Успенский собор лит. (20) всен. (20) Чудов монастырь лит. (архиер.) (25) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	ц. Николая Чудотворца в Голутвине лит. (35)
27 среда Викториальный день — празднование Полтавской победы	Успенский собор лит. (20) Чудов монастырь лит. (архиер.) (20) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Георгия на Б. Грузинской отпевание (8)

1856 июнь	Службы обязательные	Службы по приглашению
28 четверг	Успенский собор всен. (25) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Флора и Лавра на Зацепе всен. (15)
29 пятница Апостолов Петра и Павла	Успенский собор лит. (30) ц. 12 Апостолов лит. (4) веч. (весь хор) всен. (30)	ц. Троицы в Б. Лужниках лит. ранняя (30) ц. Флора и Лавра на Зацепе лит. (15)
30 суббота Собор 12-ти апостолов	Успенский собор всен. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит. (весь хор) веч., всен. (4)	

1856 июль	Службы обязательные	Службы по приглашению
1 воскресенье Царский день	Успенский собор лит. (20) Казанский собор лит. (архиер.) (30) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	
2 понедельник Положение Ризы Пресвятой Богородицы	Успенский собор веч. (30) всен. (30) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
3 вторник Перенесение мощей святителя Филиппа	Успенский собор лит. (архиер.) (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
4 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
5 четверг Обретение мощей преподобного Сергия	Успенский собор лит. (20) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
6 пятница Поминование императора Петра III	Архангельский собор лит. и панихида (архиер.) (30) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
7 суббота	Успенский собор всен. (35) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
8 воскресенье Казанской иконы Божией Матери	Успенский собор лит. (20) и крестный ход в Казанский собор Казанский собор лит. (архиер.) (30)	

1856 июль	Службы обязательные	Службы по приглашению
8 воскресенье	ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	
9 понедельник	Успенский собор всен. (40) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
10 вторник Положение Ризы Господней	Успенский собор лит. (архиер.) (35) всен. (8) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	
11 среда Царский день	Успенский собор лит. (8) Казанский собор лит. (архиер.) (30) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Ржевской Божией Матери на Поварской лит. (16)
12 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
13 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
14 суббота	Успенский собор всен. (30) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
15 воскресенье Равноапостольного князя Владимира и царский день	Успенский собор лит. (8) Казанский собор лит. (архиер.) (25) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Покрова Пресвятой Богородицы в Покровском селе лит. (14)
16 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
17 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
18 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
19 четверг	Успенский собор всен. (8) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
20 пятница Пророка Илии	Успенский собор лит. (12) и крестный ход в церковь Илии Пророка на Воронцовом Поле ц. Илии Пророка на Во- ронцовом поле лит. (архиер.) (25) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	

1856 июль	Службы обязательные	Службы по приглашению
21 суббота Поминование императрицы Марии Феодоровны	Успенский собор всен. (10) Вознесенский монастырь лит. и панихида (архиер.) (25) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
22 воскресенье Тезоименитство императрицы Марии Александровны	Успенский собор лит. Чудов монастырь лит. (архиер.) (25) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Космы и Дамиана брак (25)
23 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
24 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
25 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Иоанна Богослова на Б. Бронной брак (весь хор)
26 четверг	Успенский собор всен. (16) Чудов монастырь всен. (архиер.) (25) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
27 пятница День рождения императрицы Марии Александровны	Успенский собор лит. (12) всен. Чудов монастырь лит. (архиер.) (25) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	
28 суббота Смоленской иконы Божией Матери	Успенский собор лит. (12) и крестный ход в Новодевичий мона- стырь Новодевичий монастырь лит. (архиер.) (25) Успенский собор всен. (10) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	
29 воскресенье	Успенский собор лит. (20) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Воскресения, что на Овражках брак (10)
30 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
31 вторник	Успенский собор всен. (20) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	

1857 август	Службы обязательные	Службы по приглашению
1 четверг Происхождение древ Креста Господня	Успенский собор лит. (архиер.) (весь хор) и крестный ход на Москва-реку ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
2 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
3 суббота	Успенский собор всен. (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
4 воскресенье	Успенский собор лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	
5 понедельник	Успенский собор всен. (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
6 вторник Преображение	Успенский собор лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (16)
7 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
8 четверг Обручение вел. кн. Михаила Николаевича	Успенский собор лит. и молебен (архиер.) (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
9 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
10 суббота	Успенский собор всен. (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
11 воскресенье	Успенский собор лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (12)
12 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
13 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
14 среда	Успенский собор веч. (архиер.) (весь хор) всен. (архиер.) (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
15 четверг Успение	Успенский собор лит. (архиер.) (весь хор) всен. (35)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (12)

1857 август	Службы обязательные	Службы по приглашению
15 четверг	ц. 12 Апостолов лит., веч. (4) всен. (16)	
16 пятница Царский день	Успенский собор лит. (архиер.) (35) ц. 12 Апостолов лит. (16) веч. (4)	ц. Троицы на Арбате брак (20)
17 суббота	Успенский собор всен. (30) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Флора и Лавра на Зацепе всен. (16)
18 воскресенье	Успенский собор лит. (35) всен. (35) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (12) ц. Флора и Лавра на Зацепе лит. (14)
19 понедельник Донской иконы Божией Матери	Успенский собор лит. (20) и крестный ход в Донской монастырь Донской монастырь лит. (архиер.) (25) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	
20 вторник Торжество бракосочетания вел. кн. Михаила Николаевича	Успенский собор лит. и молебен (архиер.) (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., молебен и веч. (4)	
21 среда	Успенский собор всен. (35) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
22 четверг Царский день	Успенский собор лит. и молебен (архиер.) (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. и молебен (4)	
23 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Иоанна Предтечи на Пресне лит. и отпевание (16)
24 суббота Перенесение мощей святителя Петра	Успенский собор лит. (архиер.) (весь хор) всен. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	
25 воскресенье	Успенский собор лит. (архиер.) (весь хор) всен. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. (12) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)

1857 август	Службы обязательные	Службы по приглашению
26 понедельник Священное коронование их императорских величеств	Успенский собор лит. (архиер.) (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Екатерины на Б. Ордынке брак (16) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
27 вторник	Успенский собор лит. (25) и крестный ход в честь иконы Влади- мирской Божией Мате- ри в Сретенский мона- стырь Сретенский монастырь лит. (архиер.) (20) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
28 среда Отдание праздника Успения	Успенский собор лит. (30) всен. (30) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Троицы в Б. Лужниках всен. (16)
29 четверг Усекновение главы Иоанна Предтечи и поминовение павших воинов	Успенский собор лит. (20) всен. (весь хор) Архангельский собор панихида и лит. (архиер.) (25) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	ц. Троицы в Б. Лужниках лит. ранняя (25)
30 пятница Князя Александра Невского и тезоименитство императора Александра II	Успенский собор лит. (архиер.) (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	
31 суббота	Успенский собор всен. (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	

1857 сентябрь	Службы обязательные	Службы по приглашению
1 воскресенье	Успенский собор лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (14) ц. Симеона Столпника в Рогожской лит. ранняя (35) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
2 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
3 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
4 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	Торговый ветошный ряд молебен (весь хор)

1857 сентябрь	Службы обязательные	Службы по приглашению
4 среда		ц. Николая Чудотворца на Мясницкой брак (18)
5 четверг Поминование императрицы Елизаветы Петровны	Вознесенский монастырь панихида и лит. (архиер.) (30) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
6 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
7 суббота	Успенский собор всен. (40) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
8 воскресенье Рождество Пресвятой Богородицы	Успенский собор лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (16) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
9 понедельник Царский день	Успенский собор лит. (архиер.) (40) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	
10 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
11 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Троицы, что на Капельках брак (весь хор)
12 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Воскресения в Таганке всен. (16) ц. Воскресения в Монетчиках всен. (30)
13 пятница Обновление храма	Успенский собор лит. (20) всен. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	ц. Воскресения в Таганке лит. (25) ц. Воскресения в Монетчиках лит. (20)
14 суббота Воздвижение	Успенский собор лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (16) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
15 воскресенье	Успенский собор всен. (весь хор) лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (16) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
16 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
17 вторник Царский день	Успенский собор всен. (20) лит. (архиер.) (весь хор)	

1857 сентябрь	Службы обязательные	Службы по приглашению
17 вторник	ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	
18 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
19 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
20 пятница Память черниговских чудотворцев	Архангельский собор панихида (25) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	Торговый юхотный ряд молебен (30)
21 суббота Отдание праздника Воздвижения	Успенский собор всен. (20) лит. (20) ц. 12 Апостолов лит., всен. (4)	Торговый зеркальный ряд молебен (весь хор)
22 воскресенье	Успенский собор всен. (20) лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (16)
23 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит. (4)	Гостинный двор на Ильинке молебен (25) Мытный двор на Конной молебен (25)
24 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	Торговый свечной ряд молебен (35)
25 среда Преставление преподобного Сергия	Успенский собор всен. (20) лит. (20) ц. 12 Апостолов лит., всен. (4)	Торговый кристальный ряд молебен (20) Торговая ножевая линия молебен (20)
26 четверг Апостола Иоанна Богослова	Успенский собор всен. (20) лит. (30) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца в Кузнецкой лит. и отпевание (16)
27 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	Торговый обойный ряд молебен (весь хор)
28 суббота Викториальный день	Успенский собор лит. и молебен (30) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Вознесения у Серпуховских ворот всен. (16)
29 воскресенье	Успенский собор всен. (20) лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (16) ц. Вознесения у Серпухов- ских ворот лит. ранняя (25) ц. Георгия на Б. Дмитровке брак (16) ц. Успения Пресвятой Бого- родицы, что на Могильцах брак (30)

1857 сентябрь	Службы обязательные	Службы по приглашению
30 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Троицы на Шаболовке всен. (25) ц. Николая Чудотворца в Толмачах всен. (25)

1857 октябрь	Службы обязательные	Службы по приглашению
1 вторник Покров	Успенский собор всен. (20) лит. (20) и крестный ход в Покровский собор Покровский собор лит. (архиер.) (25) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (16) ц. Троицы на Шаболовке лит. ранняя (20) лит. поздняя (10) ц. Николая Чудотворца в Толмачах лит. ранняя (16)
2 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	Торговая суконная линия молебен (весь хор)
3 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
4 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	Торговый юхотный ряд молебен (35)
5 суббота Трех московских святителей	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой всен. (16) ц. Черниговских чудотворцев на Пятницкой всен. (20)
6 воскресенье	Успенский собор всен. (20) лит. (весь хор) ц. Рождества Богородицы, что на Сенях (в Кремле) брак (25) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (12) ц. Черниговских чудотворцев на Пятницкой лит. ранняя (35)
7 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
8 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
9 среда Поминование патриарха Филарета Никитича	Успенский собор лит. и панихида (40) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
10 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
11 пятница Викториальный день	Успенский собор лит. (30) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	Торговый холщовый ряд молебен (весь хор)
12 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Николы Явленного на Арбате всен. (16)

1857 октябрь	Службы обязательные	Службы по приглашению
13 воскресенье Царский день	Успенский собор всен. (20) лит. (35) и крестный ход вокруг Кремля ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (12) ц. Николы Явленного на Арбате лит. (16) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
14 понедельник Встреча их императорских величеств	Успенский собор молебен (весь хор) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
15 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
16 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	Торговый серебряный ряд молебен (25) Торговый семенной ряд молебен (25) ц. Николая Чудотворца на Мясницкой всен. (30)
17 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. и молебен (весь хор)
18 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
19 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Николы Явленного на Арбате всен. (16)
20 воскресенье	Успенский собор всен. (20) лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (12) ц. Николы Явленного на Арбате лит. (12)
21 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой всен. (16)
22 вторник Казанской иконы Божией Матери	Успенский собор всен. (20) лит. (20) и крестный ход в Казанский собор Казанский собор лит. (архиер.) (25) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (10) ц. Николы Явленного на Арбате лит. (10)
23 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
24 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	Торговый ветошный ряд молебен (25) Торговый шпажный ряд молебен (25)

1857 октябрь	Службы обязательные	Службы по приглашению
25 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
26 суббота Димитрия Солунского	Успенский собор лит. (25) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	
27 воскресенье	Успенский собор всен. (20) лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. (12) ц. Николы Явленного на Арбате лит. (12) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
28 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
29 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
30 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
31 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	

1857 ноябрь	Службы обязательные	Службы по приглашению
1 пятница Поминование боярина Ильи Морозова	Успенский собор панихида и лит. (30) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Космы и Дамиана в Н. Садовниках лит. (15)
2 суббота	ц. 12 Апостолов всен. (4)	ц. Николы Явленного на Арбате всен. (13)
3 воскресенье	Успенский собор утр. (весь хор) лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (4) ц. Николы Явленного на Арбате лит. (12) ц. Симеона Столпника на Поварской лит. (5) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
4 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
5 вторник Поминование императриц Екатерины I и Екатерины II	Вознесенский монастырь панихида и лит. (архиер.) (30) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
6 среда Преставление преподобного Варлаама Хутынского и царский день	Успенский собор утр. (25) лит. (25)	

1857 ноябрь	Службы обязательные	Службы по приглашению
6 среда	Чудов монастырь лит. и молебн (архиер.) (20) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	
7 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
8 пятница Собор архистратига Михаила и царский день	Успенский собор утр. (20) лит. (20) Архангельский собор лит. (архиер.) (16) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Тихона у Арбатских ворот лит. (архиер.) (16)
9 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Николы Явленного на Арбате всен. (15)
10 воскресенье	Успенский собор утр. (20) лит. (48) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (12) брак (15) ц. Николы Явленного на Арбате лит. (15) ц. Георгия на Варварке брак (50) ц. Николая Чудотворца на Пупышах брак (15) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
11 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
12 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	
13 среда Святителя Иоанна Златоуста	Успенский собор утр. (22) лит. (45) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4) всен. (13)	ц. Параскевы в Охотном ряду брак (25)
14 четверг	ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	Общество семенной торговли молебн с водоосвящением (10)
15 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	Покровский монастырь лит. и панихида (15)
16 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Николы Явленного на Арбате всен. (12)
17 воскресенье	Успенский собор утр. (20) лит. (45)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (12)

1857 ноябрь	Службы обязательные	Службы по приглашению
17 воскресенье	ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Явленного на Арбате лит. (12) ц. Троицы на Шаболовке лит. (16) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
18 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	дом графа Зубова две панихиды (10)
19 вторник Поминовение императора Александра I	Чудов монастырь панихида и лит. (архиер.) (20) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	дом графа Зубова две панихиды (10)
20 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Ржевской Божией Матери у Пречистенских ворот лит. и отпевание (архиер.) (45) ц. Сергия в Рогожской всен. (25) ц. Николая Явленного на Арбате всен. (12) дом. церковь кн. Трубецкого всен. (5)
21 четверг Введение	Успенский собор утр. (20) лит. (29) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (12) ц. Сергия в Рогожской лит. (12) ц. Николая Явленного на Арбате лит. (12) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
22 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Николая Явленного на Арбате всен. (40)
23 суббота	ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (12) ц. Николая Явленного на Арбате лит. (35) всен. (12) дом. церковь кн. Трубецкого всен. (10)
24 воскресенье Царский день	Успенский собор утр. (18) лит. (18) Чудов монастырь лит. (архиер.) (18)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (13) ц. Николая Явленного на Арбате лит. (12)

1857 ноябрь	Службы обязательные	Службы по приглашению
24 воскресенье	ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
25 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
26 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Ржевской Божией Матери у Пречистенских ворот лит. и панихида (весь хор)
27 среда Иконы Божией Матери Знамение	Успенский собор лит. (22) ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
28 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
29 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
30 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Николая Явленного на Арбате всен. (12) ц. Троицы в Полях всен. (12)

1857 декабрь	Службы обязательные	Службы по приглашению
1 воскресенье	Успенский собор утр. (24) лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (12) ц. Троицы в Полях лит. ранняя (12) ц. Николая Явленного на Арбате лит. (12) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
2 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
3 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Девяти мучеников под Новинским всен. (18)
4 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	ц. Девяти мучеников под Новинским лит. (18)
5 четверг Поминовение императоров Александра I и Николая I	Успенский собор панихида и лит. (30) Чудов монастырь панихида и лит. (архиер.) (18) Николо-Гостунский собор веч. (весь хор)	ц. Николая Явленного на Арбате всен. (15)

1857 декабрь	Службы обязательные	Службы по приглашению
5 четверг	ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	
6 пятница Святителя Николая и тезоименитство наследника Николая Александровича	Успенский собор утр. (24) лит. (20) Чудов монастырь лит. (архиер.) (16) Николе-Гостунский собор лит. (10) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой утр. (12) лит. ранняя (12) ц. Николы Явленного на Арбате лит. (12) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
7 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Николы Явленного на Арбате всен. (12)
8 воскресенье	Успенский собор утр. (20) лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (12) ц. Николы Явленного на Арбате лит. (12) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
9 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
10 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
11 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
12 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
13 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
14 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Николы Явленного на Арбате всен. (12)
15 воскресенье	Успенский собор утр. (20), лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (12) ц. Николы Явленного на Арбате лит. (12) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
16 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
17 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
18 среда	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
19 четверг	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
20 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	

1857 декабрь	Службы обязательные	Службы по приглашению
21 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Николая Явленного на Арbate всен.
22 воскресенье	Успенский собор утр. (20) лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. (12) ц. Николая Явленного на Арbate лит. (12) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
23 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
24 вторник Навечерие Рождества Христова	Успенский собор веч. с лит. (30) ц. 12 Апостолов утр., веч. с лит., всен. (4)	ц. Николая Явленного на Арbate веч. с лит. (12) всен. (12) дом. церковь кн. Трубецкого веч. с лит. (10)
25 среда Рождество Христово	Успенский собор утр. (30) лит. (архиер.) (25) Чудов монастырь утр. (архиер.) (12) лит. (архиер.) (18) ц. 12 Апостолов лит., веч., всен. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой утр. (12) лит. ранняя (12) ц. Николая Явленного на Арbate лит. (12) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
26 четверг Собор Пресвятой Богородицы	Успенский собор лит. (40) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (16) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
27 пятница	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
28 суббота	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Николая Явленного на Арbate всен. (12)
29 воскресенье	Успенский собор утр. (20) лит. (весь хор) ц. 12 Апостолов лит., веч. (4)	ц. Николая Чудотворца на Мясницкой лит. ранняя (12) ц. Николая Явленного на Арbate лит. (12) дом. церковь кн. Трубецкого лит. (10)
30 понедельник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч. (4)	
31 вторник	ц. 12 Апостолов утр., лит., веч., всен. (4)	ц. Николая Явленного на Арbate всен. (12) дом. церковь кн. Трубецкого всен. (10)

Пояснения

1 января — по случаю царского дня служба архиерейская в Чудовом монастыре — после литургии совершен молебен (без синодальных певчих); в Успенском соборе после литургии совершен (одними соборянами) молебен на Новое лето. В церковь Двенадцати Апостолов постоянно ходили на службы два баса и два тенора.

5 января — в полный состав служб в навечерие Богоявления входило освящение воды и многолетствование.

6 января — утренняя (всенощная) в 1 час ночи с литией и величанием, литургия в 8 часов утра и крестный ход; в связи с болезнью митрополита Филарета служил преосвященный викарий; крестный ход возвратился в собор около 12 часов.

7 января — по случаю царского дня совершены архиерейская литургия и молебен в Чудовом монастыре с участием архиерейских (чудовских) певчих.

8 января — после малой вечерни совершен (одними соборянами) молебен Богоматери.

1 февраля — по дневнику сакеллариев эта панихида была присоединена к панихиде 28 января.

3 и 4 февраля — царские дни в Чудовом монастыре.

19 февраля — в Чудовом монастыре совершена архиерейская служба в честь восшествия на престол Александра II; в 1858 году архиерейские службы совершены и в Чудовом монастыре, и в Успенском соборе с участием синодальных певчих; иногда соединяли эту службу с Чином Православия (если первое воскресенье Великого поста приходилось на февраль).

26 февраля — по традиции в Прощеное воскресенье протопресвитер испрашивал прощение у братии Успенского собора, а члены причта — у протопресвитера.

4 марта — в Торжестве Православия по традиции участвовали все отцы архимандриты московских монастырей, само торжество совершалось перед литургией.

31 марта — престольный праздник в Успенском соборе (придел Похвалы Пресвятой Богородицы); ранняя литургия совершалась в этом приделе.

9 апреля — Чин мирования: на малом освящении воды в церкви Двенадцати Апостолов синодальные певчие пели тропари Пятидесятницы и Успения Божией Матери.

15 апреля — по обычаю утреню, литургию и вечерню совершал митрополит; по древней традиции на литургии после чтения Евангелия (читал митрополит) трио мальчиков поет «Исполла эти деспота».

16 апреля — вероятно, в записях пропущена всенощная (накануне дня рождения императора) в Чудовом монастыре.

С 16 по 21 апреля на утренях пели соборяне, на литургиях — синодальные певчие.

21 апреля — в записях пропущена литургия с участием синодальных певчих в Успенском соборе.

7 мая — приезд императора Александра II в Москву; шествие с Красного крыльца Большого Кремлевского дворца в Успенский собор, служба в соборе.

8 мая — накануне праздника святителя Николая Чудотворца в Николо-Гостунском соборе вечерню, молебен, всенощную с литией и величанием совершали протопресвитер с братиею (вечерню и всенощную — с синодальными певчими).

9 мая — крестный ход через Тайницкие ворота на Москва-реку для водоосвящения.

21 мая — в этот раз крестный ход и литургию с молебствием совершил Владимирский преосвященный викарий с настоятелем церкви Владимирской иконы Божией Матери у Никольских ворот, ректором Московской духовной семинарии, протоиереем Леонидом, при пении семинарских певчих.

3 июня — литургию и вечерню в Успенском соборе служил преосвященный викарий.

23 июня — утренняя в 3 часа утра с полиелеем, благовест в один колокол, крестный ход вышел из Успенского собора в 9 часов утра; в 1853 году в крестном ходе в Сретенский монастырь участвовало 10 синодальных певчих, в архиерейской службе в монастыре — 16 певчих.

25 июня — по дневнику сакеллариев сначала совершена панихида, затем литургия.

27 июня — после литургии в Успенском соборе совершен молебен викториальный протопресвитером с братиею.

29 июня — престольный праздник в Успенском соборе (придел Петра и Павла), ранняя литургия в приделе не совершалась по случаю работ в соборе и разобранного иконостаса; в связи с этим с 28 июня ранние литургии вообще не служились, благовест к поздним литургиям совершался в 8 часов утра.

30 июня — храмовый праздник в синодальной церкви Двенадцати Апостолов.

1 июля — по дневнику сакеллариев в связи с подготовкой Успенского собора к коронаванию архиерейская служба по случаю царского дня совершена в Казанском соборе.

10 июля — в Успенском соборе служили также благодарственный молебен с многолетием.

15 июля — по случаю царского дня литургия и молебен совершены в Казанском соборе.

20 июля — в этот раз крестный ход, возглавляемый преосвященным Никанором, вышел из Архангельского собора; литургию в церкви Илии Пророка совершил митрополит.

22 июля — количество певчих на литургии в Успенском соборе не указано. По случаю высокаторжественного дня литургия и молебен совершены в кафедральном соборе Чудова монастыря.

28 июля — в этом году служба и начало крестного хода были перенесены в Чудов монастырь, откуда крестный ход вышел в 8 часов 40 минут; в Новодевичьем монастыре крестный ход встретил и совершил литургию митрополит; по возвращении в Чудов монастырь совершено окончание молебна с крестом из Успенского собора.

1 августа — перед началом крестного хода совершены в Успенском соборе утренняя, литургия и молебен; певчие поют «Спаси, Господи», трижды «Кресту Твоему» и стихиры.

14 августа — по традиции все старшее духовенство Москвы должно быть на вечерни в белом облачении; синодальные певчие на молебне поют канон.

25 августа — литургию в Успенском соборе по собственному желанию служил приезжий архиепископ.

26 августа — по случаю высокотожественного дня священного коронования их императорских величеств крестный ход перенесен на 27-е; в этот же день в Успенском соборе служилась вечерня с литией (в честь Владимирской иконы Божией Матери).

29 августа — накануне высокотожественного дня служилась всенощная.

8 сентября — по дневнику сакеллариев в день рождения наследника цесаревича Николая Александровича в Успенском соборе совершены архиерейская литургия и молебен.

5 октября — по дневнику сакеллариев в царский день и праздник в Успенском соборе совершены архиерейская литургия (пропущена в календаре Синодального хора) и молебен.

9 октября — панихида перед литургией; впоследствии панихиду служили по святым патриархам, похороненным в Успенском соборе.

12 октября — в записях пропущены архиерейские панихида и литургия в Архангельском соборе по императоре Петре II с участием синодальных певчих.

13 октября — по случаю царского дня перед литургией совершен молебен.

26 октября — престольный праздник в Успенском соборе (придел великомученика Димитрия Солунского); раннюю литургию в 7 часов совершил протопресвитер.

1 ноября — панихида совершалась ежегодно, служили протопресвитер с братиею.

8 ноября — царский день (тезоименитство великого князя Михаила Николаевича) и престольный праздник в Архангельском соборе; архиерейская литургия и молебен перед иконой Архангела Михаила.

30 ноября — в день апостола Андрея Первозванного (кавалерский праздник) синодальные певчие обычно поют литургию и молебен в Чудовом монастыре, а также утреню и литургию в Успенском соборе.

21 декабря — в день святителя Петра традиционно служатся литургия и молебен в Успенском соборе с участием синодальных певчих.

24 декабря — в навечерие Рождества Христова в Успенском соборе совершались: в 9 часов — царские часы протопресвитером и протодиаконем при пении братии; в 12 часов — вечерня и литургия пресвитером и братиею при пении синодальных певчих и многолетствование.

25 декабря — по традиции митрополит совершал утреню, литургию и молебен в Чудовом монастыре; в Успенском соборе литургию служил преосвященный викарий, молебен совершал протопресвитер с братиею.

31 декабря — в день отдания праздника Рождества Христова синодальные певчие обычно поют литургию в Успенском соборе.

В основе календаря лежат ведомости-отчеты регента Синодального хора Ивана Васильевича Виноградова за январь—июль 1856 года (РГАДА, ф. 1183, оп. 10, ч. IV, № 24 за 1856 год, л. 2—12, 14—17, 19—22, 24—27, 29—32, 35—38) и август—декабрь 1857 года (там же, № 20 за 1857 год, л. 42—45, 47—50, 52—55, 57—60, 62—65). Составителями добавлены указания праздников в первой колонке таблицы. Использованы также дневники сакеллариев Большого Успенского собора с записями архиерейских богослужений за 1855—1856 (Музей-заповедник «Московский Кремль», отдел рукописных, печатных и графических фондов, ф. 4, № 369) и за 1857—1865 годы (там же, № 370).

Приложение I

**Указание дней,
в которые богослужения в Успенском соборе
совершаются с полиелеем или со всенощным бдением и в которые
должны петь вместо братии синодальные певчие**

В январе:

на 9-е (святителя Филиппа митрополита Московского) молебствие после малой вечерни

на 11-е (Феодосия Великого) большая вечерня

14-е — отдание праздника Богоявления Господня

на 17-е (Антония Великого) большая вечерня

на 20-е (Евфимия Великого) большая вечерня

на 25-е (Григория Богослова) большая вечерня

на 27-е (перенесение мощей Иоанна Златоуста) большая вечерня

на 30-е (Собор вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста) большая вечерня с литиею

В феврале:

9-е — отдание праздника Сретения Господня*

на 12-е (святителя Алексия митрополита Московского) большая вечерня

на 24-е (1-е и 2-е Обретение главы Иоанна Предтечи) большая вечерня

В марте:

на 9-е (Сорока мучеников Севастийских) большая вечерня

В апреле:

на 23-е (великомученика Георгия Победоносца) большая вечерня с литиею

на 25-е (апостола Марка) большая вечерня

на 30-е (апостола Иакова) большая вечерня

В мае:

на 3-е (преподобного Феодосия Печерского) большая вечерня с литиею

* В «Уставе московских святейших патриархов российских... хранимом и поныне в точности соблюдаемом в первопрестольном Московском Большом Успенском соборе» о 9 февраля сказано: «В 9-й день отдание Сретению, благовест и звон в реут, а когда бывает в субботу мясопустную, и тогда отдание бывает не в девятый день, но в четвертый и в пятый день отдается» (Древняя российская вивлиофика. Изд. 2. Ч. X. М., 1789. С. 223). — *Сост.*

- на 9-е (перенесение мощей Николая Чудотворца) молебствие после малой вечерни в Гостунском соборе
на 10-е (апостола Симона) большая вечерня
на 11-е (равноапостольных Кирилла и Мефодия) всенощная*
на 15-е (царевича Димитрия) большая вечерня, утренняя с величанием
на 20-е (святого Алексея митрополита Московского) большая вечерня
на 21-е (царя Константина и Сретение Владимирской иконы Божией Матери) большая вечерня
на 25-е (3-е Обретение главы Иоанна Предтечи) большая вечерня

В июне:

- на 11-е (апостолов Варфоломея и Варнавы) большая вечерня
на 15-е (святого Иоанна митрополита Московского) молебствие после малой вечерни
на 19-е (апостола Иуды) большая вечерня
на 23-е (Владимирской иконы Божией Матери) большая вечерня с литиею
на 24-е (Рождество Иоанна Крестителя) всенощная
на 26-е (Тихвинской иконы Божией Матери) большая вечерня с литиею
на 27-е (виктория под Полтавой) всенощная
на 30-е (собор Двенадцати Апостолов) большая вечерня, утренняя с величанием

В июле:

- на 3-е (перенесение мощей святого Филиппа митрополита Московского) молебен после малой вечерни
на 5-е (преподобного Афанасия Афонского и Обретение мощей преподобного Сергия Радонежского) большая вечерня
на 15-е (великого князя Владимира) большая вечерня с литиею
на 24-е (мучеников Бориса и Глеба) большая вечерня
на 28-е (Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии) всенощная

В августе:

- на 2-е (перенесение мощей архидиакона Стефана и Василия Блаженного) большая вечерня
на 9-е (апостола Матфея) большая вечерня
на 13-е (отдание праздника Преображения) большая вечерня
на 16-е (перенесение образа Господня Спаса Нерукотворного) всенощная
на 19-е (Донской иконы Божией Матери) всенощная

* Архиерейская служба (литургия и молебен) святым равноапостольным Кириллу и Мефодию впервые была проведена в Успенском соборе по указу Св. Синода в 1863 году, службе предшествовала всенощная. — *Сост.*

- на 24-е (перенесение мощей святителя Петра митрополита Московского) большая вечерня с литиею
 на 26-е (сретение Владимирской иконы Божией Матери) большая вечерня с литиею^{*}
 на 27-е (Владимирской иконы Божией Матери) большая вечерня с литиею
 28-е — отдание праздника Успения Божией Матери^{**}
 на 29-е (Усекновение главы Иоанна Предтечи) всенощная всегда
 на 30-е (перенесение мощей Александра Невского) всенощная всегда

В сентябре:

- на 1-е (церковное Новолетие) большая вечерня
 12-е — отдание праздника Рождества Пресвятой Богородицы
 на 13-е (Обновление храма) большая вечерня
 на 21-е (отдание праздника Воздвижения) всенощная
 на 25-е (преставление преподобного Сергия Радонежского) большая вечерня с литиею
 26-е — (преставление Иоанна Богослова) всенощная
 на 28-е (преподобного Харитона Исповедника) большая вечерня

В октябре:

- на 5-е — (трех святителей Московских) большая вечерня с литиею
 на 6-е (апостола Фомы) большая вечерня
 на 18-е (апостола Луки) большая вечерня
 26-е — (Димитрия Солунского) всенощная

В ноябре:

- на 13-е (Иоанна Златоуста) всенощная
 на 14-е (апостола Филиппа) большая вечерня
 на 16-е (апостола Матфея) большая вечерня
 на 17-е (святителя Григория Чудотворца) большая вечерня
 на 23-е (благодарного князя Александра Невского) большая вечерня
 25-е — отдание праздника Введения Пресвятой Богородицы
 на 27-е (иконы Божией Матери Знамение) большая вечерня с литиею
 на 30-е (апостола Андрея Первозванного) всенощная

В декабре:

- на 3-е (преподобного Саввы Сторожевского) большая вечерня

^{*} С 1856 года по случаю коронавания государя императора Александра II празднуют со всенощной. — *Примечание П. И. Виноградова.*

^{**} В те времена отдание праздника Успения Божией Матери приходилось на 28 августа. — *Сост.*

на 5-е (преподобного Саввы Освященного) большая вечерня
 на 6-е (святителя Николая Чудотворца) молебен после малой вечерни
 на 13-е (Пяти мучеников) большая вечерня
 на 21-е (преставление святителя Петра) молебен после малой вечерни
 31-е — отдание праздника Рождества Христова

Дни, в которые литургию в Успенском соборе вместо братии поют синодальные певчие:

января 14 и 30	июля 15
февраля 9, 12 и 24	августа 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14* и 28
марта 9	сентября 1, 13 и 25
апреля 23	октября 9**
мая 11, 15, 20 и 25	ноября 1***, 13, 25 и 27
июня 26 и 30	декабря 31

Во время Великого поста: накануне празднования высокаторжественных дней; на первой неделе в среду и пяток, на пятой в четверг, пятницу и субботу, на шестой в пятницу и субботу, в неделю Страстную и Светлую и в отдание праздников Пасхи, Вознесения и Пятидесятницы.

Панихиды, неизменно совершаемые в субботу — пред Неделей мясопустной, на второй, третьей и четвертой неделях Великого поста, в Троицкую и Димитриевскую субботы, 9 октября и 1 ноября.

Комментарии

РГАДА, ф. 1183, оп. 4, № 516а. Расписание составлено по прежним записям сакелларием пресвитером московского Большого Успенского собора П. И. Виноградовым за подписью протопресвитера собора Димитрия Новского 9 сентября 1866 года. Документ представляет собой свод исторических данных, извлеченных из рукописных книг, находившихся в Синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеке. Составителями добавлены указания в скобках.

* С 8 по 14 августа совершались ранние крестные ходы из кремлевских храмов и монастырей в Успенский собор, синодальные певчие участвовали только в совершаемых в Успенском соборе литургиях. — *Сост.*

** В этот день служилась панихида по патриархе Филарете Никитиче с последующей литургией. — *Сост.*

*** В этот день служилась панихида по боярине Илье Морозове, служил протопресвитер с братией, пели певчие панихиду и литургию. — *Сост.*

Приложение II

Из репертуара Синодального хора 1850-х годов

Службы по Придворному Обиходу: вечерня, повечерие, утренья, все-нощная, литургия св. Иоанна Златоуста, литургия Преждеосвященных даров, часы, благодарственный молебен, панихида, венчание.

- Бортнянский Слава. Единородный Сыне (трехголосное и двухорное), Достойно есть, Отче наш (четыреголосное), Хвалите Господа с небес (трехголосное и № 2), В память вечную (двухорное), Радуйтесь праведнии (двухорное), О Тебе радуется, Благословлю Господа; Дева днесь, Архангельский глас, Ангел вопияше; ирмосы Великого канона (Помощник и Покровитель), Да исправится молитва моя (№ 2), Ныне силы небесныя (двухорное), Вкусите и видите (четыреголосное и двухорное), Воскресни Боже, многолетие (большое и малое), Исполла эти деспота; концерты: «Воспойте Господеви», «Господи Боже Израилев», «Гласом моим ко Господу воззвах», «Блажен муж бояйся Господа», «Восхваляю имя Бога моего», «Услыши, Боже, глас мой», «Скажи ми, Господи, кончину мою», «Да воскреснет Бог»; двухорные концерты: «Кто Бог велий», «Слава в вышних Богу», «Воспойте людие», «Утвердися сердце мое».
- Турчанинов Сподоби Господи, Ныне отпускаеши, Херувимские (№ 1—4), задостойники, О Тебе радуется, Вечери Твоя тайныя, Да молчит всякая плоть, Тебе одеющагося, Странствия Владычня, Не рыдай Мене, Мати.
- Львов архиерейская служба, литургия (левый лик), Херувимская, Милость мира (на литургии Василия Великого), Достойно есть (№ 2), Отче наш; Благослови, душе моя, Господа (на всенощной), Ныне отпускаеши, Хвалите имя Господне, Взбранной воеводе; задостойник на Рождество Христово, ирмосы знаменныя, ирмос Спасителю Богу, Христос рождается, Да возрадуется душа; концерты: «Приклони, Господи», «Услыши, Господи», «Возлюблю Тя».
- Березовский Верую.
- Воротников Ныне отпускаеши.
- Галуши Слава. Единородный Сыне.

Макаров	Ангел вопияше. Молебен партесный (неизвестного автора). Херувимская Симоновская.
По преданию	Канон Св. Пасхи. Канон молебный ко Пресвятей Богородице. Ирмосы на утрени и всенощной. Высшую небес. Отпевание.

Комментарии

Составлено по ежемесячным ведомостям-отчетам регентов И. М. Рыбасова, С. Ф. Котельникова и И. В. Виноградова о церковных служениях синодальных певчих за период 1853—1858 годов (РГАДА, ф. 1183, оп. 10, ч. 4, дела за 1853—1858 гг.).

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

Том II

Синодальный хор и училище церковного пения:
Исследования. Документы. Периодика

Книга 1

Издатель А. Кошелев

Корректор Е. Качалова

Подписано в печать 17.10.2002. Формат 70х100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервилл.
Усл. печ. л. 72,885. Зак. 182 Тираж 1000.

Издательство «Языки славянской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс; (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: Lrc-kozlov@mtu-net.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Облиздат»
248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5